ДЖОН БОЙНТОН ПРИСТЛИ

КЛАССИЧЕСКИЙ АНГЛИЙСКИЙ РОМАН

Добрые друзья

Добрые друзья
Джон Бойнтон Пристли

Аннотация
КНИГА ПЕРВАЯ
Глава 1. Мистер Окройд покидает дом
Глава 2. Мисс Трант отправляется в отпуск
Глава 3. Иниго Джоллифант цитирует Шекспира и уходит в ночь
Глава 4. Мистер Окройд в пути
Глава 5. Мисс Трант — почти второй Колумб
Глава 6. В которой Иниго встречает соратника и становится пианистом
КНИГА ВТОРАЯ
Глава 1. В которой они становятся «Добрыми друзьями»
Глава 2. Очень короткая и целиком посвященная репетициям
Глава 3. В которой дочь полковника Транта вступает в бой, оказывает упорное сопротивление и, в сущности, побеждает
Глава 4. Мистер Окройд в роли «загнанного человека»
Глава 5. Иниго прыгает с поезда и понимает, что влюбился

Глава 6. Черная неделя
Глава 7. Целиком похищенная из сумки почтальона
КНИГА ТРЕТЬЯ
Глава 1. Ветер в Треугольнике
Глава 2. Глава неожиданных встреч
Глава 3. Иниго в Стране чудес
Глава 4. Бенефис
Глава 5. Длинная и посвященная спасательным работам
Глава 6. Мистер Окройд едет домой
Эпилог,. или Небольшой постскриптум для тех, кому непременно надо знать последние новости

Аннотация

Впервые на русском языке — самый веселый, забавный и трогательный роман Джона Бойнтона Пристли.

Перед вами — занятная история очень необычной труппы странствующих актеров.

Благопристойная старая дева-антрепренер — и легкомысленный юный танцор.

Бывший школьный учитель — и завзятый враль музыкант.

Обаятельная супружеская пара — и красавица, обреченная рано или поздно стать настоящей звездой. Эксцентричная компания, которая, презрев тяготы кочевой жизни, отправляется на гастроли по провинциальной Англии.

Вперед! Навстречу успеху — или по крайней мере приключениям.

Хью Уолполу
В знак дружбы, которую не смогло по-
шатнуть даже сотрудничество

КНИГА ПЕРВАЯ

Глава 1
Мистер Окройд покидает дом

I

Там, далеко внизу, простираются Пеннинские горы — бугристый хребет Англии. Сначала их видно целиком, от Скалистого края до горы Кросс-Фелл, но постепенно мы спускаемся в середину горной гряды, и дербиширские и камберлендские холмы пропадают из вида. Промеж хлопкопрядильных фабрик Ланкашира и суконных фабрик Йоркшира вклинились торфяные пустоши — могучие ветра дуют над вересковыми зарослями и черными камнями, а в гулком воздухе по-прежнему кричат кроншнепы, как кричали еще до прихода римлян. Тут и там проблескивают небольшие горные озерца, которые теперь называют резервуарами. Летом здесь можно гулять, слушая жаворонков, и за целый день не встретить ни единой живой души. Зимой уже через час или два вы заблудитесь и, вполне вероятно, замерзнете насмерть, не дойдя каких-нибудь десяти миль до трамвайных путей Брадфорда или Бернли. Тут расположились Бодкин-Топ,

Хай-Грив, Блэк-Мур и Фор-Гейтс-Энд. Это совсем глухие деревушки, почти не изменившиеся со времен Вильгельма Завоевателя, но пока вы не увидите их собственными глазами, вам ни за что не почувствовать промышленно-торговый дух Йоркшира и Ланкашира и не понять, отчего так полюбились местным жителям «Мессия» Генделя и регби. Здешние места хранят множество тайн. У подножия холмов притулились клочки возделанной земли, прозванные «отхватами», — их вырвали из цепкой хватки торфяников, отсюда и название. Справа виднеется длинная полоса дыма, под которой ютятся городишки Западного Райдинга[1], а по дорогам, рельсам и каналам между фабриками путешествуют тюки с шерстью, очесами, тканями и пряжей. Все это тоже вполне можно назвать Отхватом.

Поначалу города кажутся лишь черной каемкой вересковых пустошей, скальной породой, причудливо и в избытке вышедшей здесь на поверхность, но, подъехав ближе, вы заметите сонмы высоких дымовых труб и вереницы домиков из чернеющего камня, похожие на зубчатые гребешки холмов. Эти обдуваемые вет-

[1] Примечания: 1

Западный Райдинг — историческая область Англии, входившая в состав графства Йоркшир. — *Здесь и далее примеч. пер.*

рами пустоши, эти темные звенящие долины, эти фабрики, крошечные дома и нелегкий труд «отхватывания» вскормили особое племя людей: крепких, кряжистых, чопорных и холодных. У них массивные выступающие подбородки и короткие верхние губы, они подчеркивают согласные, широко растягивают гласные, всегда говорят напористо и не боятся ничего, кроме загадочных правил местного этикета и любых проявлений чувств. Вечером в нижней части неба вы заметите необычные созвездия и ползущих к ним золотых жучков: это уличные фонари и трамваи на холмах. Вот только здесь это не просто фонари и трамваи, а маленькие аванпосты цивилизации в забытой Богом глуши, и потому от них веет чем-то смелым и романтическим. Однако сейчас не вечер, а разгар сентябрьского дня. Солнце освещает ближайший к нам городок, который теснится в узкой, взбегающей к пустошам долине. Должно быть, это Браддерсфорд[2]: на перепутье множества дорог виднеется ратуша, и любой, кто бывал в здешних местах, сразу узнает

[2] Примечания: 2

Браддерсфорд — вымышленный город, фигурирующий и в других произведениях Дж. Б. Пристли. Прототипом Браддерсфорда автору послужил родной Брадфорд, который в XIX веке стал международным центром текстильной промышленности и, в частности, производства шерсти.

ратушу Браддерсфорда с музыкальными часами, которые играют «Тома Боулинга»[3] и «Девицу из Ричмонд-Хилла»[4]. Про ратушу говорят, что это «изысканное здание в стиле итальянского Ренессанса», и оно всегда выглядит так, словно попало сюда по ошибке.

Верно, это Браддерсфорд. Смотрите, вон огромная фабрика «Холдсворта и компании», которую никогда не называли изысканной и ни к каким архитектурным стилям не причисляли, зато, судя по виду, ей тут самое место. На солнце сверкает Мидлэндский железнодорожный вокзал, а рядышком блестит стеклянная крыша Браддерсфордского Большого рынка — под его надежным кровом вы можете наскоро поесть, купить ботинки, сковороду, мятные леденцы, отрез на платье или пластинку с шуточными песенками. Приземистое здание слева от ратуши — Конгрегационалистский молитвенный дом Лейн-Энда, чудище, способное разом проглотить две тысячи человек, если им вдруг взбредет в голову

---

[3] Примечания: 3

«Том Боулинг» — известная песня Чарльза Дибдина о трагической гибели моряка, впервые исполненная в вест-эндском театре «Лицей» в 1789 году.

[4] Примечания: 4

«Девица из Ричмонд-Хилла» — популярная песня Джеймса Хука на слова Леонарда Макнелли, написанная приблизительно в 1790 году.

послушать «душевные песни и зажигательную службу». Та грязная полоса — либо канал Лидс-Ливерпуль, либо канал Эр-Колдер. Рядом рощица фабричных труб. По большей части они дымят раздумчиво и неторопливо, ведь сегодня суббота, и поток рабочих вылился из больших ворот на улицу четыре часа назад. Некоторые трубы не дымят вовсе; они притихли и стоят теперь как памятники ушедшей эпохе, потому что торговля давно не идет. Возможно, виной тому какие-нибудь парижские, лондонские или нью-йоркские модницы, одна из которых ужаснулась дурному вкусу другой: «Милая, сними это сейчас же!»; потом за ними повторили дамы попроще, а следом и вовсе немодные дамы последовали их примеру, в результате чего станки Браддерсфорда теперь стоят без дела. Да, торговля по-прежнему очень плоха… Но достаточно взглянуть на Браддерсфорд, и вы сразу поймете, что рано или поздно он обязательно выкарабкается: дождется удобного случая и расправит плечи, — такой решительный и мрачный у него вид. Впрочем, сегодня город думает вовсе не о шерсти и не о торговле.

Нечто странное творится на узкой оживленной дороге в западной части города. Она называется Манчестер-роуд; впрочем, чтобы попасть по ней

в означенный город, вам пришлось бы сперва залезть на обдуваемую всеми ветрами крышу Англии и провести часок-другой в компании кроншнепов. Странность же в том, что сейчас Манчестер-роуд не видно. Ее затопила серо-зеленая волна — волна матерчатых кепок.

Кепки эти пять минут назад покинули стадион футбольного клуба «Браддерсфорд юнайтед» (любимую команду здесь ласково величают «Юнайтами»): тридцать пять тысяч мужчин и мальчиков только что посмотрели их игру с «Болтон уондерерс». Откровенно говоря, большей части болельщиков здесь быть не должно. Сопоставив данные статистики с жалкими доходами местных жителей («Как прожить — верней, не умереть — на тридцать пять шиллингов в неделю»), вы легко догадаетесь, что эти люди не могут позволить себе плату за вход. Один шиллинг — изрядная сумма, когда половина фабрик работает три дня в неделю, а другие и вовсе простаивают. Даже самый сведущий экономист подивился бы, откуда у горожан взялось столько шиллингов. Живи этот экономист в Браддерсфорде, он бы все равно не узнал, откуда они берутся, но совершенно точно понял бы, зачем их наскребают. Сказать, что жители Браддерсфорда отдают последний

шиллинг ради игры двадцати двух наймитов, — все равно что обозвать скрипку деревяшкой со струнами, а «Гамлета» — бумагомарательством. За шиллинг «Браддерсфорд Юнайтед» явят вашему взору Искусство и Борьбу, сделают вас остроумным критиком, который метко судит о ярких моментах игры и способен оценить удачный пас, острый прорыв, молниеносный удар и вынос мяча защитником или вратарем. Вы уже не просто человек, а болельщик: у вас захватывает дух, когда мяч летит в ворота вашей команды, вы ликуете, когда нападающий мчится прямиком к воротам гостей, воспаряете духом, сникаете, торжествуете и сокрушаетесь, следя за илиадами и одиссеями футбольного мяча. Мало того, вас принимают в члены нового общества, где на полтора часа все становятся друг другу братьями, ибо вы не просто сбежали от лязгающих шестеренок опостылевшей жизни, от работы, жалованья, квартплаты, пособий по безработице, больничных, недовольных жен, хворающих детей, злых начальников и ленивых рабочих, а сбежали вместе со всеми соседями и приятелями, и теперь вы заодно с доброй половиной города: вопите, смеетесь, колотите друг друга по спине и снисходительно роняете замечания,

будто король мира. А всего только и надо, что протиснуться через турникет в совершенно новый и великолепный мир, раздираемый Борьбой и осиянный Искусством. Вам обеспечен недельный запас увлекательнейших тем для разговора, который стоит куда больше шиллинга. Человеку, пропустившему последний домашний матч «Юнайтов», следует входить в светскую жизнь Браддерсфорда на цыпочках.

Среди волны матерчатых кепок можно заметить одну необычную. Она не серая и не зеленая, а грязно-коричневая. В отличие от многих других, она не велика своему обладателю, а, скорее, чуть маловата, хоть он и сдвинул ее на затылок, будто ему жарко, — впрочем, так и есть. Эта кепка, а равно и голова, которой она давно уже не служит украшением, принадлежат жителю Браддерсфорда, ярому поклоннику «Юнайтов» по имени Ишшия Окройд. Своим необычным библейским именем он обязан отцу, долговязому цеховому мастеру, который делил свободное время между грехом и покаянием, то есть между пивной «Крэйвен Армс» и первометодистской часовней Лейн-Энда, где в день рождения второго сына услышал стих из Первой книги Паралипоменон: «Сыновья Озиила: первый Миха и второй Иш-

шия»[5]. Однако близкие и друзья зовут Окройда «Джессом». Он рабочий, крепко сбит, ростом чуть ниже среднего, не красив и не безобразен: нос картошкой, некогда густые усы поредели и поседели, а голубые глаза смотрят на мир хоть и благожелательно, но с намеком на удивление или недовольство (или на то и другое разом). Ему под пятьдесят, последние двадцать лет он живет в тени двух больших фабрик — такие районы здесь называют «фабричный двор» — по адресу Огден-стрит, 51. Вся округа знает его как тихого и порядочного человека. Сейчас он возвращается с матча домой, к субботнему чаю, который в его иерархии предпочтений уступает разве что воскресному ужину. Мистер Окройд сотни раз преодолевал этот путь — от стадиона до дома, — но сегодняшняя суббота в конце сентября для него особенная (хотя сам он об этом пока не догадывается). Мы застали мистера Окройда на пороге великих событий: Судьба и Случай готовят ему западню. Прямо у него под носом заманчиво болтается конец веревочки. Давайте же посмотрим, что будет с ним дальше.

---

[5] Примечания: 5

Библия. Ветхий Завет. Первая книга Паралипоменон. 23:20. В библейских цитатах сохранена пунктуация источника.

II

Неспешно шагая по Манчестер-роуд в плотном окружении соболельщиков, мистер Окройд поймал себя на думах о тщете жизни. Он вдруг пал духом, что вообще-то случалось с ним крайне редко. Возможно, причина заключалась в его физическом состоянии: он был потный, пыльный и усталый, с утра отработал смену на фабрике, пообедал в спешке, потом примчался на стадион и с тех пор ни разу не присел. Манчестер-роуд еще никогда не казалась такой тесной и душной; в толпе было не продохнуть. А что за матч! Мистер Окройд впервые пожалел, что пошел. Ни одного гола. Ни с той, ни с другой стороны. Даже гол в ворота «Юнайтов» немного оживил бы обстановку и встряхнул игроков. Первый тайм не порадовал: браддерсфордцы все бегали перед воротами «Уондерерс», да так и не забили — безобразие, а не футбол. Второй тайм принес сплошное разочарование: обе стороны почем зря пинали мяч — детская возня, право слово… Таким безрадостным думам мистер Окройд предавался, шагая в толпе по Манчестер-роуд, а ярдов через триста, когда людей вокруг стало поменьше, даже высказал их вслух: к нему обернулся старый зна-

комый, которого он ненароком пихнул в спину.

— Здра, Джесс! — поприветствовал тот мистера Окройда, вынув изо рта имитацию трубки-калабаша, и загадочно подмигнул.

— Здра, Джим! — ответил мистер Окройд. Это «здра» — очевидно, сокращенное от «здравствуй», — традиционное браддерсфордское приветствие. Звучит довольно угрожающе, что вполне понятно и объяснимо: с жителями Браддерсфорда шутки плохи.

— Ну, — заговорил Джим, сбавляя шаг, — чего думаешь?

— А чего тут думать! — Мистер Окройд цокнул языком, давая понять, что он думает о «Юнайтах».

— Эвон как обмишулились! Я-то ждал, наши ихних за пояс заткнут, — отметил Джим.

— И заткнули б, — сокрушенно проговорил мистер Окройд. — Заткнули б, коли б захотели! В жизни такого позора не видал. Раньше-то получше играли, даже намедни, когда Ньюкасл их подмял.

— Твоя правда! — кивнул знакомый. — Черт-те что, а не футбол. Скоро их школьники обыграют. Шиллинг на ветер, так-то… — Он умолк, задумавшись о потраченном зря шиллинге, а потом вдруг

заговорил с большим напором: — Видал нового нападающего — как бишь его, Макдермотта? На кой они его купили? Девка на поле, ей-богу! А сколько за него выложили, слыхал? Две тысячи фунтов!

Мистер Окройд выразительно хмыкнул.

— Две тысячи фунтов, шоб его! По сотне за каждый упущенный гол. Уотсон двадцати таких стоил — славный малый, ох славный! Оставили б его, он для них из шкуры вон лез. Выложили две тысячи фунтов, шоб этот Макдермотт мячиком побаловался! — Джим прикурил чудовищных размеров трубку и удовлетворенно задымил. Он только что нашел увлекательную тему для бесед, которая еще сослужит ему службу вечером, в пивной «Заяц и собаки», утром — в клубе рабочих восточного Браддерсфорда, а там, глядишь, и в понедельник, и во вторник.

Мистер Окройд шел молча, прибавив шагу в поредевшей толпе. На углу Манчестер-роуд и Шаттл-стрит они с приятелем встали: отсюда их пути расходились.

— Я вот как смекаю, Джесс, — авторитетно сказал знакомый мистера Окройда, ткнув в воздух мундштуком. Его тянуло пофилософствовать, а в таком расположении духа йоркширский акцент

у местных жителей становится еще крепче. — Будь у «Юнайтов» карман поуже, небось знатный вышел бы футболец! — Его взор затуманился, обратившись в далекое прошлое, когда спортсмены были беднее, а играли лучше. — Память-то мне не отшибло: раньше клуб на таких игроков не зарился, да и работа столько не стоила, стадион непутевый и прочая. А какой был футбол! Мы-то помним, а? Было на что посмотреть. Терь не то, что раньше, и эль с табачком уж не те — деньги на ветер, от оно как. Ну да ладно, чаю попьем — переживем! Веди себя хорошо, Джесс! — Он отвернулся: последнее напутствие было традиционным браддерсфордским прощанием.

— Бывай!.. — уныло протянул мистер Окройд.

Он забрался на верхний этаж трамвая, который должен был провезти его через центр города к остановке в нескольких сотнях ярдов от Огден-стрит, сел, сунул пустую бриаровую трубку в уголок рта и растерянно уставился в пустоту. Временами трамвай дергался, а с ним подавался вперед и мистер Окройд, после чего его тут же отшвыривало на твердую спинку сиденья. Мимо, отдавливая ему ноги, проталкивались крупные пассажиры с увесистыми свертками и острыми локтями. Проехать в трамвае по субботнему Брад-

дерсфорду — то еще удовольствие.

— Я всегда говорю: везут, как куль с картошкой, — сказал он тучной даме, втиснувшейся на сиденье рядом с ним. Она повернула к нему влажное багровое лицо — оказалось, это миссис Баттершоу, жена хозяина маленькой лавки в Вулгейте. Лавка была не простая: в ней продавали пищу и для души, и для тела. В одной половине торговали требухой и говяжьим студнем, а во второй музыкой — главным образом песенниками и дешевыми грампластинками. Приезжие часто останавливались у витрины лавки и хохотали, но мы-то знаем, как легко насмешить приезжих; все местные жители считали такое устройство магазина более чем разумным, ведь кто-то хочет требухи, а кто-то музыки, не говоря уж о тех, кому подавай все сразу.

— Ах, да это же мистер Окройд! — Для миссис Баттершоу он был не только постоянным покупателем (исключительно требухи), но и давним соседом. — Я вас не приметила. Как поживаете?

— Сносно, сносно, — ответил мистер Окройд, твердо решив держать язык за зубами.

— Я уже давно хотела вас спросить, — продолжала миссис Баттершоу, — да вы все не заходите. Как ваша Лили устроилась? Куда там ее занесло…

в Америку?

— В Канаду! — не без гордости выпалил мистер Окройд.

— А, в Канаду! Это одно и то же, верно? Просто одни говорят так, а другие эдак. Ну, хорошо ей там живется? Вот диво, только вчера ваша девчушка бегала к нам за песенками для пантомины — она у вас любит музыку, правда? — и вдруг глядь: выскочила замуж и уехала в Канаду!

— Все у нее славно, — сказал мистер Окройд, напустив на себя безразличный вид. — Давеча письмишко прислала. — Однако он умолчал о том, что письмо от Лили, начинавшееся словами: «Дорогие папа и мама! Решила написать вам несколько строк. У нас все хорошо, надеюсь, у вас тоже», лежало у него в кармане последние три дня, откуда его в любое время можно было достать и перечитать.

— Обжилась? — спросила миссис Баттершоу. Канада, по-видимому, была в ее представлении одним большим домом.

— Обжилась, как иначе! Годок уж минул, как уехала.

— Да вы что! Целый год! Быть не может! — При каждом рывке трамвая миссис Баттершоу выплевывала новое восклицание. — За кого ж она

вышла? Дай Бог памяти… Скоро собственное имя позабуду, честное слово!

— За Джека Клафа, младшего сынка старика Сэмми. Он еще служил портным у Шарпа.

— Ах да! — возгласила миссис Баттершоу. — Помню-помню. Он к нам частенько хаживал, шуточные песни покупал и прочее. Хороший парень, потешный такой, бойкий. Да и ваша Лили страсть какая бойкая!

— Что правда, то правда. Ее издалека слышно. — Мистер Окройд старался говорить безразличным тоном, однако голос его потеплел, а глаза озарились нежным светом воспоминаний. Он души не чаял в своей единственной дочке. Она была самым потешным младенцем, самым сообразительным ребенком и самой очаровательной девушкой в Браддерсфорде, да и вообще на свете. Все, что она делала или говорила, было чудесно. Даже капризничала — у Лили, надо сказать, на все было свое мнение — так умилительно и славно, что мистер Окройд невольно расплывался в улыбке.

— Вы, верно, скучаете по ней. Я уж сама соскучилась. Вот и Джо давеча спрашивал, как у нее дела. Он не знал, что она вышла замуж и упорхнула. Он вообще ничего не знает, до него все через

год доходит. — Однако в этих словах слышался легкий намек на то, что ее мужу, занятому требухой и музыкой, нет дела до подобных пустяков и что он — типичный рассеянный гений. — Такой милой девчушки я еще не встречала, мистер Окройд. А ведь все ваша заслуга.

Неожиданная похвала настолько поразила мистера Окройда, что он отбросил приличия и совершенно искренне проговорил:

— Скучаю — слов нет! От тоски прямо сердце заходится. Ведать не ведал, что буду по кому-нибудь так скучать. Дом без дочуры опустел…

Минуту или две они молчали. Оба поняли, что чересчур разоткровенничались и разговор вышел до неприличия сентиментальный, а добрым браддерсфордцам не след давать волю чувствам — это удел актеров, лондонцев и иже с ними. Мистер Окройд выглянул в окно.

Осеннее солнце только что преодолело крошечный мостик между днем и ранним вечером и готовилось творить чудеса. Настала пора волшебных метаморфоз: солнечные лучи сперва позолотили притихшие пустоши и ровно в тот миг, когда трамвай, миновав Центральную библиотеку и магазин уцененных товаров, подкатил к центру города, добрались до Браддерсфорда.

Весь город наполнился дымчатым золотом. Универмаг Холмса и Хадли, Мидлэндский железнодорожный вокзал. Шерстяная биржа, банк Барклая, мюзик-холл «Империал» — все засверкали на солнце, точно дворцы. Смитсонская площадь заколыхалась, словно Атлантика, а сам высокочтимый Эбинезер Смитсон, чей мраморный свиток мнился теперь картой Вест-Индских островов, предстал перед горожанами адмиралом елизаветинской эпохи. Дома на Маркет-стрит чудесным образом выросли и подставили солнечным лучам резной камень стен. Главную площадь озарило золотое сияние, и знаменитые часы на ратуше, празднуя наступление волшебного часа, громко зажужжали, встряхнулись и грянули самую разудалую из своих мелодий — «Девицу из Ричмонд-Хилла».

Со стороны могло показаться, что мистер Окройд, посасывая пустую трубку и растерянно глядя в окно, остался равнодушен к волшебному действу. Это отнюдь не так. Его рука принялась шарить в кармане куцего пальто и залезла бы еще глубже, не сиди рядом миссис Баттершоу — пассажиры такой толщины и не снились трамвайному департаменту. Словом, рука мистера Окройда не могла выудить из кармана письмо, зато убе-

дилась, что оно на месте, и спокойно вернулась на колено.

— А как поживает ваш сынок? — спросила миссис Баттершоу, с неодобрением глядя на склад «Хогглеби, сыновей и компании», заслонивший ей солнце.

Мистер Окройд тут же переменился в лице: оно приняло мрачное и язвительное выражение.

— Знать не знаю. Молчит, как рыба. Небось, хорошо поживает, раз ему хватает на бриолин, шикарные носки и барышень, у которых одни ухажеры на уме.

Жена мистера Окройда души не чаяла в Леонарде, однако сам он, по всей видимости, не питал к сыну большого уважения.

Миссис Баттершоу тоже.

— Видала его в среду, — строго проговорила она, — возле кинематографа. Стоял на углу с такой миной, точно весь район ему принадлежит. «Вон сын мистера Окройда», — говорю я Джо, но он его не знает. Он вообще никого не знает, хотя лавку мы без малого тридцать лет держим. Ну что за человек, право слово! «Скоро ты меня забудешь», — говорю. Показала ему вашего парня, а он и ляпни: «Ну, если это сынок Джесса Окройда, то не в отца он пошел, не в отца. Хлыщ, да и

только». «Нет, — говорю, — ты его не знаешь». Но я-то смекнула, куда мой клонит. Не любит он фанфаронов. А где Леонард работает? Все еще в цирюльне?

— Да, у Бобсфилла, в Вулгейте, — ответил мистер Окройд, ничуть не рассердившись на слова миссис Баттершоу.

— На харчах Бобсфилла больно-то не разжиреешь, — сказала она, подбирая свои сумки и пышные формы. — Терпеть не могу цирюльников, а этот — самый жадный из всей братии. За три пенса удавится, как пить дать! — Трамвай подъехал к остановке, миссис Баттершоу встала и вразвалку направилась к дверям.

Приняв обычную форму и размеры, мистер Окройд задумался о дочке и ее письме. С отъездом Лили дом по адресу Огден-стрит, 51 вдруг ужался и потемнел, из него пропал семейный дух, а трое его обитателей теперь просто жили, спали, ели и временами ссорились: Леонард с любящей мамочкой по одну сторону, а он, Джесс, по другую. «Не терпи, пап. И не смей им потакать. Береги себя», — прошептала Лили перед тем, как уехать и разбить дружный семейный союз. С того дня Джесс находил скорбное утешение в том, что не потакал жене с сыном и берег себя. Впрочем,

теперь и это его не радовало.

Мистер Окройд вынул письмо из кармана, но читать не стал. Он втайне надеялся, что там будет приглашение в Канаду, и готов был ехать по первому зову. Уж он-то, мастер на все руки, без работы не останется, а за полгода вполне можно скопить денег на билет. Но никакого приглашения в письме не было, ни намека. Он тешил себя мыслью, что дочка, конечно, позвала бы его и даже справлялась об этом у мужа, но Джек Клаф, пусть и славный малый, не захотел делить ее с отцом и ясно дал понять, что слышать ничего не желает. Раз или два мистер Окройд сам намекай на приезд — в шутку, конечно: «Вот была б потеха: твой старик — в Канаде!» — но на большее не отваживался. У дочери теперь своя жизнь, да и ребеночек вот-вот родится. Мистер Окройд последний раз взглянул на письмо, порвал его и спрятал клочки под сиденье.

Трамвай подъехал к трактиру «Черный лебедь» (в народе — «Грязная утка»), мистер Окройд вышел и, тяжело ступая, побрел в сторону Огден-стрит, до которой оставалось несколько сот ярдов.

Язык не поворачивался назвать Огден-стрит красивой улицей: длинная, серая и унылая, она

состояла из двух рядов одинаково безобразных черных домишек. Однако же и Огден-стрит было чем похвастать, а ее обитатели с гордостью утверждали, что крепко стоят на ногах. Отсюда еще можно было «пасть», и для некоторых Огден-стрит стала символом былого процветания. Во-первых, по ночам здесь никогда не раздавались крики или полицейские свистки. Во-вторых, все дома на ней были построены как положено: парадные двери выходили на улицу, не то что на Вельвет- или Мерино-стрит, где теснились лачуги «ленточной» застройки или дома «на две семьи», воздвигнутые по хитроумному проекту, который впихнул четыре жилых пространства на место двух и в свое время позволил нескольким горожанам обзавестись экипажем и свозить своих жен и дочерей на Парижскую выставку 1867 года. Обитатели Огден-стрит не брезговали общением с жителями «проходных» домов, зато у дам, умевших получать удовольствие от жизни, всегда был повод или великодушно пожалеть обосновавшуюся там приятельницу, или при случае поставить ее на место. Мистер Окройд, проживший здесь много лет, отлично все это знал, однако мысли его были заняты другим.

Дверь, ведущая прямиком в единственную

гостиную, стояла нараспашку. В комнате никого не было, но сверху доносились голоса. Мистер Окройд швырнул кепку на блестящий черный диван и услышал чье-то приветствие: «Здоро́во!» Он буркнул что-то в ответ, прошел в чулан для мытья посуды и быстренько умылся. Глаза еще щипало от хозяйственного мыла, когда мистер Окройд шагнул в столовую, с сомнением уставился на обеденный стол и невольно покачал головой. Его взору предстали жалкие остатки субботнего чая: три грязные чашки, сдвинутые на край стола, свидетельствовали о приходе гостей, а всю еду кто-то тщательным образом испробовал и отверг. На одном блюде лежало два бутерброда с маслом, на втором половинка чайного кекса с изюмом и раздавленная ватрушка с лимонной помадкой; а на третьем — о, вкуснейшее из лакомств! — консервированный лосось, точнее, розовая жижа, которая от него осталась. Мистер Окройд ковырнул вилкой эту жижу, опять покачал головой и тихо прицокнул. Потом снял с решетки томящийся чайник, поставил его на стол и призвал на помощь остатки быстро угасающего аппетита.

— Явился не запылился! — сказала миссис Окройд, спустившаяся встречать мужа. То была худая женщина с пылающими глазами, выступа-

ющими скулами, вздернутым носом, красным на кончике, и длинным подбородком, напоминающим водорез корабля. Больше всего на свете она любила сына Леонарда, и ничто не доставляло ей больше удовольствия, чем добродетельное причинение неудобств. «Я хозяйственная», — отзывалась она о собственной персоне; если за пять минут до прихода мужа ей удавалось завесить гостиную горячим выстиранным бельем, она была счастлива. Из друга и спутника жизни муж давно превратился для нее в досадную помеху, которая только и умела, что переворачивать дом вверх дном да требовать еды.

Помеха бросила на миссис Окройд быстрый взгляд и сразу поняла, что та чем-то довольна, но в любой момент готова закатить по этому поводу скандал.

— Небось Леонард отличился, — буркнул мистер Окройд себе под нос и угрюмо вывалил на тарелку содержимое консервной банки.

— Мы уже закусили, — сообщила миссис Окройд, входя в комнату.

— Я заметил, — сухо ответил ей муж. — Могли бы и меня подождать. Смотрю, вы тут пировали.

— Леонард вернулся пораньше. Привел с собой Альберта Таггриджа, и мы все вместе чаевни-

чали.

— Ах, Леонард! — Мистер Окройд сердито воззрился на жену. — И что ж он тут делал средь бела дня? Знать, по субботам в Вулгейте никто не бреется. — Поскольку большинство жителей Вулгейта только и брились, что по субботам, в словах мистера Окройда крылась горчайшая ирония.

Глаза его жены запылали пуще прежнего.

— Леонард больше не работает в Вулгейте! Уволился нынче утром. А до того сказал старику Бобсфиллу пару ласковых, чтоб ты знал, — гордо заявила она.

Мистер Окройд отложил вилку и нож.

— Ого! Получил отставку или сам вышел вон? Ну а дальше что? Совсем оборзел наш малый. Не много ль на себя берет?

В глазах миссис Окройд вспыхнуло ликование. Она повысила голос:

— А я тебе скажу, что дальше! Он будет работать у Грегсона. Сегодня от него ушел один цирюльник, так наш Леонард с понедельника будет заместо него. Ну, теперь что скажешь?

Мистеру Окройду было нечего сказать. Он знал заведение Грегсона, но сам в этой роскошной парикмахерской никогда не бывал. «Городская цирюльня Грегсона» находилась в центре Брад-

дерсфорда, меньше чем в двухстах ярдах от Главной площади, и там подстригали волосы лишь тем, чьи головы стоили целое состояние. Что тут скажешь?

— Два фунта и чаевые в придачу! — возгласила миссис Окройд. — Итого четыре фунта и десять шиллингов, а в хорошую неделю все пять. Клиенты там постоянные, сплошь фабриканты и коммивояжеры и прочая. «Ну, — грю, — таких деньжищ и твой отец никогда не приносил, а тебе всего двадцать четыре». Как же я удивилась! Чуть со стула не упала, когда они с Альбертом Таггриджем вошли в эту самую комнату!

— Ага, — вставил ее муж, — вот смотрю я, что они сделали с моим лососем, и тоже чуть со стула не падаю.

— Давай, давай! Бурчи! Так и надо! — язвительно вскричала миссис Окройд. — Когда в следующий раз сынок получит хорошую работу, я его сразу выпровожу за дверь, и дружка его заодно! Скажу, дескать, отец не велел вас кормить. Тебе небось еще и кофий подавай. Наши харчи такому богатею не по вкусу, он же по шиллингу на футбол выкладывает! Ему каждый вечер яичницу с ветчиной жарь, мясо с картошкой, а то! Деньжат-то куры не…

— Уймись, уймись! — взвыл мистер Окройд, всем своим видом показывая, что до смерти устал от жениной болтовни. Миссис Окройд фыркнула, собрала грязные чашки и тарелки, фыркнула еще раз и демонстративно ушла в чулан, где принялась изо всех сил греметь кухонной утварью. Лицо мистера Окройда приняло обычное выражение, он громко и разочарованно цыкнул зубом, после чего набил рот кексом и глотнул чаю.

— Знать, сегодня барышни Браддерсфорда шеи-то повыкручивают, — заметил он, когда жена вернулась, и кивнул на лестницу: — Альберт Таггридж еще у нас?

— Да. Леонард марафет наводит. Они вместе идут на танцы в «Зал на Шаттл-стрит».

Мистер Окройд мрачно улыбнулся:

— Так и думал. Сегодня на Шаттл-стрит разобьется не одно сердечко. Жестоко спускать их с поводка обоих разом, да еще в субботу. Барышням несдобровать! Тех, кого не охмурит Леонард, заарканит неотразимый Альберт. У остальных нет никаких шансов.

Миссис Окройд рассвирепела.

— А ты прям молодым никогда не был, Джесс Окройд! Чего на молодежь-то взъелся?

— Был-был, да и теперь не старик, кажись. Но за

юбками не ухлестывал. Сердцееды, не иначе, — волокиты с Шаттл-стрит! Тьфу!

То было весьма точное описание Леонарда и его приятеля Альберта. Вместе с ними и их поколением печально и неуловимо погибала целая эпоха. Сами того не зная, они были последними из фанфаронов, денди, хлыщей, вертопрахов и форсунов. На их исторической родине, в Вест-Энде, теперь уж не встретишь этой шатии-братии; их трости и желтые перчатки, бежевые пальто на перламутровых пуговицах, бриолин, духи и букеты, променад-концерты, дамочки с высокими золотыми прическами, пышными бюстами и озорными рюшами, — все это кануло в Лету, схлынуло вместе с последней волной шампанского, и уже почти забыта глупая разудалая песенка в размере шесть восьмых, их реквием: «Мальчики и девочки пляшут подшофе, на Пикка-дилли и Ле-естер-скве-ер». Но подобно тому, как волна моды, обрушившись на Мэйфэр[6], в конце сезона катится дальше, оставляя черные вазы и оранжевые подушки в гостиных все более глухих городков, так и традиция франтовства и волокитства, покинув старый дом, задержалась

[6] Примечания: 6
Мэйфэр — один из самых фешенебельных районов Лондона.

в Браддерсфорде, среди юношей вроде Леонарда и Альберта. Они посвящали жизнь нарядам и девицам, но прежде всего — девицам, поскольку законодателями мод, как Джордж Браммел[7], они быть не могли. На танцах, в местных парках и рощах, кинотеатрах и мюзик-холлах они строили девушкам глазки, поджидали их и обнимали, выслеживали на пляже Бридлингтона, на пирсе Моркама и в танцевальных залах Блэкпула; они даже добирались до Дугласа, что на острове Мэн, где поили барышень шампанским за восемнадцать пенсов бокал и прочими будоражащими кровь напитками. Они знали и часто обсуждали промеж собой разницу между фабричными работницами Брадфорда и Хаддерсфилда, между портнихами Лидса и продавщицами Манчестера; они в совершенстве овладели искусством обольщения и, несмотря на юный возраст, стали опытными стратегами в войне против женского целомудрия и рассудительности. Они без устали гнали своих невинных жертв по темным джунглям Вест-Энда, но добыча им быстро на-

[7] Примечания: 7

Джордж Браммел (1778–1840) — английский щеголь, законодатель мод в эпоху регентства, наиболее яркая из фигур денди (именно он ввел в моду современный черный мужской костюм, который стал деловой и официальной одеждой).

скучивала. В конце концов большинство из них «попадались на крючок» и покидали жизнь, полную великих побед и завоеваний, толкая перед собой детскую коляску.

Молодые люди спустились в гостиную. Леонард шел первым, все еще оглаживая лиловый шелковый галстук. Это худой юноша, с тщательно уложенными и напомаженными кудрями, с уже волевым взглядом, еще безвольным языком и досадной россыпью прыщей на лбу. Его друг Альберт — писарь у Свалланса, самого крикливого и нечистого на руку аукциониста в городе. Альберт крупнее и шумнее Леонарда, любит при случае блеснуть манерами и повадками своего начальника. Поскольку у него нет родных в Брадерсфорде, он снимает комнату в нескольких улицах от Огден-стрит, где якобы терпит всяческие унижения. Вот уже несколько раз Леонард и миссис Окройд порывались сдать ему одну из комнат, но мистер Окройд, который не желает пускать жильцов и еще меньше хочет видеть в доме Альберта, гневается при малейшем намеке на этот разговор.

— Ах ты, Леонард! — вскричала миссис Окройд, вытирая руки полотенцем. — Лондонский денди, ни дать ни взять! — Ей было так же приятно

полюбоваться сыном в новом шоколадном костюме, лиловых носках и галстуке, как самой сходить в кино.

— Непыльненько, ма, — важно ответил Леонард, постукивая сигаретой по руке.

— Так-так-так! — заорал Альберт, подмигивая мистеру Окройду, в эту секунду отодвигавшему стул. — Какие люди, какие люди! Наш веселый стариканчик, завзятый футбольный болельщик! Ну, сколько голов забили сегодня «Юнайты»? — Он подмигнул всем присутствующим.

Мистеру Окройду захотелось что есть сил пнуть Альберта, но он лишь склонился над своей трубкой и пачкой «Старого моряцкого».

— Ничья. Ноль-ноль.

— Стало быть, неважнецки сыграли? Что скажешь, Лен? — Альберт подошел к камину и встал, широко расставив ноги. — Старым «Юнайтам» лучше подналечь, а то не видать им моих деньжат!

— Пожа-алуй, пожа-алуй, — ответил Леонард, порой веселивший публику пародиями на опереточных герцогов. Сейчас как раз настала такая пора.

— Так-то, так-то! — подхватил Альберт.

Мистер Окройд напустил на себя вид человека,

уставшего от выкрутасов молодежи, с демонстративной важностью раскурил трубку и с облегчением выдохнул облако дыма.

— Что ж, придется им сдюжить и без твоих деньжат, Альберт, — с большим удовольствием съязвил он. — Авось как-нибудь да протянут, хотя, чую, нелегко им придется. Ты им уже сообщил или обождешь, пока сами узнают?

Тут миссис Окройд с Леонардом ушли в чулан и стали там перешептываться. Альберт внимательно слушал, после чего открыл встречный огонь:

— Новость слыхали? Лен устроился на новую работу. Славное дельце, ох славное! Я и сам на прошлой неделе получил повышение. Славное дельце! Мы делаем деньги, мистер Окройд, делаем деньги. Что скажете?

Мистер Окройд не нашелся с ответом: тема была ему неприятна. Он вынул изо рта трубку, внимательно ее осмотрел, перевел взгляд на Альберта и тихонько спросил, не продавал ли больше Свалланс шкафов красного дерева. Вопрос был с издевкой, поскольку из-за одного такого шкафа мистер Свалланс однажды влип в серьезную переделку, и об этой истории даже написали в «Браддерсфорд ивнинг экспресс».

Впрочем, Альберт и ухом не повел.

— Ну, уймитесь, старина, уймитесь! Всем известно, что у каждого ремесла свои хитрости. Я тут подыскиваю себе комнатушку, слыхали?

— Слыхал.

— И? Не хотите впустить лучик солнца в этот старый дом? Нет? Я приятный собеседник и надежный плательщик, деньги на бочку каждую пятницу.

Мистер Окройд покачал головой:

— Не выйдет, сынок.

— Деньги на бочку каждую пятницу! — с напором повторил Альберт. — И семья довольна.

— Не пойдет. Нам не нужны жильцы. В округе много комнат сдают, поищи в другом месте. Нам жильцов не надо.

— Ах, не надо, значит?! — встряла миссис Окройд, воинственно подбоченившись в дверях чулана.

Муж смерил ее суровым взглядом и повысил голос:

— Не надо!

— А мы думаем, что очень даже надо.

— Так передумайте! — решительно заявил мистер Окройд и, прежде чем кто-либо успел ответить, взял с дивана кепку, нахлобучил ее и вышел вон.

Мистер Окройд сказал себе, что хочет немного прогуляться, выкурить еще трубочку «Старого моряцкого» и прочесть утренний номер «Ивнинг экспресс спортс». Однако в глубине души он чувствовал приближение перемен и боялся их. Дав решительный выстрел из своей единственной пушки, мистер Окройд был вынужден отступить. Всю дорогу по Огден-стрит он прокручивал в голове одну фразу: «Таких деньжищ твой отец никогда не приносил», и свое нынешнее положение ему совсем не нравилось.

III

Выходной не заладился с самого начала. Мистер Окройд никак не мог избавиться от неприятного осадка, оставшегося после субботы; будущее не сулило ничего хорошего. Предчувствие беды, словно дьявольский черный пес, ходило за ним по пятам. Обычно он с удовольствием выкуривал трубочку или две за чтением «Ивнинг экспресс спортс», узнавая, как «Келли выбил мяч на левый фланг противника», а «Макдоналд сделал навес из центра поля, но вратарь гостей вовремя преломил атаку». Однако субботней ночью мистер Окройд долго вертелся на уютных розовых простынях. Вечером черный пес ходил за

ним в центр города и даже пробрался в кабаре «Пивная бочка», где мистер Окройд выпил полпинты горького и послушал тенора с багровым лицом, жертву двух страстей: к «возлюбленной Дорин» и «родным пенатам, ветхому домишке». Пес не покинул его даже в забегаловке «Рыба и картошка Твейтса» (вообще-то она называлась «Вест-Эндская закусочная», но никому не было до этого дела) — там мистер Окройд съел жареной картошки на три пенса и рыбий хвост, а заодно обменялся соображениями об игре «Юнайтов» с Сэмом Твейтсом, блистательным футбольным критиком.

Утро воскресенья тоже прошло неладно. За завтраком он повздорил с родными из-за Альберта Таггриджа. Потом впервые не получил никакого удовольствия от «Империал ньюс» — газеты, за чтением которой два миллиона британцев проводят каждое воскресное утро. Он без особого интереса прочел статью «Черные тайны европейских судов», затем «Что увидел муж» и «Бесчинства на боксерском ринге», но даже самые громкие расследования, самые возмутительные скандалы его не порадовали. В полдвенадцатого он отправился в клуб рабочих Вулгейта и не успел сесть за стойку с кружечкой пива, как узнал

отвратительную новость: местным отделением профсоюза работников текстильной промышленности теперь заправляет молодой Мондери. Мистер Окройд и так был не в ладах со своим профсоюзом, а назначение Мондери, молодого фанатика с топорной физиономией, горячего сторонника русских методов, означало, что дела пойдут совсем худо. Пару недель назад в этом самом клубе мистер Окройд ввязался в долгий оживленный спор, к концу которого поверг своего противника в ужас, назвав «пролетариат» (этот термин Мондери по делу и без дела ввора-чивал в каждую фразу) «гнусным словечком». Кое-как допив пиво, мистер Окройд отправился домой обедать, но обед прошел в безрадостной тишине. Он понял, что вряд ли еще когда-нибудь полакомится жениной стряпней. Днем мистер Окройд на пару часов забылся беспокойным сном, потом вдруг решил прогуляться в парке, на полдороге устал и вернулся домой, где в одиночестве, пыльный и мрачный, выпил чаю. Леонард куда-то уехал, а миссис Окройд чаевничала со знакомой прихожанкой в Вулгейтской конгрегационалистской часовне. Мистер Окройд попил, поел и рассеянно выкурил две трубки «Старого моряцкого», предаваясь горестным думам о пре-

вратностях судьбы.

Часам к семи он наконец сообразил, как проведет вечер: навестит близкого друга из Уэбли, Сэма Оглторпа. Приняв это решение, он сразу повеселел, потому что поездка в Уэбли, который находится почти у самого края пустошей, в добрых четырех милях от Браддерсфорда, — настоящее дело и маленькое приключение, а Сэм наверняка дома и будет рад гостю. Мистер Окройд еще не знал, что этот сиюминутный порыв — не просто маленькое приключение, а начало великих событий; конец веревочки болтался в черной пустоте его жизни совсем рядом, только руку протяни, а Судьба уже взялась за работу. Нет, мистер Окройд не догадывался об этом, пока умывался над раковиной в чулане, шагал к трамвайной остановке, ехал и вновь шагал к Уэбли.

Сэм действительно был дома и обрадовался другу. Они вместе сходили на выгул и проведали куриц. Много лет подряд они работали в транспортном цехе «Хигдена и компании», но два или три года назад разлучились: дядя, хозяин винной лавки, оставил Сэму наследство в четыреста фунтов, и тот раз и навсегда ушел от Хигдена. Теперь он был сам по себе — гордый владелец большого птичьего выгула, уютного домика и вывески с

надписью «Любые столярные работы и мелкий ремонт в кратчайшие сроки». Вот почему мистер Окройд смотрел на друга с завистью и восхищением: ему тоже хотелось раз и навсегда уйти от Хигдена, сбежать от почасовой оплаты, бригадиров и властного воя фабричной сирены. Глубоко в душе он мечтал повесить на дверь собственную вывеску, которая сделала бы его, Иш. Окройда, свободным ремесленником и независимым человеком. И ведь работал он куда лучше Сэма: дайте только пилу, молоток и несколько гвоздей — он горы свернет. Но благодаря зажиточному дяде Сэм сумел встать на ноги, а он так и застрял на фабрике, застрял по самые уши, и хорошо еще, что Хигден его терпит.

Осмотрев последнюю курицу, они с Сэмом уютно закурили по трубочке и распили кувшин пива. Они сидели не в гостиной мистера Оглторпа — в Уэбли всякий скажет вам, что его дом предназначен для еды и спанья, но никак не для дружеских посиделок, — а в совмещенной с курятником мастерской. Если вам охота узнать, что думают о жизни свободные люди Браддерсфорда и окрестностей, советую прислушаться к разговорам, доносящимся по вечерам из курятников. В курятнике местные жители дают волю чувствам.

Вот и Сэм дал им волю, заговорив о планах на будущее, курицах, столярной мастерской и мелком ремонте — а мистер Окройд внимательно и восхищенно внимал. Но скоро и ему захотелось вставить словечко. Почувствовав это, мистер Оглторп, славный человек, дал приятелю подсказку.

— Да уж, — проговорил он в неспешной и раздумчивой манере, свойственной всем ремесленникам, — вот так оно обстоит в Уэбли, да и в Браддерсфорде тоже. А ты когда-нить думал, Джесс, как живут на югах? Там все малость подругому, а?

Мистер Окройд мигом преобразился, услышав ключевое слово: «на югах». Тут ему было что рассказать: если мистер Оглторп был свободный ремесленник, который мог курить трубку когда вздумается, владелец собственной вывески и куриц, то мистер Окройд слыл бывалым путешественником — в свое время он поездил по стране и мог рассказать другу немало интересного, ведь тот никогда и никуда не выезжал. Только в компании Сэма мистер Окройд чувствовал себя настоящим странником. Он нечасто покидал Браддерсфорд, однако порой устраивал себе маленькие каникулы в Моркаме, Блэкпуле или Скарборо, иногда ездил на футбольные матчи

в Манчестер, Ньюкасл и Шеффилд, а однажды совершил чудесную полуночную экскурсию по Лондону, побывал в соборе Святого Павла, на Лондонском мосту и уснул в закусочной; еще ему довелось целых полгода проработать в Лестере, где его фабрика открыла филиал, и с тех пор он любил говорить, что жил «на югах». То была еще одна мечта мистера Окройда, наряду с мечтой о собственной вывеске: путешествовать, колесить по стране, менять города как перчатки, а потом рассказывать, как жил там-то и переехал туда-то. И хотя мистер Окройд мало где бывал — да и вряд ли уж побывает, — он умело повторял манеру разговора завзятых путешественников. Те полгода в Лестере он жил на улице, почти неотличимой от Огден-стрит, и работал на точь-в-точь такой же хигденской фабрике, только чуть меньше и чище. Однако фразу «на югах» он произносил так, словно она навевала воспоминания о странствиях по тропикам и совершенно другой, сказочной жизни.

— Да, там все по-другому, Сэм, — сказал мистер Окройд, пытаясь припомнить хоть какое-нибудь подтверждение своим словам. — Совсем иначе, верно говорю.

— Погоди чуток, сейчас расскажешь! — вос-

кликнул Сэм и потянулся за кувшином. — Сдается, тут еще осталось по глоточку. — Он поднес к трубке спичку и многозначительно взглянул на друга. Его честное красное лицо озарилось ярким пламенем.

— Значится так, — начал мистер Окройд, но потом передумал, глотнул еще пива и помолчал с минуту. — Что я могу сказать… Ты спрашиваешь, как обстоят дела со столярными работами и мелким ремонтом на югах, верно?

— Верно, Джесс, — глубокомысленно изрек мистер Оглторп.

— Ну, вот что я скажу: может, там и не рай, но получше нашего будет. Смекаешь?

Сэм смекнул, принял совсем уж глубокомысленный вид и уютно задымил короткой глиняной трубкой. Минуту или две они молчали. Мистер Оглторп принялся разжигать очень старую и чадящую керосиновую лампу под потолком, а потом сказал:

— Там совсем по-другому, Джесс. Я б нипочем не приноровился. Но для тебя самое оно.

— Я б не отказался от перемен, Сэм.

— Глядишь, через неделю тебя и след простынет, — хитро проговорил мистер Оглторп, словно наконец раскусил намерения друга.

— Как знать, как знать, — ответил мистер Окройд, не собиравшийся раскрывать карты даже в курятнике Сэма. Однако поздний час и соответствующий настрой развязали ему язык: он сделал мечтательное и одновременно грустное лицо, подался вперед и произнес: — Скажу не тая, Сэм: славно было б повидать мир, покуда я совсем не одряхлел.

— Ты уж повидал, Джесс, — с гордостью ответил мистер Оглторп, как будто дружба с этим необыкновенным человеком и его делала бывалым странником.

— Не так уж много я видел, ежели подумать.

— Ха, ты на меня посмотри! — вскричал мистер Оглторп. — Я дальше Уэгерби нигде не бывал, да и там только на скачках. А, нет, вру: раз поехал в Саутпорт, на море поглядеть. Но моря я не увидал, ни капли. Так что это не считается.

— Да, надо малость развеяться, — продолжал мистер Окройд, — посмотреть, как люди живут, пока ноги слушаются. Браддерсфорд уже в печенках сидит, Сэм. Так и тянет отсюда.

— А куда думаешь поехать, Джесс? Опять на юга? Что хочешь увидеть?

— Даж не знаю, — угрюмо ответил мистер Окройд. — Хочется чего-нибудь новенького. Мож,

хоть на Бристоль гляну, а?

— М-м… Бристоль!

— Или съездить, что ли, в Бедфордшир, — наугад добавил мистер Окройд.

Его друг покачал головой.

— Ничего не слыхал про это место, — мрачно заметил он. — На что там смотреть-то, в Бедфордшире, а?

— Знать не знаю, — ответил мистер Окройд с легким нетерпением в голосе. — Но посмотреть все одно стоит. Съездить да глянуть, есть там что али как. И вот еще, Сэм: в Канаду меня тянет, ох тянет!

— Нет, ты туда не поедешь! — Мистер Оглторп, восхищенный безрассудством друга, хлопнул себя по колену. — А если и поедешь, сразу запросишься обратно. Там будто бы и горло промочить нечем, и снег без конца валит. Денег полно, а тратить не на что. Нипочем не поверю, что ты в такую даль собрался.

— У меня ж дочура там, Сэм.

— Эвона как! Запамятовал я. Но вот что я тебе скажу, Джесс: был бы ты закупщиком шерсти, мог бы объездить всю Канаду да еще денег за это отхватить! Вот тогда было б славно.

— Пожалуй, — угрюмо согласился мистер

Окройд. — Своя машина, жалованье двадцать фунтов и никаких забот, знай себе разъезжай…

В эту секунду раздалось громкое «Здорово!», и кто-то заглянул в дверь.

— Кто там? А, ты, Тед? Входи, входи. Знаком с моим племяшом, Джесс?

Тед устроился на старой клетке, и мистер Оглторп продолжал:

— Нашему малому есть что рассказать о странствиях, Джесс. Он дома и пяти минут не сидит. На грузовике всю страну исколесил, верно я говорю, Тед?

Тед, совладелец грузовика и крошечной фирмы «Уэбли транспорт», у которой только один грузовик и был, признался, что ему и впрямь есть что порассказать.

— Вот чем тебе надо заняться, Джесс, — заметил мистер Оглторп, зачем-то подмигнув племяннику. — Куда едешь на сей раз, малой?

— Выезжаю завтра, — ответил Тед. Он был немногословен и предпочитал разговаривать, как чревовещатель — не вынимая изо рта сигареты. — Загружаюсь в Браддерсфорде, на фабрике Мэрриуэзера, что на Тапп-стрит. Потом еду в Нанитон. Всю ночь за баранкой просижу.

— Во сколько выезжаешь? — спросил мистер

Оглторп тоном адвоката, заранее знающего ответ.

— Часов в десять или в одиннадцать, мож в полночь, — ответил Тед. — Мэрриуэзеру неймется, потому нас и наняли. Ехать всю ночь, выгружаться рано утром. Работенка та еще.

— Слыхал, Джесс? «Работенка та еще»! — возликовал мистер Оглторп.

— Да, мне в самый раз, — пробормотал мистер Окройд.

— Ему в самый раз, — сказал мистер Оглторп племяннику. — Может, найдешь ему работу на грузовике, а?

— Пустая затея, — ответил юноша. — Нет, пусть едет, конечно, мне не жалко. Сам будет не рад. Неча там делать. Я везде был: в Манчестере, Ливерпуле, Ньюкасле, Лестере, Ковентри, даже в Лондоне два раза. Уйму городишек по стране объездил. Неча там делать, уж и тошно от них. Везде один расклад, все города одинаковые, коли приглядеться.

— Чтоб мне пусто было, если оно так! — горячо возразил мистер Окройд. — Может, ты и поболе моего видал, да, знать, не туда смотрел. Разные они, как небо и земля. Я это быстро смекнул, пока на югах жил.

— Дело говоришь, — кивнул мистер Оглторп. — Джесс часто рассказывал: жизнь там другая. Сам я нигде не бывал, но ты брось говорить, будто везде все одно. Сам посуди, даже Уэбли ни капли не похож на остальные городишки под Браддерсфордом. Прямо диву даешься, какие они разные! Если Браддерсфорд похож на Лидс или Галифакс, то я — Билли Бакстер.

— Кто такой Билли Бакстер? — спросил Тед на свое горе.

— Что?! Ты не слыхал про Билли Бакстера? — возликовал его дядя. — Ну и ну! Билли Бакстер — это ж тот самый малый, который каждый раз как встанет, так обязательно на ноги! — С этими словами мистер Оглторп принялся колотить себя по груди, трясти головой, плеваться и кашлять, пока у него не иссякли силы.

— Давно ты таких спектаклей не устраивал, Сэм, — одобрительно сказал мистер Окройд. — А Тед сегодня научился уму-разуму, верно?

Не вынимая сигареты изо рта, Тед покачал головой и громко зацокал. Он ничуть не смутился — столь многоопытному человеку не след обижаться на глупые шутки, — но понял, что на сегодняшний вечер растерял весь свой авторитет. Он сердечно хлопнул дядюшку по спине и

поспешно удалился.

Мистер Окройд выкурил еще трубочку и в сопровождении друга отправился в темноту — час был уже поздний, — на конечную остановку трамвая. Трамвай довез его только до окраины Браддерсфорда и со стоном укатил в депо. Остаток пути мистеру Окройду пришлось идти пешком. По воскресеньям он любил ложиться пораньше, но сегодня ему даже думать не хотелось о завтрашнем утре, особенно после разговора со свободным ремесленником и завзятым путешественником. Вечер был приятный, усталости мистер Окройд не чувствовал. Сдвинув на затылок старую коричневую кепку, он отправился в путь, тихонько насвистывая и наблюдая за тенями, которые то расползались, то сходили на нет от фонаря к фонарю. Да, он возвращался в рабство, но впереди его ждал целый вечер, и можно было вообразить себя кем угодно: хоть хозяином вывески «Столярные работы и мелкий ремонт», хоть владельцем грузовика, отправляющегося в Бристоль или Бедфордшир, хоть любящим отцом, уезжающим в Канаду навестить дочку. В таком умиротворенном расположении духа мистер Окройд шагал домой.

Он шел по району Мертон-Парк — самому фе-

шенебельному пригороду Браддерсфорда, где в роскошных особняках жили коммерсанты, фабриканты и банкиры. За заборами садов и между фонарями росли деревья, так что на мостовых лежала кружевная тень. То и дело откуда-нибудь доносились звуки фортепиано, мимо проехало два-три автомобиля. В самых темных закутках шептались и целовались — парочки Браддерсфорда давно облюбовали Мертон-Парк. Впрочем, мистеру Окройду они попадались нечасто: в этот поздний час на Лиройд-авеню, самой длинной и зеленой из здешних улиц, было уже тихо. Однако именно в конце Лиройд-авеню, у поворота на Парк-драйв, начались удивительные приключения мистера Окройда.

Ступив из светлого пятна под фонарем в темноту, он тут же споткнулся и рухнул на мостовую.

— Это еще что… — начал было он, потрясенный и напуганный.

— Ш-ш, ш-ш! — проговорил кто-то прямо ему в ухо. — Негодник эдакий!

Мистер Окройд поднялся на ноги и уставился сквозь мрак на незнакомца.

— Ну-кась, мистер, вставайте.

Мистер захихикал:

— Не могу! Никак не могу!

— Не валяться же вам тут всю ночь, мистер, — урезонил его мистер Окройд, сообразивший, в чем дело. — Теперь смогете?

— Не знай, не знай… — раздумчиво ответил незнакомец. — Смогу или нет, кто знает? — И с великой печалью в голосе добавил: — Никто не знает. И никому, никому на швете нет дела. Никому. — Это пафосное наблюдение окончательно выбило его из колеи.

— Знатно вы нагрузились, мистер! — сказал мистер Окройд, протягивая ему руку. — Вставайте, вставайте. Так не пойдет. Берите руку и поднимайтесь.

— Верно. Протяни мне руку, руку дружбы и поддержки. Ну-ка, взяли! — И с помощью мистера Окройда он поднялся на ноги, хлопнул того по плечу, чуть было не свалился опять, но, вцепившись в услужливого спутника, заковылял по дороге. Они подошли к фонарю: незнакомец оказался крупным краснолицым мужчиной в клетчатом костюме, сшитом по последней моде, светло-серой фетровой шляпе и штиблетах.

— Шлавный ты малый! — вскричал он. — Ох шлавный! А я… я тоже шлавный, оба мы молодцы. Как тебя звать? Меня Джордж. Я замечта… замеча… здорово провел вечер! Прошто здорово!

Был в отъезде почти неделю. На шкачках, ага. Я большой любитель шкачек. Был в Донкаштере… везде был. И везде мне везло, очень, очень везло! Кштати, кштати, ты знаешь… — тут Джордж отцепился от своего спутника и закачался на месте, — знаешь, сколько я выиграл на этой неделе? — Он погрозил мистеру Окройду пальцем и довольно строго повторил: — Знаешь?

— Понятия не имею, — добродушно ответил тот. — Верно, поболе моего будет.

— Ну, так я тебе шкажу. — Джордж рискованно зашатался. — Нет, не шкажу, забыл. Но шотни, шотни, шотни фунтов! Мне очень везло. А теперь я дома, дружище, дома. — И он опять схватил мистера Окройда за руку.

— Где вы живете, мистер?

— За углом, за углом. Штолько приключений у меня было, штрах! Обратно ехал на машине. Ш друзьями, ш друзьями. Но больше они мне не друзья. Мы малошть повздорили. Дело в том, — тут он понизил голос и едва не положил голову мистеру Окройду на плечо, — дело в том, говорю, что они все напились, в дым напились. И выкинули меня из машины. Но я им шказал, хорошо шказал: «Обойдусь и без ваш, вы все пьяные, а район тут при… приличный!» Вот как

я им шказал — шоглашись, правильно шделал… молодец. — Последние три слова он произнес с натугой, потому что вдруг выпустил руку мистера Окройда и опять зашатался из стороны в сторону.

— Не, так не пойдет, мистер, — сказал мистер Окройд, спешно его подхватывая. — Эдак вы до дома не доберетесь. Где вы живете?

— Прямо за углом, за штарым добрым уголком! — воодушевленно ответил Джордж. — Все хорошо, хорошо. Ты шлавный человек. Ездил на пошледние шкачки?

— Нет, сто лет никуда не ездил. Держитесь, мистер, держитесь.

Однако Джордж качнулся в сторону и теперь медленно сползал на землю по ограде. Ноги его заскользили по тротуару, что, впрочем, не помешало ему говорить:

— Мудрый ты человек, мудрый, раз шидишь дома. — Он повторил это несколько раз, опуская голову все ниже и ниже.

— Ну-ка, соберитесь!

Мистер Окройд хотел поднять Джорджа, но тот оказался неподъемным и, по всей видимости, решил вздремнуть. Мистер Окройд несколько раз пихнул его в бок, встряхнул и наконец привел в

чувство. Джордж кое-как встал на ноги и с помощью мистера Окройда сделал пару шагов вперед.

— А это что? Ваше? — Мистер Окройд протянул Джорджу увесистый бумажник.

Тот помахал им в воздухе.

— Да, мой кошелек. До краев набитый деньгами. Шотни фунтов, шотни! Видать, выпал из кармана. — Он подошел вплотную к мистеру Окройду и сунул кошелек ему под нос. — Благодарю тебя, от всего шердца благодарю. Я знал, что ты доштойный человек. Чештный человек. Иди сюда. — То, что мистер Окройд и так стоял с ним чуть ли не в обнимку, его не смутило. Напротив, он сделал шаг назад и продолжил: — Иди сюда, я тебя отблагодарю. Все по шправедливости. Это мой девиз, девиз штарика Джорджа. — Он стал рыться в бумажнике. — Иди сюда. Дай руку.

В руке мистера Окройда оказалось несколько хрустящих бумажек, судя по всему — банкнот, четыре штуки. Он не стал их разглядывать, а сразу протянул обратно дарителю, который все еще рылся в кошельке.

— Слушайте, мистер, я не могу их взять. — Кодекс чести предписывал мистеру Окройду помогать пьяным и отвергать их щедрые дары, о которых они всегда жалеют назавтра.

— Что гришь? — Джордж до сих пор запихивал кошелек в карман.

— Грю, не могу взять! — ответил мистер Окройд, суя деньги ему под нос.

— Как не можешь? Я же шказал, это тебе. Маленький подарок за хорошее поведение.

— Если я их возьму, — серьезно и не подумав проговорил мистер Окройд, — то утром вы пожалеете.

Джордж смертельно обиделся.

— Как это я пожалею?! — воинственно закричал он. — Деньги мои, так? Делаю ш ними что хочу, так? Да или нет? Мои или не мои? Отвечай, когда шпрашивают. — И он чуть не прижался лицом к мистеру Окройду.

Тот начал терять терпение, но попятился и промолчал.

— Брошь, брошь. Ответь на проштой вопрош: имею я право распоряжаться своими деньгами? Или прикажешь тебя шперва шпрашивать?

— Да хватит вам валять дурака, мистер! — не выдержал мистер Окройд, устав от глупого допроса.

— Валять дурака, говоришь? Ну-ну! Ладно-ладно! На этом штавим точку. — Джордж взмахнул рукой и едва не свалился с ног. — Иди к черту,

яшно? Точка! Ты мне не друг. — Он отвернулся и на удивление споро зашагал прочь.

Мистер Окройд запихнул банкноты в карман и поспешил следом, крича:

— Обожди, обожди!

Разозленный Джордж на секунду остановился, проорал: «Пошел к черту! Знать тебя не хочу! Не смей за мной ходить!» и свернул на Парк-драйв. Через несколько ярдов он опять встал и крикнул: «Не ходи за мной, шкверный ты человек! Оштавь меня в покое!», но мистер Окройд только ускорил шаг и почти нагнал его, как вдруг им преградил путь чей-то крупный силуэт.

— Ну-ка, ну-ка! Что тут творится? — спросил полицейский и посветил на них фонариком.

Джордж мигом приосанился и отдал честь:

— Добрый вечер, конштебль! Да вот, домой направляюсь. Вы ж меня знаете, верно?

Полицейский пригляделся.

— Да, я вас знаю. Вы на этой улице живете. И чем скорей вы доберетесь до дома, тем лучше. А чего шумим? Кто это?

— Вот и я шпрашиваю, — мрачно ответил Джордж, — кто это? Мы не знакомы. Я ему шказал, чтоб он за мной не ходил, что он шкверный человек. И вы ему шкажите.

Полицейский опять посветил на мистера Окройда.

— Что еще за шуточки?

— Никаких шуточек, — буркнул мистер Окройд. — Я нашел его пьяным на дороге и помог ему подняться, вот и все.

— Пьяным на дороге! — потрясенно воскликнул Джордж. — Ты шкверный, шкверный человек, не ходи за мной!

— Ступайте, куда шли, — сказал полицейский мистеру Окройду, — и оставьте его в покое. А вы бы поспешили домой, сэр, пока за вами еще кто-нибудь не увязался. Тут недалеко.

— Есть, командир! — Джордж еще раз отдал честь и зигзагами двинулся вниз по улице. Мистер Окройд пошел было следом, но его остановил полицейский окрик.

— Я же сказал, уходите! — Констебль уже нагнал его. — Ступайте прочь и оставьте господина в покое, не то худо будет.

— Но мне тоже надо домой! — возмутился мистер Окройд. — Я имею такое же право ходить по улицам, как и он. Сдался мне этот пьяница!

— А где вы живете?

— На Огден-стрит.

— Далековато, — недоверчиво заметил поли-

цейский.

— Да, но это самый короткий путь, а остальное меня не волнует.

— Ну, тогда ступайте по другой стороне улицы. Я постою тут и прослежу. Чтоб я больше вас здесь не видел!

— Больно мне надо тебя видеть! — пробурчал мистер Окройд себе под нос, переходя дорогу. Он зашагал как можно быстрее и на первом же повороте свернул с Парк-драйв. «Интересно, кто это был, — думал он про себя. — Видал я на своем веку пьяных дураков, но такого встречаю впервые». Мистеру Окройду пришлось сбавить шаг: после неприятного разговора с полицейским сердце тревожно билось в груди, то и дело замирая, да и дыхание сперло. Поэтому до дома он добрался не скоро, даже Леонард уже лег спать.

Мистер Окройд нашел кекс с изюмом и маслом, с аппетитом откусил большой кусок и разгладил на столе четыре пятифунтовые банкноты. Двадцать фунтов. Лишь дважды в жизни он держал в руках такие деньги, да и те пришлось наскребать по шиллингу. А тут двадцать фунтов свалились на него прямо с неба. И что с ними теперь делать? Мистер Окройд в задумчивости пошел наверх.

IV

— Вот и поделом ему, — проворчала миссис Окройд. — Только нервы мне мотает!

Она уже в третий раз перевернула на огне копченую селедку. Селедка эта, почерневшая с обеих сторон, дожидалась возвращения мистера Окройда с работы и была главным блюдом понедельничного ужина; увы, несчастной рыбине давно стало безразлично, воротится он или нет. Еще час назад миссис Окройд могла пожаловаться, что только зря переводит продукты на непутевого мужа, но теперь селедка в ее представлении стала заслуженным наказанием. Обычно мистер Окройд приходил домой до шести, однако шел уже восьмой час, а его все не было. Миссис Окройд целый день занималась стиркой: к шести часам она успела завесить весь очаг мокрым, испускающим пар бельем и с каждой минутой все больше теряла терпение. Знай она, что в кармане мужа лежат четыре пятифунтовые банкноты, она бы не на шутку встревожилась. Но миссис Окройд ни о чем не догадывается, поскольку с утра не обменялась с мужем и десятком слов: он встал затемно и взял завтрак с обедом на фабрику. Она ни капли не встревожена, а просто раздражена.

«Что за человек, ей-богу», — бурчит она себе под нос. Скоро ей нужно будет собирать на стол к приходу Леонарда: он вернется после первого дня работы у Грегсона и отведает на ужин копченой селедки — куда более крупной и жирной, чем та, что мы уже видели, и приготовленной по всем правилам. Тем временем его отец, этот никчемный человечишка, пусть вобьет себе в голову наконец (так думала миссис Окройд), опаздывал уже больше чем на час.

— До сих пор где-то шляется! — крикнула она миссис Сагден, выглянувшей из соседней двери. — Еда уж полтора часа как стынет! Одни хлопоты с этими мужьями! Твой-то пришел?

— Давно! — ответила миссис Сагден, дама, не питавшая насчет жизни больших иллюзий. — Пришел и опять смылся. Я-то знаю: ежели он опаздывает больше чем на полчаса, раньше закрытия всех пивных и пабов дома его не жди. Но по понедельникам такого не бывает. Он ведь не мог задержаться на фабрике?

— Ты что! — Миссис Окройд прекрасно знала, как плохо идет торговля шерстью. — Им даже полной рабочей недели не дают, а некоторых вообще в отпуск отправили! Нет-нет, задержать его не могли. Наверняка очередной фокус выкинул.

— Явился! — испуганно прошептала миссис Сагден и тут же шмыгнула за дверь.

В следующий миг он действительно явился: чумазый, взмокший, злой мистер Окройд швырнул кепку и сумку с инструментами на диван и громко хлопнул входной дверью.

— Где ты был, ради всего святого?! — вопросила его жена. — Ужин полтора часа стынет!

— В профсоюз ходил, — коротко ответил мистер Окройд.

Она посмотрела ему в лицо и тут же умерила гнев.

— С чего это ты туда пошел на ночь глядя?

— Меня рассчитали.

— Что?! — взвизгнула его жена.

— Рассчитали, уволили, вышвырнули, называй как хошь! — Он распрямил плечи и бросил на стол страховую карточку и деньги. — Без предупреждений и выговоров. Хигден со мной покончил, а я покончил с ним. Вот жалованье за неделю. — Он начал расшнуровывать ботинки.

— Ах ты. Боже мой! — Миссис Окройд рухнула в кресло и потрясенно уставилась на мужа. — Что ты натворил?

— Расскажу через минуту. Дай сперва умыться да перекусить. — Мистер Окройд в одних носках

пошел в чулан. — Накрывай, скоро узнаешь, что я натворил, — сурово добавил он.

В столь тяжелые минуты браддерсфордские жены не гнут свое: миссис Окройд безропотно собрала на стол и высвободила селедку из горячего плена.

— Проведи она на огне еще минуту, — сказан мистер Окройд, сев за стол, — начала б коробиться. Угли, а не селедка.

— Небось другой тебе уж не видать! — воскликнула жена, обидевшись на незаслуженный упрек. — Ладно, пустяки это. За что тебя уволили?

— Ни за что, просто так, — начал мистер Окройд. — Или, если угодно, за то, что я человек, а не глупая обезьяна! — Он умолк, отпил чаю и, ткнув вилкой в сторону миссис Окройд, стал рассказывать дальше: — Утром мне тележку не подогнали, и я остался на чуток без работы. Тут подходит Симпсон, помощник директора, и спрашивает: «Чем занят, Окройд?» «Пока ничем», — грю. Они строили времянку для тележек, и Симпсон мне говорит: «Ну, тогда подсоби малость. Можешь начать с этой штуки». И показывает на большое бревно, которое вытащили из старого сарая. Дал он мне, значится, мерки, а я

взял топор, большую поперечную пилу и принялся за бревно. Не проработал я и десяти минут, как меня хлопает по плечу какой-то малый. Я с ним не знаком, но он из нашего профсоюза. «Когда это ты в союз плотников записался, товарищ?» — мерзко так спрашивает. «То есть?» — грю, хотя и смекнул уже, куда он клонит. Показывает на бревно: это, мол, работа плотников, а ты своим делом займись. Я на него глянул эдак злобно. «Товарищ! — говорю. — Ну-ну!» А он мне: «Я за тобой давно наблюдаю, и мне пришло в голову, что ты сильно смахиваешь на штрейкбрехера». «Ты язык попридержи, — говорю, — не то что потяжелее в голову ударит». В общем, запретил он мне работать и ушел.

Мистер Окройд умолк, выпил чаю, а жена недоуменно воззрилась на него, пытаясь понять, к чему он клонит.

— Дай закончить, — сказал мистер Окройд, хотя его не перебивали. — Сижу я опять без дела, значит. Тут приходит Симпсон, на сей раз с директором, стариком Торли. Они малость отдышались, огляделись, и Торли указал на меня. «Чем он занят?» — спрашивает. «Эй, Окройд! — кричит мне Симпсон. — Ну-ка, быстро за дело!» «Не могу!» — кричу я и иду к ним объясняться.

А Торли только махнул рукой, проорал: «Давай, давай!», и их обоих след простыл. Ну а в обед мне рассказывают, что на фабрику явился сам великий господин, сэр Джозеф Хигден — хотя отец у него был такой же цеховой мастер, как мой. «Небось опять решили народ поувольнять», — смекнул я. Часа в три к нам явился сэр Джозеф в компании Торли и Симпсона. Смотрю: сэр Джозеф рукой машет. А Торли оглядывается по сторонам, замечает меня и что-то бормочет Симпсону. Минуты через две Симпсон подходит и говорит: «Прости, Окройд, но через неделю тебя отсюда попросят». «За что? — говорю. — Что я сделал?» «Сам виноват. Сейчас всех подряд увольняют, а Торли видел тебя утром без дела». «Я тут ни при чем, — говорю. — Пойду перекинусь с ним словечком». Ну я и перекинулся, да все без толку. Не успел я начать, как Торли меня оборвал и заявил, что опытные рабочие должны подавать молодым пример, а не лодырничать. Ясно дело, взбесился я, наговорил лишнего. «Рассчитайте его и отдайте карточку, — заявил Торли. — Чтоб больше ноги его не было у Хигдена».

— Вот как бывает, если не держать язык за зубами, — укоризненно заметила миссис Окройд. — Предупреждала ведь.

— Что я, железный, по-твоему? — вопросил мистер Окройд. — Утром меня обозвали штрейкбрехером, после обеда — лодырем, тут кто угодно не выдержит! Словом, в пять часов мне выдали деньги и карточку, а я отправился в профсоюз, рассказывать им свою историю. Секретаря не было. Это тот самый Мондери, у которого один пролетариат на уме. Я ждал, ждал, а когда он наконец явился, угадай, кто с ним? Тот самый молодчик из профсоюза, товарищ. Смеются себе, болтают — прям лучшие друзья. Два товарища, так их и эдак. Начал им рассказывать, что стряслось, да все впустую. Начали из меня душу вынимать: известите тех, уведомьте этих… Терпеть не могу, собачонка я им, что ли? В общем, не выдержал я, послал их к чертовой матери и ушел. Вот такие дела.

Жена сидела неподвижно, сверля его взглядом. На несколько секунд ее лицо смягчилось, как будто она вот-вот заплачет, но потом мистер Окройд с аппетитом набросился на выпечку и подлил себе еще чаю, и глаза миссис Окройд вновь недобро заблестели.

— Ну, и что теперь делать?

Мистер Окройд отставил чашку — маленький жест отчаяния с его стороны.

— Сяду на пособие, пока новая работа не подвернется.

— Надолго?

— Не спрашивай, сама знаешь, как нынче в городе с работой. Чую, этим инструментам еще долго без дела валяться. — Он встал и посмотрел на диван, где лежала его сумка с инструментами. Потом взглянул на свою старую рабочую форму и вдруг принял, неизвестно как и почему, маленькое и весьма странное решение. — Пойду переоденусь, — сказал мистер Окройд и ушел наверх.

Когда он спустился, жена накрывала стол для Леонарда. Мистер Окройд увидел ее плотно поджатые губы и сразу понял, что она тоже на что-то решилась. Он стал ждать, пока жена заговорит, а тем временем обратился за утешением к трубке старого доброго «Моряцкого».

— Ну, тогда решено, — начала она.

— Что решено? — настороженно спросил он.

— Сдадим комнату Альберту Таггриджу, — заявила миссис Окройд и сразу, пока муж не успел вынуть изо рта трубку, завела оправдательную тираду: — Только не начинай, я тебя очень прошу, не начинай! От работы ты запросто избавился, но от этого дохода я избавиться не позволю! Ес-

ли малый еще хочет жить у нас, пусть живет, и чем раньше въедет, тем лучше. Хлопот по дому станет поболе, но это мое дело, а не твое. Я даю разрешение. Надо же на что-то жить! Тебя не особо спрашивали, пока ты работал, а теперь и вовсе не спрашивают, ясно?

— Избавь меня от Альберта хотя бы на сегодня, — тихо проговорил мистер Окройд.

Жена рассердилась пуще прежнего.

— Сколько можно тянуть! Вот что я тебе скажу: если мы не пустим Альберта, Леонард тоже уйдет. Намекал на это вчера вечером. Вряд ли сын бросит любимую мать, но кто его знает? Ты все время на него наседаешь. И что мы тогда будем делать? Он хоть деньги зарабатывает приличные!

Тут мистер Окройд тоже не выдержал:

— Если Альберт придет, уйду я!

— Не глупи! Куда ты пойдешь? Поселишься на свое жалкое пособие в Мидлэндской гостинице?

— У меня и окромя пособия кое-что есть! Я тебе еще не говорил. — Мистер Окройд отнес свое уязвленное самолюбие к входной двери и там, пуская клубы дыма, предался размышлениям. Он перенес трубку из одного уголка рта в другой и случайно задел локтем карман: там хрустнули четыре пятифунтовые бумажки.

— А, вот и наш стариканчик! — сказал вернувшийся с работы Леонард. Отец прошел за ним в гостиную. — Чай готов, ма? — весело крикнул юноша. — Ну и денек!

— Как прошло, Лен? — спросила его мать, снимая с огня большой пузатый чайник.

— Пре-вос-ход-но! Знаешь, сколько я заработал чаевых? Угадай. Восемь и три! Восемь шиллингов и три пенса! Непыльненько. Умница наш Грегсон!

Миссис Окройд налила своему герою-завоевателю чашку чая.

— Ладно хоть кто-то деньги приносит, — заметила она. — Твой отец ушел от Хигдена.

— Что случилось? — Внимательный наблюдатель непременно заметил бы легкую перемену в лице и тоне Леонарда.

Его отец оказался внимательным наблюдателем.

— Ну хватит, хватит! После поговорим. Что там у тебя, газета?

В руках у Леонарда действительно была газета, и мистер Окройд забился с нею в угол дивана, где стал упорно и угрюмо изучать страницы «Брадердсфорд ивнинг экспресс», стараясь не слушать перешептывающихся за столом жену и сына.

Четверть часа спустя, открыв шестую страницу, мистер Окройд мог больше не заставлять себя вчитываться. Размещенная там статья целиком и полностью завладела его вниманием. Он уставился на заголовок: «Уличное ограбление. Горожанина обчистили рядом с домом». В глаза бросились обрывки фраз: «Известный житель Браддерсфорда, мистер Джордж Джобли… проживающий на улице Парк-драйв района Мертон-Парк… возвращался вчера вечером домой… Мистер Джобли побывал на нескольких скачках… недалеко от дома разлучился с друзьями… стал жертвой ограбления… пропало по меньшей мере 120 фунтов… необычное дело… самое громкое ограбление за несколько лет… мистер Джобли отделался легким испугом». Мистер Окройд дошел до последней строчки и обомлел: «Полиция заявляет, что владеет важной информацией, которая поможет им найти преступника».

— Слыхали о малом по имени Джордж Джобли? — громко спросил мистер Окройд.

— Да, это букмекер, которого вчера ограбили, — ответил Леонард. — Я с ним не знаком, но видел не раз. Он из наших клиентов.

— А выглядит как?

— Высокий такой, краснолицый. Всегда в клет-

чатом костюме и штиблетах. А что?

— Ничего, — соврал мистер Окройд. Джордж! Так звали вчерашнего пьяницу! Он опять уставился на статью. «Полиция заявляет, что владеет важной информацией…» «Обождите, так пропало же сто двадцать фунтов, а не двадцать! — подумал он. — Нет, я тут ни при чем…» У невинного человека есть сотни способов оправдаться, но ни один из них не шел в голову мистеру Окройду: его мир рушился, из-под него только выбили очередную опору. Удар за ударом!

Словно в подтверждение этого из дверей раздался веселый рев:

— Добрый, добрый, добрый вечер! Вот она, семейная идиллия! С удовольствием отведаю копченой селедки! Здоро́во, Лен! Здрасьте, миссис Окройд! Конечно же, это Альберт, Альберт Таггридж собственной персоной!

— Господи! — простонал мистер Окройд, откидывая газету и поднимаясь с дивана.

— Добрый, добрый вечер! — все так же громко, но уже с обидой в голосе поздоровался Альберт. — Что я натворил?

— Не обращай на него внимания, Альберт. — Миссис Окройд бросила на мужа гневный взгляд и тут же ласково улыбнулась гостю. — Скорей

проходи и садись. Мы всегда тебе рады. И кстати: если хочешь, можешь у нас жить.

— Неужели? — воскликнул ее муж. — Это кто сказал?

— Я говорю!

— И я, — сурово добавил Леонард.

Мистер Окройд шагнул к сыну, и тот, мгновенно растеряв всю суровость, сжался в комок, точно нашкодивший мальчишка. Но мистер Окройд взял себя в руки и замер на месте, соображая, что предпринять в этом безвыходном положении. В следующий миг он бросился наверх.

У себя в спальне мистер Окройд начал лихорадочно озираться по сторонам.

— Надо что-нибудь прихватить, — пробормотал он. В углу стоял чемодан, гордость мистера Окройда. Нет, его он не возьмет. Был еще жестяной сундук с выпуклой крышкой, слишком тяжелый и громоздкий. Наконец мистер Окройд вспомнил про старую корзинку, последние пятнадцать лет стоявшую в дальнем углу комнаты. Небольшая и легкая, она была всего восемнадцать дюймов длиной и фут глубиной — как раз для самого необходимого. Эту неприглядную тару — по крайней мере одну ее половину, потому что вторая служила крышкой, — мистер Окройд до отказа

набил вещами. Он взял с собой ночную сорочку, рубашку, три воротничка, несколько носовых платков, шарф, жилет, брюки и набор для бритья. Нахлобучив поверх всего этого крышку, мистер Окройд вспомнил про свой старый макинтош, завернул в него корзину и стянул все это лямкой, которая по-прежнему выглядела как новая и служила для переноски. Обув крепкие ботинки, мистер Окройд взял корзину и поспешил вниз, навстречу трем удивленным домочадцам.

— Ради всего святого, что ты… — начала его жена.

— Я ухожу, — объявил он.

— Куда? — все еще удивленно тараща глаза, спросил Леонард. — Нельзя так просто взять и уйти! Куда ты пойдешь?

— Хватит, хватит! — Миссис Окройд побелела от гнева. — Пусть катится! Скатертью дорожка! Меня его штучками не проймешь! Даже не подумаю его держать, пусть проваливает. Воротится ласковый и смирный, завтра же воротится!

— Делайте с домом что хотите, — продолжал мистер Окройд. — Он ваш. На столе деньги за неделю, а там и без меня управитесь.

— Управимся! — яростно и презрительно фыркнула его жена. — Еще бы не управиться! Знать,

без тебя-то получше будет. Ты давно напрашивался на урок, вот и получай. Катись, катись!

Мистер Окройд молча подошел к дивану, взял сумку с инструментами и поставил ее рядом с корзинкой. Затем сдвинул на затылок старую коричневую кепку и приготовился уходить.

— Постойте, — остановил его Альберт и показал на стол. — А это как же?

— Точно! — подхватил Леонард. — Чуть без карты не ушел. — И протянул отцу страховую карточку.

Точно во сне, мистер Окройд уставился на зеленовато-голубую карту. «Пол мужской… Возраст от 16 до 65… Несвоевременное предъявление карты… Застрахованное лицо…» Все слова были прекрасно ему знакомы и одновременно казались очень странными. Мистер Окройд растерялся, заплутал в непроглядном мраке предупреждений и уведомлений; глумливых «товарищей» и начальников-самодуров; фабричных сирен, не дающих и шагу ступить спокойно; вывесок, которым не суждено увидеть свет; дочерей, которые растут, хохоча и распевая песни, а потом вдруг уезжают за море. И тут в темноте что-то вспыхнуло, заискрило, как ракета, и мистер Окройд совершил преступление.

— А, к черту ее! — вскричал он, порвал карту пополам и бросил клочки в огонь. Затем, оставив за спиной потрясенные лица, взял сумку, корзину и зашагал к двери.

— Что ты творишь? — закричали ему вдогонку. — Куда ты?

— На юга, — ответил мистер Окройд и скрылся в темноте.

Глава 2
Мисс Трант отправляется в отпуск

I

И снова мы обращаем взор на английские холмы, озаренные тем же сентябрьским солнцем. Однако перед нами уже совершенно другая Англия; темные Пеннинские горы остались далеко позади; мрачные вересковые пустоши, торфяники и черные камни, зловонные котлы низин, — все это исчезло. Мы видим аккуратные зеленые холмики, поросшие травой, которая колышется под вечные напевы юго-западных ветров; поблескивающие озерами долины; домики из серого камня, отливающего нежно-розовым в солнечных лучах; приходские церкви, встречавшие и провожавшие колокольным звоном Тюдоров, Стюартов и Ганноверов; усадьбы, когда-то дожидавшиеся новостей из Нейзби и Бленхейма, из Ватерлоо, Инкермана и Ипра — окна этих усадеб горели ночами напролет, а потом потемнели раз и навсегда, и лишь каменные стены до сих пор выглядят как прежде. В здешних зеленых рощицах могли бы резвиться герои

«Сна в летнюю ночь», а великолепные сады с высокими мальвами и крошечными розовыми кустиками, с лужайками, опоясанными мощеными дорожками, как нарочно разбиты для музыки и веселых дурачеств «Двенадцатой ночи». Это и впрямь совершенно другая Англия — зеленый и ветреный форпост Арден некого леса. К западу, за глубокими каналами рек, простираются пограничные земли Уэльса — кельтский край, темные и загадочные холмы которого словно бы вышли из легенд о короле Артуре. Однако здесь, в самом сердце страны, солнечно и благостно, как в саксонской сказке: трава, серый камень, ветер и чистая бегучая вода. Мы покинули северные земли, терзаемые долгой войной, и очутились в крае компромисса: природа здесь сгладила острые вершины, покрыла болота и вереск зелеными коврами, а человек отрекся от безумных индустриальных утех, разбил в долинах пастбища для овец, построил две-три крошечные фабрики и живет себе припеваючи. Да, промышленность и природа заключили тут перемирие, которое длится уже тысячу лет.

К северу от нас расположился Чиппинг-Кэмпден, к югу — Серенстер, к востоку — Берфорд, а к западу Челтнем. Почти на равном удалении

от упомянутых чудесных местечек вы увидите серое скопление крыш с квадратной церковной башней посередине — это деревня Хизертон-он-зе-Уол. Порой автомобилисты, торопясь от обеда в Оксфорде к чаю в Бродвее или Чиппинг-Кэмпдене, сбиваются с пути и попадают в Хизертон. Из брошюрок, заготовленных специально для приезжих, они узнают, что население деревни составляет 855 человек, по средам деревня рано закрывается, почту увозят в 17.30, к услугам гостей есть постоялый двор Шеппердс-Холл (с тремя номерами), автомастерская «Дж. Харли и сын» и по меньшей мере одна достопримечательность, поскольку список заканчивается указанием: «Посмотрите церковь». Очень немногие приезжие идут на нее смотреть, хотя приходской священник, преподобный Томас Дж. С. Чиллингфорд, не только написал ее краткую историю, но и издал эту историю в виде буклета: «Выдержки из научных трудов археологического общества Бристоля и Глостершира». Любой посетитель, способный по достоинству оценить необычайно добротную алтарную преграду (не говоря уж о двух окнах для прокаженных с северной стороны), может легко приобрести экземпляр этого буклета. Однако автомобилисты уезжают прочь,

так и не взглянув на церковь и не заметив, что издалека она напоминает, выражаясь словами мистера Чиллингфорда, «заботливую наседку с поднятой головой». А посему, когда в деревню заезжает дорогая машина, все местные жители (за исключением миссис Фарли из Шеппердс-Холл и Дж. Харли с сыном — они никогда не теряют надежды) готовятся показывать дорогу к другому, более крупному и важному населенному пункту.

Однако бывают дни, когда люди попадают в Хизертон не случайно, а вполне сознательно. Сегодня как раз такой день. Последние три недели вся округа пестрит объявлениями о том, что господа Медворт, Хиггс и Медворт устраивают аукцион без резервированной цены, на котором будут распроданы предметы мебели и обстановки усадьбы Олд-Холл. Хорошо осведомленные жители — а почти все жители Хизертона хорошо осведомлены — ждут этих торгов уже несколько месяцев, с самой кончины полковника Транта. Всем известно, что дела у Трантов не так хороши, как прежде, и что мисс Элизабет Трант, пятнадцать лет ухаживавшая за отцом после смерти матери, будет жить не в Олд-Холле, а в загородном коттедже неподалеку. Все имущество досталось мисс Элизабет, хотя она и младшая из трех пол-

ковничьих детей. Впрочем, местные жители убеждены, что она заслужила наследство — и заслуживает куда большего, — поскольку осталась в Хизертоне и присматривала за стариком, с которым последние годы приходилось ой как несладко. Бедолага пропустил две цветочные выставки подряд и не мог доковылять даже до церкви. Все вздохнули с облегчением, когда он наконец упокоился в дальнем углу церковного погоста. Мисс Трант (ей около тридцати семи, но столько ей нипочем не дать, такая она стройная и хорошенькая) заботилась о нем год от года и уже давно не покидала Хизертон больше чем на сутки. Ее брат, судья в Индии, и сестра, удачно вышедшая замуж за лондонца, редко сюда добирались. Все знают, что без пенсии полковника и после выплаты всех долгов мисс Трант останется меньше чем двести фунтов дохода в год. Потому она и решила переехать в загородный дом, куда уже отвезли все нужные ей вещи, и потому же выставила на торги всю усадебную мебель, а саму усадьбу решила сдать.

Господа Медворт, Хиггс и Медворт давно не жаловали своим присутствием Хизертон. Сегодня великий день. К Олд-Холлу съехалось множество машин, миссис Фарли уже открыла вторую бу-

тылку виски, а Дж. Харли и сын заменили две проколотые покрышки и теперь раздумывают, что делать с одним чрезвычайно норовистым магнето. Люди — самые обычные люди, не торговцы — прибыли аж из Бортон-он-зе-Уотер, Уинчкомба и Грейт-Баррингтона. А уж торговцы съехались со всего света: двое были из Челтнема, трое из Оксфорда и один из Глостера, все антиквары, а не какие-нибудь бакалейщики или торговцы тканями, которые держат под магазином каморку, забитую подержанной мебелью. Конечно, есть тут и такие, куда без них? А один господин в очках и с острой бородкой, говорят, представляет крупную лондонскую фирму. Приехал он не специально, просто путешествует по стране, но все-таки он здесь. Помимо профессиональных торговцев в усадьбе собралось по меньшей мере двадцать любителей — это хизертонцы, которые надеются перехватить какую-нибудь вазу или каркас кровати. И, наконец, большинство гостей — самые обыкновенные зеваки. Они пришли, чтобы поглазеть на Олд-Холл изнутри, подвигать вещи и попутаться под ногами — словом, развлечься. Эти посетители, многие из которых привели с собой всех детей, существенно превосходят в численности

остальных; они явились первыми и уйдут, несомненно, последними. «Всегда одно и тоже, одно и то же! — вскричал мистер Джеймс Медворт, когда мисс Трант попыталась возразить. — Они придут, и остановить их нет никакой возможности». Мистер Медворт уже много лет толкается в душных комнатах, до отказа забитых зеваками, и теперь относится к их появлению как к чему-то неизбежному. Они хотя бы смеются над его шуточками, а у мистера Медворта таких шуточек большой запас. Это мужчина среднего возраста, с огромным ртом и торчащими вперед зубами, которые делают его похожим на жизнерадостную акулу. Мисс Трант он не по душе, но все же она готова поверить своему адвокату, мистеру Труби из Челтнема, который отозвался о Медворте следующим образом: «Умен, умен. Знает свое дело».

Утром, когда стали съезжаться люди, мисс Трант была в усадьбе, но надолго не осталась. Не то чтобы она очень сентиментальна, да и все ее любимые вещи давно перевезены в коттедж, однако смотреть, как разоряют семейное гнездо, пусть временами приносившее ей одно горе, было неприятно. Вещи казались такими голыми и беспомощными… «Сколько же тут хлама!» — услышала она от одного посетителя, матерого

торговца, и поспешно скрылась за углом, где тут же уперлась в гравированный портрет лорда Раглана («лот № 117») и обнаружила, что его светлость глядит в пустоту, совершенно ее не замечая. Все вещи стали такими: печальными и словно обозлившимися на что-то. Мисс Трант ушла, жалея, что не может взять с собой побольше — коттедж и без того был переполнен.

Дома мисс Трант стала помогать хлопотавшей по хозяйству миссис Пертон. В усадьбе она была кухаркой, а ее муж (как когда-то его отец) садовником; обоих на время перевели в гостевой коттедж. Миссис Пертон аукционов не одобряла, считая их пустой тратой времени, а потому весь день провела в работе по дому. Мистер Пертон, напротив, остался в усадьбе — отчасти потому, что не хотел пропускать такое важное событие, а отчасти потому, что присутствие человека небезразличного должно было пресечь любые кражи, в особенности овощей с огорода. Словом, весь день он ходил за аукционистами из комнаты в комнату, как будто надзор требовался за мистером Медвортом, его работниками и торговцами, а не прочими посетителями. Именно Пертон принес мисс Трант весть о завершении торгов.

— Неужели кончено, Пертон? — вскрикнула

она, увидев его в саду.

Пертон подошел, коснулся кепки и, сунув руки в карманы, принялся раскачиваться из стороны в сторону. Он всегда так делал, когда ему было что сказать, и мисс Трант сразу поняла: Пертону не терпится сообщить ей важную новость. Нет-нет, вид у него был самый невозмутимый. Садовник, последние шесть лет получавший первый приз за выращивание лука (сорт «Эйлса-Крейг») на районной выставке (не говоря уж о других, менее важных мероприятиях), мастерски скрывал чувства.

— Нет, мисс, еще не совсем, — ответил он, — но осталась сущая мелочь. Многие уже уходят. А тот большой буфет, который стоял в коридоре… ну, старый такой… — Пертон закачался еще сильнее.

— Я поняла, буфет эпохи Тюдоров! В коттедже для него нет места, а он вроде бы очень ценный. Что с ним случилось?

— Сто сорок фунтов, мисс, — торжественно объявил Пертон. — Сто сорок фунтов, только что продали!

— Ах, как замечательно, Пертон! — Глаза мисс Трант засияли: сейчас никто не дал бы ей больше двадцати лет.

Пертон прекратил раскачиваться, вынул из кармана одну руку и внушительно показал хозяйке три пальца.

— В конце покупателей было трое, представьте себе, трое! Все торговцы. Один из Оксфорда, второй из Челтнема и тот бородатый из Лондона. Трое! Они и словом-то едва перемолвились. Первый раз такое видел!

— Что же они делали?

— Подмигивали. Просто подмигивали. — И Пертон принялся изображать, как эта троица договаривалась о цене, а мисс Трант с трудом сдерживала смех. — Мистер Медворт говорит: «Начальная ставка девяноста фунтов». Один ему подмигивает, и мистер Медворт объявляет: «Девяноста пять». Потом опять подмигивают, и цена поднимается до ста. Потом третий накидывает еще пять. Словом, так они домигались до ста сорока фунтов. Хорошо ушел буфетик!

— Никогда бы не подумала, что он столько стоит, Пертон!

— И впрямь, мисс, разве ж может буфет стоить таких деньжищ? — доверительно заговорил садовник. — Я б не удивился, если б его продали дешевле, но азарт — дело такое. Никакой мочи остановиться. Вот хочу буфет, и все тут! Помню,

раз я купил десять ненужных мне уток — толку с них, что с мартышки. На кой они мне сдались, спрашивается? Да просто азарт обуял, вот и весь сказ. Так и с вашей мебелью вышло. Мистер Медворт говорит, что торги были славные. Я счас обратно пойду, мисс, закушу только малость. Помогу прибрать усадьбу. После этих торгашей там все вверх дном!

Впервые за день мисс Трант порадовалась аукциону. Мистер Медворт сказал, что не в силах предсказать исход торгов, все зависит от количества покупателей, их состоятельности и настроя; мебель может уйти за пятьсот фунтов, а может и за тысячу, тут уж как повезет. Сомневаться в его суждениях по таким вопросам было невозможно. Мисс Трант пыталась относиться к аукциону как к очередной скучной формальности, одному из бесконечных дел, которые нужно уладить после смерти отца, но теперь она вдруг осознала, что ее усадьба превратилась в маленький домашний Монте-Карло. Разница между удачными и неудачными торгами может составить несколько сот фунтов, то есть ее месячный доход вырастет или убавится на фунт-два — эту же разницу легко выразить в мерах китайского чая или шелковых чулках. И решается все именно сегодня. Мисс

Трант заходила по саду из стороны в сторону: в голове опять гудело от сложения и вычитания, как нередко бывало в последние годы, когда ей приходилось оплачивать счета и вести папины дела. Доход ее уменьшился, но она не чувствовала себя бедной. Наоборот, ей смутно казалось, что она стала богаче. «Это оттого, что вокруг все только и говорят о деньгах», — сказала себе мисс Трант, вспомнив беседу с мистером Труби в его крошечном диккенсовском кабинете и недавний разговор с мистером Медвортом, который для джентльмена был чересчур жизнерадостен и зубаст.

Пертон опять отправился в усадьбу, но мисс Трант за ним не пошла. Полчаса она ходила по дому как неприкаянная, подбирая какие-нибудь вещи и тут же откладывая, а затем спустилась в дальний конец сада, откуда открывался вид на деревню, запруженную автомобилями: трубя в клаксоны, они проезжали по главной улице и с ревом уносились прочь по оксфордской или челтнемской дороге. Очевидно, торги закончились. Мисс Трант решила сходить в усадьбу и посмотреть, что там происходит.

Пока она пробиралась к дому сквозь пахучую мешанину людей, автомобилей и фургонов, вели-

колепный сентябрьский день вдруг изменился: спелое золото превратилось в горячую и пыльную позолоту. Сама усадьба казалась крошечной в этом чудном окружении, среди соломы, бечевки, бензина, пристальных взглядов, глупых шуток и взмокших покупателей. Дом стоял с бессмысленно разинутым ртом, словно одряхлевший и подурневший болван. Мисс Трант обогнула толпу у входа и прошла к боковой двери, где в фургоны и телеги грузили ее родные столы, стулья и картины. Впервые за несколько месяцев она ясно ощутила, что ее жизнь изменилась, началась заново. Эти вещи казались мисс Трант неизменными и постоянными, как созвездия на небе, а теперь их спешно волокли прочь сквозь дорожную пыль. Они тоже начинали новую жизнь. Не успела мисс Трант дойти до двери, как слезы сдавили ей горло, и она пробежала мимо подметальщиков в пустую гостиную — то была самая красивая комната, гордость усадьбы. Там она спугнула преподобного Томаса Чиллингфорда, разглядывавшего через лупу деревянные панели на стенах.

От неожиданности он подскочил на месте.

— А, здравствуйте! Хотел как следует рассмотреть панели в этой комнате. Так и знал, что они

отличаются от всех прочих. Только утром сказал об этом жене, представляете? Не то чтобы она сомневалась, просто ей это не очень интересно. — Он приблизил к мисс Трант свое румяное детское лицо и взволнованно проговорил: — У вас бледный вид, Элизабет. Вам, наверное, нелегко сейчас. Остались бы лучше дома, незачем вам сюда ходить, милая.

— Пожалуй, — уклончиво ответила мисс Трант. — Но я и так почти весь день просидела дома, да и переживаю совсем по другому поводу. — Она умолкла и натянуто улыбнулась.

— Вы как Дороти и вся современная молодежь, — сказал мистер Чиллингфорд. Отчего-то он всегда сравнивал ее со своей дочкой, хотя та была на десять лет младше. В его представлении Элизабет оставалась высокой бойкой школьницей, которая в один прекрасный день превратится в красивую женщину. Причиной тому было что-то незрелое, юношеское и бесполое в поведении и облике мисс Трант. — Да, вы как они, — продолжал он. — Думаете, чувств надо стыдиться. Потому они и вымирают, покидают наш мир. Но лично мне сдается, что мир без них лучше не станет. Ни капли, вы уж мне поверьте! Будет только хуже. Поэтому не стесняйтесь своих

чувств, голубушка. — Он ласково погладил ее по плечу.

— Я не стесняюсь, просто говорю начистоту. Меня действительно волнует другое.

— И что же? — снисходительно спросил мистер Чиллингфорд.

— Я… я точно не знаю. Это сложно объяснить. — В действительности она, конечно, знала, просто не могла подобрать слов, чтобы описать свои чувства. Ее тревожило не то, что все закончилось; минуту назад она стала свидетельницей того, *как* это закончилось, и потому ее теперь душили слезы. Жизнь отца разрешилась не на церковном погосте, а здесь и сейчас, среди пыли, соломы и криков, ее разбазарили и предали забвению сегодня днем. На миг бытие предстало перед мисс Трант во всей своей пыльной пустоте и ничтожности, и от этого осознания хотелось плакать.

— Все ваши любимые вещи перевезли в коттедж, не так ли? — Мистер Чиллингфорд прекрасно знал ответ, но ему показалось, что вопрос должен утешить мисс Трант.

— Да, все, — ответила она и окинула взглядом необычайно пустую гостиную, в которую снаружи просачивался тяжелый солнечный свет.

— И мне сообщили, что торги прошли замеча-

тельно, просто замечательно, — весело добавил он, когда они вместе зашагали к выходу.

На улице им встретился мистер Медворт: он весь сиял, шумел и без конца отирал пот со лба. Завидев мисс Трант, он победно вскинул руку.

— Говорят, аукцион прошел на редкость удачно, — завел беседу мистер Чиллингфорд.

— Лучше не бывает, лучше не бывает! — вскричал мистер Медворт и тут же принял такой деловой вид, что священник спешно удалился. — Мы как раз заканчиваем, мисс Трант, сумма вышла изрядная. Больше тысячи, смею вас заверить. Да, больше тысячи.

— Ах, ведь это больше, чем мы рассчитывали, даже при самом удачном раскладе! — Она вновь почувствовала себя богатой, хотя истинное положение дел было прекрасно ей известно.

— Ну, я бы так не сказал. Меня ничем нельзя удивить, ничем, — рассудительно ответил мистер Медворт. — Но нам сегодня крупно повезло, крупно! Приехало много сведущих людей, борьба шла нешуточная! Кстати… — он понизил голос и спрятан зубы, — вы правильно сделали, что послушались моего совета и не забрали ореховую мебель. Эти ребята заплатили за нее куда больше, чем она стоила вам. Мода, что поделать!

— Значит, вы много за нее выручили?

— Ушла по сказочной цене, сказочной! Впрочем, это неудивительно, мы пригласили правильных людей. То маленькое бюро продали за тридцать пять. — И мистер Медворт продолжал в таком духе следующие десять минут, пока ему под нос не сунули кипу бумаг.

— Ну все, дело сделано, — объявил он пять минут спустя. — Итого одна тысяча шестьдесят пять фунтов, четырнадцать шиллингов и шесть пенсов, уже за вычетом нашей комиссии. Все ваши, мисс Трант, а? Да, все ваши. Едем к мистеру Труби? Ах да, мы же с ним на завтра договорились. Чудненько! — Он хотел было уйти, но вдруг обернулся, да так резко, что у мисс Трант голова пошла кругом. — Дом! — вскричал он, подняв в воздух толстый указательный палец. — Не забывайте про дом. Сейчас там убирают, а завтра, мисс Трант, пришлите кого-нибудь, чтобы навели лоск. И про садовника не забудьте. Это ведь можно устроить? Сейчас скажу зачем. Мы избавимся от вашего дома быстрее, чем я полагал. Вчера пришел запрос, так что послезавтра ждите первых возможных съемщиков. Ловко, не правда ли? Конечно, я пришлю с ними своего человека, но вы наверняка и сами захотите что-нибудь

рассказать да показать. На продажу еще не решились? Нет? Ну и к лучшему. Мы сговорились на ста пятидесяти фунтах, ни пенни меньше. Цена справедливая, у вас лучший дом в округе. Словом, послезавтра придут смотреть, просили утром, если можно. А потом поедем к мистеру Труби. Хорошего дня, мисс Трант. Хор-рошего дня! Эй, где Чарли? — Последние слова предназначались уже не ей, и на них мы расстанемся с мистером Медвортом — навсегда.

Мисс Трант отправилась домой, став богаче на одну тысячу шестьдесят пять фунтов, четырнадцать шиллингов и шесть пенсов. Расправив плечи, она быстро прошла по улице, привела в порядок коттедж и себя, воздала должное превосходному холодному ужину, написала несколько писем и почитала на ночь. Спать она легла раньше, чем обычно, и никто не догадался, какие чувства ее обуревали. Все видели ту же собранную, бойкую, аккуратную мисс Трант; ни один темно-русый волосок не выбился из ее безупречной прически. Однако в душе она не могла найти себе места.

— Это глупо и бессмысленно, — строго сказала она себе. — Утром начинаю новую жизнь.

Не успев обдумать даже несколько планов на

завтра, мисс Трант уснула. Возможно, ей снилось, как жизнь возвращает ей давний должок юности — той юности, что уже прошла, если верить лживому календарю. Хизертон вернулся к привычной размеренной жизни: на улицах не осталось ни одной машины, последний фургон давно покинул усадебный двор, а Дж. Харли и сын закрыли мастерскую и отмечали победу над упрямым магнето холодным картофельным пирогом. В баре Шеппердс-Холла Пертон заканчивал последнюю кружечку пива и рассказ о подмигивающих торговцах. Сами торговцы, крупные, мелкие и просто зеваки, уже давно испарились. С ними исчезли стулья, столы, комоды, фарфор, ружья, книги, гравюры, индийские ширмы и бирманские гонги — все они разъехались по самым разным домам, оставив своего хозяина мирно спать на церковном погосте, а его дочь — в новой постели под собственной крышей, в родном Хизертоне, но уже на пороге новой жизни.

II

Утром мисс Трант посмотрела в окно на сверкающую дымку и решила отметить хороший денек новым золотисто-коричневым костюмчиком — последней и чрезвычайно удачной находкой из

Челтнема. В маленькой, натертой до блеска столовой, опрятной и солнечной, она обнаружила на столе открытку. На одной стороне были изображены развалины монастыря в Гластонбери, а на другой красовалась надпись, выведенная столь же развалленным и живописным почерком: «Кошмар, правда? Наверное, их изобрели специально для американцев. Можно нагрянуть к тебе завтра, в районе ужина? С любовью, Хилари». Записка была от племянника, который недавно приехал погостить из Оксфорда, — единственного сына индийского судьи. Мисс Трант задумалась, хочется ей развлекать Хилари или нет.

Не успела она решить, будет его общество отрадой или наказанием, как в столовую вошла миссис Пертон с завтраком. Она принялась неторопливо выставлять на стол яйца вкрутую, тосты и чайник, как будто готовилась сообщить мисс Трант сногсшибательную новость, самую настоящую бомбу.

— Поговаривают, мисс… — начала миссис Пертон и умолкла: бомба уже дымилась в ее руке.

Мисс Трант с улыбкой подняла глаза.

— Что, миссис Пертон? Не пугайте меня.

— Поговаривают… — Она вновь умолкла, и вдруг — бабах! — Мисс Чиллингфорд, то есть мисс

Дороти, на днях обручилась!

— Что?! — Мисс Трант едва не взвизгнула. — Не может быть! Я ничего про это не знала!

— Сегодня пришло письмо, — сказала довольная собой миссис Пертон. — Миссис Чиллингфорд рассказала Агнес, та — молочнику Криппсу, а Криппс мне. Свадьба совсем скоро, а потом мисс Дороти сразу уплывет то ли в Азию, то ли в Индию, то ли на Ямайку… словом, в те края, у нее жених там работает.

— Интересно, кто он? — Мисс Трант пригляделалась к миссис Пертон, словно рассчитывала прочесть имя жениха на ее пухлом красном лице.

— Чего не знаю, того не знаю, мисс. — Она взяла поднос и собралась уходить. — И еще вчера вечером на Челтнемской дороге застряла одна машина с мебелью. Напились небось! — И она вышла, торжественно кивая головой, точно заправская прорицательница.

Мисс Трант не волновала судьба машин на Челтнемской дороге, а вот весть о помолвке Дороти Чиллингфорд, неожиданная, как гром среди ясного неба, выбила ее из колеи. Строя планы на будущее, мисс Трант отчего-то рассчитывала на компанию Дороти — или хотя бы на добрососед-

скую поддержку. Еще обидней было то, что ее не известили как полагается. Она подумала, не заглянуть ли к Чиллингфордам, но потом приняла другое решение. «Если миссис Чиллингфорд не объявится в течение часа, — сказала себе мисс Трант, — значит, никакой свадьбы не будет и все это пустые слухи».

Пертон ушел в усадьбу наводить порядок в большом саду, и мисс Трант решила занять его место на цветочных клумбах.

Ждать пришлось недолго. Завидев юркий силуэт миссис Чиллингфорд между шеренгами мальв, мисс Трант поняла, что весть о помолвке Дороти — вовсе не досужие сплетни.

— Доброе утро, голубушка! — задыхаясь, выговорила миссис Чиллингфорд. — Я зашла пригласить вас на чай.

Весть о свадьбе дочери была написана у нее на лбу.

Событие оказалось под стать миссис Чиллингфорд — женщине миниатюрной и жилистой, скованной ревматизмом, но с воинственным лицом, крючковатым носом, цепким взором и неукротимым духом. Ее муж, преподобный Томас Чиллингфорд, был невозмутимейшим из смертных (если дело не касалось окон для

прокаженных, Университетской комиссии и англокатолицизма), а более безмятежной деревушки, чем Хизертон, не сыскать на всем острове. Однако миссис Чиллингфорд ухитрилась превратить свою жизнь в военную сагу. С утра понедельника по вечер субботы она ставила ультиматумы, мобилизовывала резервы и вела сражения, а по воскресеньям устремлялась в церковь — воспевать свои победы и стрелять глазами налево и направо, пока ее муж за кафедрой бормочет о мире. Проведя час в ее обществе, гости, приезжавшие с северо-западных границ Центральной Америки, стремительно пересматривали свои взгляды на английскую сельскую жизнь и отправлялись восстанавливать силы в Лондон. Единственный раз миссис Чиллингфорд потеряла страсть к борьбе и на полгода совершенно угомонилась — она никак не могла уяснить, что Джон Чиллингфорд отныне не живой человек, а лишь имя на памятнике жертвам войны. Добрым людям Хизертона и окрестностей вскоре открылось, что перемирие было временным затишьем перед бурей. Впрочем, мир этот не давал им покоя, и они даже обрадовались, когда жена пастора вновь стала собой. Шесть месяцев спустя она похоронила в себе молчаливую покладистую

старушку в черном и с тех пор воевала без удержу: посыльные, офицеры-вербовщики, знатные дамы, даже епископы и мировые судьи отступали под ее натиском. Ее мягкий и совсем неглупый муж, преподобный Томас Чиллингфорд, ни разу не высказал ей упрека; наоборот, он даже подсовывал жене новых противников и время от времени намекал, что отчаянно нуждается в ее помощи, хотя на самом деле у него никогда не было врагов. Последние год или два обстоятельства не позволяли миссис Чиллингфорд развернуться во всю ширь своего таланта; она довольствовалась заседаниями комитета цветочных выставок и прочими пустяками подобного рода. Но грядущее событие было под стать миссис Чиллингфорд.

— Да, это правда, мне следовало сразу вас известить. Его зовут Аткинсон, Джеральд Аткинсон — возможно, вы знакомы; он здесь бывал, а сейчас остановился у Хорроков. Дороти, конечно, виделась с ним в городе. Да, это так неожиданно, но я все равно рада, очень рада! У него плантации в Кении — то ли кофе, то ли еще что, — и свадьбу надо провести как можно скорее, его ждут дела. Он почти на два года младше Дороти — это, разумеется, сущий пустяк и ничего не значит, — но

родители, которые все еще распоряжаются его финансами, не одобряют его выбора. Безобразие!

Пока миссис Чиллингфорд переводила дыхание, мисс Трант успела подумать, что Дороти нарочно выдумала историю про недовольных родных, дабы ее матушка всей душой одобрила предстоящий брак. Если бы миссис Чиллингфорд доложили, что Аткинсоны только за, она велела бы Дороти немедленно возвращаться домой.

— Ах да, кажется, припоминаю! — воскликнула мисс Трант. — Высокий блондин, верно? Я бы не сказала, что он чересчур молод для Дороти.

Раз уж на то пошло, Джеральд Аткинсон ни для кого не был чересчур молод; то был очень старый молодой человек.

— Вы совершенно правы! — вскричала миссис Чиллингфорд. — Вряд ли они станут молоть такую чушь. Не знаю, что они станут молоть, но завтра же утром поеду в город и узнаю. Дороти может на меня рассчитывать, будь там хоть пятьдесят тысяч Аткинсонов! Кое-кто возомнил, будто может до конца жизни помыкать детьми. Купили сыну плантацию — бедняжке надо было чем-то заняться, и, похоже, он добился больших успехов за первый год, — так теперь возомнили, что имеют право выбирать за него невесту! Самодуры!

— А что думает Дороти? — кротко спросила мисс Трант.

— Вы имеете в виду насчет даты, места, нарядов, транспорта и прочего? О, понятия не имею, что думает моя дочь: ей хватает ума не сообщать о подобных соображениях своей матушке. Завтра поеду в город и все улажу. Это долг любой матери. Дел предстоит много, очень много, а времени практически нет. Я, конечно, могу и передумать, отложить свадьбу до лучших времен. Но вряд ли я стану это делать. Почему вы улыбаетесь, Элизабет?

Мисс Трант нагнулась и вытащила из земли совок.

— Да просто подумала, — не вполне искренне ответила она, — что вас ждут приятные хлопоты.

— Приятные? Вот еще! — Тут миссис Чиллингфорд заметила удивленный взгляд приятельницы и расхохоталась. — Впрочем, вы правы! Она его любит, это сразу видно. Не забудьте про чай.

Мисс Трант вздохнула и вновь принялась за прополку цветочных клумб. Однако то был не сентиментальный вздох. Она нисколько не стремилась замуж и не завидовала подруге, скорее даже сочувствовала ей и немного досадовала: как

следует припомнив Джеральда Аткинсона, она пришла к выводу, что подруга губит свою жизнь. С другой стороны, мисс Трант ничего не смыслила в сердечных делах и мало ими интересовалась. Ее собственную жизнь никогда не тревожили любовные страсти, а с молодыми людьми она поддерживала дружеские и прохладные отношения. Впрочем, один раз мисс Трант поступилась своими принципами. Это произошло двенадцать лет назад, когда они с отцом возвращались на корабле с Мальты. Мисс Трант стало дурно, и к ней вызвали корабельного врача, высокого сухощавого шотландца. Поначалу он робел и вел себя грубовато, выставляя напоказ добропорядочность, но вскоре они подружились: утром гуляли по палубе, а вечерами внимательно изучали умственный и душевный склад друг друга. Последние два дня прошли особенно волнующе: каждый взгляд украдкой, каждое оброненное слово имели огромное значение и едва не били током. Но вот впереди показалась суша, и доктор совершенно переменился, вновь сделался грубоватым и застенчивым, а на прощанье ничего не сказал, лишь крепко, до боли сжал мисс Трант руку, зловеще улыбнулся и ушел прочь. Его звали Хью Макфарлан; у него был очень низкий голос и

выраженный шотландский акцент (широченные гласные и сокрушительные согласные); когда он подставлял лицо солнечным лучам, его волосы пленительно вспыхивали на свету. Мисс Трант запомнила доктора во всех мельчайших подробностях, но вспоминала редко. Вероятно, он служил ей неким тайным мерилом остальных мужчин. Сейчас ей пришло в голову, что он стоил по меньшей мере шести Джеральдов Аткинсонов.

Однако вздох предназначался не ему. Мисс Трант вновь почувствовала себя неприкаянной, ощутила какую-то пустоту внутри. С этим ощущением она отправилась в гости к Чиллингфордам.

— Элизабет, смените обстановку, — сказал мистер Чиллингфорд, погрозив ей пальцем. — Я давно за вами наблюдаю и убежден, что вам необходимы перемены.

— Послушайте моего совета, голубушка, уезжайте отсюда как можно скорее, — добавила его жена. — Конечно, мы будем по вас скучать, но вы непременно должны уехать.

— Куда?

— Куда угодно. В Челтнем, Оксфорд, Лондон — не важно. Продайте все — ценные бумаги, паи, вещи — и откройте собственное дело. Я бы на

вашем месте так и поступила. Не медлите, не раздумывайте. Живите полной жизнью, вкушайте ее радости! — Миссис Чиллингфорд произнесла последние слова с большим смаком и вкусила фруктовый пирог.

— Я тоже об этом подумывала, — призналась мисс Трант. — Но чем же мне заняться? Я ничего не умею.

— Еще как умеете! Попробуйте пирог, голубушка. Вы могли бы открыть лавку, продавать шляпы или платья, как Бетти Уолтхэм.

— Да, но все говорят, что вкус у меня неважный, — слукавила мисс Трант и подумала, что это слабое оправдание. Тем более что в глубине души она всегда была убеждена в безупречности своего вкуса.

— Чушь! Вы прекрасно одеваетесь, — вскричала миссис Чиллингфорд, славившаяся дурным вкусом на всю округу. Она привела в пример еще несколько магазинов, открытых девушками самого знатного происхождения.

— Насколько я могу судить, родная, — вставил мистер Чиллингфорд, закуривая трубку, — только я, наш приход и… э-э… некоторая стесненность в средствах… мешают вам стать второй Селфридж

или Вулворт[8]. — Он хохотнул.

— А что, очень может быть, — энергично ответила миссис Чиллингфорд. — Мне бы возможности Элизабет, я бы горы свернула!

Ее муж вновь обратился к мисс Трант:

— Я бы не советовал вам утруждать себя делами. Поезжайте куда-нибудь, отдохните, смените обстановку. Как насчет Италии?

— Почему-то меня совершенно не тянет в Италию, — призналась мисс Трант.

— Надеюсь, и не потянет! — с жаром заявила миссис Чиллингфорд. — Ради Бога, Элизабет, не превращайтесь в одну из этих жутких незамужних дамочек, которые только и делают, что разъезжают по Италии. Вспомните Агату Спинторп с сестрой, а еще сестер Маррел — ужас что такое!

— Стало быть, Италия отпадает. Сотрем с карты весь полуостров, — чуть насмешливо проговорил мистер Чиллингфорд. Несколько секунд он мечтательно дымил, а затем продолжил: — На вашем месте я бы исполнил какую-нибудь давнюю

---

[8] Примечания: 8

«…мешают вам стать второй Селфридж или Вулворт». — Гарри Гордон Селфридж был основателем сети крупных фешенебельных универмагов «Селфриджес». Фрэнк Вулворт, американец по происхождению, открыл в Ливерпуле первый магазин огромной сети «Вулвортс».

мечту. Устроил бы маленький тур… ну, не очень маленький, если подумать… словом, объездил бы все английские соборы. Вряд ли вас интересует церковная архитектура…

— Совсем не интересует, — прошептала мисс Трант.

— Пожалуй, — Мистер Чиллингфорд нимало не расстроился. — Но подумайте, какая это чудесная возможность узнать свою страну! Кентербери, Или, Норич, Линкольн, Йорк… если начинать с той стороны. Чудо, просто чудо! Потом переберетесь в наши края: Херефорд, Глостер, Уэллс, Солсберри и так далее. Прелестно! — Его пухлое лицо разрумянилось от восторга.

Мисс Трант тоже немного воодушевилась.

— Когда вы так говорите, мне и самой хочется. Я ведь почти нигде не бывала.

Мистер Чиллингфорд посерьезнел.

— Я уже много лет вынашиваю эту идею.

— Почему-то я слышу о ней впервые! — воскликнула его жена. — По-моему, скука смертная. Все города с соборами похожи друг на друга как две капли воды, не слушайте его, голубушка!

Они еще немного поболтали о соборах и магазинах, и мисс Трант вернулась домой, где провела полтора часа за любимым романом Скотта,

«Редгонтлетом», который перечитывала уже в четвертый раз. Мисс Трант питала особую страсть к историческим романам — не сентиментальному чтиву с историческим антуражем в виде мантий, кинжалов и «святынь», а к серьезным произведениям. Она предпочитала их любой другой литературе; последние двадцать лет они служили ей сперва развлечением, а потом утешением. Мисс Трант обожала передавать тайные послания от Людовика XI герцогу Бургундскому, мчаться сквозь непогоду в Блуа, требуя мести Гизам, следить из стога сена за солдатами Айртона, прятаться в вересковых зарослях после бегства принца Чарли во Францию, переправляться через Рейн с Наполеоном и его маршалами. Обмениваться паролями, созывать кавалерию, громыхать по Великой северной дороге, промозглыми ночами барабанить в двери постоялых дворов, — как ни странно, эти мальчишеские забавы приносили ее разуму огромное удовольствие. Увидев мисс Трант с книжкой в руках, вы бы нипочем не догадались, что в эти минуты она с удовольствием поднимает бокал за разброд в Лиге или стреляет из фузеи. Таковы были ее литературные вкусы. Тяжеловесная сатира и приторные любовные романы наших дней остав-

ляли мисс Трант равнодушной. Ей нравилось, когда события разворачивались стремительно, с первой же главы; она могла в любой момент выскользнуть в эту крошечную дверь и отправиться на поиски захватывающих бесполых приключений. Романы о незамужних женщинах, которые живут в деревне, присматривая за престарелыми родителями, или ютятся в гостевых коттеджах, нагоняли на нее такую смертельную тоску, что она всеми силами их избегала.

Мисс Трант читала «Редгонтлета» и за ужином, а после девяти из деревни донесся беспокойный рев автомобиля: приехал Хилари. Когда они поставили машину в гараж при усадьбе, вернулись в дом и уселись в маленькой гостиной, было уже почти десять.

— Ну, Хилари, рассказывай скорей все новости, — сказала мисс Трант и тут же добавила: — А вообще ты меня пугаешь.

— Правда? Великолепно! — вскричал Хилари высоким чистым голосом. Он не стал спрашивать, чем напугал тетушку: на то было масса известных ему причин.

Однако мисс Трант сочла нужным объясниться:

— Не льсти себе, я напугана вовсе не тем, что ты

теперь важный молодой господин из Оксфорда, хотя это и имеет некоторое отношение к моим страхам. Просто ты так быстро меняешься, я помню тебя совсем мальчишкой…

— А, вот в чем дело! — Хилари скривился.

— Да, всего лишь в этом. Мне словно показывают какой-то жуткий фокус. Я живу тут год за годом, вокруг все по-прежнему, а ты постоянно меняешься: детский сад, подготовительная школа, частная школа, теперь Оксфорд…

— Пожалуй. Но я уже перестал меняться, уверяю тебя, — с некоторым высокомерием ответил Хилари.

— А вот и нет. Скоро ты женишься, отпустишь усы…

— Не дай Бог! — пронзительно вскрикнул Хилари. — Такое бывает от жизни в деревне, милая моя тетушка. Нездоровая жизнь. Только взгляни на эту несусветную глушь!

Мисс Трант вместо этого взглянула на него — подтянутого и элегантного молодого человека с точеным, нагловатым лицом и самыми возмутительными суждениями обо всем на свете. Его отец — ее брат, индийский судья — очень удивился бы, спустя много лет увидев родного сына. Эта мысль грела мисс Трант душу: все-таки на

жизнь судьи выпало слишком мало неприятных сюрпризов.

— Так-так, — проговорила она. — Тебя приняли в коллегию барристеров?

— Скоро примут, — ответил Хилари. — Это папина затея, и я теперь таскаюсь по всяким званым ужинам и прочее. Но по профессии я работать не стану. Мало кто работает, знаешь ли. Все эти прирожденные адвокаты, день-деньской готовящие речи для Союза, в итоге становятся спортивными журналистами, мюзик-холльными агентами или еще кем.

Следующие пятнадцать минут мисс Трант слушала разглагольствования племянника о том, почему он не может стать адвокатом. Дело это недостойно человека мыслящего, считал Хилари, и мисс Трант потихоньку злорадствовала, вспоминая помпезного и властного братца. Когда с коллегией было покончено, мисс Трант спросила, чем Хилари думает заняться.

— Ты, конечно, слышала про «Оксфорд-статик»? — начал он.

— Нет, а что это? — Увидев обиженно-удивленное лицо Хилари, она поспешно добавила: — Прости, ты же знаешь, до нашей глуши новости не доходят.

Он просиял.

— Конечно, не доходят! С вами вообще невозможно связаться, да еще дедушка и все такое. В общем, слушай: «Оксфорд-статик» — это наше периодическое издание. Наше — то есть мое, Карреры-Брауна, мудрейшего человека с блестящим умом, и Стурджа, нашего поэта. Мы имели огромное влияние, просто огромное. Без наших отзывов люди не смели пошевелиться, шагу ступить не могли!

— О чем же вы писали?

— Обо всех искусствах, обо всех, даже о танцах и кинематографе. Предлагали читателям свежий взгляд на культурные события. — Хилари так разволновался, что встал со стула и заходил по комнате, вещая все громче и громче: — Мы, Статики, — отличное название, не правда ли? — убеждены, что искусство должно быть выше чувств. Жизнь и Искусство по горло увязли в сентиментальной жиже, и мы говорим людям: пора вам стать — как бы выразиться? — бесчувственными, спокойными и возвышенными. Выбросьте чувства на помойку, вот к чему мы призываем. Задумка родилась года два назад: мы сидели в комнате Карреры-Брауна и болтали, болтали до самой ночи, пока все не решили. Вот

это был вечер!

— Представляю, — пробормотала мисс Трант.

Хилари мерил комнату шагами и размахивал сигаретой.

— Потом мы придумали себе имя, и очень скоро наше издание увидело свет. Теперь мы хотим печататься на городском уровне, сократив название до «Статика». Думаю, он будет выходить ежемесячно. Заинтересованы многие влиятельные лица страны — Каррера-Браун знает всех, попросту всех! — даже леди Баллард обещала помощь. Но для начала нам надо собрать кое-какие деньги. Я буду вести колонки о театре, кино и французской литературе. Синтия Грамм — ну, из Парижа, она еще не ставит знаков препинания и вечно выдумывает новые словечки — согласилась для нас писать. Но мы приняли решение, что имен авторов нигде не будет, только номера: я, к примеру, Статик № 3. Блестящая идея, не находишь? Рисовать будет Оппельворт, Статик № 6. Мы быстро его вразумили. Он пропагандировал абстрактное искусство — это когда художник изображает не окружающие предметы, а собственные чувства, — но теперь он понял, что это никуда не годится, полностью отказался от чувств и стал Статиком. У нас даже будет музыка.

В чистой форме, понимаешь?

— Честно говоря, не очень, Хилари, — ответила мисс Трант. Разговор с племянником доставлял ей удовольствие, но ее начинало клонить в сон.

— Правильно, я и объяснять-то не начал! — выпалил Хилари. Тут его тетушка с трудом подавила зевок, и он, будучи юношей благовоспитанным, сразу умерил пыл: — Прости, пожалуйста, я тебя утомил! Ты ведь обычно ложишься в девять? Не буду тебя задерживать. Поговорим утром. Найдется что почитать?

— Вряд ли. Книги-то есть, но тебе такие не по вкусу.

— Я кое-что прихватил с собой и пороюсь в твоих запасах, если можно. Чую, мне теперь не уснуть, никак не уснуть! От всех этих разговоров о «Статике» я бодр, как никогда.

— Ты действительно очень взволнован, — серьезно заметила мисс Трант.

— Правда? — невинно переспросил Хилари. — В самом деле, прямо кровь кипит в жилах. Еще бы! У меня столько планов, возможностей и… ах, масса всего!

Она оставила племянника успокаиваться и собираться с мыслями, а сама пошла к себе — на душе у нее было гораздо веселей и радостней,

чем днем. В печати вот-вот должен появиться «Статик», который перевернет все людские представления о прекрасном, а она ничегошеньки не знает о Синтии Грамм и Оппельворте, не говоря уж о Каррере-Брауне и Стурдже, но это не помешало мисс Трант мгновенно погрузиться в сон. Все же порой очень приятно быть тетей.

III

Утром мисс Трант ждало единственное письмо, но письмо поистине важное.

Дражайшая Элизабет!

Известно ли тебе, что твой отец задолжал мне 600 фунтов? Он распорядился, чтобы долг выплатили после продажи его имущества, но Труби объяснил мне, кто в таком случае потеряет деньги. Будь это твой брат или сестра — они оба в средствах не нуждаются, по крайней мере раньше не нуждались, — я бы принял деньги без зазрения совести, но забирать их у тебя я не намерен. Словом, я вернул Труби 600 фунтов. Пожалуйста, не упорствуй, я обеспеченный человек и знаю, в каком ты теперь положении. Уверен, здравый смысл не позволит тебе отвергнуть мою помощь. Что думаешь делать? Двадцать или даже десять лет назад я бы пригласил тебя погостить, но теперь Восток уже не тот. Треклятая студенческая политика! Если ты гарантируешь мне хотя бы некое подобие лета, возможно, я приеду в гости сам, но не раньше: последний раз я только и делал, что дрожал и кутался в плед.

Твой любящий дядя, Джордж Чатсворт.

Мисс Трант оторопело прочитала письмо и хотела прочесть заново, когда явился Хилари — весь из себя Статик.

— А, это мой двоюродный дед, хозяин чайной плантации? — спросил он, выслушав новости. — Видел его однажды, когда еще учился в школе. Помню, он здорово смахивал на Марка Твена. Надеюсь, ты возьмешь деньги?

— Может быть… — медленно и неуверенно протянула мисс Трант.

— А почему нет? — Хилари воззрился на нее. — Они, между прочим, и так твои. Ты их полностью заслужила. Да ты и не богата, верно?

— Нет, у меня будет около трехсот фунтов годового дохода, когда я сдам усадьбу. Кстати, завтра ее придут смотреть. И еще больше тысячи осталось после торгов.

— Значит, вместе с неожиданным подарком от дяди у тебя будет около тысячи шестисот фунтов. — Хилари аккуратно почистил яйцо, приподнял брови и взглянул на тетушку. — Ты, конечно, не горишь желанием вложиться в «Статик»?

— Не горю, Хилари, — прямо ответила мисс Трант.

— Так и думал, — уныло проговорил пле-

мянник. — Жаль, конечно, тебе бы страшно понравилось — я имею в виду, принимать в этом участие, — да и прибыль не заставит себя ждать. Ничего, что я спросил?

— Ничего. — Мисс Трант улыбнулась и решила не называть ему истинной причины отказа: ей не хотелось помогать племяннику тратить время впустую. — Ты ведь знаешь, семья взбунтуется, если ты бросишь адвокатуру…

— Еще бы, — спокойно согласился Хилари. — Я пока не писал в Индию, но на днях сообщил тете Хильде, и она жутко расстроилась. Впрочем, ничего удивительного. Она не как ты, ее жизнь — сплошная оргия чувств, не находишь?

— Тем более, — продолжала мисс Трант. Мысль о том, как Хильда встретилась лицом к лицу со Статиками, вызвала у нее улыбку. — Я не хочу быть замешана в этом деле, а иначе не выйдет, если я тебе помогу.

— Можешь вложить деньги анонимно.

— Рано или поздно все выяснится. В смысле, мое участие. Ты же знаешь, как оно бывает. — Сама она не очень-то знала, как оно бывает, но ее слова прозвучали убедительно.

— Да уж, — важно кивнул Хилари, который знал и того меньше.

Они понимающе переглянулись и порадовались своей сообразительности.

— У меня в запасе есть сотня, — сказал Хилари, прикурив первую сигарету. — Но для начала нужно двести пятьдесят. Я подумываю продать автомобиль. В городе от него все равно нет проку. Сплошные затраты. Никому из твоих знакомых, случайно, не нужна машина? Это «мерсия» прошлого года выпуска.

— Нет, вряд ли, — медленно проговорила мисс Трант, буравя племянника взглядом.

— Что такое?

Она рассмеялась:

— Ничего, пустяки! Не хочешь прогуляться? — В действительности ее не покидала мысль об автомобиле.

Хилари подбрел к окну.

— Что будем делать?

— Что хочешь. Сады тебя, верно, не интересуют?

— Нисколько, — искренне признался Хилари. — В теплую погоду я не прочь посидеть на воздухе, но копаться в земле, обсуждать садоводческие хитрости и все такое прочее — уволь. Я охотней покатаюсь на машине.

— С удовольствием. Ой, подожди, мне ведь

сперва надо показать тем людям усадьбу! Я обещала быть дома.

— Прогуляюсь с тобой. Гляну на машину, а там и на людей, если они явятся. Никогда не видел, как смотрят дом.

— Что же тут интересного? — Мисс Трант удивленно приподняла брови.

— Я хочу знать, как люди делают самые разные вещи, — серьезно ответил Хилари. — Отныне это мой долг: наблюдать и записывать. В занятиях людей есть некий ритм, и я хочу его услышать… выделить. Подумай о новых фильмах. — Высказав сие загадочное наблюдение, Статик № 3 торжественно посмотрел на тетушку и, махнув на прощание, вышел вон.

Дойдя до конца сада, мисс Трант увидела, как по улице медленно катит древний и громадный «даймлер» Харли — автомобиль, на котором все хизертонцы ездили на станцию и со станции. Внутри сидела миссис Чиллингфорд: она помахала мисс Трант и скрылась за поворотом, а с ее исчезновением будто бы ужались и потускнели сам Хизертон и ясное осеннее утро. Жена приходского священника направлялась в Паддингтон, навстречу Дороти, враждебно настроенным Аткинсонам и великим подвигам. «Что ты будешь

делать, делать, делать?» — ревел мотор набирающего скорость автомобиля. У мисс Трант пока не было ответа на этот вопрос. Она вспомнила про неожиданный подарок — шестьсот фунтов, свалившихся на нее прямо с неба, — и ощутила приятное волнение. Чего только не сделаешь на шестьсот фунтов — можно объехать весь свет! Но мисс Трант не желала отправляться в кругосветное путешествие в одиночку. «Я сама не знаю, чего хочу, вот в чем беда», — сказала она кивающим георгинам. Зато миссис Пертон знала, чего она хочет — по крайней мере на обед и на ужин. Посоветовавшись с ней, мисс Трант отправилась в магазин.

На обратном пути она встретила у ворот усадьбы мистера Пертона.

— Я вас искал, мисс, — сказал он, тронув кепку и тут же сунув руки в карманы. — Приехали! А с ними, похоже, молодчик из конторы Медворта — выглядит точь-в-точь как эти барышники. Видели бы вы его машину — размером с дом!

Мисс Трант не успела ответить, поскольку в эту секунду из-за угла выскочил упомянутый молодчик из конторы Медворта. Он приподнял шляпу и с жаром прошептал:

— Уламываем их на двести фунтов!

Больше он ничего не сказал: на сей раз из-за угла неожиданно вышел необычайно высокий, необычайно бледный господин с длинными обвислыми усами. Окинув всех внимательным взглядом, он снял шляпу, забыл ее надеть и пробормотал:

— Мисс Трант, правильно? Рэтбери. Вот, приехали взглянуть… Извините за беспокойство… Чудесное утро…

К этому времени мисс Трант начало казаться, что у ворот родной усадьбы разворачивается презабавнейшая комедия. Ее так и тянуло рассмеяться, но она взяла себя в руки и выразила надежду, что мистеру Рэтбери понравился ее очаровательный дом.

— Да, мы только что посмотрели, — пробормотал мистер Рэтбери. — Чудесное место, чудесное! Как раз то, что мы искали. Оно самое. Милейший дом.

— Правда, не очень большой, — весело заметила мисс Трант, пытаясь как-нибудь поддержать беседу.

— Совсем не большой, совсем, — согласились длинные усы. — Но это его не портит. Нисколько. По нынешним меркам в самый раз. Наверное.

— А, вот вы где!

Все подпрыгнули. Голос был громкий и строгий, и шел он от квадратной дамы с толстым багровым лицом и серыми глазами навыкате.

— Моя супруга, — сникая, вымолвил мистер Рэтбери.

— Так это хозяйка? — громко вопросила его жена. — Мисс Трант, верно? Приятно познакомиться.

— Хотите, я покажу вам дом? — У мисс Трант было чувство, что она обращается к линкору.

— В этом совершенно нет нужды, совершенно. Мы еще немного посмотрим, если не возражаете. Вряд ли мы надумаем снимать. Дом слишком маленький, правда? Тесноват, не так ли? — Она воззрилась на мужа.

— Да, тесноват, конечно, — проронил мистер Рэтбери, упорно не глядя на собравшихся. — Большой недостаток, я бы сказал.

— И вообще, муж, наверное, уже сообщил вам, что мы подыскиваем дом в другом стиле.

— Да-да. — Он скорбно пощупал длинные усы. — Немного в другом стиле, чуть-чуть в другом, я бы сказал.

— Совсем в другом! — рявкнула миссис Рэтбери и по очереди смерила всех строгим взглядом. — Но мы еще посмотрим. — Она тут же развернулась

и ушла, а ее муж и молодой агент поспешили следом.

Мисс Трант с Пертоном глубоко вздохнули и переглянулись.

— Вам небось надо отнести покупки в коттедж, — протянул Пертон. — Пойду отнесу.

Мисс Трант вернулась домой, поговорила с миссис Пертон, протерла пыль в гостиной и медленно, очень медленно пошла обратно к Олд-Холлу. Бредя по подъездной дорожке, она вроде бы заметила Хилари, который скрылся в саду за домом. В следующий миг на улицу вышла чета Рэтбери.

— Что ж, мы согласны. Но только за двести — ни пенни больше! — орала миссис Рэтбери. Тут она увидела мисс Трант. — Я как раз говорю, что мы снимем ваш дом за двести фунтов. У вас очаровательная усадьба, очаровательная, но за ней нужен особый уход. Конечно, придется тут кое-что переделать. — Она уставилась на мисс Трант, а потом сквозь нее словно бы на все поколение Трантов, преступно запустивших дом. — К счастью, мы тут повстречали хорошего молодого архитектора. У него уже есть дельные предложения.

Усы мистера Рэтбери издали неясный звук, вы-

ражавший его полное и безоговорочное согласие с женой.

Пришел черед мисс Трант удивляться. Она посмотрела на помощника мистера Медворта — вид у него был одновременно победный и озадаченный, — а затем вновь уставилась на миссис Рэтбери. Как ни странно, та улыбалась. Правда, ее глаза не принимали участия в улыбке, но лицо покрылось благодушными складками.

— А вы и не говорили, что ваш дом — такая достопримечательность! — дружелюбно прокричала миссис Рэтбери. — Я, конечно, сразу это почувствовала. Если за домом хорошенько ухаживать, от туристов отбоя не будет! Это нам молодой архитектор рассказал. Он проехал сто миль, чтобы взглянуть на вашу усадьбу, представляете?

— Ничего не понимаю, — выдавила мисс Трант. — Какой архитектор?

— Как бишь его звали? — Миссис Рэтбери осмотрела ее с ног до головы, как будто ответ был написан на ней. — Ах да, мистер Статик!

Тут уж мисс Трант не выдержала и звонко расхохоталась.

— Ой, извините! — прыснула она. — Просто имя чудное.

— В самом деле, в самом деле, — пробормотал мистер Рэтбери, решивший, что обращаются к нему.

— И правда! — Миссис Рэтбери неодобрительно посмотрела на обоих. — Насколько я понимаю, это имя кое-что да значит — в архитектурных кругах. Как там говорил мистер Статик, в какой области он авторитетный специалист?

— Деревянные панели семнадцатого века, — ответил молодой агент немного странным, как показалось мисс Трант, тоном.

— Точно! Удивительно, как я сразу не вспомнила, его фамилия у меня на слуху. Деревянные панели семнадцатого века. Прекрасный образец, сказал мистер Статик. Конечно, за ними нужен правильный уход. Такой дом — большая ответственность, мисс Трант. Впрочем, смею судить, вас подобное не интересует. Скажи Джонсону, что мы скоро выезжаем.

Мисс Трант сразу захотелось отказать ей в аренде дома. Если в усадьбе поселится эта страшная женщина, жизнь в Хизертоне станет невыносимой, пусть у миссис Чиллингфорд и появится новый повод для войны.

«Странно, — подумала мисс Трант, — мне почему-то все равно. Наверно, просто надоело здесь

жить». И она принялась как можно вежливей отвечать на расспросы миссис Рэтбери, ничего не сказала про Хилари (он сослужил ей хорошую службу) и порекомендовала обратиться к мистеру Медворту.

После обеда, во время которого Хилари терзался двумя противоречиями — мальчишеским озорством и стыдом серьезного молодого интеллектуала, поддавшегося низким порывам, — они отправились в Челтнем на его машине. Мисс Трант зашла к мистеру Труби, который поздравил ее с удачными торгами, щедрым подарком от дядюшки и успешной сдачей усадьбы, а потом посоветовал непременно съездить куда-нибудь отдохнуть.

— Ваши дела теперь поправились, — добавил он. — Все куда лучше, чем мы ожидали. Я положу эти шестьсот фунтов на депозит, пока вы не решите, что с ними делать. Не волнуйтесь насчет денег. Перемены пойдут вам на пользу, — заключил он тоном человека, не понаслышке знающего о пользе перемен (хотя сам он всю жизнь просидел на одном месте).

Мисс Трант вышла из темной конторы на яркое солнце и сразу приободрилась.

— Какие у этих адвокатов жуткие и старомод-

ные кабинеты! — воскликнула она. — Побывать у мистера Труби — все равно что очутиться в романе Диккенса.

— Кошмарище! — содрогнулся Хилари.

Они зашли в кафе, и там он сообщил ей печальную весть:

— Пока ты была у мистера Труби, я свозил машину к автомеханику — узнать, сколько за нее дадут. Около семидесяти пяти фунтов. А я заплатил за нее вдвое больше! Скажешь, не надувательство? Эти ребята так просто с деньгами не расстаются. — Опустившись до столь заурядного образа мыслей и чувств, он пребывал в нем до конца трапезы, и мисс Трант втайне посмеивалась над племянником.

На полпути домой, когда на дороге почти не осталось машин, она попросила его съехать на обочину.

— Можно я порулю? — не без волнения спросила мисс Трант. — Права я получила, когда у Дороти Чиллингфорд был свой автомобиль. Объяснишь, как управиться с этим?

— Легче легкого! Он почти сам едет. А что это ты вдруг? — Он выскочил из машины и обошел ее с другой стороны.

— Ну… если я смогу водить, то куплю у тебя

машину, Хилари. Конечно, если ты по-прежнему хочешь ее продать.

— Еще как сможешь! — радостно вскричал Статик. — И конечно, я очень хочу ее продать.

— Я заплачу столько, сколько она стоила. Сто пятьдесят фунтов.

— Вот это да! Честное слово? Точно не передумаешь?

— Точно, — решительно ответила мисс Трант. — Если научусь ее водить.

— Обязательно научишься! — с растущим волнением вскричал Хилари. — Нет ничего проще! Давай покажу, где тут что находится. Машина хорошая, ты уж мне поверь.

И он стал показывать тетушке, где, что и как. Следующий час она просидела за рулем, слушая наставления племянника, а потом так расхрабрилась, что сама поехала домой и по пути обогнала два больших автобуса, фургон и несколько трясских грохочущих грузовиков. За всю дорогу она ни разу не сбрасывала скорость ниже пятнадцати миль в час, а в ворота усадьбы въехала запыхавшаяся и гордая собой. Еще десять минут ей объясняли, как ставить машину в гараж (не настоящий гараж, а старые конюшни) и выводить ее оттуда. Мисс Трант вновь познала ужасы и

опасности задней передачи, но Хилари заверил ее, что все будет в порядке.

— Чек выпишу утром, — сказала она племяннику за ужином.

— Вообще мне не к спеху, — ответил он, но сам просиял. — Хотя, конечно, было бы здорово. Утром я бы еще поучил тебя водить (хотя в моих подсказках ты больше не нуждаешься), а потом сел бы на поезд до города. Ты ведь не сердишься, что я так скоро уезжаю? Мне, видишь ли, надо поскорей выловить Карреру-Брауна.

— Не сержусь, — ответила мисс Трант. — Я и сама скоро уеду, может, уже послезавтра. — Собственные слова ее страшно удивили: для нее это была такая же новость, как и для Хилари. На самом деле ее племянник удивился даже меньше.

— Шикарно! — рассеянно воскликнул он, глядя сквозь тетушку. Мисс Трант видела, что в мыслях он уже встречается со Статиками.

Перед сном она в который раз дочитала «Редгонтлета», но книжку на сей раз отложила без вздоха. В темную и таинственную ночную пору она погнала свою маленькую «мерсию» по неведомым дорогам — дорогам, петляющим меж сияющих холмов сновидений.

IV

— Знаешь… — начал было Хилари, глядя на нее из окна вагона, но тут же умолк.

— Договаривай. Знаю что? — Она с улыбкой подняла на него глаза.

Тонкий знаток человеческой природы помедлил с ответом.

— Ты сегодня какая-то… другая. Наверное, дело в машине.

— Пожалуй, — кивнула мисс Трант. — Я чувствую себя немножко сумасбродкой, Хилари. Интересно, каким по счету Статиком я буду?

Поезд тронулся.

— Не меньше чем пятидесятидвухмиллионным! — крикнула она и помахала племяннику на прощанье.

По пути домой она притормозила рядом с бредущей по дороге черной фигурой.

— Ах, что же это? Что? — вскричал мистер Чиллингфорд.

— Залезайте и сами увидите! — ответила мисс Трант, и еще до того, как они въехали на холм, священник принял ее приглашение на чай и разузнал все о машине.

— Хочется немедленно отправиться в путь, —

призналась мисс Трант, разливая чай.

Мистер Чиллингфорд опустил очки и поднял брови.

— Совсем одной?

— А что?

— Ну, не знаю. В самом деле, почему бы и нет? — Он рассмеялся, а следом рассмеялась мисс Трант, и они показались себе лучшими друзьями на свете. Правда, в следующий миг мистер Чиллингфорд столь глубоко погрузился в размышления, что весь обсыпался крошками орехового кекса.

— Ну? — не выдержала мисс Трант.

— Простите. Ох, ну и дел я наворотил! Мне кажется, вам стоит начать с Или. Только подумайте! Вы будете спускаться с холмов к центральным графствам Англии, все ниже и ниже на восток, пока не окажетесь на самом дне низины. И тут перед вами вспорхнет к небу колоссальная башня — грандиозное зрелище, моя милая Элизабет, грандиозное! Вы ведь не видели Илийский собор? Наверняка нет. Дивный восьмиугольник. Все здание пропитано каким-то варварским очарованием. Обязательно начните с Или! — Он так раззадорился, что опрокинул чашку в блюдо с бутербродами.

Мисс Трант наконец осенило (все это время она

смотрела на него с веселым недоумением):

— Ах, так вы про тур по английским соборам!

— Именно. Разве вы не хотели их осмотреть? И правда, как глупо вышло. Это же была моя затея. Я рассказал вам о своей мечте и решил, что вы тоже загорелись. Старый эгоист! Еще ведь подумал, что вы заглянете к моему старому приятелю, Кэнону Фотергиллу из Линкольна. Ну, если начнете с Или, конечно. А это прекрасное начало, скажу я вам. Впрочем, что это со мной, вы ничего начинать не собираетесь. Дурак! — Он печально хохотнул.

— А вот и собираюсь! — решительно заявила мисс Трант. — Я начну с Или, как вы и предлагаете. И обязательно зайду к Кэнону Фотергиллу из Линкольна, если он пустит меня на порог. А вы скажете мне адрес.

Мистер Чиллингфорд вскочил из-за стола, разбрасывая крошки орехового кекса.

— Сбегаю домой за своей старой картой. Взглянуть на нее лишний раз — как бальзам на душу. В свое время я и сам проделал этот маршрут — на велосипеде, представляете?

Однако мисс Трант предпочла достать свою карту, и следующие пятнадцать минут они просидели за ней. Мистер Чиллингфорд засыпал

мисс Трант названиями городов, улиц, гостиниц, нефами и трансептами и в этом безудержном волнении смел со стола молочник. Он взял карандаш и бумагу, покрыл две страницы дорожными указаниями, ненароком запихнул их в карман и обыскал всю комнату, после чего объявил, что потерял записи. Мисс Трант захотелось помчаться к себе и скорее собрать сумки.

— Выезжаю утром!

— Я бы на вашем месте обождал, — урезонил ее священник. — Завтра воскресенье. Не поймите меня неправильно, я не считаю, будто делать что-нибудь в воскресенье — грех. Тем более почитать Господа лучше в Или, нежели слушая меня. Но все-таки я советую вам выехать в понедельник. В начале недели меня так и тянет в путь.

И именно в понедельник утром мисс Трант отправилась в дорогу, а все суматошное воскресенье провела в сборах, написании писем и раздаче поручений Пертонам. Перед самым отъездом она пять минут поболтала с мистером Чиллингфордом, махнула ему на прощанье, рискованно обернувшись на повороте, и покатила с холма вниз, на восток от Хизертона. Солнечные лучи золотили долину; утро было свежее и хрустящее, как орешек; дороги выписывали приглашения,

даже провода над ними маняще гудели, зовя в распростертые впереди голубые дали; каждый поворот колеса приносил мисс Трант чувство полной власти над своей жизнью, а от каждого мильного столба, приближающего неизвестное и восхитительно сумасбродное, ее охватывала приятная дрожь. Неужели она и впрямь едет через всю страну в Или? Да, да, можно поехать куда угодно, в любой уголок страны! Вот эта самая дорога ведет к первому собору, но куда еще? Мисс Трант не знала и с удовольствием нежилась в своем неведении, дымчатом, сияющем и золотистом, как само утро.

У нее в сумочке было тридцать фунтов и чековая книжка, с помощью которой она могла в любой момент снять еще полторы тысячи. За сиденьем уютно устроились ее самые любимые вещи: новенький чемодан, который до сих пор пригодился ей всего раз, и четыре великолепных исторических романа, полных лучников, якобитов, заговорщиков и драгунов, умоляющих выпустить их на свободу с первым светом настольной лампы. Все вместе они бежали прочь из Хизертона, навстречу сулящей приключения голубой дали.

В паутине движения на узкой Нортлич мисс

Трант пришлось остановиться рядом с огромной машиной, ехавшей навстречу. Из окна осторожно высунулись знакомые длинные усы.

— Мисс Трант? Так и думал, — пробормотал их обладатель. — Чудесное утро! Далеко собрались?

— Доброе утро, мистер Рэтбери! — громко и четко воскликнула она. — И правда, чудеснейшее утро! А собралась я очень далеко! Проеду сотни и сотни миль, пока не собьюсь с пути. — Она улыбнулась и улыбалась до тех пор, пока не увидела перед собой квадратное багровое лицо с серыми глазами.

— Прошу прощения! — крикнула миссис Рэтбери, перегнувшись через мужа и побагровев еще сильней. — Куда, говорите, вы едете? Мы хотели еще раз взглянуть на Олд-Холл. Возможно, вы нам понадобитесь.

— Отныне я невидимка. — Да-да, мисс Трант в самом деле это сказала. А потом целиком сосредоточилась на коробке передач, поскольку стоявшие впереди машины вновь тронулись.

— Назовите адрес! — завопили ей вдогонку.

— А нет адреса! Нет никакого а-адре-еса-а! — Эти слова она прокричала во все горло. Уже много лет она не позволяла себе так шуметь. Удовольствие было непередаваемое.

Дорога вскоре стала шире и свободнее. Юго-западный ветер нагнал двухместный автомобильчик и раскрасил румянцем щеки мисс Трант. (Он летел все дальше и дальше, пока не подхватил дым из фабричных труб Хигдена, где мистер Окройд отрабатывал последний день). Она устремилась вперед и промчалась вдоль одной из многочисленных зеленых крыш Англии, — то была новая мисс Трант, которую хизертонцы никогда не видели и, вполне возможно, никогда не увидят.

Глава 3
Иниго Джоллифант цитирует Шекспира и уходит в ночь

I

Мы оставили все холмы позади, и теперь наш взор обращен к просоленным и свистящим ветрами прибрежьям Северного моря. Здешний край похож на блюдце, изборожденное рвами и прямыми как стрелы дорогами. На севере и на юге видны пятна дыма, яркая паутина железных дорог и башни, что древнее далеких полей, которые они оглашают колокольным звоном: там маячат Питерборо, Или и Кембридж. Мы на самой кромке Болотного края. Эти земли выдернули из воды. Лишь кое-где мелькнет прежний мрачный хаос топей и тростника, ольхи и ситника; вдруг вспорхнет и закричит дикая птица. Все остальное давно превратилось в пастбища и неоглядные поля, сверкающие жнивьем, — от них кормятся ветряные мельницы и рассыпанные тут и там кирпичные фермы. В этих краях фермер жиреет; на его столе всегда есть мясо, пудинг и эль. Однако вас не оставляет чувство, что былое запустение

еще не покинуло здешних земель. Быть может, дело в небе, которое днем может порадовать синевой и белыми облаками, а ночью — проблеском звезд, чего не встретишь нигде между Бервиком и Пензансом, — оно чересчур огромное, чересчур величественное и непостижимое для человека, если только человек этот не пришел, как в стародавние времена, просто поклониться Господу. Возможно, здесь слишком остро чувствуется суровое соседство Северного моря и ветреных степей. Или причина в том, что это низина: с наступлением темноты она вновь превращается в призрачные топи, населенные духами монахов. Как бы то ни было, запустение дает о себе знать: его не заглушишь скрипом самых тяжелых подвод с урожаем. Даже маяки кажутся не такими одинокими, как здешние крошечные фермы. Дороги тянутся и тянутся вперед, миля за милей, но ведут неизвестно куда. Поезда, с опаской пыхтящие по единственному железнодорожному пути, движутся будто бы без всяких отправных точек и пунктов назначения, а лишь неспешно бороздят здешние земли, подчеркивая стуком колес бесконечную тишину. Неуловимая печаль прерий окутала эти осушенные болота. Словно богач, который щедро раздает деньги, но никогда

не улыбается, этот край изобилен и плодороден, однако в сердце его — дикая пустыня.

Где-то посреди описанных земель есть узкая проселочная дорога, ведущая к крошечной деревушке: двадцать домов, лавка да пивная. Примерно в миле от них возвышается довольно большой дом, рядом с которым дорога в отчаянии заканчивается. Это самый высокий дом в округе — здание красного кирпича и неизвестного архитектурного стиля. Лет шестьдесят или семьдесят назад его построил один странный джентльмен из Австралии: всю жизнь он мечтал о загородной усадьбе, а когда наконец исполнил мечту, скоропостижно спился и умер. Теперь, как можно судить по сараям и другим внешним постройкам, футбольным воротам и потрепанным полям, это больше не загородная усадьба. Несколько лет назад некий Джеймс Тарвин, магистр искусств (выпускник Кембриджа), женился на даме, которая была на десять лет его старше, купил на ее деньги означенный дом — усадьбу Уошбери — и превратил его в школу Уошбери, где пятьдесят — шестьдесят мальчиков, предпочтительно сыновья джентльменов, готовятся к поступлению в частные привилегированные заведения и любым трудностям, какие могут

выпасть на их долю. В школу Уошбери приходят письма со всего света. Дамы и господа из далеких бунгало время от времени получают оттуда послания, по поводу которых испытывают большую гордость и становятся невыносимы. Родители многих мальчиков из Уошбери живут в Индии, Африке и подобных странах; у иных учеников вовсе нет родителей, а есть только опекуны — люди хоть и вполне добросовестные, но не желающие тратить время на сравнение всех подготовительных школ Англии. Не сказать, что Уошбери — плохая школа, однако и лучшей ее не назовешь. Один господин из торгового флота, приехавший навестить племянника, отозвался о ней следующим образом: «Как-то скверно тут попахивает». Впрочем, господин этот был не из тех, с чьим именем мистер Тарвин (по его собственным словам) хотел бы связывать школу. Мистер Тарвин позволяет себе пренебрегать подобной критикой: в его распоряжении хвалебные отзывы от некоторых общественных деятелей, включая колониального епископа, а также стипендии, чистый воздух и вода, живительная атмосфера, идеальные санитарные условия, хорошие футбольные поля и преподавательский состав из трех университетских выпускников, как то:

Роберт Фонтли, выпускник Оксфорда, Иниго Джоллифант, выпускник Кембриджа, и Гарольд Фелтон, выпускник Бристольского университета. Кроме того, при школе работают экономка мисс Калландер с дипломом по домоводству и отставной сержант Комри, ответственный за физическую подготовку и трудовое воспитание учеников. За здоровье и благополучие мальчиков отвечает не кто-нибудь, а сама миссис Тарвин, дочь преподобного Джорджа Беттерби. Будь вы родителем, живущим в Индии, разве вы не согласились бы затянуть пояс потуже и отказать себе в некоторых развлечениях, чтобы ваш мальчик попал в столь надежные руки? Год за годом мистер Тарвин получает переводы из самых отдаленных уголков нашей империи и редко может пожаловаться на то, что одна из маленьких кованых кроватей пустует без своего мальчика.

Сейчас они легли спать, эти самые мальчики, но еще не уснули. Мистер Фелтон уже заглядывал в комнату к старшим — они порой подвержены нежелательным влияниям субботнего вечера — и велел им угомониться. Все остальные взрослые обитатели дома стараются забыть о существовании мальчиков. Миссис Тарвин приятно проводит время в своей гостиной, третируя

несчастную мисс Калландер. Сам мистер Тарвин, которому велели не путаться под ногами хотя бы полчаса после ужина, удалился в свой «кабинет» и там, одутловатый, взмокший и страдающий одышкой, сбросил маску директора и заботливого мужа и превратился в рыхлого человека средних лет, чей слабый желудок на время погрузился в обманчивый покой. Мистер Фонтли исчез — никто не знает, что за таинственные вылазки он совершает субботними вечерами. Сержант Комри идет полем к деревенской пивной, где его держат за человека состоятельного и много повидавшего. Мистер Джоллифант сидит в своей душной спальне-гостиной под самой крышей — он предпочел ее столь же душному залу отдыха, поскольку в эти минуты занят тем, что считает литературным сочинительством.

Мистер Джоллифант сидит на виндзорском стуле, отклонившись назад под весьма рискованным углом, а его ноги в теплых ярко-зеленых тапочках покоятся на подоконнике распахнутого настежь окна. В его наряде и манере держать себя чувствуется намеренная студенческая небрежность и беззаботность, хотя Иниго Джоллифант (двадцати шести лет от роду) уже три года как окончил Кембридж. Это худой юноша с разбол-

танными руками и ногами, ростом чуть выше среднего. Увидев его лицо, вы бы нипочем не догадались, что перед вами состоявшийся учитель подготовительной школы. Лицо это, прямо скажем, фантастическое: длинный вихор без конца падает на правую бровь, длинный нос пребывает в постоянном движении, а диковинные серые глаза очень широко расставлены и всегда блестят. На нем синий пуловер, галстук-бабочка изрядных размеров и неопределенного цвета фланелевые брюки; пиджака нет. Он курит вопиюще длинную трубку вишневого дерева. Весь его облик будто бы говорит, что Иниго Джоллифант готов потерпеть неудачу в любом начинании. Сразу видно, что историю, французский, английскую литературу, крикет и футбол он преподает эффектно, но поверхностно. В эти минуты он якобы предается написанию подробнейшего очерка — в духе раннего Стивенсона, — который называется «Последний рюкзак». Иниго начал писать его много недель назад, посреди летних каникул. Его правая рука сжимает вечное перо, на коленях лежит блокнот, однако ни одно слово еще не попало на бумагу. Иниго только выпускает клубы дыма и все рискованней балансирует на стуле, не убирая ног с подоконника.

Тут раздается стук, и кто-то, сверкнув очками, заглядывает в дверь.

— Кто там? — восклицает Иниго, не оборачиваясь. — Заходите!

— Прости за беспокойство, Джоллифант. — Гость входит.

— А, это ты, Фелтон! — Иниго выкручивает шею и ухмыляется. — Ну, заходи же, садись.

Они с Фелтоном примерно одного возраста, но на этом их сходство заканчивается. Фелтон — приятный серьезный юноша; из-за очков с линзами без оправы он производит обманчивое впечатление человека энергичного и расторопного. Пару лет назад он окончил университет Бристоля, где провел четыре ничем не примечательных года, вознамерившись делать, что должен, говорить только правду и со всеми поддерживать дружеские отношения. Судя по некоторой обеспокоенности в его лице, голосе и манерах, это оказалось не так-то просто. Он уже начал подходить к жизни — верней, к каждому ее новому проявлению — с легкой запинкой и предварительным покашливанием. Фелтон живет с опаской, время от времени читая длинные скучные биографии, куря сигареты без никотина и неизменно со всеми соглашаясь, а во время

каникул старается забыть об ответственности и осторожно путешествует по миру.

Фелтон сел и откашлялся.

— Слушай, Джоллифант, не хочу тебя отвлекать…

— Ты меня не отвлекаешь. — Иниго взглянул на приятеля как на умного фокстерьера. — Впрочем, меня действительно терзают муки творчества. Муки! Ну и дурацкое же слово! Тебя когда-нибудь терзало что-либо подобное?

— Вижу, тебя и впрямь терзает. — Фелтон с некоторым благоговением посмотрел на блокнот. Он всегда преклонялся перед литературой, преклонялся столь глубоко, что не смел с нею познакомиться. Он не знал, имеют ли сочинения Джоллифанта хоть какое-нибудь отношение к литературе, но, как всегда, предпочитал не испытывать судьбу. — Я насчет стирки, — виноватым тоном добавил он.

— Насчет стирки?! — воскликнул его приятель в презрительном исступлении. — Сейчас субботний вечер, Фелтон. Подумай только, субботний вечер! Вспомни, какие оргии вы устраивали по субботам в Бристоле. Как видишь, я в добровольном затворничестве готовлюсь посвятить себя искусству, отправиться на поиски меткой фразы.

Да, именно меткой фразы. Это самое главное. Подобрать верное слово чертовски трудно, друг мой! Однако, — он очень строго посмотрел на гостя и достал свою трубку вишневого дерева, — я решил отвлечься от горних мыслей и предаться веселью с добрым другом, обменяться с тобой идеями, послушать воспоминания о лихой студенческой поре. Но никакой стирки в субботний вечер!

— Прекрасно тебя понимаю, — ответил Фелтон. — Ужасный пустяк, конечно, однако миссис Тарвин велела…

Иниго поднял руку.

— Ее слова да не будут услышаны. Эта женщина — горгона. Сегодня я отказываюсь верить в ее существование.

— Ну, мы тебя предупреждали, какая она, — сказал Фелтон. Он преподавал в школе уже четвертую четверть, а Иниго — только третью. Последние две четверти миссис Тарвин была в отъезде, проходила долгий курс лечения на курорте, поэтому Фелтон знал ее гораздо лучше, чем Иниго. — Мы говорили, что́ тут начнется с ее возвращением, — добавил он с неприятным пророческим самодовольством.

— Говорили, как же! — вскричал Иниго. — Помню, ты сказал, что кормежка станет скуднее.

По-твоему, это «скуднее»? Да нас тут голодом морят, честное слово! Не еда, а один запах, да и тот стал еще омерзительней. Ужин сегодня был чудовищный.

— Да, могло быть и лучше…

— Пастушья запеканка[9] — ни один уважающий себя пастух к ней бы не притронулся — второй раз за неделю, и уже в который раз чернослив! Субботний ужин называется! Сама-то, жирная свинья, прямо у нас под носом уплетает котлеты, сливки и бог еще знает что. Нет, это последняя капля, особо изощренная пытка. Ела бы она с нами из одного корыта, давилась бы тем же фаршем, черносливом и прочей мерзостью, я бы еще терпел. Так нет же, сидит и прямо на наших глазах лопает нормальную пищу, заставляет нас смотреть, как вкусная еда превращается в этот гадкий жир! Ни в какие ворота не лезет! Ну ничего, еще один такой ужин, и я сожру бутерброды и шоколад прямо у нее под носом! Нет, еда мне безразлична, Фелтон. Душа моя сродни звезде бле-

[9] Примечания: 9

Пастушья запеканка — запеканка из картофельного пюре и мясного фарша.

стящей[10], определенно. Но я спрашиваю: можно ли достойно обучать молодежь, день-деньской биться с французским и историей, питаясь одним черносливом? Нет, нельзя.

— Согласен. Очень хорошо тебя понимаю, хотя… — Фелтон помедлил. — Чернослив мне даже нравится.

— Какой король? Ответь, прохвост, иль сгибнешь![11] — возопил Иниго, тыча трубкой в перепуганного Фелтона. — Кто не с нами, тот против нас! Изволишь кушать чернослив, Фелтон? Будешь валяться в ногах у этой гнусной тетки и, высунув язык, причитать: «Еще чернослива, пожалуйста! С кремом или без, только дайте еще чернослива!»?

— Не глупи, Джоллифант. — Фелтон поморщился. — И вообще, пастушью запеканку я тоже не перевариваю. Такая кормежка будет всю четверть, я предупреждал.

— Мне претят подобные беседы, — надменно проговорил его друг. — Позволь зачитать тебе пару строк из «Последнего рюкзака» — моего

---

[10] Примечания: 10

Перефразированная цитата из стихотворения У. Вордсворта «К Мильтону». *Пер. К. Д. Бальмонта.*

[11] Примечания: 11

Шекспир У. Генрих IV, часть вторая, акт V, сцена 3. *Пер. Е. Бирюковой.*

очерка, оплакивающего вымирание пеших походов. У тебя есть чувство языка, Фелтон?

— Не знаю. Наверное, есть. Слушай, я заскочу позже и послушаю, а пока давай разберемся со стиркой?..

Не успел Иниго вновь высказаться на сей счет, как в дверь тихонько постучали. То была мисс Калландер, и выглядела она так, словно только что убежала к себе в потоке слез и вышла из комнаты в облаке пудры. Она приходилась мистеру Тарвину дальней родственницей — высокая, пухлая девушка двадцати семи лет; в ближайшем городе ее постигла бы участь незаметной серой мышки, но в этой глуши она казалась почти красавицей, а для школьной экономки была и вовсе слишком хороша собой (особенно если учесть, что мистер Тарвин взял ее на работу в начале года, пока жена была в отъезде). Мисс Калландер пыталась угождать миссис Тарвин всего десять дней, однако задача эта уже начала казаться ей непосильной. Последние четыре года она была обручена с кузеном, работающим в Египте, но они то расторгали помолвку, то опять сходились, и сейчас мисс Калландер обдумывала письмо, которое вновь сделало бы их женихом и невестой.

Иниго широко улыбнулся ее вздернутому

носику, круглому, стремительно жиреющему подбородку и довольно-таки глупым глазам. «Глаза раненой лани», — в которой раз сказал он себе, а вслух самым серьезным тоном проговорил:

— Какая честь, мисс Калландер…

— Ой, мистер Джоллифант! — пролепетала она. — Мистер Фелтон здесь? Ах, да вот же он. Мистер Фелтон, я насчет списков для стирки…

— Фелтон. — Иниго строго посмотрел на приятеля и вопросил: — Что там со списками?

— О них-то я и пришел спросить! — выпалил Фелтон.

Иниго осадил его повелительным взмахом руки и с глубокой нежностью поглядел на мисс Калландер — казалось, он вот-вот погладит ее по плечу.

— Насколько я понимаю, они нужны вам прямо сейчас?

— Да, как можно скорей. Миссис Тарвин просто озверела! — Ее глаза стали распахиваться все шире и шире, а рот приоткрылся.

— Ни слова больше! — в благородном порыве вскричал Иниго. — Я сделаю все, что под силу человеку. По крайней мере если Фелтон соизволит оказать мне небольшую поддержку. — Он принялся рыться в бумагах на столе, нашел ка-

кой-то листок и добавил: — А теперь вперед, друзья, в зал отдыха! И пусть нашим девизом будет бессмертное «Один за всех, и все за одного», определенно! Ведите, мисс Калландер. Господин Фелтон, возьмите эти бумаги и стряхните с души летаргический сон.

Вслед за хихикающей мисс Калландер они отправились в зал отдыха.

Пока Иниго аккуратно забивал и раскуривал свою нелепую трубку, после чего мечтательно улыбался, глядя сквозь пелену дыма на двух коллег, те успели составить все нужные списки.

— Ну, вот и все, — сказал он, пока мисс Калландер собирала бумаги. — Что будем делать дальше? Я не могу вернуться в свою чудовищную каморку и вновь взяться за перо. Вдохновение, мисс Калландер, драгоценное вдохновение исчезло, испарилось! Золотая повязка порвалась, Фелтон[12]. Хотя я не прочь помузицировать.

Мисс Калландер широко распахнула глаза.

— Но как?! То есть, где вы будете играть?

— Вы совсем забыли, — с достоинством отве-

---

[12] Примечания: 12

Аллюзия на библейские слова: «Доколе не порвалась серебряная цепочка, и не разорвалась золотая повязка, и не разбился кувшин у источника, и не обрушилось колесо над колодезем». Библия. Ветхий Завет. Книга Екклесиаста, или Проповедника, 12:6.

тил Иниго, — что внизу, в нашей прогнившей насквозь классной комнате, стоит инструмент — назвать его пианино язык не поворачивается.

— Ах, мистер Джоллифант! — Она издала крошечный смешок, выражающий одновременно восторг и страх. — Это вы забыли, что миссис Тарвин запретила играть на нем по вечерам. Правда ведь, мистер Фелтон?

— Правда, Джоллифант, — кивнул Фелтон, серьезно сверкнув очками. — Жаль, конечно, но так она и сказала.

— Друзья мои, товарищи по несчастью, благодарю вас за предостережения и заботу, но меня не интересуют подобные приказы, деспотические запреты… э-э… подрывающие самые основы человеческой свободы. Что такое раб твой — пес, чтобы не сделать такого большого дела[13]? Ответ один: нет, нет и нет! Я буду играть, и постараюсь сыграть как можно лучше, хотя вряд ли мои старания решат дело: клавиши все время застревают. Итак, повторяю, я буду играть на нашем школьном пианино. Раскройте уши — я обращаюсь к вам, мисс Калландер, поскольку уши

[13] Примечания: 13

Перефразированная библейская цитата: «И сказал Азаил: что такое раб твой, пес, чтоб мог сделать такое большое дело?» Библия. Ветхий Завет. Четвертая книга Царств, 8:13.

Фелтона, как вы видите, и без того раскрыты, — и дайте им испить мелодии, гармонии или как там это зовется.

С этими словами Иниго демонстративно сошел по лестнице в угрюмую классную комнату — некогда гостиную усадьбы Уошбери, а ныне безрадостный зал, полный парт, грифельных досок и желтеющих географических карт. Уже спустились сумерки, поэтому Иниго включил резкий дрожащий свет и прошел в дальний угол комнаты, где уселся за маленькое пианино охряного цвета со скорбными голубоватыми клавишами — подобные инструменты нарочно придумывают и собирают для учреждений с прижимистыми хозяевами. Педаль скрипела, клавиши застревали, издавая печальные металлические звуки, но все же это было пианино, а значит, из него можно было выжать музыку.

Надо отметить, что игра Иниго, наравне с французским, историей и крикетом, эффектна, но поверхностна. Он не из тех вдумчивых и старательных исполнителей, что до последнего форшлага разучивают наизусть своих бахов и моцартов. Нет, техника у него никудышная, а вкус и того хуже. Сам он невысокого мнения о своих музыкальных способностях, а все его серьезные

мысли, все лучшие порывы посвящены сочинению замысловатой прозы. Оставаясь наедине с собой, он считает себя новым Уолтером Патером[14] или Стивенсоном. Увы, писателем ему не бывать. Сколько Иниго ни старается, честные слова под его пером вопят от боли, как на дыбе, хотя сам об этом он не ведает. Ему суждено до последнего дня быть одним из томных воздыхателей Музы, которых она не одарит ни единым благосклонным взглядом. Иниго никогда не напишет стоящей книги, пусть его жизнь будет полна запахов и ароматов литературы. Для нее он навек потерян — впрочем, сам Иниго вполне доволен своей участью, поскольку относится к числу тех скромных претендентов (а в душе он вполне скромен), которым вид безнадежно загубленной рукописи доставляет больше радости, нежели многим состоявшимся писателям — целая полка гениальных томов. С другой стороны, в его музыкальных эскападах (именно они делали его всеобщим любимчиком в Кембридже и желанным гостем на любой вечеринке, пусть сам он относился к ним с благосклонным презрени-

[14] Примечания: 14

Уолтер Патер (1839–1894) — английский эссеист и искусствовед, главный идеолог эстетизма (последователями этого движения были Оскар Уайльд, Джордж Мур, Обри Бердслей и др.).

ем) проблескивал гений. Его игра была легкой, свежей и отчего-то восхитительно смешной; клавиши под его пальцами начинали жить сказочной жизнью. Иниго не только читал с листа и на ходу приукрашивал популярные мелодии и песенки, пользующиеся неизменным спросом у публики, не только умел подобрать песню на слух и дополнить ее парочкой собственных пассажей, но и влет сочинял невероятно забавные мелодийки, цинично-сентиментальные штучки на злобу дня, весьма похожие на те песни-бабочки, что облетают весь мир и незаметно уходят в безвестность. В этих мотивах собственного сочинения была изюминка, нечто одновременно грустное и забавное, свойственное только им. Стоило Иниго заиграть, как все слушатели невольно начинали притоптывать, а те, кто тщетно пытался запомнить искрометный мотив, потом еще несколько педель сходили с ума. Вволю наигравшись, Иниго забрасывал эксперименты с клавишами и мелодиями. Он никогда не записывал свои сочинения на бумагу. Ему не приходило в голову, что в мире таких сочинителей раз-два и обчелся, а если бы и пришло, он бы наверняка не придал этому значения — ведь надо еще закончить «Последний рюкзак».

Вот уже несколько дней у него в голове крутился необычайно прелестный и беспардонный мотивчик, и теперь, сыграв для начала несколько эффектных пассажей, Иниго взялся его исполнить. Несколько минут он возился с тональностью ре-мажор и в конце концов перешел на излюбленный ми-бемоль. В следующий миг несчастная туша пианино ожила. Иниго поймал мелодию и стал с ней баловаться: она то заходилась в дисканте, то рычала басом, а потом вдруг бросалась наутек, игриво сверкнув красными каблуками и каштановыми кудряшками. Удержать ее не было никакой возможности. Она выписывала пируэты, дразнила парты, карты и грифельные доски: сам воздух словно пропитался ее неподражаемым озорством. *Рампти-ди-тиди-ди, рампти-ди-тиди…* Впрочем, что толку напускать туман или пытаться описать этот мотивчик словами? Теперь весь мир его знает (или знал вчера) — под названием «Свернем же за угол». Разумеется, тем вечером Иниго исполнил не окончательный вариант мелодии, которая со временем стала песней, а потом и танцевальной композицией: бабочка еще только-только выбиралась из кокона. Ее пока не успели пропеть, провыть, протрубить и опошлить на все возможные лады, но в ней уже

звучала характерная чарующая насмешка над всем костным, скучным и тяжеловесным. Иниго крутил ее и так и эдак, сдабривал сверкающими россыпями высоких нот, в притворном отчаянии доводил до баса, а потом так звонко бил по клавишам, что стены классной комнаты исчезали, а на их месте возникала легкая прозрачная беседка среди зеленых садов, воплощение юности и веселого безрассудства. Проделывая все это, Иниго громко хохотал.

— Мистер Джоллифант! — Строгий голос из коридора.

Рампти-ди-тиди-ди. Ничего лучше он пока не сочинил. Вот каким должен быть субботний вечер! С первой же ноты он затанцевал по школе Уошбери, пронесся по длинному угрюмому полю и вприпрыжку помчался к светлым городам, каких не сыщешь ни на одной карте.

— Мистер Джоллифант! — На сей раз хриплый визгливый голос раздался совсем близко.

Рампти-ди-тиди. Новые друзья брали тебя за руки и увлекали прочь, сквозь ряды хохочущих дев…

— Мистер Джоллифант!

Наконец Иниго очнулся, скинул руки с клавиш и обнаружил перед собой вполне реальную

миссис Тарвин, побелевшую от злости. В следующий миг он скривился и окинул недовольным взглядом ее бесформенный черный силуэт, седые волосы, убранные ветхой лентой, очки в стальной оправе и вытянутое землистое лицо, которое самым возмутительным и неприятным образом контрастировало с огромной тушей ее тела.

— Вы что, не слышите? — в ярости вопросила она.

— Никак нет. — Иниго растерянно улыбнулся. В его голове все еще звенела шаловливая мелодия.

— Немедленно прекратите играть, прекратите играть! — возопила миссис Тарвин. Она часто повторяла концовку предложения, причем на второй раз резко повышала голос, неизменно приводя в восторг уошберийских пародистов. — Я вроде бы ясно дала понять, что по вечерам играть на пианино категорически запрещено, запрещено!

— Но ведь мне больше некогда на нем играть, совершенно некогда, — ответил Иниго. Сам того не желая, он уже начал ее пародировать. — И вообще, я даю некоторым мальчикам уроки музыки. Музыка — дополнительный предмет, и… э-э… плату за уроки я делю с вами. Как же мне преподавать музыку, если я сам не играю? — Он

широко улыбнулся.

Ответной улыбки не последовало. Миссис Тарвин познакомилась с Иниго всего неделю назад и уже отнесла его к числу мужниных промахов.

— Уроки музыки совершенно не важны, не важны, — ледяным тоном проговорила она. — Тем более, чтобы преподавать музыку, вовсе не обязательно поднимать такой шум и играть мюзик-холльные безделицы среди ночи, когда все мальчики в постели, давным-давно в постели!

— Между прочим, чем дольше лежишь в постели, тем крепче сон… — начал было Иниго.

— Довольно, мистер Джоллифант. У нас такое правило: не играть, не играть на пианино по вечерам. — Она резко развернулась, будто на шарнире, подобрала юбки и вышла вон.

Иниго отправился следом, тихо насвистывая свежий мотивчик — теперь в нем звучал не только зажигательный ритм, но и определенные бунтарские нотки. Наверху, по дороге в свою комнату, он встретил мисс Калландер — судя по всему, она стояла там с самого начала и подслушивала.

— Я видела, как она спустилась! Вам запретили играть?

— Именно, запретили, — ответил Иниго. — А

я только вошел во вкус! Слышали, что я играл? Безделица, конечно, но зато моя собственная.

— Правда? Чудесная мелодия. Вы такой умница! — Тут она понизила голос: — Так и знала, что вас выругают. Миссис Тарвин весь вечер злая, как собака: сразу после ужина отчитала меня за какую-то ерунду. Прямо не знаю, что и делать. — Мисс Калландер с надеждой взглянула на Иниго.

Тот как бы невзначай взял ее за руку.

— Она хочет сломить нашу волю этой жуткой диетой — я про пастушьи запеканки и чернослив. Но ей нас не одолеть! Разве что Фелтон сдастся: воли у него нет, чернослив ему якобы по вкусу. А вот мы с вами, мисс Калландер… — Иниго, не договорив, стиснул ей ладонь.

Мисс Калландер спрятала руку за спину, но без особой спешки.

— Она ужасная, правда? И ведь это только начало. Впереди целая четверть! Какой же она станет к концу? Может, подобреет?

— Озвереет, определенно, — важно ответил Иниго. — Терпеть ее целых девять недель… это выше моих сил. Поверьте, — теперь и он зловеще зашептал, — хоть четверть едва-едва началась и мое знакомство с этой горгоной длится считанные дни, нити наших судеб уже сплелись

в паутину, путь мой начертан, и очень скоро… знаете ли вы, что случится очень скоро?

В ее круглых глазах и приоткрытых губах ясно читался вопрос, однако актерское чутье подсказало Иниго выждать несколько секунд. Чело его омрачилось.

— Смертный бой, — наконец молвил он, — битва самых грандиозных и сокрушительных масштабов. — Иниго бросил на мисс Калландер еще один обреченный взгляд, потом внезапно улыбнулся, махнул рукой и пошел себе дальше по коридору, беззаботно насвистывая мелодию, которую можно назвать лейтмотивом этой главы.

II

Воскресенье выдалось на удивление теплым для сентября. Однако то было не приятное и солнечное тепло, а угрюмый серый зной: как будто всю деревню засунули в огромную темную печь. Ни дуновения ветерка на полях, а школьный воздух, казалось, прогнали уже через множество легких. Обед в компании мальчиков прошел отвратительно. Иниго умял несметное количество отварной говядины, провернул скользкое дельце с морковью и стал свидетелем того, как пятнадцать мальчиков едят манный пудинг. Теперь,

понятное дело, ему было жарко, гадко и тошно.

— Я ошибся, сказав, что в этой школе есть только два запаха, — злобно сообщил он Фелтону, с которым вышел из столовой. — Точней, главных запахов действительно два. Первый — запах мальчиков, разумеется. Второй — запах из кухни, которую, судя по всему, залили капустным отваром и завалили гнилыми костями. Эти запахи, что называется, преобладают. Но… ты меня слушаешь. Фелтон?

— Не очень внимательно, честно говоря, — проронил Фелтон, не оборачиваясь. Они поднимались по лестнице, и он шел первым. — Но ты продолжай, если тебе так нравится.

— Ах, Фелтон, в железо вошла душа твоя[15]. Где дружеское участие, где знаменитое юго-западное доброхотство? Позволь отметить, что мне такие разговоры тоже неприятны. Но я хотел уточнить: в Уошбери куда больше запахов, чем мне казалось поначалу. В углах живет затхлый душок, пахучие туманы витают в коридорах, похожие на…

— Фу, замолчи! — Фелтон прибавил шагу. — Я только что пообедал.

— Идешь мирно переваривать пищу? Хочешь

---

[15] Примечания: 15
Библия. Ветхий Завет. Псалтырь. Псал. 104:18.

без суеты и спешки превратить ее в кусок доброго честного Фелтона? О, это тайна, покрытая мраком… Нельзя посвящать в нее случайных прохожих, они могут легкомысленно с нею обойтись.

— Я пока не решил, чем заняться, — сказал Фелтон, встав в дверях своей комнаты.

— Не решил?! — вскричал Иниго и хлопнул приятеля по плечу. — Считай, тебе повезло. Я вот давно определился: этим теплым воскресным днем в глухой зловонной школе заняться положительно нечем.

— Я думаю прогуляться.

— Как! По старой протоптанной дорожке — через поля, к старому мосту, потом обратно? Умоляю, Фелтон, не говори, что ты это всерьез.

— Нет, я придумал другой маршрут. Можно пройтись вдоль земляного вала до Кинторпа, — ответил его приятель тоном скромного героя. — А там и чаю попить. — Он радостно кивнул и ушел к себе.

Иниго растянулся на двух стульях, раскурил трубку, и тут его озарило. Он вспомнил, что Дейзи Калландер свободна до самого вечера. Почему бы не сводить ее в Кинторп или еще куда — на чай? Пусть она не любительница пеших прогулок, но

уж такое расстояние осилит. Порой Иниго начинал думать, что почти влюблен в Дейзи, однако ему никак не удавалось избавиться от мысли, что надо увидеть хотя бы еще полдюжины девиц, прежде чем решить окончательно. Провести наедине с Дейзи больше получаса и не начать с ней заигрывать было выше его сил — кроме флирта заняться с ней нечем. Впрочем, Иниго не имел ничего против флирта. Любое времяпрепровождение (кроме работы и других, совсем уж страшных преступлений) было ему по душе. Он принялся томно подбирать одежду для прогулки, начав с воротничка.

Раздался стук, и в спальню заглянул Фелтон — опрятный, чистенький и блестящий. Один вид его аккуратной фетровой шляпы, скучного синего галстука и сверкающих очков нагнал на Иниго жутчайшую тоску. Прогуляться с Фелтоном — все равно что пройтись по пустыне Гоби.

— Ты идешь, Джоллифант?

Иниго медленно покачал головой:

— Нет, спасибо. В другой раз, когда я буду крепче рассудком и телом, а свирепый норд-ост закончит то, чем ему положено заниматься по словам… как бишь его… мистера Кингсли… в общем, когда

норд-ост закончит свои дела[16]. Но не сегодня.

— Так я и думал. — Фелтон, как ни странно, радостно улыбнулся и сразу исчез.

— Итак, — сказал себе Иниго, — теперь прекрасная Дейзи в моем распоряжении. — Он заглянул в зеркало, натянул сентиментальное выражение лица и спешно закончил туалет. Прекрасная Дейзи в его воображении стала еще прекрасней, а ее общество на ближайшие два-три часа — приятнейшей из перспектив. Страшная тоска отступила под натиском сердечного пламени. Иниго стал вновь насвистывать свою мелодию.

Он бросил взгляд в окно: на спортивную площадку выходили несколько мальчишек. Бедные, несчастные дети! Скоро их соберут на воскресную гимнастику под руководством самого Тарвина, а после они вернутся в школу и под его же отеческим присмотром напишут свои вымученные еженедельные послания родителям. Врагу не пожелаешь такого воскресенья! Не успел Иниго отвернуться, как ему на глаза попались две фигуры покрупнее. Одна была Дейзи Калландер. Рядом с ней энергично вышагивал коварный пре-

---

[16] Примечания: 16

«...а свирепый норд-ост закончит то, чем ему положено заниматься по словам...» — Иниго имеет в виду стихотворение Чарлза Кингсли «Ода норд-осту».

датель Фелтон. Он прокрался вниз и похитил ее, а теперь вел в Кинторп пить чай! Спокойненько уводил прочь целое Инигово воскресенье! Иниго уставился им вслед, потом заметил у себя в руке дурацкую шляпу и запустил ее через всю комнату. Когда он вновь выглянул в окно, на улице не было ничего, кроме горстки маленьких идиотов и огромной, чуть скворчащей от зноя пустоты.

На миг Иниго стало так жаль себя, что он едва не разрыдался. Потом он пнул шляпу, пробормотал несколько слов, которых ему вовсе не следовало знать, подумал о Фелтоне, мисс Калландер, испорченном воскресном дне и вдруг хохотнул. Он решил заскочить к Фонтли и взять какой-нибудь детективчик из его богатой библиотеки.

Фонтли покачивался в старом кресле-качалке, курил и допивал виски с содовой. То был крупный, обрюзгший джентльмен: грозные брови, подрезанные усики, тяжелая челюсть и лицо, изборожденное множеством красных венок. Фонтли был единственным талантливым педагогом в Уошбери. Если школе выделяли стипендию, ее тут же получал кто-нибудь из его учеников. Фонтли убеждал себя, что его мальчики способны и прилежны, и таким образом умудрялся впихнуть в них знания. Зачем он вообще прие-

хал в школу Уошбери и почему, приехав, решил остаться, было тайной. Фонтли словно бы приплыл сюда из какого-то диковинного прошлого. Отнести его к широко известной (в литературе) категории гениев-неудачников было бы преувеличением, однако предмет свой он знал крепко, куда крепче самого Тарвина, и походил на ржавеющий в безвестной гавани боевой крейсер. Фонтли высмеивал всю современную литературу (пеняя авторам на грамматические ошибки), зато стопками проглатывал дешевые детективные романы. Раз или два в неделю он исчезал на весь вечер и никому не рассказывал о своих похождениях. (Иниго регулярно пугал Фелтона историями о любовнице из соседней деревни.) Фонтли был чрезвычайно падок на виски и, приняв его в достаточном количестве, начинал пространно сожалеть о том, что не ходит в церковь, затем поносить всю современную цивилизацию или особым ученым слогом (которого в обычной беседе за ним не наблюдалось) рассказывать неприличные истории. Таков был Фонтли. Не любить его было невозможно, однако в его обществе вас не покидало смутное ощущение, что удача от вас отвернулась. Глядя на него, Иниго нередко подумывал освоить другую профессию.

— Ну, Джоллифант, — дружелюбно проворчал Фонтли, отставляя стакан. — Прости, что не предлагаю тебе виски, я все выпил. Никак не мог перебить вкус этого треклятого обеда. Садись.

— Я бы не притронулся к виски, даже если бы он был, — успокоил его Иниго. — Рано еще. Я почему-то не могу пить виски средь бела дня. Кстати, о виски, завтра у меня день рождения.

— И сколько стукнет?

— Двадцать шесть.

— Господи! — Фонтли окинул его внимательным взглядом. — Двадцать шесть. Неужели кому-то бывает двадцать шесть! Но при чем здесь виски?

— Ну, я хотел отметить этот знаменательный день, собраться в зале отдыха после ужина…

— Если думаешь пригласить любезную миссис Тарвин, — с ухмылкой сказал Фонтли, который терпеть ее не мог, — то тебя ждет горькое разочарование. Тарвины завтра ужинают не в школе. В это время года с ними такое случается.

— Тем лучше! Фелтон сможет нализаться со спокойным сердцем, коварный пес! По этому случаю мне нужно две бутылки виски — вы ведь знаете, где их можно достать?

— Две бутылки? Крепкий ты малый! — про-

громыхал Фонтли. — Надо было заранее предупреждать, я так быстро не успею. Но у меня есть приятель, сержант Комри, он раздобудет тебе виски к завтрашнему вечеру. Конечно, если оповестить его сегодня.

— Прекрасно! Так и быть, встречусь с лихим сержантом. А где его можно найти по воскресеньям?

— Видел в столовой белобрысую девицу, она еще прислуживает иногда? Ее зовут Элис.

— Весьма недурна. Да, я понял, кого вы имеете в виду. Самая фигуристая и наименее безобразная из наших служанок. Ну и что?

— Передай ей сообщение, — ласково молвил Фонтли, — и к вечеру оно доберется до Комри.

— Так-так-так! — Иниго подмигнул своему приятелю. — Вы уж простите великодушно, мистер Фонтли…

— Просто Фонтли. Называй меня так, даже если хочешь оскорбить — а на уме у тебя, похоже, именно это. — Он расплылся в улыбке.

— Сдается, вы не понаслышке знаете о закулисной деятельности нашего заведения. Я-то думал, что сам неплохо осведомлен…

— О нет, Джоллифант, не льсти себе. Как бы то ни было, попробуй мой способ и убедишься сам.

Передай сообщение через Элис.

— Обязательно. Вы ведь придете на праздник?

— А то! — хмыкнул Фонтли.

Минуту или две они молча курили, потом Иниго с тоской выглянул в окно.

— Полагаю, вы не горите желанием прогуляться?

— Правильно полагаешь, — ответил Фонтли. — Проживи ты здесь с мое, тоже не горел бы. К тому же прогулки ради прогулок не по мне. Тарвин наверняка разрешит тебе выгулять мальчишек.

— Еще бы не разрешил. А миссис Тарвин, несомненно, позволит мне замочить чернослив для завтрашнего обеда. Но я не стану, нельзя жить одними удовольствиями. Не дадите ль почитать какой-нибудь свежий шедевр о преступлениях и расследованиях, чтобы подсказок было поменьше, а подозрений побольше? — Иниго стал осматриваться по сторонам.

Фонтли зевнул.

— Бери что хочешь. Вот этот неплох, «Тайна соломенной шляпы». Заморочит твои нежные мозги. Пойду прилягу на часок.

Иниго уполз с добычей в свою душную нору и уже через несколько минут выскочил на улицу, решив почитать под деревом на заднем дворе. По

дороге туда он встретил служанку, которая пообещала передать записку прекрасной Элис — та «чистила перышки». Затем Иниго нашел подходящее дерево и принялся безжалостно убивать огромный воскресный день «Тайной соломенной шляпы», однако дочитать не успел: его быстро сморил сон. Очнувшись, Иниго сделал ряд открытий, самым важным из которых было то, что полдник давно закончился, на улице стало гораздо холодней, а сам он окоченел и вдобавок заработал головную боль. Иниго побрел к дверям школы и увидел возвращавшихся с прогулки Фелтона и мисс Калландер — вид у них был усталый, пыльный и безрадостный. Они шли впереди, и Иниго не стал их окликать.

Когда через два часа он спустился к традиционному холодному ужину, живот его урчал от голода. За столом собрались все преподаватели, однако говорить пытался только мистер Тарвин — коротенький напыщенный очкарик с обманчиво высоким лбом и мохнатыми усищами, под которыми, несомненно, скрывался маленький безвольный рот. Мистер Тарвин любил подчеркивать свои наблюдения необычным взрывным звуком, который можно не вполне точно записать как «чамха». Именно этот звук

Иниго услышал, войдя в столовую.

— А, Джоллифант! — воскликнул мистер Тарвин. — Вы как раз вовремя, чамха, как сказал шотландец, когда его сменили на посту.

— Что за шотландец? — поинтересовался Иниго, состроив невинные глазки. Впрочем, стоило ему взглянуть на Фонтли (тот приподнял косматые брови), как они тут же засверкали коварным блеском.

— Не уточняется. Чамха. — Мистер Тарвин стал потирать ручки, глядя на еду.

Снова подали отварную говядину, только на сей раз холодную, а к ней свеклу и картофельное пюре. Зато перед миссис Тарвин поставили внушительное блюдо с холодным цыпленком. Иниго украдкой его осмотрел и встретился взглядом с мисс Калландер, которая вдруг опустила глаза и стала изящно бороться с одолевшим ее кашлем. Учителя дружно заработали челюстями; миссис Тарвин время от времени говорила что-нибудь Фелтону или мистеру Тарвину. Иногда в разговор встревал Фонтли, а мисс Калландер с Иниго только переглядывались через стол. Последний был убежден, что страдает глубокой депрессией. «От боли сердце замереть готово, — говорил он себе, ковыряя вилкой скользкий ломтик свеклы, — и

разум на пороге забытья[17]. Определенно». Ему казалось, что все чудесные молодые годы он провел за поеданием жесткого мяса в обществе этих неприятных людей.

Пришла пора десерта. Перед миссис Тарвин поставили тарелку карамельного крема и кувшинчик сливок, а на середину стола поместили сливочное масло, деревянный сыр… и тушеный чернослив. Даже не свежий, возмущенно отметил про себя Иниго, а старый сморщенный чернослив — отдельные ягоды он сам отверг несколько дней назад и теперь с содроганием узнавал их в лицо.

— Нет, спасибо! — вскричал Иниго, когда ему поднесли блюдо. — Обойдусь. Я не люблю чернослив. Вы любите чернослив, миссис Тарвин? — с вызовом осведомился он.

За столом тут же наступила мертвая тишина.

— Сдается, мистер Джоллифант, — процедила она, — я не просила у вас советов относительно моего рациона. Раз уж на то пошло, я люблю чернослив, очень люблю…

— Когда-то я тоже любил, — бесцеремонно перебил ее Иниго, — а теперь с души от него воротит.

---

[17] Примечания: 17

Дж. Китс. Ода соловью. *Пер. Е. Витковского.*

— Однако в моем возрасте нельзя есть все, что захочется, — продолжала миссис Тарвин, — никак нельзя. Я должна быть очень осторожна, очень осторожна.

— Конечно. Очень осторожна. Чамха, — подхватил ее муж.

— По молодости можно есть что угодно, что угодно, — не унималась директриса. — А многие юнцы еще и говорят и поступают, как им заблагорассудится. Но подчас они допускают большую ошибку, ошибку. — Она уставилась на Иниго сквозь стальные очки, а потом перевела взгляд на своего соседа. — Так что вы говорили, мистер Фелтон?

— Разумеется, Фонтли, нельзя так транжирить казенные деньги, чамха, — поспешил перевести тему мистер Тарвин.

— Как прогулка, мисс Калландер? — взревел Иниго. — Не хотите ль сыру?

Десять минут спустя они вместе вышли в сад.

— После такого я просто обязана выкурить сигаретку, — прошептала мисс Калландер. — Можно у вас попросить?

— Угощайтесь, — ответил Иниго, — но скажите сперва, неужто вам понравилось гулять с Фелтоном? Я должен услышать ответ, прежде чем

доверю вам тайны своего сердца.

— О, что вы! Конечно, понравилось.

— Вот как… — с жестокой меланхолией в голосе проронил Иниго. — Тогда вам нипочем не узнать тайн моего сердца.

— Как же… — Мисс Калландер помедлила. Они все еще стояли в пятне света из открытых дверей, и она воспользовалась этим случаем, чтобы показать Иниго свои большие влажные очи. — Раз так, я вам признаюсь: гулять с мистером Фелтоном скучновато, вы не находите?

— Фелтон — страшный зануда. Вы меня успокоили. Я ведь и сам хотел пригласить вас на прогулку. — Он красноречиво описал свои страдания и тоску по мисс Калландер, а потом заявил: — Мы станем вести задушевные беседы под звездами, и сегодня я буду звать вас Дейзи.

— Ой, правда? Даже не знаю… Но послушайте, вы определенно в черном списке у миссис Тарвин. Я слышала, как она бесновалась прошлым вечером. А сегодня эта ваша выходка! Я чуть не вскрикнула, когда вы спросили, любит ли она чернослив. Жадная старушенция… Но вам лучше поостеречься, не то попадете в беду.

— Я рожден для бед, — объявил Иниго, и в нем сразу появилось что-то от Байрона. — Лишь с

вами, мисс Ка… Дейзи, это мятежное сердце обретает покой. Впрочем, и этот покой не вечен, ведь даже Красота… э-э…

— Прекратите, пожалуйста! — воскликнула мисс Калландер, так и не дождавшись слов о том, что делает Красота. — Вы несете чепуху, а сегодня совсем распоясались. Я даже не знаю, можно ли оставаться с вами наедине. — Она понизила голос и зашептала: — Но эта старая карга просто невыносима. Чувствую, я здесь ненадолго. Она меня на дух не переносит.

Иниго пробормотал соболезнования, взял мисс Калландер за руку, и они медленно пошли вдвоем по лужайке. Огромная темно-бордовая ночь спустилась на бескрайние поля, полные сов; она мерцала золотом звезд и дышала прохладой. Иниго, стискивая в руке девичью ладонь, уже влюбился в эту ночь и хотел заключить ее в объятия. Мисс Калландер лишилась не только известных недостатков, но и смазливости; ночь на время пожаловала ей истинную красоту. Одолжи она ей хоть каплю своей молчаливости, прекрасная Дейзи в глазах Иниго поднялась бы на самый высокий пьедестал.

— Ничем ей не угодишь, все не так, — быстро шептала мисс Калландер. — Бурчит и бурчит.

Кстати, вы знали, что она не разрешает мистеру Тарвину оставаться со мной наедине? Честное слово, ни на минутку! Тут же подлетает и кудахчет: «Что происходит? Что происходит?» Позавчера мы с ним разговорились на улице, за дверью, а она заприметила нас из другого конца сада и тотчас примчалась — я и не подозревала, что она может так быстро бегать, ан нет, может. И опять за свое: «Что происходит, что происходит?» Видите ли, он лет на десять ее младше. Она с него глаз не спускает. Да на что мне сдался ее потрепанный муженек? Смех, да и только! Он двоюродный брат моей мамы. Миссис Тарвин никак не простит ему, что он взял меня на работу без ее ведома.

Иниго не перебивал, только время от времени стискивал ее ладонь и погружался в любовное забытье. Они остановились рядом с кустами, и мисс Калландер наконец умолкла: Иниго глядел то на звезды, то на тусклую слоновую кость ее щечек. В кустах что-то зашуршало; она подскочила на месте и вцепилась в своего спутника. Приобняв ее за талию, он зашептал:

— Не бойтесь, здесь никого. — Его рука еще крепче обхватила податливый стан.

— А вдруг… вдруг это Стурри? — произнесла

мисс Калландер. Стурри был садовник; тощее, высоченное, приволакивающее ногу существо то и дело билось в эпилептических припадках. Пожалуй, только эти приступы и придавали остроту унылой школьной жизни; прямо посреди урока, скучая на французском или истории, можно было выглянуть в окно и увидеть катающегося по земле Стурри. Мальчишки по возможности не сводили с него глаз, надеясь, что рано или поздно придет их черед вскинуть руку и, ликуя, забить тревогу: «Сэр, там Стурри!..»

— Зачем ему шататься здесь в такой час? — Однако, облекая свой вопрос в слова (и стараясь при этом говорить как можно храбрей и нежней), Иниго не мог отделаться от мысли, что Стурри шатается где угодно в какой угодно час, и бесполезно спрашивать зачем.

— Не знаю, — тихим испуганным голоском молвила мисс Калландер, — но он ужасно странный, право. Ходит за мной по пятам, а потом просто стоит и смотрит. Иногда даже в окно на меня глазеет! Я его боюсь, честное слово.

— Бедняжка моя, — проворковал Иниго, привлекая ее к себе. — Не обращайте внимания на эту скотину. Он вас не обидит.

Она промолчала, зато томно опустила ручку на

пиджак Иниго и одарила его взглядом больших, блестящих и совершенно пустых глаз. Ее лицо, которое теперь было так близко, представилось ему таинственным безгласным миром; она вся превратилась в ожидание. Иниго понял: время пришло. Он поцеловал Дейзи.

— Нет, нет! — пролепетала она, когда все закончилось. — Мы не должны!

Мисс Калландер отпрянула дюйма на три, но не отвернулась, и Иниго поцеловал ее вновь, потом еще раз, а она осыпала его лицо сотней крошечных поцелуев. Все это они проделывали немного отстраненно и рассеянно, как будто происходящее им снилось и никакой ответственности за свой сон они не несли. Иниго ликовал и в то же время чувствовал себя глупо: ему было совершенно нечего сказать. Для привычных лживых комплиментов его обуревали уж слишком сильные чувства, однако не настолько сильные, чтобы на ум пришли искренние слова. Он даже обрадовался, когда мисс Калландер отстранилась и пошла вперед.

Не успели они сделать и десяти шагов, как в кустах опять раздался шорох.

— Кто там? — резко вопросил Иниго. Вдруг из кустов выскочил какой-то человек и бросился

мимо них наутек. Мисс Калландер взвизгнула, отпрянула и споткнулась о камень. Иниго хотел было погнаться за беглецом, но обернулся и увидел, что она растянулась на земле и хнычет.

— Лодыжка! — простонала мисс Калландер. — Не могу встать! Кажется, сломала!

Как выяснилось, перелома не было, а вот без серьезного растяжения не обошлось. Иниго аккуратно поднял мисс Калландер на ноги, она обхватила его за шею, и вместе они поковыляли к дому.

Из дверей кто-то выглянул.

— Это вы, Дейзи? — послышался мужской голос. — Кто с вами, чамха? — Мистер Тарвин поспешил им навстречу.

— Мисс Калландер споткнулась, упала и растянула ногу, — объяснил Иниго. Потом и сама пострадавшая, повернув к директору-коротышке бледное от страданий лицо, в подробностях рассказала о случившемся.

— Надо поскорей отвести вас в дом. Держитесь за меня. Чамха. Дайте-ка ее сюда, Джоллифант. Вот. Во-от так. — И Иниго лишился своей добычи: его начальник быстро и с явным удовольствием обнял мисс Калландер за талию, закинул одну ее руку себе на шею, а другую взял сам. Переплетясь

таким образом, они побрели к двери; с каждым шагом в их союзе становилось все больше мисс Калландер и все меньше мистера Тарвина. Они уже встали и пошатывались на свету (мистер Тарвин утешал свою ношу тихими чамхающими звуками), когда из коридора послышались быстрые шаги. В следующий миг на улицу вылетела миссис Тарвин.

— Что происходит? Что происходит? — Она бросилась к ним, не успев толком ничего разглядеть. — Джеймс? Мисс Калландер?

Трое принялись хором объяснять, что случилось. Громче и многословней всех говорил мистер Тарвин, хотя его картина происшедшего была далеко не полной.

— Вот как! Что ж, это все очень неприятно, очень неприятно, однако я не понимаю, зачем мисс Калландер понадобилось разгуливать в темноте. Возьмите меня за руку, пожалуйста, и мы посмотрим, можете ли вы идти. Джеймс, в сторону! Твоя помощь тут не нужна, совершенно не нужна. Так, мисс Калландер, обопритесь на мою руку, если хотите. Я сделаю вам холодный компресс. Да, холодный, непременно холодный. Мы прекрасно обойдемся, прекрасно обойдемся без твоей помощи, Джеймс. — И миссис Тарвин

поволокла жертву в дом, а двое мужчин остались смотреть ей в спину — спина эта едва не шуршала от негодования.

— Что ж… э-э… Джоллифант, спасибо! — сказал мистер Тарвин и, растерянно чамхнув напоследок, не торопясь пошел за дамами.

Иниго проводил его взглядом, а когда все трое скрылись из виду, набил и прикурил трубку. Ему казалось, что он сбежал из театра, где шла какая-то идиотская комедия. Минут десять ничего не происходило, никто ему не мешал, стояла полная тишина. Потом за спиной раздался какой-то звук, Иниго обернулся и с удивлением обнаружил перед собой незнакомую девушку в ярко-голубом платье, очень миловидную и румяную, как яблочко.

— Здрасьте, сэр, — начала она, и до Иниго наконец дошло: перед ним Элис, та самая служанка, про которую говорил Фонтли, но Элис без скучной формы, а в своем самом нарядном платье, свободная и, вероятно, шаловливая Элис.

— Я передала вашу просьбу, сэр, и сержант Комри говорит, что отдаст вам бутылки завтра, хоть днем, ежели изволите, только деньги вперед. И еще, — она перевела дух, — он спрашивает, сгодится ли вам «Старый Роб Рой»?

— На что сгодится? — серьезно спросил Иниго. — Я не знаю этого почтенного господина и не могу судить, но, судя по прозвищу, он сгодится на что угодно.

Элис хихикнула и широко распахнула глаза.

— Да вы ж знаете, это виски такое! Ну, сгодится или нет?

— Еще как! — с жаром ответил Иниго, хотя впервые слышал это название. — Завтра у меня день рождения, устраиваю скромный праздник, — доверительно зашептал он. — Если я передам деньги через вас, вы принесете мне виски? Уж окажите маленькую любезность имениннику. — Элис согласилась; он отсчитал ей двадцать пять шиллингов, потом нашел еще полкроны. — Знаете, Комри счастливчик. Я вас даже не признал, вы в этом наряде такая красавица! Надеюсь, Комри оценит.

— А я, между прочим, не только с ним выхожу, могу и одна! — Элис тряхнула головой. — Я для себя принарядилась.

— Ясно, — уклончиво проговорил Иниго, не чувствуя в себе желания отвечать на ее недвусмысленный призыв. Однако лицо его просияло. — Вижу, вы очень гордая девушка, Элис. Но, надеюсь, гордость позволит вам принять это в

благодарность за услугу. — Он вложил полкроны ей в ладонь и ненароком посмотрел на спелые улыбающиеся губы. Ночь все еще смутно будоражила его кровь, эти щедрые губы так и манили…

— А, Джоллифант! — раздался сзади чей-то голос. Иниго подпрыгнул: за его спиной стоял мистер Тарвин.

— Вот, с Элис беседую, — пролепетал Иниго. — Она любезно согласилась передать от меня кое-какую весточку, правда, Элис?

— А, да-да, наша служанка. Элис. Я и не признал. Чамха. — И он посмотрел на девушку с таким интересом, что Иниго немедленно решил рассказать об этом Фонтли.

— Ну-с… — задумчиво проговорил директор. — Давно вы тут работаете? — Казалось, он не меньше Иниго хочет побыть в компании прекрасной Элис. Именно этот вопрос и стал для него роковым.

— О-о! — вскрикнула служанка.

Мистер Тарвин с Иниго обернулись. Увы, поздно! Миссис Тарвин уже стояла рядом с ними.

— Что происходит, что происходит? Нет, теперь я решительно ничего не понимаю, не понимаю…

— Да я просто… э-э… чамха…

— Ну, спокойной ночи! — Иниго бросил неза-

дачливого начальника объясняться с женой и, взбежав по лестнице на свой этаж, наткнулся на Фелтона.

— Где ты был весь вечер, Джоллифант?

— Бывают такие дни, Фелтон, — сказал Иниго, мрачно качая головой, — когда вид твоего чистого невинного лица, этих незапятнанных очков, ангельских губ, веселых кувырков, фортелей и коленец, что принесли столько радости жителям Бристоля и даже Клифтона…

— Ох, заладил ты с этим Бристолем!

— …вид нежного румянца на твоих юных щеках — все это порой трогает меня за душу, а там, Фелтон, там кроется… как это говорят… тяжкое бремя. И тогда я говорю себе: школа Уошбери еще поплатится. Сегодня как раз такой день. Мне больно за тебя. Спокойной ночи.

III

— Выпив за твое здоровье, Джоллифант, — сказал Фонтли, обхватив рукой бутылку «Старого Роб Роя», — я хочу дать тебе маленький добрый совет. — Он говорил с необычайным достоинством и расстановкой: так часто говорят люди, которые только что выпили полбутылки виски и теперь заливают в себя вторую половину.

Был вечер понедельника, учителя праздновали день рождения Иниго. Усадьба была в полном распоряжении гуляк, поскольку Тарвины ужинали не дома, а мисс Калландер из-за растянутой лодыжки рано ушла к себе. Крошечный зал отдыха словно бы вырезали из школы Уошбери и пересадили в другое место: полный табачного дыма и алкогольных паров. Он вполне сошел бы за шотландскую пивную. Впрочем, одного из трех присутствующих, Фелтона, гулякой не назовешь — он не любил виски и втайне опасался, как бы его коллеги под влиянием спиртного не наговорили и не натворили лишнего. Впрочем, как человек компанейский и добродушный, он старался изо всех сил: залил каплю алкоголя содовой водой и жадно глотал эту смесь, с удовольствием дымил сигаретами без никотина, смеялся, когда остальные смеялись, и вообще был заодно со всеми. Фонтли, пришедший с одной целью — отдать дань уважения «Старому Роб Рою», — тоже не отличался праздничным настроем. Зато про Иниго этого не скажешь. Он поставил себе целью развлекать гостей, пить, лучезарно улыбаться товарищам по несчастью, забываться и вести откровенные разговоры. Он не слишком любил виски, но уже принял куда больше, чем имел

обыкновение: вихор его как будто удлинился и причинял еще больше неудобств, улыбка стала чуть шире, жесты размашистей и благородней, а дух, вновь познавший волшебные прелести жизни, воспарил к небывалым высотам.

— Однако, прежде чем дать совет, — продолжал Фонтли, — я хочу кое о чем тебя спросить — по-дружески, Джоллифант, из самых благих побуждений. — Последние слова он проговорил с осторожностью королевского адвоката, выступающего в суде. Еще несколько стаканчиков, и Фонтли оказался бы на знакомом перепутье: то ли завести шарманку о церкви и закате цивилизации, то ли повеселить публику неприличными анекдотами. Однако в настоящий момент он еще был свободен и мог выбирать и развивать какую угодно тему. — Итак, первый вопрос: у тебя есть деньги?

— Фунта два с лишним, — ответил Иниго.

— Не-ет, я не про наличные. Меня интересует твой доход, капитал.

— А-а! Мой личный доход составляет около шестидесяти фунтов в год. Все благодаря разумным инвестициям, господа. В свое время я вложился в «Западную газовую компанию», потом в «Чемоданы и дорожные сумки Шаттлбери». Должен

заметить, «Чемоданы и дорожные сумки» последнее время не радуют.

— Все ясно. Прожить на такие деньги нельзя, верно? Но все же это кое-что, — сказал Фонтли и очень серьезно посмотрел на черенок своей трубки. — Второй вопрос: как насчет родни? Наследство может перепасть? Или ты кого-нибудь содержишь?

— Ни то ни другое, — Иниго поднял бокал. — Перед вами, друзья мои, круглый сирота. Правда, у меня есть дядя — торговец чаем, живет в Далуиче, — который практически воспитывал меня, пока я учился в Кембридже. Я жил у него несколько лет. Приятный старикашка и единственный мой знакомый, который до сих пор ходит в соломенной шляпе.

— Один мой знакомый носит соломенную шляпу даже зимой, — скромно вставил Фелтон.

— Выпей еще, Фелтон, — сказал Иниго, подталкивая к нему бутылку. — Зимой, говоришь? Ты прямо открываешься мне новыми гранями, дружище. Круглый год таскает? Надо будет рассказать дядюшке, он придет в ярость. Но куда ты клонишь, Фонтли, на какую темную мысль намекаешь?

— Мой совет, Джоллифант, звучит так: уби-

райся отсюда. Ты тратишь время впустую. Тебе не нравится это место, и ты ему тоже. — Фонтли опустошил стакан и заново прикурил трубку. — Заметь, я не советую тебе сменить школу. В Англии полно подготовительных школ получше Уошбери, намного лучше, но есть и те, что похуже. Я на своем веку видел и такие.

— Не может быть! — вскричал Иниго.

— Ну, не знаю, — сказал Фелтон. — Я слышал, есть школы... — Однако они так и не узнали, про какие школы он слышал: его блеяние полностью заглушил могучий бас Фонтли.

— Что бы там ни говорили, подготовительные школы — не чета проклятым интернатам или как они теперь называются. В них и джентльмену преподавать не зазорно. Учтите это, молодежь. Джентльмену сегодня больше некуда податься.

— Несомненно, — с грустью проговорил Иниго. — Но быть джентльменом — такая тоска!

— Аристократия почти изжила себя, — кивнул Фонтли. — Как и наше виски, между прочим. У тебя ведь припасена еще бутылочка, верно, Джоллифант?

— Да, сейчас открою. Но что же мне делать, когда я отсюда уйду?

— Тут уж тебе решать, — ответил Фонтли с

видом человека, который вел долгий спор по серьезному общественному вопросу и наконец уладил все разногласия. — Я не утверждаю, что разбираюсь в таких делах. Ты вроде бы пишешь, так? Почему бы тебе не стать журналистом?

— Потому что я опоздал лет эдак на тридцать, — ответил Иниго. — Пиши я во времена Хенли[18]…

— А, Хенли! Славный малый. — Фонтли рявкнул это таким тоном, что Фелтону, знавшему Хенли только как властелина своей судьбы и капитана своей души, невольно подумалось, что эти двое вместе учились в Оксфорде.

— …вот тогда б я что-нибудь сделал, — раздумчиво продолжал Иниго. — А теперь поздно. Я, конечно, пишу — сейчас как раз заканчиваю «Последний рюкзак», очерк о туристических походах. Хенли бы его с руками оторвал. Но я могу побиться об заклад, — пророчески добавил Иниго, — что ни одно из современных изданий его не опубликует. Словом, я уже думал об этом, игра не стоит свеч. Может, когда-нибудь… — И в завершение своего монолога он изящно махнул рукой, словно бы принимая или отвергая

[18] Примечания: 18

Уильям Хенли (1849–1903) — английский поэт, влиятельный критик и редактор, а также соавтор Р. Л. Стивенсона, с которым они вместе написали несколько пьес.

несколько лавровых венков.

— Тогда и впрямь без толку, — от всего сердца проговорил Фонтли. — Так, что еще… Конечно, ты великолепно играешь на пианино — да-да, я слышал. Твои штучки напоминают мне одного парня из Мертона. Малый мог сыграть и спеть что угодно, ей-богу, но в жизни ему это не пригодилось. Последний раз, когда мне о нем рассказывали, он работал в сиднейском баре, вскрывал там устриц — в смысле, за деньги. Но из тебя мог бы выйти толк, — заключил Фонтли.

— Да бросьте, это же баловство. Кстати, на днях я сочинил превосходный мотивчик — в субботу, если точней. Фелтон, ты слышал? Моя лучшая вещь! — Он принялся насвистывать мелодию: она звучала еще лучше, чем прежде.

— Ну так сыграй, Джоллифант, — предложил Фонтли.

— Как? Спустимся в классную комнату?

— Я за. Еще по одной, — он плеснул всем виски, — и к инструменту.

— Точно! — Иниго одобрительно выпил.

— Но послушайте… — начал было Фелтон, тревожно засверкав очками.

— Нет времени слушать, — строго осадил его Иниго. — Пей. Он струсил, потому что в субботу

Тарвин устроила мне головомойку, — объяснил он Фонтли.

— Ее нет, а даже если б и была, какая разница? — Он поднял стакан: — Пропади она пропадом! Берите стаканы и сифон, я возьму бутылку. — И Фелтон, терзаемый сомнениями, побрел за коллегами вниз.

— Давайте-ка пропустим для начала, — предложил Фонтли, и Иниго выпил вновь. Клавиши еще никогда не выглядели так привлекательно. Он мог сделать с ними что угодно, сыграть самую невообразимую музыку, какая только доступна человеку. Фраза так ему понравилась, что он стал ее повторять: «Какая только дос-с-ступна ч-человеку». Она наполняла его радостной уверенностью. *Тарьям-парьям-парьям, пам-пам-тарьям.* Отличное начало. Теперь медленно, аккуратно переходим к рефрену… *Рампти-ди-тиди-ди* — нет, так здорово она еще никогда не звучала, определенно! — *рампти-ди-тиди.* А теперь мягче, мягче.

— Это оно? — спросил Фонтли из золотистой дымки «Роба Роя».

— Оно. Нравится?

— Я не могу похвастать музыкальным слухом, но, на мой вкус, это первоклассная музыка, Джол-

лифант, куда лучше того, что сейчас сочиняют. Отдай ее кому-нибудь, пусть запишут. Рамптиди… Нет, забыл. Сейчас сыграешь еще. За удачу!

Иниго тут же опорожнил стакан и начал заново. Он сыграл еще полдюжины своих сочинений: Фонтли притоптывал ногами, а Фелтон кивал, хоть и с легкой опаской.

— Браво! — закричал Старый Роб Рой губами Фонтли. — У тебя определенно есть стиль, Джоллифант, замечательный стиль! И талант, совершенно точно талант.

— Ничего себе мотивчики? — Иниго взбудораженно крутанулся на табурете. — Я недавно придумал, как их описать. Они похожи на семейство эльфов во фраках. Каково?

— Неплохо, — ответил Фонтли, — но я предпочитаю музыку. Давай еще раз первую.

Решив, что по части складывания слов коллеги ему не советчики, Иниго вернулся к своей *рампти-ди-тиди-ди* и на сей раз урезал ее фортиссимо: мелодия уже не намекала вам, что можно бы и за угол свернуть, а громко, решительно отрицала любые отговорки и чуть не пинками гнала вас по улице. Поставив виски на столик у пианино, Фонтли отстукивал ритм, и даже Фелтон начал притоптывать ногой. В комнате стоял шум и гам;

если бы ко входу в школу подъехала машина и кто-нибудь отворил дверь, в классе бы этого не услышали.

Ударив напоследок по клавишам, Иниго вскочил на ноги и заорал:

— Именно эту мелодию мне запретила играть гнусная Тарвин, любительница попотчевать добрых людей черносливом!

— Вот карга! — прорычал Фонтли. — Старая зануда!

— Да, я тоже от нее не в восторге, — добавил Фелтон, пуская свою предосторожность по всем роб-роевым ветрам.

— Не в восторге! Да я ее презираю. А какая из них вышла парочка, а? Я вам еще не рассказывал, что произошло вчера вечером? — И он принялся в подробностях пересказывать события минувшей ночи, начав с того, как мистер Тарвин обнаружил на улице мисс Калландер. Когда на сцене впервые появилась жена директора, Иниго начал терять власть над повествованием, без меры приукрашивать и в итоге представил вниманию слушателей сказку, достойную Шахерезады, полную растерянных «чамх» и «что происходит? что происходит?».

— Ну ты даешь, ну даешь! — От смеха Фонтли

чуть не падал со стула. — Не верю ни единому слову, Джоллифант, но ты меня уморил!

— Это истинная правда! — взревел Иниго. Они сидели рядом, склонив головы друг к другу. — И вот она подбегает, вопя: «Что происходит? Что происходит? Что происходит? Я не понимаю, ничего не понимаю. Ну, говори же, говори!» А бедный мистер Тарвин отвечает: «Ну, видишь ли… чамха». «Нет, я не вижу тут чамхи, никакой чамхи не вижу! — кричит она. — Я только вижу, что ты говоришь с девушкой, девушкой, и очень молоденькой девушкой, совсем молоденькой! — Тебе нельзя разговаривать с девушками, нельзя, никак нельзя!» — Иниго выдохся и замолк.

— Такого она точно не говорила! — вновь взревел Фонтли. — Не морочь мне голову!

— Нет, ну не слово в слово, конечно. — Вскочив, Иниго откинул со лба вездесущий вихор и хлопнул себя по колену. — Разве не видишь, что я излагаю, так сказать, самую суть событий? Именно это она и имела в виду.

— Неужели, неужели именно это? — раздался яростный вопль из другого конца комнаты. Там стояла миссис Тарвин.

Ее внезапное появление в конце долгого неистового веселья перерезало последнюю ниточку

Инигова самоконтроля. Его губами заговорил сам Старый Роб Рой:

— А, черная полночная карга[19]! — прогремел он.

— Что?! — взвизгнула та и бросилась вперед. Следом шел ее муж. — Что вы сказали?! Вульгарная пьянь! Меня еще никогда так не оскорбляли. И от кого я это слышу — от одного из наших учителей! Никогда, никогда, никогда я такого не слышала. Вы превратили классную комнату в притон и кабак! Что вы себе позволяете? Джеймс, да скажи же что-нибудь! Вели ему немедленно убираться.

— Вам должно быть стыдно, Джоллифант, — как можно строже проговорил мистер Тарвин. — Вы… э-э… пьяны. Чамха.

Фонтли все это время пытался взять себя в руки.

— Он немного перебрал, мистер Тарвин. День рождения как-никак. Надо уложить его в постель.

— Извини, Фонтли, но я совершенно трезв, — сказал Иниго, — и спать категорически отказываюсь.

---

[19] Примечания: 19
Шекспир У. Макбет, акт IV, сцена I. *Пер. М. Лозинского.*

— Этот… этот… этот человек здесь останется?! — возмущенно спросила мужа миссис Тарвин.

— Нет, конечно. Готовьтесь к увольнению, — пробормотал директор.

— Пусть убирается отсюда завтра же утром, слышишь, утром! Я не потерплю его в нашей школе, не потерплю! — Она кипятилась все сильней.

— Прекрасно понимаю. Чамха. Отвратительный поступок, — опять забормотал ее муж. — Но прогонять его утром будет… неправильно.

— Это еще почему?!

— Ну, во-первых, мы обязаны сначала сделать выговор… Чамха.

— Короче говоря, — Иниго взмахнул рукой и чуть не завалился на бок, хотя говорил вполне членораздельно, — если я уйду утром, вы должны выплатить мне жалованье за четверть. Пятьдесят два фунта. Жалкие гроши, но я имею на них право.

— Мне все равно! — Миссис Тарвин посмотрела на Иниго, как на ящерицу, и перевела взгляд на мужа. — Я не потерплю его в нашей школе, не потерплю! Я с самого начала знала, что так будет, с самого начала. Опять ты нанял неизвестно кого. Завтра же выдворю его отсюда, чего бы это ни стоило.

— Как скажешь, дорогая, — ответил мистер Тарвин, хорошо понимавший, на чьи деньги живет школа. — На недельку затянем пояса потуже… Вы получите чек завтра утром, Джоллифант, и сразу же покинете наше учебное заведение.

— Именно так, именно так! — завопила миссис Тарвин.

Иниго тем временем пытался закрыть крышку пианино, что не очень-то ему удавалось: на клавишах лежал спичечный коробок.

— Не трогайте инструмент, не трогайте! Уберите руки! — продолжала миссис Тарвин. — Марш в постель, а утром чтоб вас тут не было!

— Утром я никуда не пойду, — ответил Иниго.

— Еще как пойдете!

— А вот и нет. Я уйду не завтра, а сегодня. Прямо сейчас.

— Не глупи, Джоллифант, — сказал Фонтли, беря его за руку. — Сегодня никак нельзя. Это невозможно.

— Отчего же? По-моему, блестящая мысль.

— Поезда уже не ходят, — настаивал Фонтли. — Ты не сможешь уехать.

— А я пешком пойду! — торжествующе заявил Иниго. — Рюкзак на плечи — и вперед. Уйду сегодня же. Дождя ведь нет? Фелтон, как там

погодка?

— Я… э-э… не знаю, — выдавил несчастный Фелтон, который последние пять минут пытался самоуничтожиться.

— А о вас, мистер Фелтон, я была лучшего, гораздо лучшего мнения, — строго проговорила миссис Тарвин.

— Он не виноват, это я его втянул, — сказал Иниго. — Говорю: «У меня сегодня день рождения, друг». А у него слабость к дням рождения, правда, Фелтон? Прямо ничего не может с собой поделать. Мистер Тарвин, я уйду сегодня же, поэтому прошу поскорей выписать мне чек. — Он говорил очень медленно и с расстановкой.

— Это же… э-э… чамха… нелепо, Джоллифант! Конечно, вам придется уйти, но необязательно… чамха.

— Пусти его, пусти! — вскричала миссис Тарвин. — Тем лучше для нас, меньше будет хлопот утром. Не знаю, с какой стати мы должны выписывать ему чеки среди ночи, но пусть убирается поскорей и спит в канаве, если ему угодно, нас это не касается, совершенно не касается. Мистер Фелтон, будьте любезны, уберите эти гадкие стаканы и откройте все окна. Здесь омерзительно, омерзительно. — Она еще раз обвела их дрожа-

щим взглядом и вышла вон.

Через пятнадцать минут чек с жалованьем был у Иниго в кармане, и он принялся складывать самые необходимые вещи в рюкзак.

— Я сообщу, куда отправить чемодан и сундук, — сказал он Фонтли. — А до тех пор присматривай за моими вещами, хорошо? По-моему, уже двенадцать ночи. А мне нисколько не хочется спать, ночь прекрасна, я покончил с этим заведением и какое-то время могу не работать. По-моему, все сложилось как нельзя более славно.

— А по-моему, как нельзя более глупо, — ухмыльнулся Фонтли. — Бог знает, кто будет вести твои уроки на следующей неделе и какого идиота подберут Тарвину в агентстве, но все равно удачи тебе, Джоллифант! Вот, здесь остался глоток виски. Давай на посошок.

Пока они пили, в комнату зашел Фелтон.

— Так ты и впрямь уходишь? Я сообщил мисс Калландер. Она выглянула в коридор и спросила, что случилось. Могу я что-нибудь для тебя сделать, Джоллифант?

Иниго потряс его руку.

— Разве что попрощаться. Я вверяю твою душу Вечным истинам, Фелтон, хотя понятия не имею,

что это такое. У меня есть предчувствие, что мы еще встретимся.

К этому времени Иниго уже надел плащ, закинул за плечи рюкзак, нашел шляпу, прочную ясеневую трость и приготовился уходить. Фонтли вышел с ним на улицу. Когда они проходили по коридору, из спальни выглянула мисс Калландер.

— Сейчас приду, — шепнул Иниго приятелю и отстал.

— Вы правда уходите? — Мисс Калландер в домашнем халате походила на розового кролика. Глаза у нее были широко распахнуты, а губы крепко поджаты.

— Да, меня уволили, и я ухожу.

— Сумасшедший! — прошептала мисс Калландер. — Мне очень вас жаль, правда. Но, чует мое сердце, я на очереди, и ни капельки не расстраиваюсь.

Иниго уверенно посмотрел на нее и по-дружески улыбнулся:

— На вашем месте я бы попробовал съездить в Египет.

Она смущенно кивнула.

— Я как раз туда пишу. Ах, я же вам кое-что приготовила! — Мисс Калландер протянула ему

сверток. — Вот. Здесь только печенье и шоколад, но ничего другого у вас, верно, нет? Скоро вы ужасно проголодаетесь.

Иниго был по-настоящему тронут. До него вдруг дошло, что уже много лет никто не делал для него ничего подобного. В его мире практически все услуги оказывали за деньги.

— Дейзи Калландер! — тихо вскрикнул он. — Вы чудо! Я страшно вам признателен. Я и не подумал, что через час-другой меня одолеет голод.

— Куда вы пойдете?

Иниго воззрился на нее.

— Представляете, это совершенно вылетело у меня из головы. Понятия не имею. Просто пойду куда глаза глядят. Прощайте — и удачи вам! — Он протянул ей руку.

Однако мисс Калландер не пожала ее, а легонько стиснула и подняла глаза.

— Прощайте, — чуть не плача, проговорила она.

Иниго сообразил, что от него ждут поцелуя. В ту минуту мисс Калландер нравилась ему больше, чем когда-либо, но целовать ее отчего-то не хотелось. И все же он коснулся губами ее губ, еще раз стиснул розовые пальчики и побежал вниз по лестнице, где дожидался Фонтли.

— Дождя нет, но холодно и темно, как в яме, — сказал он. — Через час ты пожалеешь, что не остался в постели. Одумайся, пока не поздно.

— Ни за что! — ответил Иниго, выглядывая на улицу. — Какой запах! Я пойду в сторону Питерборо.

— Ты — юный осел, Джоллифант.

— Я скоро напишу, Фонтли. До нашей новой встречи ты будешь получать краткий отчет обо всех моих приключениях.

— Повторяю, Джоллифант, ты осел. И будь мне лет на двадцать меньше, я бы пошел с тобой.

Две минуты спустя Фонтли запер дверь, а Иниго покинул школьные угодья и быстро зашагал на запад.

Глава 4
Мистер Окройд в пути

I

Когда мистер Окройд вырвался из родного дома и торопливо зашагал по Огден-стрит, неся корзинку с вещами в одной руке и инструменты в другой, он понятия не имел, куда идет. Он только знал, что должен убраться из этого города как можно скорей. Мысль о ночном поезде его пугала: так в его представлении поступали совсем уж отчаянные люди и бандиты. Единственный раз в жизни мистер Окройд садился в ночной поезд, да и то в компании шестисот других браддерсфордцев. Ему казалось, что его арестуют прямо на кассе.

— Здра, Джесс! — крикнул кто-то.

— Здра! — ответил он и поспешил дальше. Интересно, кто это был? Мистер Окройд шел так быстро и сосредоточенно, что на повороте к Вулгейту, рядом с пивной «Грязная утка», со всего маху врезался в какого-то здоровяка.

— Смотри, куда прешь! — возмутился здоровяк. — А, дык это ж Джесс Окройд! Куда путь

держишь?

— Уезжаю в отпуск, Сэм, — ответил мистер Окройд и побежал дальше, оставив здоровяка недоумевать в одиночестве.

Эти маленькие встречи еще больше его растревожили. Именно тогда мистер Окройд вспомнил про Теда, племянника Сэма Оглторпа, который вчера вечером согласился подбросить его куда угодно. Он сказал, что загружается около полуночи на складе Мэрриуэзера, что на Тапп-стрит, а потом едет на юг… куда же? А, в Нанитон! Вот и чудно. Мистер Окройд страшно обрадовался, что может поехать с Тедом. Скорей всего придется сидеть на тюках всю ночь, но это его не испугало.

Мысль о том, чтобы покинуть Браддерсфорд в тряском кузове грузовика, ему даже понравилась.

Тапп-стрит находилась почти в центре города — короткая улица, под завязку набитая конторами и старыми складами, выглядела темной и безлюдной в любое время дня. Ночью единственный звук нарушал мертвую тишину Тапп-стрит, но стоило мистеру Окройду его услышать, как он сразу прибавил шагу. То был звук работающего двигателя, настойчивое «вррум-вррум». Вскоре он перешел в громкий рев — грузовик отправлял-

ся в путь с минуты на минуту.

— Здоро́во, Тед! — крикнул мистер Окройд на бегу. — Я с тобой!

Из окна со стороны водителя кто-то выглянул.

— Не шуми, друг, — раздался хриплый голос. — Если ты с нами, полезай в кузов. Спереди только два места. Пошевеливайся. Едешь, нет?

Голос принадлежал явно не Теду, но мистера Окройда это не смутило.

— Еду! — выдохнул он и забросил багаж в кузов. К счастью, крытые брезентом тюки занимали не все пространство, сзади еще осталось немного места. Мистер Окройд едва успел забраться: грузовик уже тронулся, а его ноги все еще болтались в воздухе. Наконец он с огромным усилием подтянулся, залез внутрь, чуть перевел дух и вместе с вещами уселся на груду брезента между задним бортом и тюками.

Какое счастье! Грузовик на удивление быстро мчался по кочкам и выбоинам, а мистер Окройд восторженно наблюдал, как склады, магазины и трамваи Браддерсфорда вздрагивают и отступают. Он ловко набил трубку «Старым моряцким» и закурил — даже привычный дым теперь пах приключениями, и мистер Окройд чувствовал себя настоящим моряком, глядящим с наблю-

дательного поста на мыс Камбоджи. Сквозь прощальные клубы дыма мистер Окройд видел, как Браддерсфорд исчезает, а на его месте вздымаются холмы и мутная чернота, а далекие фонари и ускользающие предместья приобретают форму и мерцание созвездий. Все новые города — Дьюсберри, Уэйкфилд — смыкались вокруг него и, вздрагивая, опять пропадали. Стало прохладней, и мистер Окройд начал потихоньку замерзать в своем тонком плаще. Однако мысль о победоносном бегстве грела ему душу. Не важно, где они окажутся утром; сейчас они едут прочь, и это прекрасно.

А потом случилось невероятное. Он слегка задремал и проснулся от того, что грузовик сбавил скорость, посигналил и свернул на дорогу, не похожую на другие — гладкую и прямую, как стрела. В свете фонарей мистер Окройд различал огромные телеграфные столбы и дорожное полотно, расползавшееся от них подобно темной воде. Мимо, блестя фарами и громко сигналя, пролетали другие автомобили, но сам грузовик несся быстрее, чем грузовики имеют право носиться. Однако мистер Окройд все же успел разобрать надпись черными буквами по беленой стене: «Великая северная дорога». Так они

едут по Великой северной дороге! Он чуть не закричал от восторга. Теперь его и вовсе не волновало, что будет дальше. Он представил, как описывает кому-нибудь — верно, Лили, — свое путешествие. «Посреди ночи, — скажет он, — мы выехали на Великую северную дорогу». Впереди был еще один город, и дорога прорезала его, как нож — кусок сыра. Донкастер, не иначе. Трамваи уже не ходили; все люди легли спать, кроме тех редких счастливчиков и безумцев, что мчались прямиком на юг по Великой северной дороге.

— Ну дела! — заорал мистер Окройд. — Вот так жизнь! Старый добрый Тед! Старый добрый Оглторп! Век не забуду! — Он с благодарностью представил себе Теда и его приятеля за рулем, устроился как можно уютней на брезенте и, несмотря на одолевший его восторг, вскоре опять задремал.

Мистер Окройд уснул бы окончательно, если бы не одно странное происшествие: кто-то закричал, и грузовик вроде бы сбавил скорость. «Эй, там! Стойте, стойте!» Это был полицейский. Они уже проехали мимо, но он побежал следом. Двигатель взревел, страшно загрохотал, и машина из последних сил полетела вперед. Полицейский отстал, однако мистер Окройд успел

его разглядеть: он стоял неподвижно и только махал рукой, а сквозь грохот грузовика летел пронзительный, ужасно строгий свист. Он раздавался вновь и вновь, но машина быстро набрала скорость и оставила полицейского далеко позади. Мистер Окройд, осторожно высунувшись за борт, недоумевал. Что это значит? Что у Теда на уме? Почему полицейский хотел их остановить? Они превысили скорость? Ответ напрашивался сам собой, но почему-то не устраивал мистера Окройда. Все это казалось ему очень странным. И спать он больше не хотел.

Решив вести себя странно, грузовик так и не вернулся к нормальному поведению. Он летел по дороге на сумасшедшей скорости, а мистер Окройд задыхался, набивал синяки и дрожал от страха. Несколько раз они едва не врезались в другие машины и увиливали в самый последний миг, а вслед им летели злые проклятия. Мистер Окройд уже подумывал о том, чтобы пробраться в переднюю часть кузова и спросить Теда, не спятил ли он, но тут грузовик резко развернулся, ударив мистера Окройда о задний борт, и покатил по узкой проселочной дороге. Несколько миль он мчался на той же безумной скорости — трясло так, что зуб на зуб не попадал, — а потом

свернул на еще более узкую дорожку, заросшую деревьями и всю в выбоинах. Тут уж пришлось ехать медленно, практически ползти. Мистер Окройд наконец смог перевести дух, выглянуть в таинственную ночь и немного подумать. Однако не успел он собраться с мыслями, как грузовик дополз до открытого участка на перепутье двух дорог и остановился — к великому облегчению мистера Окройда. Ехать по Великой северной дороге здорово, спору нет, но это уж слишком. Мистер Окройд осторожно поднялся на ноги.

— Где отвертка? — донесся хриплый голос того самого незнакомца, с которым он разговаривал на Тапп-стрит. Голос продолжал: — Правильно, лучше сиди здесь, Нобби. Увидишь кого — сразу дай знак.

— Думаешь, он ее взял? — спросил второй.

Мистер Окройд страшно удивился. Это не Тед, Теда вообще нет в грузовике!

— Взял али не взял, я рисковать не хочу, — сказал первый. — Прямо ехать нельзя, а если попрем в объезд, до рассвета надо сменить развалюхе номер. Ну-ка, Нобби, слезай. Подашь мне номера.

Тут мистер Окройд подумал, что неплохо бы и ему слезть. Он скорее выпал из кузова, чем выбрался — руки и ноги у него замерзли и онеме-

ли, — и поковылял к остальным.

— Вот те на! — вскричал первый незнакомец, уставившись на мистера Окройда. — Я ж про тебя забыл! Кишки-то перетрясло, а?

— Еще как, — мрачно ответил мистер Окройд. — Где Тед?

— Тед? Тед? Какой, к черту, Тед? — вопросил первый и внимательно пригляделся к мистеру Окройду. — Ты кто такой, черт возьми? Э, Нобби, дык это ж не он!

— Не он? — Нобби тоже подошел ближе. Он был высокий и крепкий, в теплой одежде и маленькой шапочке на макушке. Настал его черед приглядеться к мистеру Окройду. — И впрямь, надо ж! Мы его не знаем. Я его не знаю, Фред.

— И я. Ну, что за дела? — злобно спросил Фред мистера Окройда.

— Ты меня спрашиваешь? — с вызовом ответил тот.

— Да, я тебя спрашиваю, черт подери! Что за дела? — в ярости повторил Фред.

Мистер Окройд оробел.

— Это ведь грузовик Теда Оглторпа?

— Нет, это наш грузовик, а никакого не Теда, понял? Отвечай, что ты тут делаешь! — Фред был из тех хриплоголосых верзил, что орут тебе прямо

в лицо, когда разговаривают; с каждой секундой он кипятился все сильней.

Мистеру Окройду, надо признать, стало не по себе; очутившись в десятках миль от знакомых мест в компании отпетых бандитов, он чувствовал себя немного покинутым и одиноким. Но он тоже умел показать характер.

— Я думал, это машина моего приятеля, вот и сел, — сварливо ответил он. — А ты мне не помешал!

— Обознался я, — угрюмо сказал Фред.

— Ну, вот и я обознался! Такие дела.

— Ладно, приехал так приехал, теперь проваливай отсюда. — И Фред, повернувшись спиной к мистеру Окройду, начал что-то насвистывать.

— Постой, — сказал ему Нобби, — пошли-ка покумекаем.

Он поманил своего приятеля, они отошли в сторону и принялись перешептываться. До мистера Окройда долетали только обрывки фраз, одна из которых — «слишком много знает», — долетала особенно часто.

— Если хотите менять номера, — крикнул им мистер Окройд, — меняйте, мне-то что?

— Не шуми, не шуми! — Фред и его приятель вернулись. — Ладно, Нобби, я за дело, а ты уж с

ним поболтай. Только тише, Бога ради! — И он занялся передним номером.

Огромная таинственная туша Нобби очутилась рядом с мистером Окройдом, и он заговорил — мягко и примирительно:

— Куда ж вы собрались, мистер?

— Вообще-то я хотел попасть на юг, — стал объяснять мистер Окройд. — В Лестер али еще куда. Я там прежде работал, а намедни меня выгнали с фабрики, вот я и решил туда наведаться.

— Только времечко выбрали странное, а?

— Поздновато выдвинулся, — да и вы не рано. Мой приятель сказал, что будет в этот час загружаться на складе Мерриуэзера, на Тапп-стрит.

— Правду говорит, Нобби, — хмыкнул Фред, не отрываясь от своего занятия. — Я его видел, он уехал минут за десять до нас.

— Верно, верно, — мягко согласился Нобби и понизил голос: — Штука вот в чем, мистер… Знать, кое-что в нашей работе показалось вам странным, а?.. У нас с Фредом нет водительских прав, вот мы и хитрим.

— Это не мое дело, — задумчиво ответил мистер Окройд, — хотя я никак не смекну, зачем вам менять номера, вас ведь точно так же могут остановить. Ну да не мое это дело, повторяю.

Нобби причмокнул губами — звук этот, вероятно, означал, что он крепко задумался.

— Чую, мистер, вас не проведешь, — наконец сказал он. — Шибко умный, а? Тогда слушай. — И он зашептал самым что ни на есть заговорщицким тоном: — Один мой знакомый — совладелец фирмы. Во-от. Раз он повздорил с двумя другими партнерами и решил выйти из дела. Забрать свою долю, значится. А они ни в какую — мол, все наше, и точка. Тогда он пришел ко мне и грит: «Ты уж забери у них мой товар». Понимаешь, ежели товар будет у него — никаких судов и прочей канители. Это по праву его доля. Но если нас застукают за этим делом, могут и за решетку посадить. Мы с Фредом сразу смекнули, на что идем, но мы парни не промах, а ради друга грех не рискнуть.

— Ага, понял, — сказал мистер Окройд, не поверив ни единому слову. — И с кем же ж вы меня спутали?

— Ну, дело-то какое, — приободрившись, ответил Нобби. — Мы на складе с одним малым сговорились встретиться…

— Ага, — перебил его мистер Окройд. Он и так подозревал, что ехал в грузовике, доверху набитом краденым добром — рулонами дорогой

шерсти или еще чем. Воришки обстряпали дельце в Браддерсфорде, и он мог запросто сдать их полиции. Вот только мистер Окройд не испытывал особой нежности к фабрикантам родного города, и совесть его не мучила — пусть им хоть все склады обчистят. Конечно, в обществе двух воров было неуютно; впрочем, оставаться одному холодной ночью посреди заброшенного поля хотелось еще меньше.

Тут объявился Фред.

— Если они ищут BP7684, то век им его не сыскать, — сказал он. — Ну, что решил наш мистер? Бросит нас или продолжит путь? — Он перевел взгляд с Нобби на мистера Окройда.

Последний с тоской посмотрел на Фреда. «Второй, пожалуй, покрепче будет, — сказал он себе, — зато и подобрей. А этот того и гляди зарядит по башке гаечным ключом. Лучше я промолчу, пусть Нобби говорит».

— Все путем, — сказал Нобби. — Можем его не высаживать. Он честный малый, дело говорю. А нам пока лучше затаиться. В Лондон сейчас никак, — добавил он, понизив голос. — Скинем его завтра, а сами рванем в другую сторону.

— Как скажешь, друг, — сказал Фред. — Я не прочь подкрепиться, выпить и на боковую.

— И я, — в глубокой задумчивости ответил Нобби.

Мистер Окройд подумал, что тоже не отказался бы от такой программы. Он замерз, проголодался и устал.

— Поблизости ничего нет, — с отвращением проговорил Фред. — Мы у черта на куличках.

— Обожди, обожди! — вскричал Нобби. — Мы вообще-то где?

— Между Ротерхемом и Ноттингемом. Вон указатель, читать умеешь? Да поживей, Христа ради! Сматываем удочки.

— Вот и славно! — воскликнул Нобби, изучив указатель. — Я тут уже бывал, и не раз. Со мной не пропадешь, друг.

— Что задумал?

— Сейчас увидишь, — с воодушевлением ответил Нобби. — Закрой глаза, открой рот и смотри, что Бог пошлет. Затаимся как положено, ты уж мне поверь. Прыгай за руль, Фред. Мистер, полезайте назад, коли вы с нами.

— С вами, с вами, — ответил мистер Окройд, который последние десять минут трясся от холода, и полез в кузов.

— Большая Энни. Держит «Киркуортский трактир», — услышал он голос Нобби, отвечавшего на

какой-то вопрос Фреда. — Ты это место знаешь, сейчас сам увидишь. Энни — наш человек, зуб даю.

Следующие полтора часа они медленно и безрадостно колесили по узким проселочным дорогам, то и дело возвращаясь к пропущенным поворотам. Мистеру Окройду очень хотелось спать, но он продрог до костей, живот был пуст, как барабан, и беспокойный сон одолевал его только на минуту-другую. От прежних восторгов не осталось и следа, и мистер Окройд уже не раз мечтал очутиться в своей постели. Трясясь в кузове сквозь угрюмую ночную тьму, он невольно жалел, что вообще сел в треклятый грузовик.

Наконец они подъехали к «Кирквортскому трактиру» — одинокому дому на перекрестке, с широкими воротами, ведущими в боковой двор, — но легче мистеру Окройду не стало. Трактир пялился на них сквозь мрак слепыми черными глазами, а дверей как будто нигде не было. Тем не менее мистер Окройд вылез из машины вместе с остальными и посмотрел на закрытые ставнями окна.

— Нас точно не сдадут? — с тревогой спросил Фред. — А то скажем, кто мы такие, — глядишь, с утреца-то и повяжут.

Нобби не разделял его страхов.

— Положись на меня, друг. Я знаю Энни, а она знает меня. Все будет хорошо. — Он храбро подошел к двери и постучал. Никто не отозвался, и через пару минут он стукнул снова. Где-то открыли окно, и злой женский голос крикнул:

— Хто там? Чего расшумелись? Чего надо?

— Это ты, Энни? — откликнулся Нобби. — Это я, Нобби Кларк! Помнишь меня?

— Кто-кто? — прохрипела Энни.

— Нобби Кларк! Ты меня знаешь, я здесь был с Чаффи, Стивом и их компашкой. Помнишь ярмутское дело, Энни?

— А, вон ты кто! Терь поняла. На кой явился среди ночи?

— Спускайся, я те все расскажу, Энни. Зубы так стучат, что язык не ворочается.

Хозяйка что-то пробурчала и отошла от окна, а через минуту дверь отворилась, и Нобби вошел внутрь.

— Щас он мигом все уладит, — радостно сказал Фред мистеру Окройду. — Как только она пошла вниз, я сразу смекнул: голодными не останемся. Нобби кого угодно уболтает. Язык у него будь здоров! — И Фред громко сплюнул в знак одобрения, а потом задымил полудюймовым окурком.

Через несколько минут на улицу выскочил довольный Нобби.

— Все путем, други! Пошли, нас пустили на ночлег. Загони-ка развалюху на задний двор, Фред. А ты с ним, мистер. Оба с черного хода зайдете.

Мистер Окройд потопал за грузовиком во двор, вытащил из кузова корзинку и сумку с инструментами, а потом вместе с Фредом вошел на кухню, где уже горел свет. Нобби — высоченный обрюзгший верзила с короткими волосами, багровыми щеками и толстыми обвислыми губами, — орудовал гигантскими мехами и раздувал огонь в печке. Кухня была грязная и неряшливая, а ее хозяйка — невероятных размеров женщина, закутанная в бесконечные ярды засаленной фланели, — еще грязней и неряшливей.

— Это Энни, миссис Краучер, — сказал Нобби, отложив мехи. — А это Фред… Фред…

— Смит, — нашелся джентльмен, внешний вид которого внушал даже меньше доверия, чем его слова. Лицо у него было вытянутое, худое и будто бы съехавшее набок; возраст неопределенный — от двадцати пяти до сорока пяти.

— Фред Смит, — любезно подхватил Нобби. — Мы с ним вместе работаем, а этот малый с нами по ошибке оказался. — Он вопросительно взгля-

нул на мистера Окройда.

— Меня зовут Окройд.

— Его зовут Окройд, и он — честный человек, иначе бы его тут не было. — Нобби стал опять раздувать огонь, и скоро дрова занялись.

— Ну, чего изволите, ребятки? — вопросила Энни. — Ежли стейков с картошкой да перин пуховых — не мечтайте, сразу говорю.

— Как тебе угодно, Энни, как угодно! — запричитал Нобби. — Кусок хлеба да немного мяса, если есть. И выпить чего-нить. Что выпьем, друг? Пиво шибко холодное. Вот что я скажу: хорошо бы чашку чая с капелькой рома, а? Старого доброго сержант-майорского!

— Хорошо придумал, друг, — хмыкнул Фред.

— И я не откажусь, — сказал мистер Окройд, который уже начал согреваться, но изнутри его по-прежнему глодала пустота. Он с надеждой поглядел на грозную Энни.

— Как пожелаете, — ответила Энни. — Я тоже с вами тяпну. Ну-ка, Нобби, ставь чайник.

Она вынула из буфета остатки говядины, хлеб, сливочное масло, четыре полупинтовые чашки и бутылку рома. Они с Нобби заварили чай, Фред набросился на говядину, а мистер Окройд, чтобы не оставаться в стороне, отрезал от хлеба дюжину

толстых ломтей. На душе у него вновь стало веселее. Да, компания его окружала та еще, зато потом будет что вспомнить и рассказать. Нобби поставил на стол горячий чайник, а хозяйка, которая даже в столь поздний час не теряла бдительности, отлила в кувшин четверть пинты рома.

Гости яростно накинулись на бутерброды, запивая их чаем — очень крепким, очень сладким и от души сдобренным ромом. Проглотив горячую смесь, в которой спиртного и чая было примерно поровну, Энни развалила у потрескивающего огня свою массивную, завернутую во фланель тушу, подбоченилась и смерила гостей снисходительным, почти материнским взглядом.

— Смотрю, вы малость ожили, — самодовольно проговорила она. — Что дальше, молодчики?

— Сон-час, — заявил Фред из глубин огромного бутерброда.

— Дело говоришь, — кивнул Нобби. — Передайка сюда вон тот коричневый кувшинчик, мистер. Подолью себе еще рома. Да, нам бы вздремнуть маленько, Энни.

— Спать будете прямо здесь, — сказала та. — Подкинем дров — авось не озябнете.

— Разберемся, Энни. Ну-ка, теперь самое вкусное! — Нобби поднял кружку и опустошил ее в

честь гостеприимной хозяйки. — Уважила ты нас, родная! Все хорошо, мы тут сами управимся.

— Еще бы, — кивнула Энни. — Я на боковую. Утром расскажете все новости. И ради Бога, не зажигайте свет в передней! Так, подсчитаем убытки… С вас шесть шиллингов — это еще по-божески, вон вы сколько рому выдули.

— По рукам. — Нобби стал рыться в карманах.

Тут мистер Окройд, полный чая, рома, мяса и хлеба, сытый, довольный и сонный, сделал глупость.

— Ну-ка! — вскричал он. — Я вам обязан, так что плачу за всех! Шесть шиллингов, а? — Он сунул руку в карман, но там одиноко лежала монета в шесть пенсов. Видимо, вместе с недельным жалованьем он отдал жене все деньги. Зато в нагрудном кармане у него лежали четыре пятифунтовые банкноты. — Минутку… — По неосторожности мистер Окройд вытащил из старого конверта сразу все бумажки.

— Ну дела! — Фред подался вперед. — Кого это мы подцепили? Мистер Рокфеллер, черт тебя дери! Ты, часом, не банк ограбил?

Мистер Окройд заметил, как все взгляды застыли на его банкнотах, и спешно засунул три бумажки обратно в карман, а одну протянул

Энни:

— Разменяете, миссис?

— Еще чего! — озлилась та. — Не разменяла бы, даже если б могла! Мне ваши грязные деньги не нужны. Неплохо устроились, а?

— Спокойно, мистер. Спокойно, Энни. Я заплачу, — ласково вставил Нобби. — Шесть шиллингов так шесть шиллингов.

— Ну, будьте паиньками. Как уляжетесь, сразу погасите свет. — Энни убрала со стола ром, заперла дверцу бара и ушла к себе. Гости дружно зевнули и по совету Нобби («Ботинки в постель не тащите») сняли обувь. После осмотра комнаты и дальнейших обсуждений мистеру Окройду, как ни странно, выделили старый диван в углу.

— Тебе там поуютней будет, мистер, — серьезно проговорил Нобби. — А честному человеку положен уют, верно я говорю, Фред?

— Так и быть, уступлю, — пробормотал тот и растянулся на двух стульях.

Мистер Окройд с удовольствием покурил бы на ночь «Моряцкого» и послушал байки о Чаффи, Большой Энни, ярмутском деле и Великой северной дороге, но он так устал, так согрелся и так уютно устроился на диване, чувствуя внутри теплое свечение рома, что веки его мгновенно

налились свинцом. В полудреме он заметил, как Нобби задул лампу. В темноте поблескивал лишь очаг; мистер Окройд будто бы вновь очутился в тряском кузове — на короткий миг перед ним мелькнула Великая северная дорога, и он сразу же уснул.

II

Хриплый истошный визг огласил кухню. Мистер Окройд заворчал, приоткрыл глаза и зажмурился. На несколько секунд в комнате воцарилась благодатная тишь. Потом опять раздался голос, пронзительный и скрежещущий, как плохая циркулярная пила. На сей раз мистер Окройд пошевелился, встряхнулся и широко распахнул глаза. Увиденное его поразило. Много лет подряд, просыпаясь, он видел перед собой спальню дома 51 по Огден-стрит, Браддерсфорд, и теперь минуту-две не мог сообразить, куда попал. Через некоторое время к нему вернулась память о последних событиях: он сообразил, что настало первое утро его странствий и, вдобавок, последний вторник сентября. Душа его еще дремала, а проснувшаяся ее часть была лишь порождением привычек: чувство оторванности от родного дома не принесло мистеру Окройду

ни малейшего удовольствия. И он по-прежнему мучился от недосыпа — голова чуть болела, по затекшему телу разлилась болезненная тяжесть. Словом, пробуждение было не из приятных. Мистер Окройд засыпал в атмосфере дружеского уюта, теперь все было иначе. Он приподнялся, выглянул из-за стола и уперся взглядом в огромную спину хозяйки, выходившей из кухни в коридор. Со двора в комнату вошла чумазая девчушка.

— Драствуй! — сказал ей мистер Окройд, вставая и потягиваясь.

Она смерила его скучающим взглядом.

— Здрасьте. Давно пора вставать.

— А который час? — спросил мистер Окройд. Часов у него никогда не было: простые жители Браддерсфорда узнавали время с помощью замысловатой системы фабричных сирен, прозванных в народе «свистухами».

— Полдевятого. Миссус велела вас разбудить.

Мистер Окройд огляделся по сторонам.

— Эй! А остальные-то где?

— Уехали.

— Уехали?! — Он изумленно уставился на девчушку.

— Миссус грит, уехали. Я не видала. Небось до меня еще собрались.

Он выглянул во двор: грузовика нигде не было. Обернувшись, мистер Окройд увидел прямо перед собой Большую Энни, смотревшую на него с явным недовольством. Выпачканная сажей, одутловатая, краснолицая, с жадными налитыми кровью глазками, при свете дня она выглядела даже неприятней и страшней, чем вчера ночью.

— Неужели! — пронзительно крикнула она. — Ваши-то давно уехали, и вы не задерживайтесь. Работать мешаете.

— Ладно-ладно, миссис, — пролепетал мистер Окройд и попробовал улыбнуться, но не преуспел. — Я мешать не хочу, но я ж только встал! Дайте хоть умыться да позавтракать!

— Не дам! — запальчиво отрезала Энни.

— Да в чем дело, миссис? Я при деньгах, могу заплатить.

— Нет, не можете. Не хватало мне здесь таких, как вы.

— Это каких «таких»? — оскорбился мистер Окройд. — Чем я вам не угодил? Назвали б вы «такими» вашего дружка Нобби и его приятеля, я б еще понял. Вот уж кто и впрямь…

— Хватит! — завопила Энни. — Распустили тут язык! Они уехали, и дело с концом. Вы тоже проваливайте, да поживей. Мешаете, сказала

же. — Она развернулась и вразвалку пошла к выходу, но в дверях обернулась. — И чтоб я больше вас тут не видела! Вас никто и на порог не пустит, ясно? «Такие»! — Она по-слоновьи фыркнула и повернулась к нему спиной.

Мистер Окройд решительно нахлобучил свою коричневую кепку, обмотал плащом корзину и взял сумку с инструментами.

— Ну, я пошел, — сказал он девчушке. — Уж найду где умыться да закусить. Смотрю, меня тут невзлюбили. Чего она взъелась-то?

— Попробуй разбери. Старая ведьма! — мстительно проговорила девчушка.

— Ну, тебе лучше знать, — высказался мистер Окройд. — Вот только грязный и с пустым брюхом я далеко не уйду. Куда б мне податься? Не знаешь, где тут поблизости можно перекусить да вымыться?

Девчушка вышла за ним во двор.

— Лучше сверните направо и потом идите прямо, — ответила она. — Сперва будет Кэпбридж, но он совсем крохотный, толку с него никакого. Потом дойдете до Эверуэлла. Вот там хорошо, закусочных и чайных хоть отбавляй.

— Еще б, с таким-то названием[20]! — заметил мистер Окройд. — И далеко отсюда этот Эверуэлл?

— Миль пять-шесть будет. Сейчас вам направо и прямо, через Кэпбридж. Мимо не пройдете, точно.

— А трамваи иль автобусы ходят?

— В два часа будет автобус, — ответила девчушка.

— В два! Да я раньше с голоду помру! — вскричал мистер Окройд. — Ладно, пойду пешком. И передай миссус, чтоб она не перетруждалась, поменьше делала добра людям и побольше думала о себе, не то совсем отощает. — Все еще хихикая над своей шуточкой, он вышел за ворота и повернул направо, неся в одной руке корзину, в другой — сумку с инструментами.

День, по всему, обещал быть теплым. Тяжелое осеннее солнце уже рассеивало легкие туманы, и хотя в воздухе по-прежнему стояла прохлада, а на траве и деревьях поблескивала роса, уже через несколько ярдов мистер Окройд перестал дрожать и почти согрелся. Правда, лучше ему не стало: глаза все еще слипались, а внутри было так

---

[20] Примечания: 20

Эверуэлл — благодатный, процветающий; место, где все всегда хорошо *(англ.).*

пусто, что первую трубку «Старого моряцкого» он решил выкурить после завтрака. Мистер Окройд прошел милю по узкой извилистой дороге, никого не встретив, а потом услышал за спиной грохот легкой телеги. Он поставил ношу на землю — руки уже побаливали — и принялся ждать.

— Эй! — крикнул он возчику, когда телега почти с ним поравнялась. — Часом, не в Эверуэлл едешь, друг?

— Нет, — отрезал тот, даже не взглянув на мистера Окройда.

— Небось еще один из шатии Большой Энни, — пробормотал мистер Окройд себе под нос, провожая взглядом телегу. Он поднял сумки и вновь отправился в путь, правда, уже не так бойко.

Еще через двадцать минут мистер Окройд оказался в Кэпбридже, который состоял из нескольких обвалившихся кирпичных домиков, нескольких куриц, двух чумазых детей, хромой псины и самого настоящего моста — правда, длиной меньше трех ярдов. Именно на этом мосту мистер Окройд вновь остановился дать отдых рукам и с отвращением оглядеться по сторонам. Вид Кэпбриджа почему-то его раздосадовал. «Треклятая дыра, — сказал он себе. — Чую, мне

тут ни росинки не перепадет». Рядом с мостом стоял древний указатель: «Эверуэлл, 4 мили». Взглянув на него с изрядной долей тоски, мистер Окройд потопал дальше. «Уж и мили считать разучились, — брюзжал он. — Я прошел добрых три, как пить дать, а эти четыре растянутся на все десять».

Не успел он прошагать и первую милю, как удача наконец ему улыбнулась. С поля в его сторону выехала телега, и на сей раз мистер Окройд уговорил возчика его подвезти, хотя на это и ушло несколько минут: седой дед с усами и баками был глух, как мешки в его телеге. Пока мистер Окройд разъяснил, что хочет умыться, почистить одежду и позавтракать, впереди уже показался Эверуэлл, нищая пыльная деревушка с дюжиной улиц. Складывалось впечатление, что она не сама собой выросла, а кто-то выкорчевал эти улицы из замшелых окраин какого-нибудь города и бросил здесь.

— Отправляйтесь к Попплеби, — дрожащим голосом проговорил старикан. — Это закусочная. Хорошо там, уютно.

— Славно, туда и пойду! — взревел мистер Окройд. — А где это?

— Да, там лучше всего. По субботам я хожу туда

на пироги с картохой и мясом. Сперва пропускаю кружечку в «Старой Короне», а потом иду кушать пирог.

— Я спросил, где это место?

— Нет, много с тебя не возьмут, — прошамкал старик и, свернув за угол, показал кнутом в нужную сторону. — Вон Попплеби, можешь тут сойти.

Мистер Окройд слез на землю и взял багаж.

— Вот и славно! — громко прокричал он. — Спасибо, что подвезли!

— Ась? — Старик подался вперед.

— Спасибо, что подвезли! — К этому времени мистер Окройд уже охрип. — Грю, спасибо, что подвезли!

— Конечно, можно, в любое время! — загадочно ответил старик и укоризненно посмотрел на мистера Окройда. — Глупый вопрос, скажу я тебе. — И с этими словами он, ворча и кряхтя, поехал дальше.

Выцветшая надпись на вывеске гласила: «Закусочная Попплеби. Вкусная кухня. Обслуживаем велосипедистов». Мистер Окройд прочел ее с большим удовольствием. В витрине под пожелтевшей кружевной занавеской красовались две бутылки с содовой и соком лайма, четыре

сморщенных апельсина, кусок зельца с надписью «Фирменное блюдо Попплеби», несколько кексов, покрытых некогда розовой глазурью, и бесчисленные поколения мух. Мистер Окройд не стал задерживать взгляд на витрине, однако ее вид не испортил ему настроения. Он открыл дверь, и в нос тут же ударил крепкий запах еды: судя по нему, люди ели тут безостановочно последние тридцать лет. У мистера Окройда тут же потекли слюнки. Вот уже полтора часа он страдал от голода и наконец пришел туда, где еды было хоть отбавляй. Закусочная так пропиталась атмосферой стряпни и поедания пищи — клеенки на столах были покрыты крошками и пятнами, стены и мебель блестели от жира, сам воздух будто бы проварили и зажарили, — что посетитель наедался, не успев взяться за еду. Человек не слишком голодный и не чересчур крепкий насытился бы уже на пороге, но такой крепкий и голодный посетитель, как наш мистер Окройд, проголодался бы от запахов еще сильней и поджидал бы мистера Попплеби, исходя слюной.

Именно так и произошло с мистером Окройдом. В комнате было пусто, шевелились только мухи. Он уселся на скамейку, кашлянул и потопал ногами, затем не выдержал и постучал перечницей

по столу.

— Доброе утро! — Из-за прилавка, как по волшебству, выскочил человек. Это мог быть только мистер Попплеби. Все его видимые части — большое круглое лицо, верх длинного фартука, рукава рубашки и руки — были одинакового белесого оттенка с легким жирным налетом. Даже бледно-серые глаза блестели, как желе.

— Доброе. — Мистер Окройд воззрился на хозяина. — Э-э… дайте-ка подумать… э-э…

— Чай-кофе-какао-яичница-с-беконом-колбаса-копченая-селедка-яйца-вкрутую-холодное-мясо-хлеб-с-маслом, — отчеканил мистер Попплеби, сверля мистера Окройда немигающим взглядом выпученных глаз.

Мистер Окройд с восторгом уставился на него и стянул с головы кепку — вероятно, в знак восхищения.

— Звучит аппетитно! Мне, пжалста, чаю, две порции бекона и яичницу из двух яиц. Да, и хлеба поболе, мистер.

— Чай-две-порции-бекона-два-яйца-четыре-куска-хлеба. — Мистер Попплеби отвернулся.

— Погодите! — окликнул его мистер Окройд. — А можно мне чуток умыться перед завтраком? Я всю ночь провел в пути, трясся в грузовике, — не

без гордости добавил он.

— Конечно, вам можно умыться, конечно, — с невероятной важностью ответил мистер Поппплеби. — Судьба привела вас ко мне, и я дам вам умыться. Я не говорю, что это обычное дело — вовсе даже не обычное, — ну так и что с того? Вы не хотите садиться за стол грязным, и я не хочу, чтобы вы садились за стол грязным, вот мы и нашли общий язык, верно я говорю? Идите за мной.

Он вышел из зала, и мистер Окройд последовал за ним. Они шагнули в закуток, где мистер Поппплеби взмахом руки обозначил местонахождение маленького эмалированного тазика, большого куска хозяйственного мыла и видавшего виды полотенца.

— Вот, дружище, плескайтесь тут, сколько душе угодно, — сказал мистер Поппплеби. — А пока вы моетесь, мы вам поджарим яичницу с беконом. Это по-людски, по-щеловечески, верно? Дай щеловеку все, что он просит — в разумных пределах, конечно, во всем должен быть здравый смысл, — так или иначе, *попытайся* дать щеловеку все, что он просит, — таков мой девиз. — Придя к этому прекраснодушному заключению, мистер Поппплеби удалился.

— Кем он себя возомнил — Ллойдом Джор-

джем[21]? — пробормотал мистер Окройд, снимая пальто. Конверт в целости и сохранности лежал в нагрудном кармане. — Послушать его, так он мне ванну с шампунями предлагает и миникюр в придачу!

Однако ж, вдоволь поплескавшись над эмалированным тазиком и вытершись единственным незасаленным уголком полотенца, мистер Окройд наконец почувствовал себя человеком. Он вернулся в столовую через коридор, напоенный ароматом жареного бекона, и благодушно взглянул на громадную тушу мистера Попплеби: тот уже заварил чай и выставил на стол тарелку с хлебом, чашку, блюдце, длинный заостренный нож и двузубую вилку.

— Яичница с беконом будут через минуту, — сказал мистер Попплеби, возвращаясь за прилавок.

— Чудесно! — вскричал мистер Окройд, потирая руки. — Признаться, я умираю с голоду.

— Скоро мы это исправим. — Ни один хирург не смог бы произнести эти слова с большей важностью. — Стало быть, вы с дороги?

---

[21] Примечания: 21

Дэвид Ллойд Джордж (1863–1945) — британский политический деятель, последний премьер-министр Великобритании от Либеральной партии, близкий друг Уинстона Черчилля.

— Да уж. Всю ночь трясся по Великой северной дороге. — Как ни странно, его слова не произвели ни малейшего впечатления на мистера Попплеби.

— Я вот что скажу, — с еще большей важностью проговорил тот. — Это даже неплохо, если вы правильно все воспринимаете. Ну, то есть, если это делает вас щеловечнее. Если нет — все зря. Я тыщу раз говорил это посетителям, тыщу раз, стоя ровно на этом месте. «Стал ли ты щеловечнее? Если да, то и славно». Я в широком смысле, если я говорю щеловек, то имею в виду щеловека. Я верю… — он вперил в мистера Окройда немигающий взгляд, — в щеловечество.

— Эт хорошо, мистер, — ответил мистер Окройд искренне, но с некоторой философской строгостью в голосе. — Я вас понял и полностью согласен. — Впрочем, яичница с беконом порадовала бы его еще больше. Донесшийся откуда-то сзади стук возвестил о том, что она готова.

— Я так считаю: надо всегда спрашивать себя: «А это по-щеловечески?» Если нет, даже не думай, пройди мимо. Выбрось из головы. Таков мой девиз: щеловечность превыше всего. У нас это главное правило, вы сами убедились, когда попросили умыться. Делай все по-людски, и

когда-нибудь тебе зачтется. — Наконец он соизволил услышать стук и принес мистеру Окройду яичницу с беконом. — А вот и завтрак. — Мистер Попплеби произнес эти слова таким тоном, словно не только принес ему тарелку, а собственноручно извлек яйца из далеких курятников, пожарил, закоптил бекон и даже вылепил из глины тарелку.

Мистер Окройд, втайне подумав, что лучше бы повар был менее человечным (яичница оказалась пережарена), с величайшим усердием и прилежанием набросился на еду. Каждый попадавший ему в рот кусочек проглатывался при содействии мистера Попплеби, который перегнулся через прилавок и не сводил глаз с единственного посетителя. Добравшись до третьего ломтя хлеба, мистер Окройд нашел в себе силы продолжить беседу. Ему стало хорошо и спокойно.

— Что меня поразило, — заявил он, — так это надпись на вывеске: «Обслуживаем велосипедистов». Чем же это велосипедисты отличаются от всех остальных?

— В основном ветчиной, — задумчиво проговорил мистер Попплеби. — Падки они на ветчину, ой падки! Бывали субботы, когда к шести у меня всю ветчину подъедали. Не на той неделе,

конечно, и не две недели назад, и даже не год назад — еще до войны. Если уж на то пошло, велосипедистов нынче нет, одно название. Изредка приезжает кто-нибудь на велосипеде, но по-настоящему больше не катаются — так чтоб парами, клубами и прочая. Все пропало, и уже не воротится. Когда я тут начинал, по будням у меня столовались возчики, а по выходным только велосипедисты — ну, окромя местных, конечно. А теперь что? Теперь всюду машины да грузовики, а они в нашу глушь не заезжают, сразу едут в города покрупнее. Терплю убытки, друг мой. Теперь не то, что прежде, верно тебе говорю.

— Да, нынче все не то, не то… — проговорил мистер Окройд с добродушной меланхолией. — Я тоже заметил перемены. Взять хоть текстильную торговлю…

Мистер Попплеби не дал ему договорить.

— Вот и я о том. Но отчего так происходит, в чем разница между прошлым и настоящим? Я всегда задаю себе этот вопрос.

— Правильно задаете, — тепло поддакнул мистер Окройд.

— И каков ответ? Каков ответ? — Мистер Попплеби поспешно ответил сам: — Раньше все было щеловечней, вот в чем разница. — Он победно

умолк и взглянул на мистера Окройда, занятого раскуриванием трубки — она наконец дождалась своего часа. На добротном фундаменте из яиц и бекона «Старый моряк» пах вкусно, как никогда. Мистер Окройд медленно выпустил в воздух несколько уютных голубых колечек и стал ждать, пока мистер Попплеби заговорит.

— Такому, как вы, незачем объяснять, что такое щеловечность, — продолжал тот. — В нашем мире дружеского плеча не дождешься. Хватай что успел и беги, так-то. Деньги, нажива, барыш — вот что главное. Я повидал жизнь, знаю что говорю. В моем деле каких только историй не наслушаешься! Конечно, и среди моих коллег немало безразличных невежд — а все почему? Потому что они не видят собственного блага. Им бы только клиента обслужить да деньги получить. А я люблю учиться. Я с посетителями разговариваю, они разговаривают со мной, и так было всегда. Вот и от вас я кой-чему научился.

— Ага, — кивнул мистер Окройд, невольно в этом усомнившись. «Да ты мне и слова не дал вставить!» — подумал он. Не желая больше слушать речей мистера Попплеби, он сказал: — Ну, сколько с меня?

— Так-так, — ответил мистер Попплеби. — Чай-

ник-чаю-две-порции-бекона-два-яйца-четыре-куска-хлеба. Итого один шиллинг восемь пенсов. Все по справедливости.

— Верно, — сказал мистер Окройд вслух, а сам подумал, что хозяин пожадничал. Он порылся в карманах и вновь обнаружил там единственный шестипенсовик. — Окажите любезность, разменяйте мне деньги, — проговорил он, доставая конверт из нагрудного кармана.

— Попробуем. — Мистер Попплеби издал звук, отдаленно напоминающий смех. — Вы хотите сдачи, а я хочу вам ее дать — все довольны и никто не в убытке. Это по-щеловечески, верно?

Однако мистер Окройд не смог ответить: он разинул рот и потрясенно уставился перед собой. В конверте лежала единственная бумажка с надписью: «Веселого Рождества и счастливого Нового года! XXX». Четырех банкнот как не бывало. Надеясь на чудо, мистер Окройд обшарил все карманы: вдруг кто-то сыграл с ним шутку? Но нет, деньги исчезли. Его обокрали. Теперь он понял, зачем ему уступили диван, почему Нобби с Фредом так рано уехали и почему хозяйка так спешно выдворила его на улицу, не дав и проснуться.

— Вот те на! — вскричал он. — Меня обчистили!

Смотрите, ночью здесь было двадцать фунтов, четыре бумажки по пять фунтов, а таперича ни гроша, одна записка! Меня ограбили, и я даже знаю кто. — Он поднял глаза. Мистер Попплеби вскинул брови и сверлил его холодным взглядом.

— С вас один шиллинг восемь пенсов, — повторил он.

Мистер Окройд не на шутку разозлился.

— Я ж грю, у меня украли двадцать фунтов! Нет у меня шиллинга, только шесть пенсов — берите на здоровье. Я ночевал с двумя малыми в «Кирквортском трактире» — они-то меня и обчистили!

— Хотите сказать, что потеряли двадцать фунтов, четыре купюры по пять фунтов, в «Кирквортском трактире»? — вопросил мистер Попплеби. — Ежели так, то я должен спросить, что вы забыли с такими деньжищами в таком месте? Подозрительно как-то. Вообще не мое это дело, ступайте своей дорогой, а я пойду своей. Но послушайте моего совета, возвращайтесь-ка лучше восвояси, дружище. Между тем вы должны мне один шиллинг восемь пенсов, как ни крути. Ровно столько мне от вас и нужно — один шиллинг восемь пенсов.

— Ровно столько вы от меня и не получите, мистер! — сердито рявкнул мистер Окройд. — Я же сказал, у меня только шесть пенсов! Вот, смотрите. — Он встал и вывернул карманы. — Двадцать фунтов пропали, остался только шестипенсовик! Ну и болван же я!

— Вы не первый пытаетесь это провернуть, — размеренно сказал мистер Попплеби.

— В смысле? Ничего я не проворачиваю! Я думал, у меня в кармане двадцать фунтов, когда сюда пришел. Я не знал, что меня ограбили!

— Я тоже, — отметил хозяин закусочной, подозрительно глядя на мистера Окройда. — Повторяю, вы не первый. Но я по-прежнему доверяю людям. Я дал вам яичницу, бекон, чай…

— Да-да, еще хлеб, кусок мыла, грязное полотенце и каплю воды! — со злостью добавил мистер Окройд. — Валяйте, валяйте. Вы остались без шиллинга, а я без двадцати фунтов! Мы оба в убытке, но мне похуже вашего будет! Вот, держите шесть пенсов, с меня еще четырнадцать. Счас рассчитаемся, дружище. — Мистер Окройд в ярости кинулся к сумке с инструментами и достал оттуда зубило. — Видали? Оно куда дороже четырнадцати шиллингов, и я верну их как можно скорей, так-то! Потому что это зубило мне

дороже, чем вся ваша грязная забегаловка. Даже если тут прибрать, — злорадно добавил он.

Мистер Попплеби взял у него шесть пенсов и рассмотрел зубило.

— Инструмент мне без надобности, — медленно проговорил он, — но я вас отпущу. Я всегда ратовал за щеловечность…

— Щеловечность! Ха! Как бы не так! — Мистер Окройд с презрительной усмешкой собрал вещи.

— Ну все, довольно! — Слова мистера Окройда явно задели его философское достоинство. — Позвольте вам сказать, друг мой, что в этом заведении так делать нельзя. Повторяю, так нельзя.

— Я тебе тож скажу, чего нельзя делать. — Мистер Окройд шагнул к двери.

— Хо! И чего же?

— Нельзя так поганить яичницу! — Мистер Окройд усмехнулся и закрыл за собой дверь.

Вниз по залитому солнцем Эверуэллу отправился наш герой, человек в бедственном положении — за душой ни гроша, родной дом далеко и неизвестно где, работы нет и не предвидится, даже страховая карта порвана в клочья. Однако, не успев дойти до конца города, мистер Окройд уже опять смеялся.

— Эк я его с яйцами-то! — сказал он и подставил солнцу лицо, сморщенное и просветлевшее от гордости за собственное остроумие.

III

Был уже день, когда мистер Окройд приметил вдалеке чудной автофургон. Покинув «Закусочную Попплеби», он прошагал по пыльной дороге восемь или девять миль, то и дело меняя руки, угостился бутербродами с сыром и глотком пива у дружелюбного дальнобойщика (который, впрочем, не поверил ни слову из того, что рассказал ему мистер Окройд) и часа два проспал под забором. Потом он вновь отправился в путь, но шагал очень медленно: во-первых, ему все еще было нехорошо после дневного сна, а во-вторых, он понятия не имел, куда и зачем идет. Фургон сразу привлек его внимание. Он стоял в тени придорожных деревьев и выглядел чрезвычайно странно: как помесь очень длинного пикапа и дома на колесах. С одной стороны у него было маленькое окошко, но никакой дымовой трубы и прочих приспособлений, характерных для жилого помещения, мистер Окройд не заметил. Машина выглядела старой и ржавой, а у фургона был скорбный, побитый непогодой вид. Отметив

все это зорким глазом ремесленника, мистер Окройд мог пройти дальше, если б не услышал из-за фургона звук пилы. Он тут же навострил уши и меньше чем через минуту пришел к кое-какому выводу.

— Э, да малый не умеет пилить! — сказал он себе и решил сходить на разведку: храбрости ему придала собственная тяжелая участь и понимание, что он-то, Джесс Окройд, пилить очень даже умеет. Обойдя фургон сзади, он бросил сумки, прикурил трубку, сунул руки в карманы и таким образом легко вжился в роль любопытного зеваки.

Горе-мастер взглянул на подошедшего мистера Окройда и вернулся к своему занятию. То был крепко сбитый человек лет сорока, с короткими черными волосами, черными глазами и широким гладко выбритым лицом того же красного цвета, что и шарф, заменявший ему воротник с галстуком. Хотя человек был в одной рубашке, а его коричневый костюм в клеточку изрядно пообносился, сам он выглядел куда эффектней и модней мистера Окройда и всех его знакомых, при этом и на фоне ветхого фургона смотрелся очень даже ладно. Мистер Окройд сразу почувствовал в нем что-то от бродяги, только вот что?

Его нельзя было с уверенностью отнести к какой-либо профессии, но в голове невольно рисовались образы странствующих актеров, боксеров, ипподромных «жучков» и коммивояжеров.

Он вновь поднял глаза на мистера Окройда — тот наблюдал за ним уже минуту или две — и весело подмигнул.

— Отличный денек, Джордж!

— Ага, — ответил мистер Окройд и, не желая уступать незнакомцу в выдумывании имен, сухо добавил: — Неплохой, Герберт.

— Ну-ка, ну-ка! — Он выпрямился и расправил плечи. — Я что, похож на Герберта?

— Не знаю… — Мистер Окройд помолчал. — Но ежели спросишь, я отвечу, на кого ты *не* похож.

— Валяй, Джордж. На кого?

— Ты не похож на человека, который умеет обращаться с пилой. — Мистер Окройд смягчил суровую критику добродушной улыбкой.

— Да ты что? Вон как заговорил! — Незнакомец сунул руку в карман жилета, достал оттуда пачку сигарет «Вудбайнс» и закурил. — Сам-то в пилах знаешь толк? — дружелюбно спросил он.

Вместо ответа мистер Окройд поднял свою сумку с инструментами и поставил ее у ног горе-мастера.

— Объясни, что надо сделать, друг, — серьезно проговорил он, — и я покажу тебе, что знаю о пилах.

— Вот так так! — с напускным удивлением воскликнул незнакомец. — Ты, что ли, ремесленник, Джордж?

— А то, — не без гордости ответил мистер Окройд. — По профессии я столяр и плотник.

— Ну, теперь я скажу, мой черед. Ты не местный, верно? Небось из Лидса.

— Не-е, я из Браддерсфорда. — По торжествующему лицу мистера Окройда можно было подумать, что от Лидса до Браддерсфорда тысяча миль.

— Почти угадал, — самодовольно хмыкнул незнакомец. — Я сразу смекнул, что ты из тех мест. Браддерсфорд, стало быть? Знаешь ярмарку на Лейн-энд?

— Базар, а не ярмарку.

— А, верно, базар. У вас там сплошь одни «базары».

— Как не знать!

— И я знаю! — радостно вскричал незнакомец. — Сто раз там был! В этом году, правда, не довелось, зато в прошлом… А что ты тут делаешь? Никак, работу ищешь?

— Верно, ее самую, — с горечью проговорил мистер Окройд. — И лучше б мне поскорей ее найти. Крепко меня припечатало, ох крепко. — И он рассказал незнакомцу историю про двадцать фунтов. За сегодняшний день он делал это уже в третий раз, но поверили ему впервые.

— Где ж ты взял такие деньжищи? На скачках выиграл?

— Не, я на лошадей сроду не ставил. Зато другой малый, похоже, ставил будь здоров. — И, ободренный вниманием к предыдущей истории, мистер Окройд поведал новому знакомому о пьяном букмекере и его тугом кошельке. Горе-мастер сидел на ступеньке фургона и внимательно слушал, время от времени отпуская находчивые и остроумные комментарии.

— Ну, пришло махом, ушло прахом! — подметил он в конце и задумался. — А как, гришь, звали того малого на грузовике? Нобби Кларк? Знавал я на своем веку парочку Нобби Кларков. Такие без штанов оставят — оглянуться не успеешь. Часом, не коротышка такой, нос вздернутый, на кокни лопочет? Еще на боксера похож?

— Не, этот высокий, толстый, и морда широченная, как у двоих, — ответил мистер Окройд. — Говорит складно, но я в нем сразу бандита

приметил.

— Пожалуй, я его знаю. Нобби Кларк… Нобби Кларк? Похожий малый ездил одно время с «Магией и тайнами» Мейсона, я его хорошо запомнил. Звался Нобби Кларком. Если увижу — мигом признаю. У меня память на лица отменная. Бывает, встречаю людей, говорю им: «Здорово, видал тебя там-то и там-то пять лет назад, шесть, семь, десять» — не важно, а они мне: «Да, я там был, но тебя не помню». «Зато я помню!» — говорю. Никогда никого не забываю. Сказка!

— Так ты, стало быть, с базарами… ярмарками ездишь?

— Верно! Меня зовут Джексон. А тебя?

— Окройд. Джесс Окройд.

— Окройд — это хорошо! Ну, а я Джексон, Джоби Джексон, так меня все зовут. В своем деле я человек не последний, меня каждая собака знает. Двадцать лет работаю, и дольше бы работал, если б воевать не ушел. Чем я только не занимался — спроси кого хошь! Бокс, балаганы, карточные игры, — все что угодно. У меня и свои номера были — «Человек-паук» и «Дикарь с Амазонки». Нет такого города с ярмарками или скачками, где я не бывал! Ей-богу, полмира объездил: Англию, Шотландию, Уэльс, Ирландию, остров Мэн,

остров Уайт, — все не перечесть. Не жизнь, а сказка! — Он показал на фургон, стоявший за его спиной. — Теперь малость остепенился. Торгую кой-чем. Куда деваться, нынче только так и можно протянуть. Продаю надувные игрушки, резиновых кукол, животных. Дунешь… — тут он дунул, поскольку вообще любил сдабривать речь яркими и стремительными жестами, — и готово! Видал такие? Славное дело, прибыльное, да и возить их легко — они ж плоские, легкие как перышко. В хороший день разлетаются, как пиво в казармах. А иной раз полное затишье, покупатели вялые, хоть им виски по девять пенсов продавай — не возьмут! Но если повезет… — после короткой увертюры из подмигиваний он принялся изображать, как раздает невидимой толпе бесчисленное множество резиновых кукол и зверей. — Сказка! Правда, я теперь не один такой, много желающих стало. Так и лезут со всех сторон. Если их станет еще больше, мне придется уйти, понимаешь? Придумаю что-нибудь новенькое. Вот такие дела, Джордж.

— И ты ездишь на этом? — Мистер Окройд бросил взгляд на фургон.

— Точно! — с жаром выпалил Джоби. — Красавица, а? Не «роллс-ройс», черт ее дери, но бегает,

Джордж, бегает. Больше двадцати миль из нее не выжмешь, разве что с горки пустить, но мне и этого хватает. Взял ее за пятнадцать фунтов — считай даром, а? Лебедку приладил, потом лавку, потом две лавки. Прямо в ней и сплю, если идти никуда не хочется. Сегодня тоже буду здесь спать. У меня тут печка, лоток, все помещается. Вот, как раз пытался починить лоток, когда ты пришел. Вчера ему крепко досталось. Не глянешь, что тут можно сделать? У меня руки крюки — вот потеха, правда? Продать что угодно могу, уболтаю кого хочешь, а руки не слушаются. Небось жантельменом родился! Глянешь на мой лоток, а, Джордж? Чую, руки у тебя умелые.

— Спрашиваешь! — радостно вскричал мистер Окройд. — Давай сюда свой лоток. Есть гайки, болты и трехдюймовые гвозди? — Вместе они вытащили из кузова остатки деревянного лотка, и Джоби, покопавшись в запасах, обнаружил целую гору гаек, болтов и длинных гвоздей.

— Вот и славно, — сказал мистер Окройд. — Теперь говори, что надо сделать — я мигом устрою.

Через минуту он раскрыл сумку с инструментами, снял пиджак и с радостью принялся за работу.

— Как насчет чашечки Рози Ли? — предложил

мистер Джоби Джексон. Он питал слабость к кокни, этому рифмованному сленгу необразованных лондонцев, большую часть которого мне придется выпустить из повествования, поскольку неподготовленный читатель ничего не поймет. Даже мистер Окройд, хорошо знакомый с лондонским сленгом (и считавший его уделом людей с весьма сомнительной репутацией), иногда приходил в замешательство. Но знаменитая Рози, конечно, была ему известна, и от чашечки чая он бы не отказался. Поэтому Джоби ушел за водой, вернулся с полным чайником и поставил его на печку, а пока тот вскипал, уселся на ступеньках и стал наблюдать за работой мистера Окройда.

— Любишь цыпочек пощипать, Джордж? — спросил он.

— Не, это не по моей части, — проворчал мистер Окройд, не прекращая пилить. Он прекрасно понял, что вопрос не о курицах.

— Цыпочки и спиртное, — задумчиво проговорил Джоби, — от них все беды. Ты бы не чинил сейчас этот лоток, если б не одна цыпочка. Ездил я с одним малым — Томми Склок зовут. Глупое имечко, а? Сам-то он малый не глупый. Мы сто лет знакомы. Раньше он ездил с цирком Оксли, потом вел игру на ярмарке — «шарик на нитке»

называется, это где можно выиграть часы, если повезет и если ведущий не надавит на доску, когда твой черед ходить, понял? — ну, словом, ничего у него не получилось, у Томми нашего. И он пришел ко мне. Я бы и сам управился, но вдвоем-то завсегда лучше. Пить Томми не пьет, хотя как знать, может, и за бутылку скоро возьмется. Его беда — цыпочки. За каждой юбкой ухлестывает, а они только рады. Красавчик он, Томми, и франт еще тот, смекаешь? Им это нравится, черт их дери. А как он на губной гармошке играет, заслушаешься! Тут ему нет равных, сыграет что угодно — сказка! В «Уорлдс фер» о нем даже заметку написали. Надо было ему на сцену идти, я считаю. Все талдычил ему, талдычил — болван, что поделать! Он бы двадцать фунтов в неделю заколачивал, не меньше. А ему лишь бы гульнуть да за цыпочкой приударить. Ну в общем, раз положил он глаз на одну красотку — чернокудрая, чернобровая такая, они с одной теткой по ладони гадают. Мы их часто на ярмарках встречали. Смотрю: Томми начал ее обхаживать. Погоди минутку, Джордж, я чай сделаю.

Джоби заварил в котелке чай, добавил туда сгущенного молока, отлил душистую смесь в большую толстую чашку с надписью «Кофейни

Мосли» и протянул ее своему новому приятелю, а котелок оставил себе. Потом вернулся в фургон и принес оттуда жестянку с хлебом и маслом.

— Ну как, Джордж?

— Лучше не бывает! — ответил мистер Окройд, набрасываясь на бутерброды. Он огляделся по сторонам и вздохнул бы от счастья, если б не так усердно жевал. Вокруг стояла тишина, небо отливало золотом. Чай был идеальной крепости и сладости, а хлеб с маслом уже много лет не доставлял мистеру Окройду такого удовольствия, как теперь. «Сейчас мы справим этот лоток», — подумал он и с благодарностью поглядел на хозяина фургона. Покурив «Старого моряцкого», он объявил: «Ну, за дело!» и с радостью вернулся к работе.

— Так что ты там говорил о своем приятеле и той гадалке? — спросил он, когда Джоби убрал посуду и вновь уселся на ступеньки фургона.

— Дай вспомнить, — задумчиво сказал Джоби. — Ах да — про вчерашнюю заварушку. Ну, в общем, вчера мы торговали в местечке под названием Бродли, это милях в тридцати — сорока отсюда. Цыпочка тоже приехала, и Том вовсю ее охаживал. Прям арабский шейх, ни дать ни взять. А эта цыпочка раньше ходила с

малым по имени Джим Саммерс. Он за всякое брался, сейчас у него аттракцион «Испытай свою силу» — ну, знаешь, там надо бить молотом по силомеру, вверх взлетает такая штука и звонит в колокол. Ерунда, публике давно приелось. А этот Джимми — громила, стоунов четырнадцать весу, раньше борьбой занимался и выпить не дурак. Ну, цыпочка с ним ходила-ходила, а потом дала от ворот поворот. Сам знаешь, как оно бывает. Не удивлюсь, если он как следует нагрузился и чуток ее поколотил. В общем, Джимми для себя решил, что раз она не досталась ему, то никому не достанется. Он малый крепкий, после обеда уже в дым, и характер прескверный. Томми вчера развлекался с той цыпочкой, а Джим Саммерс про это пронюхал, ну и пошел их искать. Цыпочка и вторая гадалка — толстуха из Бернли — к тому времени собрали вещи, все равно дело не шло. Подходит ко мне Томми. «Знаешь, — говорит, — мы с цыпочкой уедем на пару дней. Не хватало еще с пьяным боксером связываться. Скоро буду, Джоби». «Вот и правильно», — говорю. Он наш план знает: в четверг начинается Ноттингемская гусиная ярмарка. Бывал когда-нибудь? Сказка! Обожаю там работать, по такому делу даже свежую партию товара заказал. А пока торгую в

местечках неподалеку, время коротаю. У нас с Томми всегда все продумано, так-то. Он может хоть завтра приехать, хоть через неделю — как получится. Этой цыпочке все равно на Гусиную ярмарку надо. Словом, они отправились своей дорогой, а я своей. Куда уж они поехали, не знаю, врать не буду. Мешать им я не стал, пусть себе милуются. Зато я знал, кто ко мне точно придет — Джим Саммерс. И верно, стоило Томми уехать — заявился этот громила, черт его дери. В обед уже наклюкался в пивной, злющий, как собака. Пихнул мой лоток и орет: «А ну, отвечай, где твой вонючий приятель, так его, растак да эдак?» Ух, ты бы его слышал! «Не спрашивай», — говорю. Скажу тебе по секрету, Джордж, я сразу пожалел, что не уехал подобру-поздорову. А он мне: «Ты все знаешь, отвечай, не то я твой такой-растакой лоток разнесу ко всем чертям!» И начинает его пинать. «Эй, хорош!» — говорю. Ну что, чинится?

Он встал и посмотрел, как идет работа.

— Держи-ка с того конца, — сказал мистер Окройд, который теперь был за главного. — Счас поставим и посмотрим, как он стоит. Во-от, эт я понимаю! Все, отпускай.

Следующие полчаса они чинили лоток, и мистер Окройд по просьбе хозяина немного его

усовершенствовал. Когда все было сделано (Джоби заявил, что лоток стал даже лучше прежнего), они сложили его обратно в фургон, и Джоби внес предложение:

— Я видал пивную в паре миль отсюда. Не хочешь пропустить кружечку?

Эти слова встряхнули мистера Окройда, погрузившегося в приятные мечты о своем ремесле; он помрачнел.

— Я бы пропустил, — неуверенно проговорил он, — да вот денег нет. Я лучше подумаю, чем заняться.

— Не страшно, Джордж. Ты теперь со мной. Дел-то у тебя нет, верно? Ну так оставайся здесь, пока Томми не воротится — может, через день или через два, а может, и через неделю. Хоть будет где поспать да что пожевать, а там, глядишь, и работку тебе подыщу. Я завтра еду в Рибсден — там рынок каждую неделю и небольшая ярмарка, подсобишь мне малость, а? Что скажешь?

— Надеюсь, ты не из жалости меня приглашаешь? — В мистере Окройде заговорила гордость. — Я уж как-нить сдюжу и без этой… как ее… благотворительности.

— Да какая благотворительность! — вскричал

Джоби. — Я кто, по-твоему, лорд Лонсдейл[22]? Мне помощь нужна, говорю же. И вообще, ты мне оказал услугу, а я не могу?

— Можешь, можешь, — ответил мистер Окройд. — Ну, тогда я с тобой, покуда твой приятель не вернется.

— Со мной не пропадешь! — вскричал Джоби, и они пожали друг другу руки. — Так, мы все убрали? А, кидай инструменты в фургон. И это кидай. Багаж, что ли? Ну и корзинка! Четыре дня в солнечном Саутпорте, ни дать ни взять! Сто лет таких корзинок не видал. Залезай, поедем в пивную — идти больно далеко. Ну, малышка Лиз, покажи нам класс. Заводимся, заводимся… Нет, не заводимся. Лиз, что это с тобой? Во-от… Слышал когда-нибудь, чтоб двигатель так работал? Точно старую пианолу заводят. Она с Донкастера масла не видала. Ну, держись крепче, Джордж, поехали!

— А что случилось с тем малым, Саммерсом? — крикнул мистер Окройд сквозь грохот двигателя, когда они выехали на дорогу.

— На шум прибежал полисмен, и Саммерс

---

[22] Примечания: 22

Лорд Лонсдейл (1857–1944) — Хью Сесил Лаутер, 5-й граф Лонсдейл, спортивный меценат и основатель Национального Британского спортивного клуба.

смотал удочки! Я тоже быстренько собрался и приехал сюда. Куда его понесло, не знаю. В Ноттингеме он будет, как пить дать, но до тех пор авось успокоится.

— Хорошо бы, — кивнул мистер Окройд и сам невольно задумался о передвижениях Саммерса. Он мог только надеяться, что этот здоровяк никогда не слыхал о местечке под названием Рибсден. Сам он точно о таком не слыхал. Через пару минут мистер Окройд как бы ненароком обронил:

— Небось вы, ребята, часто на ярмарках пересекаетесь?

— А то! — пылко ответил Джоби. — Куда ни сунься — везде одни и те же люди. Всюду знакомые лица, год за годом. Сказка!

— Пожалуй… — протянул мистер Окройд и задумался о чем-то своем.

Они пропустили по две пинты в кабачке, где Джоби сразу снискал бешеный успех. Меньше чем за десять минут он завладел вниманием каждого присутствующего. Речь Джоби все больше напоминала стаккато и притом звучала все эффектнее; он осыпал своих слушателей подмигиваниями и дружескими толчками в бок; он показал им, как Бермондси Джек схлопотал от негра, как Дикси Джонс вдарил левой, а его

старый друг, Джо Клэпхем, — «лучший боксер второго полусреднего веса в стране, но дрался, болван, с кем попало и денег не брал», — два года побеждал во всех матчах и «раскидывал противников, как щенят». Джоби провел слушателей через все ярмарки, ринги, ипподромы и пабы от Пензанса до Абердина, поведал им о шулерах, врачах-шарлатанах, букмекерах и пройдохах всех мастей; радостное «Сказка!» все чаще и чаще оглашало стены пивной. Хозяин заведения так впечатлился, что на прощание угостил Джоби пинтой горького. Мистер Окройд думал, что попал в волшебную страну. Как честный браддерсфордский рабочий, он не желал иметь ничего общего с этими людьми и жить их жизнью. Однако познакомиться с ними, окунуться на часок в этот удивительный мир, было сродни колдовству. Он потягивал пиво, курил «Старый моряцкий» и восхищенно внимал каждому слову. Беседа не прекращалась ни на минуту: когда они с Джоби вернулись в тихую придорожную гавань, скинули ботинки, растянулись на лавках и закутались в одеяла, разговор зашел о футболе. Тема эта нашла такой отклик в сердцах обоих, что на дворе была уже глубокая ночь, когда мистер Окройд в последний раз произнес слово «Юнай-

ты», а Джоби Джексон исчерпал запас достойных рассмотрения защитников и центральных нападающих. Незабываемый вечер!

Они умолкли. В темноту фургона начали прокрадываться странные ночные звуки. Мистер Окройд прислушивался к шорохам и шелестам, как вдруг его напугал громкий печальный крик.

— Ну и звук, а? Прям мурашки продирают.

— Сова, — объяснил Джоби. — Я уж к ним привык. А вот чего терпеть не могу, так это стук трамваев по ночам. В городах с трамваями я не ложусь, пока они не угомонятся. Спать никакой возможности — сердце болит, желудок болит. Ну да ладно, — сонно добавил он, — жизнь хороша, пока ноги ходят да зубы жуют. Надо всякое повидать, пожить хорошенько, а то и помирать жалко. Как считаешь, Джордж?

— Что-то в этом есть, — с истинной браддерсфордской осмотрительностью ответил мистер Окройд. По правде говоря, он до сих пор был немного ошарашен происходящими с ним чудесами. «Надо рассказать Лили про этого малого, — подумал он. — Вот она подивится!» И очень скоро среди дремотных теней он на короткий миг разглядел дочь, улыбающуюся ему через океан.

IV

Утром встали затемно.

— До Рибсдена около часа езды, — объяснил Джоби. — Хочу занять местечко получше.

Они быстро позавтракали чаем и бутербродами с вареной ветчиной, а с первыми лучами солнца, пробившимися из-за туч, уже тряслись по неровной дороге.

— Холодает, — заметил мистер Окройд.

Джоби смерил утро оценивающим взглядом.

— Погода портится. Вот увидишь, сегодня так тепло уже не будет, глядишь, и дождь польет. Не сегодня, так завтра. Дождь нам вреден. Две недели дождей — и я точно пойду к ближайшему ростовщику продавать весь свой скарб. Что там моряки! Кому погода важна, так это нам.

В Рибсдене, приземистом городке вроде Эверуэлла, только покрупней, уже вовсю кипела жизнь. Рынок и ярмарка заняли всю площадь и просочились на несколько ведущих к ней улиц. Джоби, однако, успел занять выгодное место прямо у выхода с площади на главную улицу и, как он позже отметил, «ровно супротив кабака „Рука помощи“». Фургон пришлось оставить в переулке, среди других машин, телег и фургонов,

а все необходимое — товар и лоток — они донесли до места сами. Поставив лоток, они начали украшать его резиновыми куклами и зверями, большую часть которых надо было надуть. Время от времени Джоби узнавал прохожих и что-то им кричал, но время разговаривать было только у зевак — местной толпы, состоявшей из мальчишек, от любопытства лезших под ноги, девчат, которые от нетерпения прыгали с тротуара на мостовую и обратно, полицейского с рыжими усами, явно недолюбливавшего рынки и ярмарки, и еще одного полицейского без усов — он рынки и ярмарки явно долюбливал. Мистер Окройд никак не мог нарадоваться происходящему. Ему нравилось все: толкотня, стук молотков, крики, лоток, на который он теперь поглядывал отеческим взглядом, осенний холодок в воздухе, утреннее солнце, «Старый моряцкий», вдруг запахший приключениями, и общество болтливого Джоби. Мистер Окройд не представлял себя в роли продавца резиновых кукол, зато быстро навострился их надувать и красиво раскладывать; словом, все это было, как он неоднократно замечал про себя, «первоклассным делом».

В конце концов Джоби прикрепил к столбикам у лотка несколько плакатов: «Не забудьте про

Маленьких», — кричали они, «В магазинах этого нет», «Мы лидируем. Остальные догоняют», «Английские мастера — лучшие на свете!» (последнее, вероятно, было правдой, вот только на всем товаре мистера Джексона висели иностранные ярлычки). На поперечной балке красовался самый большой и яркий плакат; великолепная алая надпись гласила: «Джоби Джексон снова в городе. Проверенное качество». Джоби с огромным удовлетворением осмотрел дело своих рук и теперь мог со спокойной совестью поболтать с соседями.

Один из них только что застолбил местечко слева от Джоби, поставив на землю столик и ящик. То был высокий потрепанный джентльмен без шляпы, зато во фраке, который сиял на солнце и отливал зеленым в тени. Затылок джентльмена украшала копна седых волос, а спереди блестела лысина. Брови у него были такие кустистые и такие черные, что необходимость в бритье нижней части лица отпадала, коим преимуществом их владелец вовсю пользовался.

— Доброе утро, перфессер, — сказал Джоби этому персонажу.

— Доброе, — ответил профессор громовым басом. — А, мистер Джексон! Рад встрече. Опять мы

соседи? Я вас, кажется, видел в Донкастере.

— Верно. Хорошее местечко выбрали, а? — Джоби ткнул пальцем в сторону «Руки помощи».

— Надо же, я и не заметил. Действительно, такое соседство нам на пользу. Было время, когда… — Он не договорил, а только поднес ладонь ко рту, из пещеристых глубин которого донесся звук, напоминающий смех. Затем профессор резко помрачнел. — Вряд ли мне удастся тут подзаработать, мистер Джексон. Это перевалочный пункт, только и всего.

— Та ж беда, — кивнул Джоби. — А где вы были после Донкастера, перфессер?

— О, в безвестных, всеми забытых городишках, — печально пробасил тот. — Рынки маленькие, заказы никудышные, везде только сыр, муслин, утки и куры. Деревенская глушь, мистер Джексон. К тому же я неправильно выбрал призвание. Предложи я народу эликсир от ревматизма или средство для пищеварения, дело бы пошло. Но я знаток характеров и судеб, а это интересно только городским жителям, исключительно городским. Я думал сменить стезю, но не было времени раздобыть пузырьки. Сегодня без пузырьков никуда, люди больше не хотят глотать пилюли, мистер Джексон. Каково? Присмотрите

за моим ящиком, пожалуйста. Я вернусь через десять минут. — И профессор куда-то ушел.

— Из этого малого вышел бы знатный оратор, — сказал мистер Окройд, с восторгом выслушавший всю беседу.

— А он и есть оратор, я считаю, — ответил Джоби. — Умный малый, перфессер. Знаю его много лет. Болтает будь здоров — сказка! Что угодно продаст. Никаких расходов, сплошная прибыль — это его принцип. Смышленый малый, образованный — эт самое главное. Нам с тобой никто б не поверил, а ему — верят, каждому слову верят. Хоть воздухом торгуй, честное слово!

— Пожалуй, — задумчиво проговорил мистер Окройд. — Только жирка на нем маловато.

— Очень уж за воротник заливает. Пьет как сапожник. Да и торговля нынче не та, факт. Народ пошел чересчур образованный, видят его насквозь. — И тут он так внезапно сменил тон, что мистер Окройд испугался. — Ну-ка, леди, подходите, выбирайте! Девять пенсов, шиллинг, один шиллинг шесть пенсов, два шиллинга. Не лопаются, не рвутся, не горят, не тонут — лучшая резина на рынке! Все игрушки непревзойденного качества! — Видимо, к ним подошел первый покупатель.

Вокруг палаток и лотков уже собралась толпа народа, из которой то и дело доносились пронзительные хриплые крики. Пока она состояла главным образом из женщин с корзинками; любители развлечений приходили позже, но для продавцов, подобно Джоби, торговавших семейными товарами, день уже начался. Мистер Окройд, забившийся в дальний угол палатки, обрел новый интерес в жизни. Он впервые помогал продавать что-либо, и торговля теперь представилась ему увлекательной азартной игрой. Удастся ли мальчугану с линкором «Лайон» на шапочке подтащить маму к лотку с игрушками? Купит ли женщина, которая без умолку болтает с подругой и даже не глядит в их сторону, какую-нибудь игрушку, или она пришла на рынок выговориться? Джоби, похоже, мог предсказать исход с первого взгляда: одних он оставлял без внимания, другим доверял все тайны производства резиновых игрушек, а третьим буквально всучивал свой товар. Мистер Окройд был бы рад помочь, однако не нашел чем заняться и просто восхищенно наблюдал за своим новым другом.

— Мотаешь на ус, Джордж? — спросил Джоби, глядя прямо перед собой, но вертя губами и быстро-быстро моргая. От такой манеры общения у

его собеседников возникало чувство, будто им поверяют самые заветные тайны. — Следи за болтовней и ценами, понял? Авось скоро сам поторгуешь.

Хорошо, что он успел это сказать: минуты через две мистер Окройд точно бы его не услышал. Их сосед справа, продавец линолеума, внезапно развернул шумную рекламную кампанию. Он сразу же взмок, в торговом запале скинул пиджак и принялся яростно шлепать свои рулоны, столик, самого себя и все, что попадалось под руку. С каждой секундой он горячился все сильней: даже смотреть на него было жарко, от его криков болело горло, и покупка линолеума превращалась в акт всеобщего милосердия. «Сейчас я вам расскажу, что хочу сделать! — вопил он. — Первым делом учтите: я не продаю линолеум, я его дарю. Вот, смотрите. — Он разворачивал рулон и от всей души шлепал по нему руками. — Это не простой линолеум, а самое высококачественное напольное покрытие с изящным узором и резиновой подкладкой. Ни в одном другом магазине страны вам не продадут его дешевле чем за пятнадцать шиллингов. — Он делал резкий, сдавленный вдох и отвешивал рулону очередной тумак. — Пять шиллингов. Четыре и шесть. Четыре шиллинга.

Нет, вот как мы поступим: три шиллинга и шесть пенсов, почти даром! Так, хорошо. Передай мне еще рулон, Чарли. Внимание! — Он взрывался по новой, беспощадно колотя новый отрез. — Здесь у меня три ярда, можно застелить целую лестничную площадку — никаких забот до конца жизни! Отдаю оба куска за шесть шиллингов. — Он упирался в толпу свирепым взглядом, отирал пот со лба и проводил пальцем под мокрым заношенным воротником. — Это не простой линолеум», — опять начинал он. Его голос звучал, словно последний крик разума в бушующем мире сомнений и страха. Посмей кто-нибудь сказать, что линолеум самый что ни на есть простой, торговец, пожалуй, в тот же миг сгинул бы в клубах дыма и языках пламени.

За столиком слева стоял профессор. Он хмуро буравил взглядом трех мальчишек, замерших в ожидании представления. «Знаете ли вы свою судьбу?! — вопрошала табличка. — Профессор Миро знает! Что пророчат нам звезды? Судьба! Воля! Личность! Уникальный шанс!! Не пропустите!!!» Увы, темные тайны судьбы пока не занимали добрых жителей Рибсдена, оживленно болтающих и торгующихся в ярком свете дня. Возможно, час профессора настанет позже, ко-

гда на город, маня за собой шайку привидений, спустится ночь. Пока же он стоял в благородном молчании и без особого успеха пытался запугать мальчишек видом своих внушительных бровей. В руках у него был сверток с разноцветными бумажками.

Второй сосед профессора, широколицый, безупречно одетый юноша в очках, похожий на спятившего банковского служащего, шумел не хуже торговца линолеумом. Никто не понимал, что он продает и продает ли вообще. Потрясая перед публикой простыми конвертами, он без конца поминал некоего Уолтерса из Бристоля.

— Когда мистер Уолтерс из Бристоля, — ревел он с таким гордым видом, словно хвастал дружбой с премьер-министром, — вручал мне эти конверты, он сказал, что в каждом из них лежит по банкноте, и я должен продать их вам исключительно в целях рекламы. Мы с мистером Уолтерсом знали, что ничего не заработаем. Но это хорошая реклама. Когда мистер Уолтерс из Бристоля говорит, что в конвертах лежат банкноты, я ему верю. Он не стал бы гонять меня почем зря. — И так, потрясая таинственными конвертами, он продолжал увещевать публику.

После полудня к Джоби подошел профессор.

— Мистер Джексон, я хотел спросить, — доверительно прошептал он, — не найдется ли у вас шиллинга. Вечером отдам…

Джоби кивнул в сторону кабака:

— Туда собрались?

— Да, хотел немного… э-э…

— Пойдемте со мной, перфессер, — перебил его Джоби. — Ну-ка, Джордж, подменишь меня ненадолго? Скоро вернусь.

Так мистер Окройд остался за главного. До возвращения Джоби он успел продать красного аиста на деревянной ноге, полицейского с жезлом и отечного младенца цвета креветки. За все он выручил четыре шиллинга, из которых чистая прибыль составила не меньше полукроны. Дело было выгодное.

Час спустя вернулся Джоби с бутылкой пива и двумя мясными пирожками.

— В кабаке сейчас не протолкнуться, так что держи. Кончай работать, пожуй да прогуляйся. Что продал?

— Птаху, бобби и малявку, четыре шиллинга за все.

— Да ты поэт, черт тебя дери! — добродушно воскликнул Джоби. — Перфессер еще там. Теперь уж до закрытия не выйдет, как пить дать. Про-

тянули ему руку помощи, ничего не скажешь. Когда я уходил, он пятую кружку уговаривал, и все задарма. Смышленый малый, перфессер, ему и ведро бесплатно нальют. Да только не хотел бы я увидеть тех белочек да прочих зверей, каких он по вечерам видит.

Когда мистер Окройд прикончил пироги и пиво, обошел ярмарку, прогулялся по городу и вернулся покурить с Джоби, почти настало время вечернего чаепития.

— До шести всего ничего, — сказал ему Джоби. — Ты уж поторгуй малость, а я пойду гляну на фургон, глотну Рози Ли да перекинусь словечком с приятелями. Не забудь про обезьянок за два шиллинга — с них самый навар, мне они девять пенсов стоили.

Вокруг торговца линолеумом и друга мистера Уолтерса из Бристоля собрались изрядные толпы, а вот резиновые игрушки перестали продаваться. На них никто и не смотрел — отчасти потому, что смотреть на соседей мистера Окройда было куда увлекательней. Вопросы, которые ему задавали, касались исключительно самого Джоби, а не его товара.

— Здоро́во! Тут ведь Джоби Джексон торгует? Где это он?

— Пошел прогуляться, — отвечал мистер Окройд, и спрашивающий уходил.

Так было несколько раз, и мистер Окройд понемногу стал осваиваться в этом кругу странствующих коллег. Однако дальше дело не пошло. Волна, так мягко и уютно несшая его последние сутки, вдруг обернулась против него. Один такой коллега, бесцельно бродивший между лотками и палатками, вдруг заметил резиновые игрушки и уставился на мистера Окройда. Тот уставился в ответ и пришел к выводу, что вид коллеги ему неприятен. Простояв минуту или две, незнакомец подошел ближе и налитыми кровью глазищами осмотрел лоток, плакаты, резиновых кукол и их настороженного продавца. Он был высокий и крепкий: широченные плечи обтянуты грязной футболкой, а выступающая квадратная челюсть покрыта трех- или четырехдневной щетиной. Всем своим видом он говорил о том, что проснулся с очень сильного похмелья в очень скверном расположении духа. Вскоре на его лице начали проявляться признаки интеллекта, но зрелище это было не из приятных.

Первым молчание нарушил мистер Окройд: он был уже не в силах терпеть этот пытливый взгляд.

— Куклу присматриваешь, друг? — спросил он с натянутым добродушием во взгляде и голосе.

— Куклу! — презрительно фыркнул здоровяк. — Я что, похож на любителя паршивых кукол, а? — Ни с того ни с сего он рассвирепел, как бык, увидавший красную тряпку. — Где этот… — И он покрыл отлучившегося Джоби таким количеством непечатных слов, что даже привыкший ко всему мистер Окройд пришел в ужас. — Где он? Отвечай! — Здоровяк с размаху бухнул кулаком по лотку, так что все висевшие на нем обезьянки, аисты и полисмены затанцевали, и вплотную подошел к мистеру Окройду.

— Ну, — рявкнул он, — чего молчишь, тупорылый…

Мистер Окройд хранил невозмутимость. Он сообразил, что перед ним не кто иной, как Джим Саммерс. Он помнил все, что Джоби рассказал ему о Джиме Саммерсе, каждое слово. И теперь он пытался думать, но получалось с трудом. «А сейчас я расскажу вам, что хочу сделать, — раздался голос справа. — Это не простой линолеум». Джоби мог вернуться в любую минуту. Но пока его не было, а Джим Саммерс определенно был. «Когда мис-тер Уол-терс из Брис-толя, — упорно басил сосед слева, — вручил мне эти конверты…»

Мистер Окройд посмотрел Джиму Саммерсу прямо в глаза.

— Его здесь нет.

— Я уже понял, не тупой! Я спрашиваю, где он? Ты говорить умеешь или язык проглотил? Это его лоток?

Мистер Окройд не ответил.

— Уж я бы тебе язык развязал, — прорычал разъяренный Саммерс, став еще противней на вид, — но лучше малость подожду.

Мистер Окройд наконец обрел дар речи.

— Не советую, друг. Джоби Джексона тут нет.

— Что значит «нет»?! — презрительно вскричал верзила. — Это его лоток! Думал, я не признаю?

— Да, но… — Мистер Окройд замешкался и торопливо выговорил, — …он мне его продал!

— Когда это, интересно?

— Вчерась, — ответил мистер Окройд. — Теперь я тут торгую, а Джоби уехал.

Мистер Саммерс растерялся. Будучи человеком не самого выдающегося интеллекта, соображал он туго. Однако, сообразив, встрепенулся и опять бухнул кулачищем по лотку.

— Да он тут вчера торговал, я видел! Купил, говоришь? Черта с два ты его купил, брехун вонючий!

— Ну-ка, ну-ка! Тихо, тихо! Что за шум? — К ним подошел полицейский с рыжими усами, тот самый, что недолюбливал рынки и ярмарки. Вид у него в самом деле был на редкость суровый.

— Я пришел сюда к одному знакомому, — прорычал Саммерс, — а этот брехун мне грит, что не знает, где он, и что выкупил у него лоток. А я грю, черта с два он его выкупил, это лоток моего знакомого!

— Допустим, а чего такой шум поднимать? — спросил полисмен. — Его лоток или не его, какое вам дело?

— Я просто говорю, что он врет, ясно?

— Это я уже понял! — сердито прикрикнул на него полицейский. — Повторяю, это не ваше дело!

— Вот именно, — вставил мистер Окройд, почувствовав необходимость что-нибудь сказать. Лучше бы он этого не делал. Полицейский, который до сих пор подозрительно смотрел на Саммерса, теперь с не меньшим подозрением уставился на мистера Окройда.

— Это, конечно, не его дело, — сказал полицейский, — зато очень даже мое. Сдается, что-то тут неладно. Отвечайте, этот товар и лоток принадлежат вам или другому человеку, из-за которого

весь сыр-бор?

— Ну, в некотором роде… — протянул мистер Окройд, — можно сказать…

— Что значит «в некотором роде»? — вопросил страж порядка. — А ну показывайте лицензию.

Мистер Окройд разинул рот. Он понятия не имел о лицензии, не знал, как она выглядит, сколько стоит и где ее можно получить. Зато он мог с неприятной уверенностью сказать, что без лицензии ему никто не поверит и что никакого мало-мальски достойного оправдания у него нет.

— А нет лицензии! — злорадно объявил Саммерс.

— Вас не спрашивали! — прикрикнул на него полицейский, затем вновь повернулся к мистеру Окройду и грозно отчеканил: — Покажите лицензию.

На счастье мистера Окройда, своим высокомерным поведением полицейский задел Джима Саммерса, который вдобавок всегда недолюбливал стражей порядка. В ту минуту его можно было сравнить с курящимся вулканом. Он втиснулся между полисменом и мистером Окройдом и очень медленно, очень зловеще проговорил:

— Я же сказал, у него нет лицензии.

— А я сказал, что вас не спрашивали! — заорал

полицейский, толкаясь. — Ну-ка в сторону!

— Ты кто такой, чтоб мне указывать?! — проорал Саммерс в ответ и поднял внушительный кулак. — Тронешь меня еще раз, рыжая свинья, и я размажу тебя по стенке.

— Еще одно слово — отправитесь со мной в участок! — пригрозил ему полицейский и попятился.

— Ну-ка, чего расшумелись? — Пришел Джоби, а с ним какой-то крепкий улыбчивый коротышка.

При виде коротышки Саммерс яростно заревел:

— Склок, ты…

Он бросился на него с кулаками, но Джоби и полицейский успели преградить ему путь, и в следующий миг все четверо сцепились, размахивая руками и ногами. Толпа обступила дерущихся и прижала их к лотку — от ударов тот опасно закачался. Мистер Окройд в драку не полез: он стоял по другую сторону лотка и мог только его придерживать. На поле брани хлынул дождь из резиновых птиц и обезьян. Хрусть! — лоток треснул и обрушил на дерущихся новый шквал игрушек. Мистер Окройд принялся сметать уцелевший товар в коробки, потом залез под стол, собрал часть упавших игрушек с земли и вернул-

ся на линию обороны. Он решил «приглядывать за лотком» (так он себе сказал) и делал для этого все, что было в его силах. Принять участие в потасовке он не смог бы даже при желании — ему просто не нашлось бы места. Силы свирепого Саммерса, который уже вывалял в пыли Томми Склока, посадил синяк под глаз Джоби и хорошенько отметелил полицейского, начали иссякать. Полисмен наконец смог дунуть в свисток, и с другой стороны рынка ему на подмогу прибежал второй страж порядка: вместе они повязали Джеймса Саммерса и под крики и вопли толпы уволокли прочь.

Мистер Окройд тут же вышел из-за лотка и принялся собирать с земли остатки игрушек, пока Джоби с приятелем отдувались, бранились, отирали пот и отряхивали одежду.

— Он записал чьи-нибудь имена? — спросил Джоби, все еще тяжело дыша.

— Мое — нет, — ответил мистер Окройд.

— Тогда сматываемся. Что скажешь, Томми? Если захотят взять нас в свидетели, пусть сперва отыщут. Собираемся, да поживей. Давай, Томми. Вот так, Джордж. Не мешкайте, они скоро вернутся. Правда, сперва им надо доставить Джима в участок. — Он окинул взглядом толпу, которая

и не думала расходиться. — На сегодня все! — крикнул он. — Концерт окончен, посторонитесь, ребятки.

Торговец линолеумом и друг мистера Уолтерса из Бристоля не преминули воспользоваться тем, что вокруг собралось столько народу, и грянули вновь, на сей раз завладев вниманием даже самых неподатливых покупателей.

— Одна суета, а не торговля, мистер Склок, — пробасил гулкий голос над их головами.

— О, профессор! — воскликнул Томми, подняв глаза. — Как жизнь? Мы уезжаем.

— Вот и правильно, вот и правильно, мистер Склок, — ответил профессор. — Я бы на вашем месте поступил точно так же, да и поступал не раз. Очень уж не хочется ввязываться в эти судебные дела. Тем более стоит раз угодить на свидетельскую трибуну, как коллеги начинают относиться к тебе с предубеждением. Саммерс, конечно, заслуживает наказания — он хулиган и бандит, мистер Склок, такие типы позорят нашу профессию. Они не умеют пить, вот в чем беда.

— А вот и наша развалюха! — крикнул Томми. — Ладно, профессор, бывайте. Если что, мы с вами не знакомы.

— Первый раз вас вижу, — серьезно ответил

профессор. — Я поговорю с ребятами. Ваших имен Саммерс не выдаст, иначе вы будете свидетельствовать против него, но, боюсь, своей головой он до этого не дойдет. Я все улажу.

И вновь мистер Окройд пустился в бега. Джоби и Томми запихнули его в кузов, сами сели впереди и на всех парах помчались вон из Рибсдена. Мистер Окройд понятия не имел, куда они едут, а вид исчезающего вдали города и дороги ничего ему не сказал. Долгий день, потасовка на рынке и спешный отъезд изрядно его утомили, и после первых волнительных минут побега из Рибсдена он постепенно задремал, растянувшись на лавке. Когда машина наконец остановилась и мистер Окройд вышел на улицу, он не имел ни малейшего представления о том, где они и сколько времени провели в пути. Они стояли на длинной деревенской улице, рядом с небольшим постоялым двором. В дверях показался хозяин заведения.

— Жена дома, Джо? — крикнул Томми.

— Ага, недавно чаевничала, — ответил хозяин.

Джоби подмигнул мистеру Окройду здоровым глазом.

— У Томми тут цыпочка, — шепнул он. — Два дня его ждет. Он поехал в Рибсден за мной, а

встретил Джима Саммерса. Ну, рассказывай, как было дело.

Мистер Окройд поведал ему о своих приключениях с мистером Саммерсом и дотошным полицейским, а когда закончил, Томми как раз вышел из дома с молоденькой, вульгарно одетой женщиной, которая была на несколько дюймов выше его самого.

— Сколько лет, Джоби! — воскликнула она, махая рукой. — Ну, молодец! Жаль, меня там не было! Грязный боров получил по заслугам. Э-э, да тебе под глаз засветили! Небось примочку надо, а, Томми? Заходите, пропустите по кружке, пока я сделаю примочку.

— Что скажешь, Джоби? — спросил Томми. — Зайдем? Наша старушка и тут обождет.

— Не, я подыщу ей другое местечко, Том. Думаю заночевать прямо в машине. К тому же нам с Джорджем надо подлатать лоток, а то завтра еще работать. До скорого, Томми.

— Ладно, если что — я здесь.

— Садись вперед, Джордж! — сказал Джоби, залезая обратно. Они покатили вниз по улице. — Томми завтра поедет со мной, и гадалка его тоже. Девка она толковая, но весь вечер глядеть, как она сидит у него на коленках, хихикает и дует его

пиво, — нет уж, спасибо, мне нервы дороже.

— Твоя правда. Я вообще таких не люблю, — бесстрастно заметил мистер Окройд.

Джоби остановился возле лавки на краю деревни и купил еды. Затем они нашли местечко для ночлега и повторили программу минувшего вечера: осмотрели и привели в порядок лоток и поели. Однако на сей раз Джоби решил сходить на постоялый двор, где жили Томми и его временная невеста. Мистер Окройд не пошел, сославшись на усталость. Он и в самом деле устал, но идти не хотел по другой причине: Томми вернулся, и компания мистера Окройда явно была им ни к чему. Завтра он снова отправится в путь, один-одинешенек. «Не, я лучше залягу, дружище Джоби», — сказал он и взглядом проводил своего приятеля до самой деревни. Возвращения Джоби два часа спустя он не услышал и не увидел — так крепко ему спалось в эту вторую (и, вероятно, последнюю) ночь в доме на колесах, когда лишь три слоя фанеры отделяли его от звезд.

V

— Ну, Джордж, — сказал Джоби наутро, — ты оказал мне огромную услугу. Я бы рад приютить тебя еще, но ты ж все понимаешь. Надеюсь, ты не

в обиде. — И он вручил ему какую-то необычайно грязную бумажку, оказавшуюся, к вящему удивлению мистера Окройда, банкнотой в один фунт.

— Как же я ее возьму… — с сомнением протянул он. — Ты меня приютил, накормил, спать уложил, а работа моя столько не стоит.

— Ты лучший малый из Западного Райдинга, какого я знаю. Как там говорят у вас в Йоркшире? Кремень-человек! Давай, Джордж, прячь скорей деньги.

И мистер Окройд сделал, как ему велели: спрятал деньги и даже пробормотал слова благодарности — настоящая пытка для истинного браддерсфордца, который всегда устраивает жизнь так, чтобы по возможности избегать подобных ужасных сцен. Сам мистер Окройд с подозрением относился к каждому, — не считая манерных южан и иже с ними, — кто налево и направо говорил «спасибо» и «пожалуйста», и всерьез опасался, как бы странствия не подорвали его мужскую независимость или не втянули его в какое-нибудь «гнусное дельце».

— Я тебе так скажу, Джордж, — продолжал Джоби, — если не найдешь работы, приезжай на следующей неделе — в четверг, пятницу или субботу — в Ноттингем, на Гусиную ярмарку, и

разыщи нас с Томми. Может, я тебе что-нибудь подыщу. Ты ведь у нас мастер на все руки, а, Джордж? С пилой на ты, верно? Ну и все. Запомни: Ноттингем.

— Ладно, если ничего не найду, приеду.

— Вот и славно! Куда теперь, Джордж? Мы можем тебя подвезти, а? Что скажешь?

Мистер Окройд решительно потряс головой:

— Не, вы езжайте своей дорогой, а я пойду своей. И так вам от меня сплошная маета. Куда ведет этот путь?

— Минутку, минутку. — Джоби почесал голову, глянул на дорогу, нахмурился и еще раз почесал голову. — Меня сюда привез Томми, у него тут любимый кабачок, но я и раньше здесь бывал. Где я только не бывал! Всюду, друг, всюду. Сейчас я тебе скажу, Джордж, сейчас скажу. Ага, значит, пойдешь по этой дороге, миль через шесть свернешь налево — там будет Роусли. Большой город, двадцать или тридцать кабаков, есть и хорошие. Один малый по имени Томпсон — Джимми Томпсон — держал там пивную. Раньше боксировал, второй полусредний вес, неплохой удар левой. Запомни: Роусли. У них каждый июль ярмарка — тоже ничего, лучшая в окрестностях. Может, найдешь там работу. Да, загляни в Роусли,

Джордж.

Мистер Окройд вынес корзинку и сумку с инструментами из фургона и стал дожидаться Джоби. Утро было в самом разгаре, и все указывало на то, что ясной осенней погоды больше не будет. На рассвете шел дождь, потом немного прояснилось, но все равно было пасмурно и намного холодней, чем вчера. Не лучший день для одиноких странствий; дорога выглядела унылой и безрадостной, будущее не сулило ничего хорошего. «Ну дела», — подумал мистер Окройд.

Наконец Джоби вышел прощаться, неся в руках небольшой сверток.

— Они тебе пригодятся, Джордж, а то до Роусли с голоду помрешь. Это сандвичи — сам приготовил, черт их дери. — Он передал ему сверток. — Если не хочешь, отдай бедным, Джордж, отдай бедным, только, ради Бога, не спорь и не упирайся.

— Ладно, Джоби, не буду, — сказал мистер Окройд, надевая свой старенький плащ и засовывая сандвичи в карман. — Бог даст, свидимся. — После столь проникновенной речи мистеру Окройду все стало нипочем: он так расчувствовался, что даже протянул Джоби руку.

Тот хорошенько ее потряс.

— Ну, Джордж, вот что я тебе скажу. Сто лет не

встречал таких славных йоркширцев, как ты. Вообще-то я их недолюбливаю, не ладится у меня с вашим братом.

— Ага, — мрачно проговорил мистер Окройд, — я заметил.

— Но ты молодцом, Джордж, молодцом! — продолжал Джоби, до последнего отказываясь называть мистера Окройда настоящим именем. — Если захочешь меня найти, черкни пару строк в газету «Уорлдс фейр»[23]. Запомни: «Уорлдс фер», для передачи Джоби Джексону. Они мигом меня разыщут. Ну, бывай, Джордж, всего хорошего!

Не успел мистер Окройд пройти и полмили, как начался дождь — сперва он едва моросил, но потом зарядил всерьез, так что пришлось укрыться под деревьями. Мистер Окройд бросил сумки на землю, сел на них, достал трубку и обнаружил, что «Старого моряцкого» осталось всего ничего. «Приберегу на потом, — справедливо рассудил он, — сперва надо закусить». Мистер Окройд сидел под деревом в холодном мокром макинтоше и уныло наблюдал за танцем капель

---

[23] Примечания: 23

«Уорлдс фейр» — «Всемирная ярмарка» *(англ.),* издаваемая по сей день еженедельная газета для ярмарочных торговцев, артистов и комедиантов.

по дороге и выцветшими листьями, которые изредка слетали к его ногам. Мимо проехал почтальон на велосипеде, потом большой закрытый автомобиль. Мистер Окройд тщетно пытался заглушить тоненький голосок, который все спрашивал и спрашивал, какой дурак мог уйти из родного дома ради бессмысленных скитаний по свету. Да, сейчас его положение было не так безнадежно, как два дня назад: тогда он остался без гроша в кармане, а теперь у него есть фунт. Но что такое фунт? И как быть дальше? Доброхоты вроде Джоби на дороге не валяются. Эта мысль привела его к другой, сокрытой в самом сердце его печали. Истинной причиной его невеселых дум было счастливое воссоединение Томми и Джоби. Джоби — славный малый, но теперь к нему вернулся друг, и он, Джесс Окройд, больше ему не нужен. Он вообще никому не нужен, кроме Лили, а та в Канаде и не шибко горюет из-за разлуки с отцом. Ни одному жителю Браддерсфорда нет дела до того, куда подевался Джесс Окройд и что с ним происходит. Даже Сэму Оглторпу, и тому нет дела. Родная жена и сын только рады от него избавиться. А ведь малый он добрый, веселый, любой работе рад, если потом можно покурить да пропустить пинту с приятелями. По крайней

мере так ему всегда казалось, но пока мистер Окройд прокручивал в голове эти безрадостные мысли, разум его затуманился сомнениями. А вдруг с ним что-то неладно? В следующий миг мистер Окройд вскочил на ноги и расправил плечи. «Да все со мной ладно! — уверенно заявил он. — Надо закусить».

Он вытащил из кармана сандвичи, вспомнил, как Джоби их ему давал, и на душе сразу стало веселей. Пока он жевал, солнце вновь пробилось сквозь тучи, а дождь превратился в легкую сверкающую морось. Дорога теперь выглядела куда привлекательней, чем прохладная и влажная сень деревьев, и мистер Окройд в спешке доел, выкурил последние крохи «Старого моряцкого» и вышел на солнце. Он вновь отправлялся в путь, и мысль эта опять доставила ему легкое будоражащее удовольствие. Шагая вперед, он размышлял о своем первом лихом спуске по Великой северной дороге, о «Кирвортской таверне», о мистере Попплеби, Джоби, профессоре и резиновых куклах. Все эти образы еще крутились, вспыхивая и угасая, у него в голове, когда впереди показался перекресток и указатель на Роусли. Мистер Окройд свернул на эту новую дорогу, и его внезапно охватило приятное волнение: он

даже бросил на землю поклажу, вытащил изо рта трубку и прокричал:

— Эх, сколько ж я всего повидал-то за одну неделю! Будет что вспомнить, даже если сегодня мои странствия и закончатся.

Возможно, тогда-то все и началось. То были храбрые слова, сказанные от всего сердца, и откуда нам знать, куда могут попасть такие слова и каким событиям дать ход. Спустя минуту или две мистер Окройд свернул за угол и увидел перед собой длинную пустую дорогу: лишь вдали виднелся крошечный неподвижный объект — судя по всему, машина. Он равнодушно, без спешки зашагал в ее сторону, еще не догадываясь, что для него это не простой автомобиль и что в тот миг он ненароком переступает порог нового мира.

Глава 5
Мисс Трант — почти второй Колумб

I

Машина была той самой двухместной «мерсией», на которой четыре дня назад мисс Трант столь отважно покинула Хизертон. Впрочем, теперь в ней ехала совсем другая Элизабет Трант, какой Хизертон никогда не знал. Она в одиночку колесила по стране и открывала для себя новые города; врывалась в гостиницы, требуя ночлег и завтрак, обед и ужин; разговаривала о дорогах, машинах и соборах с незнакомыми людьми, по большей части с мужчинами. Ничего подобного с ней еще не случалось. В самом деле, если двадцать лет просидеть в Хизертоне под одной крышей с полковником, даже такая невинная поездка покажется великим делом, безрассудным бегством на волю. Однако эти разъезды ничего не стоили в сравнении с последними приключениями мисс Трант. Крошечный автомобильчик увез ее в такие дали, что самая одинокая и заброшенная гостиница, самый далекий отель в подметки им не годились: мисс Трант ненароком попала в

круговорот чужих жизней, а это самое сказочное место на свете. Она не отреклась от своей любви к историческим романам (и уже прочла два из четырех захваченных с собой), но теперь смотрела на персонажей другим взглядом, относилась к заговорщикам и драгунам почти как к равным. На самом деле ей стало даже жалко любимых героев: пусть жизнь одарила их бесчисленными невзгодами и неотложными поводами для борьбы, им не перепало ни крошки от ее богатейших юмористических щедрот. Мисс Трант же казалось, что она познала и то и другое.

В понедельник ничего примечательного не произошло, если не считать первых часов упоительного бегства. Город Или, как выяснилось, находился всего в пятнадцати милях от Хизертона, и мисс Трант заночевала в кембриджской гостинице «Лев» на Пэтти-Кюри. Учебный год еще не начался, и маленький серый городок, запомнившийся ей развеселыми студенческими пирушками, лососевым майонезом и лужайками, освещенными китайскими фонариками, теперь был приятно безлюден, а в окнах красовались только свежие партии шапочек, мантий, галстуков и банок с табаком. Мисс Трант немного погуляла, с аппетитом поужинала и выпила кофе

в застекленном вестибюле, который напомнил ей комнату отдыха на корабле. К тому времени ей уже захотелось с кем-нибудь побеседовать, и она попробовала разговорить свою соседку, крупную мясистую даму с неподвижными глазами над величественным римским носом.

— Знаете, это оказалось куда утомительней, чем я думала. В смысле, путешествовать в одиночку, — сказала мисс Трант.

— Правда? — ответила дама грудным контральто.

— Может, дело в том, что мне не с кем поделиться впечатлениями, — оживленно продолжала мисс Трант, — всеми маленькими трудностями, опасностями и победами…

— Разумеется. — Дама все так же неподвижно смотрела перед собой.

— Или мне просто не хватает опыта. — Мисс Трант осеклась. Нелегко было разговаривать со столь внушительным носом.

— Пожалуй, — заключила ее соседка, взяв самую низкую ноту из возможных, но не пошевелив ни единым мускулом на лице.

Мисс Трант взглянула на нее и с грустью спросила себя, почему некоторые люди так неприветливы. Однако в следующий миг лицо крупной дамы

озарилось, и она на удивление резво вскочила на ноги. В вестибюль вошел юноша лет восемнадцати, очевидно, ее сын. Ах, так вот в чем дело! Ее соседка вовсе не была неприветливой, просто думала о своем, дожидаясь сына. Мисс Трант полегчало. Она вновь поглядела по сторонам и случайно встретилась взглядом с человеком напротив: у него были выпученные серые глаза, замечательно приспособленные для пристального разглядывания незнакомок, и тяжеленные седеющие усы, которые он гладил с такой гордостью, словно великая честь дотронуться до этого произведения искусства выпадала лишь редким счастливчикам. Напрасно мисс Трант так прямо посмотрела ему в глаза: он тут же подошел и занял свободное кресло рядом с ней.

— Разрешите присесть? — хриплым голосом спросил незнакомец.

— Пожалуйста, — ответила мисс Трант, не сводя глаз с покинутого им кресла.

— Вот спасибо! Здесь ужасно тихо, не находите? — завел он беседу, тараща на нее глаза.

— Разве?

— А вам так не кажется? Я хорошо знаю это местечко, останавливаюсь тут три-четыре раза в год. По вечерам здесь совершенно нечем занять-

ся, и я обычно хожу в кино.

Может, мисс Трант и вела тихую жизнь, но глупой не была и сразу уловила характерные вызывающие нотки в его голосе. Всего минуту назад она говорила себе, что люди слишком неприветливы — и вот, пожалуйста! Глупость какая! Она не смогла сдержать тихий смешок.

— Простите? — Незнакомец наклонился ближе.

Мисс Трант стало так весело, что она почувствовала себя хозяйкой положения. Она поглядела на тяжелые усы, словно на диковинный музейный экспонат, и сказала:

— Может, мое семейство тоже решило сходить в кино? Жду-жду, а они не идут.

— А, так вы ждете родных? — Тон у него сразу переменился.

— Вот именно, — спешно ответила она, — отца, двух братьев, мужа и двух сыновей. Целая толпа родных, и все мужчины. Они страшно опаздывают.

Усач воззрился на нее, но уже совершенно другими глазами.

— Да, время поджимает… — Он якобы посмотрел на часы. — Мне тоже пора. — И с этим отбыл.

Мисс Трант осталась восторгаться собственной

дерзостью, храбростью и удивительным присутствием духа. Она чувствовала себя школьницей и одновременно светской женщиной, хотя ни одна уважающая себя светская женщина, подумалось ей, не позволила бы себе такую детскую ложь. Что-то — деньги, свобода или то и другое вместе — изменило ее до неузнаваемости. Теперь ей нестерпимо хотелось выговориться, и она написала длинное письмо Дороти Чиллингфорд, а потом легла спать.

Утром, часов в одиннадцать, она уже была в Или и любовалась величественными красотами собора. На вершине башни мисс Трант познакомилась с маленьким энергичным старичком — других посетителей в соборе не оказалось. У него были очень яркие глаза, розовые щечки, колючая борода и старомодный отложной воротничок, какие носят социалисты уильям-моррисовского толка[24], вегетарианцы и главы микроскопических религиозных сект. Она так и не узнала, чем именно он занимается, где живет и даже как его зовут, однако они успели хорошо подружиться — еще бы, разве можно молчать, стоя вместе на вершине

[24] Примечания: 24

Уильям Моррис (1834–1896) — английский поэт, художник, издатель и социалист, крупнейший представить второго поколения прерафаэлитов.

высокой башни и глядя на залитый солнцем Кембриджшир. Старичок вытащил карту и показал мисс Трант все достопримечательности, какие были видны с их обзорного пункта. Затем они вместе обошли собор, и мисс Трант обнаружила в своем новом знакомом (несмотря на его отрывистую и категоричную манеру говорить) прекрасного и в высшей степени образованного рассказчика.

— Вы что-нибудь знаете о латуни? Нет? Тогда слушайте. — И он, перебегая из комнаты в комнату, рассказывал ей все, что знал. Порой старичок напоминал мисс Трант школьного учителя, но не проникнуться к нему симпатией было невозможно.

Как выяснилось, они оба оставили машины рядом с гостиницей «Лэм»: вернувшись туда, они вместе сели обедать: тогда-то, за едой, мисс Трант и обронила фразу, которая стала причиной значительных перемен в ее туристических планах.

— Какая жалость, что сейчас так уже не строят! Мы разучились создавать красивые вещи, — сказала она.

— А вот и не разучились! — воскликнул старичок, отложив вилку. — Еще как умеем и еще как строим. Дорогая моя, не верьте молве. Все

это вздор! Мир развивается. Мы можем построить все, что захотим. Я не говорю про здания вроде Илийского собора, — они нам ни к чему, это не наш стиль, их строили варвары, не имеющие понятия об устройстве вселенной, — но мы умеем строить лучше. Возьмем хоть новый Зал заседаний окружного совета в Лондоне. Вы его видели? А здание Буша? Видели? А громадный деловой комплекс рядом с Лондонским мостом? Вы просто обязаны выбросить этот вздор из головы, и как можно скорее — уж простите, что я так говорю. Стало быть, вы решили объездить все соборы — таков ваш план, я правильно понял? А в Ливерпуле бывали?

Нет, она не бывала в Ливерпуле.

— Быстро туда! — скомандовал старичок, да так убедительно, что мисс Трант захотелось сию секунду отправиться в путь. В умении убеждать он ничуть не уступал мистеру Чиллингфорду. Вдвоем они бы горы свернули!

— Я не говорю, что меня не интересует средневековая архитектура, — горячо продолжал он, — или что я не восхищаюсь ее красотой. Утром вам могло показаться, что я даже слишком заинтересован и восхищен: мое пустозвонство наверняка вас утомило. Но в Ливерпуле букваль-

но на днях выстроили новехонький собор. Не ратушу, не вокзал и не деловой комплекс, а собор, именно то, что вам нужно.

Он умолк, чтобы перевести дух, а мисс Трант (старичок немного напомнил ей отца) уставилась на него с добродушным удивлением.

— И как, по-вашему, выглядит этот собор? Хлипкая, наспех сколоченная безобразина? А вот и нет! Он большой, добротный и крепкий. Очень красивый и величественный. А кто его построил? Наши с вами современники. Пусть вас не вводит в заблуждение средневековая чушь. Мы лучше, чем они, и мир наш тоже лучше. Строительство было их главным козырем, не нашим, но если уж мы решаем строить, то делаем это мастерски. Вы просто никогда не воспринимали всерьез современную архитектуру, — продолжал разглагольствовать он, то берясь за вилку, то вновь ее откладывая. — Взять хоть большие лайнеры — чем не здания? Взгляните на них. — Он сказал это так, словно за окном гостиницы как раз выстроилось несколько лайнеров. — В них вы найдете все: идеальные пропорции, безупречность форм, мастерство исполнения — чего только нет в большом лайнере! Поезжайте в Ливерпуль, посетите собор, а потом отправляйтесь в порт и взгляните

на какой-нибудь лайнер — тогда вы точно измените свое мнение о современной архитектуре. Вы ведь все равно туда собирались?

Мисс Трант пришлось солгать; признаться, что мысль о Ливерпуле даже не приходила ей в голову, было бы несправедливо и жестоко по отношению к старичку — после такого ему бы кусок в горло не полез.

— Так поезжайте прямо сейчас! — с мальчишеской горячностью воскликнул ее новый знакомый. — Полюбуйтесь этим городом, пока предрассудки не успели пустить корни в вашем разуме. Отсюда до Ливерпуля всего ничего, прокатитесь с ветерком. Сейчас пообедаем, и я покажу вам дорогу по карте.

Мисс Трант изящно клевала обед и втайне завидовала его азарту. Пусть это по-детски, но как же здорово, наверное, вот так беззаветно чему-нибудь отдаваться! Ей было все равно, куда ехать — в Ливерпуль, Линкольн или Йорк, так почему бы не угодить этому приятному пожилому джентльмену, который с таким упоением поглощает черничный пирог?

Вдобавок это будет еще один шаг на пути к «полному отказу от прежней себя», для которого, по мнению мисс Трант, требовалось только найти

подходящую «манию». В список маний ее нового знакомого входили архитектура, антисредневековье, прогресс и бог знает что еще. Довольно потакать маниям других — пора заиметь свою собственную! Но как знать, вдруг такая подвернется ей в Ливерпуле.

— Вот, смотрите! — оживленно вскричал старичок, показывая мисс Трант карту. — Хантингдон, Кеттеринг, Лестер, Дерби, Макклсфилд, Уоррингтон, Ливерпуль! Проедете прямиком через всю страну!

Мисс Трант внимательно изучила маршрут. Дорога проходила через несколько промышленных городов с обязательными трамваями, грузовиками и узкими улочками.

— Там, наверно, оживленное движение… — протянула она.

— Движение! И что? Я вас старше лет на тридцать, однако ж люблю движение! Чем больше машин, тем лучше! Мне нравятся города, в которых чувствуется биение жизни, и проезжать через них очень приятно. Это… это так бодрит! Только не говорите, что боитесь машин.

— Боюсь, — решительно созналась она. — Мне такие города совсем не нравятся. Будь у меня больше опыта, может, я бы не так боялась, но по-

ка я от них в ужасе. Постоянно забываю, с какой стороны объезжать трамвай, и мне все время кажется, что эти громадины сотрут меня в порошок. Мысль о больших городах меня вовсе не радует.

— Да с любой стороны объезжайте. Я вот объезжаю. — Старичок беспечно махнул рукой. — В этих маленьких дорожных трудностях — самая прелесть! Они не дают мне стареть душой. Туда-сюда, туда-сюда, стоп, поехали, туда-сюда — что может быть лучше? Скоро и вам понравится, вот увидите. А на этом маршруте вам вообще нечего бояться. — И он по второму разу расписал ей всю дорогу, да так подробно, весело и нелепо, что мисс Трант пришлось согласиться с его планом.

— Ну, сегодня я до Ливерпуля все равно не доберусь, — сказала она.

— Пожалуй, пожалуй! — запальчиво воскликнул он и провел пальцем по карте. — А вот до Макклсфилда точно успеете.

Она посмотрела на карту.

— Ограничусь лучше Лестером.

— Лестером?! До него рукой подать, голубушка! Можете выпить там чаю и смело отправляться в Макклсфилд. Прекрасный городок.

Мисс Трант покачала головой. Она не понимала, с какой стати он распоряжается ее временем.

— На сегодня мне хватит и Лестера.

— Голубушка, да вы совсем не умеете обращаться с картой, совсем! Вы несете вздор, честное слово. — Вид у старичка был раздосадованный. — Поезжайте в Макклсфилд, он же рядом! Ближе не бывает!

Она улыбнулась:

— Бывает. Я поеду в Лестер.

— Глупость какая! — взорвался старичок и сердито шлепнул карту. — Нет, правда, вы ни капли не *стараетесь*. Это ужас что такое! Палец о палец ударить не хотите!

В ответ на столь нелепый упрек мисс Трант лишь звонко рассмеялась. Абсурдность положения ее развеселила.

— Простите, — наконец выдавила она.

— Нет, это вы меня простите! — фыркнул старичок и вылетел из столовой, хлопнув дверью.

Отворилась другая дверь в дальнем конце комнаты, и в ней показалась голова официанта.

— Джентльмен звал? — спросил он.

— Нет, вряд ли, — ответила мисс Трант. — Он только что вышел.

Официант скрылся, и едва он успел закрыть дверь, как в столовую опять вошел старичок, розовый и колючий, как никогда. Он подошел

прямо к мисс Трант и с жаром проговорил:

— Приношу вам свои извинения, голубушка, вы уж простите меня, пожалуйста. Я болван. Вы можете ехать куда хотите, разумеется. Это не мое дело, так ведь? — Он улыбнулся и вновь стал милейшим старичком, как вначале. — Но в один прекрасный день вы съездите в Ливерпуль и вспомните там мои слова, правда?

— Поеду сегодня же, — ответила мисс Трант и расплылась в добродушной, как никогда, улыбке.

Она так и не узнала его имени, а через несколько дней позабыла и лицо: в памяти остался лишь голос, розовые щеки и колючая борода; однако с тех пор она будет считать, что именно из-за этого милого старичка все и началось. Не уговори он ее отправиться в Ливерпуль, ничего бы не произошло, будет говорить мисс Трант, забывая, что последние дни она старательно превращала себя в человека, вокруг которого всегда что-нибудь происходит, и что путь, выбранный нами из сотен других, — вовсе не единственный, на котором нам могут встретиться приключения. Впрочем, те приключения, что выпали на долю мисс Трант, без участия безымянного пожилого джентльмена действительно не состоялись бы.

Вот только до Ливерпуля она так и не доехала и до сегодня ни разу не побывала в Макклсфилде.

II

Ночь четверга мисс Трант провела в Маркет-Харборо. Утром она проехала через Лестер — верней, чудом не заблудилась в кошмарной толчее машин и безымянных улиц, — потом одолела Дерби и к обеду выехала на открытый воздух. Потом ей попалась деревушка, выросшая на перепутье каких-то важных дорог — на углу виднелась сулившая вкусный обед и очень приятная гостиница. Рядом с крыльцом уже стояли два автомобиля, однако мисс Трант удалось втиснуться между ними. Тут-то она и заметила, что один автомобиль — в точности как у нее, двухместная «мерсия» голубого цвета. Мисс Трант вошла в гостиницу, напрасно гадая, какие хозяева могут быть у такой машины.

В столовой обедали всего два посетителя. Мисс Трант усадили в противоположный от них угол, но, поскольку комната была узкая, она оказалась не так уж далеко от обедающей пары. А пара, надо сказать, была любопытная. Женщина примерно ее возраста — крупная блондинка с подвижным носом и такими большими, оплывшими и жир-

но накрашенными губами, что они как будто не имели отношения к остальному лицу, их словно приклеили позже. На ней было дешевое, но броское и вульгарное платье, говорила она сбивчиво, громко и вообще пребывала в нервно-приподнятом настроении. Спутник ее тоже пребывал в нервном настроении, только ничуть не приподнятом. У этого аккуратного, как будто сплюснутого с боков джентльмена были темные волосы, расчесанные на пробор, и усики, а на крошечной пуговке носа сидело пенсне. Мисс Трант подумалось, что он похож на кролика.

Не успела она доесть суп, как с улицы донесся звук подъезжающей машины, и через несколько минут в столовую ввалились четверо мужчин, трое толстых и один худой. Они сели за столик в другом конце зала.

Крупная блондинка, не доев, принялась возиться со своим тяжелым пальто. Потом она встала, сняла его и воскликнула (у нее был забавный жеманный выговор, который, по всей видимости, предназначался всем присутствующим):

— Ну и пэльто, у-ужас что такое! Попрошу отнести его в мэшину. — Она огляделась по сторонам в поисках официантки, но та демонстративно занялась новыми посетителями. Тогда блондин-

ка взяла пальто и пошла относить его сама, явно получая удовольствие от устроенного ею переполоха. Через минуту она вернулась.

— Ну что? — спросил ее спутник слабым высоким голоском — другого у него и быть не могло.

— Попросила официанта отнести пэльто в мэшину, дарагой, — ответила блондинка и с неописуемым блаженством набросилась на отварную баранину.

Только мисс Трант подумала, что уже вдоволь насмотрелась на эту странную парочку, как зазвонил телефон. Трубку взяла официантка. Все тут же умолкли и прислушались, не в силах, как это часто бывает, оставаться равнодушными к телефону.

— Да, да! — крикнула официантка в трубку. — Правильно. — Она помолчала. — Откуда ж мне знать? — Нахмурилась. — На кого? А, понятно. — Тут ее взгляд заметался по комнате и остановился на странной парочке. — Ну, даже не знаю… — растерянно протянула она, все еще разглядывая блондинку и кролика. Мисс Трант тоже покосилась на них и заметила, что джентльмен беспокойно заелозил на стуле. — Может быть, — продолжала официантка, — вы лучше скажите мне имя. Хорошо, сейчас. — Она отложи-

ла трубку и обратилась к джентльмену: — Прошу прощения, вы не мистер Типстед? Мистер Эрик Типстед?

Мисс Трант заметила, как он невольно вздрогнул, но блондинка бросила на него суровый предостерегающий взгляд, положила руку ему на ладонь и покачала головой.

— Нет-нет! — поспешно выпалила она — куда поспешней, чем следовало.

— Нет? — переспросила официантка.

— Нет… э-э… нет, конечно… — Тон у джентльмена был каким угодно, только не уверенным. Он словно бы вообще забыл свое имя.

Зато его спутница подобных сомнений не испытывала.

— Джонсон фамилия, мисс… Джонсон! — Видно, они с официанткой сошлись на мнении, что лучше сказать просто «фамилия», а не «ваша» или «наша».

«Может, она работала в гостинице», — подумала мисс Трант, внимательно наблюдавшая за происходящим.

— Нет, фамилия другая, — сказала официантка в трубку и, выслушав ответ, проговорила: — Ну а я что могу? — По ее тону было ясно, что дела лживых посетителей ее не волнуют, хотя личное

мнение о них она уже составила. Официантка бросила трубку, взяла поднос и торопливо вышла из зала.

Мисс Трант теперь не сомневалась, что этот запуганный маленький джентльмен и есть мистер Эрик Типстед. Во-первых, он был похож на мистера Эрика Типстеда. Во-вторых, мисс Трант вроде бы слышала, как блондинка назвала его «Эрик, ми-илый». Да и не стал бы он так вздрагивать, услышав чужое имя, а его спутнице незачем было его успокаивать. Джонсон! Хоть бы что-нибудь поубедительней придумали. Джонсон — надо же, какая наглость!

Мисс Трант теперь не сводила с них глаз. Они уплетали за обе щеки — им хотелось поскорей улизнуть, но оставлять обед за три шиллинга с носа было жалко, уж лучше подавиться. Через пять минут они вылетели на улицу, и мисс Трант услышала знакомый чих, потом урчание и наконец рев двигателя. Никогда еще автомобиль не издавал столь виноватых звуков: в каждом стихающем вдали завывании слышались тревога и опаска. Мисс Трант стала гадать о тайне мистера Эрика Типстеда и его спутницы, без которых столовая превратилась в самую обычную: сплошная вареная баранина, пудинг с патокой, толстые

посетители и реклама виски. Мисс Трант так и подмывало расспросить официантку, что же ей сказали по телефону, но даже в новом амплуа независимой женщины, которая ехала через всю страну в Ливерпуль и запросто ночевала в гостиницах, она не могла себе этого позволить. Официантка между тем бродила по залу с таким видом, словно ей не терпелось кому-нибудь рассказать, и даже обронила какую-то фразочку, от которой четверо посетителей дружно загоготали. Просто кошмар. Мисс Трант, конечно, не стала уплетать обед, как Типстеды, но и лишнюю минуту за ним не провела, а официантке оставила четыре пенса вместо шести.

Теперь рядом с гостиницей стояло больше десятка разных машин и фургонов, однако ее автомобиля там не оказалось. Мисс Трант в растерянности замерла на пороге. Потом обошла все машины. Ее «мерсия» бесследно исчезла.

— Я ищу свою машину, — объяснила она слуге, стоявшему у входа. — Она была тут.

— А-а, — понимающе протянул тот. — Такая голубая, двухместная?

Она радостно закивала.

— А-а… Ваша машинка за углом. Пришлось ее откатить. — И он повел мисс Трант за угол.

Там она с облегчением увидела свой автомобиль, забралась внутрь и уже хотела завести двигатель, как вдруг заметила какие-то перемены на приборной доске, да и вообще в салоне.

— Все хорошо, мисс? — спросил слуга.

— Все плохо. Это не моя машина. — Она выбралась наружу и взглянула на автомобиль.

— Тогда чья же? — Желая помочь, слуга обошел машину по кругу.

— Не знаю чья, но не моя, это точно. Хотя и очень похожа. Как нелепо… Моя машина должна быть где-то поблизости.

Слуга уставился на мисс Трант и медленно разинул рот.

— Ах, я вспомнила! — продолжала она, не обращая на него внимания. Выглядел он ужасно глупо. — Эта машина стояла рядом с моей, когда я зашла пообедать. Я еще заметила, что она в точности как моя! Да-да, это она. — Мисс Трант умолкла, не в силах больше выносить на себе этот рыбий взгляд. — В чем дело?

— Они ее забрали, — проронил слуга.

— Кто забрал? Что забрали? Они приняли мою машину за свою? Ах, точно! Неужели… — Она помедлила.

— Полчаса назад, — вставил слуга. — Только я

эту переставил, как они вылетели на улицу, прыгнули в вашу и тотчас умчались. Крохотный такой очкарик, ага. Жена его взяла большое пальто, что в сторонке лежало, надела, и они укатили.

— Типстеды! — воскликнула мисс Трант.

— Простите?

— Это фамилия людей, которые уехали на моей машине! Ну, мне так кажется… Типстеды.

— Может, по фамилии он и Типстед, а по жизни — нисколько[25], — с горечью заметил слуга. — Ни пенни за мороку не оставил. Да еще укатил на чужой машине! Если хотите знать, они сразу на нее глаз положили. Помню, я еще подумал: «Видать, торопятся сильно». Умчались, ни слова не сказали! Эх, болван я!

— Но это же сущий бред! — вскричала мисс Трант. — Они забрали мою машину! Где их теперь искать? Что делать?

— Я б на вашем месте взял их машину, — заявил слуга с таким умным видом, словно придумал чрезвычайно ловкий трюк.

— Мне не нужна их машина! Я хочу свою, там мои вещи. Куда они поехали?

— На север. — Он показал направление.

---

[25] Примечания: 25

Типстед — от английского tips — чаевые.

— Может, я успею их нагнать?.. — задумалась мисс Трант. — Думаю, я смогу вести эту машину. Но вдруг она тоже не их, а чья-нибудь еще?

— Их-их, не сомневайтесь, — заверил ее слуга. — Я видел, как они приехали. Машинка — точная копия вашей, ага.

Мисс Трант опять села в машину, завела ее, проехала чуть вперед и дала назад. Управление оказалось точь-в-точь таким же, как у ее «мерсии». Наконец мисс Трант объехала гостиницу и остановилась у входа, раздумывая, не посоветоваться ли с хозяином, как вдруг на стоянку с ревом вкатил мотоцикл и остановился прямо рядом с ней.

— Где он, где? — раздался очень сердитый женский голос. — Отвечай же, ты… ты… — голос слегка дрогнул, — бестия!

Мисс Трант огляделась по сторонам и с удивлением обнаружила, что разъяренная дама, выпрыгнувшая из коляски, орет на нее.

— Да вы что себе позволяете?! — закричала она.

Дама замолкла, воззрилась на нее и остолбенела.

— О-о, простите!.. — К ней подошел мужчина, только что слезший с мотоцикла. — Это не она,

Вилли! — простонала дама, а потом окинула взглядом машину и разинула рот. — Но машина-то наша! Правда, Вилли? Конечно, наша!

Вилли, очень крепкий молодой человек, внимательно осмотрел автомобиль и полностью с ней согласился.

— Я поняла! Я поняла, что он сделал! — опять запричитала дама. — Можете не говорить. Он сбежал и продал машину. И трех часов не прошло, а он уже машину продал! Это она его заставила.

— Сейчас узнаем, — невозмутимо проговорил Вилли. — Можно ведь спросить. — И он посмотрел на мисс Трант.

— Я не понимаю, о чем вы, — сказала та, переводя взгляд с молодого человека на даму. — Но я могу вас заверить, что эта машина — не моя…

— Тогда почему вы в ней сидите? — грубо перебил ее Вилли.

Мисс Трант бросила на него рассерженный взгляд.

— Помолчите минутку, — велела она, — и дайте же мне объяснить. Эта машина принадлежит людям, которые только что уехали на моей.

— Вот именно, — вмешался слуга, решив взять положение в свои руки. — Понимаете, эта парочка вылетела из столовой, села в чужую машину

и умчалась…

— Какая парочка? — спросил Вилли.

— Маленький такой очкарик…

— Эрик! — вскричала дама. — Я знала, знала! Что я тебе говорила, Вилли?

— Да, похоже, это он…

— И крупная женщина, белобрысая, жена его… — продолжал слуга.

— Жена! — Тон, каким она проговорила эти два слога, не оставлял сомнений: перед мисс Трант стояла миссис Эрик Типстед. Невысокая и темноволосая, совсем как ее муж, но куда энергичней и целеустремленней, она была из той породы миниатюрных жилистых женщин, которые не знают усталости.

— Они покинули гостиницу в спешке… — начала было мисс Трант.

— Неудивительно, — мрачно проговорила миссис Типстед, поджав губы.

— И уехали на моей машине. Примерно полчаса назад.

— Слыхал, Вилли? — вскричала миссис Типстед. — Коготок увяз — всей птичке пропасть! Теперь он угоняет машины! Она заставила его выкрасть машину этой леди прямо у нее из-под носа!

— Погоди, сестренка, погоди, — вставил Вилли. — Он ведь не хотел брать вашу машину, так? — обратился он к мисс Трант и слуге.

— Нет, конечно!

— Вы сейчас все поймете, сейчас я быстренько вам все расскажу. Возникла небольшая путаница… — сказал слуга и пустился в пространные объяснения, которые приняли бы чудовищные размеры, если бы мисс Трант не остановила его и вкратце не изложила суть дела со своей точки зрения.

— Это ведь точно его машина? — спросила она в конце.

— Совершенно точно. Вон, смотрите, его сумка. — Она указала на багаж, пристроившийся на заднем откидном сиденье. — А там… там… Вилли, посмотри, это ее. — Она схватила чемодан и бросила его на дорогу. — Вот нахалка, даже вещички собрала! — И вдруг совершенно неожиданно дама разрыдалась и прижалась к брату, который даже не подумал проявить нежность или положенное в таких случаях беспокойство. Мисс Трант, все еще сидевшая в машине, почувствовала себя довольно глупо.

— Что предпримешь, сестра? — спросил Вилли — практичный человек, угодивший в досад-

ную переделку.

Сдавленные нечленораздельные звуки со стороны миссис Типстед, по-видимому, означали, что она хочет отправиться в погоню за нерадивым супругом.

Мисс Трант решила вмешаться. Отношения крупной блондинки, мистера и миссис Типстед ее не касались, а при мысли о том, что придется впутываться в их дела, она вздрогнула, но факт оставался фактом: ее машина катила на север вместе со всеми ее лучшими нарядами и любимыми вещами. Едва ли мистер Типстед когда-нибудь сюда вернется: он, несомненно, понял, что за обедом в гостиницу звонила его жена.

— Ладно, — спокойно и ясно сказала мисс Трант, — известно ли вам, куда едут… куда едет мистер Типстед? Я надеялась его догнать, слуга показал мне дорогу. И сейчас мы зря теряем время.

— Да, мне это известно, — уже спокойней ответила миссис Типстед. — По крайней мере я догадываюсь, иначе бы и сюда не попала. У меня есть ее адрес, они едут туда. Сегодня утром я обнаружила в почтовом ящике ее письмо. Наверное, Эрик о нем пока не знает, но очень скоро узнает, попомните мои слова. У этой бестии дом

в Шеффилде.

— Вы умеете водить?

— Нет! Представляете, он меня не подпускал к машине, все говорил, что это опасно. Ха! Да плевать ему на меня!

— Тогда поезжайте со мной, — сказала мисс Трант. — Другого выхода нет. Если вы думаете, что он действительно отправился по тому адресу, то мы должны поехать за ним. Мне не нужна ваша машина, я хочу свою, там все мои вещи.

— Правильно, — с явным облегчением кивнул Вилли. — Мне все равно пора возвращаться, сестренка. Вы доберетесь засветло, вот увидишь, а эта леди о тебе позаботится.

— Я и сама в состоянии! — воскликнула миссис Типстед. — Но так будет лучше всего, правда, Вилли? — Она повернулась к мисс Трант и вдруг заговорила с нарочитой вежливостью: — Это очень любезно с вашей стороны, мисс… э-э… меня зовут миссис Типстед.

— Моя фамилия Трант.

Миссис Типстед, кажется, едва не сказала «Очень приятно», но в последний миг опомнилась и, немного помедлив, проговорила:

— Очень… мило с вашей стороны, мисс Трант.

Они с братом отошли в сторону.

Мисс Трант попробовала отыскать в машине какую-нибудь карту, но ничего подходящего не нашла и вернулась в гостиницу: карта висела там в коридоре. Проследив пальцем дорогу до Шеффилда, мисс Трант вышла обратно. Миссис Типстед уже сидела в салоне, глядя прямо перед собой, на север, точно маленькая поникшая фурия.

Поездка выдалась сказочная. Дорога пересекала долины рек Дав и Дервент и петляла вокруг нижних отрогов Пика. Мисс Трант и миссис Типстед ехали вдоль изумрудных впадин, припорошенных пылью; неслись к зеленым дворцам из пара, розовым Гималаям облаков; ныряли в голубые низины, обрамленные травой; и все холмы, фермы, горы и долы летели им навстречу, ярко сияя на солнце или на миг заволакиваясь тенью, а потом, точно пригрезившиеся во сне, бесшумно исчезали вдали. Мисс Трант стала триедина: одна ее часть зачарованно любовалась золотым днем и ничего не видела, кроме этого великолепного колдовства. Вторая была занята устройством автомобиля и испытывала некоторое беспокойство по поводу коробки передач. Третьей части мисс Трант — делёж был справедливый — приходилось заниматься родом человеческим в лице

миссис Типстед. Поначалу та вела себя крайне тихо и крайне церемонно. Мисс Трант даже не знала, с какой стороны к ней подступиться. Нелегко вести беседу с незнакомкой, преследующей беглого мужа, особенно если эта незнакомка — из совершенно другого круга и особенно если две трети тебя заняты красотами природы и коробкой передач. Мисс Трант, однако, делала все от нее зависящее, и вскоре миссис Типстед бросила тщетные попытки хранить самообладание и разоткровенничалась.

Мисс Трант предложила выпить чаю.

— О, я не могу, мисс Трант! — прокричала миссис Типстед ей в ухо. — Мне кусок в горло не лезет! Вы не представляете, каково мне, я вся на взводе… — Говорила она искренне, однако не без характерного мелодраматического запала. Мысль о не лезущем в горло куске явно доставляла ей удовольствие.

Не найдя уместных слов, мисс Трант промолчала. Ее спутнице хватило бы и сочувственного вздоха, но в машине вздыхать бесполезно, если только вы не делаете это громче работающего двигателя. Да и что можно сказать в ответ на такое признание? «Я на взводе». Мисс Трант подмывало крикнуть: «Что ж, хорошо бы вас скорей

отпустило!»

— Красиво здесь, правда? — неожиданно спросила миссис Типстед. — Всегда любила эти места… И вообще я люблю красивую природу. Вот Эрику — моему мужу — нет дела до природы. Опять я за свое… Все, больше ни слова! — Она с размаху вжалась в сиденье.

— Нет-нет, продолжайте, если хотите, — сказала мисс Трант. Она была бы рада добавить что-нибудь тактичное и сердобольное, но не смогла сформулировать фразу, которая бы верно отражала ее чувства: нечто среднее между грубым безразличием и грубым же любопытством.

Ее спутница молчала минуту или две, потом ее мысли вновь потребовали выхода.

— Вы знаете, я бы так не расстроилась, — вдруг заявила она, — если бы он был со мной честен, если бы сразу сказал, что да как. Но он сбежал, как последний трус! Оставил мне крошечную записку! Я бы даже не знала, где он, не приди утром это письмо из Шеффилда — ну, с ее адресом. Конечно, я и раньше догадывалась, что он погуливает. Нет дыма без огня, верно? Когда муженек стал каждый вечер пропадать, я сразу заподозрила неладное. «Дела», — говорит, и поминай как звали! А на мне вся лавка… Видите ли, мы держим

небольшой магазинчик — конфеты, табачок, газеты и прочее, — и еще Эрик занимается страхованием. Ему и раньше приходилось уезжать по вечерам, но чтоб так часто! И я почувствовала, как он изменился — мы сразу чувствуем, правда? Хочет он втихомолку улизнуть, а тут я — он как вскинется, как заорет, мол, да что ты понимаешь в моих делах, не мешай работать и всякое такое. Ну, вы же знаете, когда они так заводятся, значит, рыльце в пушку. Это их совесть мучает, я считаю. Они понимают, что нашкодили, вот и бесятся. Сущие дети! Ну, я сперва делала вид, будто ничего не замечаю. А как иначе?

Им навстречу выехала большая машина. Она мчалась чуть ли не посреди дороги, и мисс Трант пришлось уделить ей внимание. Когда угроза миновала, она поняла, что совершенно ничего не смыслит в брачной тактике.

— Не знаю, — ответила она.

— Конечно, не знаете! Простите, я запамятовала. Так вот, тут либо сразу выводишь мужа на чистую воду, либо пускаешь все на самотек — будь что будет. Ну, я и пустила, добрая душа, теперь жалею. Чтоб я еще раз так сглупила! Я думала, что знаю его как облупленного. — Она помолчала и продолжила: — Его я и впрямь знаю! А

вот ее нет. Но мне уже кое-что порассказали, иначе меня бы здесь не было. Будь она хоть немного другой, я бы отпустила его на все четыре стороны. Есть у меня гордость или нет, в конце-то концов? Но его же попросту втянули в эту интрижку! Она его поманила, а он пошел. Я его знаю.

Тут она замолчала и свирепо уставилась вперед, на дорогу к Шеффилду, где бедный Эрик ждал свою спасительницу.

Вспомнив странную парочку в столовой, мисс Трант заключила, что миссис Типстед правильно оценивает положение. Персонажи забавной сценки вдруг превратились для нее в живых людей. Это было странно, даже пугало. Биение настоящей жизни под маской гротеска на миг внушило мисс Трант неприязнь; она понимала, что это неправильно, что думать так нехорошо. Это малодушный и гадкий снобизм, так рассуждают — о, ужас! — старые девы. Ей ничуть не хотелось замуж, особенно теперь, но при мысли о стародевичестве мисс Трант невольно содрогнулась. Нельзя так противиться событиям, людям, жизни, в конце концов, — надо принимать ее такой, какая она есть.

— До Шеффилда всего восемь миль, — объявила она.

— Знаете, мисс Трант… — Миссис Типстед помедлила. — Нам ведь можно чуток задержаться, правда? Я бы выпила чашечку чая, если удастся отыскать приличное место. Я с утра ничего не ела и страшно ослабла. Хорошо бы немного перекусить, как думаете?

— Вы совершенно правы! — с жаром ответила мисс Трант. — Выпьем чаю в ближайшей приличной закусочной.

Они подъехали к чайной и с удовольствием уселись за столик. Чай для миссис Типстед означал разговор по душам: после двух чашек она завела рассказ о сегодняшнем жутком утре. Обнаружив письмо, миссис Типстед призвала на помощь брата Вилли, который не раз ездил в Шеффилд и знал телефоны двух-трех гостиниц, где беглецы могли остановиться на обед.

— Но мы не стали звонить, покуда сами не отправились в путь. Из Личфилда, — добавила миссис Типстед. — Мы там живем.

— Личфилд! Так вот почему она сказала «Джонсон»[26]! — Мисс Трант почувствовала себя Шер-

[26] Примечания: 26

Сэмюэл Джонсон (1709–1784) — один из наиболее выдающихся английских литераторов, поэт, биограф и лексикограф, создатель «Словаря английского языка», над которым он трудился девять лет. Джонсон родился в Личфилде.

локом Холмсом (он с детства был ее любимым литературным героем). Долгими вечерами, годы напролет, она читала полковнику босуэлловскую «Жизнь Сэмюэля Джонсона», и отцовское увлечение Босуэллом и Гиббоном навсегда закрыло для мисс Трант тему восемнадцатого века.

— Что? Какой еще Джонсон? — Миссис Типстед уставилась на нее поверх намазанного маслом кекса.

— Ну, когда официантка позвала Типстеда, та женщина сказала, что его фамилия — Джонсон.

— Вот видите! — с горьким ликованием воскликнула миссис Типстед. — Он бы никогда такое не сказал. Но с этой бестии станется! Каких только слухов о ней не ходит! Что она из себя представляет?

Мисс Трант дала краткое и нелестное описание блондинки.

— Так и думала. Самое смешное, что я никогда ее не видела. Сдается, в Личфилде она недавно, три или четыре месяца — буфетчицей работает. До этого вроде как играла в театре, Вилли мне сказал. Ну, вы поняли, что за порода. Хотя… вы ведь настоящая леди, мисс Трант, откуда вам знать? Я и сама в этом ничего не понимаю, никогда не таскалась по театрам, гостиницам и

прочая. А вот Эрик — тот да. Всегда считал, что из него вышел бы хороший актер. И впрямь, комик был бы первый сорт — я порой хохочу до упаду, когда он кривляться начинает. Чую, на это она и клюнула — ну, еще на его внешность, конечно. Небось ходил туда каждый вечер, набирался малость и строил из себя комика — делов-то. А я гнула спину в лавке, вечер за вечером, вечер за вечером! — Тут она умолкла, борясь с гневом и слезами. — Мисс Трант, не хотите ли еще чашечку? Наверняка хотите!

Мисс Трант не хотела. Она была занята попытками увязать щеголя, кривляку и донжуана, которого нарисовала миссис Типстед, с робким кроликом из гостиницы.

Миссис Типстед налила себе еще чаю и, отпив глоток, продолжала откровенничать:

— Я вам расскажу, из-за чего он так изменился. Тогда я не могла поверить нашей удаче, а теперь смотрите, чем все обернулось… В марте Эрик занял первое место в конкурсе — выиграл пятьсот фунтов!

— Пятьсот фунтов! — Мисс Трант искренне удивилась. В ее представлении мистер Типстед в принципе не мог ничего выиграть, а уж пятьсот фунтов и подавно.

— Пятьсот фунтов, — со скорбной гордостью подтвердила его жена. — За «искорки», это такие короткие смешные фразы и поговорки. Он месяцами посылал в газету свои сочинения, заполнял купоны и отправлял их шестипенсовым почтовым переводом, пока однажды я не сказала: «Ох, ради Бога, Эрик, прекрати! Ты столько денег и времени потратил на эти искорки, что они у меня из глаз скоро посыплются». Конечно, сочинял он здорово, но я думала, что его искорок никто не читает, а призы отдают первым попавшимся участникам. А через две недели — то был вторник — пришли к нам два молодчика, один с фотоаппаратом, другой просто так, и сказали нам, что Эрик выиграл первый приз. Они нас сфотографировали, а под снимком — «Мистер и миссис Типстед получают чек от нашего представителя», — разместили длинное интервью: ну, как мы рады, на что потратим выигрыш и всякое такое. Я хотела, чтобы Эрик вложил деньги в страхование или купил магазин побольше, но он меня не слушал. А что я могла? Это его выигрыш, не мой. В общем, он захотел щегольнуть: купил машину, новые костюмы, то да се. Конечно, вся эта кутерьма с интервью и машиной вскружила ему голову. Вилли говорит, в городе его не ина-

че как «лорд Типстед» величают — с издевкой, ясно дело, но, по мне, так ему просто завидуют. За Эриком сразу стали увиваться женщины — у них нынче других дел нет, только за чужими мужьями бегать. Тогда-то и появилась эта бестия, проклятая разлучница, я таких разве что в кино видала. Вам не кажется, что у этого масла странный вкус, мисс Трант?

— Это маргарин. Я его не ем.

— И правильно. Скушайте лучше еще кекс. О чем это я? Ах да, я уже закончила, мисс Трант. Вы уж меня извините, все это так странно и необычно, я сегодня прямо сама не своя и не знаю, что говорю.

Вместо ответа мисс Трант задала вопрос:

— А дети у вас есть?

— Нет. Мы очень хотели, особенно я, да вот не сложилось. Может, оно и к лучшему… Хотя с детками мне бы не было так одиноко, правда? — Она чуть подавилась, кашлянула в платок и отпила чаю, едва сдерживая слезы.

— Будете кекс? — Предложение было явно неуместным, но ничего лучше мисс Трант не придумала.

— Может, съедим его пополам? Целый мне не осилить. Нет? Ну, тогда и я не буду. Сейчас допью

чай и поедем. С таким мужем прямо не знаешь, радоваться или печалиться, что у нас нет детей. Сколько я сделала для этого человека! На все ради него шла! Всю жизнь на него положила!

Последние фразы прозвучали чересчур бойко: они шли не от сердца, а из бульварных газет и дешевых любовных романов. Если бы эта миниатюрная женщина нравилась мисс Трант чуть меньше, она бы пропустила ее слова мимо ушей, но тут не удержалась:

— Вы меня простите, миссис Типстед, я очень хочу вам помочь. Не подумайте, что я бездушная или что я не понимаю смысл этих слов — ну, про «положить жизнь».

— Вот выйдете замуж, мисс Трант, и сразу поймете.

— Да, женой я не была, только дочерью. Но неужели все эти годы, живя с Эриком, вы никогда ничему не радовались и только жертвовали собой?

— Да я радовалась каждой минуте! — сердечно воскликнула миссис Типстед. — Конечно, у Эрика есть недостатки — он чересчур сорит деньгами и немного глуп, беспечен, знаете ли, — но лучшего мужа и пожелать нельзя. Я не говорю, что нам не бывало трудно, но мы радовались жизни, уж

поверьте.

— То есть вы бы не предпочли жить одной?

— Одной?! Я? — ужаснулась миссис Типстед. — Когда ни о ком не надо заботиться, некого встречать и провожать, никто не шутит и не утешает? Может, я чересчур старалась для Эрика, но всегда делала это охотно. Ну, если не считать последних месяцев, когда приходилось гладить ему брюки и чистить пиджаки, чтобы он встречался с этой… этой… жирной размалеванной буфетчицей! Ох, даже не спрашивайте, мисс Трант.

— Тогда не говорите, что положили на него жизнь. Вы прожили ее так, как сами хотели. Ну, то есть, как еще вы могли ею распорядиться? Простите, если я сказала лишнее.

Миссис Типстед покачала головой и минуту молчала, разбираясь в своих чувствах. Наконец она заговорила, и голос ее звучал совсем по-другому: тише и уверенней.

— Забавно, правда? Последнее время я часто думала об этом и понимаю, о чем вы толкуете. Если отдаешь человеку всю себя, то делаешь это по собственной воле. Но ужасно, когда с тобой так жестоко обходятся. Вы, верно, удивляетесь, чего я за ним бегаю. Конечно, я все еще люблю его, но у меня, как у всех, есть гордость — может,

даже больше, чем у всех. Просто я знаю Эрика, мне не впервой. Он слаб, мой Эрик, его только помани, и он пойдет. А эта женщина вцепилась в него мертвой хваткой, подчинила своей воле. Другой жены ему не надо, нет! Он просто хочет покрасоваться перед кем-нибудь, кто не знает его как облупленного. Поверьте, сейчас он уже раскаивается, а завтра будет волосы на себе рвать. Если он посмотрит мне в глаза и заявит, что не хочет возвращаться, я его отпущу. Просто уйду, не сказав ни слова. Но он так не сделает, вот увидите.

— Я тоже так думаю, — проговорила мисс Трант, вспомнив, как он робел и волновался в гостинице.

— Уж жена-то знает, мисс Трант, — убежденно сказала миссис Типстед, а в следующий миг подняла глаза и неожиданно изменившимся голосом прокричала: — Надеюсь, мисс, вы не возьмете с нас денег за масло — это чистый маргарин! — Вдоволь напрепиравшись с официанткой, она начала препираться с мисс Трант, которая хотела оплатить счет. Нет, миссис Типстед не хотела платить за все: она тщательно разделила счет пополам и оплатила свою часть.

Проехав несколько миль, они очутились в уютном холмистом пригороде и устремились

к обширным туманам, за которыми прятался Шеффилд.

III

Мисс Трант облегченно вздохнула. Наконец-то они отыскали нужную улицу: она была недалеко от центра, но почему-то все время от них ускользала, и последний час мисс Трант только и делала, что останавливалась, спрашивала дорогу, плутала по запруженным переулкам и уворачивалась от трамваев и грузовиков. Улица была унылая и мрачная, из тех, что последние сорок лет неуклонно теряют престиж: сперва на ней селятся зажиточные дельцы и банкиры, но постепенно дома отходят под меблированные комнаты для актеров, корсетные ателье, салоны хиромантов и прочие сомнительные заведения. Заканчивалась улица тупиком: высокой кирпичной стеной. Мисс Трант остановилась в нескольких ярдах за углом, они с миссис Типстед вышли из машины и теперь раздумывали, что делать.

— Смотрите! — вскрикнула миссис Типстед, показывая на что-то пальцем. — Это она! Выли-тая наша!

Рядом с домом на левой стороне улицы стояла

единственная машина — голубенькая «мерсия» мисс Трант, сомнений быть не могло. Как жаль, что нельзя забрать ее и тотчас уехать! Но объясниться все же надо. Может, получится сделать это без лишних драм, не впутываясь в дела Типстедов.

— Давайте я пойду первая, — предложила она. — Мне надо поговорить с вашим мужем. А как зовут ту женщину?

— Если вы про фамилию, то я не знаю. Подписалась она просто «Эффи». Вилли говорит, все в городе зовут ее Эффи. Еще бы! — злорадно фыркнула миссис Типстед.

— Нет, так не годится. Я отказываюсь идти туда и спрашивать Эффи. — Она задумалась. — Может, вам лучше пойти самой и позвать мужа?

— Нет уж. Вот что: я постою здесь и обожду немного, а вы подъедете на машине прямо к дому и спросите Эрика Типстеда. А я… я зайду позже. — Она была очень взбудоражена.

Немного помедлив, мисс Трант согласилась, хотя намерения миссис Типстед остались ей неясны. Если ждать придется долго, неужели она так и будет стоять на улице? Мисс Трант подъехала к дому, удостоверилась, что машина действительно ее (сзади лежал весь собранный утром

багаж), и тихо постучала в дверь — ей вдруг стало неловко, почти стыдно, словно она была шпионкой. Впрочем, ее стеснение быстро улетучилось: никто не подходил, и пришлось хорошенько поколотить дверь кулаком (с ней явно уже много лет не проделывали ничего подобного). Тут мисс Трант заметила старинный дверной звонок с круглой ручкой, которую надо тянуть на себя. Она потянула — ни звука. Она дернула сильнее, и в руке у нее оказался ярд проволоки. Разумеется, в ту же секунду дверь отворилась.

— Добрый вечер, — сказал открывший ее человек.

— Добрый, — охнула мисс Трант, чувствуя себя в высшей степени глупо. Она выпустила ручку колокольчика, и та скорбно повисла на конце проволоки.

— Пришлось повозиться, а? Старье все это, старье! Нынче везде электрические стоят. Не вздумайте волноваться, — благожелательно сказал он. Это был дородный пожилой человек с внушительным красным носом, не менее внушительным щетинистым подбородком и в очках, сдвинутых на мокрый лоб. В одной руке он держал газету, в другой — короткую глиняную трубку. Ни воротничка, ни пиджака на нем не

было, пуговицы он тоже обошел вниманием и вообще всем своим видом олицетворял самую неблаговидную праздность.

— Скажите, мистер Типстед здесь?

Человек вытащил изо рта трубку и призадумался.

— Типстед? Типстед? А вы, часом, не в Общество взаимопомощи «Синица в руке» пришли? Тогда вам нужна третья дверь справа. Их посетители часто сюда по ошибке забредают.

— Нет-нет, мне сказали, что мистер Типстед остановился здесь. Понимаете, он случайно уехал на моей машине.

Его глаза округлились, потом один из них подмигнул.

— А, вы про дружка нашей Эффи! — шепнул он. — Мне рассказали про машину. Правда, фамилию этого малого я не знал. Эффи зовет его «Эрик». Эрик или Мало-Хомалу, так я его окрестил. Ему, кажись, не понравилось. Входите.

Как только мисс Трант проследовала за ним в обшарпанный коридорчик, из дальней двери выглянула уже знакомая нам крупная блондинка.

— Кто там, Дядяртур? — крикнула она.

— Не спеши, не спеши! Сейчас узнаешь. — И дядя Артур провел мисс Трант в крошечную

темную квартирку, битком набитую столиками, безделушками, резными фигурками и фотографиями. Среди них, почти неотличимый от резных фигурок и безделушек, сидел и испуганно дымил сигаретой мистер Типстед.

Мисс Трант сразу же обратилась к нему:

— Возможно, вы меня помните, я обедала за соседним столиком в гостинице. Вы уехали на моей машине…

Больше она ничего не успела сказать. Мистер Типстед вскочил на ноги, и они с Эффи принялись наперебой объяснять ей, что случилось. Несколько минут они тараторили, перебивая и поправляя друг друга, но рассказ завершила все же Эффи:

— И вот на одном чемодане мы нашли ваше имя, адрес и как раз сели вам писать, правда ведь, Эрик? Он хотел отогнать вам машину, правда, Эрик? Мы телеграфировали в гостиницу, спросили про нашу машину, она ведь осталась там без присмотра, ее могли и угнать, правда же, Эрик?

— Ваша машина здесь, на улице.

— Здесь?!

— Да, — кивнула мисс Трант. — Я на ней приехала.

— Слава Богу! — вскричала Эффи и шумно выдула воздух из легких. От волнения она сбросила

напускные жеманные манеры и превратилась в саму себя — необузданную вульгарную болтушку.

Слабая улыбка осветила лицо мистера Типстеда, у которого по-прежнему был загнанный вид.

— Ну, вот и хорошо. Спасибо вам большое, мисс… э-э… Трант. Правильно же, мисс Трант? Мы нашли ваше имя на чемодане… Можно поменяться прямо сейчас? Вы нормально доехали? Мы доехали отлично, машина у вас такая же, только чуть поновее моей.

— Подумать только! — Ясные глаза Эффи под густо подведенными ресницами забегали от мистера Типстеда к мисс Трант, а от мисс Трант к Дядяртуру, который прислонился к двери и попыхивал глиняной трубкой, с интересом наблюдая за сценой. — Вы не представляете, как мы рады, мисс Трант. Эта заминка нам чуть все не испортила, правда, Эрик? — Она широко улыбнулась мистеру Типстеду и обхватила его за плечи. У нее была крепкая, добротная рука, отважно и властно выходившая из короткого рукава сиреневой блузки. Рука эта словно бы заявляла миру, что готова защищать Эрика от всех горестей и невзгод, какие встретятся на его пути. Мистер Типстед робко поежился.

— Ну, мисс Трант, — продолжала Эффи, — присаживайтесь и чувствуйте себя как дома. Дядяртур, если хочешь составить нам компанию, будь любезен, надень пиджак и воротничок, а то вид у тебя совсем уж непрезентабельный. Мы все-таки не одни, у нас гостья. Ты сегодня играешь в театре?

— Играю. — Дядя Артур надул щеки и принялся пилить руками воздух, мастерски изображая тромбониста. — Пом-пом-поппа-пом, пом-пом-поппа-пом! На этой неделе дают «Девушку из автомастерской», оркестр играет в расширенном составе, вот меня и позвали. Не волнуйся, скоро я перестану мозолить вам глаза, уйду переодеваться. — Он театрально подмигнул мисс Трант, словно бы говоря: но мы-то с вами знаем, правда?

Мисс Трант не знала, однако же улыбнулась. Дядя Артур пришелся ей по душе; мысль о том, что он из тех таинственных созданий, которые спокойно сидят в яме под сценой и дуют в трубы или пиликают на скрипках, повергла ее в трепет. Она всегда любила театр, его чарующую нелепость, но часто ходить на представления не могла.

— Вы наверняка устали, мисс Трант, — тараторила Эффи. — Садитесь, чувствуйте себя как

дома.

— Нет, спасибо. Недоразумение благополучно разрешилось, так что я поеду. — Тут до мисс Трант дошло, что она понятия не имеет, куда ехать.

Эффи была очень огорчена, почти убита.

— Ах, вы из-за нас столько проехали, вернули Эрику машину, а мы отняли у вас почти целый день! Мы не можем просто так вас отпустить, правда, Эрик? Да что с тобой, Эрик? Ладно, не отвлекайте его. Он крепко о чем-то задумался, какая-то важная мысль варится в его головке — если мы минуту помолчим, он непременно с нами поделится.

От такой насмешки поморщился бы даже слон, но на мистера Типстеда она не произвела никакого впечатления: разинув маленький кругленький рот, он продолжал сверлить мисс Трант недоумевающим взглядом.

— Я просто пытаюсь понять… — наконец выдавил он, хихикнув, — не соображу, мисс Трант, как же вы нас отыскали? На багаже ведь нет адреса, правда?

— Понятия не имею, — беспечно ответила мисс Трант. — Я на ваши сумки даже не смотрела.

— Ой, а я и не подумала! — Глаза Эффи забегали между ними. — Загадка! У вас наша машина, а у

нас ваша, все остальное меня не волновало. Но как вы нашли наш дом? Эй, в чем дело? — В дверь постучали. — Дядяртур, открой, пожалуйста.

— Небось увидели две машины у входа и пришли задирать арендную плату, — заметил дядя Артур, озорно поглядывая по сторонам. Он ушел, и из коридора донесся его веселый хохоток.

— Ничего, что мы спрашиваем? — продолжала Эффи. — Все это и впрямь очень странно, не находите…

Мистер Типстед поднял руку.

— Минутку. — Он встал, дрожа всем своим крошечным телом, и прислушался к голосам из коридора.

— Что такое? Кто там? — закричала Эффи, тоже встревожившись.

— Это она, — обреченно выдавил Эрик. Казалось, что кровь и впрямь отхлынула от его лица; он пришел в ужас.

В комнату вошла миссис Типстед: миниатюрная, но крепкая, полная жизни и энергии, вся ощетинившаяся. Она замерла, мельком взглянула на ошарашенную Эффи и уставилась на съежившегося мужа.

— Как видишь, Эрик, я поехала за тобой.

Эффи предприняла последнюю попытку силой

взять положение в свои руки:

— Эй, кто вас сюда пустил? Что вам нужно?!

Силы миссис Типстед оказались абсолютно равны.

— Что мне нужно?! — вскричала она и показала на несчастного Типстеда: — Мне нужен он, мой муж!

— Господи! — простонал дядя Артур и тут же закрыл дверь, предусмотрительно оставшись с другой стороны.

— Итак, Эрик, — энергично продолжала миссис Типстед, — я не собираюсь закатывать тут скандал. Ты должен сделать выбор здесь и сейчас. Решай: или ты остаешься с этой женщиной, или возвращаешься со мной в магазин. Третьего не дано. Учти, я даю тебе последний шанс.

— Эрик, нет! Ты ведь не уедешь, правда, Эрик? — Казалось, Эффи сейчас всем телом бросится на мистера Типстеда, и тот, несомненно, рухнет как подкошенный. Он съежился еще больше, попятился, облизнул губы и принял совсем уж забитый вид. — Ты обещал, Эрик! — кричала Эффи, стремительно теряя власть над собой.

— Помолчи и дай ему подумать, — скомандовала миссис Типстед. — Пусть сам примет решение.

Наступила тишина.

— Ну? — спросила миссис Типстед.

Эрик поднял глаза, опустил глаза, откашлялся, шаркнул одной ногой, еще раз откашлялся, шаркнул второй ногой и выдавил что-то совершенно нечленораздельное.

Вновь воцарилась тишина.

Разбила ее мисс Трант, разбила вдребезги — мисс Трант, которой вообще не должно было здесь быть. Она взглянула на мистера Типстеда, такого бессловесного, такого жалкого, и ее разумом овладел гнев вперемешку со стыдом: они поочередно пронзали ее и кололи, пока она не потеряла всякое терпение.

— Ох, ради всего святого, скажите же что-нибудь! Или сделайте! — закричала она, хлопнув в ладоши и топнув ногой. — Не стойте истуканом! Проявите мужество, возвращайтесь домой или оставайтесь тут! Что угодно, только не это! Вы… вы отвратительны! — От волнения мисс Трант даже не подивилась самой себе, хотя в жизни никому не говорила ничего подобного.

Мистер Типстед ничего не сказал, зато сделал: медленно, свесив голову, точно глубоко пристыженный мальчишка, он подбрел к двери, открыл ее и вышел в коридор. Он возвращался домой. Его

жена без слов последовала за ним. Оставшиеся в комнате замерли: Эффи буравила взглядом открытую дверь, глупо оттопырив нижнюю губу. Несколько секунд спустя на пороге вновь появилась миссис Типстед.

— Он забыл шляпу, — заявила она, взяла шляпу с серванта, бросила на мисс Трант улыбчивый взгляд и вышла, на сей раз закрыв за собой дверь. Вскоре с улицы донесся звук заводящегося двигателя.

Не успела мисс Трант прийти в себя, как Эффи вдруг неприятно оживилась. Она забегала по комнате, причитая: «Ах, он ушел, ушел! Я его потеряла, потеряла!» — или что-то в этом духе, — в отчаянии махнула рукой и сшибла с каминной полки большую розовую вазу. Видимо, веселенькая ваза вывела ее из себя, поскольку в следующий миг Эффи схватила ее и вдребезги расколотила о каминную решетку. Затем она бросилась в кресло и горько зарыдала, дрожа всем телом и барабаня ногами по полу.

Выглядело это пугающе: Эффи все-таки была не тростинкой, а женщиной весьма выдающихся размеров. Крошечная комната могла и не выдержать подобного проявления чувств. Поразительно, что вызвал их не кто иной, как мистер

Типстед. «Через минуту она забьется в истерике», — подумала мисс Трант и представила, как прижимает Эффи к полу — однажды ей пришлось успокаивать так одну горничную. Мисс Трант попрекнула себя за то, что не уехала раньше: теперь уезжать точно было нельзя.

— Хватит, хватит! — воскликнула она и шагнула вперед, намереваясь что-нибудь предпринять. Но что? Обычные утешения тут не помогут: это все равно что погладить по головке землетрясение.

— Так-так-так, что за шум?

Перед ними отдувался и пыхтел дядя Артур.

— Малый ушел? — спросил он мисс Трант. — Кажется, я их слышал. Ну же, девочка моя, крепись, крепись. — Он с любовью похлопал племянницу по плечу. — Ушел — и слава Богу, твой кавалер гроша ломаного не стоил. Ну же, девочка, успокойся, успокойся.

Эффи отказывалась успокаиваться. Она яростно скинула с плеча его руку, опять затопала ногами и завыла еще громче.

— Пожалуй, тебе лучше выплакаться, — философски заметил дядя Артур и осмотрел камин. — Ну вот, отбила весь орнамент, — сообщил он мисс Трант и потом заговорщицки

прошептал: — Ничего не поделаешь, такая натура. Горячая кровь — это у нас семейное. Если уж мы заводимся, то заводимся, а если грустим, то грустим. Бесплатное приложение к таланту, вся семейка у нас такая. Ее матушка — моя сестра — пела «Пропойцу-органиста» так, что весь зал плакал, но стоило ее разозлить, как она принималась крушить все, что под руку попадалось. А ее дедушка — мой отец — был лучшим баритонистом оркестра «Старая канава». Кое-кто ехал за пятьдесят миль, чтобы послушать его «Смерть Нельсона» — но если он не хотел играть, то уговаривать было бесполезно. И дело вовсе не в пиве, — убежденно добавил он, словно желая пресечь мысль, которая первым делом пришла бы на ум его собеседнице. — Выпить он любил, но дело было не в спиртном, а в горячей крови — это у нас семейное. — Дядя Артур уже переоделся к выступлению: на нем был заношенный фрак с жилетом, затейливый отложной воротничок и узенький черный галстук. Он заметил удивленный взгляд мисс Трант и хитро подмигнул. — Да-да, — самодовольно проговорил он, — я знаю, что вы подумали.

— Правда? — удивилась мисс Трант. — И что же?

— Вы подумали: «Он забыл переодеть брюки», вот что.

Мисс Трант рассмеялась:

— Угадали!

На дяде Артуре и впрямь были те же потрепанные домашние брюки — причем синего цвета.

Он опять подмигнул.

— Чего не увидят глаза, то почувствует сердце, — заметил он. — Парадным должен быть только верх, а вниз можно надеть хоть килт с деревянными башмаками, никто не обратит внимания. Вот пойдете в театр — сами увидите.

Оставшись без внимания, Эффи прекратила плакать и закричала:

— Правильно, Дядяртур, так и надо! За меня не волнуйся! Стоишь тут и болтаешь про брюки и килты… а у меня, между прочим, горе!

— Тебе вроде полегчало, девочка моя?

— Нисколько! — И в доказательство своих слов она вновь зарыдала.

— Ну, мне пора, — заторопился дядя Артур.

— Мне тоже, — сказала мисс Трант.

— Нет, нет, мисс Грант! — завопила Эффи. — Не бросайте меня! Если я останусь одна, то за себя не ручаюсь, честное слово. Прошу, не уезжайте.

Дядя Артур страдальчески взглянул на мисс

Трант:

— Будьте человеком, мисс, составьте моей девочке компанию. Вы ведь не очень спешите?

— Никому я не нужна! — ныла Эффи.

— Еще как нужна! — сердечно заверил ее дядя. — Мисс Дент останется и присмотрит за тобой, правда же? Ну все, я убежал. Будь умницей! — И, подмигнув напоследок мисс Трант, он отбыл.

Эффи шмыгнула носом и принялась вытирать слезы.

— Чую, видок у меня тот еще. — Несомненно, так оно и было. — Присаживайтесь и чувствуйте себя как дома. Конечно, если у вас много дел, я не стану вас задерживать. Но если нет, я была бы очень признательна за компанию. Я совсем одна… боюсь, у меня от всех этих переживаний случится истерика. Я и так всю неделю сама не своя, а теперь это… Жаль, у Дядяртура спектакль, иначе бы он со мной остался. Он хороший, Дядяртур, и дом этот его. Верней, мы тут втроем живем: я, моя сестра Элси и Дядяртур. Еще мы сдаем комнаты артистам, потому что в нашей семье все были артисты, я и сама одно время играла, потом бросила, очень это тяжело для моей слабой психики, а Элси — она моложе меня и страшно талантлива — до сих пор выступает,

ездит с концертной труппой. — Слова сыпались из нее непрерывным бурным потоком, пока сама она вытирала глаза и приглаживала волосы. Как ей удавалось говорить так быстро и так много сразу после истерики, оставалось загадкой.

— Мисс Грант… — опять начала она.

— Трант, — поправила ее леди.

— Ой, простите, пожалуйста! Конечно, Трант, конечно. Сперва я помнила ваше имя, но от всех этих волнений из головы вылетело… А мою фамилию вы знаете? Лонгстаф. — Она встала и посмотрела на себя в зеркало. — Перво-наперво мне надо привести себя в порядок. Я сбегаю наверх, если не возражаете. Снимайте шляпу, мисс Трант, устраивайтесь поудобней. Не хотите выпить чаю и перекусить?

— Вы ужасно любезны, — сказала мисс Трант, по-настоящему тронутая ее гостеприимством. Все-таки она не просто нагрянула в чужой дом, а фактически сыграла роковую роль в этом спектакле — разве не она привезла сюда миссис Типстед? Но Эффи почему-то не хотела ее отпускать, — возможно, сегодня вечером ей было необходимо выговориться. — Но я недавно пила чай и пока сыта, спасибо. — Вообще-то мисс Трант разумно подходила к питанию и уже задумалась

об ужине.

— Так вы перекусывали днем, — сказала Эффи, — а в наших краях принято еще и полдничать. Правда, в этом доме ужин — большое дело, сейчас объясню почему. Видите ли, Дядяртур работает в театре и сдает комнаты людям своего ремесла, а они никогда не наедаются перед выступлением. Вот после — часов в десять или одиннадцать — им подавай плотный ужин, поэтому миссис Мур — она приглядывает за домом — уходит днем по своим делам, а вечером возвращается и готовит горячее.

— Странный образ жизни, — заметила мисс Трант. — Как же они после этого спят?

— А они не спят, в смысле, ложатся очень поздно. Зато по утрам высыпаются. А перед спектаклем никогда не едят, так-то. Взять хоть наших теперешних постояльцев — я их еще не видела, мне Дядяртур рассказал, что они опять приехали — «Четыре цыгана» — акробаты, не слыхали? — славные ребята — в общем, если они наедятся перед выступлением, то через десять минут можно вызывать «скорую», ей-богу. Дядяртур тоже не ест, говорит: «Дайте мне запеченных почек с мясом перед концертом, и с тем же успехом можете засунуть в тромбон кусок мыла». С

набитым животом плохо играется.

— Понятно. Но вам-то голодать незачем, верно?

— Конечно! Тем более к ужину меня все равно сегодня не ждут. Вот я и предложила вам закусить. Я мигом что-нибудь состряпаю — без затей, конечно, на скорую руку. Вы уж не взыщите.

Чтобы не пришлось потом взыскивать, мисс Трант внесла дельное предложение:

— Слушайте, давайте лучше найдем какую-нибудь гостиницу и там поужинаем. Я сегодня вряд ли уеду из Шеффилда, так что мне все равно придется искать ночлег. Да и машину надо где-то оставить.

— Эти цыгане — правда, один из них карлик — вы таких коротышек нигде не увидите — заняли у нас все комнаты, но я могла бы вас куда-нибудь впихнуть…

— Право, не стоит! Но спасибо за предложение. — При мысли о том, что ее будут куда-то впихивать, передернуло даже новую, отважную мисс Трант. — Лучше покажите мне приличную гостиницу, где можно поужинать и заночевать.

— С радостью! — воскликнула Эффи. — Как это мило с вашей стороны! Скажу даже больше, если позволите: после таких переживаний мне будет

на пользу немного развеяться в дружеском кругу. Ну-ка! — Она замолчала и прислушалась. — Опять кто-то стучит. Хоть бы из «Синицы в руке», а то я уже боюсь! — Эффи хихикнула, вышла из комнаты и через минуту вернулась с телеграммой. — Это Дядяртуру. Интересно, кто может слать ему телеграммы? Я прочту, у нас нет друг от друга секретов. — Как и следовало ожидать, она сразу зачитала телеграмму вслух. — Вот, послушайте: «Шоу погорело все на мели пришли вещи пассажирским поездом еще три фунта хоть немного где Эффи». Подпись: «Элси». Ну дела! Что вы на это скажете? — Она уставилась на мисс Трант.

— Ничего не скажу, — ответила та, — я и половины не поняла. Что случилось?

— Она же не знает, что я здесь! — воскликнула Эффи. — Ручаюсь, она звонила в Личфилд, а там сказали, что я уехала неизвестно куда. Это из Роусли. На прошлой неделе они выступали в Роусли. Как это похоже на Элси — прислать длиннющую телеграмму! Ведь больше шиллинга за нее выложила, как пить дать. У таких девчонок всегда находятся деньги на телеграммы, даже если в кармане ни гроша. Писать им, видите ли, неудобно, артисты никогда не пишут писем.

— Хорошо, но что все это значит? — От любопытства мисс Трант начала терять терпение. Ей представилась восхитительная возможность — хоть одним глазком заглянуть за кулисы театра.

— Да все же понятно: шоу вдруг прогорело. Элси ездила с труппой странствующих комедиантов, и все артисты теперь на мели. Обычное дело. Когда несколько недель нет выручки, антрепренер запросто может сбежать, а они внакладе. Так и случилось в… как бишь его, Роусли!

— А где это?

— В центральных графствах, милях в тридцати — сорока от Личфилда. Больше ничего не знаю, я про Роусли слыхом не слыхивала. Разъездные труппы обычно играют в таких городишках, когда на побережье заканчивается курортный сезон. Теперь она просит выслать ей поездом какие-нибудь вещи и пару-тройку фунтов, чтобы оттуда выбраться. Какой-нибудь мерзкий старикашка небось забрал у нее все вещи, пока она не заплатит за комнаты. Утром соберу ей корзину с оставшимся реквизитом и, если у Дядяртура найдется фунт-другой, — у меня-то точно нет, — первым делом вышлю деньги.

— А адрес у вас есть? — Мисс Трант спрашивала не из вежливости, ей действительно было

любопытно.

Эффи растерялась.

— Это в ее репертуаре! Выслала длиннющую телеграмму, а адрес указать забыла!

— Может, отправить корзинку в театр?

— Они выступали не в театре, в Роусли вообще нет театра. В таких дырах приходится три вечера отыгрывать на Зерновой бирже, а потом еще неделю в концертном зале. Я на своей шкуре испытала! Никаких тебе гримерных, жуткие сквозняки и занавес не работает. Так что высылать придется на почту — деньги, в смысле, — а вещи на вокзал. Сплошная головная боль. Ладно, пойду приведу себя в порядок, а поболтаем за ужином. Не хотите подняться?

— Нет, спасибо. У меня все в машине, я займусь собой позже, в гостинице.

— Ну хорошо. Я быстро. Можете пока посмотреть наши фотографии.

Все стены были завешаны снимками, и следующие пятнадцать минут мисс Трант провела за их разглядыванием. Ей казалось, будто она смотрит в замочную скважину на новый, неведомый мир. Там были фотографии тучных дам в трико, дородных прекрасных принцев и диков уиттинг-

тонов[27], миниатюрных леди в балетных пачках и костюмах пьеретт, джентльменов в вечерних фраках, помятых цилиндрах и чудовищных клетчатых брюках, а то и верзил в леопардовых шкурах на голое тело да в тяжелых сапогах на шнуровке. Негры, феи, бродяги, пьеретты улыбались мисс Трант одинаковыми широкими улыбками. Почти каждую фотографию сопровождало не только емкое описание, сделанное журналистом («Ведущий комик „Горячего времечка“», «Исполнительница роли Матушки-Гусыни», «Актеры „Финтифлюшек“ на сцене» и так далее), но и какая-нибудь приписка, щедро сдобренная восклицательными знаками: «С любовью!!» или «Ах вы, мои молодчины!!!» Несомненно, люди на этих фотографиях купались во всеобщей любви; их победные улыбки свидетельствовали о громкой славе и ни о чем другом. Мисс Трант не верилось, что эти искрометные создания могут сидеть на хлебе и воде в захолустных городишках, тратя последние шиллинги на телеграммы с мольбами о помощи. Однако вернуться в действительность ей помогла открытка — сплошь широченные улыбки, рюши и помпоны, — от бедной Элси,

[27] Примечания: 27

Дик Уиттингтон — герой английской сказки, мальчик, который благодаря своей кошке разбогател и впоследствии стал мэром Лондона.

которая теперь застряла в забытой всеми глуши. Увиденное произвело незабываемое впечатление на мисс Трант: ей будто открылся неведомый прежде мир, столь же далекий и сказочный, как миры воинственных гугенотов и Красавчика принца Чарли из ее любимой исторической прозы, только этот был в двух шагах от нее, стоило повернуть за угол. Пожалуй, именно тогда она впервые шагнула навстречу новому миру. Мысль эта сперва взбудоражила ее, потом насмешила, но так и не исчезла, а исподволь звучала в ушах, словно привязчивая мелодия.

В комнату влетела Эффи. Мисс Трант надеялась, что та, учитывая последние события, немного умерит свою страсть к вычурным нарядам. Она ждала увидеть чуть повеселевшую внутри, но поскромневшую снаружи Эффи. Однако та выглядела броско, как никогда: желтые волосы пышно начесаны, брови и ресницы густо намазаны черным, губы — безжалостная клякса киновари, платье ярко-зеленое, а в руках поддельная испанская шаль, грозившая навеки сгубить репутацию своей хозяйки.

— Не знаю, надевать ее или нет, — раздумчиво проговорила Эффи. — Красивая, правда?

— На вашем месте я бы это не надевала, —

убежденно ответила мисс Трант и с облегчением увидела, как ее новая знакомая безропотно убирает шаль подальше. Правда, вскоре выяснилось, что наверху, у себя в комнате, Эффи устроила своей печали последний бой; она собрала остатки армии из гардероба и туалетного столика и одержала кратковременную победу, но на большее, увы, оказалась неспособна. Выглядела она как победитель, однако все больше и больше падала духом. Когда они поставили машину на стоянку, сняли номер в гостинице и сели ужинать, Эффи уже не тараторила без умолку. За супом она выглядела так печально, как только может выглядеть за супом столь крупная дама столь яркой расцветки. Потом Эффи ударилась в сантименты и откровения. Нет, она говорила не об Элси и не о Дядяртуре; в мыслях она вновь была с мистером Типстедом.

— Сперва я ни в грош его не ставила, мисс Трант, — скорбно призналась она, — считала его жалким хвастуном. А он все ходил, ходил, и мы иногда болтали про то, как он занял первое место на конкурсе. Меня такими штуками не проймешь, знаете ли, а к комплиментам и прочим глупостям я привыкла; работала в театре, потом в гостиницах… За мной всегда ухаживали

мужчины — ну, или просто делали вид, чтоб скоротать время. Словом, он все приходил, и мы начали обмениваться разными шуточками. Я порой до упаду хохотала — с первого взгляда и не скажешь, что он такой шутник, правда?

— Никогда бы не подумала, — без промедления ответила мисс Трант.

— А зря. Но это так, ерунда, у меня и посмешней кавалеры бывали — покойника рассмешат, если придется. Однажды я гуляла по городу — выходной, делать нечего — и случайно встретила его. Мы поболтали, присели на лавочку, и он стал расспрашивать меня про мою жизнь, где я бывала и все такое, потом рассказал про себя: как он женился по ошибке, жена его не понимает, ей лишь бы деньги заколачивать…

— Должна заметить, это наглая ложь, — вставила мисс Трант. — Она понимала его даже слишком хорошо. Но мужчины всегда так говорят, по крайней мере в романах и пьесах.

— В жизни они могут сказать что угодно, лишь бы своего добиться. А мы им верим. Хотя… верим мы лишь тому, во что хотим верить, — с неожиданной проницательностью добавила Эффи. — В общем, слово за слово, так все и началось. Мне стало жаль его, а он пожалел меня — на сочув-

ствие я и клюнула. Еще бы не клюнуть, когда день-деньской жирные толстосумы вешают тебе лапшу на уши. И не успела я оглянуться, как влюбилась: только о нем и думала, готова была на край света за ним идти. Ну, вы понимаете…

— Едва ли, — поколебавшись, ответила мисс Трант и невольно вспомнила о высоком шотландце, судовом враче с низким голосом, блестящими волосами и выразительными скулами. Хью Макфарлан. Как же странно о нем думать! Но разве не про него она вспомнила, когда узнала о помолвке Дороти? Давно пора выбросить его из головы — в конце концов, ей известно о нем даже меньше, чем о мистере Типстеде. Хотя и это очень странно… Погрузившись в свои мысли, мисс Трант почти не слушала Эффи. Последняя сказала что-то про то, какая мисс Трант хорошенькая. Слово вывело ее из оцепенения.

— Хорошенькая! Смеетесь? Никогда я хорошенькой не была.

— Вздор! — со всей серьезностью воскликнула Эффи. — Только не подумайте, что я вам льщу — никогда никому не льстила, это не в моих правилах. Разумеется, вы хорошенькая. Быть бы мне хоть вполовину такой хорошенькой! Волосы красивые, и глаза, и зубы — они ведь не

вставные? — и личико, и фигура такая стройная — загляденье! Вы уж меня простите, мисс Трант, но я бы на вашем месте одевалась поярче. Конечно, вы настоящая леди и выглядеть должны изысканно, но с изысканностью можно ненароком переборщить, если вы меня понимаете.

Мисс Трант не понимала — или не желала понимать. Помимо прочего, Эффи предоставила ей несколько «полезных советов и идей, каких не найдешь ни в одной книге» — тараторила она быстро и с пониманием дела, но не без известной доли меланхолии, как будто для нее все уже кончено и она лишь выкрикивает последние напутствия людям на исчезающем вдали берегу. Большую часть советов мисс Трант тут же отмела, не желая превращаться в ходячую олеографию, однако время от времени в словах Эффи проскальзывало здравое зерно, и эти слова все больше подвигали мисс Трант на переоценку собственной персоны. Стоило ей услышать комплимент в свой адрес, как она вся превратилась в слух. Элизабет Трант из Олд-Холла, Хизертон-он-зе-Уол, ужинала в шеффилдской гостинице с дородной, шумливой и вульгарно накрашенной буфетчицей, от которой сегодня ушел чужой муж; услышав комплимент от вышеупомянутой

особы, дочь полковника Транта вдруг оживилась и повеселела — пожалуй, такой живой и веселой она не была уже много лет. Хизертон не поверил бы своим глазам.

Как знать, что именно — беседа ли с буфетчицей, фотографии в гостиной, неожиданная потеря интереса к соборам, ливерпульским и любым другим, или все это вместе заставило мисс Трант предложить Эффи свои услуги? В жизни она примет еще немало решений, но все они — такой пустяк в сравнении с этим, столь важным и поистине судьбоносным, что остальные недавние события кажутся лишь увертюрой к нему. Решение далось ей без труда; как обычно бывает, ничто не предвещало, что в руки мисс Трант попадет тот самый рычаг, которым переворачивают миры. Эффи вернулась к разговору о мистере Типстеде, чье солнце еще согревало ее последними закатными лучами; потом довольно мрачно рассказала о себе и своих планах на будущее, намекнув на один шеффилдский паб для джентльменов, где ей, вероятно, удастся склеить разбитое сердце; и, наконец, вновь завела беседу о застрявшей в Роусли сестре, которая ждала от нее деньги и корзину с вещами. Тут-то мисс Трант и внесла свое предложение.

— Если хотите, я могу все отвезти, — совершенно спокойно сказала она. — Мне в любом случае по пути, потому что никакого пути, признаться, у меня нет. Я хотела съездить в Ливерпуль, посмотреть на собор, но отчего бы мне не съездить в Роусли и не встретиться с вашей сестрой?

Эффи, конечно, согласилась. Было решено, что утром мисс Трант заедет к ней домой, возьмет корзину и ту сумму денег, какую Дядяртуру удастся наскрести в столь короткий срок. Найти Элси, подчеркнула Эффи, не составит труда: от жителей крошечных городков вроде Роусли ничто не укрывается. Она принялась описывать сестру и чуть не выложила всю ее биографию, пока мисс Трант, сославшись на тяжелый день, не выразила желание подняться к себе. Эффи тут же умолкла, потащила ее наверх и собственными руками уложила в кровать. Когда мисс Трант наконец осталась одна, ее в самом деле сморила усталость.

День выдался такой длинный, насыщенный событиями и чужими жизнями, всей этой типстериадой, что теперь он будто придавил мисс Трант к постели. Вынести его тяжесть без темноты и тишины было совершенно невозможно, поэтому мисс Трант выпроводила Эффи за порог (ее

слезливое настроение сулило продолжительные объятия), с облегчением встретила прохладную пустоту гостиничной спальни, безликой, словно упаковочный ящик, и окончательно простилась с уходящим днем. Коротко говоря, мисс Трант ничуть не пожалела о переменах в своих планах и спала очень хорошо.

IV

Вот как случилось, что на следующий день она оказалась в нескольких милях от Роусли. Сзади, поверх ее сумок, стояла корзина с театральным реквизитом, собственность Элси Лонгстаф, а в сумочке лежало письмо от Эффи и конверт, в который Дядяртур положил грязную банкноту в один фунт и столь же грязные десять шиллингов — все, что успел наскрести. Она намекнула, что могла бы и сама одолжить Элси немного денег, но Дядяртур отказался. Мисс Трант ни разу не пришло в голову, что ей, незнакомке, доверили столь важную миссию, а Дядяртур с Эффи ни разу о том не обмолвились; все это, согласитесь, делает честь ее новым знакомым.

Дождь, загнавший мистера Окройда под деревья, вынудил мисс Трант поднять крышу автомобильчика. С первыми лучами солнца она

остановилась убрать ее, но дальше не поехала: машина не заводилась. Мисс Трант крутила ручку, пока не выбилась из сил, и давила на стартер, пока тот вообще не перестал подавать признаков жизни, а в перерывах с надеждой заливала карбюратор. Бесполезно: двигатель не заводился, не кашлял и даже не чихал. Мисс Трант с тоской поглядела на таинственные трубки, провода и цилиндры. «Глупость какая! — сказала она себе. — Все выглядит абсолютно так же, как всегда, но почему-то не заводится!» Делать было нечего: только ждать, пока мимо проедет кто-нибудь сведущий. Поскольку на дорогах нынче полно людей, знающих толк в автомобилях, мисс Трант не очень-то переживала. Однако дорога на Роусли в тот день была на редкость безлюдна: прошло десять минут, а мимо никто не проехал. Через некоторое время вдалеке показался чей-то силуэт. Разумеется, то был мистер Окройд, шедший навстречу своим приключениям.

Когда он подошел ближе, мисс Трант заметила у него в руках сумку с инструментами и — подумать только! — старинный плетеный чемоданчик вроде корзины. Потом стало видно, что у этого крепкого работяги средних лет приятное широкое лицо и ярко-синие глаза. Коричневая

кепка, нахлобученная на затылок, явно была ему маловата. При виде этой кепки и чемоданчика мисс Трант захотелось расхохотаться, но она просто улыбнулась и спросила, не разбирается ли он, случаем в автомобилях.

Мистер Окройд не снял кепку и даже не приподнял, а еще больше заломил на затылок — таким образом он выразил почтение леди, не умалив при этом собственного достоинства.

— Как сказать… И да и нет, — ответил он на вопрос об автомобилях и улыбнулся в ответ. Его лицо добродушно сморщилось в ярких лучах солнца.

— Надеюсь, ваше «да» относится к этой машине, потому что она не заводится. Вы не взглянете на двигатель? Наверняка вам удастся что-нибудь сделать. — Мисс Трант питала большое уважение ко всем людям, носившим с собой инструменты, и очень бы удивилась, если б узнала, что не все столяры разбираются в двигателях внутреннего сгорания.

— Я чего хотел сказать… — упорно продолжал он свою мысль. — Сам я сроду за руль не садился и по работе с машинами дела не имел. Но там, где я работал, было много грузовиков, и я часто видал, как наши малые их починяют, так что успел

кой-чему обучиться. Вы меня поняли, миссис… э-э… мисс?

Его осторожность, северный выговор и диковинные предметы гардероба привели мисс Трант в полный восторг.

— Поняла. Уверена, вы разберетесь, в чем тут дело.

— Мож, разберусь, а мож, и нет. С машинами никогда не знашь, как будет. Но я гляну, ежели просите. Рассказывайте, чего вы делали.

Выслушав ее историю про ручку и стартер с вниманием и серьезностью человека, готового взяться за работу, мистер Окройд изрек:

— Тут или в свечах дело, или в магнето. Коли свечи грязные, машина не поедет. Давайте глянем.

Он весело принялся за дело: сперва достал ящик с инструментами, затем выкрутил одну свечу и вторую.

— Да вродь ничего, свечки-то. Ну лан, почистим их малость, раз уж вытащили.

Пока он малость чистил свечи, небо потемнело вновь. В тучах на западе что-то зарокотало, и в следующую минуту хлынул не просто дождь, а самый настоящий ливень. Мистер Окройд спешно закрыл капот и помог мисс Трант поднять

крышу.

— Залезайте сюда! — крикнула она, садясь в машину. Помедлив для приличия, он прыгнул в салон, и они стали вместе смотреть на дождь через лобовое стекло — на редкость странная парочка.

— Э, да я ж корзинку там оставил! — воскликнул мистер Окройд и занес ее в машину. — У меня тута все вещи — коли промокнут, сушить потом долго придется.

Последние слова он от волнения произнес с таким сильным акцентом, что мисс Трант едва их разобрала.

— Вы, верно, из Шеффилда? — спросила она, немного помолчав. — Я там вчера останавливалась.

Этот милый незнакомец напомнил ей Дядяртура.

— Не, что вы! — не без удивления ответил мистер Окройд. — Моя родина далеко-далеко. Я из Браддерсфорда. Небось слыхали про Браддерсфорд, мисс?

— Да, там делают шерсть, верно? Это же в Йоркшире?

— Стало быть, там. Скорей уж в Йоркшире, чем в Шеффилде. Самое сердце Йоркшира, так-то.

Я прожил в Браддерсфорде всю жизнь, только раз уезжал на юга, а теперь вот решил страну повидать.

— И куда едете?

— Хех, да я сам не знаю. Думал поглазеть на Роусли, но точных планов у меня нету.

— Надо же, и у меня, — удивленно заметила мисс Трант.

— Я тока в понедельник из дома вышел, — чуть мечтательно продолжал он. — Седня у нас чо? Четверг? А мне все кажется, что уж месяц прошел, стока я всего повидал да пережил за эти три дня. Прям как в кино, ей-богу! Всего три дня прошло!

Мисс Трант вдруг захотелось захлопать в ладоши, как она часто делала в детстве и не думала делать уже много лет.

— Чудеса! — воскликнула она. — Со мной такая же история! Я в пути с понедельника, у меня тоже было множество приключений, и я как будто уехала из дома много месяцев назад! Чувствую себя совершенно другим человеком, а вы?

— И я! — Он удивился не меньше.

— Сейчас же расскажите мне про все свои приключения, — строго распорядилась она. — Но сначала представьтесь, пожалуйста.

— Меня зовут Окройд. Старая браддерсфордская

фамилия.

— А меня Трант, это тоже старая фамилия — в Глостершире. Ну, теперь рассказывайте, что с вами происходило, начиная с понедельника.

— Приключений было так много, что я прям не знаю, с какого начать. Чай, долго рассказывать-то придется.

— Ничего страшного, мистер Окройд. На улице дождь — пока он не кончится, делать нам нечего. Я хочу знать все!

Немного помедлив, мистер Окройд повел рассказ о своей жене, Лили и Леонарде, о двадцати фунтах и побеге на грузовике, о Великой северной дороге, Нобби и «Киркуортском трактире», о доме на колесах, Джоби Джексоне, ярмарке и Джиме Саммерсе — вкратце, но ничего не упуская. Мисс Трант, которая время от времени задавала ему вопросы и желала знать все подробности, пришла в восторг от его истории и от самого мистера Окройда. Он, в свою очередь, тоже выслушал мисс Трант и убедился в ее искренней любви к приключениям. А потом вновь вышло солнце, и в его лучах заиграли последние брызги дождя.

— Ну, терь можно и свечами заняться, — сказал мистер Окройд, любивший доводить дело до конца. Его «да» увенчалось успехом: машина

сразу же завелась. Мисс Трант махнула рукой, приглашая его сесть, и они покатили в Роусли. Город начинался, как и многие городишки подобного сорта, с железнодорожного вокзала. Ярдах в ста от него, на противоположной стороне дороги, стояла лачуга из гофрированного листового железа с вывеской: «Привокзальный буфет Маундеров». Взгляд мисс Трант зацепился за розовую листовку, приклеенную к стене у входа. Она остановила машину и вышла на улицу. Листовка сообщила ей то, что нужно: «Штучки-дрючки» с музыкальным ассорти шалостей и забав выступают в концертном зале Роусли; среди прочих обещанных увеселений значились «лакомые пустячки» от мисс Элси Лонгстаф.

Пока мисс Трант читала афишу, в дверях появилась женщина средних лет. Возможно, то была миссис Маундер, поскольку всем своим видом она выражала скорбное смирение человека, обреченного до конца жизни подавать закуски в привокзальной лачуге из гофрированного железа.

— Не подскажете, эти люди… — Мисс Трант показала на афишу, — …еще в городе?

В тот же миг миссис Маундер вся поджалась, уплотнилась и стала олицетворением горького

стоицизма.

— Еще как, — мрачно ответила она. — Они прямо тут.

— Как?! Хотите сказать, они сейчас в буфете?

Миссис Маундер закрыла глаза, полностью вобрала губы в лицо и так сильно кивнула, что закачалось все ее тело.

— Час назад явились, вшестером, — наконец выговорила она. — Заказали чайник чая и тарелку бутербродов с маслом. Два раза уж кипяток им подливала, а некоторые свою еду принесли, наглецы! Сидят себе, болтают, гоняют меня почем зря! Больше они воды не дождутся, — добавила она и строго глянула на мисс Трант, словно предвосхищая ее возможные просьбы о кипятке для артистов.

— Ах, какая жалость! — воскликнула мисс Трант, вспомнив про их бедственное положение.

— Не то слово, мисс. Если б все так делали, пришлось бы мне закрыть лавочку.

— Нет-нет, я про них, — храбро поправила ее мисс Трант.

— Про них! — фыркнула миссис Маундер. — За них не волнуйтесь, у артистов наглость — вторая совесть. Слыхали мы про таких…

— Что ж, я пришла повидать одну из артисток, и

тоже с удовольствием выпью чаю. — Мисс Трант отвернулась и позвала мистера Окройда, который все еще сидел в машине. В эту минуту к лачуге подошли двое мужчин довольно потрепанного вида, и в узком дворике между дорогой и порогом едва хватило места для троих. Они хотели пропустить мисс Трант вперед, но сперва один из них, молодой блондин без шляпы и с растрепанным вихром, обратился к миссис Маундер:

— Добрый день, мадам! Не подскажете, «Штучки-дрючки» здесь?

Он произнес это тоном санитарного инспектора, интересующегося какой-нибудь заразой. Мисс Трант улыбнулась, торопливо проходя мимо. Спутник растрепанного блондина крикнул: «Веди меня, Джоллифант!» У него был большой плоский футляр, в котором явно лежал какой-то музыкальный инструмент. «Неужели тоже артисты?» — подумала мисс Трант, и двое скрылись в привокзальном буфете. Следом за ними в дверь нырнул мистер Окройд, а последней, сходив к машине за сумкой, вошла мисс Трант. В дверях она на миг остановилась и прислушалась к удивительному гомону изнутри. «Сгораю от нетерпения!» — радостно подумала она.

Глава 6
В которой Иниго встречает соратника и становится пианистом

I

Последний раз мы видели Иниго Джоллифанта, когда тот сквозь мрак понедельничной ночи спешно покидал усадьбу Уошбери. Теперь, в четверг днем, он прибыл к привокзальному буфету Роусли. Чтобы понять, как он тут очутился, нам стоит проследить за событиями последних трех дней его жизни, или, если точнее, последних шестидесяти четырех часов (с 00.30 четверга).

Именно тогда Иниго осознал, что Фонтли прав: зря он не остался в постели. Ночь была не такая уж теплая, и уж точно недостаточно светлая, чтобы с приятностью шагать по дороге — тем более после стольких уроков французского, истории и праздничного вечера. Пить надо было меньше — или больше. «Старый Роб» сыграл с ним злую шутку: выдворил его из школы, из постели, а потом бросил одного; сперва грел ему грудь, но вскоре начал отставать, а спустя полчаса бесследно исчез. Выпей Иниго чуть больше «Роба» или

чуть меньше, спал бы он сейчас в теплой постели. Так он спорил сам с собой, шагая по последнему знакомому отрезку дороги, соединяющей Уошбери с остальным миром. Наконец он добрался до магистрали, уходящей на юг и на север — то есть, в сущности, вышел в мир, но что в этом мире происходило, разглядеть было решительно невозможно. Иниго повернул направо, несколько минут раздумывал, какая из едва видных точек на небосводе — Полярная звезда, и еще минут десять размышлял о звездах вообще. Думы, как водится, были безрадостные. Если много думать о подобных вещах, решил Иниго, то волей-неволей станешь астрономом — исключительно в целях самозащиты.

Рокот, некоторое время доносившийся откуда-то сзади, материализовался из темноты в виде грузовика — первой машины за вечер. Иниго развернулся и окликнул водителя, но тот не горел желанием подвозить незнакомца.

— Не бойтесь! — крикнул ему Иниго. — Я пеший турист!

Этого оказалось достаточно. Водитель понял: человек, отважившийся на пешее путешествие, — враг разве что самому себе и опасности не представляет.

— Далеко не отвезу! — крикнул водитель, когда они тронулись. — Миль десять от силы, а там уж мой дом.

— Это где?

— Близ Даллингема. Вот что, отправляйтесь-ка вы на вокзал, там сядете на поезд! Да-да, не удивляйтесь, Даллингемский узел — единственное место на десятки миль, где поезда останавливаются даже ночью!

— Шикарно! — во все горло прокричал Иниго. Грохот стоял такой, словно кузов грузовика был набит плохо упакованными доспехами. — Весьма рад слышать. И не подумаешь, что в местечке с таким названием вообще что-нибудь происходит, верно? Даллингемский узел[28]! И куда же идут эти поезда?

— Не знаю! Должно, в сторону Линкольна или Гримсби, а может, и в Донкастер. Я на них сроду не ездил, но один мой знакомый, малый по имени Гарри Бриггс, работает на вокзале, и сегодня у него дежурство на ночном поезде. Вечно опаздывает, говорит! Уж не знаю, как на этой неделе.

— Что ж, я не прочь взглянуть на ваш вокзал!

— И правильно! — взревел водитель. — Высажу

---

[28] Примечания: 28

Даллингем — от слова «dull», что в переводе с английского означает «скучный, унылый».

вас неподалеку!

Затем он принялся орать о другом, по большей части о крайне неудачной поездке в Нортгемптон, и так часто спрашивал мнения Иниго, что тот, не желая показаться грубияном, охрип еще в дороге.

Наконец водитель остановил машину и показал пальцем в нужную сторону:

— Вон, гляньте, огоньки видите? Это Даллингемский узел. Ступайте по дороге и скоро будете там. Спросите, работает ли нынче Гарри Бриггс.

Дорога резко спускалась к вокзалу. Сойдя вниз, Иниго увидел сигнальные огни, слабый отсвет железа и тусклое желтоватое свечение самого вокзала. В тот же миг он упал духом: вид Даллингемского узла отчего-то нагнал на него тоску. Необъятный ночной мрак уже не казался таким безрадостным в сравнении с этой вялой попыткой его разогнать, тусклым проблеском света в полной темноте. И тишина стояла мертвая. Неужто сюда вообще прибывают поезда? Это место, казалось, было столь же далеко от обычной вокзальной сутолоки, как от лондонского Паддингтона. Иниго начал спрашивать себя, зачем он вообще сюда явился и не лучше ли вернуться на магистраль, а ярдах в двадцати от входа встал

и прислонился к деревянным перилам сбоку от дороги. Даллингемский узел только подтвердил недавнее наблюдение Фонтли: Иниго — юный осел.

Вероятно, он отвернулся бы и ушел (раз и навсегда покинув страницы этих хроник), если бы не услышал поистине удивительный звук. Звук сам по себе был очень приятный, но его вопиющая неуместность сразила Иниго наповал. Он восторженно прислушался и подумал, что поспешил с выводами о Даллингемском узле. Звук этот говорил, что никакой он не осел и судьба еще благоволит уходящим в ночь, а ночлег и завтрак — не самое главное в жизни. Кто-то на Даллингемском узле играл на банджо.

Если это Гарри Бриггс, подумал Иниго, шагая на звук, то малый напрасно тратит время на Северо-Восточной железной дороге: на банджо не просто бренчали, на нем мастерски *играли.* Ночь стремительно отступала перед напористым *дзынь-дилинь, дзынь-дилинь.* Иниго обнаружил, что его усталые ноги норовят пуститься в пляс. Окажись вокзал забит улыбчивыми неграми, завален дынями и цветами хлопка, он бы ничуть не удивился.

Через кассы, над которыми горела единствен-

ная тусклая лампочка, Иниго вышел на пустой темный перрон. Банджоист, рассыпавший теперь веселые синкопы, явно притаился в зале ожидания. Иниго заглянул в полуоткрытую дверь: в одном конце зала стоял Гарри Бриггс (или его коллега), молодой человек с круглым красным лицом, а в другом развалился на скамье сам музыкант. Один так увлеченно играл, а другой — смотрел и слушал, разинув рот, что несколько минут Иниго оставался незамеченным.

Победно тряхнув головой напоследок, банджоист закончил свое выступление.

— Каково, мой мальчик?! — взревел он и поднял банджо, словно приглашая инструмент разделить овации. — Слыхал? Ну, и где ты еще такое услышишь? Умею я потрепать старое банджо или нет?

— Умеете, мистер, еще как! — пылко ответил его слушатель. — У вас талант, ей-богу!

— Талант, верно. Ты сам сказал, — с достоинством заметил банджоист. Язык у него заплетался, да и другие признаки свидетельствовали в пользу того, что вечером он изрядно принял на грудь. Однако его речь была примечательна и другим: хриплым тягучим выговором, не вполне американским, но и неанглийским. Выговор этот

разжег в Иниго любопытство.

— У вас талант, и плевать я хотел, откуда придет следующий! — с жаром выпалил железнодорожник неизвестно о чем. — Может, еще сыграете, мистер? Знаете песню «Кудри золотые»? — Вперив строгий взгляд в музыканта (тот даже слегка испугался), краснолицый юноша медленно и торжественно, с самыми траурными портаменто, какие только возможны, затянул:

Блестели ку-удри зо-олотые,
Когда мы повстреча-ались,
И хоть давно-о они седы-ые,
Мы с кро-ошкой не расстались.
Рука-а в руке…

Тут его перебили.

— Нет, нет! — заорал банджоист. — Эту я не знаю. Между нами, начальник, такие песни не по мне. Шибко сентиментальные и надрывные. Дело вкуса, дружище, дело вкуса.

— Да уж… люблю все задушевное.

— Телячьи нежности любишь, я понял, — сказал банджоист, бросив на него насмешливый взгляд. — Это оттого, что один тут по ночам торчишь, ждешь полуночный экспресс. Видел когда-нибудь «Полуночный экспресс» — драму?

Как-то раз я три вечера подряд выступал с нею в Монреале!

Иниго выбрал этот миг, чтобы заявить о своем присутствии.

— Ну-ка, ну-ка! — воскликнул музыкант. — Кто тут у нас?

Железнодорожник подскочил на месте, обернулся и тут же пришел в ярость, потому что его напугали.

— Эй, что за штучки? — сердито вопросил он. — Нельзя так подкрадываться! — Потом, хорошенько приглядевшись к Иниго, смягчился: — Прошу прощения, но вы меня напугали. Что вам нужно?

— Мне нужен поезд, — ответил Иниго, хотя до сих пор не задумывался о поездах.

— Тот, что в час двадцать отходит? Куда хотите ехать?

— Куда хочу? Знать бы самому! Дайте-ка подумать… — протянул Иниго. — Может, в Стокпорт?

— В Стокпорт?! Что вы, отсюда нельзя добраться до Стокпорта!

Банджоист вмешался в их разговор.

— Стокпорт, — снисходительно повторил он. — Бывал там когда-нибудь?

— В глаза не видел! — ответил Иниго.

— Тогда послушай моего совета — не трать время. Нечего там делать, совершенно нечего. Я знаю, что говорю, мой мальчик. Бывал там, и не раз. Я везде бывал. Если поедешь — спроси в «Красном льве», помнят ли они Мортона Митчема. Так меня зовут. Вот увидишь, Мортона Митчема они не забыли. — Словно бы в доказательство своих слов он поднялся и выпрямился во весь рост. В самом деле, такого человека просто так не забудешь. Он был очень высокий, но тощий, и одежда в светлую клетку висела на нем, как на вешалке. Верхней частью головы Мортон Митчем напоминал Шекспира: лысая макушка и густая шевелюра по бокам. Грандиозные косматые брови сразу привлекали взгляд, а крючковатый нос был куда более яркой расцветки, нежели остальное лицо; длинная верхняя губа и заостренный подбородок были голубоватые; чуть впалые щеки — голубоватые снизу и коричневые сверху, а вся кожа имела то любопытное сходство с пергаментом, какое сообщает ей долгое пребывание под жарким чужеземным солнцем. Воротник и галстук банджоиста смутно

напомнили Иниго о тенниеловском[29] Безумном Шляпнике. В целом Мортон Митчем производил впечатление необыкновенного человека: его внешность сбивала с толку не меньше, чем диковинный акцент, сочетая в себе приметы колониального плантатора, трагического актера старой школы и довольно неряшливого сенатора какого-нибудь захолустного штата — из тех, что Соединенные.

— Я слышал вашу игру на банджо, — сказал Иниго. — Чертовски здорово! Отличный инструмент, скажу я вам.

— Согласен. И сложный, ты уж мне поверь. Да-да, сэр. Отличный, когда на нем так играют, но часто ли услышишь хорошую игру?

— Ваша правда! — воскликнул железнодорожник.

Мистер Митчем порылся в кармане жилета и выудил оттуда пыльный огрызок сигары с обрезанными концами.

— Индийская черута, — пояснил он. — Стоит войти во вкус — ничего другого курить не сможешь. Однажды в Бангалоре мне подарили

---

[29] Примечания: 29

Джон Тенниел (1820–1914) — английский художник, создатель первых иллюстраций к книгам Льюиса Кэрролла «Алиса в Стране чудес» и «Алиса в Зазеркалье».

двадцать коробок таких сигар. Я так и не узнал, от кого они. «Господину Мортону Митчему от почитателя его таланта» — все, что было написано на бумажке. Почерк женский, разумеется. До сих пор пару коробок храню, вон там. — Он показал на очень большой и очень неприглядный чемодан. — С того дня так и таскаю за собой эти коробки. Правда, без сигар, ха-ха! — Похоже, у него действительно не было сигар в запасе: та, которую он сейчас прикуривал, уже явно использовалась не раз. Мортон Митчем стал укладывать банджо в футляр.

— Ты музыкант? — спросил он Иниго.

— Иногда играю на пианино.

— Профессионал? — Он приподнял кустистые брови.

— Нет, самый посредственный любитель.

— Эх, жалко! — Мистер Митчем опустил брови, но не удосужился объяснить, что его расстроило.

Иниго вдруг вспомнил про шоколад и печенье, которые собрала для него Дейзи Калландер, вытащил их из рюкзака и угостил остальных.

— Да ты настоящий путешественник, труппер и друг! — одобрительно вскричал мистер Митчем, аккуратно затушив сигару и угощаясь печеньем. — Дайте мне печенье, шоколад и пару

бутылок виски, лучше ржаного — я горы сверну! Выдержу метель, кораблекрушение — что угодно! Однажды я две недели жил на одном печенье и виски — как сейчас помню, дело было на Черных холмах между Вайомингом и Южной Дакотой…

— Южная Дакота! — восхищенно вскричал Иниго. Он ничуть не усомнился в словах мистера Митчема, поскольку Южную Дакоту нельзя просто выдумать или откопать у себя в голове — там надо побывать.

— Да, Южная Дакота. Нас было двое. Как бишь звали моего приятеля? Ах да, Ширман! Он был бывший уэслианский пастор, держал закусочную в Денвере. В том году, помню, выдалась самая суровая зима за сорок лет. И мы ее пережили.

— Съешьте еще печенья, — воодушевленно предложил Иниго.

— Спасибо, мой мальчик, обязательно съем. Конечно, виски у нас было хоть отбавляй. Ты можешь подумать, что виски не очень-то хорошо пить вприкуску с печеньем и шоколадом, но поверь мне на слово: это нечто! Если у тебя есть фляжка, попробуй.

— Увы, нету.

— Всегда носи с собой фляжку, — строго наказал ему мистер Митчем и повернулся к железнодо-

рожнику, уплетавшему огромный сандвич: — Как насчет обещанного чая, начальник?

Тот пробормотал что-то в сандвич. По всей видимости, он не горел желанием угощать чаем второго гостя.

— А вас, случайно, не Гарри Бриггс зовут? — спросил Иниго.

Его действительно звали Гарри Бриггс; с восторгом признав этот факт, он расспросил Иниго, откуда тот знает его имя. После рассказа о водителе грузовика Гарри Бриггс сразу проникся симпатией к молодому человеку, и тот почувствовал себя едва ли не коренным даллингемцем. Круглое красное лицо железнодорожника просияло от мысли о тесном мире, и он пошел заваривать чай.

Мистер Митчем закрыл футляр с банджо.

— Это так, маленькое хобби, — беззаботно сказал он, хлопнув по крышке. — Но весьма полезное. Какие я, бывало, вечера закатывал! «Пригласите Мортона Митчема, пусть сыграет на банджо», — говорили люди. Играл в резиденциях, на званых ужинах, все дела… В свое время я выступил перед дюжиной колониальных губернаторов. Чуть на руках меня не носили, ей-богу! Все, кроме старого лорда Стенненфилда.

— А он что? — спросил Иниго. — Бездушный?

— Глух, как тетерев! Пальни у него под ухом медная пушка, он бы и ее не услыхал. Зато такого игрока в бридж во всей Александрии не сыщешь. Его хлебом не корми, дай в бридж сыграть. «Подать карточные столы!» — заорал он прямо посреди моего выступления. Ну, я и ушел. С Мортоном Митчемом так нельзя.

— Правильно, — пробормотал Иниго. — Вы настоящий артист, сэр, я это сразу понял. — Он отсалютовал ему плиткой шоколада.

— Да, все так говорят. Один губернатор даже просил меня давать ему уроки. Я назову его имя, но вы, джентльмены, имейте в виду: это строжайшая тайна. — Он сурово глянул на Гарри Бриггса — тот стоял разинув рот, с чайником в руке. — Его звали сэр Элкин Пондберри. «Черт подери, Митчем! — сказал он мне. — Ты просто обязан научить меня играть на этой штуке». «Весьма польщен, сэр Элкин, — ответил я. — Но, увы, ничего не выйдет». «Выйдет, черт подери!» — крикнул он. «На это уйдут годы», — говорю. А он: «Стало быть, останешься здесь! Не сойти мне с этого места, Митчем, если ты меня не научишь!» А я: «Не выйдет, сэр. Сегодня вечером отплываю в Бангкок». Пришлось ему сдаться. Зато я рассказал

ему про Стенненфилда (им скоро предстояла встреча в Сингапуре) и научил, как собрать четырех тузов и четырех королей. «Будь я проклят, если ты не гений, Митчем! — заявил он, когда набил руку. — Испытаю этот приемчик на Стенненфилде». Он и испытал. Потом по всем клубам об этом судачили — слух аж до Гонконга дошел, где я тогда выступал.

— Гонконг! — вскричал Иниго, чувствуя легкое головокружение. — Да вы страшили весь Восток, определенно![30] Но что за хитрость с тузами и королями? Вы, случаем, не фокусник?

— Не совсем. Иллюзии и механические фокусы меня никогда не интересовали, а вот ловкость рук — это да. Еще одно мое хобби. Чего только не вытворяю с колодой карт!

— Да у вас целая куча талантов, как я погляжу, — сказал Гарри Бриггс, заварив наконец чай. — Мне бы хоть малую долю ваших способностей — я б тут не сидел! На банджо играть вы мастак, ей-богу! Вот, выпейте чаю. У меня только чашка и блюдце, другой посуды нет.

— Хобби не дают скучать… — сказал мистер Митчем и как бы невзначай забрал себе чаш-

---

[30] Примечания: 30

Вордсворт У. Падение Венецианской республики. *Пер. В. Топорова.*

ку. — Однажды я понял, что эти маленькие хитрости могут пригодиться мне в странствиях, и за несколько лет кой-чему обучился. Карточные трюки мне показал один желтолицый из Шанхая, а в Новом Орлеане я познакомился с офранцузившимся негром, научившим меня парочке хитрых приемов игры на банджо. Но лучше игрока, чем один ирландец из Сиднея, я не встречал — он был на голову выше всех этих нью-йоркских джазменов.

— У меня в Сиднее двоюродный брат, — вставил Гарри Бриггс, — фамилия та же, только звать Джим. Он в прачечной работает, грузовик с бельем водит. Часом, не знакомы с ним?

— Как?! Джим Бриггс из прачечной? — вскричал мистер Митчем, хитро подмигнув Инго. — Конечно, знакомы! Он говорил, что у него в Даллингеме братишка, велел разыскать тебя, коли нелегкая сюда забросит.

— Какой прозорливый у меня братец, если учесть, что я здесь всего полгода, а от него уже два или три года ни слуху ни духу. Меня не проведете, мистер!

— Ну, я там был лет пятнадцать назад, если не больше, — невозмутимо заметил мистер Митчем. — С тех пор куда меня только не заносило! Я

скитаюсь по всему свету, друзья мои. В старушку Европу вернулся пару лет назад — теперь вот езжу из города в город, осматриваюсь, навещаю друзей.

— Конечно, чем еще заняться такому лодырю, как вы, — заметил мистер Бриггс с благоговейной завистью.

— В точку! — тягуче прохрипел Одиссей то ли по-американски, то ли по-английски. Затем он вновь выудил из кармана окурок чероты — на сей раз очень маленький и очень пыльный окурок, — поджег его и сладко выпустил облачко дыма, точно сибарит, вернувшийся из бесконечных кругосветных странствий.

— «Heureux qui, comme Ulysse a fait un beau voyage…»[31] — проговорил Иниго, дивясь, что могло забросить столь выдающуюся личность на Даллингемский узел, да еще среди ночи. Поразительно, что этот человек вообще нашел на карте мира наш крошечный островок.

— Вот-вот, мой мальчик, — снисходительно проговорил мистер Митчем. И зевнул. — Ну, где обещанный поезд?

— Прибудет через полчаса, — ответил Гарри

---

[31] Примечания: 31

Блажен, кто странствовал подобно Одиссею… *(фр.)* Жоашен дю Белле. *Пер. В. Левика.*

Бриггс, постепенно вновь становясь железнодорожником. — Сегодня на час опаздывает. Я пойду прогуляюсь. — И он ушел на перрон.

— Прямо не знаю, садиться на поезд или нет, — сказал мистер Митчем, устраиваясь на скамейке. — Я вообще-то еду в Ноттингем, повидать старых друзей, но с этим можно и до утра подождать. На одну пересадку я уже опоздал.

— Правда? — Иниго зевнул. — А где?

— Э-э… не помню. — Видно, на сей раз феноменальная память его подвела.

Иниго заподозрил, что мистер Мортон Митчем никуда не опаздывал. Мистер Мортон Митчем был необыкновенный человек: то ли великий путешественник, то ли великий враль. Иниго решил повнимательней к нему присмотреться.

Однако, присмотревшись, он увидел не Мортона Митчема, а мистера Тарвина. Они вместе брели сквозь сугробы на вершину холма, и где-то на полпути мистер Тарвин остановился, огляделся по сторонам и заявил: «Вот вам и Южная Дакота. Чамха. Позовите-ка мальчиков, Джоллифант». И он позвал мальчиков, хотя поблизости никого не было. В следующий миг их обступила целая толпа неизвестно откуда взявшихся детей, которые издавали странные рокочущие звуки.

Иниго разозлился и принялся на них кричать, но мальчики рокотали все громче и громче. Тогда он злобно вытаращил глаза на ближайшего мальчишку, юного Уитингтона, и так натужился, что Южная Дакота исчезла вовсе: он снова был в зале ожидания, а на противоположной скамейке смачно храпел, разинув рот, мистер Мортон Митчем.

Иниго вытянулся во весь рост и подложил под голову рюкзак. Минуту или две он слушал храп, а потом вновь уснул, но попал уже не в Южную Дакоту, а в темный омут забытья. Там он и оставался всю ночь: лишь раз или два тишину наводняли таинственные звуки, похожие на сигналы тревоги и пулеметные очереди с каких-то дальних рубежей.

II

Кто-то его тряс. Иниго открыл глаза и увидел перед собой большие, черные и плохо стриженные усы. Их вид так раздосадовал Иниго, что он снова зажмурился.

— Ну-ка, сэр, поднимайтесь! — сказали усы.

Он не удостоил их ответом.

— Вставайте, а то на 6.45 опоздаете, — не унимались усы.

Слова эти были столь неожиданными, что от удивления Иниго вновь открыл глаза. Зал ожидания в лучах утреннего солнца выглядел совсем иначе. Он уставился на дежурного:

— А где Мортон Митчем?

Дежурный покачал головой:

— Небось на другой ветке. Первый раз слышу про такую станцию.

— Это не станция, а человек! Он сидел здесь ночью, болтал о банджо в Бангкоке и карточных фокусах в Сингапуре. Если, конечно, мне это не приснилось.

— Запросто! Я сам такой, — убежденно проговорил дежурный. — Стоит выпить или съесть копченого лосося перед сном — веселье на ночь обеспечено. Что мне только не снилось! Банджо и Сингапур — просто цветочки.

— Чтоб я еще раз польстился на «Старого Роба Роя», — посетовал Иниго. — Он вскрыл мне череп и оставил во рту какой-то мерзостный вкус, такой, знаете ли, темно-коричневый — будто шотландского торфа наелся. Но постойте, где этот… как бишь его… Гарри Бриггс?

— А, вот это другой разговор! Уж он вам точно не приснился, недавно домой ушел. Вы, верно, ночной поезд пропустили? На север едете?

— На север? — Иниго задумался. — Может, и на север, только сперва мне надо попасть туда, где можно принять горячую ванну с морской солью и выпить чаю с тостами. А то и яичко съесть — знаете, такое нежное, молодое яичко, светло-коричневое. Ну, — он вытащил из кармана шиллинг, — что вы думаете о таком раскладе?

— Спасибо, сэр. Я бы вам посоветовал следующим поездом поехать в Грантем. Даллингем не годится, вы уж мне поверьте. Вот в Грантеме полно заведений на любой вкус, на любой! — И при мысли о шумном мегаполисе дежурный облизнул губы.

Так Иниго отправился в Грантем. С первыми лучами солнца он прокрался в гостиницу «Энджел энд Роял», где нырнул в ванну еще до того, как большинство постояльцев увидели первую чашку чая, и приговорил нескольких из них к томительному ожиданию, добрых полчаса проблаженствовав нагишом в теплой воде. Затем он совершил туалет и спустился завтракать, готовый съесть все, что предложат. После еды Иниго выкурил трубку и лениво пролистал несколько газет. Когда он наконец отправился в путь, была уже половина одиннадцатого.

Лишь по одной причине Иниго покидал пеш-

ком этот город, суливший путнику бесчисленные транспортные блага: когда-нибудь он все же надеялся закончить свою погребальную песнь пешему туризму — «Последний рюкзак». Надо сказать, шагал он без особого удовольствия: воздух уже прогрелся, пыльная дорога на запад была запружена автомобилями, а разминать ноги вовсе не хотелось. Иниго повеселел, когда свернул на проселочную дорогу — спустя несколько поворотов, грозящих обернуться тупиком, она вывела его к маленькой таверне из красного кирпича, где он выпил пива и закусил бутербродами с сыром. Поговорить оказалось не с кем: хозяин, похоже, нашел дела поважнее, а его жена была так занята, что даже пиво наливала неохотно. Несмотря на отсутствие собеседников, Иниго пробыл в таверне почти до двух, предаваясь мечтательным раздумьям. Наконец он вновь пустился в путь: жнивье на полях и яркие, увядающие леса, пиво внутри и солнце снаружи настроили его на еще более мечтательный лад.

Иниго не знал, где он и куда держит путь — ему это было безразлично. Он летел по воле ветра, как упавший лист по голой дорожке, и ослепительный день мнился ему лишь очередной праздной

фантазией. «Среди теней брожу я тенью»[32], — вновь и вновь повторял Иниго про себя: разум его превратился в великолепную мешанину цитат из элегических поэм. Все вокруг купалось в золоте и оттого казалось ненастоящим — пожалуй, кроме пыли. «Светлый отрок ли в кудрях, трубочист ли, — завтра — прах»[33]. Так он бубнил себе под нос, ударяя гласные, от которых по всему телу бежали приятные мурашки, пока не добрался до необыкновенно тенистой и умиротворенной рощицы. Тропа здесь переходила в узкую дорогу, а большие ветви образовывали полог над заросшей травой полянкой. В таком месте можно вдоволь подумать и даже вздремнуть. Увы, кто-то бросил здесь свой автомобильчик — сбоку от него еще оставалась тень, но вид автомобиля, суливший шум и хлопоты, не дал Иниго приблизиться. Машина портила всю идиллию. Он смерил ее презрительным взглядом. А потом — изумленным.

Да, в самом деле, понизу лобового стекла шла надпись жирными красными буквами: «Берегитесь, ибо приближается конец ваш». Из багажного отделения торчало несколько плакатов, в два

---

[32] Примечания: 32
Суинберн А. Ч. Аталанта в Калидоне. *Пер. Э. Ермакова.*

[33] Примечания: 33
Шекспир У. Цимбелин, акт IV, сцена 2. *Пер. А. Курошевой.*

или три фута шириной, на которых красовались еще более жирные красные буквы. Иниго не постеснялся — ему сейчас было не до стеснений — вытащить два плаката и прочесть сперва одну надпись: «И звезды небесные пали на землю, как смоковница, потрясаемая сильным ветром, роняет незрелые смоквы свои. И небо скрылось, свившись как свиток; и всякая гора и остров двинулись с мест своих»[34], а затем вторую: «И видел я и слышал одного Ангела, летящего посреди неба и говорящего громким голосом: горе, горе, горе живущим на земле от остальных трубных голосов трех Ангелов, которые будут трубить!»[35] Осторожно убрав плакаты на место, Иниго растянулся на траве рядом с удивительным апокалиптическим автомобилем.

Стояла необыкновенная тишина. Вдалеке что-то потрескивало и чирикало, но звуки эти словно доносились из другого мира, другой жизни. Лежа в сени деревьев, Иниго смотрел на дивную зелень и золото, раскинувшиеся перед ним. Пейзаж казался иллюзорным, словно его написали на тонком шелке, трепещущем при каждом дунове-

---

[34] Примечания: 34
Библия. Новый Завет. Откровение Иоанна Богослова, 6:13–14.

[35] Примечания: 35
Библия. Новый Завет. Откровение Иоанна Богослова, 8:13.

нии. Его хрупкость пугала Иниго; он смежил веки. Однако земля, на которой он лежал, оказалась весьма твердой, а травинки неприятно кололи шею. Иниго вновь открыл глаза. Автомобиль, хоть и слегка помятый, явно был материален: недавно ему даже поменяли шины. Возможно, владевший этой машиной пророк надеялся ездить на ней и тогда, когда города пожрет пламя, а горы растают, точно дым. Он думал проехать прямиком сквозь Армагеддон. Вот это был бы рекорд: безостановочный автопробег к новому небу и новой земле. Бедные духи журналистов и рекламных агентов кусали бы свои призрачные локти, ведь их последнее издание давным-давно отпечатано, продано и забыто! От этой мысли Иниго почувствовал себя еще лучше, хотя внутри по-прежнему зияла маленькая пропастишка — такая же пустая, как мир вокруг. Иниго зевнул, закрыл глаза, подумал, кто мог бы быть хозяином этой машины, и уснул.

Примерно через час он проснулся, сел и обнаружил, что хозяин машины вернулся и возится с двигателем. Минуту или две Иниго мог только моргать, однако вид незнакомца показался ему в высшей степени непророческим. Их взгляды встретились.

— А, здравствуйте! — вскричал пророк. — Никак, я вас побеспокоил? Наверняка разбудил, а? Но вас же тут не было, когда я приехал, верно? Невероятно теплый денек, не находите? — Он разговаривал довольно высоким, напевным голосом, при этом все лицо его светилось. У него были кудрявые каштановые волосы, слипшиеся на бугорчатом лбу, золотые очки, выдающиеся скулы, маленькие усики и слишком много зубов. В аккуратном темно-синем костюме с черным галстуком и вообще во всей его внешности чувствовалось что-то евангелическое.

— Нет, вы меня не побеспокоили, — ответил Иниго. — А если и так, ничего страшного. Глупо спать среди дня — потом голова по швам трещит, — но я страшно утомился. — Он зевнул.

Незнакомец сверкнул очками на рюкзак.

— Путешествуете пешком, не так ли? Решили устроить себе выходной, верно? Чудесная погодка, как считаете? Гляжу, спутника у вас нет, так?

— Да, брожу, как тучи одинокой тень[36]. — Иниго с трудом поднялся на ноги.

— А-а, Вордсворт, не так ли? Стих про нарциссы, верно? Чудесные строки, не находите? Смотрю,

---

[36] Примечания: 36
Вордсворт У. Нарциссы. *Пер. А. Ибрагимова.*

вы сегодня не расположены к ходьбе, правильно? Хотите, я вас подброшу? Я направляюсь в Оксуэлл. Бывали там? Или вам в другую сторону?

— Честно говоря, я сам не знаю, в какую мне сторону, — признался Иниго. — Просто брожу по горам и долам, знаете ли. У меня что-то вроде отпуска.

— Шикарно, не правда ли? Хотя, признаюсь, я вам нисколечко не завидую. По долгу службы мне приходится разъезжать по стране, а такая работа лучше любого отпуска, намного лучше! Знаете, чем я занимаюсь? Хотя откуда вам знать. Я оргсекретарь Вторых ресуррекционистов. Может, вы и сами Второй ресуррекционист?

— Нет, боюсь, даже не первый. И вообще я первый раз слышу про такое общество.

— Неужели? — Лицо пророка на миг омрачилось, потом вновь просветлело. — Что ж, зато теперь услышали, не так ли? Я принял вас за своего, потому что сегодня у нас собрание в Оксуэлле, и я подумал, что вы тоже туда направляетесь. Сам я еду как раз туда. Впрочем, я уже говорил, не правда ли? Да, у нас сегодня особое собрание, будут даже представители Ефрема и Гада…

— Ефрема и Гада! — вскричат Иниго. — А они тут при чем?

— А, вас это удивило, не правда ли? Вы про них, конечно, слышали? Я должен все объяснить, так? Но погодите, сперва мне надо представиться. — Тут он посерьезнел и мрачно произнес: — Меня зовут Е. Г. Тимпани. — И он вновь улыбнулся.

— А меня Джоллифант, Иниго Джоллифант — нелепое имечко, правда?

Е. Г. Тимпани поднял руку.

— Нет-нет! Не говорите так. Я знаю эту фамилию. Да-да, одну из наших работниц зовут миссис Джоллифант, она с юго-запада, то есть из Симеона. В Эксетере находится штаб-квартира Симеона, а миссис Джоллифант, если не ошибаюсь, живет в Эксетере. Да-да, у нее там чайная лавка. Не родственница случаем?

— Вряд ли, — ответил Иниго. — Но расскажите мне про Гада и Ефрема, и почему Симеон находится в Эксетере.

— Мы поделили страну так, как Иегова поделил Ханаан между двенадцатью коленами Израилевыми. Я был лишь скромным орудием в руках Господа. На ежегодном съезде общества кто-то пожаловался на путаницу в названиях регионов. Тогда наш президент обратился ко мне: «Быть может, мистер Е. Г. Тимпани нам что-нибудь предложит». И в тот миг я услышал Глас. Глас ска-

зал: «Загляни в Библию». Я сразу понял, что надо делать. «Разве мы не дети Израилевы?» — воскликнул я. Видите ли, мы убеждены, что великий англосаксонский народ произошел от десяти потерянных колен, — англоизраилиты тоже в это верят, но мы копнули глубже. «Мы поделим нашу землю, как Ханаанскую», — сказал я. — Тут Е. Г. Тимпани умолк и посмотрел на часы. — Время летит, не правда ли?

— Похоже на то, — расстроился Иниго. Ему не хотелось отпускать нового знакомого.

— Окажите любезность, мистер Джоллифант. Вы ведь образованный человек, не так ли? У вас есть профессия?

— Я школьный учитель.

— Вероятно, окончили университет?

— Кембридж. Кое-как вытянул французский, вторая специальность — история.

— Специальность, говорите? Так это же шикарно, правда? — вскричал мистер Тимпани, словно разумея под «специальностью» не университетское понятие, а что-то свое, возвышенное. — Я так и знал, так и знал! Это сразу видно, не правда ли? Не то чтобы у меня самого высшее образование. Нет, я самоучка. Бросил школу в пятнадцать лет — обычную дневную школу в Вулвергемптоне. С

тех пор только заочные курсы и посещал — по бухгалтерскому делу, убогие, надо сказать, были курсы, очень уж поверхностные, — да еще деловой испанский учил. Но потом я открыл для себя великого учителя, мистер Джоллифант, — Библию. Самую обыкновенную, старую добрую Библию, — Вдруг словно по волшебству он выудил откуда-то увесистый томик. — Вы ведь не из числа так называемых высших критиков[37]?

Иниго честно ответил, что нет, но сделал это с видом человека, который вполне мог быть высшим критиком, если бы его волновали громкие титулы.

— Ну вот, опять я заболтался, — сказал мистер Тимпани. — Я хотел попросить вас об услуге — пожалуйста, поедемте со мной в Оксуэлл. Вас ждет радушный прием, мистер Джоллифант. В полшестого у нас чаепитие — люди съедутся со всех уголков страны, — а потом собрание. Вы будете просто моим гостем, моим другом, если можно вас так называть. Вы ведь не против? Наверняка нет, правда? Ну, что скажете? Мне бы

[37] Примечания: 37

Высшая критика, или историко-критический метод, — научный подход к изучению Библии, посредством которого ученые стремились согласовать различные толкования священного текста, используя методологию светских наук.

очень хотелось задержаться и рассказать вам об учении Вторых ресуррекционистов, но — вы ведь и сами видите, не так ли? — я очень спешу. — Тут он широко улыбнулся, сверкнув всеми бесчисленными кривыми зубами, а затем провел рукой по мокрому лбу и каштановым кудряшкам.

Устоять перед таким приглашением было невозможно. Иниго вместе с вещами погрузился в машину (и плащ, и рюкзак устроились рядом с цитатами из «Откровения» в багажнике), и они поехали. Медленно колеся по извилистым дорожкам, они кое-как одолели полдюжины деревень — мистер Е. Г. Тимпани оказался невероятно осторожным водителем, так что у прохожих было время прочесть надпись на лобовом стекле: «Берегитесь, ибо приближается конец ваш». Когда люди хихикали (а чаще всего так и происходило), Иниго бросал на них мрачный и пророческий взгляд, а когда вдруг пугались — одна девчушка и один молочник, похоже, испугались по-настоящему, — он одаривал их широкой улыбкой человека, несущего радостную весть. Его спутник почти не разговаривал, уделяя все внимание бесчисленным поворотам, перекресткам и прочим дорожным препятствиям, однако время от времени он сообщал Иниго сведения либо о Вторых

ресуррекционистах, либо о себе самом. Насколько Иниго смог уяснить, Вторые ресуррекционисты строили свое учение на некой фантастической интерпретации двенадцатой главы «Откровения» и верили, что примерно в 1914 году дьявол получил едва ли не безграничную власть над миром, после чего без отлагательств принялся за дело: стал вводить в заблуждение целые народы, сталкивая их друг с другом, и впредь будет только хуже — грядут новые войны, потопы и землетрясения, и мир обымет небесный огонь. Все это должно случиться в ближайшие два-три года; потом море отдаст всех мертвых, бывших в нем, а солнце, луна, звезды и сама земля испарятся подобно облакам в небе, и всему материальному придет конец. Вдобавок к этой апокалиптической фантазии мистер Тимпани поведал несколько диковинных теорий о десяти потерянных коленах Израиля и Великой пирамиде. Все это звучало крайне путано, как будто Иниго пересказывали чей-то ночной кошмар. Биография мистера Тимпани — или те ее обрывки, суть которых Иниго удалось ухватить, — оказалась весьма незатейливой. Главным ее фактом было то, что однажды он решил продать «одну из лучших страховых контор Вулвергемптона» и посвятить остаток

жизни (в лучшем случае — три года) Вторым ресуррекционистам. Иниго искренне восхитился его отвагой и верой, а мистер Тимпани смущенно подчеркнул, что не мог работать страховщиком, придерживаясь новых взглядов на будущее.

— Я хочу посвящать людей в наше учение, — сказал он. — С моей стороны нехорошо брать с них деньги, как считаете? Разве можно уговаривать человека застраховать свою жизнь на двадцать лет вперед и выложить за это, скажем, тысячу фунтов — с накруткой в пятьдесят один фунт десять шиллингов — когда я всеми фибрами души верю в грядущий конец света? Помню, в последний день ко мне пришел один господин — хотел накопить денег на учебу двух малолетних сыновей. Ну, я ему сразу сказал, что его мальчики никогда не получат образования, — по крайней мере в общепринятом смысле. А что мне оставалось делать? С моей стороны было бы нечестно продолжать дело, согласны? Я в общем-то и не хотел, но даже если б хотел, это нечестно, верно?

Иниго задумался.

— Мне кажется, вполне честно, — как можно авторитетней заявил он. — В конце концов, люди страхуются только для успокоения души, чтобы уверенно смотреть в будущее. Ну так пусть себе

страхуются! Согласно вашему учению, их будущее все равно предопределено. Они получат за свои деньги то, что хотели, понимаете?

Мистер Тимпани не понимал, но решить вопрос они не успели, поскольку прибыли в Оксуэлл. Он оказался жалким городишкой, и мистер Тимпани объяснил, что общество выбрало Оксуэлл местом встречи лишь потому, что здесь живет один из предводителей Вторых ресуррекнионистов, который выхлопотал для собрания зал и чаепитие.

— Мистер Гради — один из наших старожилов, очень волевой и вдумчивый человек, — продолжал мистер Тимпани. — Своими выдающимися успехами он обязан исключительно самому себе. Он фермер — торгует зерном, лошадьми, да чем только не торгует! Один из самых состоятельных членов нашего общества, эдакий патриарх. Я как раз относил письмо одному из его женатых сыновей — перед нашей с вами встречей, — добавил мистер Тимпани, словно это каким-то образом решало дело.

Перед кирпичным зданием весьма скромных размеров и еще более скромного достоинства — горожане явно устраивали здесь танцы, — стояли несколько автомобилей, пара двуколок и небольшой автобус. Люди, в основном женщины, уже

вовсю разгуливали туда-сюда между залом и двориком, и мистер Тимпани, торопливо извинившись, нырнул в толпу и на несколько минут скрылся из виду. Иниго остался во дворе глазеть на публику и большие плакаты рядом с дверью. Надписи на них были даже апокалиптичнее тех, что обнаружились в машине мистера Тимпани. Алыми буквами, яркими, словно артериальная кровь, они предрекали скорый конец всему сущему. «В те дни, — кричали они, — люди будут искать смерти, но не найдут ее; пожелают умереть, но смерть убежит от них»[38]. Вторые ресуррекционисты, умытые и причесанные, в лучших нарядах, чопорно входили в зал и выходили из него, здороваясь даже с незнакомыми. Иниго подошел к двери, и в нос ему приятно ударил аромат жареной ветчины. Он вспомнил, что с самого завтрака ничего не ел, кроме пары бутербродов с сыром в таверне. О да, он зверски проголодался. Тут его взгляд упал на очередную яростную надпись алыми буквами: «Для сего потрясу небо, и земля сдвинется с места своего от ярости Господа Саваофа, в день пылающего

[38] Примечания: 38
Библия. Новый Завет. Откровение Иоанна Богослова, 9:6.

гнева Его»[39]. Вдобавок Иниго почувствовал себя грязным неряхой.

— А вот и мистер Джоллифант! — Перед ним вновь вырос сияющий мистер Тимпани. — Познакомьтесь, это мистер Гради.

— Мы чрезвычайно рады, что вы решили к нам заехать, — пробубнил мистер Гради очень низким голосом. В этом сухопаром, безупречно одетом старике действительно было что-то от патриарха. Грозные кустистые брови, нос с властной семитской горбинкой, длинные белые усы, словно попавшие сюда из другого мира, — такое лицо сразу представлялось в обрамлении дыма от жертвенного костра.

Иниго ответил, что тоже очень рад, а потом отвел мистера Тимпани в сторонку и спросил, где можно умыться и почистить одежду. Мистер Тимпани вспомнил, что ему надо подыскать ночлег. Он посоветовался с мистером Гради, и тот вновь навис над Иниго.

— В моем доме есть свободная комната, — объявил он. — Вы заночуете у нас.

Иниго хотелось ответить ему в столь же величественной манере, но он лишь выдавил жалкое

---

[39] Примечания: 39
Библия. Ветхий Завет. Книга Пророка Исаии, 13:13.

«спасибо, не стоит, так неудобно, столько хлопот, я уж где-нибудь заночую», однако мистер Гради не удостоил вниманием его слова.

— У нас есть свободная комната, — повторил он. — Моя супруга сейчас хлопочет на кухне, готовится к чаепитию, так что вас проводит моя племянница. — С этими словами он отбыл, а следом ушел мистер Тимпани.

Иниго ожидал увидеть какую-нибудь высокую костлявую девицу с крупным носом, дочь Ефрема или Гада. Каково же было его удивление, когда мистер Тимпани вернулся с румяной и улыбчивой девчушкой лет двадцати, весьма и весьма хорошенькой. Ему будет прислуживать племянница самого мистера Гради, первая красавица племени! Иниго, более чем впечатлительный юноша, пылко пожал ей ручку и в приподнятом настроении пошел за ней к дому, находившемуся в каких-то пятиста ярдах от зала собраний. Там Иниго в самом деле передали пожилой даме, которая проводила его в чистую аккуратную комнатку; однако, когда он умылся, почистился и вернулся в гостиную, там его ждала мисс Ларч, все такая же румяная и улыбчивая. Ему захотелось вновь пожать ей ручку. На ней было прелестное голубое платье до колен — там, где

заканчивался подол, начинались чулки самых изящных очертаний; пять очаровательных веснушек украшали ее нос, а огромные голубые глаза с густыми ресницами вспыхивали всякий раз, когда обращались к Иниго. Ему не верилось, что эта милашка — дочь Ефрема или Гада.

— Вы совершенно не похожи на Вторую ресуррекнионистку, — смело признался ей Иниго на обратном пути. Тут ему, конечно, пришлось объяснить, как в его представлении выглядят Вторые ресуррекционисты, и обрисовать яркий образ костлявой носатой дамы. Мисс Ларч рассмеялась. Она ведь выглядит несколько иначе, не правда ли? Разумеется, заверил ее Иниго, отчего она сделалась еще румянее и улыбчивей. Но и он, добавила мисс Ларч, ни капли не похож на ресуррекциониста. А это потому, что он не ресуррекционист. Как же он здесь очутился? Иниго вкратце рассказал свою историю и потребовал того же от мисс Ларч. Как выяснилось, она живет здесь всего полтора года. Миссис Гради — ее тетя по маминой линии. Приходится целыми днями помогать ей по хозяйству, и все это очень, очень скучно, хотя дядя и тетя ужасно, ужасно добрые, вот только делать тут совершенно нечего, а все, кто приходит к ним в дом, — либо старики, либо

ханжи, либо то и другое вместе. Только и знают, что твердить про Библию, потерянные колена и пирамиды, и иногда ей кажется, что это глупости, а иногда приходится верить, потому что все знакомые миссис и мистера Гради глубоко в этом убеждены, и еще она чувствует себя немножко подлой, и временами ей бывает страшно, да, ужасно страшно. Мисс Ларч — Фреда — тараторила без умолку, задыхаясь, и Иниго сразу понял, что ей уже давно некому излить душу. До зала они добрались если не друзьями, то по крайней мере сообщниками, ведь юность, когда ее ссылают во владения старости, сразу становится самым могущественным из тайных обществ. У входа Иниго многозначительно посмотрел на алые буквы, и Фреда тоже. Потом их взгляды встретились.

Дверь была закрыта, но они тихонько отворили ее и заглянули внутрь. За длинными столами сидели шестьдесят или семьдесят человек. Они еще не приступили к еде, а слушали мистера Гради, который, по-видимому, заканчивал речь, стоя на помосте в дальнем конце зала. Он бубнил несколько минут, прежде чем Иниго смог разобрать слова, однако последняя цитата из Библии, которую он держал в руках, прозвучала вполне четко. Услышанное так потрясло Иниго, что весь

Оксуэлл показался ему причудливым сном.

— И будет в тот день, — взревел мистер Гради, — снимется с рамен твоих бремя его, и ярмо его — с шеи твоей; и распадется ярмо от тука. Он идет на Аиаф, проходит Мигрон, в Михмасе складывает свои запасы[40]. — Немного помолчав для приличия, мистер Гради сошел с помоста. — Давайте пить чай, — уже тише произнес он, и началось столпотворение.

— Да тут у них и впрямь Михмас, определенно, — пробормотал Иниго. Мистер Тимпани занял им места рядом с собой, но за столом было так много народу и сидели они так давно, что втиснуться между ними оказалось нелегкой задачей. Сначала села Фреда, а Иниго кое-как устроился между ней и Тимпани, от которого чуть не шел пар.

— Жарковато здесь, не находите? — сказал он Иниго. — Но собрание шикарное, просто шикарное!

Быть может, собрание действительно было шикарное, однако сама трапеза показалась Иниго более чем странной. В жизни ему нередко доводилось плотно закусывать перед ужином, но

---

[40] Примечания: 40
Библия. Ветхий Завет. Книга Пророка Исаии, 10:27.

плотнее, чем в тот вечер, — никогда. Скамьи превратились в плотную массу едоков, а столы — в плотную массу пищи. Там были всевозможные сорта ветчины, языки, громадные куски холодной говядины, высокие пироги и яичные салаты; блюда ломились от белого и ржаного хлеба, кексов с изюмом и лепешек, от пирожков с вареньем, ватрушек, пирожных со взбитыми сливками и миндального печенья. На столах красовались ореховые, сливовые, шоколадные и кокосовые кексы, горы сахара, кварты крема; поток чая не иссякал. Впервые в жизни Иниго видел столько еды. Его словно пригласили в огромный продовольственный магазин и попросили съесть все запасы. Червячка тут не замаривали — его безжалостно истребляли. Один вид этих столов мог раз и навсегда уничтожить голод по всему миру; невозможно было представить, что голод вообще существует. Иниго пробовал то одно, то другое, но вскоре перестал замечать, что именно ест — так жарко, тесно и удивительно ему было. Вторые ресуррекционисты встретили врага как подобает: самое плотное из чаепитий обрело в их лице достойного противника. Проведи они сорок лет в пустыне, им не удалось бы расправиться с ним мужественней. Они не болтали, не

смеялись, не набрасывались на все сразу, быстро теряя запал, — о нет, они ели молча, методично и стремительно. Неумолимо продвигаясь от первого ломтика ветчины к последнему кусочку шоколадного кекса, за пятьдесят минут они превратили столы в груды пустых тарелок, а чай заструился бледным, едва теплым ручейком. Иниго быстро сдался, однако не ушел спать, а благоговейно глазел по сторонам; справа от него кипятился мистер Тимпани, слева изящно поджаривалась Фреда. Напротив сидели две дамы с длинными желтыми лицами, почти копии друг друга, и круглый беззубый коротышка — он жевал так усердно, что между его носом и подбородком оставалось не больше дюйма. Казалось бы, эта троица не в состоянии потрепать даже фланги колоссального чаепития, однако они проследовали прямиком сквозь него и вышли невредимыми. Над головами едоков висел еще один алый плакат мистера Гради, начинавшийся такой строчкой из Библии: «И свет светильника уже не появится в тебе». Иниго изумленно переводил взгляд с едоков на плакат и обратно. Все это было очень, очень странно.

Чаепитие подошло к концу. Фреда исчезла; мистера Тимпани увели дочери Ефрема и Гада,

а Иниго вышел на улицу подышать воздухом, который обрел для него новый, восхитительный аромат. Затем он выкурил трубку и стал бродить туда-сюда по дороге, не сводя глаз с двери, чтобы не разминуться с прекрасной Фредой. В зал торопливо вошли несколько ресуррекционистов, из-за работы опоздавших на чаепитие мистера Гради (а ведь таких чаепитий впереди оставалось в лучшем случае два); затем ко входу подкатила большая машина, из которой аккуратно выгрузились на дорожку несколько человек — очевидно, схватка с чаепитием была им не по силам. Огромной женщине средних лет, властной и багровой, прислуживала, как это часто бывает, понурая девушка в безрадостной и явно ненавистной ей блузке. Сопровождал их высокий джентльмен с военной выправкой и чрезвычайно длинным, тощим и коричневым лицом. Иниго стал смотреть, как эта троица вплывает в зал, когда в дверях мелькнуло заветное голубое платье.

— Ну, — спросил он вышедшую Фреду, — когда начнется собрание?

— Через минуту, — ответила та. — Шишки только что приехали. Видали их? На чаепитии они не присутствовали, это ниже их достоинства. Та женщина с красным лицом и большим но-

сом — миссис Бевисон-Берр, а с ней дочка — она всегда молчит и ужасно одевается. Джентльмен — майор Данкер. Он вообще-то милый, но слегка чокнутый.

— Это ничего, мы все немного чокнутые.

— Может, вы и чокнутый, — обиделась Фреда, — а я ни капельки…

— Я знаю, что вы сейчас скажете, — перебил ее Иниго.

— Неправда!

— Правда. Вы хотели сказать: «Так-то!»

— А вот и нет! — воскликнула Фреда и скорчила умоляющую гримаску — ей хотелось еще, потому что именно так в ее представлении велись настоящие беседы. Просидев полтора года в четырех стенах, слушая стариков и ханжей, которые либо пугали ее, либо несли откровенный вздор, она теперь с наслаждением перечила симпатичному молодому человеку с красивыми глазами — это было чудесно. Иниго пожалел ее и принялся «молоть языком» дальше (так он это называл), невольно отметив, что будь Фреда фунтов на сорок увесистей или носи она очки в стальной оправе, он бы умчался отсюда куда глаза глядят. В данных же условиях он был в восторге от Фреды, от собственного остроумия и ироничных

наблюдений.

Наконец пришло время собрания, совещания, конференции — или как еще это назвать. Посуду убрали, чайные столы отодвинули, а все скамьи расставили перед небольшим помостом, на который торжественно взошли мистер Гради, миссис Бевисон-Берр, майор Данкер и мистер Тимпани — вид у них был такой, словно они собрались петь квартетом. Ресуррекционисты бросились занимать места. Фреда и Иниго брели в хвосте толпы, поэтому им достались последние места в последнем ряду. Фреду припечатало к чрезвычайно дородной даме, которая улыбнулась и погладила ее по руке. Иниго присел на самый краешек скамьи и вынужден был вцепиться в нее за спиной Фреды — вторая половина его мягкого места висела в воздухе.

Мистер Гради сделал шаг вперед и окинул толпу благосклонным и одновременно властным взглядом, словно перед ним были его пастухи, лучники, служанки и домашний скот. Затем поднял руку. В тот же миг все собравшиеся подались вперед и прикрыли лица. Иниго не знал, что будет дальше, но невольно дернулся вперед и случайно положил руку Фреде на талию. Она стряхнула ее и что-то прошептала. «Простите,

я не нарочно», — начал шептать он, прилагая неимоверные усилия, чтобы убрать преступную руку с талии Фреды. Та яростно шикнула. Мистер Гради приступил к молитве. Молитва оказалась весьма длинной, а Иниго было так неудобно, его тело скрутилось в такой страшный узел, что слушать ее он не мог — зато прочувствовал всеми фибрами (мистер Гради то и дело упоминал рабство и скитания по великим пустыням).

После молитвы все вновь сели, как положено, а мистер Гради минуты две просто стоял на помосте и смотрел на собравшихся. Иниго стал гадать, что же будет дальше.

— И-и-и… — запел мистер Гради.

Все сразу вскочили на ноги — кроме Иниго. Он на секунду замешкался, его конец скамейки резко опустился и скинул Иниго на пол; другой конец взлетел вверх и опрокинул круглого коротышку — того самого, беззубого, — на скамью впереди; поднялись крики и суматоха. Гимн оборвался, коротышку вернули на место, скамью поправили, а Иниго — красный как рак, пыльный и злой — встал на ноги.

— И-и-и-и… — вновь затянул мистер Гради, и тут уж грянули все. Иниго не пел: он впервые слышал этот гимн и чувствовал себя очень глупо.

Когда наконец все опять сели, он почувствовал себя еще глупей, потому что от выделенного ему места на краю скамьи ничего не осталось. Он уже хотел отойти и прислониться к стене, когда Фреда отхватила кусочек скамьи у дородной дамы справа и так мило предложила ему сесть, что Иниго не устоял. На этих шести дюймах он и просидел остаток вечера.

Сначала слово дали мистеру Е. Г. Тимпани. Взмокший и гордый, он вышел вперед, сжимая в руках толстую стопку заметок, и весь превратился в золотые очки, зубы и нелепые каштановые кудряшки. Он широко улыбнулся публике — за такие минуты мистер Тимпани без колебаний продал бы весь Вулвергемптон — и принялся сыпать цифрами: сравнил число новообращенных в Ефреме и Дане, доказал, что Гад скоро обскачет Иссахара, и даже назвал процентные соотношения. Мистер Тимпани столь умело пользовался своими бухгалтерскими навыками, что Иниго стал ждать, когда он вспомнит о других пройденных курсах и заговорит на деловом испанском. Не восхититься мистером Тимпани было нельзя, так искренне он радовался, так простодушно гордился своей ответственной оргсекретарской должностью. Иниго с грустью подумал, что мисте-

ру Тимпани недолго радоваться жизни — через два года он поймет, каким был дураком (если, конечно, Вторые ресуррекционисты не оставили за собой право регулярно переносить Судный день на несколько лет вперед).

Потом выступала миссис Бевисон-Берр, деспот и тиран. Темой ее доклада было безбожие. Она говорила о безбожии так, словно это гнусный человек, который завел себе привычку каждое утро и каждый вечер наносить ей личные оскорбления. Мисс Бевисон-Берр приказала бороться с безбожием любыми возможными способами и перечислила многие из них. Впрочем, она не возлагала больших надежд на свою паству: лишь единицы из них угодны Иегове, однако борьба с безбожием — то малое, на что способен каждый. Кроме того, ресуррекционистам напомнили, что безбожие и большевизм — одно и то же. Затем миссис Бевисон-Берр вновь завела речь об Иегове. По ее тону можно было подумать, что это видный политик, остановившийся на ночлег в ее загородном доме. Речь миссис Бевисон-Берр не произвела фурора, однако ее присутствие явно порадовало большинство слушателей.

Следом за ней выступил майор Данкер. Он говорил о пирамидах, международных отношениях и

землетрясениях. Уткнувшись носом в свой блокнотик, он стал рассказывать о дюймах пирамиды, по которым легко вычисляются все главные даты мировой истории, однако из-за блокнотика следить за его мыслью было очень трудно. Затем он перешел к международным отношениям — в этой области стремительно назревал страшный кризис. Мы стоим на пороге величайших и последних войн в истории человечества, настоящего Армагеддона. Но это еще цветочки, после них начнется самое ужасное. Землетрясения. Все заметили, что ураганов, наводнений и землетрясений в последние годы становится все больше и больше; этот феномен ставит в тупик самых выдающихся ученых мира, которые пытаются раскрыть причины таинственных катаклизмов. Однако все тщетно. Дело тут не в падении или подъеме столбика барометра, и даже не в пятнах на солнце. Страшные силы, до сих пор пребывавшие в плену, вырвались на волю. Таковы первые деяния освобожденного Князя Тьмы. «Когда же окончится тысяча лет, сатана будет освобожден из темницы своей»[41]. Этой цитатой, произнесенной тем же сухим тоном, майор

[41] Примечания: 41
Библия. Новый Завет. Откровение Иоанна Богослова, 20:7.

внезапно заключил свою речь. Иниго решил, что это действительно очень тихий и порядочный душевнобольной.

Мистер Гради спросил, не хочет ли кто-нибудь из собравшихся взять слово. Минуту или две все молчали, а потом на ноги вскочил человек с черной бородой. Он быстро проговорил, что король Георг V — девяносто девятый по счету после царя Давида, и сразу сел. Затем поднялась сухонькая женщина с пронзительным голосом: ей уже четвертый раз за год снилось, как ангел машет над собором Святого Павла чем-то вроде золотого ведерка для угля. Мистер Гради одобрительно кивнул, но в целом по нему было видно, что этой даме еще рано гордиться своими успехами. Потом вновь наступила тишина. Мистер Гради вышел вперед и хотел еще раз обратиться к слушателям, когда сзади поднялось какое-то волнение.

— О, какая радость, пожаловал наш давний друг, преподобный Хиггинворт Вендерби! — возгласил мистер Гради. — Уверен, он с удовольствием скажет нам несколько слов. Какая честь!

На помост взошел высокий тучный мужчина в черном. Пока слушатели яростно аплодировали, этот необыкновенный человек отдувался и отирал лоб. У него была густая грива темных волос

и чрезвычайно широкое, белое и мокрое лицо с впалым лбом и подбородком.

— Друзья! — прогремел он. — Прошу вас немного подождать. Я не могу говорить с вами, задыхаясь, а я так спешил, что не задыхаться не могу. — Зал вновь взорвался овациями. Хлопал даже Иниго: оглядевшись по сторонам, он заметил, что все собравшиеся разом повеселели, выпрямились и приготовились слушать.

Мистер Вендерби поднял большую белую руку.

— Друзья, — мягко начал он, — я очень рад, что вновь могу выступить перед вами, а ведь в нашей юдоли печали и слез так мало радостей! Мы живем во грехе, и Смерть вовсю хозяйничает среди людей. Муж бросает жену, мать льет слезы над покинувшим гнездо сыном. — В таком духе он продолжал несколько минут; голос его звучал мягко и переливчато, словно приглушенные сурдинкой струны. Не имело значения, что он говорил, важно было — как. Даже Иниго, которому мистер Вендерби сразу внушил неприязнь, отчего-то растаял. Остальные же без стеснения предались роскоши простых чувств: некоторые дамы плакали, Фреда взволнованно ерзала на месте, покусывая губу, отчего Иниго стало неудобно и душой, и телом.

Мистер Вендерби умолк и свесил огромную голову, а потом стал поднимать ее все выше, выше, пока его белое мокрое лицо не засияло в солнечных лучах — по крайней мере так всем показалось.

— Но разве я пришел сюда лишь с этой вестью? — спросил он, не повышая голоса. — Неужели вы никогда не слышали о грехах, невзгодах и смерти, а я открыл вам глаза? Неужели мне больше нечего вам сказать? В этом ли вся суть моего обращения? — Мистер Вендерби шагнул вперед и встал на самом краю помоста. — Нет! — прогремел он. — Нет, тысячу раз нет!

— Ефрем!!! — завопил кто-то прямо в ухо Иниго.

— Прошу прощения?! — испуганно вскрикнул тот. Однако подсевший к Иниго человек не обратил на него никакого внимания и продолжал сверлить взглядом проповедника.

— Я искал Слово и нашел его! — прогремел мистер Вендерби всей недюжинной мощью голосовых связок и воздел к небу Библию. — После сего я услышал на небе громкий голос многочисленного народа, который говорил: аллилуйя! Спасение и слава, и честь, и сила Господу нашему! Ибо истинны и праведны суды Его! потому что Он

осудил ту великую любодейцу, которая растлила землю любодейством своим, и взыскал кровь рабов Своих от руки ее. И вторично сказали: аллилуйя! И дым ее восходил во веки веков[42].

Мистер Вендерби стер мир в прах и одним могучим криком развеял его по ветру. Он сопроводил всех верующих на небеса, стройными рядами провел их сквозь жемчужные врата на улицы из чистого золота, туда, где от престола Бога и Агнца исходила чистая, как кристалл, река воды жизни.

Он воздел руки к небу, и все собравшиеся вскочили с мест. Если раньше они стонали, то теперь закричали во все горло. Лишь миссис Бевисон-Берр и майор Данкер сохраняли спокойствие. Мистер Тимпани снял очки и принялся лихорадочно тереть их платком. Мистер Гради величаво громоздился на стуле, и лицо его сияло в лучах незримых пустынных солнц. Иниго потрясенно глазел по сторонам: в зале творилось неописуемое. Его взгляд заметался от одного исступленного лица к другому. Так вот в чем секрет: эти минуты вакхического буйства скрашивали им бесконечные тоскливые месяцы, сверкали

[42] Примечания: 42
Библия. Новый Завет. Откровение Иоанна Богослова, 19:1–3.

подобно драгоценным камням на выцветших фотографиях их скучной жизни. Жалость кольнула сердце Иниго, но в следующий миг все прошло.

Мистер Вендерби, бледный и мокрый, как никогда, пламенно благословил паству, и на этом собрание закончилось. Все ринулись к сцене.

— Что будем делать? — спросил Иниго Фреду.

— Пойдемте отсюда, хорошо? Сегодня было не так страшно, как обычно, а все же мне не по себе. Я заметила, что на улице легчает.

Они пошли по дороге, радостно понося всех Вторых ресуррекционистов, вместе взятых, но возле дома Фреда замешкалась.

— Мне лучше пойти домой. Тетушка наверняка попросит меня помочь ей с ужином.

— С ужином?! — ахнул Иниго. — После такого чаепития?! Нет-нет, они не смогут ужинать! Если, конечно, не просидят в гостиной всю ночь.

— Очень даже смогут. Они страшные обжоры, поверьте моему слову. И дядя приведет нескольких гостей. Потому я и не хочу домой — они будут говорить, говорить, говорить… Лично я их разговорами уже сыта по горло, а вы?

Иниго признался, что тоже сыт. Они прошли еще милю вверх по дороге, постояли на мосту, болтая обо всякой чепухе, и вернулись к дому.

Фреда, однако, не зашла, а подкралась к освещенному окну и заглянула внутрь.

— Они уже там, — объявила она. — Едят сандвичи. Ну, что я вам говорила?

— Потрясающе! — тихонько воскликнул Иниго. — Нет, ну нельзя же так объедаться! Они сожрут весь мир! Я прямо вижу, как зубы Тимпани смыкаются на бедном сандвиче. Кошмар, кошмар! Идемте отсюда.

Заглянув напоследок в гостиную, Фреда пошла за ним.

— Пришел мистер Вендерби. Мне он не нравится, а вам? Жуткий тип, самый жуткий из всех, по-моему. Знаете, он постоянно зовет меня «младшей сестричкой»…

— Какой нахал!

— И еще у меня все время такое ощущение, будто он хочет меня поцеловать. Он не станет, конечно…

— Пожалуй, нет.

— …но мне все равно кажется, что он бы меня поцеловал, если б я не стала сопротивляться.

— Мерзкое животное! — вскричал Иниго. Его охватила ярость. Он положил руку Фреде на талию и, дрожа от праведного гнева, взглянул на беззащитную, покинутую всеми красавицу.

— Вы так думаете? — прошептала она, не шевелясь, только чуть приподняв личико.

— Да еще бледный, как поганка, — твердо произнес Иниго. Ее головка все поднималась, пока на лицо не упал свет. Темный изгиб хорошеньких губ так и манил… устоять было невозможно. Иниго наклонился, однако как раз в эту секунду кто-то открыл входную дверь, и Фреда упорхнула за угол. Иниго бросился за ней, но нагнал лишь тогда, когда они обогнули дом и вновь очутились перед дверью.

В коридоре им встретился мистер Тимпани.

— Шикарное собрание, не находите? — обратился он к ним.

— О да, лучше не придумать, просто чудо! — отдуваясь, выдавили они.

— Надеюсь, вы не пожалели, что заехали к нам, мистер Джоллифант? — продолжал мистер Тимпани. — Только не говорите, что вам было скучно.

— Не скажу! — пообещал Иниго, тряся ему руку.

III

На следующий вечер, в среду, Иниго прогуливался по улицам Ноттингема. Он поехал туда не за

мистером Мортоном Митчемом, хотя несколько раз не без волнения напоминал себе, что именно туда направился этот удивительный человек и лодырь, решивший навестить старых друзей. В любой момент, говорил себе Иниго, мимо него может проходить старый друг мистера Митчема. Однако отправился он туда по другой причине: за завтраком Фреда сказала, что едет в Ноттингем к зубному. Иниго, сколь туманными ни были его планы, сразу ответил, что едет туда же. Это поразительное совпадение привело их в один автобус, посадило за один обеденный столик в кафе и в конечном итоге обрекло, по просьбе Фреды, на совместное проведение досуга в Ноттингеме: некоторую часть этого досуга они провели даже чересчур близко друг к другу, в огромной романтичной пещере под названием кинотеатр.

Иниго не питал большой страсти к кинематографу, особенно средь бела дня, когда топорная сентиментальность и глицериновые слезы казались ему откровенным кощунством. В кинотеатре был орган, состоявший целиком из одного гигантского неумолкающего регистра vox humana, и слушать его было все равно что насильно запихивать в себя патоку. Но Фреде, сбежавшей из беспросветной глуши Оксуэлла и

от Вторых ресуррекционистов, все нравилось. Она жевала шоколадки, пила чай, ела кексы, выкурила, беспрестанно кашляя, две сигареты; смеялась в смешных местах и скорбно хмурилась, когда все, кроме любви и vox Humana, погибало; в самые волнительные минуты стискивала руку Иниго, а в скучных промежутках между ними вовсю строила ему глазки. Они просидели в кинотеатре так долго, что на улице, в ярком свете дня, Иниго удивленно заморгал: окружавший их мир, вполне материальный и трехмерный, на миг показался ему иллюзией. Отчего-то он почувствовал себя глупо и даже обрадовался, когда наконец посадил Фреду, все такую же улыбчивую и румяную, на шестичасовой автобус. Затем он вернулся в дешевую гостиницу, где оставил рюкзак, и съел пресквер ный ужин.

Минут пятнадцать прошатавшись по улицам Ноттингема, Иниго заглянул в ближайшую таверну пропустить пинту горького. К счастью, там было почти пусто — ему хотелось посидеть в тишине и подумать. Что теперь делать? Проскитаться еще несколько дней и вернуться к дяде в Далуич, где снова обивать пороги бирж труда? И вообще — хочет ли он снова преподавать? Нет, не хочет. Но что тогда? Иниго не знал ответа. Он мог

позволить себе небольшой отпуск, однако рано или поздно придется что-то решать с работой. Конечно, у него теперь есть возможность попробовать себя в чем-нибудь новом, да только вот в чем? В журналистике? Его душе это претило. Иниго как раз размышлял о своих душевных склонностях, когда в зал вошел хозяин таверны и кивнул ему.

— Погодка-то портится, — изрек он. — Но нам грех жаловаться, месяц был чудный.

Иниго никогда не знал, как надо отвечать на подобные высказывания о погоде. Ему казалось, что люди, которые их произносят, принадлежат к некоему тайному братству метеорологов или даже хозяев погоды, и он в этом братстве — чужак, посторонний. Вот и сейчас Иниго с трудом буркнул что-то в ответ, потом задумался и проговорил:

— Знаете, я тут сижу и думаю, чем мне заняться. Вот вы бы что сделали на моем месте, будь вы молодым человеком с весьма и весьма скромным достатком?

— За это дело я бы не взялся, — без промедлений ответил хозяин таверны.

— Правда?

— Ни за что! Даром не надо. Никакой прибыли,

все летит к чертям. То одно, то другое, хлопот не оберешься — а пиво толком не продается, постоянного дохода нет, ну, вы понимаете. Нет уж, я бы что-нибудь другое придумал. — Он стал расхаживать перед камином, позвякивая монетами в кармане брюк.

— А мне что посоветуете? — спросил Иниго.

— Будь я помоложе, принимал бы ставки на лошадей, — понизив голос, ответил хозяин таверны. — Этим ребятам деньги сами в руки плывут, успевай только карман подставлять. Они сюда частенько захаживают, ай-ай-ай… — Он принялся цокать языком и качать головой — словами это было не описать.

— Стать букмекером? Боюсь, это не по мне. Я в скачках ни бельмеса не смыслю, да и кричать не умею.

— Да не надо там кричать, и знать ничего не надо! Половина букмекеров не знают, где живут. А деньгу зашибают будь здоров. Купаются в золоте, купаются! Где они его берут, скажите-ка, где? — Чтобы задать этот важный вопрос, он подошел вплотную к Иниго — тот ответил, что понятия не имеет. — Так я вам скажу. Они обдирают простачков, как мы с вами. Простачков! Верно я говорю, Чарли? — В комнату только что вошел человек.

— Верно, Джек, — ответил Чарли, подмигнув Иниго. — Не знаю, о чем вы тут говорите, но ты прав. — Он сел, сдвинул кепку на затылок и принялся громко насвистывать.

— Слушай, Чарли, — обратился к нему хозяин, — что ты наплел Джимми? Он сказал старику Фреду, будто я выиграл десятку на Вишневой Леди…

Иниго спешно покинул таверну. На улицах уже зажигали фонари и стало повеселей, но единственным развлечением было глазеть, как бесчисленные юноши кокетничают с бесчисленными перепудренными и недокормленными девицами, предусмотрительно разгуливающими близ кинотеатров. Вскоре Иниго пришел к выводу, что на этих улицах ничуть не весело. Они нагоняли на него тоску. Он подумал было засесть в номере и прибавить одно-два предложения к «Последнему рюкзаку», но мысль об унылой дешевой гостинице его отвадила. В такой гостинице нельзя написать ничего мало-мальски стоящего. «Даже не думай, — сказал он себе, — из-под твоего пера начнут выходить всякие „в соответствии“, „будучи“ и прочее в том же духе».

Иниго остановился рядом с большой сверкающей таверной. Вывеска гласила, что в таверне

есть Комната для пения, а Иниго никогда раньше в таких не бывал. Он вошел и обнаружил перед собой длинную изогнутую барную стойку, за которой было чересчур много зеркал и электрических лампочек. Дело шло бойко — так бойко, что прилавок чем-то залили, сдачу Иниго выдали мокрую, а пиво выглядело отвратительно. Он заметил несколько шикарных дверей с витражами, но какая из них вела в Комнату для пения, было неясно. Глотнув пива, Иниго отставил кружку, твердо решил о ней забыть и начал пробиваться сквозь толчею к дверям. Тут из-за спины человека, придерживавшего одну дверь, донесся голос: «Ввиду отсутствия пианиста, леди и джентльмены, вы не услышите моих знаменитых соло на банджо, зато, с вашего позволения, я рискну показать пару карточных трюков».

Ошибки быть не могло. Голос принадлежал великому путешественнику и лодырю, навещателю старых ноттингемских друзей мистеру Мортону Митчему.

Иниго просочился внутрь. Да, то была Комната для пения, и в дальнем конце ее, у рояля, перед аудиторией из двадцати мужчин, юношей и девиц с безразличными лицами стоял Мортон Митчем. На нем был тот же светлый костюм в

клетку, воротничок Безумного Шляпника и галстук, брови казались еще гуще, нос красней, а подбородок длиннее и синее, чем прежде.

— Начну с маленького фокуса, с которым я выступал по всему миру — в Америке, Австралии, Индии и самых важных городах Соединенного Королевства — кроме Ноттингема. Обращаю на это ваше внимание, дамы и господа, — кроме Ноттингема. — Он достал колоду карт. — Теперь я попрошу кого-нибудь из вас вытянуть карту…

— Заказы будут? — проорал выскочивший откуда ни возьмись официант.

— Принеси ещще двойного, — сказал ему изрядно набравшийся джентльмен, который в одиночку занимал целый столик.

Иниго попросил бутылку «Басса» и устроился недалеко от пьяного джентльмена, рядом с мужчиной средних лет и миниатюрной женщиной в очках: они пили крепкий портер и безмятежно держались за руки. Мистер Митчем уставился на нового посетителя, нахмурил громадные брови и поджал губы. Иниго широко улыбнулся и наконец получил в ответ кивок и улыбку. Мистер Митчем, не желая начинать представление, пока официант не вернется с заказом, подошел к Иниго и спокойно заметил:

— Я тебя знаю, мальчик, и ты, видно, знаешь меня. Но где мы познакомились?

— На Даллингемском узле, позавчера, — ответил Иниго.

— А, точно! Ты еще угощал печеньем и шоколадом. Веселая была ночка, а? — Он заговорил тише: — Я тут просто коротаю вечер, развлекаюсь, так сказать. Вообще-то я не по этой части.

— Пожалуй. Выпьете?

— Спасибо, мой мальчик, выпью. Мне бы виски стаканчик… скажем, двойной скотч. — Он опять понизил голос: — Кому сказать, что Мортон Митчем выступал в эдакой дыре, никто не поверит, ей-богу. Но я, знаешь ли, развлекаюсь. Люблю подивить почтенную публику хорошим карточным фокусом. Они ж ничего подобного в жизни не видали!

Официант вернулся и сразу ушел за двойным виски, а мистер Митчем начал представление. Джентльмен в крошечной коричневой шляпе вытянул карту.

— Посмотрите на эту карту, сэр, — важно проговорил мистер Митчем, — посмотрите на нее внимательно. Можете показать ее остальным, только не мне, ха-ха! А теперь возьмите этот конверт — самый обычный белый конверт, — по-

ложите в него карту и заправьте клапан внутрь. Не надо его лизать, он мне еще пригодится. Я не вижу, что это за карта. А теперь смотрите внимательно, я накрываю конверт…

Тут изрядно набравшийся джентльмен решил внести дельное предложение.

— Да ну эти карты! — хрипло прокричал он. — Хочу музыку!

— Итак, я накрываю конверт платком…

— Музыку давай!

Мистер Митчем нахмурился:

— Всему свое время, сэр, всему свое время. Сейчас я пытаюсь развлечь почтенных зрителей карточным фокусом. Буду премного благодарен, — строго добавил он, — если вы не станете мне мешать.

— Харашо, хар-рашо!.. — Джентльмен махнул рукой, и его румяное лицо растянулось в широкой глупой улыбке.

— Итак, вы видите, что это самый обычный платок. Я кладу под него конверт…

— Но я хочу музыки!

Мистер Митчем умолк и воззрился на пьяного. Двое или трое зрителей захохотали, однако молодой человек в зеленой матерчатой кепке не на шутку разозлился.

— Ну-ка закрой варежку!

Джентльмен тут же осекся и громко вопросил, как это понимать.

— Не шумите, джентльмены! — крикнул им официант, вернувшийся с двойным виски для мистера Митчема. Джентльмены затихли, и мистер Митчем наконец закончил фокус, достав убранную в конверт карту из середины колоды — к восторгу и овациям всех, кроме пьяного джентльмена и влюбленных, державшихся за руки. Иниго фокус тоже очень понравился. Молодой человек в зеленой кепке громко и восхищенно кричал:

— Умно! Первый раз такое вижу. Очень умно!

— А я уже видел этот фокус, — сказал человек, вытянувший карту. — Один малый на ипподроме его показывал.

— Можно узнать его имя? — нахмурившись, спросил мистер Митчем. — Я сам придумал этот фокус. Вы, верно, что-то перепутали.

— Ничего подобного, — спокойно, но твердо ответили ему. — Я видел именно этот фокус, а малого звали Великий Юлий. Да, Великий Юлий! Американка.

— Ах да, точно! — снисходительно вскричал мистер Митчем. — Раз его звали Великий Юлий, то вы правы. Я научил его этому фокусу в десятом

году, в Филадельфии. Правда, тогда он был не Великим Юлием, а самым обыкновенным Юлием Исенбаумом — обыкновенней не придумаешь. Да, я научил его этому фокусу.

Иниго восхищенно посмотрел на мистера Митчема, поймал его взгляд и показал на стакан виски. Фокусник тут же подошел, подмигнул и в один присест ополовинил стакан за здоровье «мальчика». Потом он волшебным образом извлек несколько карт из локтя, колена, прямо из воздуха и наконец попросил молодого человека в зеленой кепке (который то и дело кричал: «Умно!») поместить в колоду четыре дамы — куда ему будет угодно. Затем мистер Митчем потасовал карты, взял колоду одной рукой, другой и положил на ближайший столик, а четырех дам вытащил из кармана у задремавшего пьяного джентльмена. Тут уж в восторг пришли все, кроме самого джентльмена — он ударил по столу и заорал:

— З-заканчивай ф-фокусы! Музыку давай!

— Верно! — поддакнул кто-то. — Где Джо?

— Джо — пианист, — пояснил мистер Митчем Иниго. — Он тут работает, а сегодня почему-то не явился. А вон певец. — Иниго увидел плосколицего коротышку, который только что вошел в

зал. — Тоже неумеха, но мы можем и сработаться, с пианистом или без. Бывало, у меня вся толпа на ушах стояла, хотя пианино было не сыскать на двести, а то и на триста миль. Поверь, мой мальчик, как-то раз я проехал сто пятьдесят миль, только чтобы сыграть на свадьбе. Дело было в Саскачеване, то ли в девяносто пятом, то ли в девяносто шестом… — Он допил виски и добавил: — Нет, вру. — Иниго охнул. — Это было в девяносто четвертом, — торжественно заключил мистер Митчем.

Иниго взглянул на древний рояль в углу зала.

— Слушайте, — наконец сказал он, — я бы мог что-нибудь сыграть, если вам действительно нужен пианист.

— Конечно! — воодушевился мистер Митчем. — Ты же говорил, что играешь на пианино! Тебя-то я и искал. Так-так… запамятовал твое имя… а-а, Джоллифант! Ну да, да. — Он подманил к себе вокалиста и внушительно навис над ним. — Знакомьтесь, это мой старый друг мистер Джоллифант, один из лучших пианистов, когда-либо игравших в этом городе. Он только что приехал и пообещал нас выручить.

Пять минут спустя Иниго сидел за роялем и глядел на потрепанные ноты. Было решено, что

первым выступит певец, а потом уж мистер Митчем. Иниго пробежал пальцами по клавишам — очень желтым, местами опаленным и сильно расшатанным. Сам рояль, однако, был вовсе не так плох и запросто мог поднять отменный грохот. Иниго ударил по клавишам, и вокалист натужным, до боли пронзительным голосом сообщил публике, что жи-хвет в стра-ахне ро-хоз, но мечта-хет о снег-хах. Слушатели встретили балладу жидкими аплодисментами — первым захлопал пьяный джентльмен, который все это время притоптывал и фальшиво подвывал. Вокалист смочил саднящее горло крепким портером, дождался, пока шесть новых посетителей рассядутся и сделают заказы, а потом кивнул Иниго и как можно натужней вывел, что из всех женщин на белом свете любит только одну — свою престарелую мать. Это признание заметно оживило публику: один за другим они стали подхватывать песню и вскоре уже наперебой уверяли друг друга, что любят только своих престарелых матерей. К концу песни зал набился почти до отказа и грянули такие аплодисменты, что побагровевшему от натуги вокалисту пришлось «выразить благодарность всем и каждому» и спеть на бис. Эта песня также вызвала всеобщий восторг — на

сей раз речь шла о старой Ирландии и девице из хижины в Коннемаре. Нежных воспоминаний об этой девице не осталось только у Иниго, мистера Мортона Митчема и официанта.

Вокалист покинул сцену; мистер Митчем начал настраивать банджо; официант принял заказы и предложил Иниго угоститься чем-нибудь за счет заведения; народу стало еще больше, воздух наполнился табачным дымом и болтовней; мистер Митчем насвистел на ухо Иниго несколько мелодий и прошептал указания; официант поставил на рояль стаканы с пивом и виски; пьяный джентльмен тщетно умолял подать ему еще двойного скотча; Иниго прямо на его глазах опорожнил свой стакан и сразу взбодрился.

Наконец они заиграли, сперва тихо — мистер Митчем качал головой в такт задорному *дзынь-дилинь, дзынь-дилинь*, а Иниго вовсю импровизировал, сдабривая мелодию искрометными вариациями. В зал, притоптывая и прихлопывая в такт музыке, входили новые и новые люди. Мистер Митчем ускорил темп и яростно замотал головой. Иниго не отставал: чем громче и быстрей они играли, тем безумней становились его фокусы. Он то с размаху бил по низам, то щедро сыпал высокими нотами.

— Тихо! — вдруг крикнул мистер Митчем и заиграл как можно тише и размеренней — и не подумаешь, что банджо на такое способно. Через минуту он завопил: «А теперь грянем!» — и они грянули. Поднялся такой дзынь-дилинь и тарарам, что все собравшиеся в Комнате для пения тоже грянули, и на шум прибежал сам хозяин. Он был очень доволен, что его посетителям так весело, жарко и хочется пить.

— С вашего позволения, леди и джентльмены, — сказал мистер Митчем после аплодисментов. Он вытер лицо и осушил стакан. — Сейчас я изображу боевой патруль. Должен сказать, я задумал этот номер, когда услышал наших храбрых солдатиков в… э-э… Аллахабаде.

Все громко затопали ногами, зазвенели кружками, а один краснолицый джентльмен заорал, что банджоист — «первосортный как бишь… валлах». Отвесив поклон, мистер Митчем стал изображать боевой патруль, то есть наигрывать быстрый марш — сперва тихо, а потом все громче и громче. Поскольку в аккомпанементе не было нужды, Иниго взял с крышки рояля очередной стакан (с каждой минутой угощение все прибывало) и без особого успеха стал строить из себя бывалого музыканта. Боевой патруль произвел на публику

неизгладимое впечатление, и мистеру Митчему пришлось исполнить вторую половину марша заново. Потом он махнул рукой, давая понять, что силы его на исходе, сказал Иниго: «Сбацай что-нибудь» и опустошил несколько стаканов.

Иниго тут же сел за рояль и стал наигрывать собственные мелодии, пока не дошел до той, которая всем нам хорошо известна под названием «Свернем же за угол». На первых, еще негромких аккордах он услышал в зале какое-то странное позвякивание и обернулся: высокий тощий Мортон Митчем бродил в толпе с протянутой шляпой. Сомнений быть не могло — этот лодырь собирал милостыню. Иниго пришел в ужас, но ненадолго. «Назвался груздем — полезай в кузов, — сказал он про себя и добавил: — Знать бы еще, что за кузов». Публика дружно затопала ногами в такт его мелодии. Может, сегодня Иниго начал не так лихо, как тогда в поместье Уошбери — школа теперь казалась ему крошечной конурой в тысяче миль отсюда, — зато финал получился даже быстрее и громче. Иниго заканчивал не один: мистер Митчем вернулся к инструменту, вмиг подобрал мелодию и с удивительным азартом принялся терзать струны. Вместе с ними свернула за угол вся Комната для пения.

— Господа, мы закрываемся! — крикнул официант, однако никто не удостоил его вниманием, кроме двух музыкантов, грянувших эффектную коду. Мелодия произвела фурор. Много лет Комната для пения не слышала таких аплодисментов — в пылу оваций расколотили три стакана. Публика кричала «Бис!» и «Еще, ребята!», но мистер Мортон Митчем, хоть пот лил с него градом и он уже изрядно набрался, с величайшим достоинством посмотрел на Иниго и качнул головой.

— Господа, будьте любезны, мы закрываемся! — чуть не плача, умолял официант.

Несколько взмокших поклонников ринулись пожимать руки музыкантам, а пьяный джентльмен ползал по полу в поисках утерянной шляпы, но в конце концов зал опустел. Иниго ошалело посмотрел по сторонам и увидел, что мистер Митчем аккуратно пересчитывает монеты, а рядом с собой вдруг обнаружил хозяина таверны.

— Славно вы их потешили, — сказал тот, указав на рояль. — Идите-ка сюда. — Он оттащил Иниго в сторону и зашептал: — Если вас устроят тридцать шиллингов в неделю и любые напитки за счет заведения, то я вас возьму, а Джо пошлю ко всем чертям.

— Спасибо, — пробормотал Иниго, — но работа мне не нужна, если вы об этом.

— Почему же? — вопросил хозяин. — В этом городе вам больше нигде таких денег не предложат.

— Я завтра уезжаю.

— А, тогда другое дело! Что ж, ей-богу, вы умеете потешить публику. Будете у нас — заходите, мы вам всегда рады. Идемте. — Он потащил Иниго обратно, туда, где мистер Митчем считал монеты. — Это вам от меня, маленькое поощрение, джентльмены! — Он бросил на кучку монет десятишиллинговую купюру, потом отвел на разговор мистера Митчема, крикнул что-то официанту и ушел.

Мистер Митчем завернул деньги в платок.

— Я знаю одно местечко, где можно прилично покормиться — прилично для этих краев, конечно. Настоящей *еды* тут не найдешь, даже не надейся, а вот корм ничего. Ну, как насчет маленького ужина? Я с утра ничего не ел — не хотелось, я поздняя пташка. Ну, пойдем, это недалеко, рядом с вокзалом.

Они сели у окна на втором этаже скромного и почти пустого ресторанчика. Иниго заказал только закуски, а вот мистер Митчем (судя по

всему, дня два он вынужденно сидел на строгой диете) попросил принести ему огромный стейк с горами лука и картофеля. Как только официантка ушла, он вытащил из кармана носовой платок с деньгами.

— Ну, приступим, — сказал он. — Хозяин дал нам десятку, так? А с зала я собрал двадцать три шиллинга и девять с половиной пенсов. Вот они, ровно двадцать три шиллинга и девять с половиной пенсов. Если поделить на два, сколько будет?

— Шестнадцать с чем-то, — ответил Инниго. — Но зачем вам? Вы что, делиться со мной вздумали?

— Разумеется, мой мальчик, разумеется! Правило всякого честного музыканта — не хитрить с выручкой. Не важно, — задумчиво произнес он, — что часть этих денег я заработал карточными фокусами. Последний, с конвертом, вышел чертовски хорошо. Но мы с тобой поделимся по-братски, так-то. Хитрить — не в моих правилах.

— Я не могу взять у вас деньги! Вы очень любезны, но я не могу.

— Не можешь?

— Нет. Понимаете ли…

Мистер Митчем похлопал его по руке и од-

новременно умудрился смахнуть все деньги обратно в платок.

— Понимаю, мальчик мой. Можешь не объяснять.

— Я сделал это шутки ради…

— Конечно, ты просто хотел повеселиться и заодно угодить старому другу! — пылко вскричал мистер Митчем. — Разумеется, ты и пенни от меня не примешь. Очень хорошо тебя понимаю, я сам такой же. Спроси в Торонто, что я сделал с выручкой в таверне старого Рейли, или как я поступил после того чудного концерта в Сан-Франциско, или когда в Мельбурне подвели работники сцены? Я понимаю твои чувства, как никто другой, мой мальчик. То чувства истинного джентльмена, музыканта, настоящего артиста. Ты напоминаешь мне… все твои поступки напоминают мне капитана Данстена-Кэрью. Сколько он концертов сыграл со мной в Индии, не счесть! И после каждого говорил: «Это большая честь для меня, сэр». Такого пианиста-любителя во всей Индии было не сыскать, умница! Вы с ним одной породы — я эту породу издалека вижу. Истинные джентльмены, но с огоньком.

Иниго ответил, что ему очень приятно быть одной породы с капитаном Данстеном-Кэрью.

— Но вот что я тебе скажу, мальчик мой, — продолжал мистер Митчем. — Раз ты не хочешь брать деньги, позволь хоть угостить тебя ужином. Я настаиваю. Что бы ты ни съел сегодня, я плачу. — И мистер Митчем окинул комнату таким благородным взглядом, что Иниго даже не сразу вспомнил о своем заказе, который обошелся бы примерно в десять пенсов.

— А вообще-то, — сказал мистер Митчем, в абсолютном молчании заглотив половину стейка, — такие концерты, как сегодняшний, — просто дурачество. Как я уже говорил, это не по моей части, но последнее время фортуна от меня отвернулась. Ну, ты знаешь, как оно бывает. Помню, двадцать лет назад я очутился в такой же дыре. Хотя нет, тогда было хуже. Я как раз приехал в Мемфис…

— В Мемфис! — восхищенно вскричал Иниго.

— В Мемфис, — подтвердил мистер Митчем. — За душой у меня не было ни гроша. Ну, ты представляешь, какая Мемфис дыра, если в кармане пусто.

— Еще бы! — воскликнул Иниго. — Хуже не придумаешь, верно? — Он сказал это с большим убеждением, хотя про Мемфис знал лишь то, что это город в Соединенных Штатах.

— Верно. Словом, приехал я в Мемфис, а ровно через три месяца — как думаешь, где я очутился? Скажу — не поверишь. В лучшем номере на первом этаже самой дорогой гостиницы Нового Орлеана! Телеграммы так и сыпались. Приезжайте туда-то, выступите там-то — хоть на части разорвись! Начальники трех синдикатов меня на руках не носили! Я не говорю, что и теперь будет так же. Времена изменились, мой мальчик, помяни мои слова. В стране нынче совсем нет денег. В общем, как я говорил, мне последнее время не везет. Варьете летят ко всем чертям. Сначала одно, потом другое — вот уж несколько недель едва свожу концы с концами, перебиваюсь случайными концертами, чуть ли не на улице играю. Летом-то еще ладно, а вот зимой — сам понимаешь, зимой нужен железный контракт. Дела так плохи, что я начал подумывать об оркестрах, но к ним ведь не подберешься. Надо быть членом профсоюза, чужаков они на милю не подпустят. Потом я вспомнил про комедиантов — бродячих. Так низко пасть! Но учти, я не говорю, что никогда этим не занимался. Одно время я даже играл негра — правда, в те дни это было престижно.

— А эти бродячие артисты, странствующие комедианты или как там они себя называют —

разве они не скачут, так сказать, с пирса на пирс? Сезон вроде кончился. — Тут до Иниго дошло, что он уже много лет не встречал таких трупп. Неужели люди до сих пор выделывают нелепые коленца, распевая смешные песенки? Вот это жизнь!

— Большинство трупп уже закончили сезон, но некоторые выступают и зимой, в маленьких городках подальше от побережья — там люди кому угодно рады.

— Пожалуй, — проговорил Иниго, все еще роясь в воспоминаниях.

— В общем, слушай, что я тебе скажу, и слушай очень внимательно, мой мальчик. Завтра я намереваюсь встретиться с одной бродячей труппой. Объясню зачем. Недавно я столкнулся на улице с двумя старыми знакомыми — прекрасные люди, муж и жена, вокалисты, но не сказать, чтоб шибко талантливые. Они мне сказали, что есть такая труппа, которая выступает даже зимой, и у них как раз освободилось место. На днях я видел объявление в «Стейдж»[43], что они две недели

[43] Примечания: 43

«Стейдж» — еженедельная английская газета, освещающая все стороны культурной и прежде всего театральной жизни страны. Издается с 1880 года. В газете публикуются афиши и объявления о новых театральных вакансиях.

пробудут в Роусли. Это недалеко, так что завтра я хочу к ним наведаться. Если тебе нечем заняться… Слушай, а чем ты занимаешься?

Иниго вкратце, но пылко описал свое нынешнее положение.

— Дружище, да ты зарываешь талант в землю! — убежденно проговорил мистер Митчем. — Тебе надо играть, остальное выкинь из головы. Когда я увидел тебя за работой, я подумал: «Этот мальчик — прирожденный пианист. Чуток набьет руку, поучится кой-чему у бывалого музыканта — будет виртуоз хоть куда». Ты мне верь, я в таких делах разбираюсь. Сколько я этих пианистов перевидал и переслушал… Тысячи!

Иниго рассмеялся.

— Понравилась вам моя музыка?

— Привязчивые штучки, привязчивые, да и слышу я их впервые. Где ты их взял?

— С неба.

— А-а… сам-то я радио не слушаю, — осмотрительно проговорил мистер Митчем, — но если долго слушать, парочку стоящих мелодий там можно найти.

— Нет-нет, я не в том смысле! Музыка — моя собственная. Ее сочинил я.

Мистер Митчем вытаращил глаза. Затем мед-

ленно протянул ему длинную желтую руку.

— Пожми-ка, — велел он, — да покрепче. А теперь слушай меня. Если толково все провернуть, деньги будешь грести лопатой. У тебя талант, имей это в виду. Конечно, надо малость подучиться и набраться опыта. Но после такого я не могу тебя отпустить, не могу! Это было бы преступлением. Держись за меня, мальчик. Поехали завтра со мной. Если для меня местечко найдется, то и для тебя что-нибудь подберем. А нет — так поедем дальше. Попытаем счастья в другом месте.

Иниго пришел к выводу, что это было бы весьма забавно.

— А как называется бродячая труппа? — спросил он.

— Сейчас скажу. — Мистер Митчем запустил руку в карман жилета и выудил оттуда газетную вырезку. — Вот. Они называют себя «Штучки-дрючки».

Иниго пронзительно вскрикнул:

— Нет, я отказываюсь быть штучкой-дрючкой!

Мистер Митчем нахмурил косматые брови.

— А что такое? Ты про них что-то знаешь?

— Нет, я про название! Это ужас что такое.

— Да ладно, пустяки! — Лицо мистера Митчема вновь прояснилось, будто солнце вышло из-за

черных холмов вышеупомянутой Южной Дакоты. Он встал и похлопал Иниго по плечу. — Раз мне плевать на название, тебе и подавно должно быть плевать. В твоем возрасте не важно, как себя называть или что носить — все сгодится. Но взгляни на меня, на старика! Отвечай, я похож на штучку-дрючку?!

С такой фантастической наружностью можно сойти за кого угодно, подумал Иниго, а вслух предложил спросить об этом официантку, которая шла их рассчитывать.

— Скажите, как по-вашему, — торжественно обратился к ней Иниго, — кто-нибудь из нас похож на штучку-дрючку?

— Да бросьте! — Официантка, видно, подумала, что они дурачатся, но так хотела спать, что предпочла не забивать себе голову.

— Хороший ответ, — сказал мистер Митчем, пока они спускались по лестнице. — Брось, я зайду за тобой утром. Где ты остановился?

И действительно, рано утром мистер Митчем подошел к гостинице Иниго — в компании банджо и огромной неприглядной сумки. Он не сказал, где спал, но, судя по виду, спал он прямо в своем клетчатом костюме. Сменив два проходящих поезда, они в конце концов очутились

в Роусли и поздним утром прошли мимо того самого привокзального буфета, куда им вскоре пришлось вернуться. Мистер Митчем не знал, где остановились его знакомые по фамилии Брандит, и поиски их временного жилища заняли некоторое время. Иниго вообще не понимал, как можно найти людей в чужом городе, но мистер Митчем, не преминув напомнить о своем опыте в подобных делах, заявил, что в маленьких городишках все знают друг о друге всё. Ему действительно удалось отыскать Брандитов. Маленькая женщина с пятью бигудями вокруг нахмуренного лба сообщила им безрадостную весть: «Штучек-дрючек» больше нет.

— И мне, признаться, очень их жаль. Мистер и миссис Брандит — такие славные люди, и сынок у них чудесный! — задыхаясь, выговорила хозяйка дома. — Этот молодчик, который всем заправлял, в воскресенье смотал удочки, а с ним и девица, что на пианино играла. У них ни пенни за душой! В городе на бедолаг ополчились — конечно, денег-то всем жалко, особенно нынче, когда цены растут как на дрожжах, — но, говорю вам, мне их жаль. Я не знала, куда глаза деть, когда миссис Брандит, такая благородная леди, не то что некоторые, пришла ко мне и разрыдалась. Сейчас они

всей труппой поехали на вокзал, сказали, что хотят все обсудить и выпить чаю в буфете миссис Маундер. Он прямо напротив вокзала — там их и найдете.

Вот как вышло, что мистер Митчем и Иниго очутились у входа в привокзальный буфет одновременно со стройной светловолосой женщиной и ее чудным спутником, крепким низкорослым работягой. Иниго подумал, что из них четверых вышел бы на редкость диковинный квартет.

В буфете было только шесть посетителей, и все они сидели за одним столиком в дальнем конце зала. Очевидно, то были несчастные обманутые комедианты, хотя назвать их несчастными язык не поворачивался: они громко переговаривались и хохотали. Мистер Митчем уверенно направился прямо к ним, а следом и светловолосая женщина, которая зачем-то возвращалась к машине. Иниго отчего-то смутился, замешкался, стянул с плеч рюкзак и замер на месте. Приземистый работяга тоже встал. Они переглянулись. Иниго приподнял брови и едва заметно улыбнулся, а работяга в ответ подмигнул.

— Вы, часом, не знаете, — оживленно зашептал он, — эти люди — как бишь их, бродячие артисты?

— Они самые, — ответил Иниго. — Труппа называется «Штучки-дрючки».

— Вот так названьице! — Он задумался и добавил: — Ничего не знаю про штучех-дрючех, но я так скажу: странное эт дело. Правда, со мной всю неделю черт-те чего творится.

Иниго подивился его важному тону, сильному акценту и серьезному, открытому лицу.

— Неужели?

— Ага. Началося в понедельник, когда ты, малый, спал в своей теплой кроватке…

— Минутку, уважаемый, минутку! Ночью в понедельник я не спал в своей кроватке, я вообще кровати не видел…

— Я тож. Только диван.

— Я сидел в зале ожидания Богом забытого вокзала под названием Даллингемский узел и слушал, как мой друг — вон тот — играет на банджо. Ну, каково?

— Ишь ты! Сколько народу-то по стране шатается, на каждом шагу таких встречаю. А вот угадай-ка, что было со мной?

— Сдаюсь.

— Я трясся по Великой северной дороге в одном грузовике с двумя отпетыми ворюгами, каких ты в жизни не видывал! — Глаза мистера Окройда

засветились гордостью. Наконец-то он нашел слушателя себе под стать!

— Вот это я понимаю, это дело! — вскричал Иниго и широко улыбнулся чудаковатому йоркширцу — очевидно, такому же романтику, как он сам. Оглядевшись по сторонам, он увидел, что мистер Митчем зовет его к столу, размахивая огромной ручищей.

В эту минуту из середины компании прозвенел голос:

— Ну же, не стесняйтесь! Скорей идите к нам. — То был девичий голос, беззаботный и чуточку насмешливый. Услыхав его, Иниго ощутил необъяснимый укол чудесного волнения, который помнит до сих пор и, возможно, не забудет никогда: прозвенел голосок, и перед Иниго словно подняли занавес.

— Еще чего не хватало — девчушки стесняться! — хмыкнул мистер Окройд. — Ну, раз приехали — давай присоединимся.

И это, должен сказать, прекрасные заключительные слова — ими можно подытожить весь сумбур и суматоху первой книги, полной чересчур знакомых пейзажей, отнюдь не случайных совпадений и дорог, заманчиво убегающих вдаль; книги, приправленной духом мятежа и реше-

ниями о побеге. Итак, вот они, все наши герои, а мы пока притушим свет на сцене, оставив их удивленно разглядывать друг друга.

КНИГА ВТОРАЯ

Глава 1
В которой они становятся «Добрыми друзьями»

I

— Жаль — это не то слово, мисс Трант! — гневно прокричала мисс Элси Лонгстаф. — Я работаю с конца апреля, пять с лишним месяцев подряд, и смотрите, в каком я оказалась положении: вынуждена клянчить деньги у дяди! Работаю с конца апреля, мисс Трант, и вот уже три недели мне не на что сходить в парикмахерскую завить волосы! А последняя неделя — просто кошмар! Все на нас косятся, разговаривают как с отребьем. Каких только унижений мы не натерпелись из-за этого мерзкого негодяя! Ужас!

— Ничего ужаснее в жизни не слышала, — сочувственно проговорила мисс Трант, начиная всерьез злиться на беглого антрепренера. — Выпьете еще чаю?

— Спасибо, с удовольствием. — Тут мисс Лонгстаф внезапно сменила тон: — Он заставил нас подписать контракт аж до следующего лета! Мы думали, все по-честному, а что в итоге? Недавно

мне предлагали семь недель играть в пантомиме Дандини, первый концерт в Мидлсбро — и я, разумеется, отказалась. А теперь взгляните на меня!

Мисс Трант взглянула — с искренним сочувствием. Элси была моложе и красивее сестры, хотя при ближайшем рассмотрении оказалась не такой молодой и красивой, как на первый взгляд. Ей было около тридцати: светлые волосы с чересчур решительным золотым отливом, широко расставленные голубые глаза, лицо, резко сужающееся к острому подбородку, и недовольно скривленные губы. Она была похожа на многоопытную и слегка растрепанную куклу.

— Вдобавок, — чуть не плача, добавила мисс Лонгстаф, — он уничтожил одну из лучших концертных программ на колесах!

— У вас была такая хорошая бродячая труппа?

— Ради Бога, не называйте нас «бродячей труппой», мисс Трант! Мне сразу представляются попрошайки, которые клянчат деньги у отдыхающих на курорте. Мы — разъездная труппа, странствующие комедианты.

— Извините, больше не повторится.

— Честное слово, мисс Трант, программа у нас замечательная! И я говорю так не потому, что сама в ней участвую. Это ничего не значит. Я с

такими артистами выступала — страх! Надеюсь, мои знакомые или поклонники меня не видели. Но эта программа была хороша, очень хороша. Мы могли бы на ней заработать.

— Какая жалость! — воскликнула мисс Трант и призадумалась. Возможно, именно тогда в ее голове впервые забилась одна сумасбродная затея.

— Да, но самое печальное, самое ужасное в другом. Понимаете, без этих негодяев программа стала бы еще лучше — по крайней мере у нее были на то все шансы.

— Они так плохо выступали?

— Бездари, самые настоящие бездари. Он читал юмористические монологи и пародировал детей. Поверьте, такой скукоты вы в жизни не слыхали! Мистер Чарльз Милденхолл и его знаменитые пародии! Тихий ужас. Зрители думали, это такое короткое вступление, но оно все длилось и длилось… А та бесценная пианистка, которую он с собой прихватил — Марджори Мейдстоун, так она себя называла, небось после того как в тюрьме отсидела — худшая пианистка в мире, честное слово. Да она «Учебник для маленькой Нелли» в глаза не видела! Тарабанила жирными пальцами по клавишам, играла медленно, когда я просила быстро, и быстро, когда я просила медленно, веч-

но пропускала повторы — кошмар! Все номера мне попортила. Будь у нас хороший пианист, мы бы себя не узнали. А теперь, когда они подложили нам такую свинью, программе конец. Ну, разве не ужас? Волей-неволей руки опустишь!

— А сами, без антрепренера, не справитесь? — спросила мисс Трант: ей теперь страшно хотелось увидеть, как люди делают что-нибудь сами.

— Ох, мы это обсуждали, обсуждали, обсуждали… бесполезно. У нас нет денег — ни гроша! Нам нечем расплатиться с долгами за четыре недели, у нас даже вещи забрали — весь реквизит конфисковали в уплату аренды. Какие уж тут гастроли… Хуже не придумаешь! Ох, попадись мне этот гадкий Чарльз Милденхолл, уж я ему глаза повыцарапаю! Комик и пародист! Нет, вы только подумайте! — И мисс Лонгстаф трижды промокнула глаза платком.

Мисс Трант, окинув взглядом всю чудную компанию, стала расспрашивать Элси про долги, а та, отчаянно хлюпая носом, вяло отвечала. О да, если расплатиться с долгами и покрыть текущие расходы, гастроли можно продолжить. А если бы им хватило денег на аренду Театра его величества, то дела пошли бы совсем хорошо. Все сводилось к деньгам.

— Пустые надежды! — горько воскликнула она и, по-видимому, решила, что ей нарочно сыплют соль на раны.

— Ну, не знаю…

Мисс Трант помедлила — безумная мысль уже вовсю крутилась у нее в голове, — и постаралась сделать вид, что ее там нет.

Мисс Лонгстаф вытаращила глаза и подалась к мисс Трант, сгорая от нетерпения.

— Послушайте, неужели у вас есть знакомые, которые могут вложить в нас деньги? Честное слово, в Англии нет более многообещающей труппы, чем наша. Капельку удачи — и мы произведем фурор! У вас же есть такие знакомые, верно?

Вместо того чтобы ответить прямо, мисс Трант замешкалась и наконец пробормотала:

— Интересно, сколько потребуется денег… ну, чтобы расплатиться с долгами и продолжать гастроли? — Она задумчиво умолкла, услышав наконец голос разума, — он решительно обозвал ее дурой. Впрочем, разве сейчас не лучшая пора для дурачеств? Нельзя всю жизнь быть спокойной и рассудительной.

Мисс Лонгстаф опять наклонилась к ней и прошептала:

— Спросите Джимми Нанна, он недавно разбирался в нашей бухгалтерии, чтобы найти спонсоров. Это наш комик — вон он, глядите, — один из лучших странствующих комиков страны. Умный, честный, опытный, на своем деле собаку съел. Потолкуйте с Джимми, мисс Трант. Я сейчас его приведу.

Она отошла и принялась шептаться с очень странным человеком в коричневом твидовом костюме.

Мисс Трант никогда прежде не видела комиков и с трудом могла поверить, что ей предстоит такое знакомство. Если бы мистер Джимми Нанн спел ей песенку или рассказал анекдот, она бы не удивилась; однако мистер Джимми Нанн лишь сипло поздоровался и молча сел рядом — это потрясло ее до глубины души. Тем не менее в мистере Нанне и впрямь было что-то уморительное. Держался он мрачно и с достоинством, чуть ли не помпезно, однако ему столько лет приходилось развлекать публику, что вторая маска плохо на нем сидела: отказ от песен и прибауток сам по себе казался шуточным номером, так что мистер Нанн, сам того не желая, производил впечатление острослова и балагура. Мисс Трант подивилась его внешнему виду. Он был среднего

роста, но с ногами коротышки и телом толстяка. Сверкающая лысина, обрамленная седой щетиной; маленькие, чересчур близко посаженные глазки, блестящий нос картошкой и необычайно длинная верхняя губа, сложившаяся в две глубокие морщины, — все лицо удивительного мистера Нанна казалось маской, которую без конца красили, отмывали и красили вновь.

— А вы сами не артистка будете, мисс Трант? — поинтересовался он, прищурив один глаз. — Нет? Так и думал, хотя знавал я одну миссис Трант из варьете Макнагтена. Нет-нет, вру, ее звали Брант. Озорницы миссис Брант — совсем юные были девушки, моложе тридцати. А вы, случаем, не из руководства?

— Никогда ничем не управляла, кроме собственной усадьбы, — ответила мисс Трант.

— Ну, если вы это умеете, — важно рассудил мистер Нанн, — и делаете все правильно, улыбаетесь, к каждому имеете подход, то, я считаю, лучше и быть не может. Правильно? Правильно. — Он махнул рукой, закрыв таким образом тему, и уже чуть тише спросил: — Как я понял, вы хотели узнать насчет гастролей, за что нас тут невзлюбили и можно ли спасти дело, верно?

Мисс Трант с трудом сдержала смех: мистер

Нанн очень важничал, но маска то и дело сползала, и он уморительнейше косился на нее единственным открытым глазом, то левым, а то правым.

— Ну, — замешкалась она, — я только хотела узнать…

— Вот и славно! — перебил ее мистер Нанн и вытащил из кармана дешевый и очень потрепанный блокнот. — У меня тут все цифры, — гордо заявил он. — Здесь все расписано, черным по белому.

— Молодец, Джимми! — просияла мисс Лонгстаф.

— Ступай, Элси, поиграй на улице, — велел ей мистер Нанн. Скорчив ему смешную рожицу и одарив мисс Трант профессиональной улыбкой, Элси ушла к остальным, которые сидели за соседним столиком.

— Вот и умничка, — проговорил мистер Нанн. — Хороша собой и работы не боится, в отличие от некоторых, но… — Тут он наклонился поближе и зашептал: —…звезд с неба не хватает… ну, вы понимаете.

Мисс Трант кивнула и в самом деле подумала, что понимает.

— Будьте любезны, — тихо сказала она, — рас-

скажите мне про этих бро… странствующих… арти… комедиантов. — Произнеся последнее слово, мисс Трант едва не покраснела, такой знающей и опытной она себе показалась. — У вас ведь большой опыт в этом деле, не так ли, мистер Нанн?

— Верно. Большой. И по городам ездил, с пантомимой выступал, с водевилями, — везде поспел. Учтите, что бы я сейчас ни сказал про этих ребят и девчат, программа у них — если вернуть ее к жизни — замечательная. — Он нашел в блокноте вырезку и дал ее мисс Трант. — Вот один из наших анонсов. Обычно в них все врут, но тут каждое слово — правда.

Газетное объявление из «Стейдж» выглядело так:

Вниманию уполномоченных:

с 3 сентября

ШТУЧКИ-ДРЮЧКИ

Эпохальное действо на городской сцене Литтл-Сэндмаута! Неподражаемая программа! Искрометный юмор и первоклассный вокал! Сердечно благодарим г-на Браунинга за радушный прием, а

также г-на Джеймса, Г. Хадсона и г-на Р. А. Мерсера за вопросы. Обращайтесь. Обращайтесь. Обращайтесь.

Ждем вас в мюзик-холле «Шинглтон».

Мисс Трант прочла объявление, поморщилась и перечитала еще раз.

— Сам написал, — не без гордости заметил мистер Нанн. — Я всегда писал анонсы для Милденхолла. Мило и интригующе, не находите?

— Пожалуй… Но скажите, что значит «вниманию уполномоченных»? При чем тут уполномоченные?

— А, я всегда это вставляю. И потом, уполномоченные есть уполномоченные, понимаете?

Мисс Трант не понимала, но вновь протянула «пожалуй» и решила даже не спрашивать, зачем и куда надо «обращаться» и какое «эпохальное действо» может происходить на сцене никому не известного городка под названием Литтл-Сэндмаут.

— Вы хотели рассказать об артистах. — Она понизила голос. — Кто этот высокий мужчина в броском клетчатом костюме?

Мистер Нанн посмотрел в указанном направлении и покачал головой.

— Не из наших, — прошептан он. — Мне только что его представили. Некий Митчем. Профессионал. Банджоист.

— Ах да, он пришел в компании того вихрастого симпатичного юноши.

— Верно, — ответил мистер Нанн. — Оба не наши, просто приехали кого-то навестить. Но взгляните туда, видите того красавчика?

Мисс Трант взглянула и согласилась, что юноша необыкновенно хорош собой. У него были тщательно завитые темные волосы, небольшая голова, правильные черты лица и красивый костюм. Смотреть на него было одно удовольствие, но у мисс Трант почему-то не возникло желания с ним знакомиться. Ей никогда не нравились такие молодые люди.

— Это Джерри Джернингем, наш комик и танцор, — продолжал мистер Нанн. — Вот это находка так находка! Работает как вол, с характером, публика от него визжит. Лучшего танцора и пожелать нельзя. Если он все сделает с умом, то скоро окажется в Вест-Энде, попомните мои слова. Главное, чтобы его *заметили.* Одна беда: терпеть не может кормиться. Первый раз вижу комика, который бы так скверно кормился. — И мистер Нанн авторитетно умолк.

Мисс Трант удивленно воззрилась на него. Претензия показалась ей в высшей степени странной.

— В смысле? Он мало ест?

Мистер Нанн откинулся на спинку стула, хлопнул себя по колену и хохотнул. Потом тут же посерьезнел.

— Вовсе нет. Еда тут ни при чем. Пока в нашей труппе не может есть только один артист — это я. Придирчивый желудок — ох, придирчивый! — на еду и не смотрит. Бекон, яйца, ветчина, отбивные, стейк с картошкой, пироги — словом, все самое вкусное — вы не поверите, за что их принимает мой желудок. За отраву, так-то! Накормите меня плотным ужином, — убежденно продолжал он, — и с тем же успехом можете набить мне живот раскаленными булавками и иголками. Я уже три года не ел вволю, сижу на тостах, печенье с углем, говяжьем бульоне, отварной рыбе да на заливных. И как прикажете на таком пайке веселить народ? Людей, до отказа набитых ростбифами, йоркширскими пудингами, печеной картошкой, зеленью и яблочными пирогами? Страх, страх, страх!

Он так смешно закачал головой, что мисс Трант не выдержана и захихикала, хотя восклицала

при этом «Какая жалость!».

— Но я говорю о другой кормежке, — продолжал мистер Нанн. — Так артисты называют импровизацию, выдумывание шуток на ходу. «Кормилец» засыпает комика разными вопросами, подкалывает его, злит и прочее. Ну, вы знаете.

Да, мисс Трант знала.

— И вот вам мое честное слово, мисс Трант, отвечать на эти вопросы — не такое уж легкое дело. Комик должен уметь «кормиться». А малыш Джернингем терпеть этого не может, ни росинки не съест. Хорошо сказано, а? Строго говоря, это его работа. К счастью, для кормежки у нас есть отличный малый, Джо, вон он сидит. Наш баритон, Кортни Брандит, но все зовут его Джо. Кормится будь здоров! — Мистер Нанн показал на могучего здоровяка с широким, приятным и глуповатым лицом. Он курил трубку и смотрел в пустоту перед собой. — Не скажу, что никогда не слышал баритона лучше, чем у Джо. Слышал, и немало, да и вы тоже слыхали. Но если кто предложит от него избавиться, я отвечу: «Тогда и про меня забудьте». Вот как я уважаю нашего Джо. Он не шибко смышленый, и вы вряд ли когда-нибудь услышите его в Ковент-Гардене, но сердце у него золотое. Непрошибаемый добряк и

на все готов ради друзей, вот какой он, наш Джо. Я таких добряков нигде не встречал, и работник из него хороший — сильный, как бык. Он служил на флоте, был там чемпионом в тяжелом весе. Я считаю, именно тогда началась его певческая карьера. Он пел, когда хотел, потому что все боялись заткнуть ему рот. — Мистер Нанн чуть посмеялся над своей шуткой, потом глубоко вдохнул и опять напустил на себя важный вид.

— А вон его жена, наше контральто.

— Да вы что? Женщина в фиолетовой шляпе? — Шляпа была такого отвратительного цвета, что мисс Трант уже несколько минут содрогалась, глядя на нее. На голове полноватой дамы, отвлеченно вяжущей что-то на спицах, восседал фиолетовый деспот и тиран.

— Она самая. Называет себя Стеллой Кавендиш, но на самом деле она миссис Джо Брандит. Сильный голос, отменный репертуар, изрядный опыт. Да и женщина она славная, хотя порой бывает малость заносчивой. Крепко держит Джо в узде. Но работать с ними одно удовольствие. У них есть сынок, Джордж, он сейчас у тети в Денмарк-Хилле. Уж как они его любят, как лелеют! Конечно, этот скандал с антрепренером был для них страшным ударом.

— А кто та девушка с темными волосами и веселым лицом? Мне она очень нравится.

Названная девушка с интересом слушала мистера Окройда, который, видимо, пересказывал ей свои приключения.

— А, как раз собирался о ней говорить. — Мистер Нанн сразу просиял. — Это Сюзи, мисс Сюзи Дин, наша комедиантка и самая юная артистка в труппе. Я знал ее родителей, оба были первоклассными артистами, но, увы, погибли. Талант у этой девчушки в крови, честное слово.

— То есть из нее может выйти толк? — заинтересовалась мисс Трант.

— Еще какой! Она чудо. Конечно, Сюзи еще совсем юна и ей есть чему поучиться, но она все схватывает на лету — с каждым днем играет лучше и лучше. И если уж она за что берется, ее не остановить. Клянусь, через десять лет мы увидим ее имя на афишах Шафтсбери-авеню, не то я съем… не то я больше не притронусь к магнезии!

— Хотела бы я увидеть ее на сцене, — сказала мисс Трант, любуясь озорным личиком девушки. — Выглядит умницей и зубоскалкой. Сколько ей лет?

— Двадцать. Поверьте моему слову, мисс Трант, она и впрямь умница и зубоскалка! Гвоздь про-

граммы. Зрители хохочут как ненормальные. Стоит ей учуять публику — пусть хоть на первых четырех рядах сплошные контрамарки, — и она улетает. Многие комики позавидовали бы ее умению срывать аплодисменты. В нашей профессии без завистников никуда, мисс Трант, это наше проклятие. Но я за Сюзи только рад, мы с ней лучшие друзья. Благослови ее Господь! — Он посмотрел на свою юную приятельницу, и его лицо озарилось нежной любовью. Девушка подняла глаза и послала мистеру Нанну воздушный поцелуй. Мисс Трант печально улыбнулась.

— Если бы все пошло по плану, — удрученно продолжал мистер Нанн, — ее ждал бы огромный успех. Кто-нибудь непременно заметил бы ее и предложил достойный контракт. А теперь неизвестно, что будет, десять шансов против одного, что ее задавят, потому что Сюзи слишком хороша для того дела, которым вынуждена заниматься. Она молодец, наша Сюзи, не унывает, держится лучше всех, но времена пошли тяжелые. И вот что я вам скажу, мисс Трант, — он заговорил очень внушительно, — во всем надо винить меня.

— Что вы! — вскричала мисс Трант. — Не понимаю, чем вы провинились.

— Можете не понимать, просто поверьте мне на

слово, вот и все. Это моя вина! — мрачно торжествуя, ответил мистер Нанн. — У кого тут больше всего опыта? У меня. Мне следовало знать. Кто слышал скверные сплетни про Чарли Милденхолла? Я. Мне следовало знать. Кто заглянул в кассу и увидел, что денег там нет, а арендные он обещает направо и налево? Я. Мне следовало знать. — Он посмотрел на мисс Трант с видом человека, который доступно все объяснил.

— Боюсь, я не понимаю, — виновато проговорила она. — Что такое «арендные»?

— А, ну тогда слушайте. Как правило, разъездные труппы выплачивают владельцам помещений проценты. Скажем, мы получаем шестьдесят процентов от выручки, а хозяева зала, мюзик-холла, театра или чего придется — остальные сорок, независимо от кассовых сборов. Иногда нам дают гарантию — фунтов тридцать или сорок, — то есть…

— То есть ваша доля составит по меньшей мере тридцать — сорок фунтов, — закончила за него мисс Трант. Она не больше остальных любила, когда ей, точно школьнице, разжевывают элементарные вещи.

— Верно! Конечно, это справедливо, никто не в обиде. Мы, странствующие артисты, не любим

заранее платить за аренду. Вот что я имел в виду под «арендными» — когда платишь хозяину мюзик-холла из собственного кармана, и ему, в сущности, плевать, будете вы собирать полные залы или нет, свое-то он все равно получил. Милденхолл договорился так в Роусли, да и прежде часто договаривался. Я сразу узнал, что он предложил хозяину арендные — аж двадцать пять фунтов! Вы бы видели эту конюшню, за нее и двадцати пяти шиллингов не дашь. А он пообещал арендовать ее на целых две недели! Две недели по двадцать пять фунтов, эдакую дыру! Мне следовало знать. Он и не думал оставаться. Какая разница, двадцать пять фунтов или сто — платить-то все одно не ему. О да, он с самого начала все просчитал! — Мистер Нанн повысил голос. — Они забрали у нас весь реквизит и не отдадут его, пока мы не выплатим им обещанные пятьдесят фунтов! Вот мы с ними и попрощались. У нас нет таких денег.

— Да, мисс Лонгстаф уже говорила.

— Мистер Простачок, вот кто я! Как подумаю об этом, сразу хочется пинками гнать себя до треклятого концертного зала и обратно. — Он не на шутку разволновался. — У меня ведь такой огромный опыт! И ведь я собственными глаза-

ми все видел! Говорю вам, мисс Как-бишь-вас, мне теперь стыдно смотреть этим мальчикам и девочкам в глаза. Честное слово, стыдно. — Он застонал.

— Опять Джимми завелся, — сказал чей-то голос.

— Полно тебе, Джимми, полно! — Оказалось, это говорил мистер Кортни Брандит (иначе — Джо). Громко топая, он шел к ним. — Не обращайте на него внимания, мэм, — обратился он к мисс Трант и сокрушительно хлопнул мистера Нанна по спине.

— Ай! — вскрикнул тот. — Аккуратней, Джо, аккуратней! У тебя не руки, а кувалды! Мисс… э-э… Трант, это мистер Брандит, Кортни на сцене и Джо для своих.

— Очень приятно познакомиться, мисс Трант. — Мистер Брандит стиснул ее ручку своим кулачищем и пылко потряс. — Не позволяйте Джимми корить себя, — медленно и добродушно пробасил он. — Он ни в чем не виноват, по крайней мере не больше, чем остальные.

— Верно, Джо, но…

— Никаких «но», Джимми! Нельзя человеку с таким слабым желудком — у него ужасно слабый желудок, мисс, хуже у артистов не бывает, — рас-

страиваться по пустякам. Верно, друзья? Мы ведь ни в чем не виним нашего Джимми?

— Нет! — хором ответили остальные, к вящему удивлению мисс Трант.

— Кто не дает нам унывать, а? — взревел Джо.

— Джимми! — закричали артисты.

— Старый добрый Джимми! — подсказал им Джо.

— Старый добрый Джимми! — повторили они. Даже мистер Окройд, не желая оставаться в стороне от общего веселья, в конце концов крикнул: «Да, старый добрый Джимми!»

Не успели Джимми, Джо и все остальные проронить еще хоть слово, как перед ними возникла хозяйка привокзального буфета, миссис Маундер: грозная женщина с поджатыми губами, руками и телом, прямая, как доска, но с подрагивающей от ярости головой.

— Хватит с меня! — заорала она. — Вон отсюда, немедленно! Ни минуты не потерплю!

— Полно вам, ма, — начал было Джо.

Миссис Маундер пронзила его свирепым взглядом.

— Один шиллинг четыре пенса, один шиллинг восемь пенсов и два шиллинга — ровно столько вы мне должны. Расплачивайтесь сейчас же и

проваливайте! Устроитесь в другом месте, а мне балаган тут не нужен. — Из последовавшей за этим лавины слов все уразумели, что из-за них у нее работа стоит и что если им нужны неприятности, то они их получат. К тому времени миссис Маундер настолько распалилась, что допустила тактическую ошибку и, обернувшись к мисс Трант, закричала:

— А вы, мисс! Я думала, вы леди, а на самом деле вы такая же, как они!

— Что?! — вскричала мисс Трант.

— Что слышали!

Мисс Трант поднялась из-за стола, распрямилась во весь рост и решительно шагнула навстречу миссис Маундер, как полковник и остальные Транты шагали навстречу вражеским окопам и эскарпам: бледная, с чуть лихорадочным блеском в красивых ясных глазах, но без тени страха, сомнений или дрожи.

— Сколько мы вам должны, повторите? — ледяным тоном вопросила она.

Тут из-за ее спины начали доноситься возражения, но она обернулась и резко подняла руку:

— Минутку, пожалуйста. Я все объясню потом.

Воцарилась мертвая тишина.

Она вновь повернулась к миссис Маундер и по-

глядела ей прямо в глаза. Та попыталась ужаться еще сильней, превратиться в крошечный, тугой и твердый комок неодобрения, но, поняв, что это невозможно, стала сдавать позиции. Фыркнув раз или два, она ответила:

— Один шиллинг четыре пенса, один шиллинг восемь пенсов и два шиллинга, а если учесть, сколько они выдули кипятка…

Мисс Трант не дала ей договорить. Она вытащила купюру в десять шиллингов и бросила хозяйке.

— Вот, — вздернув подбородок еще на дюйм, проговорила она. — И принесите сдачу, пожалуйста.

Купюра медленно приземлилась на пол, и голова миссис Маундер задрожала еще сильней. Мисс Трант не двинулась с места и ничего не сказала, артисты за ее спиной боялись даже пикнуть. Вдруг миссис Маундер нагнулась, подняла купюру, пробормотала что-то нечленораздельное и поспешила прочь.

Мисс Трант обернулась — на сей раз медленно и спокойно, одарила всех растерянной улыбкой и сказала:

— Ну, идемте?

Она прошествовала к выходу, где получила сда-

чу от миссис Маундер и еще раз уничижительно вскинула бровь. Остальные, вновь загомонив, строем прошли за ней. На пороге — там же, где они встретились впервые, — ее нагнал неряшливый юноша со светлым вихром и представился Иниго Джоллифантом.

— Я в восхищении, определенно, — сказал он. — Но вы заплатили за мой чай.

— Я хотела объяснить, зачем я это сделала… — сказала мисс Трант и в нерешительности умолкла.

— Я понял, без широкого жеста было никак, — закивал Иниго. — Горстку мелочи за одного, горстку за другого… Разве это жест? Заплатить за всех разом и гордо уйти — иначе нельзя. Я, между прочим, тоже хотел, но мне бы недостало блеска.

Мисс Трант — ей вдруг стало несказанно легко, весело и свободно на душе — рассмеялась.

— Это моя машина. Давайте постоим здесь и дождемся остальных. Видите ли, — поспешно добавила она, — я вдруг решила… содержать эту бродячую… то есть разъездную труппу. А разговор с той жуткой дамой окончательно меня убедил.

— Шикарно, шикарно! — воскликнул Иниго. — Жаль, у меня нет такой возможности. Я б с удовольствием, но у меня только сорок фунтов.

Зато я предложил им свои услуги — так, исключительно ради удовольствия. Я вообще-то учитель подготовительной школы, но умею играть на фортепиано, и мои безделицы наверняка им подойдут — судя по тому, что я пока узнал.

— Было бы замечательно, — сказала мисс Трант. — Я уже полчаса раздумывала над этим и пыталась все для себя прояснить, а потом, когда буфетчица стала поливать нас грязью, мне вдруг пришло в голову: «Все, решено. Я ничего в этом не смыслю, стало быть, ничего сумасброднее быть не может».

— Да уж, сущее помешательство, — весело подтвердил Иниго. — Зато колоссально весело! Вот мы все и собрались, плуты и скитальцы.

— Только что нам теперь делать? — быстро спросила мисс Трант.

К ним подошли остальные.

— Я знаю. Оставьте это мне. — Иниго обратился к артистам: — Друзья, есть ли в этом городе заведение, где можно всем вместе отужинать и поговорить?

— Что ты задумал, Джоллифант? — спросил его Мортон Митчем.

— Я хочу пригласить всех на ужин, — объяснил Иниго. — Видите ли… — Он покосился на мисс

Трант.

— Дело в том, — подхватила та, вновь засмущавшись, — что я подумываю… подумываю стать вашим антрепренером. Если вы не против, — поспешно добавила она.

Все дружно испустили радостный вопль, но первой была мисс Сюзи Дин.

— Вы прелесть! — выпалила она, а потом, когда остальные притихли, добавила: — Я вас не знаю, но уверена, что вы прелесть.

Все засмеялись, а мисс Трант вспыхнула и покачала головой.

— Ну, так как насчет ужина? — повторил Иниго вопрос, когда всеобщее волнение спало.

— Помнишь ту гостиницу на рыночной площади, Джимми? — спросил мистер Брандит. — Они нас примут, но кормежка там дороговата.

— Пустяки! — воскликнул Иниго, догадавшись, что его представления о дороговизне могут не совпадать с нехитрыми представлениями мистера Брандита. — Что за место? Нам сгодится? — спросил он мистера Нанна.

— Джо, ты имел в виду «Роял стандарт»? Да, нам оно сгодится. Я слышал, у них неплохой зал наверху. Но если на свете найдется хоть один человек, которому любой ужин так же встанет поперек

горла, как мне, хотел бы я с ним познакомиться. Еда для меня — отрава, мистер Как-бишь-вас, — сообщил он Иниго.

— Какая жалость! Ну что ж, — воскликнул Иниго, — тогда я жду всех в полвосьмого в «Роял стандарт»! Сейчас схожу туда и договорюсь. Вы ведь не против, мисс Трант?

Потом вновь прибывшие вспомнили, что им еще нужно найти ночлег, и завели по этому поводу весьма оживленную беседу. Наконец Иниго и мистер Мортон Митчем ушли к Брандитам: одному из них предложили разместиться в их комнате, а второму в соседней. Следом отбыли господа Нанн и Джернингем. Мисс Трант, в машине у которой была корзинка Элси, пригласила туда же и ее саму, а заодно и мисс Сюзи Дин — девушки жили вместе. Мисс Сюзи забралась назад, где было полно вещей, и подметила, что неплохо будет покрасоваться перед жителями Роусли в автомобиле.

— Ну, мисс, — раздался мужской голос, грубоватый, но застенчивый и немного грустный, — я, пожалуй, заберу свои вещички и пойду куда глаза глядят.

— Ох, мистер Окройд! — воскликнула мисс Трант, позабывшая о своем новом друге. — Куда

вы направляетесь?

— Да я и сам пока не знаю…

— Ему некуда податься! — взволнованно крикнула мисс Сюзи Дин. — Мы с ним разговаривали в буфете. Ах, мисс Трант, давайте его оставим?

— Конечно, мистер Окройд. Или вы хотите уйти?

— Ну… — Мистер Окройд в задумчивости потер подбородок, — не сказать, чтоб у меня была работа, но я ведь здесь проездом. А труппе от меня никакого проку.

— Ничего подобного, — возразила мисс Трант. — Наверняка и для вас найдется работа. Правда, мисс Лонгстаф? Правда, мисс Дин?

— Честно говоря, я не знаю… — начала мисс Лонгстаф, не понимая, чем приглянулся мистер Окройд такой леди, как мисс Трант.

— Обязательно найдется! — вставила мисс Дин, которой уже рассказали про Великую северную дорогу, Лили и все остальное. — И на ужин пусть приходит, правда? Если он не придет, я тоже не пойду. Будем стоять на улице и шуметь. И швыряться камнями в окна.

— Скорей залезайте, мистер Окройд, если найдете себе местечко, — распорядилась мисс Трант.

И мистер Окройд залез, а после непродол-

жительной битвы с сумками, в которой ему воодушевленно помогала мисс Дин, даже нашел себе место.

— Ну, — хмыкнул он, и его честное широкое лицо просияло, когда они тронулись, — вот эт я понимаю, вот эт стоящее дело! — Минуту или две он размышлял, а затем, поймав на себе потешный карий взгляд своей новой приятельницы, широко улыбнулся и несколько раз ударил кулаком по ладони. — Эт мне по вкусу, ей-богу!

— От и славно, малой! — невозмутимо ответила мисс Дин.

«Надо ж, острячка», — сказал себе мистер Окройд и окинул Роусли взглядом человека, повидавшего много других, куда более интересных и приятных мест.

II

В половине восьмого все наши друзья собрались на втором этаже гостиницы «Роял стандарт», в столовой, — за одним исключением: не было мисс Трант. Мисс Дин и мисс Лонгстаф не знали, почему она опаздывает. Они нашли ей очень приличную комнату через дверь от своей и с тех пор не виделись. Правда, мисс Трант вроде бы говорила, что хочет принять ванну, а «вы ведь

знаете, родные, какой это подвиг в нашей дыре». Все родные это знали и мгновенно успокоились.

— Хотя я не удивлюсь, если в самый ответственный момент с ней что-нибудь стряслось: захворала, потеряла деньги, да мало ли! Обычно так оно и бывает, милые мои. — Таков был мрачный вердикт мисс Стеллы Кавендиш, она же миссис Джо Брандит. Ее вишневое платье казалось крайне помпезным и неудобным; миссис Джо было тесно в этом наряде, но в давние времена он сослужил ей хорошую службу, когда она играла в «настоящем» театре герцогиню Доркинга и прочих знатных дам (каждая роль с непременной песней в третьем акте). Пусть миссис Джо не питала иллюзий насчет своего ремесла, слыла большим знатоком по части его радостей и подводных камней (особенно подводных камней) и пессимистически смотрела на отсутствие их благодетельницы, мисс Трант, ничто не могло испортить ей праздничного настроения. Она поспешила поздравить мистера Джоллифанта с великолепным приемом.

— Все очень мило, у вас, несомненно, превосходный вкус, — вынесла она свой вердикт.

— Миссис Тидби — хозяйка гостиницы — сказала, что мы слишком поздно ее предупреди-

ли, — ответил Иниго, — но они уж постараются устроить все в лучшем виде. И еще она сказала, что, хоть и не ей об этом говорить, в Роусли нас нигде не накормят лучше. Потом мне пришлось выслушать, как Общество садоводов Роусли и Западного Чего-то-там ежегодно, начиная с 1898 года, проводит здесь торжественный ужин. Такие дела.

— Все очень мило, у вас прекрасный вкус, — повторила миссис Джо, с умеренным благодушием оглядывая стол на десять персон. — Хотя никто лучше меня не знает, — лукаво заметила она, — что в подобных делах все зависит от того, кто заказывает. Найдите хорошего заказчика, и все будет со вкусом, никаких пошлостей и вульгарностей. Нельзя доверять заказ кому попало. Вот мистер Брандит — Джо — он не умеет заказывать, толку с него никакого. Ему недостает характера. Кроток как ягненок и силен как лев, но бесхарактерный. Все сразу думают: «Да ему что угодно можно всучить!» Люди это видят, мистер Джоллифант. Вот вы — джентльмен. Что это значит? Что вам заказы даются легко, вы — прирожденный заказчик.

— Ну, не знаю, — возразил Иниго, считавший себя единственным на свете человеком без ари-

стократических замашек. — Не знаю, можно ли так говорить…

— Можно, — твердо заявила миссис Джо, подняв руку. — Поработаете с мое на сцене — поймете. Я сразу все вижу. Как встретила вас, так тут же и подумала: «Он неряха. Достаток у него скромный, он с каждым готов пошутить и посмеяться, однако он джентльмен». Оксфорд, Кембридж или Харроу, мистер Джоллифант?

— Кембридж, — изумленно выдавил Иниго.

— Вот видите! «Одно из трех», — сказала я себе. — Миссис Джо ликовала. — У вас же на *лбу* написано! Я и про Джорджа так подумала — это наш сын. Уж до того смышленый, я всем говорю: если у нас будет возможность, он поступит в университет. Кембридж или Оксфорд, не важно, мне нет дела до глупостей вроде состязаний по гребле. Но в один из этих университетов он точно поступит, если все сложится, помяните мои слова.

— Здо́рово! — искренне, пусть и чуточку растерянно порадовался Иниго — мысли его были заняты опозданием мисс Трант.

— И *никакой* сцены. Насчет этого я твердо решила. Джо говорит, было бы здорово, если б он выступал вместе с нами, но лучше матери в таких делах никто не разбирается. Джорджу надо дать

шанс выучиться чему-нибудь благородному — банковскому делу или торговле недвижимостью. Против академического вокала я *ничего* не имею, однако тут все зависит от Голоса. Пока Джордж ничем не выдал наличие Голоса. Если он у него появится — что ж, прекрасно. Но о театре пусть забудет.

— Вы меня пугаете, миссис Брандит, — улыбнулся Иниго. — Я ведь и сам подумываю о театре.

— Ах, для вас это развлечение, мистер Джоллифант, я же знаю, — ответила миссис Джо, чуть склонив голову набок и приподняв брови. — Просто интересный опыт, не более. Уверена, вы — настоящий музыкант.

— Вовсе нет, — рассмеялся Иниго. — Кто угодно, но не музыкант! Подумаешь, тарабаню по клавишам. По-настоящему меня интересует только литература.

— Литература? Вы и на писателя похожи. Ах, будь у меня время, сколько бы всего я написала! Жизненного опыта хоть отбавляй, а времени нет. Что такое, Джо? — спросила миссис Джо подошедшего к ней джентльмена.

— Уже без четверти восемь, вот что, — уныло проговорил тот. — А мисс Трант до сих пор нет. Она ведь не могла нас разыграть?

— Что ты, Джо, она бы не стала этого делать! — воскликнула его жена. — У нее на лице написано, что она не из таких. Я волнуюсь, как бы с ней чего не случилось. Вдруг она потеряла память или ее сбила машина? В самый ответственный момент!

— Такие уж мы везунчики, Мэг. — Его лицо осунулось. Они с женой мрачно переглянулись, и на миг мисс Стелла Кавендиш потеряла всякое сходство с герцогиней Доркинга; она вся будто увяла, зачахла и превратилась в измотанную мать, которой нужно кормить сына, а он далеко-далеко, в Денмарк-Хилле, и денег у них нет, одни долги, работы с каждым годом все меньше; она обратилась в женщину, давным-давно распрощавшуюся с былым даром легко приспосабливаться к любым переменам. Джо кашлянул.

— Все будет хорошо, милая… — ласково начал он.

Иниго отвернулся: здесь он был лишним. Он стал шататься по комнате, не сводя глаз с дверей, через которые в любую минуту могла войти мисс Трант. Все остальные тоже поглядывали на двери, и с каждой минутой, как беззаботно они ни болтали, тревога все явственней проступала на их лицах. Мистер Джимми Нанн подкараулил престарелого официанта и принялся рассказывать,

что его пищеварительная система воспримет весь сегодняшний ужин как отраву; вскоре ему уже внимала миссис Тидби (у нее была сестра, точная копия), и мистер Нанн исполнил для них небольшой номер, в котором сыграл роль чрезвычайно нежного и подозрительного желудка. Однако даже он все это время следил за дверью. Мистер Джерри Джернингем и мистер Окройд вдруг обнаружили, что у них есть общие темы для разговора: они улыбались и смотрели по сторонам, но большую часть взглядов устремляли на дверь. Мистер Мортон Митчем, откопав где-то огромный галстук и практически чистый воротничок, изображал Отелло для двух Дездемон: мисс Лонгстаф и мисс Дин. Однако стоило к ним подойти Иниго, как он прервался и спросил, который час.

— Уже восемь, не так ли? — вскричал он. — Так-так-так. Даже интересно. — Он устремил взгляд на двери и поспешно его отвел. — Так вот, мисс Лонгстаф и мисс Дин, однажды я играл в Йоханнесбурге в грозу, жуткую грозу…

Тут встревожился и сам Иниго. А вдруг мисс Трант действительно не придет? Каким чудовищным фиаско обернется этот ужин — труппа развалена, все мечты вновь разбиты! Он спустил-

ся на первый этаж, заглянул в несколько комнат и минуты две простоял у входа, разглядывая площадь, а когда вернулся, обнаружил у подножия лестницы престарелого официанта.

— У нас одной дамы не хватает, — объяснил он ему. — Слушайте, вы не могли бы отнести наверх каких-нибудь коктейлей — джина с вермутом, хересу с горькой настойкой или еще чего? Пусть угощаются — Иниго взял коктейль и себе, но допить не успел: в дверях возник силуэт, весьма нерешительный и робкий женский силуэт. Он бросился к нему. То была мисс Трант.

— Проходите, мисс Трант! — взревел он. — Мы вас заждались!

— Прошу прощения… — выдавила она.

Иниго удивленно уставился на нее. В чем дело?

— Знаете, — уже тише произнес он, — те ребята наверху, бедные «Штучки-дрючки», уж было испугались, что вы не придете, и страшно по этому поводу расстраиваются. Сказать они ничего не сказали, и это, должен отметить, делает им честь, но с лица позеленели, определенно. Тут уж их нельзя винить, верно?

— Разумеется, — ответила мисс Трант. — Простите за опоздание. Мне… мне пришлось целую

вечность ждать ванну.

— О, я-то знал, что вы непременно придете! — заверил ее Иниго. Говорил он весело и небрежно, однако при этом с любопытством косился на мисс Трант. — С ваннами здесь прямо беда! — тараторил он, ведя ее к лестнице. — Старые добрые роуслинцы еще толком не уразумели, что есть ванна. Кастрюльку горячей воды плеснут — и довольны. Две — пожалуйста! А вот набрать целую ванну, для которой требуется куда больше двух сковородок или пяти чайников, если человеческое тело необходимо погрузить в воду целиком…

У подножия лестницы мисс Трант его остановила.

— Послушайте, мистер Джоллифант. Мне надо кому-нибудь выговориться, а вы наверняка поймете. Все это, конечно, очень глупо… — Она помедлила.

— Продолжайте, мисс Трант, — сказал Иниго. — Говорите все начистоту. Насчет глупости не волнуйтесь, мы все этим грешны, не так ли? А я так просто нелеп, определенно.

— Я могла бы прийти раньше, — торопливо начала мисс Трант, — только вдруг поняла, что хочу… сбежать! Оставшись одна, я спросила себя:

зачем мне браться за это дело? Я ничего в нем не смыслю. У меня есть деньги, но совсем немного, честное слово. И моя прежняя жизнь была совершенно другой! Когда я обо всем этом задумалась, мне стало по-настоящему плохо и я захотела сбежать, вернуться к прежней жизни, к привычным удобным вещам…

— Знаю! Правда, я хорошо понимаю ваши чувства, — тихо воскликнул Иниго. — Как будто что-то дрожит внизу живота, так ведь? Внутри так холодно и пусто, и потом вы начинаете проклинать себя за минутный порыв…

— Именно! — с жаром ответила мисс Трант. — Неужели и вы чувствовали то же самое?

— Разумеется. Между прочим, сегодня вечером! Я чувствовал то же, что и всегда, когда пытался заняться чем-то новым. Но я сказал себе: не трусь! Если обращать внимание на страх, никогда ничего не сделаешь, верно? То есть для меня это все так же странно, нелепо и удивительно, как для вас, но я больше не сомневаюсь.

— Мне кажется, женщине с этим гораздо трудней. Молодой человек какое-то время может заниматься чем угодно, это не имеет особого…

— Женщина тоже — в пределах разумного. А бродячий театр вполне попадает в эти пределы,

не так ли?

— Пожалуй, — ответила мисс Трант. — А даже если это глупо, я не против. Пора уже совершить что-нибудь глупое. Нельзя всю жизнь быть тихой и разумной, это ведь ужасно, правда?

— Еще бы! — согласился Иниго, никогда не живший тихо и разумно. — Я ужасно рад, что вы не сбежали, честное слово.

— Я тоже. Я только отчасти хотела сбежать, и это было бы очень низко и подло с моей стороны, не находите? Все время думаю про то, как бы я себя ненавидела, если бы все-таки сбежала и спряталась в своем доме. — Они теперь поднимались по лестнице. — Я так рада, что вы меня поняли, мистер Джоллифант! — Она перевела дух, встряхнулась немного и рассмеялась. — Мне гораздо, гораздо лучше! Спасибо вам.

— Мне тоже, так что не благодарите. И вообще я весь к вашим услугам. Я тоже ничего не смыслю в театре, да и мозгов у меня маловато — только слова и умею складывать, но тем не менее!

Одолев лестницу, они улыбнулись друг другу — улыбкой двух соплеменников, очутившихся в далекой сказочной стране. Отныне они были друзья.

Иниго распахнул дверь столовой.

— Леди и джентльмены! — проорал он. — Мисс Трант!

Оживление, быстрый вздох, приветственный гомон и аплодисменты; мгновение или два она простояла в дверях, оглядывая своих будущих подопечных — наполовину смущенная, наполовину восхищенная, уже не известная нам мисс Элизабет Трант, которая так долго просидела в Олд-Холле, что молодость ее незаметно ускользнула вместе с красотой, а новая, таинственная мисс Трант, которая нагрянула, точно гром среди ясного неба, и спасла труппу странствующих комедиантов от верного краха. Когда она вошла в комнату, осветилась не только вся столовая, но и ее лицо. Мисс Трант стояла на пороге, чувствуя себя удивительной и достойной восхищения женщиной, о каких занятые доктора-шотландцы неизменно вспоминают с нежностью. Миг этот стоил всех шестисот фунтов, внезапно свалившихся на нее на прошлой неделе.

— Если позволите, мисс Трант, — сказала миссис Джо, иначе мисс Стелла Кавендиш, внушительно выступая вперед, — вы очень эффектно появились. Я сразу вспомнила, — сообщила она присутствующим, — ту грандиозную сцену из «Белгравийской розы».

— Занимайте места, леди и джентльмены, — предложил Иниго.

— Где мы сядем, Джоллифант? — как можно величавей и благородней осведомился мистер Мортон Митчем. — Да, прямо как в старые добрые времена, миссис Брандит.

— Точно! — воскликнула мисс Сюзи Дин. — Старые добрые времена, когда мы все играли ребенка в «Ист Лин»[44], пожалуй. Что ж, я сяду с мистером Окройдом, а то он у нас самый стеснительный. Чо скажешь, малой?

— Мож и стеснительный, да уж отшлепать тебя не побоюсь, ежели бушь себя плохо вести, — восторженно ответил мистер Окройд, сразив всех наповал своим акцентом. — Вот зубоскалка! — сообщил он собравшимся и сел рядом с мисс Дин.

«Роял стандарт» никогда не гремел своими зваными ужинами на всю округу, тем более, как неоднократно подчеркивала миссис Тидби на протяжении вечера, заказ сделали слишком поздно, поэтому нелепо утверждать, будто Иниго

---

[44] Примечания: 44

«Ист Лин» — викторианский роман миссис Генри Вуд (1814–1887), принесший ей мировую известность. Один из самых популярных романов конца XIX века, по которому неоднократно ставили пьесы и снимали экранизации. Главная героиня, леди Изабель Карлайль, бросает мужа и детей ради богатого любовника, а после расставания с ним и смерти их незаконнорожденного ребенка возвращается в дом, переодевшись гувернанткой.

устроил для своих новых друзей великолепное и памятное пиршество. Однако ж всем десяти гостям оно показалось именно таким, и на то были особые причины. Мисс Трант блаженствовала и ела все без разбору отнюдь не потому, что не придавала значения еде: она была в восторге от самой себя и окружающих. Иниго понравился как сам ужин (его внутренности еще хранили воспоминания о школьных трапезах в усадьбе Уошбери), так и сумасбродство своей затеи, неизбежно ведущей к новым, еще более немыслимым сумасбродствам. Мистер Окройд с непривычки сконфузился — его душевному покою мешало разнообразие вилок и ножей, — но общество веселой мисс Сюзи и большая кружка пива его взбодрили. Вскоре он уже вовсю глазел по сторонам, ухмылялся и уплетал за обе щеки, точно странник, внезапно обретший аппетит в волшебной стране. Мортону Митчему и остальным артистам оказалось внове трапезничать в столь необычный час — и отчасти, пожалуй, внове трапезничать вообще, не говоря об ужине из четырех блюд. Мисс Сюзи Дин призналась, что последнюю неделю жила исключительно на чае, хлебе с маслом, студне и яблоках и почти забыла, сколько на свете бывает еды. Мисс Лонгстаф тут

же велела ей вести себя прилично — сама она так решительно изображала настоящую леди, что оставляла немножко еды на краю тарелки (идеально чистой в остальных местах). Мистер Джернингем ухитрился до конца ужина сохранять на лице выражение легкой скуки, но с едой расправился изящно, как волк. Мистер Джо Брандит, солидарный с мистером Окройдом насчет пива, так часто просил принести еще хлеба, что занял почетное место в воспоминаниях престарелого официанта. И все же дух истинного пиршества этому ужину придали мистер Мортон Митчем и миссис Джо. Их стараниями гостям показалось, что блюд было не четыре, а пятьдесят. Благодаря театральному гастрономическому азарту этих особ томатный суп, филе неизвестной белой рыбы, отварная баранина и ватрушки с черникой и яблоками превратились в лукуллов пир, а гостям мнилось, будто они кивают и улыбаются друг другу над горами запеченных павлинов и соловьиных языков. Все, кто видел, как мистер Митчем подливает миссис Джо вина из единственной бутылки бургундского, невольно вспоминали о старых лихих временах, когда знатные дамы и господа беззаботно прожигали жизнь, не думая о завтрашнем дне, хотя за окном

для них уже сколачивали эшафоты. Когда мистер Митчем и миссис Джо поднимали бокалы, вы видели в них по меньшей мере наместника короля или генерал-губернатора и герцогиню Доркинга. Словом, играли они прекрасно.

Даже мистер Джимми Нанн ухитрился по-своему получить удовольствие от ужина. Его радовали не рыба, не суп и не хлеб, которых он есть не стал, а собственное воздержание. Стеная: «О, я даже смотреть на еду не могу — сплошная отрава!», он будто бы отказывался не от баранины и ватрушек, а от целого сонма лакомых блюд, от самой пиши богов. О своем желудке он отзывался как о крайне заносчивом и эксцентричном госте, которого пришлось взять с собой на праздник жизни. С меланхоличной гордостью на лице мистер Нанн крошил тосты и потягивал виски с содовой («Вина и пива мое нутро не потерпит»). Однако он нашел время на деловой разговор с мисс Трант: она кратко и весьма робко сообщила ему о своей относительной бедности и полной неосведомленности в вопросах театра.

— Если у вас есть в запасе две или три сотни фунтов, — сказал мистер Нанн, — то этого более чем довольно. Немного удачи — и вы мгновенно вернете вложенное, а уж потом деньги сами

поплывут вам в руки, только успевайте считать. Позволю себе заметить, мисс Трант, будь у меня хоть половина этой суммы, я бы сам с радостью стал их антрепренером. Раз я держусь за этих ребят, стало быть, я в них верю. Я бы мог хоть завтра получить другой такой же ангажемент, если не лучше, потому что я опытный и известный артист. Иной разя зарабатывал вдвое больше, чем в «Штучках-дрючках», и для меня это не предел. Ну-ка, что это вы едите? Черничный пирог? Эх, везет же! Я уже забыл его вкус… — Он глубоко вздохнул.

— Вы немного потеряли, мистер Нанн, — прошептала мисс Трант. — Пирог не очень хорош. Тесто слишком толстое и твердое.

— А на вид — райское кушанье, — посетовал он. — Словом, повторюсь: я верю в эту труппу. Мы все верим, и будь у нас деньги, мы бы прекрасно обошлись без всякого антрепренера, работали бы по принципу раздела прибыли. Вы знаете, что это такое?

— Разумеется! — воскликнула мисс Трант. — Я, конечно, невежда, но не настолько!

— Простите, простите. Я не хотел вас обидеть, мисс Трант.

— Что вы, я ничуть не обиделась! — Она хи-

хикнула и уже тише добавила: — Итак, я должна расплатиться с долгами труппы…

— Вы не обязаны, — вставил мистер Нанн. — Вы за них не в ответе. Но это было бы замечательно, потому что так мы сможем вернуть весь наш реквизит.

— Да-да. Итак, на мне долги, жалованье артистов и, насколько я понимаю, текущие расходы. — Она говорила очень деловито и никак не могла этому нарадоваться.

— Да, любые расходы, связанные с концертной деятельностью, — кивнул мистер Нанн. — Железнодорожные билеты, плата за багаж и все, что может потребоваться для подготовки номеров: особые костюмы, реквизит для трюков и прочее. Но костюмы для индивидуальных номеров артисты шьют за свой счет.

— И если мы что-нибудь выручим, эти деньги достанутся мне?

Он застонал:

— Да, но не говорите так, мисс Трант! Пожалейте бедолагу, который съел только краюшку хлеба, пюре и кусочек неизвестной рыбы. Не думайте, будто мы до конца жизни ничего не заработаем. Я чувствую себя Ионой. Давайте выразимся иначе: вам достанется *вся* прибыль.

— Звучит гораздо лучше, не правда ли? Конечно, я бы хотела собирать полные залы и купаться в деньгах, но отчего-то я сомневаюсь, что выручка будет такой уж большой.

Мистер Нанн напустил на себя задумчивый вид и так скривился, что от его лица остался лишь сверкающий нос и верхняя губа. Мисс Трант подумала, что совершенно невозможно вести серьезную деловую беседу, когда у тебя такое лицо.

— Вот что я вам скажу, — наконец произнес он. — Я зарабатывал десятку в неделю — завтра же утром покажу вам контракт с Милденхоллом…

— Что вы, не надо! — вскричала мисс Трант. — Я вам верю. Продолжайте.

— Если хотите, я могу быть постановщиком. Уверен, ребята не будут возражать. Я на театральном деле собаку съел.

— То есть вы будете отвечать за все программы и репетиции? Замечательно, мистер Нанн! Как раз то, что нужно! Спасибо вам.

— Я к вашим услугам, мисс Трант, — изрек он. — Я не только буду постановщиком — а это изрядно прибавит мне хлопот, — но еще и сбавлю вам два фунта в неделю. Итого мое жалованье составит восемь фунтов. Нет-нет, лучше так:

вместо этих двух фунтов я попрошу пятнадцать процентов от чистой прибыли. Я уже как-то подсчитал… — он вытащил блокнот, — вот, смотрите, это означает, что я не увижу сбавленных двух фунтов, покуда мы не начнем зарабатывать больше тринадцати фунтов чистой прибыли в неделю. Сразу предупреждаю: поначалу такой выручки не будет, тем более в межсезонье. Лето кончилось, зима еще не началась. К тому же у нас еще нет договоренностей с мюзик-холлами. Большинство договоренностей Милденхолла никуда не годятся. Однако теперь вы убедились, что я всей душой верю в «Штучек-дрючек».

— Нисколько в этом не сомневаюсь, — тепло проговорила мисс Трант. — И я буду только рада принять ваше предложение. Но кое-что я хочу изменить: название. Мне оно не нравится, да и вообще, лучше начинать с чистого листа.

— Вообще-то название неплохое, — задумчиво протянул мистер Нанн, — да и на слуху. Но решать вам. Мы запросто подберем что-нибудь другое, начнем, как вы говорите, с чистого листа. Может, это даже взбодрит артистов. Наш брат ведь жутко суеверный, мисс Трант, нас волнует куча разных пустяков. Ах да, вот еще что. Берем ли мы новеньких? Я с ними поговорил, ребята

толковые, я бы на вашем месте их взял. Но начальница тут вы, и платить тоже вам, так что решайте сами.

— Мистера Джоллифанта берем непременно, — сказала начальница, немного покраснев. — Если он хороший пианист. Смею надеяться, что это так.

— Я успел его послушать, — сказал мистер Нанн. — Отменный музыкант! В сравнении с ним наша последняя пианистка — припадочная настройщица роялей. Он любитель, но талантливый, ей-богу. Митчем, второй новенький, тоже за него ручается, а ему опыта не занимать. Я его и раньше слышал.

— Вид у него какой-то странный, — тихо проговорила мисс Трант. — Он похож на разорившегося сенатора.

Мистер Нанн сощурил один глаз и прикрыл рот ладонью.

— Один из лучших банджоистов в стране, прекрасный фокусник, — прошептал он. — И великий враль. Удивительный человек! Непременно с ним побеседуйте. Я не говорю, что он мало путешествовал, но послушать его — так он старший брат Вечного жида. Не стоит принимать его слова на веру. В остальном же он полностью

окупит вложенные в него деньги. Фокусы пойдут на сладкое, а вот как банджоист он нам очень пригодится. В программе есть выступление джаз-бэнда, и банджо прекрасно его дополнит. Сам я ударник — смею заметить, для человека, забывшего вкус нормальной пиши, барабаню я неплохо. — Тут он взял нож с вилкой и отстучал *ратта-тат-тат* по тарелке. — Надо же хоть иногда брать в руки столовые приборы? — заметил он в конце своего выступления.

Должно быть, компания приняла его дробь за призыв к тишине, или ужин сам собой подошел к концу, но все вдруг умолкли и выжидающе уставились на мисс Трант и мистера Нанна.

— Мне с ними поговорить? — спросил он.

— Да, пожалуйста, — ответила мисс Трант. — Но сначала давайте спросим позволения у мистера Джоллифанта. В конце концов, собрал нас именно он. — Повернувшись к Иниго, она спросила: — Мистер Джоллифант, вы не против, если мистер Нанн расскажет всем о наших планах?

— А для чего же мы собрались? — воскликнул Иниго. — Закусить, а потом устроить переговоры на высшем уровне! Так я и планировал, определенно. Смелее, мистер Нанн.

Названный джентльмен поднялся из-за стола.

— Дамы и господа, — начал он.

— Похлопаем! — весело крикнула мисс Дин. И все захлопали, да так усердно, что официант, пытавшийся — хоть и без особого рвения — смахнуть крошки со стола, вздрогнул и поспешно удалился.

— И брось называть нас «дамы и господа», Джимми! — воскликнул его приятель Джо — к вящему недовольству миссис Джо, которая сидела прямо, чуть склонив голову набок, вскинув брови и поджав губы, словно весь Доркинг в эти минуты взирал на свою герцогиню.

— Мальчики и девочки, — сказал мистер Нанн, — много я говорить не буду. Вы все прекрасно отужинали; я — нет, так что болтовню оставляю вам. Я лишь хотел сказать, что мисс Трант, как вам уже известно, возглавит нашу труппу…

Аплодисменты в честь мисс Трант, к которым от всей души присоединяется оратор. Леди смущенно улыбается, вспыхивает и на миг-другой жалеет, что уехала из Хизертона.

— У нас будет лучшая труппа странствующих комедиантов, какая только колесила по дорогам Англии! — продолжает Джимми. — Нам несказанно повезло с антрепренером. Думаю, вы все

думаете, что мисс Трант тоже вскоре подумает… минутку, что-то я запутался в этих думах, прямо шагу ступить не могу. Так вот, надеюсь, скоро мисс Трант поймет, что и ей с нами повезло, ведь у нас такая замечательная труппа. — Крики «Верно, верно!» и вновь аплодисменты. — У нас есть и другая радостная новость: мы снова в полном составе. К нам присоединился мистер Мортон Митчем — прекрасный банджоист и фокусник, талантливый артист с огромным и… э-э… богатым опытом…

— Четырежды объехал вокруг света! — вставляет означенный джентльмен, ухитряясь произнести это весьма громко и вместе с тем так, будто мысль случайно сорвалась у него с языка.

— Да, четырежды объехал вокруг света, — повторяет мистер Нанн с выразительной иронией в голосе. — Выступал в Европе, Азии, Африке, Америке, Австралии и на острове Мэн. Я прав, сэр? — Хохот и аплодисменты. — Кроме того, место нашей последней пианистки…

— Неумехи, каких свет не видывал, — горько подмечает миссис Джо.

— …займет Иниго Джоллифант. На сцене он новичок, зато пианист первоклассный, в чем вы имели удовольствие убедиться. Помните, маль-

чики и девочки, что именно мистер Джоллифант устроил для нас этот ужин, хотя у меня никакого ужина не было. Но у вас он был, и неплохой.

Опять смех и аплодисменты. Мистер Джоллифант отвешивает благодарный поклон и, увидев, что мисс Сюзи Дин приветливо ему улыбается, посылает в ответ особенно сердечную улыбку, но натыкается лишь на высокомерный и презрительный взгляд. В следующий миг мисс Дин уже корчит многозначительную гримаску мисс Лонгстаф, и Иниго понимает, что эта озорная темноволосая барышня только что его высмеяла.

Мистер Нанн замолкает и о чем-то шепчется с мисс Трант, которая то и дело быстро кивает. Все за столом обращаются в слух.

— А как насчет… — начинает мистер Джерри Джернингем, однако договорить ему не удается, поскольку на него разом шикают несколько коллег.

— Итак, — продолжает мистер Нанн, — осталось обговорить один-два момента. Как вы знаете, мальчики и девочки, мисс Трант вообще не обязана платить нам жалованье, покуда мы не начнем работать. Но… — тут мистер Нанн делает глубокий вдох, и лица собравшихся озаряются, — но она сказала, что готова оплатить две

недели работы всем артистам труппы — кроме тех, кто присоединился к нам сегодня. То есть мы получим деньги за прошлую неделю и за эту. Причем никаких убавок, жалованье остается прежним. — Тут мистер Нанн, бывалый артист, чующий близость аплодисментов, умолкает. Коллеги не обманывают его ожиданий.

Однако вскоре появляются несогласные. Это мистер Джерри Джернингем, который поднимает красивую голову и возражает:

— Слушэй-ка, Джейми, я не против двухнедельного жэлэванья. Очень щедро, и все такое. — (Тут мы должны перебить его и сказать: хотя во всех центральных графствах не встретишь более изысканного франта, чем Джерри Джернингем, его акцент, относительно недавнее приобретение, требует именно такой записи. Одно дело смотреть на мистера Джернингема, и совсем другое — его слушать. Тысячи зрителей, позже увидевшие его на сценах Шафтсбери-авеню, не узнают этого акцента, поскольку вскоре он от него избавился и во время успешного сезона на Бродвее приобрел новый. Да и нынешний акцент — третий по счету с тех пор, как Джерри в возрасте семнадцати лет уволился из галантерейного магазина в Бирмингеме.) — Но я не могу

соглэситься на тэкое жэлэванье. Я говорил Милденхоллу, что это мэло, учитывая популэрность моего номерэ, и он тоже соглэсился…

— Идиот! — вскричала мисс Сюзи. — Он согласился бы на что угодно, учитывая, что он *вообще не собирался нам платить.* Хватит вести себя как гнусный жидок, Джерри Джернингем!

— Не суй свой нос, кудэ не просят, Сези, — отвечает юноша. — Твоего мнения никто не спрэшивал. Я разговэривал с мисс Трарнт и Джейми.

Однако ни мисс Трант, ни Джимми не оценили его выходки. Они оба раздосадованы, и мисс Трант даже готова сказать юному красавцу, что в труппе его никто не держит. Она бросает одобрительный взгляд на храбрую Сюзи. Джимми багровеет, едва слышно бормочет: «Гаденыш!», но, быстро шепнув мисс Трант: «Вообще-то он славный, давайте попробуем его оставить», примирительно улыбается. Итак, Джерри считает, что заслуживает большего. Все мальчики и девочки с этим согласны. Они знают, как он шикарно хохмит и какой у него яркий стиль, а в будущем, несомненно, он станет еще ярче. Однако все мальчики и девочки согласятся с ним, Джимми Нанном, что артист не всегда зарабатывает столько, сколько заслуживает — хорошо, если вообще

зарабатывает. Все останется по-старому, Джерри будет работать по прежней ставке, но если ему предложат хороший ангажемент, он волен уйти в любую минуту. Мисс Трант никого здесь не держит. Она поступает с ними по справедливости и ждет от них того же. Мальчики и девочки живейшим образом выражают свое согласие, и мистер Джернингем, чьей главной целью было привлечь внимание к собственной персоне, изящно дает понять, что согласен работать на прежних условиях.

— И какие у нас планы, Джимми? — осведомляется мистер Брандит тоном, который вновь напоминает всем, сколько храбрых сердец уснуло в пучине. — Опять начинаем сначала, верно?

— Я как раз хотел об этом сказать, Джозеф, — сообщает ему мистер Нанн. — Сперва об этом, а потом о репетициях. Репетировать надо так, будто мы впервые друг друга видим. Согласны? Вот как я рассудил — должен заметить, мисс Трант изъявила желание, чтобы я ставил спектакли и вообще всем заправлял, покуда она не набьет руку, — давайте останемся в Роусли и начнем репетиции.

Мальчики и девочки дружно стонут, потому что Роусли им порядком надоел.

— Это местечко, — замечает Джо, — кого хочешь с ума сведет.

— Согласен. Понимаю ваши чувства, — продолжает Джимми. — Я бы сам сел в первый же поезд и укатил подальше отсюда, однако не забывайте, мисс Трант не возит с собой всю казну. На небольшой взнос у нее хватит, но потребуется время, прежде чем поступит основная сумма. А мы должны расплатиться с долгами перед отъездом. И еще, на этой неделе зал в нашем распоряжении, мы можем там репетировать, да и на следующей, если приплатим фунт или два, утром и днем зал будет наш. Следующую договоренность мы уже отменили, так что у нас есть два-три дня на репетиции, прежде чем мы двинемся в Сэндибэй, — прогоним новую программу. Ну, как вам такой план? А, еще! Надо изменить название. Прежнее мисс Трант не нравится, да и вообще, лучше начинать с чистого листа — глядишь, и удача нам улыбнется. У кого-нибудь есть идеи?

Артисты предлагают несколько названий, каждое из которых, как с блеском доказывает миссис Джо, уже встречалось раньше — «так все себя называют, все кому не лень». Мистер Джо Брандит (в этот знаменательный миг позволим себе назвать его Кортни) торжественно предлагает назваться

«Простачками», поскольку это «звучно» — однако его идею тут же освистывают. Его жена откапывает где-то «Дуэний», признается, что не помнит, кто это такие, зато словечко явственно отдает опереттой. Ее задумку без дальних слов отклоняют. Мистер Мортон Митчем предлагает воскресить «Валлахов» — так называлась труппа, которую он обучал то ли в Шимле, то ли в Бангалоре в пятом году. Его идея также не находит одобрения, и мистер Митчем поднимается из-за стола («Такое чувство, — замечает мисс Дин, — что он бесконечный»), внушительно прочищает горло, хмурит громадные брови на тех, кто еще болтает, и говорит:

— Мисс Трант, леди и джентльмены. Пока мы все ломаем голову над подходящим названием для труппы, я предлагаю — как предлагал по разным поводам на самых разных континентах — э-э… выразить свое почтение, то есть выказать благодарность хозяину этого вечера, моему другу и вашему новому коллеге, мистеру Иниго Джоллифанту. Нам с мистером Джоллифантом выпало… э-э… несколько любопытных приключений, мы вместе прошли и плохое, и хорошее. А познакомились мы… э-э… при весьма необычных обстоятельствах, как мистер Джоллифант, несо-

мненно, помнит. — Он умолк, и все уставились на Иниго. Последнему даже начало казаться, что они с Митчемом в самом деле исколесили вместе земной шар. Эпическое воображение Митчема поистине завораживало. — Сразу после нашего знакомства я назвал мистера Джоллифанта труппером, добрым труппером. Те из вас, кто не знаком с… э-э… трансатлантической театральной сценой, возможно, впервые слышит это слово. Однако так мы выражаем человеку высочайшее почтение. Я сразу понял, что наш друг, мистер Джоллифант, отменный труппер. Сегодня он это доказал, леди и джентльмены, так давайте же его отблагодарим. Мистер Джоллифант!

Все дружно благодарят и просят мистера Джоллифанта сказать что-нибудь в ответ. Он широко улыбается, откидывает со лба вихор, опять улыбается и возвращает вихор на место. Это так мило, бормочет Иниго. Он прямо не знает, куда деваться. Что такое «добрый труппер», ему неизвестно, вообще его познания об Америке весьма скудны и по большей части ограничиваются сведениями, почерпнутыми из «Гекльберри Финна».

Тут его перебивает сама мисс Трант: она с детства обожала «Гекльберри Финна» и теперь радостно хлопает в ладоши, восклицая: «Ну, разве

не славно?»

— Славней не бывает! — отвечает Иниго, и кажется, что вот сейчас он подсядет к мисс Трант и они на полчаса заведут беседу о любимом литературном шедевре. Тут Иниго вспоминает, что должен произнести речь.

— Как я уже говорил, мне неизвестно, кто такой труппер, — догадываюсь лишь, что это человек, разъезжающий с труппой. Следовательно, я не вполне понимаю, какие качества присущи доброму трупперу. Но если это значит быть добрым другом — или прилагать к тому все усилия, то для меня нет большей чести, чем называться добрым труппером, определенно. Почему-то… — Иниго посерьезнел. Впервые за долгое время он говорил о чем-то важном, настоящем и волнующем его сердце, а потому запинался и умолкал — несмотря на болтливость, Иниго никогда не относился к стремительно растущей категории людей, любящих красноречиво распахнуть душу перед чужими. — Почему-то… в мире теперь… э-э… почти не встретишь доброй дружбы… правда ведь? Ну, то есть… люди больше… не держатся друг за друга. Все… не все, но многие… гонятся за хорошей жизнью, за весельем, — и это, конечно, прекрасно, я только «за», чем больше, тем веселей, — но

отчего-то он и хотят хорошей жизни лишь себе, а не другим, правда? Вокруг сплошь крепкие орешки — мягкие в ненужных местах. Я не утверждаю, что я лучше остальных, во многом даже хуже, но я бы хотел, чтобы хоть кто-то считал меня добрым другом. Отчасти это и привлекло меня в вашей… как вы говорите?.. разъездной труппе: целая толпа людей, которые крепко держатся друг за друга. Вот это, я понимаю, веселье! Слушайте… что-то я сумбурно выражаюсь, только пыль пускать в глаза и умею, а по-человечески говорить разучился… Зато… — В заключение своей речи Иниго неожиданно выпаливает: — Я же могу это записать! Чем и займусь в ближайшее время. Спасибо вам за внимание.

— Слушайте! — тут же восклицает мисс Трант. — Мистер Джоллифант подсказал мне название! Уверена, вы такого нигде не слышали. Давайте назовемся «Добрыми друзьями»! Ну, как вам? — Она не на шутку взволнована.

— «Добрые друзья»… — Все принимаются и так и эдак вертеть название на языке.

Иниго сразу же и безоговорочно одобряет задумку.

— Мне тоже нравится! — кричит мисс Сюзи Дин. — Оригинально и со смыслом, не то что

наши «Штучки-дрючки». От этого названия я всегда чувствовала себя не то ароматизированной сигаретой, не то шестипенсовой краской для волос, которую все время покупает Элси. А новое название очень милое. Не знаю только, как оно будет смотреться на афишах… — с сомнением протягивает мисс Сюзи.

— Зато я знаю, — очень мрачно басит мистер Джо. — Ужасно будет смотреться, вот как.

— Согласна. Ему не хватает смелости, напора! — высказывается мисс Элси Лонгстаф, воплощение напора и смелости.

— Уж очень это зэумно, мисс Трант, — замечает мистер Джернингем.

Мистер Нанн прищуривает один глаз, затем другой и наконец заявляет, что название малость черствое и для афиш длинновато, но своеобразное и в целом годится. То же самое, с высоты своего огромного опыта, утверждает мистер Митчем. Совместный пыл мисс Трант и Иниго легко расправляется со страхами и сомнениями остальных.

— Значит, решено! — ясным голосом объявляет мисс Трант. — Назовемся «Добрыми друзьями».

Тут мистера Митчема посещает вдохновение. Шепнув Иниго: «Теперь я угощаю», он встает во

весь рост и гремит:

— Официант! Ты где, официант? А, вон ты где. Официант, принеси нам бутылку портвейна.

— Какого именно, сэр? — озабоченно интересуется официант, словно у них весь погреб забит винами разных марок и он боится, как бы джентльмен не прогадал с выбором.

— А, да чтоб пить можно было! Что есть?

— «Тони» по три шиллинга девять пенсов за бутылку и «Олд энд крастед» по четыре и шесть[45].

— Тогда тащи «Олд энд крастед». — Мистер Митчем так богато раскрашивает гласные, что вино заранее кажется всем вдвое старее, а осадок на стенках — вдвое толще. — И стаканы, пожалуйста, — продолжает мистер Митчем, — да поживей.

Прогнав официанта грозным взмахом бровей, он садится за стол с видом человека, который не только разбирается в хорошем вине, но и умеет правильно его заказать.

— А ведь он может отлично кормиться, если

---

[45] Примечания: 45

«„Тони“ потри шиллинга девять пенсов за бутылку и „Олд энд крастед“ по четыре и шесть». — Имеются в виду различные сорта портвейна. «Тони» долго выдерживается в бочках, постепенно приобретая особый аромат и меняя естественный рубиновый цвет на рыжевато-коричневый. Портвейны «крастед» называются так из-за осадка в виде «корочки» («crust»), которая образуется в бутылках.

его завести. Какой стиль! — шепчет мистер Нанн своей соседке, мисс Трант. — Есть у меня на примете пара сценок, с которыми его определенно ждет успех.

Подают «Олд энд крастед» и стаканы.

— Сейчас я скажу тост, — говорит мистер Митчем, — так что скорей разливайте.

Наконец все стаканы полны. Мистер Митчем поднимает свой и произносит тост — да так величественно, что из бара к ним прибегает сама миссис Тидби.

— Итак, встречайте нашу труппу! Да здравствуют «Добрые друзья», и удачи нам!

— Уж теперь-то я выпью, — заявляет мистер Нанн. — Даже если это меня убьет. — И заодно со всеми благополучно проглатывает «Олд энд крастед». — За «Добрых друзей»!

Миссис Тидби, которая стоит в дверях и улыбается, тоже приглашают выпить за здоровье новой труппы, и она выпивает, с большим смаком облизывая губы — видимо, это должно означать, что портвейн в ее заведении подают только качественный.

Настает черед мистера Окройда, который до сих пор молчал: человек он скромный и не привык к такому окружению. Все остальные — артисты

труппы, а он здесь только на правах гостя. За стенами гостиницы несколько раз заговаривали о том, какую работу ему поручить, однако ничего определенного сказано не было, а мистер Окройд не из тех, кто навязывается. Завтра он вновь отправится в путь, но сегодняшний вечер пришелся ему по душе, и он считает себя обязанным отблагодарить этих людей, прежде чем с ними расстаться. Он поднимает кружку, в которой еще на дюйм пива, и громко говорит:

— Я для вас — простой зритель, но вот мое пожелание. Пусть все, кто придет вас посмотреть и послушать, станут вам добрыми друзьями. И шоб вы никогда не стояли на месте, а шли только вперед! — С этими словами он опрокидывает остаток пива.

— Спасибо, мистер Окройд! — первой отвечает мисс Трант и тут же начинает перешептываться о чем-то с мистером Нанном.

Мисс Дин, очевидно, считающая мистера Окройда своим протеже, умиляется.

— Он такой душка, правда? — кричит она через весь стол и поворачивается к мистеру Окройду, чуть склонив голову набок. — Право, мистер Окройд, вы просто душка! — По ее взгляду можно подумать, что он ростом шесть дюймов и с головы

до ног покрыт розовой глазурью.

Тут его просят подойти к другому концу стола, где совещаются мисс Трант и мистер Нанн. Мистер Окройд занимает место Иниго, а тот с удовольствием подсаживается к мисс Дин, которая по-прежнему улыбается и вообще прелестно выглядит.

— Послушайте, мистер Окройд, — говорит мисс Трант. — Нам очень нужен такой мастер на все руки, как вы…

— Рабочий сцены, реквизитор, носильщик, осветитель, временами швейцар, временами расклейщик афиш, — беззаботно перечисляет мистер Нанн, — ну, и любые мелкие работы, конечно.

— Вот оно как… — Мистер Окройд трет подбородок — нипочем не догадаться, как он рад. — Я в театрах не разбираюсь, токмо с галерки вашего брата и видал. Но за работу я бы взялся. Руки-то у меня умелые, что надо — то и сделают. А вам постоянный работник нужон или временный?

— Мы хотим, чтобы вы вместе с нами ездили по стране, мистер Окройд, — поясняет мисс Трант. — Уверена, вы быстро разберетесь во всем, чего пока не знаете. С освещением, к примеру.

Лицо мистера Окройда расходится в широкой

улыбке.

— Выходит, я таперича — один из «Добрых друзей»? Ну дела! Радость-то какая!

— Мистер Нанн предлагает вам три фунта в неделю…

— Железнодорожные билеты, дополнительные расходы — все это оплачивается, — добавляет мистер Нанн. — Деньги неплохие, жалованье регулярное…

— Вас это устроит, мистер Окройд?

— Пожалуй, что да, мисс. Три фунта в неделю на меня одного! Ха, кто бы узнал, что я стал театралом — ни в жисть не поверил бы! Ну, такое дело мне по душе, по душе… — Он радостно смеется.

— Вот и славно, правда? Приходите утром к мюзик-холлу, договорились, мистер Окройд?

— Я не подведу, — убежденно отвечает мистер Окройд. — Полседьмого буду на месте, как штык. И инструменты прихвачу.

— Полседьмого! — Мистер Нанн с блеском изображает джентльмена, которому только что влепили крепкий подзатыльник. — Такого времени не существует, тем более утром! Нет, дружище, полдесятого — вот наше время.

— В Браддерсфорде эт середина дня. Знаете такой город, мистер Нанн?

— Знаю, — трагически отвечает тот. — Только везунчики его не знают. Спроси Сюзи — она называет его Траурсфорд. А в театральных кругах его прозвали «могилой комедианта»!

— Эт еще почему? — вопрошает мистер Окройд. Лицо у него несколько деревянное. — Я, например, слыхал, как наш Браддерсфорд величают городом, где шурупы забивают молотком. Чего только не услышишь, а, мистер Нанн? — Он откидывается на спинку стула и спокойно смотрит в потолок.

Мисс Трант, окинув их обоих удивленным взглядом, тихонько смеется, и мистер Нанн тоже, а потом и мистер Окройд принимается хохотать. «Вот эт я понимаю компания», — говорит он себе и, вспомнив, что ему не надо завтра никуда уезжать и что отныне он будет странствовать по всей Англии за три фунта в неделю, чуть не лопается от восторга.

В следующую минуту все принимаются кричать:

— Мисс Трант! Ре-ечь, мисс Трант! Ре-ечь!

Сперва она качает головой, но «Мальчики и девочки не примут отказа», — осторожно поясняет мистер Нанн.

— Мне совсем нечего сказать, — говорит она

всем, — кроме того, что мы непременно с вами поладим. Не взыщите, если я буду говорить глупости, я ведь ничего не понимаю в театральном деле. Я даже не видела вас на сцене, чудеса, правда? Уверена, все вы очень талантливые и трудолюбивые, а… а с завтрашнего дня станете еще талантливее и трудолюбивее. — Смех и аплодисменты. — Теперь я вас покину. Да, мне нужно отдохнуть. День был ужасно длинный и насыщенный — такое чувство, что прошла целая неделя, — и я устала.

— Ах, не уходите, мисс Трант! — взмаливается Сюзи.

— Почему?

— Ну, если вы уйдете, то и мне придется уйти, и хоть я сама приустала, очень не хочется пропустить что-нибудь интересное!

— Я бы тоже пошла спать, Сюзи, — говорит ей мисс Лонгстаф.

— Ну и ладно! — восклицает ее подруга. — Пойдемте, дамы, а господа пусть сидят, покуда их не выгонят. Так и вижу, как они будут тут чваниться и выставляться, «хо-хо-хо» да «хе-хе-хе» — вот ведь воображалы! Мужчины попросту смешны, — подытоживает она и вздергивает подбородок.

— Чем тверже ты придерживаешься такого мнения, милочка, — говорит ей миссис Джо, — тем скорей добьешься успеха. — С этими словами почтенная дама поднимается и сообщает мужу, что ему надлежит выпить еще один стаканчик, не больше, и через полчаса пойти домой. Затем все четыре представительницы прекрасного пола отбывают.

А господа, рассевшись беззаботно и привольно, как всегда бывает после ухода дам, действительно начинают выставляться и тянуть «хо-хо-хо» и «хе-хе-хе». За этим занятием Иниго обнаруживает, что Джерри Джернингем, элегантный и неотразимый юноша с удивительным акцентом, беззаветно и почти героически преданный своему ненадежному ремеслу, твердо вознамерившийся стать гвоздем программы и либо вскорости увидеть свое имя на электрических вывесках, либо умереть, — невероятно славный человек. А мистеру Окройду открывается, что Джо, который сразу показался ему дельным малым, не только любит на досуге выкурить трубочку «Старого моряцкого» (и пропустить кружку пива, само собой), но и питает столь же сильную страсть к футболу (маленький Джордж, живущий в Денмарк-Хилле, вскоре проявит себя на

этом поприще — к вящему удивлению родных). Джимми Нанн и Мортон Митчем обнаруживают, что оба помнят всех «профи», которые когда-либо стяжали лавры, выбыли из строя, подались в антрепренеры или открыли где-то неплохую пивную. Миссис Тидби появляется вновь, выражает надежду, что ее гости всем довольны, напоминает еще разок, что ее предупредили слишком поздно, и многозначительно смотрит на часы. Престарелый официант зевает, бесцельно двигает туда-сюда стаканы, а потом приносит на мокром подносике сдачу. При просьбе оставить ее себе он едва заметно улыбается и еще раз зевает. Гости выходят на безлюдную улицу и на минуту останавливаются, чтобы со смутной угасающей иронией взглянуть на полупрозрачные облака и мягкие звезды за ними.

— Тебе в мою сторону? Вот и славно. Спокойной ночи, мальчики. Спокойной ночи, старик. Бывайте!

Глава 2
Очень короткая и целиком посвященная репетициям

Следующие несколько дней Иниго, казалось, не сходил с импровизированной сцены концертного зала Роусли и без конца колотил по клавишам древнего «Бродвуда». Две клавиши, первая «соль» в дисканте и «ре» в басах, завели привычку застревать, и уже к концу первого дня Иниго так близко познакомился с этими нотами, что каждая зажила для него собственной жизнью, и он часами напролет спорил с двумя упрямыми желтыми человечками — Тидлибимом и Тудлибомом, как он их прозвал. Запястья и руки начали отваливаться примерно к полудню пятницы, а потом — хотя воскресенье был выходной — так болели, что в конце концов Иниго перестал обращать на это внимание. Что бы ни делали «Добрые друзья» — пели песенки, дуэты, трио или исполняли одиночные номера, — Иниго трудился не покладая рук. А когда они бросали петь и начинали танцевать, трудиться приходилось еще больше. Об отдыхе он мог только мечтать. Каждый артист

труппы гордился своим обширным репертуаром, который назывался у них «багажом», и время от времени каждый хотел пройтись по нему с новым пианистом — вскоре Иниго становилось дурно при одном слове «багаж».

— Я и не догадывался, что на свете осталось столько грязных потрепанных нот, — пожаловался он мисс Трант, продираясь сквозь багаж мистера Нанна. Его ноты были самыми грязными, старыми и потрепанными из всех. Большая часть его песен сообщала публике, что их исполнитель — полисмен («Я по улице хожу и порядок сторожу. Ведь я — полисмен — *пум* — да, я — полисмен!»), почтальон, официант или еще какой-нибудь забавный общественный персонаж. Многие из них были написаны от руки, да еще с карандашными пометками вроде «Здесь пауза, топаю ногами». К счастью, для Джимми музыка не имела большого значения: слух и голос у него отсутствовали. Он останавливал Иниго в самых неожиданных местах и делился с публикой воспоминаниями о злом отце или в мельчайших маловероятных подробностях описывал день своей свадьбы. В самом деле, связь между его пением и музыкой была столь неуловима, что он успел пропеть все слова полицейского под аккомп-

панемент, предназначенный для почтальона, пока они с Иниго заметили ошибку.

— Приходится петь старье, мальчик мой, — сказал Джимми, осторожно убирая с пюпитра рассыпающиеся на части нотные листы. — Нынче толковых шуточных песен не пишут, поверь моему слову.

Иниго был готов согласиться, что эти шедевры написаны давным-давно. Он только надеялся, что успеет вызубрить их наизусть, пока ноты не рассыплются в прах.

Багажи Брандитов были в лучшем состоянии, чем багаж Джимми. Исполняли они в основном баллады, отпечатанные по всем правилам на приличной бумаге, зато сами репертуары оказались значительно больше, особенно репертуар миссис Джо. Ее чрезвычайно пухлую папку украшали алые печатные буквы: «Мисс Стелла Кавендиш».

— Ни в одной странствующей труппе вы не найдете артистки с таким богатым и шикарным багажом, — гордо заявила миссис Джо.

Однако играть весь ее багаж не пришлось: Иниго прекрасно читал с листа, а баллады и вовсе щелкал как орешки. Сверкая глазами и колыхая грудью, миссис Джо мелодично велела сыну вести себя хорошо; пожаловалась, что розы ее

сердца уж впредь не зацветут, как розы в цветнике; велела красному солнышку катиться на за-апад; дождалась возвращения некоего Энгуса Макдональда из загадочного похода на чужбину; попрощалась с листвой, деревьями, поцелуями в лоб и практически всем на свете и заявила, что должна немедля уехать на море. Исполнив таким образом полдюжины своих самых ярких номеров, миссис Джо объявила, что не просто довольна новым пианистом, а восхищена, отерла лицо одной рукой, другой похлопала Иниго по плечу и сказала, что у него прекрасное чутье, талант, душа, и вообще он — находка.

— Вы идеально мне подходите, мистер Джоллифант! — тепло воскликнула она и попросила присутствующих с ней согласиться. Иниго, который все это время тайком посмеивался над своей чересчур воодушевленной игрой, искательно огляделся по сторонам: мисс Сюзи Дин смотрела на него холодным отстраненным взглядом. Похвалы недалекой певуньи тут же показались ему неуместными. Он виновато покосился на Сюзи — мысленно он называл ее просто Сюзи, — но юная леди вздернула подбородок выше обычного и отвернулась. Иниго пришел к выводу, что не такой уж он талантливый молодой человек, ка-

ким себя полагал.

Джо доставил Иниго больше хлопот, чем миссис Джо, хотя багаж у него был куда менее богатый и шикарный, чем у супруги.

— У Джо есть голос, но нет выучки, — пояснила она. — Если он опять не сумеет удержать ноту, придется транспонировать для него несколько песен. Я пыталась сказать это той дряни, что сбежала с Милденхоллом, да все без толку. Она еле-еле играла по нотам, а уж про транспозицию можно было не заикаться. Как я сказала сегодня Джо, вы — настоящий музыкант, и вам не составит труда сыграть ниже на полтона или на тон.

Иниго сыграл ниже на полтона и на тон, но, кроме возликовавшей миссис Джо, никто не заметил разницы. Грубый мощный голос Джо отказывался ему служить. Ближе к концу песни он начинал скакать между разными нотами, а в самом конце вообще уходил в другую тональность. Хуже того, не приходилось сомневаться, что Джо — крайне черствый вокалист. Он напрягал все свое огромное тело, стискивал кулаки и орал во всю глотку, багровея лицом. В песнях с моряцкой тематикой это смотрелось неплохо, и он считал своим долгом описать все страшные опасности, подстерегающие вас в пучи-и-ине.

Но вы невольно улыбались, глядя на могучую мускулистую тушу славного Джо, его грубо вытесанный подбородок, лоб с бусинками пота и кулачищи, готовые в любую секунду отправить вас в нокаут, когда Джо превращался в певучую жертву душевных страстей, заявлял, что вы шептали его имя среди роз, и признавался, что он день-деньской грезит о синих очах и лилейных руках, а ночью стоит под вашим оконцем. Мисс Трант, которой посчастливилось войти в зал именно в ту минуту, когда Джо вовсю голосил о любви, едва не прыснула со смеху и спешно укрылась в дальнем углу.

— Зачем мистер Брандит вообще это поет? — спросила она потом у Сюзи. — Конечно, я не против его пения, но он ни капли не похож на томящегося от любви юнца.

Сюзи рассмеялась:

— Знаю. Бедный Джо! Он будто не поет, а требует подать ему мяса с луком, верно? Это наша Стелла заставляет его петь о любви. Впрочем, даже эти номера пользуются успехом у публики. Люди, верно, думают, что ему еще хуже, чем им, вот и хлопают от жалости. А все равно я души в нем не чаю. Он куда лучше большинства мужчин, которые *умеют* петь о любви. Знавала я

таких, фу!

Потом репетировать пришли две девушки, мисс Сюзи Дин и мисс Элси Лонгстаф. Иниго ждал неприятный сюрприз: он обнаружил, что играть для последней куда легче, чем для первой. Сначала репетировала Элси — она исполнила полдюжины песенок, главным образом американских — одновременно жалостных и беспардонных, у автора которых либо никогда не было «любимой», либо он ее только что потерял. Элси пела их тоненьким гнусавым голоском, будто бы специально завезенным из Штатов, а в конце исполнила несколько забавных и изящных танцев, выигравших за счет ее чудесной фигурки. Когда Иниго удавалось сыграть несколько одинаковых тактов, сопровождавших танцевальные па, он время от времени поглядывал на Элси через рояль — и нашел ее весьма привлекательной, хотя поначалу она казалась ему чересчур беленькой и пушистенькой, чересчур большеглазой, надушенной, чересчур застенчивой и одновременно показной — словом, похожей на стареющего котенка. К тому же ему ни разу не удалось ее разговорить. До сих пор Элси была в его представлении глупой пустышкой, и мысленно он назвал ее «претенциозной вульгарной особой с

подловатой душой». Но теперь, когда она кружилась на сцене, улыбалась ему, кричала: «Быстрей, пожалуйста!» и снова улыбалась уже вместе с ним, Иниго подумал, что в ней есть определенное очарование и публике ее номера точно придутся по вкусу, какими бы плоскими и заурядными они ни были. А потом она подлетела к роялю, хлопая в ладоши, розовая и запыхавшаяся, и воскликнула: «Ах, огромное вам спасибо! Это было незабываемо! Вы прекрасно играете, честное слово!» На что Иниго ответил: «Отлично мы повеселились, верно, мисс Лонгстаф?», а она заявила, что теперь никак не может быть мисс Лонгстаф, теперь она Элси, а он Иниго, и отныне они друзья.

То был приятный сюрприз. Неприятно же удивила его Сюзи. Во-первых, ее выступление никуда не годилось. Джимми Нанн, Брандиты и даже Джернингем хором уверяли его, что она — восходящая звезда и лучшей юной комедиантки ни в одной труппе не сыщешь. Что в ней не просто есть изюминка, она не просто трудолюбива и талантлива, а… ну, вы понимаете. Иниго в самом деле понимал. Он внимательно наблюдал за ней с самого знакомства (которое состоялось только в минувший четверг, но, по его ощущениям, с тех пор прошло несколько месяцев) и охотно

верил всему, что о ней говорили. Он живо представлял Сюзи на сцене — юркую и одновременно крепкую, ее игривое, сияющее радостью лицо и сами номера — вихрь приподнятых настроений, шарма и шутовства, с тончайшей, едва уловимой ноткой пафоса. Но вот Сюзи пришла на репетицию, и ее выступление даже близко не походило на то, что нарисовал себе Иниго. Осипшим голосом она исполнила несколько песен — никчемных и скучных, у Элси и то были лучше, — да и пела она вяло, без огонька. Затем последовала чечетка — такая же вялая и безрадостная. То и дело Сюзи останавливала Иниго и говорила, что тот играет слишком медленно, слишком быстро или что в такие моменты надо замолкать. Его разочарованию не было предела.

— Слушайте… — начал он, когда Сюзи закончила и принялась собирать ноты.

— Да, профессор?

— Эти ваши песенки… они не больно-то хороши, а? — Сюзи вытаращила глаза. — Ну, в смысле… они довольно слабые, не находите?

— Да неужели? — В ее голосе зазвучали опасные ноты.

— Ну да! Плоские, как бумага. Вам, верно, ужасно надоело их петь. Даже если не брать в расчет

слова, одни мелодии чего стоят! Разве это музыка? Господи, да я за утро сочинил бы десяток песен куда лучше ваших.

— Правда?

— Легко! — с жаром ответил молодой человек. — Конечно, и мои сочинения — требуха, но требуха требухе рознь, верно?

— Пожалуй, — тихо ответила Сюзи. — Я эту гадость не пробовала. Но вы продолжайте, продолжайте.

— Я только хотел сказать, — Иниго немного оробел, — что если у вас нет песен получше, мы могли бы отправить их на заслуженный покой и сочинить что-нибудь новенькое. Как думаете?

— Сейчас я вам скажу, что я думаю! — в гневе воскликнула она. — Я думаю, что вы — ужасный нахал, так-то! Сидите себе за роялем, как король, и говорите, будто я пою дрянь, а сами и пяти минут в труппе не проработали! Публику в глаза не видели! Думаете, я еще маленькая и можно мной командовать? О да-а… — она вздернула подбородок и заговорила гортанным голосом, хлестко пародируя Иниго. — Требуха-а требухе-е рознь, верно? Да-а, определенно! — Яростно взмахнув юбкой, она развернулась и приметила в зрительном зале Джимми Нанна, который с

кем-то совещался.

— Джимми! — позвала она. — На минуточку, Джимми! Не хочу тебя огорчать, но моих номеров в программе не будет. Это невозможно. Мистер Джоллифант, столь любезно согласившийся нам подыграть, говорит, что мои песни не стоят его трудов.

— Я такого не говорил! — запротестовал Иниго.

— Говорили, еще как! — огрызнулась Сюзи. — Хотела бы я знать, кем вы себя возомнили? Последняя наша пианистка никуда не годилась, но она по крайней мере не решала, что нам петь, а что нет!

— Тише, тише, детки, — сказал Джимми. — Не забывайте, у вас на чай будет вкусненькое, а у меня нет. Бедный, бедный Джеймс! Не кипятись, Сюзи. А вы извинитесь, Джоллифант. Все равно, виноваты вы или нет, извинитесь. С ними только так и можно. Успокойтесь, пожалуйста.

— Умоляю меня простить, Сюзи…

— Мисс Дин. Спасибо.

— А… ну хорошо, мисс Дин, — с достоинством ответил Иниго. — Повторяю: примите мои извинения, я не хотел вас обидеть.

— Значит, только так с нами и можно, да? —

воскликнула Сюзи. — Ну а со мной нельзя! — Она собрала ноты. — Жаль, что мои номера пришлись вам не по нраву, потому что отныне вам придется часто их слушать. Я буду их петь, что бы вы ни думали. И даже если вы прямо сейчас напишете лучшую партию для субретки на свете, я не стану ее петь — ни за какие деньги! Я все сказала. — И она, гордо вскинув голову, ушла.

Через несколько минут вернулся Джимми, и Иниго рассказал ему, как было дело. Минуту-другую тот задумчиво свистел, а потом сморщил нос и уморительно глянул на своего собеседника.

— Кое-чему в Кембридже не учат, мой мальчик, — наконец произнес он, — но в театре вы быстро этому обучитесь. Я говорю о такте. Нельзя так разговаривать с артистами. Думайте что угодно, но вслух не говорите. В нашем ремесле мужчины еще куда ни шло, но женщины!.. Обидчивые, вспыльчивые! Прямо динамит, мой мальчик. Одно слово — и взрываются! К тому же номера у Сюзи вовсе не дурны. Я не говорю, что лучше не бывает, но на сцене она просто чудо, скоро сами убедитесь. Публика души в ней не чает.

— Но в том-то и дело! — сказал Иниго. — Я бы и слова не сказал — пусть это останется между

нами, хорошо? — если бы так не разочаровался. Я думал, она творит чудеса, но ничего подобного не увидел. Одна скукотища.

Услышав такое, Джимми блестяще изобразил авторитетного астронома, которому сказали, что Земля — плоская. Он застонал; он устремил взор к небу; он ударил себя по лбу.

— Что это такое, по-вашему? — возгласил он, обводя рукой пустой зал. — Королевский театр? А эти сиденья с дырявой обивкой — королевская семья? Та колонна — сэр Освальд Столл[46] с полными карманами новых контрактов?

— Позвольте я продолжу! — добродушно воскликнул Иниго, хотя слова Джимми задели его за живое. — А этот рояль — касса «Друри-Лейн»[47]? Ответ — нет, нет и нет! Но что с того?

Джимми рассмеялся.

— А вот что: Сюзи просто не старалась. Скоро вы увидите, как она преображается перед зрителями. Уверяю, она из самого безнадежного

---

[46] Примечания: 46

Сэр Освальд Столл (1866–1942) — известный английский театральный деятель. К 1905 году почти но всех крупных британских городах появились театры, которыми владел или руководил сэр Освальд Столл.

[47] Примечания: 47

Театр «Друри-Лейн» — старейший из непрерывно действующих театров Великобритании, один из главных драматических театров Лондона.

номера сделает конфетку. Положитесь на нее, мой мальчик. Сюзи — умница.

— Понятно. — Иниго сыграл небольшой задумчивый пассаж и в конце вдруг грохнул по клавишам. — Джимми, я напишу вам несколько песен. Главное — сочинить слова. Мелодии мне запросто даются, а вот подходящие стишки я писать не умею.

— Если мой желудок на пару дней оставит меня в покое, — сказал Джимми, — я и сам могу посочинять. Напишите мелодию, а я что-нибудь придумаю. Или наоборот, я покажу вам стихи, а вы подберете музыку. И не забудьте проиграть то вступление, которое я вам дал.

— Конечно. Я докажу мисс Сюзи, что не просто хвастался. Она заявила, что никогда не будет петь мои песни. Это мы еще посмотрим. Я сочиню такое, что она возьмет свои слова обратно — или провалиться мне на этом месте!

Итак, подстегиваемый презрением Сюзи и стремлением поставить ее на место, Иниго взялся за работу. Вместе с Джимми они провели все воскресенье за разбитым кабинетным пианино, гордостью его съемной комнаты, и нотной бумагой, которую ему чудом удалось раздобыть.

В понедельник Иниго репетировал с Джерри

Джернингемом: тот осторожно снял с себя пиджак, жилет и целый час трудился, как вол. Голос его тогда был не лучше, чем сейчас, — то же гнусавое жалостное мурлыканье, какое и голосом-то не назовешь, однако оно идеально соответствовало поставленным задачам. Джаз, который начинался со взрыва безудержного варварского веселья, красно-черной кляксы на блеклом лице Земли, с годами стал цивилизованней: теперь он звучал тише и тоньше, заигрывал с чувствами и цинизмом; на смену первым ярким краскам пришли осенние полутона; некогда веселые бабочки запорхали в грустном лиричном танце; напористые ритмы превратились в мягкий перестук тех громадных машин, которым теперь прислуживает человечество, которые пожирают все наше время, давая мыслям свободу блуждать, где вздумается, — и гадать. В своей примитивной, дерганой, скользящей манере этот джаз с ухмылками и ужимками пел толпам бездомных и нелюбимых о доме и любви, умело передавая все оттенки озадаченной страсти и грустной ностальгии нашего века. Сама История, которая в равной степени ведает переселениями народов и народными песнями, породила этот Джаз, а Природа, тайком вершившая свои дела на длинной темной

улице захолустного города, в ответ породила Джерри Джернингема, этого Антиноя во фраке и бальных туфлях. Голос у Джерри отсутствовал, но для таких песен лучше было не придумать. А его ноги, два на редкость энергичных комментатора для разных амплуа, договаривали остальное. Отбивая чечетку, Джерри вдруг становился живым человеком, который поверял вам свои тайны и остроумно высказывался о жизни. Его ноги то погружались в думы, то бились в отчаянии, то обретали надежду, воспаряли духом, хохотали и пели гимны, то сходили с ума от счастья, а то предавались сомнениям, задавались горькими вопросами, пожимали плечами и ударялись в сарказм — и все это с обманчивой легкостью и изяществом.

Поначалу Иниго было нелегко проникнуться симпатией к этому красивому и пустому юноше, но после репетиции он начал его уважать. Пусть разум тщеславного и кичливого Джернингема был подобен чистой грифельной доске, а речь он украшал самым неестественным из возможных акцентов, все же он был художник — не просто артист, а именно художник. Как он работал! Предметом всех его стремлений было прослыть самым изящным лентяем, самым праздным

фатом театра и эстрады, и для достижения этой безупречной стрекозиной легкости он готов был часами упражняться, как спортсмен, и работать, как вол. Вне сцены Иниго мог ни во что не ставить Джернингема, но на репетиции он увидел перед собой другого человека: точно знающего, что ему нужно — не только от себя, но и от остальных, — и привлекающего к себе все взгляды. Попадая в свою стихию, Джернингем мгновенно оживал, точно рыба, брошенная в воду. Иниго играл для него с неиссякаемым пылом до самого конца репетиции. Потом Джернингем облокотился на рояль, улыбнулся Иниго и аккуратно вытер лоб лиловым шелковым платком.

— Танцуешь — первый класс! — с азартом воскликнул Иниго. — А моя игра как, ничего? В этих синкопах черт ногу сломит, с листа не читаются.

— Оччень дэже, — ответил Джернингем. — Твое игрэ мне по вкусу. Кэг рэз то, что я хотел. У тебя джэзовая техника. С тобой мы зэиграем по-новому. — Он опять промокнул лоб платком. — Рэд, что тебе пэнравилось мое выступление. Эти нэмера мне неплохо дэются, но я уже дэвно ищу что-нибудь новенькое.

Иниго торжественно выложил перед ним рукописные ноты.

— Послушай это! — воскликнул он. — Мы с Джимми вчера написали. Мелодию я давно сочинил, а Джимми придумал слова.

— Кэг нэзывается?

— «Свернем же за угол», — ответил Иниго. — Ты пока отдохни, а я сыграю.

И вновь озорная мелодийка затанцевала по клавишам рояля. Примерно на середине песни Джернингем не выдержал и стал заглядывать Иниго через плечо, напевая и притоптывая ногами.

— Дэ это же нэходка! — с внезапным жаром вскричал артист. — Это будет лучший нэмер прогрэммы, Джэллифэнт, лучший! Ты ведь отдэшь его мне, прэвдэ? Я нэстэиваю.

— Отдам, — злорадно ответил Иниго, подумав о Сюзи.

Джернингем уже разучивал слова.

— Дэвэй порепетируем прямо сейчэс, дэвэй! Ты золотая жила, Джэллифэнт, ей-богу. Пообещай, что дэшь мне попеть ее месяцэ двэ или три, а уж потом кудэ-нибудь отошлешь.

— Конечно, дам! Я никуда не собирался ее отсылать.

— Дэрэгой мой, ты обязан! Тэкие штуки стоят уйму денег, уйму! Дэ ты и сэм знэешь. — Джернин-

гем распахнул бархатно-карие глаза и уставился на чудака, который не видел собственной выгоды. — Лэдно, дэвэй репетировать. Вон пришли Джейми и Митчем. Джейми, мы кэг рэз собрались репетировать твой номер.

Джернингем взял рукопись — Иниго знал ноты наизусть — и не спеша пропел первый куплет и припев. Затем распробовал второй куплет, а к припеву уже разошелся и стал притоптывать в такт музыке.

— Прэшу тебя, Джэллифэнт, дэвэй еще раз, теперь с чечеткой. Вот тэг.

На втором припеве к ним присоединился мистер Митчем с банджо, а Джимми подыграл на барабанах. Вчетвером они бодро и победоносно отправили весь мир за угол; Иниго пританцовывал на стуле, хохоча от восторга и выдавая самые невообразимые экспромты.

— Еще, еще! — закричал Джернингем, перестал петь и затанцевал как полагается, а остальные трое, мотая головами, принялись вновь и вновь сворачивать за угол.

— Ах, но где же, где вы взяли эту прелесть, эту милейшую штучку-дрючку? — К сцене бежала мисс Сюзи. Они не заметили, как она вошла в зал. Они вообще ничего не замечали. — Не важ-

но! — вскричала она. — Потом скажете. Давайте еще раз, умоляю, еще разок! Я хочу станцевать с Джерри.

И они повторили припев вместе с Сюзи, которая восторженно подпевала и вставляла в текст разные странные словечки, отплясывая чечетку с Джернингемом. Через пару минут джентльмены остановились.

— Продолжайте, мальчики! — воскликнула Сюзи. — Вы ведь не перестанете, правда? Пожалуйста, давайте еще разок!

Нет, нельзя, ответили ей. Они выбились из сил.

— Ну хорошо, тогда говорите, чей это номер и откуда он взялся? — спросила Сюзи. — Рассказывайте.

— Это мой нэвый нэмер, гэлубушка, — задыхаясь, выдавил Джернингем.

— А песню написал вот этот юноша. — Мистер Митчем показал на Иниго. — Я ему сразу сказал, как только услышал: «Это беспроигрышный номер, мой мальчик». Я такие за милю чую. Как-то раз прихожу я в свою чикагскую гостиницу — есть там один официант, молодой еврей, — и слышу, как он тихонько наигрывает на пианино мелодию. А вокруг никого. Ну, я прямиком

к нему…

Историю пришлось заканчивать за кулисами, куда Джимми и Джернингем ушли отдуваться после репетиции. Сюзи слушать не стала: она подбежала к Иниго и спросила:

— Хотите сказать, это вы ее сочинили?

Он улыбнулся:

— Ну, Джимми написал слова, а я музыку. Если не ошибаюсь, вчера я говорил вам, что сочиняю на досуге. Безделица, конечно, зато моя собственная.

Сюзи уставилась на него, тяжело дыша.

— И вы отдали ее Джерри Джернингему?!

— Ну да, а что?

— Тогда вы самая настоящая свинья! Отдали ему такой номер, не показав сперва мне! Не думала, что вы такой… такой подлый, такой злопамятный!

— Но вы же сами говорили…

— Я помню. Но я же не всерьез! Могли бы и догадаться, что я не всерьез, и вообще, я думала, ваши сочинения гроша ломаного не стоят — обычно так оно и бывает. И только потому… — Она умолкла.

— Что? — Улыбка Иниго померкла. Он силился разобраться в этом потоке упреков, сыпавшихся

на него без всякой логической связи, и одновременно восхищался миловидностью юной комедиантки. Нет, тут дело не только в миловидности. Да и красавицей ее не назовешь. Но в ней было что-то особенное, что-то восхитительное и волнующее.

Сюзи внезапно сменила гнев на милость.

— Это все пустяки. Ерунда. Я думала, мы с вами подружимся, но теперь вижу, что друзьями мы не стали. Вот и все. Вы, верно, уже пишете песню для Элси Лонгстаф. Вот теперь я по-настоящему разозлилась. Раньше я не злилась, вы должны были это заметить. Нет, ну что я говорю, конечно, я не злюсь. Да, знаю. Я подумала, что злюсь, но это не так. Просто я… ну, огорчена. И только. — Она потупилась и умолкла, а потом напустила на себя бодрый и веселый вид. (А Иниго, озадаченный, но все же вполне сообразительный, принялся гадать, что бы это значило.) — Честное слово, песенка чудо, — проговорила Сюзи с дружелюбием добросовестной квартирной хозяйки. — Должна признать, вы талантливы. Если будете и дальше сочинять такую музыку, сможете хорошо заработать. — И с этими словами она ушла, высоко вскинув голову.

Иниго одержал победу, но ликовать не мог.

Он сидел пристыженный, и где-то в глубине его души таился невозмутимый человечек, который все нашептывал, что стыдиться нечего, и вообще, его только что самым возмутительным образом лишили удовольствия от победы. Тут вернулась Сюзи: она бежала по сцене с сияющей улыбкой на лице.

— Не хочу, чтобы вы подумали, будто у меня скверный характер. Честное слово, я хорошая! — воскликнула она, поставила локти на рояль и обхватила лицо руками. В такой позе Сюзи могла неотрывно смотреть на Иниго, и она стала смотреть на него неотрывно.

— Ну, признавайтесь, вы уже пожалели, что отдали номер Джерри Джернингему, правда? Я знаю, что еще не показала вам, на что способна, а Джерри по-своему очень талантлив. Вчера вы во мне разочаровались, так ведь? — жалобно спросила она.

— Ну, не знаю… — проронил Иниго, не в силах отвернуться или сказать правду этим удивительным глазам.

— А вы правда такой злопамятный? На первый взгляд и не скажешь. Мне сначала показалось, что вы очень милый.

— Так и есть, — ответил он, тщетно строя из

себя добродушного чудаковатого джентльмена средних лет. — Обычно про меня так и говорят: «Вон идет наш милый мистер Джоллифант».

Он нацепил благосклонную улыбку сорокапятилетнего, но сам почувствовал, как она плохо сидит.

— Правда? Любопытно. — Сюзи посмотрела на него с обманчивой детской непосредственностью. — Но вы не должны разговаривать со мной так снисходительно, вы всего на три года старше меня. Мы почти ровесники.

Иниго улыбнулась удача.

— Да-да, — проворковал он. — Сейчас вы скажете, что девушки взрослеют гораздо быстрее, чем молодые люди. Я знаю. Вы начитались журнальных рассказов и беллетристики из «Бутс».

— Ничего подобного я говорить не собиралась, — возразила Сюзи — чуть быстрее, чем стоило. — Я только хотела сказать, что лучше знаю жизнь. Но потом передумала. «Это заденет его милое самомненьице», — решила я. Вот и промолчала. Если хочешь подружиться с мужчиной, нельзя говорить ничего, что может уязвить его драгоценное достоинство, а оно всегда размером с город и очень-очень нежное, с ним надо поаккуратней.

— А, так вы хотите подружиться?

— Может быть. — Сюзи встала и дважды покрутилась на месте. — Я пока не решила.

— Так решайте, я только «за», определенно! — сказал Иниго, вновь становясь прежним пылким юношей. — Что толку называться «Добрыми друзьями», если мы не друзья?

— Я подружилась с мистером Окройдом! — заметила Сюзи, все еще кружась на месте. — То есть с Джессом. Вы знали, что его зовут Джесс? Точнее, Ишшийя. Прелесть, правда? Он все время спрашивает меня про занавес, прожекторы, светильники и реквизит. А видели бы вы, как он важничает за работой! Вчера починил мне корзинку и говорит: «Теперь она ишшо лучше, чем была, Суз». Зовет меня Суз, представляете? Рассказывает про Траурсфорд и про Великую северную доро-огу. Мы с ним очень дружны, честное слово. Недавно я слышала, как он сказал мисс Трант: «Они с Лили похожи как две капли воды». Ничего себе, правда? — Она напела мелодию «Свернем же за угол», попробовала отбить чечетку и улыбнулась Иниго.

— Я знаю, что вам надо сделать, мистер Иниго Джоллифант! — воскликнула она. — Вы напишете для меня новую песню, такую же славную, как

эта, и даже чуточку лучше. Вот это будет номер! И — послушайте — я вам обещаю, что выложусь на всю катушку, и в один прекрасный день какая-нибудь важная шишка с Вест-Энда услышит, как я пою вашу песню, пригласит нас к себе, и мы оба заработаем состояние! Фрэнсис, Дэй и Хантер выстроятся в очередь за вашими песнями, а на моем пороге будут толкаться пятнадцать агентов, не меньше. Только не говорите, что не можете, я ведь знаю, какой вы талантливый! Я как увидела вас, сразу сказала: «Этот вихрастый мальчик с нелепым рюкзаком за спиной не похож на профи, но определенно талантлив». Да-да, это мои слова. Ну, теперь отвечайте, вы выполните мою просьбу?

Как ни странно, Иниго пообещал ее выполнить. Он зашел так далеко в этом желании, что уже придумал неплохой мотивчик — оставалось показать его Джимми, чтобы он сочинил слова.

— Так мы теперь друзья? — осведомился он.

— Ну конечно! — ответила Сюзи. — Хотя мы пока не очень хорошо знаем друг друга, верно? Но мы будем много работать вместе. — Она смерила его довольно суровым взглядом. — Учтите, вам стоит обращать меньше внимания на всякие пустяки. Впредь не принимайте их слишком

близко к сердцу.

Не успел Иниго ответить, как Сюзи уже изображала из себя помпезного джентльмена, подкручивающего огромные, заостренные и очень внушительные усы.

— Все эт-то пустяки, миста… э-э… Джоллифант! — проквакала она. — Небольшое расхождение во взглядах, так-то! С кем уго-одно может случиться, так-то! — Потом она вмиг превратилась в саму себя, послала Иниго воздушный поцелуй и упорхнула.

Иниго уставился ей вслед и тяжко вздохнул. В кругу таких бесхитростных особ, как Фелтон и Дейзи Калландер, он привык считать себя инициатором и вдохновителем, который скачет с места на место, ведя за собой неповоротливых и глуповатых соратников. Теперь же он невольно пришел к мысли, что встретил не просто равную соперницу: от ее прыти у него голова шла кругом. Дружба с Сюзи виделась ему весьма увлекательным предприятием. Судя по всему, воображение не обмануло Иниго, когда в привокзальном буфете он услышал ее голос и почувствовал, будто перед ним подняли занавес. Этот занавес по-прежнему поднимался, все выше и выше с каждым днем.

Глава 3
В которой дочь полковника Транта вступает в бой, оказывает упорное сопротивление и, в сущности, побеждает

I

Отважившись на решительный шаг, мисс Трант сразу же попала в другой мир. Поначалу это был мир чая, отбивных и телеграмм. Чаем и отбивными ее потчевала квартирная хозяйка в Роусли — весьма участливая и заинтересованная особа, однако крайне непоследовательная в отношении приемов пищи. Она взяла за обыкновение предлагать мисс Трант еду в любой час дня и ночи, стоило ей завидеть новую жилицу на пороге. Трапезы не отличались разнообразием и, как правило, состояли из единственной отбивной — «вкуснятинки», под которой хозяйка, очевидно, разумела кусок мяса, обугленный снаружи и почти сырой внутри. «Садитесь и выпейте чашку чая, мисс Трант, а я тем временем зажарю для вас вкуснятинку» — так звучала коронная приветственная фраза славной леди. К счастью, мисс Трант почти не бывала голодна — возможно,

из-за телеграмм. Хотя целые поколения Трантов жили в постоянном шуме битв и сражений, телеграмма по-прежнему была для Хизертона настоящим событием, и даже в Олд-Холле вид маленького коричневого конверта наводил на мысли о катастрофе. Однако теперь на мисс Трант обрушился шквал коричневых конвертиков. Телеграммы были, по-видимому, общепринятым способом общения в этом диковинном мире, где каждый считал своим долгом «телеграфировать» всем остальным. Вооружившись свежим номером газеты «Стейдж», мисс Трант по совету Джимми Нанна телеграфировала владельцам множества «зимних садов», «театров на свежем воздухе», «курзалов» и «шале», большинство из которых находилось в неведомых ей городах; «телеграфировать» пришлось даже типографам и костюмерам. В ответ на все эти телеграммы незамедлительно приходили ответные: одни состояли из сплошных сокращений, которые сделали бы честь любому секретному шифру, другие были на редкость пространны и многословны — точно незнакомцы, которые явились неизвестно откуда и во всю глотку орали на мисс Трант. Ее удивление по этому поводу разделял один мистер Окройд, нередко ходивший на почту за телеграм-

мами. «Ишь ты! Да мы всех почтальонов Англии на уши поставили! — восклицал он. — Я будто на букмекера работаю». Расходы приводили его в ужас, однако он не мог не восторгаться суматохе и важности происходящего. На почте его скоро стали узнавать в лицо. «Вот принесу еще одну, — говорил он, — и вам будет впору делить со мной выручку», на что три девушки за стойкой, приветливо кивая, неизменно отвечали: «Да уж!» Все они были с ним очень милы.

Живя в таком телеграфном мире, мисс Трант попросту не чувствовала себя вправе сидеть и праздно вкушать пищу. Садиться она садилась — хотя ее тут же подмывало вскочить, — но отбивные поедала столь же спешно и машинально, как их жарила квартирная хозяйка. Последняя, можно сказать, предъявляла мисс Трант схематичный набросок ужина, а та в ответ предъявляла схематичный набросок едока. Лишь поздно вечером, когда уже не нужно было обговаривать даты и молниеносно решать проблемы, она могла по-хорошему поесть. Раскрыв книгу, она выпивала большую чашку какао (ее излюбленного лакомства) и съедала бесчисленное множество диетических крекеров с маслом. Книжка была «Гвардеец Барлаш», взятая напро-

кат за два пенса и залог в полкроны в маленьком канцелярском магазине на рыночной площади. После шквала телеграмм мисс Трант казалось, что события в книге развиваются очень медленно. Читая, она чувствовала себя бывалым солдатом, слушающим рассказы однополчанина, который старше его всего на год-два.

Бесчисленные проблемы, которые ей приходилось решать, были главным образом из области фантастики. Как и программы большинства разъездных трупп, программа «Штучек-дрючек» последнее время состояла из двух частей: в первой они наряжались в затейливые костюмы пьеро и пьеретт, а во второй выступали в вечерних платьях. «Добрые друзья» решили продолжить эту практику, хотя два участника труппы высказались против. Мистер Джернингем возражал на том основании, что страшно нравился себе в смокинге и, если б мог, носил бы его даже по утрам. Мистер Джо Брандит, наоборот, не хотел надевать вечернее платье, потому что терпеть не мог воротничков. «У меня от них голова отваливается», — ворчал он и серел лицом при упоминании прачечных. Двум джентльменам позволили спорить и дальше, а в остальном не обратили на них никакого внима-

ния. Зато мисс Трант обнаружила, что ей не по душе костюмы трех пьеретт: дешевое поблекшее хлопчатобумажное тряпье. Она решила немедля от них избавиться. В мисс Трант, которая сама одевалась крайне неброско (отчасти потому, что и нрав у нее был тихий, а отчасти потому, что она больше нравилась себе в скромных нарядах), неожиданно проснулась любительница всего яркого и фантастического. Это лихое создание помчало первую мисс Трант на машине в ближайший город и показало ей сияющие каскады шелка, окунуло ее в океаны яблочно-зеленого, алого, сиреневого и бирюзового, обрушило на нее шквал разноцветных рюшей, кисточек и помпонов. Мисс Трант нашла себе двух союзниц. Миссис Джо для этих целей не годилась — она была прирожденная вязальщица и только. Сюзи тоже не подошла: пусть вкус ей не изменял (у миссис Джо вкус был чудовищный), терпения ей недоставало, да и руки не слушались, честно призналась она. Это разочаровало мисс Трант, которая уже записала Сюзи в число своих любимчиков. А вот пушистая Элси, пока что нравившаяся ей меньше других, оказалась находкой. Элси обожала наряды; у нее был хороший вкус; она делала эскизы, кроила и шила не хуже профессиональ-

ной портнихи и швеи. Вдобавок у нее был нюх на талантливых и недорогих портних, и именно она познакомила мисс Трант со второй союзницей: мисс Тонг. Не подлежит сомнению, что мисс Тонг — действительно талантливая и недорогая портниха, в те дни творившая для труппы чудеса, но небольшого упоминания она заслуживает по другой причине. Мы должны присмотреться к мисс Тонг повнимательней, поскольку той зимой ее образ нередко преследовал мисс Трант. Она сыграла роль в этой скромной эпопее, пусть очень маленькую роль — нашептывающего духа, не более, — однако нельзя сказать, что роль эта была незначительна. Мисс Трант помнит портниху по сей день.

Она пошла к ней вместе с Элси, которая знала адрес. Вдвоем они прошагали насквозь длинную, на редкость унылую улицу из одинаковых кирпичных домишек, заканчивающуюся пустырем — печальной мешаниной вытоптанной травы, глины, проволоки, ветхих курятников, сколоченных из ящиков для овощей, и двух-трех грязных безразличных куриц. Последний дом слева стоял чуть поодаль от остальных, но находился в такой близости и так явно составлял с ними одно целое, что произвел на мисс Трант

впечатление краюшки, отрезанной от длинной хлебной булки. Внешне он тоже напоминал ломтик хлеба: такой же прямоугольный и шириной всего в одну комнату — мисс Трант впервые видела настолько узенький дом. Он не был старым и обшарпанным; напротив, он блестел новенькими, отштукатуренными стенами и почему-то мгновенно нагонял тоску. На двери висели две медные таблички. Одна заявляла, что за дверью вы найдете «„Мидлэндского стража“, страховку на все случаи жизни», а вторая шептала, что в этом здании обретается «Мисс Тонг — портниха». Дверь им открыл Мидлэндский страж с водянистыми глазами и обвислыми седыми усами, в домашних тапочках, пиджаке и жилете, повидавшем на своем веку чересчур много подливки и яиц. Да-да, дочка у себя, с ней можно поговорить; правда, она очень занята; нынче ее работа пользуется большим спросом, да и всегда пользовалась; а здоровье у нее не такое уж крепкое, на всех не хватит. Когда-нибудь, сказал он гостьям, проводя их в крошечную гостиную, он проявит твердость и запретит ей шить, не то она себя погубит. Затем Мидлэндский страж ушел за дочерью, попросив обождать в гостиной. «Знаю я, как он проявит твердость! — прошептала Элси. — Ручаюсь, он

тут неплохо устроился. На доходы от страховой конторы виски не нахлебаешься. Старый хрыч! А она и впрямь не крепка здоровьем. Такая, знаете, странноватая замухрышка».

Мисс Тонг действительно оказалась странноватой замухрышкой; не старше мисс Трант, должно быть, но очень маленькая и скрюченная, с жидкими волосами, впалыми щеками и длинным носом — прискорбно красным на кончике. Глаза у нее были даже яркие, но почти без ресниц и красноватые по краям. Возможно, она болела чахоткой, однако выглядела так, словно в ее хрупком теле вообще не было ни единого здорового органа. Казалось, первый же зимний вечер погубит мисс Тонг раз и навсегда. И все же при виде Элси она просияла и принялась что-то лопотать, задыхаясь, и лопотала до самой комнатки наверху, где помещалось ее ателье. Узнав, что труппа продолжает работу под руководством мисс Трант, мисс Тонг пришла в искренний восторг, чуть ли не экстаз, и рассказала гостье все подробности двух выступлений «Штучек-дрючек», которые ей довелось увидеть в начале сезона.

— Сколько удовольствия я получила, вы не представляете! — задыхаясь, говорила она. — А когда сюда пришла мисс Лонгстаф — я видела

ее всего два дня назад, на сцене, она пела и танцевала, прелесть какая хорошенькая, точно с картинки — как же я тогда удивилась! Глазам своим не поверила! Представляю, какая у меня была физиономия. — Тут мисс Тонг весело расхохоталась над собой. — Правда же, мисс Лонгстаф? У вас тоже было ничего, когда вы ту девчонку из хора изображали. Вот номер! Смех! Я так хохотала, что меня небось и на сцене было слышно. А этот мистер Нанн… прирожденный комик, честное слово. Как он всем говорил, что они опаздывают! А потом заключил пари на пять фунтов с этим… как его?.. такой певец хороший… ах да, мистер Брандит! А мисс Сюзи Дин — просто чудо, не находите? Как она завела публику! С первого взгляда видно, что любит свое дело. И хорошенькая — прелесть! Бойкая, веселая! Ах, не завидуйте, мисс Лонгстаф, потому что о вас я то же самое скажу. Не хватало мне только поссориться с самой красивой клиенткой — и по-настоящему знаменитой актрисой! Нет-нет-нет. — И мисс Тонг склонила голову набок, состроила хитрое и лукавое лицо, а потом так громко расхохоталась, что ее тут же настиг приступ кашля, и она спешно прикрыла рот платком.

Мисс Трант с минуту глядела в окно, а потом

сказала:

— Очень рада, что вам понравился концерт. По крайней мере у меня сложилось такое впечатление, — с улыбкой добавила она.

— Уж бог знает сколько лет такого удовольствия не получала! — закричала мисс Тонг. — Я вам говорила, что ходила дважды? Обычно-то я вообще никуда не хожу, а чтобы дважды сходить — это должно быть что-то необыкновенное. Я сказала па — он у меня строгий, нечасто меня по всяким концертам пускает, — но я ему сказала: «Да, у меня много работы, и билет стоит денег. Но я обязана сходить еще раз, — говорю, — потому что они так хороши, что я от их песен, танцев и шуток про все забываю». А когда я узнала про их трагедию — в Роусли слухи быстро расходятся! — то чуть не разрыдалась. Потом мисс Лонгстаф рассказала мне, как с ними обошлись, мисс… как бишь вас… мисс Трант, вы уж меня простите. «Ах, какой ужас!» — воскликнула я. Представляете, я тут сидела, думала, какие они чудесные, напевала их песенки и завидовала их беспечности, а они на самом деле страдали, бедняжки, и не знали, куда смотреть. От этого я еще больше разволновалась. Ну, вы меня понимаете! — И мисс Тонг опять засмеялась. — Зато теперь вы начнете все сначала!

— Да, и станем еще лучше, — сказала Элси. — У нас два новых артиста.

— Ах, неужели?! — восхищенно вскрикнула мисс Тонг. — Вот видите, как оно бывает! Никогда не знаешь, что ждет тебя за углом, я всегда говорю это па. Он у меня ни во что не верит. Ох уж мне эти дельцы! Па даже не верил, что у нас будет этот дом, но вот мы здесь. Правда, тут чудесно, мисс Трант?

Она чуть не силой подтащила их к окну. Они посмотрели на лысую лужайку, обломки кирпичей и жестянки, груду ящиков, проволочный забор и куриц.

— Очень мило, — сказала мисс Трант. И с трудом выдавила: — Да-да, очень мило.

— Правда? — воскликнула мисс Тонг. — Такой простор! Как будто в городе и одновременно на природе. Особенно если смотреть в окошко. На этой лужайке играет вся детвора с нашей улицы — в крикет и футбол. Галдят, конечно, но я не против: когда смотришь на них и слушаешь детские крики, на душе сразу так весело, так светло! Вот это жизнь, правда? Я рада, что вам тоже понравилось. С этим видом во мне все переменилось. Новый дом, дело пошло в гору, — глядишь, зазнаваться скоро начну! А может, я уже зазна-

юсь — ко мне вон и актрисы теперь ходят, правда, мисс Лонгстаф? На днях мне сказали, что скоро я и сама на сцену подамся. Вот была бы потеха! — Тут мисс Тонг опять расхохоталась и закашляла, Элси тоже хихикнула, а мисс Трант не нашла в себе сил — ей проще было отвести взгляд и развернуть свертки, которые они принесли с собой.

Они объяснили, что им нужно, а мисс Тонг стала хмуриться, сыпать вопросами, взволнованно кивать и расчищать стол.

— Ну все, уходите, вы мне тут не нужны! — крикнула она выкройкам и отрезам ткани. — И вы, и вы тоже! Жакет и юбка — синяя саржа и тесьма — для миссис Моксон. Мы с вами не скоро увидимся, и плевать я хотела, что обещала закончить вас к четвергу. Полувечернее платье для мисс Эбби — хочет играть в нем в вист — тебе тоже придется подождать. Да, мисс Трант и мисс Лонгстаф, я сошью вам костюмы, только заклинаю: ни слова об этом в Роусли, не то я останусь без клиентов! Видите, я тут нарасхват, обещана-переобещана, а они все идут и идут, просят и просят! Можно подумать, у меня десять рук! Но для вас я все сделаю. Остальные подождут, так я считаю.

Маленькое скрюченное существо схватилось за

край стола и изо всех невеликих сил расправило плечи. Бледная, как никогда, но с гордо алеющим носом, мисс Тонг будто бы бросала вызов визгливому полчищу миссис моксон и эбби, армаде жакетов, юбок и полувечерних платьев.

— Итак! — вскричала она. — Если я запрусь в этой комнате и скажу всем, что опять заболела, то ваши наряды скоро будут готовы. Надо и в свое удовольствие пожить, верно? Теперь говорите, какие вам нужны костюмы и что вы принесли.

— В некоторых костюмах должен угадываться намек на арлекина. У нас тут целая куча всяких чудных обрезков и мелочей, — сказала Элси. — Вот, смотрите: атлас, тонкий шелк, крепдешин, бархат. — В следующий миг стол исчез, а на его месте вырос безумный сад материй, радужный карнавал.

— Вот это да! О-о-о! — Исторгнув восхищенный вопль, мисс Тонг тяжело задышала, вздрогнула от восторга, сцепила руки и упоенно уставилась на ткани, словно ее глаза давно терзались жаждой и наконец могли напиться вдосталь. В следующий миг она накинулась на пеструю груду. — Вы только взгляните на это! И на это! А вот эти будут славно смотреться вместе, — исступленно залепетала она. — Так, здесь у нас

персиковый бархат — из него выйдет шикарная шапочка, правда? А вот грязно-розовый… дайте я его разглажу… смотрите! Приложим к нему это… погодите, надо принести булавки… да побольше, побольше! Какая же я глупая, правда?

— Вчера я была такая же, — рассмеялась мисс Трант.

— А я всегда такая! — выпалила Элси, которая разволновалась не меньше мисс Тонг. — У меня от них голова кругом, честное слово. Взгляните на это, мисс Тонг! Прелесть, да?

— Еще бы! Ах ты, Боже мой! Такая красота, что я прямо не знаю, с чего начать, куда бежать и что делать, плакать или смеяться, ума не приложу! Ну, разве не глупая?

Мисс Тонг в самом деле выглядела так, словно с ней вот-вот могло случиться ужасное: она одновременно смеялась, кашляла, сморкалась, выбирала шелка и совала в рот булавки. Наконец она притихла: экзальтированную особу сменила умелая портниха, и все трое принялись обсуждать наряды. Было решено, что оставшиеся два дня Элси в перерывах между репетициями будет помогать мисс Тонг с шитьем.

В среду вечером мисс Трант вновь пришла к портнихе. Узкий домишко, осажденный порази-

тельно унылыми осенними сумерками — дымчатой синевой, в которой будто бы навек исчезли летние краски, — по-прежнему выглядел одиноко, но в освещенном окошке на втором этаже чувствовалось что-то веселое и храброе, почти непреклонное. Элси уже пришла. Она казалась даже румянее, пухлее и здоровее обыкновенного в сравнении с мисс Тонг, которая в газовом свете выглядела еще бледней и безобразней: ни дать ни взять старая ведьма с крючковатым носом и тусклыми красными глазками. Она явно утомилась, однако радушно поприветствовала мисс Трант. Два платья были готовы.

— И одно из них для мисс Лонгстаф, — начала она.

— Я ведь просила называть меня Элси! — перебила ее юная леди.

— Слыхали?! — воскликнула портниха, кивая. — Она уже просит звать ее Элси. Каково? А ведь я, кажется, только вчера видела ее на сцене! Ну да ладно, словом, платье для Элси готово, и вы такой красоты еще в жизни не видели, мисс Трант. Примерьте, Элси! Сходите в мою спальню и примерьте, окажите мне милость.

Увидев вопросительный взгляд мисс Трант, Элси кивнула, вышла и очень скоро вернулась —

совершенно другим человеком. В мягком сиянии голубого и зеленого она была почти красива.

— Ах, какое чудесное платье! — с искренним восхищением воскликнула мисс Трант. — Похоже на зеленую рощицу, заросшую колокольчиками.

Она повернулась к портнихе и хотела было ее поздравить, но мисс Тонг по-прежнему блуждала потрясенным взглядом по Элси. Ее губы слегка дрожали, а длинные умелые руки сцеплялись и перекручивались.

— Ах… мисс… мисс… Элси! — проронила она, сделав шажок вперед. — Вы и впрямь чудесно выглядите. Неужели его сшила я? Подумать только, вы будете в нем петь и танцевать, и на вас будут смотреть люди… тысячи людей… Ах, какая же я глупая… но подумать только!..

Элси обняла ее, чуть-чуть подержала и легко поцеловала в щеку.

— Никакая вы не глупая, а очень даже умная и талантливая, — тихо произнесла она. — Правда, мисс Трант? Давайте вставим ее имя в программку? «Костюмы от мадам Тонг из Роусли»!

— Ой, да бросьте! — охнула мисс Тонг, вытирая глаза, хохоча и плача. — Нет, я, право, переутомилась. Не помню, чтобы меня когда-нибудь охватывало такое волнение. Вы, верно, думаете:

«Как она смешна и нелепа!» Думаете ведь? Ну да ничего, мы все иногда бываем нелепы. Лучше мне заняться юбкой и жакетом для миссис Моксон — это вернет меня на землю. Два ярда тесьмы, сплошные строчки — вот что мне поможет. Давайте-ка сменим тему…

Они уселись в кресла и стали очень деловито обсуждать оставшиеся платья. Когда мисс Тонг спросила их следующий адрес, чтобы выслать им готовые костюмы, мисс Трант внезапно посетила мысль, что она больше никогда не увидит эту крошечную женщину, а с этой мыслью пришло и вдохновение.

— Вы знаете, — начала она, — завтра утром мы отправляемся в Дотворт…

— Помните, я говорила, что мы останемся там на три дня? — вставила Элси.

— А на следующей неделе мы поедем на восточное побережье, в Сэндибэй, — продолжала мисс Трант. — Если успеете закончить платья к понедельнику или вторнику, вы можете сами их привезти! Конечно, тащить их вам не придется, мы все устроим.

— И я могла бы увидеть вас всех на сцене, правда? — просияв, радостно вскричала мисс Тонг.

— Конечно, могли бы. Вы так много работаете,

что заслужили небольшой выходной. Остались бы на денек или на два в Сэндибэе…

— Ах, как это было бы чудесно! Поехать на море, увидеть все костюмы на сцене, снова услышать ваши чудесные песни, которые стали еще чудеснее — ах! — Боже мой! — Несколько секунд мисс Тонг не могла отвести восторженного взгляда от картины, которую нарисовало ее воображение. Потом свет, озаривший ее лицо, померк. — Только ведь я не смогу, мисс Трант. Я бы очень хотела, но не смогу.

— Почему?

— О, тому множество причин! Я… не знаю… их так много, что я и сообразить-то не могу.

— Разумеется, все расходы мы оплатим, — вскользь заметила мисс Трант. — Это обычное дело, вы ведь на нас работаете. Все так делают, верно, Элси?

— Постоянно! — тут же выпалила Элси и бросила на мисс Трант благодарный взгляд. — А вот теперь вы точно глупите. Вам, верно, ни капли не хочется увидеть меня на сцене в этом платье. Приезжайте, будете жить в моей комнате.

— Да, конечно, Элси, мисс Трант, я знаю… но… ах, не просите! Па никогда меня не отпустит, ни за что на свете.

— Где он? Дома? Внизу? Хорошо, своего па оставьте мне, — строго проговорила Элси. — Если вам мешает только па, с ним я разберусь.

И в ту же секунду она ушла, оставив мисс Тонг — как та сама призналась — в «полном ошеломлении». Элси разобралась с па за пять минут, и ни у кого не возникло сомнений — довольно было одного взгляда на ее лицо, — что Мидлэндский страж не скажет ни слова против.

— Неужто он совсем не возражал? — восхищенно закричала мисс Тонг.

— Ни капельки, — все так же сурово ответила Элси. — Ему наша затея по душе. И дальше будет по душе, вот увидите.

— Что ж, тогда я приеду! Да, приеду! Буду работать, работать, а как закончу — сама же и доставлю вам костюмы! Отсюда возят экскурсии в Сэндибэй, — на четыре дня вроде бы. Так выйдет дешевле. Только я не знаю, как мне довезти все платья до вокзала.

— Зато я знаю, — ответила Элси. — Па вам поможет.

— И я смогу бесплатно прийти на концерт? — воскликнула мисс Тонг. — А может, и за кулисы попасть?

— Разумеется! Мадам Тонг, костюмер «Добрых

друзей»! — ответила Элси. — Мы ведь можем написать так в программках, мисс Трант?

— Можем и напишем, — ответила та, поднимаясь. — А теперь пойдемте, нужно еще закончить дела. У меня целая куча всяких дел. Поначалу я думала, что мне будет нечем заняться, а теперь я, кажется, тружусь от рассвета до заката.

— Но вам ведь это нравится, правда, мисс Трант? — спросила мисс Тонг. — Вот это жизнь, верно? У меня с вашими платьями всегда так. Надо иногда жить в свое удовольствие, я считаю.

Эти слова, в числе прочих, мисс Трант запомнила навсегда.

II

Вновь отправляться в путь было невероятно волнующе. Мисс Трант поехала на машине с Джимми Нанном и мистером Окройдом: они должны были приехать раньше остальных и успеть подготовить сцену, поскольку помещение в Дотворте под названием «Олимпик» оказалось кинотеатром. Труппа отправилась поездом. По дороге мисс Трант пыталась сохранять спокойствие, уверяла себя, что все это, разумеется, нелепейшая причуда, но, несмотря ни на что, очень волновалась. Ведь сегодня вечером она

впервые увидит труппу — *свою* труппу — как смешно звучит! — на сцене, перед публикой. Перед самым прибытием на место она не выдержала.

— Знаете, я уже волнуюсь, — сказала она Джимми.

Это признание его обеспокоило.

— Я не то чтобы вас не понимаю — понимаю, конечно, — ответил он. — Даже театрал с пятидесятилетним стажем волнуется перед премьерой. Первое выступление — эхе-хе! Да-да, знаю. На моем веку было немало премьер. Надо сказать им спасибо за испорченный желудок.

— Вам не лучше?

— Лучше? Только хуже! Поверьте, я почти забыл, как жевать. Вид ложки с вилкой меня пугает. В Роусли я ел так мало, что даже квартирная хозяйка жаловалась — я, видите ли, не даю им есть по-человечески. Потом пришел ее муженек, и у нас состоялся неприятнейший разговор: мол, еда у них нормальная, как у всех, и ему надоело ужинать еле теплой кашей, да в придачу его жена обозвала меня проглотом. Но я вот что хотел сказать, мисс Трант. Не рассчитывайте сегодня на многое.

— На что именно?

— Вообще ни на что не рассчитывайте! — выпалил он. — Программа еще сырая, а Дотворт гроша ломаного не стоит. Я знаю этот городок, давал там концерты много лет назад. Дыра дырой. Мы просто тренируемся на собаках, не более.

Дотворт и впрямь походил на собаку. «На ободранную палевую дворнягу», — подумала про себя мисс Трант. В слабом солнечном свете городок казался желтоватым, и от всех улиц, которые они проезжали, веяло каким-то запустением.

Кинотеатр «Олимпик» оказался небольшим зданием, втиснутым между скобяной лавкой и магазинчиком тканей. На доске объявлений висела афиша с крупной жирной надписью: «Добрые друзья». Увидев ее, мисс Трант почувствовала приятное чувство заслуженного успеха.

— Вы только посмотрите! — простонал Джимми, тыча пальцем в афишу. — Посмотрите, прошу вас!

Несомненно, афиша выглядела не слишком внушительно — главным образом потому, что ее наклеили поверх старой рекламы какого-то фильма. От нее осталось несколько пар ног, на которых будто бы держалась афиша «Добрых друзей», а под ногами горела яркая надпись огненными буквами: «Драма из самых глубин

человеческой души».

— Такие уж порядки в этих одноглазых дырах, — сказал Джимми. — Окройд, придется вам прикрыть это убожество.

Мисс Трант впервые слышала выражение «одноглазая дыра», но в течение следующего дня оно не раз приходило ей на ум, пока она бегала через весь Дотворт от вокзала к «Олимпику» и от «Олимпика» к гостинице. Дотворт, несомненно, заслуживал этого звания, и когда двери кинотеатра распахнули навстречу зрителям, мисс Трант утвердилась в мысли, что единственный глаз города обращен вовсе не на «Добрых друзей». Мисс Трант и раньше приходилось переживать за количество публики: она помогала устраивать благотворительные концерты и прочие подобные мероприятия в Хизертоне, однако так сильно волновалась впервые. Она невольно морщила нос, глядя в открытые двери на проходящих мимо людей. Если же они забредали внутрь, она не радовалась, а переживала, понравится ли им выступление. Перед тем как занавес подняли, она успела сосчитать зрителей. Всего получилось девяносто три человека: двенадцать сидели на местах за шиллинг и десять пенсов, тридцать семь на местах за шиллинг и два пенса (но сюда

входило десять человек, прошедших бесплатно — они вывесили в своих заведениях афиши), а остальные сорок четыре — сзади, на самых дешевых местах по девять пенсов. Мисс Трант попыталась сосчитать, сколько же это будет, но не преуспела, остановилась на трех фунтах и еще разок напомнила себе, что следующие три выступления будут фактически генеральными репетициями.

— Я на этих бродяг смотреть не желаю, — услышала она чей-то женский голос. — Включайте кино. — Через минуту тот же голос произнес: — Вот именно. Я это всегда говорила, сотни и сотни раз. — Дама скорбно откашлялась. — Лучше б кино показали.

Мисс Трант охотно показала бы ей кулак. Кино им подавай! Все еще дрожа, она села в передних рядах, решив про себя, что сегодня должна сидеть поближе к сцене. Настал знаменательный миг. Увы, занавес не вспыхнул в свете прожекторов — потому что никаких прожекторов не было. Сцена подсвечивалась сверху, и теперь эти лампы включили, а те, что освещали зрительный зал, выключили. Грянул гонг, прогремел эффектный пассаж на фортепиано, и занавес, дрожа и вихляясь, пополз вверх. Примерно в двух футах от пола

он внезапно остановился, явив публике несколько встревоженных ног. Послышался отчаянный шепот. Затем из-за кулис раздался удрученный голос: «Не, энта штука дальше не полезет».

Сзади захлопали и засмеялись.

— Ш-ш! — яростно шикнула на нерадивых зрителей мисс Трант.

Занавес вновь задрожал, дернулся на пару футов вверх, опять замер, а затем стремительно взлетел к потолку, открыв зрителям внушительное зрелище: спину Джимми Нанна. Сей славный джентльмен не растерялся, не убежал, а спокойно повернулся к публике, скорчил гримаску и сказал:

— А, вот вы где! Я уже обыскался. Сейчас позову остальных, они тоже хотели вас повидать.

Он сунул в рот два пальца и оглушительно свистнул, кивнул Иниго, уселся за барабаны, и вдвоем они выдали такое вступление, что мисс Трант почудилось, будто она перелетела на санках через пропасть. Такого волнения она не испытывала уже много лет.

Видеть своих новых друзей на сцене было очень странно и удивительно. Среди ее прежних знакомых не было профессиональных артистов, и впечатление они производили совсем другое. Ар-

тисты-любители и на сцене оставались самими собой, только нацепляли на себя маски: миссис Корвисон изображала горничную, а майор Томпсон надевал парик и форму дворецкого — тем все и ограничивалось. Но эти артисты словно забывали о своих настоящих «я»; на сцене они начинали жить новой жизнью, и представить их другими было решительно невозможно. Джимми Нанн, к примеру, превратился в шута и фигляра; даже голос у него стал противным и писклявым. Верный помощник мисс Трант — вечно пекущийся о процентах и пищеварении — бесследно сгинул. Мистер Джернингем предстал перед ней незаурядным и ярким танцором, а мистер Митчем напустил на себя горделивый и величавый вид — беснуясь из-за острот и издевок Джимми, он напоминал разъяренного посла. Элси помолодела лет на десять и была воплощением легкомыслия (впрочем, ее сценический образ понравился мисс Трант куда меньше, чем настоящий). Даже Брандиты, пение которых мало интересовало мисс Трант — по той простой причине, что пение такого рода, и гораздо лучше, она слушала всю жизнь, — сумели произвести на публику впечатление. Миссис Джо величаво плыла над сценой, точно примадонна, и все апло-

дисменты в свой адрес принимала с царственной благосклонностью, будто герцогиня на открытии благотворительной ярмарки. А Джо, который время от времени «подкармливал» Джимми, мог запросто сказать: «Что ж, я должен тебе пятерку, старик» и с таким видом достать мятый клочок газеты, будто карманы у него и впрямь набиты фунтами. Сюзи была лучше всех: она нисколько не изменилась и играла саму себя, восхитительно озорную и бойкую, но в новом окружении все ее достоинства будто стали еще заметнее и ярче. Казалось, она родилась на сцене, а публика состоит исключительно из старых друзей, пришедших отпраздновать ее день рождения. Все песенки и шуточки Сюзи были очаровательно абсурдны. Распевая сентиментальные мюзик-холльные безделицы, она опускала голос все ниже и ниже, вдруг затаивала дыхание, всхлипывала и уморительно косилась на зрителей: любую песню она выворачивала наизнанку и со смехом отбрасывала в сторону. Ее танцы сами по себе были пародией, озорной насмешкой над ужимками Элси и Джерри Джернингема. Вдобавок ей удалось молниеносно обрисовать на сцене множество разных персонажей: одна-две фразы, поза, жест, гримаса — и вот вы уже вспоминаете

какого-нибудь напыщенного индюка из числа своих знакомых. Каждый шаг по сцене Сюзи делала в чьем-то образе, одновременно оставаясь собой — за сменяющими друг друга масками вы неизменно видели саму девчушку, темноглазую, крепкую и приземистую, со вздернутым носиком и угловатыми плечами. Если выступления Джимми Нанна казались вызубренными и отточенными, то номера Сюзи напоминали лихую и остроумную импровизацию, россыпь дурачеств и приподнятых настроений — насквозь женственных и кокетливых: «Какой абсурд, милочка!» — словно бы восклицали они. Мисс Трант, хорошо помнившая времена, когда она и сама чувствовала то же самое, но вынуждена была скрывать, мгновенно влюбилась в Сюзи. А то, что Дотворту она показалась легкомысленной неумехой, которой надо выучиться петь слезливые баллады и мазать красным нос, чтобы хоть кого-нибудь рассмешить, только утвердило мисс Трант в ее вере и подлило масла в огонь ее воодушевления: о, вся эта затея стоила свеч из-за одной только Сюзи! Девочке нельзя останавливаться, ей надо идти вперед, несомненно.

Занавес опустился, зазвучали жидкие аплодисменты. Мисс Трант встала и захлопала как

сумасшедшая. Вот она, труппа, *ее* труппа и ее друзья — они усердно трудились сегодня и всю неделю до концерта, но и теперь им хватало сил улыбаться (занавес подняли еще раз, чтобы они могли улыбнуться зрителям), — а бедные дотворцы только и могут, что таращить глаза или ощупью искать шляпы. Нечестно! Мисс Трант хлопала со всех сил, и, когда зажегся свет, на нее даже стали удивленно коситься, но она ничуть не смутилась. По крайней мере не смутилась одна мисс Трант, даже если вторая немного покраснела — ведь теперь их было две.

Одна мисс Трант стремительно менялась и росла с самого отъезда из Хизертона. Именно она столь внезапно и столь бездумно решила возглавить труппу бродячих комедиантов, именно она очертя голову ринулась в жалкий и полный приключений мир варьете. До сих пор эта мисс Трант получала удовольствие от каждой секунды: с упоением занималась контрактами, арендой, номерами и костюмами, срывала первые цветы с целины съемных комнат, импровизированных сцен и скучных городишек — дивные цветы труда, дружбы и верности. Но где-то в глубине души по-прежнему сидела прежняя мисс Трант: она всю жизнь провела в Олд-Холле, Хизертон, а

к тридцати с лишним годам внезапно очутилась в совершенно ином мире, куда не смог бы найти дорогу ни один из ее новых друзей (пожалуй, кроме Иниго Джоллифанта). В этом мире было полно снобов, которые не видели разницы между разъездной труппой и бродягами, поющими на улице за подаяние. Мы не станем притворяться, будто эту мисс Трант изгнали немедленно и навеки. Она сидела на галерке, дивилась происходящему и иногда морщила лоб. Она с готовностью признавала, что все это очень хорошо — в качестве минутной прихоти, пока они странствуют, никем не замеченные, по крошечным городкам, однако рано или поздно два мира столкнутся, и тогда в одном из них катастрофы не миновать. Вскоре это опасение подтвердилось: мисс Трант пришлось написать мистеру Труби, адвокату из Челтнема, письмо с кратким описанием случившегося, дабы он мог связаться с банком и перевести ей деньги. Мистер Труби ответил, что сделает все возможное для выполнения ее просьбы и никаких заминок возникнуть не должно; он был любезен, как всегда, и не выказал ни малейшего намека на удивление; однако всем своим письмом он будто бы говорил, что готов исполнять любые прихоти своих клиентов, даже самые чудовищные — если,

конечно, ему не предъявят медицинскую справку об их невменяемости. И это было только начало. Несомненно, очень скоро ей выпадет настоящее испытание — и что тогда? Устоит ли сказочное воинство комедиантов перед могучими войсками Хизертона? Войска эти могут атаковать посредством удивленных взглядов, вскинутых бровей и потрясенных увещеваний одного-единственного человека. Мисс Трант прекрасно это понимала, хотя и не знала пока, кто этот человек.

Испытание и человек не заставили себя ждать. Они прибыли вместе, на следующей неделе, когда труппа давала концерты в Сэндибэе.

III

В Дотворте их постигло разочарование: ни деньгами, ни новыми друзьями они не обзавелись, а потому без всяких сожалений покинули этот городишко. Вот в Сэндибэе, говорили они себе, будет настоящая премьера. Кое-кто из них там бывал и нашел местечко «недурным». Мисс Трант впервые слышала про Сэндибэй — впрочем, она плохо знала восточное побережье. После Роусли и Дотворта он действительно казался очень милым — чистый дружелюбный городок, открытый соленым ветрам, в которых только-только на-

чинала сквозить бодрящая прохлада. По утрам, когда октябрьское солнце пробивалось из-за туч, море красиво играло бликами, воздух был свеж и сладок, как яблочко, и мисс Трант с удовольствием выходила на променад. В центре — то есть в старой части города — Сэндибэй по-прежнему напоминал рыбацкий поселок: пленительную мешанину лодок, сетей, лебедок, синих свитеров, коричнево-красных лиц и чудных постоялых дворов. На окраинах помещались жилые дома, кольцо небольших вилл и два поля для гольфа — места эти изобиловали отставными офицерами и мировыми судьями, которые по утрам воевали с сорняками, днем брались за клюшку, а по вечерам довольно неумело резались в бридж. В промежутке между окраинами и рыбацкой деревушкой Сэндибэй представлял собой растущий, но еще не «престижный» курорт: здесь расположилась гостиница «На пляже», пансионат «Сэндрингем», кафе «Старый дуб», кинотеатр «Элит», платная библиотека Истмана, муниципальный концертный зал, ботанический сад и пирс. Последний ярдов на двадцать пять уходил в море, где вдруг вспухал волдырем, поддерживая летний павильон, похожий на заброшенный парник-переросток. Зато внутри была сцена,

оборудованная прожекторами и великолепным занавесом, рояль, несколько гримерных для артистов и зал на шестьсот человек. После павильона пирс тянулся еще ярдов сто и заканчивался пышной порослью киосков и автоматов, которыми ведал буфет, где краснолицые рыбаки, предъявив месячный абонемент на рыбалку, могли выпить стаканчик скотча или пива «Дрот Басс». Мимоходом заметим, что мистер Мортон Митчем прочно обосновался в буфете и сразу стал любимцем как официанток (одной блондинки и одной брюнетки), так и посетителей, двое из которых — после небольшого внушения — с уверенностью утверждали, будто видели мистера Митчема и раньше: в 1903 году в Сингапуре и в 1908 году в Сиднее. Мистер Митчем, в свою очередь, клялся, что прекрасно помнит обоих, и общество друг друга было очень приятно всем троим.

«Добрых друзей» пригласил директор пирса (им причиталось шестьдесят процентов выручки и гарантия в тридцать фунтов): Сэндибэй хотел продлить туристический сезон до конца октября, и для этого муниципалитет пообещал отдыхающим «первоклассный водевиль каждую неделю». Судя по тому, как невероятно легко труппа нашла съемный дом (с беспорядочно

разбросанными гостиными), большого наплыва запоздалых туристов на второй неделе октября не наблюдалось. А значит, в понедельник и четверг зрителей будет немного. Джимми Нанн сказал, что в городе полно местных жителей — хватит и на два аншлага, но вряд ли они захотят тащиться на пирс посреди осени. Мисс Трант согласилась. Утром, подсвеченный огромным сверкающим изумрудом моря, город выглядел очень весело, но уже к полднику он потускнел, море помутнело и стало печально лизать волнами берег, а к вечеру, после двух мелких дождей, Сэндибэй принял совсем уж угрюмый вид — самым угрюмым его уголком был длинный, отзывающийся эхом пирс. Уютный старомодный театр, весь в позолоте и красном бархате, душный и роскошный, оказался бы действенным средством против таких вечеров, но летний павильон, похожий на огромную обветшавшую оранжерею, был бессилен перед скорбными тайнами осеннего мрака и стонов моря. Впрочем, еще не время, успокаивали себя комедианты, ведь в конце недели люди всегда охотней идут в театр.

В среду мисс Трант рано позавтракала и отправилась смотреть, что творится в павильоне — мистер Окройд и Джо (последний неплохо орудовал

малярной кистью) готовили небольшую декорацию для новой шуточной сценки, придуманной Джимми Нанном. Декорации представляли собой фасад дома с открывающейся дверью, окном и несколькими квадратными футами крашеной парусины с боков. К приходу мисс Трант мистер Окройд и Джо почти закончили работу, и теперь, сидя на сцене без пиджаков, радостно подкреплялись пивом и огромными сандвичами. Иниго с Джимми Нанном репетировали новую песню. Мисс Трант прошла через зал и остановилась в центральном проходе, возле третьего ряда, чтобы полюбоваться готовыми декорациями: прислоненные к стенке, они обсыхали в дальнем конце сцены. Мисс Трант только что поздравила двух умельцев (очень гордых своей работой) и думала о том, как же здорово, наверное, мастерить такие штуки для дела — совсем как в детстве, но никто не обвинит тебя в ребячестве. Тут к ней подошел работник павильона — одноглазый джентльмен с грустным вытянутым лицом — и сказал:

— Там какая-то леди вас спрашивает.

— Что за леди? — удивилась мисс Трант.

— Знать не знаю, мисс, — ответил работник, печально глядя на нее одним глазом. — Она не назвалась.

— Что ж, проводите ее сюда, пожалуйста, — сказала мисс Трант и обменялась еще несколькими фразами с мастерами. Затем она обернулась и увидела женщину, шедшую к ней по залу. То была Хильда — последний человек на свете, которого она хотела бы сейчас видеть.

До сих пор Хильда появлялась в нашей хронике лишь однажды, в разговоре мисс Трант с племянником, сообщившим, что тетя Хильда «жутко расстроилась» из-за его затеи со «Статиком». Последние пятнадцать лет она была женой Лоренса Ньюэнта из адвокатской конторы «Поркисон, Ньюэнт и Поркисон»; образцовой матерью двух детей и в равной степени образцовой хозяйкой дома на Кадоган-плейс. Внешне она походит на мисс Трант, только ниже ростом, крепче и лощеней; она старше нашей героини на шесть лет, хотя по виду — на все десять. Как жена, мать и хозяйка, она — в высшей степени разумная и способная дама, но как член общества (или, верней, двух обществ, поскольку она все время пытается покинуть одно и втереться в другое) порой выставляет себя на посмешище. В свое время Хильда слишком часто падала жертвой многочисленных мимолетных страстей и увлечений, и хотя очевидно, что порой они приводят нас к полной

переоценке мировоззрения (например, теософия), ни в одном самом безумном порыве Хильда и на тысячу миль не приблизилась бы к управлению бродячей труппой комедиантов. Последние двадцать лет она регулярно осуждала младшую сестру то за жизнь в глуши и самоотречение, то за желание вырваться на волю. Незадолго до смерти отца она, нимало не стесняясь, утверждала, что Элизабет напрасно себя губит. А теперь — это написано у нее на лбу, пока она идет по проходу, — Хильда вздумала, что бедняжка наконец обрела свободу и наверстывает упущенное.

Они расцеловались.

— Хильда! — воскликнула мисс Трант, сдавленно хохотнув. — Какой сюрприз!

— Правда? — рассеянно ответила Хильда, озираясь по сторонам. — Мне велели поискать тебя тут. — Ее взгляд замер на вихрастом Иниго, перекинулся на блестящее сморщенное лицо Джимми, на рубашку Джо и на пиво с сандвичами мистера Окройда. Наконец, мысленно уничтожив все это или по крайней мере отодвинув на задний план, Хильда взглянула на сестру.

— Как ты меня нашла? — выпалила мисс Трант.

— Труби сказал, — ответила Хильда. — Верней,

написал, подумав, что я должна все знать. И я с ним согласна.

— А по-моему, очень некрасиво с его стороны! — воскликнула мисс Трант. — Это не входит в его обязанности. Уверена, Лоренс со своими клиентами так не обращается. Впрочем, ничего страшного, я не против.

— Разумеется. Если только ты не хотела все скрыть.

Мисс Трант вспыхнула.

— Глупости! Просто я должна была сама вас известить. Пока у меня не было такой возможности, честное слово. Столько дел! Право, Хильда, я еще никогда не была так занята. Ты не представляешь, сколько тут хлопот.

Сестра закрыла глаза — то был ее давний фокус, помогавший задвинуть рубашки и пивные бутылки еще дальше.

— Но скажи же, — продолжала мисс Трант, — как ты меня нашла?

— Я телеграфировала Труби, он дал твой адрес, и я приехала, как только смогла. Конечно, бросать все дела было страшно неудобно — ты ведь знаешь, как трудно с этим в городе, все куда-то спешат, — но я не могла не приехать. Лоренс тоже хотел. Поначалу, только узнав новости, он расхо-

хотался — такое уж у него чувство юмора, — но потом быстро понял, что ничего смешного здесь нет, и захотел приехать: тебя могли обманом втянуть в чудовищную аферу, заставить подписать контракт и лишить всех денег. Он говорит, в театральном мире полно самых гнусных жуликов, а уж он, поверь мне, в таких вещах разбирается. Словом, он тоже хотел приехать, но я сказала, что сначала должна сама с тобой встретиться. С Ливерпуль-стрит сюда идет неплохой поезд. Приехав, я догадалась, что уж в летнем-то павильоне про тебя слышали. И вот я здесь, Элизабет.

— Понятно… — протянула мисс Трант, а потом вдруг улыбнулась и взяла сестру за руку. — Что ж, я очень рада тебя видеть, Хильда.

Между ними воцарилась тишина. От пианино доносилось тихое «пам-пам-пам», а со сцены раздался голос мистера Окройда, который пробубнил сквозь сандвич:

— Знаешь, Джо, бочковой эль нынче ужо не тот, что раньше, но от этой газированной дряни из бутылок меня раздувает, как воздушный шар.

Хильда бросила на сцену горестный взгляд и зашагала прочь. Мисс Трант последовала за ней, и вместе они остановились в дверях.

— Ну же, дорогая, — воскликнула мисс Трант, —

я ведь вижу, как тебя распирает! Не молчи!

— А я вижу, что ты готова взорваться и наговорить мне всякой чепухи, — добродушно ответила Хильда. — И я отказываюсь ссориться в таком месте, это нелепо. — Тут она посерьезнела. — Но молчать я не могу.

— Говори, не стесняйся, Хильда.

— Милая, признай: я имела право знать! Почему же ты меня не известила? И вообще я не понимаю, как ты могла связаться с подобными людьми. Последний раз, когда я получала от тебя весточку, ты сидела в Хизертоне, меблировала гостевой коттедж и готовилась к сдаче Олд-Холла. А тут я узнаю — и от кого? от Труби! — что ты шатаешься по стране с кучкой жалких бродяг. Это абсурд! Тебе не пятнадцать, чтобы мечтать о сцене. Как это случилось?

Мисс Трант постаралась изложить сестре, как все случилось, вкратце пересказав события последних недель, начиная с того дня, когда она покинула Хизертон.

— Подозреваю, это действительно абсурд, — заключила она. — Однако нельзя всю жизнь быть умницей-разумницей! В конце концов, ты всегда жила в свое удовольствие, Хильда. Вот и я теперь занята делом, мне весело, и я никому не причи-

няю вреда — наоборот, несу сплошное благо всем вокруг, включая себя.

— Вот уж не знаю, — ответила Хильда.

— Зато я знаю!

Хильда воззрилась на сестру и молчала целую минуту. Создавалось впечатление, что она обдумывает новую стратегию, отметая все прежние упреки и увещевания.

— Что ж, Элизабет, — наконец проронила она, — я не собираюсь читать тебе нотации, строить из себя строгую старшую сестру и прочее. Я не старомодная ханжа. И я не стану напоминать, что сказал бы на это отец… — Она увидела сестрину улыбку и спешно добавила: — Да, знаю, он не одобрял многих моих поступков. Пожалуй, не стоит его упоминать: он вообще был против всего, что не соответствовало его представлениям о приличиях. Но меня ведь нельзя назвать занудой, верно? У меня нет предрассудков насчет театра и театралов. Я и на светских приемах знакомлюсь с артистами — исключительно знаменитыми артистами, разумеется, — и с удовольствием приглашаю их в свой дом. Да и все приглашают, кроме нескольких старых хрычей. Но эти бродяги… что ты в них нашла? Толпа пропойц и заурядных пустышек, которые мотаются по всей

стране из одних грязных комнат в другие, едва сводят концы с концами и…

— Чудесно, Хильда! — воскликнула мисс Трант. — В тебе умер великолепный оратор. Я с тобой не согласна, но продолжай.

— Милая, согласись: в Хизертоне ты бы никого из них и на чашку чая не пригласила.

— Не соглашусь. А даже если так, это еще ничего не значит. Я отказываюсь мерить все свои поступки Хизертоном. С меня довольно Хизертона, — добавила она тоном, который помог Хильде вспомнить, что сама она в Хизертоне никогда не задерживалась.

— Ах, я знаю, как скучно и ужасно тебе там жилось! — довольно жалобно воскликнула Хильда. — И я совершенно не возражала, когда все деньги и имущество отошли тебе.

— Разумеется, милая. Нет нужды мне это напоминать.

— Мы с Лоренсом были даже рады: надеялись, что ты приедешь к нам в гости, познакомишься с интересными людьми, а потом, может, и обоснуешься в городе! У меня было столько планов, Элизабет…

— Извини, что расстроила твои планы, Хильда.

— Ах, не глупи, пожалуйста. Но ты должна по-

нимать, что не можешь безумствовать в том же духе и дальше. Выбери ты что-нибудь приличное, я бы не возражала — хотя признай, что ты ничего не смыслишь в коммерции, — но это… это попросту нелепо! Несерьезно, глупо, постыдно. И вообще, ты не разбираешься в театре!

— Конечно, раньше я не разбиралась, но я быстро учусь. И это очень весело. Мне нравится.

— Лоренс говорит, что бродячие комедианты — сплошь жулики, наверняка они попросту живут за твой счет, а сами смеются у тебя за спиной!

— Ничего подобного, — тепло ответила мисс Трант. — Это неправда. Они все очень благодарны мне и… и… преданы… и страшно трудолюбивы! Они такие же честные и порядочные люди, как все мои знакомые. Только гораздо забавней и интересней.

— До поры до времени.

— Может быть. Допускаю, что можно остепениться и всю жизнь прожить рядом с людьми, которых ты знаешь с детства, рядом с которыми ты вырос, но я остепеняться не собираюсь. Наоборот, я хочу перемен. Видишь, я мечтала заняться каким-нибудь делом — и занялась! Готова признать, что я могу устать от такой жизни, но до тех пор я от нее не откажусь. Пусть у меня тоже будут

приключения, слышишь, Хильда?

— Ах, да как же ты не понимаешь!.. — Теперь она не на шутку рассердилась. — Ты как дитя малое, Элизабет. Разве ты не отдаешь себе отчета, что может случиться беда? Мы не позволим тебе шататься всю зиму по стране и жить в убогих лачугах, не имея рядом ни единого разумного человека! Ты можешь лишиться всех своих денег, Элизабет. Скажи мне честно, ты хоть сколько-нибудь заработала?

— Ни полпенни, — весело ответила мисс Трант.

— Вот! — возликовала Хильда. — Не заработала, и никогда не заработаешь. Полагаю, все эти люди — полные бездарности, раз попали в столь бедственное положение.

— Неправда. Среди них есть очень талантливые, даже чересчур — для такой публики. Честное слово, Хильда. Останься и… — она помедлила, но потом храбро выпалила, — посмотри сегодняшний концерт! — Она рассмеялась. — Я пущу тебя бесплатно, как будто ты вывесила нашу афишу в витрине своего магазина.

— Это не смешно, Элизабет, — осадила ее сестра. — Я не могу остаться, а если б и могла, не осталась бы! Все это чудовищно. Взгляни на этих

людей! Признайся, тебе стало неловко, когда я их увидела. «Добрые друзья»! И ты постоянно тратишь деньги, чтобы эти бездари… пили пиво! Они смеются над тобой, им даже не нужны зрители — у них и так есть чем набить живот. А ты могла бы проводить это время с пользой, гостить у нас, встречаться с правильными людьми, интересными мужчинами… да что угодно! Сколько, интересно, денег ты уже выбросила на ветер?

— Даже не подумаю отвечать.

— Если бы ты хоть немного заработала, это было бы пусть крошечным, но оправданием! — вскричала Хильда, которая, очевидно, не считала это оправданием и просто привела первый пришедший на ум довод. — А так твоя выходка совершенно непростительна и безосновательна.

— Ошибаешься! — убежденно возразила ей мисс Трант. — У меня есть веские причины, чтобы остаться с труппой. Во-первых, я теперь гораздо больше понимаю в театре, чем неделю назад. Недавно мы выступали в Дотворте — ужасном городишке — и потеряли там деньги. Да, это было полное фиаско, признаю, но после него я сказала себе, что нипочем не уйду, пока мы не добьемся настоящего успеха! Неужели ты не понимаешь мои чувства, Хильда? Мне действительно нравят-

ся эти комедианты, — а некоторые понравились бы и тебе, — и я им тоже нравлюсь. Им обидно, что я теряю деньги, и я буду презирать себя до конца дней, если струшу и подведу их. А еще я буду презирать себя за то, что предпочла веселью и приключениям безопасную уютную жизнь — просто потому, что испугалась чужого мнения.

— Ты слишком злишься и волнуешься, дорогая! — много нетерпеливей воскликнула Хильда. — Я знала, что так будет. И что ты примешься нести чепуху и артачиться. Ты всю жизнь просидела в Хизертоне, не желая сдвинуться с места, а стоило тебе почуять свободу, как ты начала творить безумства! Да, безумства! — В глазах Хильды стояли слезы досады. — Хочешь чем-нибудь заняться, хочешь приключений? Пожалуйста, только выбери себе дело поприличней, — на свете полно занятий, которые не выставляют на посмешище тебя и всю семью! Все это глупо и бессмысленно. Глупее не придумаешь! Петь старые мюзик-холльные песенки, дрыгать ногами и травить избитые шутки! Разъезжать по стране и смешить продавщиц! Клянчить пенсы у мясников! Как ты можешь, Элизабет? Где твое достоинство? Я не верю своим ушам. Ты могла бы сейчас знакомиться с приличными джентльме-

нами, а не мотаться по жутким городам, якшаясь с бездарными артистами!

— Я не хочу замуж. Пожалуйста, замолчи, Хильда. — Краска сошла с лица мисс Трант. В тот миг ей показалось, что она не выдержит этих нападок — теперь в них слышалось настоящее, неумолимое презрение. Все преимущества были на стороне Хильды, и мисс Трант чувствовала себя беззащитной, хотя сердцем чувствовала, что права. Загвоздка была не только в том, что Хильда не понимала ее мотивов — она сама их толком не понимала. Они происходили от ее скрытых, но жизненно важных потребностей, от желаний, которые, подобно берущим свое начало в толще известняка источникам, залегали глубоко в ее детстве. Мисс Трант сама не знала, почему эти танцы, песни, мишура, свет рампы и разъезды доставляют ей такое удовольствие. Да, конечно, хорошо быть ответственной, полной идей и планов, быть надежным другом и даже предводителем этих чудесных обитателей сцены, но остальное было ей неведомо. Поэтому теперь она стояла перед сестрой и беспомощно молчала.

Хильда почувствовала свое превосходство, но на миг задержалась — перевести дух. И опоздала.

— Ах, мисс Трант! — раздался голос.

— О, мисс Тонг! — радостно вскричала мисс Трант. — Как я рада, что вы приехали!

— Правда, здорово? Какая чудесная была поездка! Ах, не важно, теперь я здесь, и все платья готовы! Мы их прямо сюда притащили, вместе с Элси, разумеется. Ой, простите, я помешала вашему разговору! Вы ведь знаете, какая я — вот, опять меня понесло…

— Ничего страшного, — улыбнулась мисс Трант. — Познакомьтесь, это моя сестра, миссис Ньюэнт. А это мисс Тонг, которая сшила нам несколько умопомрачительно красивых платьев.

— Очень рада знакомству, ей-богу! — вскричала мисс Тонг, восторженно мотая головой. — Хотя, признаться, я очень удивлена, что меня вообще видно. Я столько работала, отваживала клиентов, умасливала па, собиралась, ехала на поезде, потом встретилась с Элси, увидела море… я прямо… прямо… — Тут она забилась в приступе кашля и стала судорожно извиняться перед Хильдой, во все глаза глядевшей на эту странноватую, болезненную женщину. — Будет мне урок, — весело добавила она. — А то совсем распоясалась: болтаю, болтаю, волнуюсь, другим ни словечка

не даю вставить, и вот чем все заканчивается! Мисс Трант вам скажет, какая я глупая, миссис Ньюарк.

— Пойдемте же скорей в павильон, взглянем на ваши платья, — сказала мисс Трант. — Если, конечно, вы не слишком утомились с дороги, мисс Тонг. А то мы подождем.

— Да я сейчас лопну от нетерпения! Я как приехала, так прямо с поезда и заявила Элси: «Веди меня скорей к мисс Трант, а то я места себе не найду, пока она не увидит мои платья». Верно ведь, Элси? Да где же она? Должно быть, понесла все платья внутрь, кроме вот этих. Да-да, пойдемте скорей. Вам интересно взглянуть на костюмы, миссис Ньюарк? Да что я спрашиваю, вы ведь сестра мисс Трант, и вкус у вас замечательный. Ничего, что я так говорю? Понимаю, это личное, с кем попало вкусы не обсуждают, но мы, портнихи, невольно подмечаем такие вещи. Я, к примеру, как вас увидела, сразу подумала: «Ага, одеваться умеет. Столичный шик». Надеюсь, вы не против, миссис Ньюарк? Не знаю, каких еще глупостей я наговорю до конца дня, я точно сама не своя… Правда, здесь чудесный воздух? Чувствуете, как он приятно щекочет грудь?

— Я и сама только что приехала, — ответила

Хильда. — Но воздух, признаться, действительно хорош.

— Неужели? — восторженно вскричала мисс Тонг, словно они два часа жарко спорили и наконец пришли к отрадному взаимному согласию. — Вот и я так считаю. Не воздух, а бальзам — я это почуяла, как только спустилась на платформу. Все надышаться не могла — Элси надо мной даже смеялась. Нам туда?

— Пойдем с нами, Хильда, — сказала мисс Трант. — Тебе непременно надо взглянуть на платья. — И добавила штришок посмелей: — Нам бы пригодились твои советы.

И Хильда пошла за ними — только хмыкнула для приличия, как будто платья ее нимало не интересовали. Она всегда давала сестре советы насчет одежды и не собиралась отказывать себе в удовольствии лишь потому, что девочка внезапно подалась в антрепренеры. Однако внутри Хильде пришлось выслушивать восторженный лепет мисс Тонг, которая, по всей видимости, сочла своим долгом во что бы то ни стало понравиться новой знакомой.

— Так вот где вы теперь выступаете! — воскликнула она. — Ах, как тут все чудесно устроено! И сцена приличная! Нынче вечером я всех вас

увижу на сцене — да еще в моих костюмах! Интересно, где я буду сидеть? Хотелось бы прямо сейчас попробовать, можно? А вы где будете, миссис Ньюарк?

— Нигде. Я уеду в Лондон.

— Да вы что? Какая жалость! Впрочем, вы-то в любое время можете их увидеть, уж сестре-то мисс Трант не откажет, а для меня это был настоящий подарок. Знали бы вы, как я мечтала еще разок на них посмотреть, а тут еще и на море съездила! Они великолепны, правда? Даже лучше, чем в прошлый раз. Представьте, каково мне — видеть их на сцене в моих нарядах, чувствовать себя, так сказать, частью этого праздника… ах, невероятно!

Мисс Трант разглядывала платье, которое протягивала ей Элси.

— Какая прелесть! — воскликнула она и заметила, что глаза ее сестры тоже заинтересованно сверкнули. — Взгляни, Хильда!

— Да, весьма неплохо, — отозвалась та. — Но для такого дела, думается, слишком хорошо.

— Прошу вас, не говорите так, миссис Ньюарк! — воскликнула мисс Тонг. — Носиться будет замечательно, стираться тоже. Вы только потрогайте, да взгляните получше!

И Хильда взглянула — на это платье и заодно на все остальные, и хотя держалась она по-прежнему чопорно и довольно снисходительно — как будто глядела на костюмы, их создательницу и будущих обладателей с огромной высоты, — мисс Тонг даже удостоилась ее поздравлений.

— Я думала поставить сценку в духе средневикторианских времен, — сообщила сестре мисс Трант. — Помнишь, у нас в доме валялась целая куча старых песенок? Некоторые запросто можно взять для нашей программы. Помнишь, как мы смеялись над ними, хотя многие были просто прелесть? И что стало с твоим платьем на кринолине? Ты вроде бы отвезла его в город — хотела сшить маскарадный костюм?

— Да, но для сцены оно не пойдет. — Хильда уже начала забываться. — Очень уж блеклое. Да и коротенькое, ты разве не помнишь? Я хотела его перешить, но никак руки не доходили.

— Да, помню, Хильда, но я подумала, что ты можешь дать его мне на время, и мисс Тонг попробует сшить такое же. Средневикторианская сценка — чудесная затея, правда? А мисс Тонг очень талантлива, сама скоро убедишься. Да, платье недостаточно яркое, конечно. Какие цвета ты бы предложила? — робко поинтересовалась

мисс Трант.

Все это было очень нелепо, однако Хильда — к собственному удивлению — не только пообещала дать сестре платье на кринолине, но и предложила интересные цвета, ткани и даже обсудила дело с фантастически убогой портнихой, которую Элизабет умудрилась подцепить в своих странствиях. К концу разговора Хильда была готова выпить чашечку чая, однако на вечерний концерт не осталась. Мало того, что ее приняли бы за безвольную и легкомысленную особу — она бы в довершение всего пропустила прием у Декстеров. Хильда вознамерилась уехать в Лондон на поезде, отбывавшем в 17.35, и повторила это несколько раз — как будто именно этим поездом обыкновенно уезжают все решительные и волевые дамы.

— Учти, Элизабет, — сказала она на вокзале, — я не изменила своего мнения. Ты ужасно себя ведешь. Все это глупо и нелепо. И тебе нужно как можно скорей увидеться с Лоренсом, потому что тебя тут наверняка чудовищно обжуливают — каждую минуту! Прошу, береги себя, и как только осознаешь всю бессмысленность своей затеи, дай нам знать: просто бросай все и беги, а уж мы позаботимся — Лоренс по крайней мере, — чтобы

эти люди тебя не обобрали.

— Хорошо, Хильда. Обещаю, — очень тихо, почти покорно сказала мисс Трант, и лишь едва уловимый намек на озорное веселье мелькнул в ее глазах. Но она представила себе голос другой Хильды, которая рассказывает своим знакомым о выходках младшей сестры — и даже самоутверждается за ее счет. «Да, милочка, — весело тараторил голос, — это чистая правда. Бедняжка как с цепи сорвалась: носится по стране, руководя бродячими комедиантами. Конечно, это не какие-нибудь бездари и проходимцы, — среди них есть очень талантливые артисты, прямо гении. Элизабет отыскала их в какой-то жуткой дыре и пообещала прославить. Так вот, теперь она ездит по стране, договаривается с театрами, придумывает костюмы и все такое прочее. Безумие, конечно! Зато весело и оригинально, правда? Именно! Почему бы и нет? Я сама так всегда говорю. Между прочим, я дала ей несколько весьма дельных советов — она еще не во всем разбирается». Этот голос звучал и звучал в голове мисс Трант, пока она преданно смотрела в полные упрека глаза сестры.

Выслушав последние нотации и махнув на прощание отъезжающему поезду, мисс Трант

спешно вернулась в свою маленькую гостиницу. Морской ветер хлестал по щекам, и они алели, точно победные знамена. Но ее это больше не волновало. От двух мисс Трант, которые непрестанно пихали и кололи друг друга в темных закоулках ее души, осталась только одна: отважно глядящая на мир ясными серыми глазами. Испытание было пройдено. А если горожане сегодня придут в павильон и по достоинству оценят «Добрых друзей», вместо того чтобы весь вечер скучать дома, сидеть в баре или смотреть кино, мисс Трант будет по-настоящему счастлива.

IV

Среда прошла лучше, чем понедельник и вторник: зрителей собралось больше, особенно на дешевых местах, и — как знать, не под влиянием ли мисс Тонг, которая бешено аплодировала каждой шутке? — вели они себя чуть поживей. В четверг концерт прошел совсем хорошо — но тут стоило учитывать, что по четвергам не работали магазины. Впрочем, пятница ознаменовалась таким же успехом, а публика оказалась даже благодарней. Однако ни один из вечеров — как сказала миссис Джо — нельзя было назвать по-настоящему премьерным. В зале оставалось

множество пустых мест (у Джимми Нанна даже нашлось для них прозвище: «семья Кресслов»), аплодисменты раздавались жидкие и недружные, и артистов почти не звали на бис, так что у всех невольно складывалось впечатление, будто сумрачный вечер проникает сквозь стены, гася и без того слабый пыл полупустого зала. Итак, всех волновал один важный вопрос: как пройдет субботний вечер?

— Если и в субботу нас ждет провал, — заявила миссис Джо вечером пятницы, когда дамы собрались в своей гримерной, — я не смогу смотреть мисс Трант в глаза, милые мои. Ладно еще Дотворт…

— Там на весь городишко двух пенсов не нашлось бы, — вставила Элси, яростно стирая с лица грим. — Будь у них вист-клуб, они бы бросили работу и полгода не вылезали на улицу.

— Но здесь по-другому. Сэндибэй — хороший многолюдный город, и сейчас только середина октября. А мы!.. — удрученно всплеснула руками миссис Джо. — Мисс Трант подумывает, что мы все Ионы, не иначе, если она вообще понимает смысл этого выражения, в чем я сомневаюсь.

— Ей же лучше! — воскликнула Сюзи, дитя театра. Она натянула на голову платье и, вынырнув

из него, заявила: — Вот бы показать ей настоящее выступление! Мисс Трант и так держится молодцом, но аншлаг, хорошая выручка, пять выходов на бис, речи, благодарности от директора павильона — словом, тот самый «фурор», о котором любят писать в афишах и который редко где увидишь, — все это убедило бы ее окончательно. Да-да, уж я-то знаю. А какой у меня новый номер, прелесть! Джимми с Иниго написали для меня песню, но для нее нужна другая публика: этой только «Боже, храни короля» подавай. Чудесная песенка, голубушки, так и просится на сцену!

— Точно, — кивнула миссис Джо. — Опыт у меня большой. Мало на свете артистов — настоящих артистов, разумеется, — которые видели столько же пустых залов, сколько я. Но я не могу, *не могу* петь для стульев! Пустоту нутром чую, и от этого у меня вся манера меняется. Сегодня утром я так и сказала мисс Трант: «Вы еще не слышали меня в деле». Но я не стала объяснять почему. Не хотелось сыпать ей соль на рану — не то чтобы я нанесла эту рану, но вы меня понимаете.

О да, они ее поняли и мечтательно вздохнули, подумав о настоящей премьере.

Джимми Нанн и мистер Мортон Митчем, заглянув субботним утром в буфет и пропустив

«по маленькой» с директором пирса, мистером Порсоном, только об этом и говорили.

— Да, — сказал мистер Порсон, — пока мы набрали сорок три фунта. Стало быть, сегодня вы только-только покроете гарантию, — если, конечно, не будет аншлага. Дождливый вечер может разогнать отдыхающих по домам — кто ж гуляет по пирсу в ненастье? А когда погода хорошая, им хочется на свежий воздух, а не в театр. — Мистер Порсон коротко и безрадостно хохотнул над своим замечанием, которое за последний сезон произнес уже раз пятьдесят — не говоря обо всех прочих сезонах.

— Если хотите знать мое мнение, — внушительно изрек мистер Митчем, — то я вот что скажу: в городе про нас заговорили. Болтают даже здешние завсегдатаи, которым до театра и дела нет. О нас пошел слух. Если б мы остались еще на недельку, точно собрали бы полный зал. Уж я-то знаю. Видел такое, и не раз. Жаль, нельзя остаться.

— Я тоже так думаю, — уныло кивнул Джимми Нанн. — Только-только вошли во вкус, а уже пора. Невезуха, так я это называю. Как я говорил, мистер Порсон, эта леди, наша начальница, вложила в нас большие деньги…

— Очень большие, — выразительно и со знанием дела добавил мистер Митчем.

— Она в театре новичок, понимаете, мистер Порсон? — продолжил Джимми. — Прекрасный человек, настоящая леди — генеральская дочь, говорят. Пора бы ей увидеть первую прибыль.

— Не то подумает, что мы ей кота в мешке всучили, — скорбно вставил мистер Митчем.

— И труппа опять потерпит фиаско, — договорил Джимми.

— А могли бы прославиться на весь мир, — сказал мистер Митчем, который в подавленном настроении всегда предавался думам о трансатлантической сцене.

Мистер Порсон уже слышал подобные речи — в этом самом баре, примерно раз в неделю, начиная с апреля, — однако тут же согласился, что программа у них замечательная.

— Не говорю, что она для всех, — рассудительно проговорил он. — Не фурорная штучка, конечно, такие бешеных оваций не срывают. Но я вам прямо скажу: мне понравилось. Честное слово, можете мне верить. Добротная программа, и мне тоже грустно, что ничего не вышло. — Он допил. — Ну, я побежал.

Мистер Порсон всегда куда-то бежал — мисс

Трант, Джимми и другие имевшие с ним дело люди испытали это на собственной шкуре. Он так часто куда-нибудь бегал, что застать его на месте не было никакой возможности. Джимми и Митчем проводили его взглядом и, приподняв брови, многозначительно переглянулись — давая понять, что они не самого высокого мнения о мистере Порсоне, что выпить с мистером Порсоном, может, и хорошо, однако руководитель он никудышный — такие могут загубить любое, даже самое многообещающее выступление.

— Может, допьем и сходим проверить, как раскупают билеты? — предложил Джимми.

Касса стояла у входа на пирс. Прогулка до нее заняла всего десять минут, но за это время они успели назвать девять из десяти человек, пробившихся в руководство («Исключительно благодаря связям, мой мальчик»), созданиями, которых напрасно носит земля.

— Доброе утро, дорогая, вы сегодня прямо цветете! — сказал мистер Митчем молоденькой кассирше, которая делала что угодно, только не цвела. — Как продажи?

Тут юная леди, жестоко страдавшая от легочных заболеваний, действительно просияла.

— Сегодня гораздо лучше! — ответила она. —

Выкупили уже два с половиной ряда по два шиллинга и четыре пенса, и еще звонят, спрашивают, есть ли места. Не удивлюсь, если сегодня к нам придут люди поприличнее. Зал должен быть полный.

— Благослови вас Бог, дитя, за сию отрадную весть, — сказал Джимми и переглянулся с мистером Митчемом. — Видишь, дело пошло на лад.

— Как я и говорил, — ответил мистер Митчем. — Про нас узнали в городе, но в последнюю минуту. Еще бы недельку — и мы бы каждый вечер собирали полные залы.

— Ну, хороший последний концерт — тоже дело. Представь себе заметки в завтрашних газетах: «Спасибо за великолепный прощальный концерт в Сэндибэе! Это был фурор!» И вот что еще я думаю, Митчем, — серьезно добавил Джимми, — мистеру Порсону стоит принести побольше стульев. Он недавно говорил, что одолжил штук пятьдесят какой-то конторе. Сегодня их надо вернуть, так-то. Как раз управимся до концерта, я оставлю ему сообщение.

Позже мисс Трант стала свидетельницей того, как в зал вносят запасные стулья. Среди работников был и мистер Окройд.

— Видно, на следующей неделе тут ожидается

какое-то небывалое представление, — с долей горечи сказала мисс Трант мистеру Окройду. — А иначе зачем им еще стулья?

— Для нас, мисс Трант! — ответил тот, привычно заламывая на затылок коричневую кепку. Он носил ее, не снимая, и всегда приветствовал мисс Трант именно так. — Грят, сегодня полный зал набьется, а те, кто последними придет, вообще стоять будут! Явятся все жильцы того дома, где я поселился, а с ними их друзья и родные. Еще я слыхал, лучшие места уже выкупили — те, что по два шиллинга и четыре пенса.

— Как чудесно, мистер Окройд! — воскликнула мисс Трант.

— Ну да, хоть какие-то перемены, — сухо признал он.

Она взглянула на него с укоризной:

— Неужели вам больше нечего сказать?

Мистер Окройд не покраснел, потому что заливаться румянцем было не в его привычках, однако заметно смутился.

— Не, почему ж? — возразил он. — Я очень рад, правда! Первый сорт!

Мисс Трант не на шутку взволновалась и пришла в павильон раньше обычного. Хотя на улице привычно моросил дождь, от которого пирс

выглядел заброшенным и одиноким, к самому павильону уже вовсю стекались люди. В последнюю минуту Сэндибэй спохватился, что «Добрые друзья» дают необыкновенно хорошие концерты. За десять минут до начала представления все незанятые места были выкуплены, в проходах по бокам и сзади тоже толпились люди. Еще через пять минут в зал впихнули последних счастливчиков, на дверь повесили табличку с надписью «Мест нет», и «Добрые друзья», в сущности, начали отказываться от денег. Мисс Трант сидела в уголке за занавесом, рядом с дамской гримерной, и узнала это первой — от самого мистера Порсона. Весть тут же облетела все гримерные и кулисы: «Милочка, мы отказываемся от денег!» — «Забиты под завязку, старик». Артисты по очереди выглядывали в зал через щелку в занавесе. «Вот это будет концерт! — кричали они друг другу. — Что я говорил? Как знал!»

— Ну, мисс Трант, — сказала миссис Джо, — почувствовали разницу?

Мисс Трант чувствовала. Вся атмосфера павильона изменилась. Было ясно, что по другую сторону занавеса — уже не холодные пространства, пустые кресла, зевки и праздные взгляды; что все ждут отменных развлечений и готовы в

любую секунду разразиться шквалами хохота и аплодисментов. Мисс Трант пыталась снисходительно удивляться волнению своих подопечных, однако не преуспела в этом и волновалась не меньше остальных — хорошо еще, у нее не было дел. Ах, какой это абсурд, но зато как захватывающе, как весело!

Джимми в последнюю минуту озарило:

— Давайте начнем играть с закрытым занавесом. Два номера: «Свернем же за угол» и песню Сюзи!

Иниго — с помощью Мортона Митчема — успел расписать партитуры этих двух песен для всех музыкантов маленького джаз-бэнда, и они хорошо их отрепетировали. Все быстро заняли свои места: Иниго сел за рояль, Джимми за барабаны, Митчем обнял банджо, а Джо, Сюзи и Элси взяли корнет, скрипку и тенор-саксофон — играли они неряшливо, но вполне сносно. Меньше чем через минуту они уже ждали сигнала к началу концерта.

Свет в зале погас, вспыхнула рампа. Уже раздались первые аплодисменты. Раз, два, три, — и заиграла музыка. *Рампти-ди-тиди-ди-и. Рампти-ди-тиди-ди-и.* Сперва тихо, а потом все громче, громче, оглушительно! Весь павильон словно

бы двигался под летевший из-за занавеса ритм. Зрители топали, напевали, насвистывали — ели и пили музыку. Прозвучала яркая кода, Джимми грохнул палочкой по подвешенной тарелке, и наступила тишина. В следующий миг зал затопили овации.

— Бросайте инструменты! — заорал Джимми сквозь овации. — Все на сцену, Иниго играет обычное вступление! Живо, живо! Давай, Иниго! Готовь занавес, Окройд! Ух, чую, сегодня мы дадим жару!

И они дали жару. Зрители хлопали, когда Джо предупредил их об опасностях, подстерегающих в морской пучине, и захлопали вновь, когда миссис Джо обнаружила вернувшегося с войны Энгуса Макдональда. Услышав мелодичное заявление Элси о том, что ей нужен именно такой ухажер, как они, все дружно повскакивали с мест. От мистера Митчема остался только пот и улыбка — он показал столько фокусов и сыграл столько песен, что к концу его выступления и карты, и струны должны были раскалиться докрасна. Стоило Джимми открыть рот или просто пройтись по сцене, как зал взрывался хохотом. Когда же Джерри Джернингем свернул за угол, а Сюзи спела песенку про возвращение домой, зри-

тели принялись немилосердно хлопать, топать и свистеть, вновь и вновь вызывая обоих на бис. Занавес опустился почти в одиннадцать — на сорок пять минут позже обыкновенного, но и тогда овации восторженной публики не умолкли. «Ре-ечь!» — доносилось то из одного, то из другого конца зала.

Джимми поманил к себе мисс Трант, которая стояла за кулисами, дрожа от восторга и утомления — ведь ей довелось увидеть не только артистов, но и публику.

— Скажите им что-нибудь, — одними губами попросил ее Джимми.

Она тут же яростно замахала. Зрители представлялись ей одним жутким, пусть и дружелюбно настроенным чудищем, а выбежать на освещенную сцену и заговорить с ним было столь же невыполнимо, как улететь на луну.

— Леди и джентльмены! — начал Джимми.

Опять взрыв оваций. Тут все заметили, что сквозь толпу к сцене пробирается работник павильона, а в руках у него — огромный букет роз. Софиты уже потухли, поэтому приближающийся букет видели все артисты. Дамы не сводили с него глаз. Миссис Джо мысленно понадеялась, что в зале нашелся истинный знаток музыки.

Элси невольно подумала, что среди зрителей в передних рядах сидит какой-нибудь ее поклонник (в чем, в чем, а в поклонниках у нее недостатка не было). Сюзи уже заготовила особую улыбку и крошечный реверанс — едва ли букет достанется кому-то еще. Если кто сегодня и заслужил цветы, так это она. Работник поднял букет роз над головой, а Джимми подскочил его забрать. Он прочел записку: три дамы затаили дыхание. Джимми обернулся, потешно хмыкнул и вручил букет… Джерри Джернингему.

Мистер Джернингем — разгоряченный, уставший и, пожалуй, немного мокрый, но по-прежнему обворожительный — изящно поклонился, мельком глянул на записку (надпись гласила: «Мистеру Джерри Джернингему от N.», причем гласила аккуратным женским почерком), вновь улыбнулся публике и своим коллегам, трое из которых усердно пытались скрыть возмущение. Надо отметить, что несколько недель спустя в дамской гримерной вновь заговорят об этом чудовищном букете — мы не последний раз слышим о нем, и таинственная N. еще может появиться в нашем повествовании.

Наконец все закончилось. Иниго, еще более разгоряченный и утомленный, чем Джерри

Джернингем, но никак не обворожительный, оттарабанил на рояле некое подобие «Боже, храни короля», а потом, когда занавес опустили, едва не рухнул со стула.

— Вот кто заслужил букет, — сказала миссис Джо, которая была очень высокого мнения об Иниго. — Мальчик совсем умаялся. А все овации нам!

— И впрямь ужасно досадно, — сказала Сюзи, улыбнувшись ему. — Смотрите, у него даже вихор растрепался. Ничего страшного, ты великолепно играл, Иниго, а песня — просто чудо, чудо, чу-у-удо!

Мисс Трант обнаружила рядом с собой мистера Порсона, твердящего что-то про выручку и будущие концерты, но в ту минуту не нашла в себе сил для делового подхода. Все по-прежнему поздравляли друг друга и собирали реквизит — как будто закончился какой-то безумный торжественный прием. Проведя в этой суматохе минуту-другую, мисс Трант решила дождаться остальных снаружи. Было очень странно выйти на улицу и обнаружить там ночь — пирс поблескивал в лунном свете, вокруг царила таинственная, шепчущая темнота моря, и лишь где-то вдали мерцали огоньки. Соленый бриз теперь показал-

ся мисс Трант удивительно сладким.

Они вышли на улицу: размытые силуэты с ликующими голосами. Сбоку, точно крошечный метеор, мелькнул огонек выброшенной сигареты, и чей-то голос произнес: «Лучше подышу воздухом, чем этой гадостью». Все собрались вокруг мисс Трант и дружно загомонили: «Ничего себе вечерок!» — «Фурор в Сэндибэе!» — Джерри Джернингем протянул розы Элси, а та соизволила их понюхать. Миссис Джо нашла мистера Джо, и он уютно взял ее под руку, отчего они вновь стали похожи на любящую семью — не хватало только маленького Джорджа. Иниго принялся шнырять туда-сюда, чтобы занять место рядом с Сюзи — на диво неуловимой барышней. Мистер Митчем все еще рассказывал историю, которую никто не слушал. Появился Джимми Нанн, отдавший несколько распоряжений мистеру Окройду. И вдруг все одновременно заговорили о том, как устали.

— Я тоже утомилась! — воскликнула мисс Трант. — Хотя ничего не делала. Хочется проспать трое суток. Слава Богу, завтра воскресенье!

— Так-то оно так, — согласился Джимми. — Но я сегодня узнавал, какие поезда идут до Уинстеда. Записал все в блокнот, покажу, когда доберемся

до входа. Прямых поездов, конечно, нет. Придется ехать с пересадками — час прождать в Мадби-он-зе-Уош, потом еще час в Уошби-он-зе-Мад и так далее. Кого возьмете с собой в машину, мисс Трант? Лучше заранее скажите.

— Ах ты, Боже мой, я совсем забыла! — воскликнула она в таком уморительном смятении, что все рассмеялись. — Я-то думала, спокойно отдохну, позавтракаю в постели с книжкой, потом займусь шитьем! Уинстед вылетел у меня из головы. Разве это не ужасно? Все начинать заново! — Ее друзья опять рассмеялись, ведь по ее тону было ясно, что теперь она очень довольна и не собирается от них удирать. Они медленно зашагали ко входу на пирс, планируя завтрашнюю поездку.

Глава 4
Мистер Окройд в роли «загнанного человека»

I

Начало недели в Сэндибэе ознаменовалось для мистера Окройда безоблачным счастьем. Даже в самых смелых мечтах о свободном ремесленничестве он никогда не был таким свободным человеком и таким ремесленником, как сейчас. Трудился он не меньше, чем у Хигдена, а подчас и больше, выполняя за день столько работы, что любой секретарь профсоюза пришел бы в ужас. Но назвать это работой язык не поворачивался: скорее, то было хобби, работа мечты. Сэм Оглторп с вывеской «Любые столярные работы и мелкий ремонт в кратчайшие сроки» и куриным выгулом теперь казался ему «мелкой монетой». Каких-то две недели назад мистер Окройд завидовал старику Сэму и дивился его сказочной удаче. Да, ему еще предстояло во многом разобраться; вся эта маета с занавесами, декорациями и освещением была ему внове; однако он быстро учился и работал с удовольствием. Мистер Окройд охотно

брался за любую задачу, кроме выхода на сцену — он ясно дал понять, что на сцену никогда не подымется, даже если его попросят только вытянуть карту из колоды Мортона Митчема. Вдобавок, эти люди так радовались и так благодарили его за любую, даже самую малую услугу, что он не знал, куда девать взгляд. Такое отношение к чужому труду тоже было ему в новинку. У Хигдена, если ты не гнул на начальников спину с утра до вечера, тебя спрашивали, на кой черт ты устроился работать, а если гнул и с блеском выполнял поставленную задачу, тебе говорили: «Сойдет». Мистера Окройда не отпускала мысль, что все эти южане, с которыми он познакомился, малость перегибают палку с благодарностями за любой пустяк: уж очень это размягчает. Но он был вынужден признать, что их сердечность его воодушевляла, и даже самое непривычное и трудное дело давалось гладко и споро. Не работа, а сказка!

Кроме того, они без конца путешествовали. Сколько всего он мог теперь рассказать о своих странствиях! О югах! Да уж, если так и дальше пойдет, за полгода они объездят Англию вдоль и поперек. Где эти театралы только не побывали! Даже Сюзи, совсем еще малютка, могла не

хуже Джоби Джексона часами болтать о разных городах. А мистер Митчем, если верить хотя бы половине его слов, играл на банджо и показывал карточные фокусы во всех городишках планеты и даже в таких местах, где ни на фокусы, ни на музыку спросу быть не должно. Конечно, эдакий народ может позволить себе задаваться и воротить нос от селений вроде Роусли или Дотворта, но мистеру Окройду понравились оба. Они показались ему восхитительно иноземными. В Роусли квартирная хозяйка угостила его какими-то невиданными сухими клецками с начинкой из бекона, а в пабе один малый заявил, что «Браддерсфорд юнайтед» — команда регби. Дотворт тоже его поразил. В чай они добавляли исключительно швейцарское молоко, булочки называли «кексами», не знали, что шерсть надо мыть и чесать перед тем, как прясть, и вечно путали Йоркшир с Ланкаширом. В дотвортском пабе мистер Окройд сумел поставить на место одного малого. Еще в Браддерсфорде он мечтал, что когда-нибудь сможет так сделать: вынет трубку изо рта и тихо скажет: «Обожди-ка, брат, ты не прав. Я там был и все знаю». Именно так и произошло. Какой-то возчик решил поумничать и заговорил о Великой северной дороге — мол, она

проходит через Линкольн и Йорк, а все дотворт-ские простачки так уши и развесили, тараща на него глаза поверх полупинтовых кружек. Вот то-гда-то это и случилось: мистер Окройд вынул изо рта трубку и тихо сказал: «Обожди-ка, брат! Ты не прав». Хо-хо, да неужели? Именно так, сам-то небось Великую северную дорогу и в глаза не ви-дал. Не видал, да есть у меня приятели, которые видали и знают. «Стало быть, ошибаются твои приятели, — сказал мистер Окройд ему и всей честной компании. — Великая северная дорога ни через Линкольн, ни через Йорк нейдет. Я там был и знаю — намедни по ней на грузовике тря-сся». Потом он еще четверть часа рассказывал им о своих приключениях, так что даже сам хозяин заведения остался в зале послушать.

Однако ни Роусли, ни Дотворт в подметки не годились Сэндибэю. Мистер Окройд поставил его выше всех других прибрежных городов, которые посетил, — Моркама, Блэкпула и Скарборо, но не потому, что там оказалось больше «отвлечений» (все говорят «развлечений», однако в Браддерс-форде принято говорить «отвлечений» — разница небольшая, но существенная). Наоборот, как раз в этом смысле Сэндибэй уступал вышепе-речисленным городам, особенно Блэкпулу, где

отвлечений было больше, чем в любом другом городе на свете. Нет, Сэндибэй понравился ему своей по-настоящему морской атмосферой: лодки на берегу, сети и прочие атрибуты рыбацкой жизни, не говоря уж о самих рыбаках — в синих свитерах, с коричневыми лицами и белыми баками — точь-в-точь как на картинках. Один старик был копией джентльмена, изображенного на пачках и рекламах любимого табака мистера Окройда — «Старого моряцкого», и он с ним даже побеседовал. Вообще он то и дело перекидывался словечком с рыбаками — на пляже или за кружкой пива в диковинных пабчиках на пристани. Ему было трудно их понимать, а они плохо понимали его, но так выходило даже интересней — как будто вокруг одни иностранцы, которые, правда, любят пропустить кружечку, выкурить трубочку и не стеснялись клянчить друг у друга угощение. Джо тоже не гнушался их обществом. Все артисты были настроены очень дружелюбно — «ребята первый сорт», как отмечал мистер Окройд, — но только с Джо он мог куда-нибудь пойти. Хоть и певец (да и вообще не дурак пошуметь), Джо был крепок умом и телом, любил выпить кружку горького и умел поддержать беседу, если его разговорить. К тому времени, когда труппа до-

бралась до Сэндибэя, между Джо и мистером Окройдом установились самые доверительные отношения. Джо рассказывал мистеру Окройду про Джорджа, а тот в ответ — про Лили.

И еще мистеру Окройду нравилось жить в съемных комнатах. Как-то раз, когда они с Джо сооружали декорации в павильоне, он поднял эту тему. Джо пробурчал, что комнаты давно сидят у него в печенках и ему бы хотелось жить в собственном доме.

— Оно и понятно, Джо, — ответил мистер Окройд. — Ты уж сколько лет кочуешь, а мне такая жизнь в новинку. Я ни по какому дому не скучаю и возвращаться назад не хочу. Здорово быть жильцом, Джо.

— Что ж тут хорошего? — не понял тот. — Посуди сам: комнаты не твои, живешь по хозяйской указке и ешь только то, что дают.

— Знать, тебе в жизни больше повезло. В Брадерсфорде мой дом принадлежал не мне, а жене. Она-то делала что хотела, а я нет. А если ты скажешь хозяйке, что не хочешь есть рисовый пудинг всю неделю, она, может, дверью-то хлопнет, но не станет обзывать тебя всеми дурными словами, какие только есть на свете, и с утра по новой не заведется, и не станет смотреть на тебя

как на отпетого негодяя.

— Нет, Окройд! — возразил Джо. — Только не говори, что дома тебя так клевали.

— Не больше, чем других, — мрачно ответил мистер Окройд. — А вот про заклеванных жильцов я что-то не слыхал.

— Верно, зато историй про облапошенных и обобранных сколько угодно. Если ты с такими не знаком, то вот один — перед тобой. Хозяева всякие бывают — одни молоко у тебя из чая утянут, а другие шнурки из ботинок — не заметишь! Дай им волю, они с тебя за подъем по лестнице деньги драть будут. Я на своем веку всякое повидал.

— Верю, Джо, — убежденно сказал мистер Окройд. — И я не отрицаю, что та толстуха, у которой я в Дотворте жил, малость тощала и ужималась, накрывая на стол. Но живется мне таперича привольней, чем последние годы. Не мне тебе говорить, что три фунта в неделю — деньги невеликие. Я на фабрике и то больше зарабатывал, а еще бедняком себя почитал. Но когда кормишь одного себя, а живешь в комнатах, то добра с них видишь куда больше, чем дома. За два фунта с тобой хоть обращаются по-человечески, а дома за всю получку чувствуешь себя ничтожеством. Жена-то меня как с работы встречала: «А,

это ты? Ужин еще не готов, у меня дела поважнее есть. Сколько раз я тебе говорила: снимай сапоги при входе! Опять наследил, чтоб тебя!» Вот как оно, дома-то. А здесь иначе. «Вы как раз вовремя, мистер Окройд, — говорят хозяйки. — Ужин будет через минуту, я не заставлю вас ждать. Хорошо прошел день, мистер Окройд?» Чуешь разницу?

Джо чуял, но остался при своем мнении.

— Поживи год-другой на хозяйкиных харчах, старик, — сказал он, — и я посмотрю, как ты запоешь. Джимми Нанн вечно жалуется, что не может есть, а мне порой кажется, что ему даже свезло. Он-то заранее знает, что ему ничего не светит, а я еще надеюсь — и не получаю!

— Передай-ка дюймовые гвозди, Джо, — попросил его мистер Окройд и на минуту призадумался. — Что ж, признаться, в Йоркшире кормежка получше здешней. На югах женщины совсем не пекут: никаких тебе кексов с изюмом, пирогов с салом, лепешек и прочего. Ха, вчерась такое было — обхохочешься! Хозяйка моя тутошняя, миссис Каллин — она вдова, муж работал на газовом заводе, хорошую должность занимал, да и сама она такая приличная, аккуратная, обходительная, рассказывает антересно — словом, вчерась миссис Каллин подошла ко мне

и заявила: «Ну, мистер Окройд, сегодня я вас вкусненьким угощу. Запекла говядину, и подам йоркширский пудинг». И вот приносит она ужин. Смотрю на тарелку, а там только мясо, капуста и картоха. «Миссис Каллин, а где обещанный пудинг? — спрашиваю. — Давайте его сперва». А она мне: «Так вот же он, перед вами», — и на тарелку показывает. «Как? Уж не этот ли скользкий шмат теста, что под капустным листом, вы йоркширским пудингом обозвали?» — «Его. А коли это не йоркширский пудинг, то что?» — «Не, миссис, — грю, — вы меня не спрашивайте. Я одно знаю: это не нашенский пудинг. Лепешка, блинчик али что, но не йоркширский пудинг». И потом я ей рассказал, какой он должон быть. Ты меня послушай, Джо, вдруг пригодится.

Мистер Окройд заново раскурил трубку, выдохнул облачко дыма и продолжал:

— «Во-первых, — говорю я миссис Каллин, — йоркширский пудинг едят отдельно, без мяса, картошки и прочей ерунды. И подавать его надо с пылу с жару, из печки — прямехонько на тарелку! Ждать нельзя ни минуты, не то все пропало. Если не положите горячим на тарелку, проще сразу из него подметки сделать. И еще, — грю, — важно как следует раскалить печку. Коли тесто

вы смешали правильно и печь горячая, то пудинг выйдет легкий как перышко, хрустящий и поджаристый, без энтой вот жижи посередине. Поняли, миссис?» — спрашиваю. А она: «Нет. Раз уж в свое время не научилась, так и теперь не научусь. А у вас ужин стынет». Мы с ней потом долго хохотали, а вечером миссис Каллин рассказала про нас дочке — та у нее тканями торгует. Еще с ними сынок живет, а второй сын на флоте служит, его невеста к ним часто в гости захаживает — ничего себе компания, а? Все они придут в субботу на наш концерт.

— Это ты хорошо придумал, — сказал Джо. — Обрабатывать местных жителей — это правильно. Я сам так делаю. Некоторые надо мной посмеиваются, но ведь работает!

— Еще как! — воскликнул мистер Окройд. — Все знакомые миссис Каллин заинтересовались. «Хорошая труппа?» — спрашивают. «Первый сорт! — говорю. — Мы тут недельку скоротаем, а потом в гастроли по большим городам — медь собирать». — «Что собирать?» — «Медь — так в Йоркшире деньги называют, — говорю. — Приходите и посмотрите наш концерт, а то второго шанса не будет. Скоро прочтете о нас в газетах — локти кусать будете. Лучшая разъездная труппа

в мире», — говорю.

Мистер Окройд искренне так считал. Он был глубоко убежден, что на всем свете не существует бродячей труппы лучше, чем «Добрые друзья». Конечно, про других он ничего не знал и вообще никогда прежде таких трупп не видел, однако представить, будто кто-то может играть еще лучше, еще забавней, было выше его сил. Поэтому мистер Окройд говорил честно и от души. Восторг его также нельзя было объяснить преданностью новым друзьям и новой начальнице, мисс Трант. Мистер Окройд никогда не был любителем театров и мюзик-холлов, хотя по-прежнему не отказался бы за семь пенсов посидеть в последних рядах кинотеатра «Браддерсфорд империал». Это, однако, не мешало ему считать себя человеком сведущим и понимающим. Любой браддерсфордец полагает себя знатоком и карающим судьей во всем, что стоит денег, и мистер Окройд, как следует разглядев выступление «Добрых друзей» под всеми возможными углами, счел его первоклассным. Самого невысокого мнения он остался об Элси, чьи несколько вымученные фривольности показались ему «бестолковыми». С другой стороны, на этом острове еще никто так не восхищался танцами мистера Джерри

Джернингема, и мистер Окройд не преминул намекнуть, что знает толк в этом деле: юношей он был одним из лучших исполнителей ирландских танцев в Вулгейте и Лейн-Энде, а однажды занял третье место на праздничном гала-концерте в Пит-парке. К самому Джерри Джернингему он питал презрение. «Тощий больно, — говорил он. — Глядишь, скоро живот к спине прилипнет». А потом, прибегая к загадочным речевым оборотам Западного Райдинга, объявлял мистера Джернингема «ни щукой, ни горбылем» — увы, сие страшное безапелляционное суждение никакого сокрушительного действия не оказывало, поскольку никто не понимал, что это значит. Однако мистер Окройд проводил четкую грань между Джернингемом-человеком и Джернингемом-танцором: последним он восхищался от всей души. Конечно, его любимицей стала Сюзи — как на сцене, так и в жизни. Она определенно знала свое дело, пусть мистер Окройд не всегда понимал, куда она клонит. И еще эта жизнерадостная, милая и дружелюбная девчушка так напоминала ему Лили, что в ее обществе ему становилось радостно и неловко, совсем как Иниго. Последний тоже пришелся ему по нраву: и как пианист, и как добродушный юноша с малость завышенным

мнением о собственной персоне. (Все жители Браддерсфорда внимательно разглядывают друг дружку на предмет носозадирательства, и если кто-то позволяет себе мало-мальски необычный поступок, его нос тут же подвергается тщательным замерам.) Между ним с Иниго установилась особая связь, потому что, как мистер Окройд однажды пояснил Джо, «мы два сапога пара, оба любич-чели, как вы говорите, пришли к вам в один день и пытаемся показать, на чего способны». По тону мистера Окройда было ясно, что они не только пытаются, но и весьма преуспевают. К мисс Трант он питал огромное уважение, но всячески это скрывал. Была в ней какая-то черта — вполне определенная, только он не удосужился разобраться, какая именно — мгновенно вызвавшая его уважение (чего не скажешь о сэре Джозефе Хигдене и прочих зажиточных господах, на которых он гнул спину в Браддерсфорде). Никто из «Добрых друзей» точно не знал, сколько денег у мисс Трант (хотя обсуждался этот вопрос не раз), действительно ли она богата или просто имеет приличный доход и несколько сотен в запасе, которые может потратить на любую прихоть. Мистер Окройд считал, что денег у нее хоть отбавляй и добывать их ей никогда не приходилось.

«Небось думает, что медь на деревьях растет», — отзывался он о ней, и эта мысль, которая привела бы в бешенство любого демократа прежнего поколения, только усиливала его бесконечный пиетет к этой славной леди. В Браддерсфорде были и богатые, и бедные, но таких, как мисс Трант, мистер Окройд еще не встречал. Они словно прилетели с разных планет, но неожиданно обнаружили точки соприкосновения и взаимной симпатии. Будь мисс Трант мужчиной, возможно, мистер Окройд относился бы к ней иначе, однако она была женщиной — мало того, очень привлекательной молодой женщиной. Как-то раз, прогуливаясь с Сюзи по пирсу, мистер Окройд заговорил с ней о мисс Трант. Девчушка очень полюбила ее и считала «просто прелестью», но, что уж тут говорить, бедняжка стареет. Если она бросит «Добрых друзей», впереди у нее скучная жизнь старой девы. Мистер Окройд выразил решительное несогласие с таким мнением о своей начальнице.

— Не, Суз, тут ты не права. Не удивлюсь, если мисс Трант скоро выскочит замуж. Небось и счас у нее поклонники есть, прибегут по первому зову. Никакая она не старая. По таким леди сразу видно, какие они благородные да сметливые, и

выглядит она славно. Будь я холостой джентльмен, первым делом приударил бы за мисс Трант, так-то.

— Неужели? — Сюзи сделала вид, что обиделась. — Какой же вы наглец, мистер Джесс Окройд! А я еще была с вами мила! Меня пошто забыл, малой?

— Нет уж, спасибо, нипочем б на тебе не женился! — восхищенно парировал мистер Окройд. — Мужу с тобой и пяти минут покою не будет — то поцелуешь, то обругаешь, а то сковородкой по башке дашь! То попросишь, шоб никогда тебя не бросал, а то заявишь, что уходишь навсегда, — бедолага эдак с ума спятит.

— Вот и хорошо, — ответила Сюзи. — Значит, со мной не соскучится. Но вы, конечно, несете вздор. Вы ничего про меня не знаете, ни капельки, и это ужасно с вашей стороны так меня обижать. Неужели вы и вправду так думаете?

— Да я что, я ничего… — начал было мистер Окройд.

— Вот и молчите!

— Но кой-чего я знаю точно: одного молодого человека из этой компании мне уже жалко.

— Ну-ка, ну-ка! Что вы хотите этим сказать, мистер Окройд?

— Он, может, и славный пианист, я ничего не говорю. Болтают, он может заработать на своих песнях кучу денег — охотно верю. Но я за ним наблюдаю, и мне его жалко. Если так и дальше пойдет, он скоро попадет в беду. Коли сударыня, на которую он глаз положил, ему откажет, не будет ему покою! А если и не откажет, все одно покою не будет.

— В жизни такого вздора не слыхала! — воскликнула Сюзи. — А если он — или кто-нибудь еще — ох, да не глупите!.. если он и впрямь… нет, он меня и пяти минут не знает, вы все выдумали! Но даже если он и вправду расстроится, то я же не виновата, правда?

— Не ты, так злой рок, — ухмыльнулся мистер Окройд.

— Хорош, малой, хорош! — передразнила его Сюзи, щелкнув пальцами. — Если б мне сказали, что плотник из Траурсфорда будет сплетничать и совать свой нос в чужие дела, точно последняя старуха, я бы ни за что не поверила! Все, лучше бегите и принимайтесь за работу, чем вешать мне лапшу на уши… — тут ее голос душераздирающе задрожал, — …отравлять разум и тревожить сердце бедной девочки, совсем еще ребенка и сиротки! Ступайте, сэр Джесс.

И коварный баронет, заломив коричневую кепку на затылок, подмигнул Сюзи и зашагал восвояси. Он вошел в павильон через служебный вход. Вот если б неделю назад кто-нибудь сказал ему, что скоро он будет шастать через служебные входы!.. Внутри его дожидалась несложная, приятная работа. Доделав ее, он перекинется словечком с Джо, потом еще с кем-нибудь, выкурит трубку-другую «Старого моряцкого» и прогулочным шагом двинется к дому, где его будет ждать чай. «Вечер добрый, мистер Окройд, — скажет ему миссис Каллин. — Чай готов, я зажарила для вас жирную копченую селедочку, как вы любите». «Недурно, миссис Каллин, недурно», — ответит он, а потом закусит и почитает газету, немножко погуляет, может, пропустит где-нибудь пинту горького и неспешно вернется на пирс — сам себе хозяин, человек, повидавший мир, и вдобавок один из «Добрых друзей». Вот так жизнь!

— Не, малый, — предостерег он себя, — попридержи коней. Это тебе не сон, а жизнь. Должон быть подвох.

И вторая половина недели в Сэндибэе показала, что он прав.

II

Идиллию разрушило пришедшее из дома письмо. Вскоре мистер Окройд понял, что не может полностью отделаться от родных: пусть им без него даже лучше, чем с ним, все-таки жена и сын должны знать, где он — не приведи Бог, с ними что случится, как же его известят? Да и с письмами Лили надо было что-то придумать. Первое его письмо добиралось до Канады две недели, а ответ — и того дольше. На все про все ушло почти шесть недель, хотя ответила Лили почти сразу. Он, по его собственному выражению, «изучил этот вопрос», как только устроился работать в труппу. Мистер Окройд мог писать как обычно — на самом деле он намеревался писать даже чаще, потому что теперь ему было что рассказывать. Но как же она будет отвечать? Дать ей свой адрес на шесть — восемь недель вперед он не мог, поскольку они еще не знали наверняка, куда поедут дальше. Мистер Окройд понял, что выход один: Лили будет, как и прежде, писать домой, по адресу Огден-стрит, 51, а ее письма ему перепрaвит жена или (что вероятнее) Леонард. Надо только извещать их, где труппа будет выступать на следующей неделе. Он расспросил об этом

Джо и выяснил, что достаточно указать название труппы, концертную площадку и город: мистеру Иш. Окройду, «Добрые друзья», «Павильон на пирсе», Сэндибэй. Этот адрес он дал домашним, пока был в Дотворте, кратко известив их, что нашел работу в разъездной труппе, и попросив пересылать ему письма Лили. Потом, не дожидаясь ответа, он отправил домой вторую весточку с адресом в Уинстеде.

А в четверг мистер Окройд получил первый ответ из дома. Он спешно укрылся в тихом уголке и с восторгом обнаружил в конверте письмо от Лили. К сожалению, написала она немного: в Канаде по-прежнему стоит жара, но у нее все хорошо, скоро родится малыш, и она уверена, что будет мальчик. Ее муж, Джек Клаф, много работает и, кажется, вот-вот получит повышение; они всех любят и передают привет. Перечитав письмо еще раз, мистер Окройд почувствовал себя очень несчастным. Образ Лили до боли ясно предстал перед его сознанием, которое прежде не могло четко воспроизвести ее лицо и голос, но ежеминутно и мучительно помнило о ней. Письмо вернуло ясность этому образу и вместе с тем напомнило о разделяющем их расстоянии. Она далеко, и сказать ей нечего. Завтра мистер

Окройд сядет, пожует усы и примется, от натуги роняя кляксы на бумагу, описывать свои чувства и мысли, но тоже скажет немного. Ах, если б она была рядом, если бы можно было смотреть на нее, слушать! А так мистер Окройд не мог выдавить из себя ни слова. Он с грустью сложил листок и спрятал обратно в конверт.

С письмом от Лили пришло еще что-то. Мистер Окройд взглянул на подпись внизу страницы: это была короткая записка от Леонарда. Он неохотно пробежал ее глазами — соображения сына его мало интересовали. Однако, прочтя записку один раз, он резко втянул воздух, сдвинул кепку на самый затылок и перечитал снова, на сей раз уделяя внимание каждому слову. Вот что там было написано:

Дорогой отец,

Мы получили твое письмо, пересылаю последнюю весточку от Лили. Пишу я, потому что маме стыдно за такого мужа и она перестанет себя уважать, если скажет тебе хоть слово, так она говорит. Что ты натворил? Недавно к нам приходил полисмен, расспрашивал про тебя, где ты да как. Мы сказали, что

сами не знаем. И это еще не все: миссис Сагден сообщила маме, что за домом наблюдает полиция, а Джо Флэтер сказал, что они наводили справки у Хигдена и в клубе. Поэтому лучше тебе держаться подальше отсюда и не высовываться, не то тебя сцапают. Альберт Таггридж говорит, писать тоже рискованно, они могут вскрыть письмо и выследить тебя по нему, но я все-таки решил рискнуть, хотя мы никому не говорим, где ты. Ма в ужасе, но мне это кажется довольно забавным, и я согласен с Альбертом: тебя наверняка впутали в эту аферу какие-нибудь проходимцы. Мы очень удивлены, что ты теперь разъезжаешь по стране с комедиантами, ты уж там побереги себя. «Юнайты» опять проиграли, что за команда! Я по-прежнему работаю у Грегсона, уже за четвертым креслом.

Твои люб. сын, Леонард.

Перечитав письмо в третий раз, мистер Окройд порвал его в клочья и, все еще стискивая их в кулаке, выполз из угла — загнанным человеком.

Остаток дня он думал о письме: на Огден-стрит

приходил полицейский, полиция следит за домом, полиция наводит справки у Хигдена и в клубе… Чем больше он об этом думал, тем тягостнее становилось на душе. «Но я же ничего не сделал!» — твердил он про себя, да все без толку. Мистер Окройд был так занят и счастлив на новой работе, что почти забыл об удивительных событиях, приведших его в Роусли, — точней, они превратились для него в занимательные байки, которые можно рассказывать людям. Теперь они вновь обрели зловещее значение. Этот пьяный букмекер, Джордж, заявил в полицию, будто у него украли деньги. Полиция, в свою очередь, сообщила, что владеет информацией, очень важной информацией, которая поможет им поймать преступника. В тот же день мистер Окройд рассорился с начальником, с профсоюзом, порвал в клочья страховую карточку (отчаянный поступок) и ушел куда глаза глядят. Но и это еще не все. Потом он сел в грузовик, набитый краденым добром, — полиция наверняка разузнает и это. Те два негодяя, Нобби и Фред, и ужасная толстуха, Большая Энни — все они без зазрения совести сдадут его полиции. Однако и это еще не конец. Мистер Окройд ввязался в драку на ярмарке в Рибсдене, у него потребовали лицензию, а он

попросту сбежал — за все это тоже придется ответить, и ведь тот полицейский успел хорошенько его рассмотреть. Выходит, куда бы мистер Окройд ни пошел, везде, на каждом шагу, он впутывался во что-нибудь противозаконное! А тот малый в закусочной, где пришлось оставить зубило? Попплеби, да, так его звали. Он непременно вспомнит мистера Окройда и расскажет все, что потребуется — поступит «по-щеловечески», как же! Вспомнив свои приключения, мистер Окройд увидел целую череду враждебно настроенных свидетелей, готовых сдать его с потрохами. «Я ничего не сделал, — скорбно заключил он, — но оправдаться мне нечем».

Мистер Окройд был добросовестным рабочим, не принадлежал к криминальным кругам и оттого никогда не считал полицейских своими естественными врагами. С другой стороны, к высшему обществу холеных и лощеных господ он тоже не относился, а именно такие господа видят в полицейских исключительно защитников, доблестных, веселых, добродушных и любезных малых с золотыми сердцами под синей формой. Ни мистер Окройд, ни его друзья никогда не ссорились с полицией Браддерсфорда, но и нежности к стражам порядка не испытывали — скорее за-

нимали позицию настороженного нейтралитета. Полицейский на своем месте — это хорошо, вот только они имеют дурную привычку на своем месте не сидеть. Мистер Окройд в свое время водил знакомство с несколькими полицейскими — пил с ними эль и обсуждал футбольные матчи. Подобно остальным людям, они были хорошими, плохими или никакими. А вот к их начальству — сержантам, инспекторам и прочим в том же духе — он относился с подозрением, считая, что они шибко любят заводить «дела» по собственному усмотрению. Перед самим Законом с его таинственным устройством и хитросплетениями мистер Окройд испытывал настоящий ужас. «Лучше туда не лезь», — часто говорили ему, и сам он не однажды повторял эту фразу. Ни он, ни его друзья не относились к числу прирожденных сутяг, какие бывают на каждом заводе, корабле и в каждом полку. Их недолюбливают, потому что собственные права отлетают у них от зубов, они точно знают, к чему их нельзя принудить, и при необходимости с удовольствием побегут в суд. Мистер Окройд прекрасно понимал, что ни в чем не виноват — пожалуй, только карточку зря порвал, — однако отстаивать свою невиновность в суде не хотел и готов был принять определенные

меры, дабы этого избежать. Мысль о том, чтобы открыто предстать перед властями и очистить свою репутацию, не пришла ему в голову; раз его ищет полиция, нельзя попадаться ей на глаза; и если кому-то такое отношение покажется неразумным, то вы просто не понимаете мистера Окройда, как, впрочем, и любого другого обитателя Огден-стрит, Браддерсфорд.

Безрадостным успокоением ему служило лишь то, что он доподлинно знал, какой важной информацией владеет полиция. На следующий день, после долгих и мучительных размышлений, он почувствовал себя загнанным в угол преступником. Прежде он не замечал полицейских на улицах Сэндибэя, теперь они выскакивали на него чуть ли не из-за каждого угла. Он проходил мимо них с замиранием сердца и чувствовал, как их подозрительные взгляды буравят ему спину. Ни на минуту он не мог забыть о своем страшном положении. А тут еще работник павильона, одноглазый Кертис с угрюмым вытянутым лицом, вдруг начал болтать о полицейских.

— Прочел нынче в газете, — сказал он, — что поймали того грабителя, который обчистил ювелирную лавку в Вест-Энде.

Мистер Окройд хмыкнул.

— Четко сработали ребята, молодцы! — с жаром продолжал Кертис. — Надо было просто выждать время, только и всего. Зато у него теперь времени хоть отбавляй! — Кертис, которого эта тема загадочным образом высвободила из оков уныния, расхохотался над своей приятной остротой. — Все твердили, будто его никогда не поймают, а я им говорил: «Погодите, скоро сами увидите, как его сцапают. Дайте полиции время». Что скажете, мистер Окройд?

Мистер Окройд только еще раз хмыкнул и смерил собеседника затравленным недовольным взглядом. Единственный глаз Кертиса горел и, казалось, блуждал по всему мистеру Окройду, а второй — стеклянный — холодно вперился ему в лицо. Выглядело это почти зловеще.

— Пусть болтают про полицию что угодно, — продолжал Кертис, — но мне ли не знать, как они работают. Я слежу за расследованиями, мистер Окройд, и вот к какому заключенью я пришел: дайте полиции время, и они своего не упустят.

Мистер Окройд прицокнул языком и оглянулся по сторонам.

— Своего не упустят, ей-богу! — выразительно повторил Кертис, хлопая мистера Окройда по руке.

Тот отпрянул.

— Что значит «своего не упустят»?! — раздосадованно вопросил он.

— Любого негодяя отыщут, — ответил Кертис. — Может, не на этой неделе и не на следующей, но рано или поздно, — тут он вытянул вперед большую грязную ладонь и вдруг резко сжал пальцы, — все равно поймают!

Он победно уставился на мистера Окройда единственным глазом.

— Еще чего! — злобно воскликнул тот. — По мне, так они упускают столько же преступников, сколько ловят.

Кертис покачал головой и благосклонно улыбнулся:

— Все так думают, да только это по незнанию. Их сила — в организованности, дружище, в организованности.

— Много ты понимаешь! — воскликнул мистер Окройд.

— Я-то, может, и нет. Главное, что они понимают. — И Кертис опять рассмеялся, да так мерзко, что мистеру Окройду захотелось «наподдать ему как следует».

— У одного моего приятеля зять работает в Метротропилитане, — ну, в лондонской полиции,

значит, настоящий скотленд-ярдский полицейский. Послушал бы ты его байки! Если уж они напали на след преступника, то мерзавцу не уйти.

— Вздор и чепуха! — пробормотал мистер Окройд.

— Неправда, у них теперь и фотографии, и отпечатки пальцев, и телеграф, и летучие отряды! — не унимался Кертис. — Ни единого шанса! Сперва приспустят поводок — а потом хвать! — и все.

— Вот заладил! — воскликнул мистер Окройд, теряя терпение. — Чего ты ко мне привязался? Умаял меня вконец. Хвать да хвать! Иди в другом месте мух лови.

— Да просто случай показательный, — присмирел Кертис.

— Ну а тебе что с того? — вопросил мистер Окройд. — Строишь тут из себя главного констебля!

— Ладно, ладно, дружище. Чего ты взъелся?

— Ничего! — ответил мистер Окройд. — Хватит одно и то же болтать, я тебя понял. Давай сменим тему. Не нравятся мне такие разговоры. Выражаешься, как последняя ищейка! На что тебе полиция сдалась?

— А, вон чего, мистер Окройд — вы шибко впечатлительный, — не без облегчения выдохнул Кертис. — Оно, конечно, хорошо, да только по нонешним временам мягкосердечие непозволительно. А с негодяями надо осторожней. Пусть сидят под замком, я так считаю.

— Вон идет мистер Порсон, — сказал мистер Окройд, положив таким образом конец неприятной беседе. С тех пор он старался избегать разговоров с Кертисом. Любой необыкновенный случай теперь приобретал для него зловещий смысл, и то, что раньше будило любопытство и становилось темой для восхитительнейших бесед, теперь внушало тоску и подозрения. Например, в субботу днем, помогая разгружать стулья для павильона, он разговорился с одним шофером. Между двумя заходами, когда делать было нечего, к нему подошел здоровяк с военной выправкой, в чистой синей форме.

— Разрешите спросить, вы, случайно, не имеете отношения к труппе «Добрые друзья»?

— Имею, — не без гордости ответил мистер Окройд. — Если хотите знать, я у них работник сцены и реквизитор. — Он окинул взглядом шофера. — Кажется, вас я тоже где-то видел.

— За рулем большого синего «даймлера», — от-

ветил шофер. — Вы еще встретите его в городе. Мы остановились в гостинице «Грейт истерн», вон там. Мы уже дважды посмотрели ваш концерт — под «мы» я разумею свою хозяйку — не жену, разумеется, жена у меня дома — а хозяйку «даймлера». Сам я только раз бывал на вашем концерте, вот сегодня снова пойду. Очень хороший концерт.

— Лучше не бывает, друг.

— Верно. Вы заслуживаете куда лучшей публики. Папироску хотите?

— Не, я папиросы не курю. Токмо трубки.

Шофер прикурил свою папиросу и пару раз добродушно кивнул мистеру Окройду.

— Вы как я, смотрю. Сегодня здесь, завтра там…

— Верно. — Мистеру Окройду очень нравились такие разговоры. — Мы на месте не сидим. Завтра вот по новой в путь.

— Куда на сей раз? — с чуть нарочитой непринужденностью спросил шофер.

— В городок под названием Уинстед, — ответил мистер Окройд с видом человека, привыкшего чуть что срываться в дорогу.

— Уинстед, говорите? А, такой маленький городишко с рынком, да? Кажется, в Нортгемптоне

или в Бедфордшире?

— Да я сам толком не знаю, — признался мистер Окройд, все еще ничего не подозревая. — Отродясь там не бывал.

— А потом куда? — осведомился шофер.

— Дайте-ка вспомнить… Есть такой город — Хаксби?

— Есть. Это в сторону Ковентри, так?

— Пожалуй. Они говорили что-то про Хаксби.

Шофер задумчиво осмотрел свою папиросу.

— А потом?

— Слыхал что-то про Миддлфорд, — сказал мистер Окройд, — но это через неделю, а то и больше.

— А вы могли бы, если не трудно, дать мне приблизительный список?

Мистер Окройд воззрился на шофера.

— Эй, а это еще зачем? — вопросил он. — Какое вам дело, куда мы поедем?

— Да просто полюбопытствовал, — удивленно ответил шофер. — Что в этом дурного?

— А я почем знаю? Может, вы дурное задумали, — сказал мистер Окройд, подозрительно разглядывая собеседника. — Не пойму, зачем вам это надо, мистер. В нашем деле надо всегда быть начеку. Никогда не знаешь, с кем разговарива-

ешь, — сурово заметил он.

— Пожалуй.

— В моем положении надо осторожность соблюдать. Нельзя каждому встречному да поперечному все выбалтывать. Хитросплетений тут много всяких, колеса в колесах вертятся, — загадочно добавил он.

— Что ж, раз вам надо знать, зачем я интересуюсь, то слушайте, хотя говорить мне не велели, — вдруг разоткровенничался шофер. — Это моя хозяйка поручила все вызнать.

— Ишь ты! — изумленно воскликнул мистер Окройд.

— Леди, на которую я работаю, — ухмыльнувшись, пояснил шофер. — Она, видите ли, всерьез увлеклась вашей труппой. Она все время чем-нибудь увлекается — денег-то полно, а заняться нечем, беда прямо! Вдова, купается в роскоши. Утром она попросила меня сходить сюда и узнать, куда вы поедете дальше. Хочет отправиться следом и еще раз на вас взглянуть. Правда, это я сам догадался, она-то ничего не говорила. Ну вот, теперь вы все знаете.

— Ага… — задумчиво протянул мистер Окройд.

— Может, еще что-нибудь расскажете?

— Нет уж.

— Ну ладно, и на том спасибо. Не обижайтесь. Удачи! — Шофер кивнул — весьма пренебрежительно — и отбыл.

Мистер Окройд потер подбородок и проводил взглядом удаляющийся силуэт.

— Не, малой. Что-то у тебя не склеивается. Хозяйка хочет знать! Ишь, выдумал! — Он не поверил в сказку про хозяйку, и ему до сих пор было тягостно на душе, поэтому никому из труппы он о случившемся не рассказал. Упомяни он загадочную поклонницу, возможно, букет для Джерри Джернингема не стал бы такой неожиданностью для труппы — как и некоторые последующие события.

Субботнее выступление в Сэндибэе, как мы уже знаем, стало по-настоящему премьерным, и мистер Окройд получил от него ровно столько же удовольствия, сколько все остальные. Их победа была в равной степени и его победой. Весь концерт он светил им улыбкой из-за кулис — его широкое лицо было таким румяным и блестящим, что смахивало — по чьему-то меткому наблюдению — на софит. Но когда отгремели последние аплодисменты и реквизит разложили по коробкам, на это радостное лицо вновь набежала тень. Экая незадача! Вот он, самый обыкновен-

ный англичанин, ничем не хуже других, но при этом — в розыске. В любую минуту кто-нибудь может крикнуть: «Держи его!» — и что тогда? Дела станут совсем плохи, даже хуже, чем были. При мысли об этом его прошибал пот. «Ничегошеньки не натворил, — с горечью думал он, — а оправдаться не могу!»

— Ну, мистер Окройд, — весело сказала мисс Трант, когда они все вместе встали у входа на пирс, — решайте: поедете со мной на машине или на поезде? Что, по-вашему, романтичней? Я ведь знаю, вы такой же романтик, как я.

Мистер Окройд принялся соображать — быстро, лихорадочно. Что безопасней? Отталкиваться надо от этого. Он представил, как его вытаскивают из машины.

— Так сразу и не соображу, — выдавил он. — Надобно подумать, мисс Трант.

— Мы его избаловали, — сказала Сюзи. — Но это потому, что он наш талисманчик! Верно, малой?

— Язык-то попридержи, негодница! — воскликнул мистер Окройд. — Я поеду на машине, мисс Трант, спасибо.

Да, на машине будет лучше всего. Однако мистер Окройд решил на этом не останавливаться и придумал еще кое-что. Он им покажет!

На следующее утро мистер Окройд явился к мисс Трант очень смущенным и растерянным, однако та была так занята, что не заметила ни его состояния, ни всего остального.

— Доброе утро, мистер Окройд, — сказала она. — Вы как раз вовремя.

Лицо мистера Окройда тотчас осунулось. Один мимолетный взгляд — и его сразу узнали! Впрочем, мисс Трант его все-таки ждала… Потом к ним подошла Сюзи. Обычно мисс Трант брала с собой двух пассажиров, не больше, чтобы оставалось место для багажа. Мистер Окройд приветствовал Сюзи робкой улыбкой.

— Здравствуйте, здравствуйте! — воскликнула она. — Это еще что такое? Мисс Трант, вы видели?

Та с улыбкой окинула взглядом мистера Окройда.

— Вы действительно переменились…

— Да он сбрил усы!

— И правда.

— Ему надоело торчать за кулисами! Правда, Джесс? Или вы оставили их на память своей квартирной хозяйке — как сувенир?

— Фу, что за гадости, Сюзи! — воскликнула мисс Трант.

— Небось меня не узнать, а? — спросил мистер Окройд, щупая верхнюю губу. — Так оно всегда бывает, ежели усы сбрить.

— А по-моему, ничего не изменилось.

— Все та же добрая траурсфордская физиономия! — заверила его Сюзи.

Мистер Окройд упал духом. Похоже, он совершенно напрасно себя обкромсал.

— А больше вы ничего не заметили? — с надеждой спросил он.

Барышни посмотрели внимательней. На сей раз первой догадалась мисс Трант.

— Знаю! — воскликнула она. — У вас новая кепка, мистер Окройд!

— По-моему, та же самая, размера на два меньше, чем надо, — сказала Сюзи.

— Нет, та была коричневая, — возразила мисс Трант.

— Ой, и правда! Эта серая. Теперь вспомнила, старая была «грязно-коричневая», как говорят в Йоркшире. По мне, так не грязно-коричневая, а попросту старая грязная кепка! Убедились? Он тоже хочет стать артистом — бриться начал, кепки меняет, как перчатки!

Мистер Окройд неловко улыбнулся и слегка заломил назад новую кепку — поскольку она

была того же размера, что и старая, то и назад съезжала так же отменно. Однако на душе у него было очень грустно. Утром, сбрив усы, он на один безумный миг представил, как мисс Трант и Сюзи его не узнают. «Да еще полкроны на кепку потратил, — подумал он. — А старая-то лучше была. Прям хоть бороду отпускай да шляпу напяливай, чтоб не узнал никто. Эх, все бесполезно!..» И ведь он уже написал домой, куда едет. Если полиция перехватила письмо, его песенка спета. Мистеру Окройду совсем расхотелось в Уинстед.

III

Во всей восточной части центральных графств не сыщешь городка приятней, чем Уинстед с его булыжными мостовыми, широкой Хай-стрит, приходской церковью XV века, елизаветинским крытым рынком и старыми домиками под остроконечными крышами. Примечателен он не только рынком: в скромной и благородной манере здесь производят перчатки, чулки, носки и кружева. Денег тут предостаточно, в магазинах на Хай-стрит стоит столичный дух, в кафе «У Манси» играет ансамбль (пианино, скрипка и виолончель) и дважды в неделю устраивают

thé dansant[48], а на рыночную площадь каждые десять минут прибывает автобус из какой-нибудь деревушки, коих вокруг Уинстеда великое множество (Уинстед для них — центр мироздания). Кроме того, здесь есть кинематограф, один небольшой драматический театр и варьете, которое в межсезонье впихивает между выступлениями собственной труппы концерт каких-нибудь разъездных комедиантов.

«Добрые друзья» давали концерт в варьете, и дело шло даже лучше, чем в Сэндибэе. Пусть зрители не бесновались от восторга, их было немало и хлопали они громко — особенно те, что сидели на самых дорогих местах. Уинстед оказался «стоящим местечком», говорили друг другу артисты. Город понравился всем, за исключением Джерри Джернингема, которому становилось тошно при мысли о выступлениях в любом городе меньше его родного Бирмингема, и который «с умэ схэдил в этой глуши». Даже съемные комнаты оказались лучше, чем все прежние: чище и уютней. С погодой им тоже повезло: золотой октябрьский воздух-бальзам и спелый солнечный свет, похожий на старые кирпичные

---

[48] Примечания: 48
Thé dansant — вечерний чай с танцами *(фр.).*

стены. Мисс Трант чувствовала себя как дома и наслаждалась каждой минутой, проведенной в Уинстеде. Элси случайно встретила в городе своего давнего друга, мистера Лонга-младшего из агентства недвижимости «Лонг и Пассбери» с Хай-стрит, который два года назад увивался за ней в Кромере, — на сей раз он решил совместить приятное с полезным и катал ее на своей двухместной машине. Сюзи с удовольствием бездельничала, но втайне тоже вздыхала по большим городам и шумным улицам; если подчас ей приходилось гулять одной, то вовсе не по воле ее коллеги, Иниго Джоллифанта. Миссис Джо, вновь почувствовав себя успешной и процветающей артисткой, принялась за исполнение большого вязального прожекта, рассказала квартирной хозяйке все про Джорджа и время от времени эффектно появлялась в кафе «У Манси». Джо гулял на солнышке, дымя трубкой, слушал байки мистера Мортона Митчема и играл на бильярде с Джимми Нанном. Последний, отправившись на поиски средств для пищеварения, обнаружил на задворках Хай-стрит одного уморительнейшего аптекаря, с которого немедленно срисовал персонажа для комедийной сценки.

Всех этих людей, однако, не разыскивала поли-

ция. Мистер Окройд, убежденный, что находится в розыске, никакого удовольствия от Уинстеда не получил. Все вокруг так и норовило лишить его душевного спокойствия. Даже солнце старалось поярче осветить его лицо для проходящих мимо полисменов. На второй день пребывания труппы в Уинстеде произошла неприятность: мистер Окройд весьма уютно и вольготно устроился в съемной комнате, однако решил, что киснуть в четырех стенах не имеет смысла, и храбро вышел на прогулку по городу.

На углу, сворачивая к площади, он случайно с размаху налетел на сержанта полиции — тучного, неприятной наружности человека.

— Эй, эй! — рявкнул полицейский.

Мистер Окройд испуганно на него покосился, что-то буркнул и поспешил прочь, стараясь не бежать. Лавируя между автобусами, он пересек площадь и, сбавив шаг, вышел на Хай-стрит. Там он повстречал Джимми Нанна, который нес в руках крошечный сверток — несомненно, завернуть его так аккуратно мог только аптекарь.

— Когда-нибудь слышали про такую штуку, мистер Окройд? — спросил Джимми, показывая ему сверток. — Называется «пепсин». — Добрых пять минут мистер Окройд слушал его разглагольство-

вания о пепсине, которому, очевидно, предстояло последнее испытание: схватка до победного конца с желудком Джимми. К концу этих пяти минут мистеру Окройду удалось глянуть через дорогу. Там, на тротуаре, стоял тучный полицейский. И смотрел прямо на него.

Мистер Окройд спешно попрощался с Джимми, но на сей раз потрудился не убегать, а медленно побрел вниз по улице, останавливаясь возле витрин. У первой же он украдкой оглянулся: полицейский стоял на прежнем месте и явно за ним следил. Во второй раз его уже не было. Мистер Окройд облегченно сдвинул кепку на затылок: вот болван, надо ж было так себя застращать! Он праздно уставился на витрину обувного магазина, но в следующий же миг насторожился: в зеркале над парой мужских ботинок из телячьей кожи он поймал отражение чего-то синего — полицейской формы. Сержант стоял прямо у него за спиной. Мистер Окройд присел, словно чтобы завязать шнурок, и скосил глаза на тротуар, ожидая увидеть проходящие мимо синие брюки. Они так и не появились. Тут мистер Окройд вскочил и, не оглядываясь, поспешил прочь. На ходу он услышал бас полицейского: «Эй, мистер, погодите!» Несколько ярдов спустя он скользнул между

двумя машинами, перебежал дорогу и уже хотел броситься наутек, как увидел перед собой второго полицейского. Они были повсюду.

«В таком крошечном городишке — прорва полицейских! Куда им столько? — сердито подумал он. — Никчемные лентяи! Пустая трата наших денег, вот как я это называю». Тут мистер Окройд свернул с Хай-стрит в узкий проулок и вышел на другую улицу — там тоже было полным-полно магазинов, а вот полицейских не было. Мистер Окройд облегченно вздохнул, раскурил трубку «Старого моряцкого» и неспешно побрел вдоль улицы. Его внимание привлек рекламный плакат с изображением большого парохода и еще один, с кукурузным полем и фермером, который гостеприимно протягивал руки вперед и говорил: «Добро пожаловать в Канаду!» Мистер Окройд несколько минут разглядывал картинки и думал про Лили и Канаду. Плакаты висели в витрине туристического бюро, и мистер Окройд, заглянув внутрь, увидел настойке несколько буклетов. Ему уже доводилось листать такие буклеты — они приятно напоминали о дочке, и она будто бы становилась чуть ближе. Если в одном из них окажется карта, он сможет увидеть, где сейчас его Лили. Мистер Окройд вошел и стал разглядывать

буклеты. Никто не обратил на него внимания, и тогда он взял два самых больших, сунул в карман и вышел на улицу. Там, загородив собой весь тротуар, стоял тучный сержант.

— Ну? — сказал он.

— Чо? — выдавил мистер Окройд, чувствуя, как колотится в груди сердце.

— Зачем вы от меня сбежали? — Голос у сержанта был очень строгий.

— Да разве ж я сбёг! — возразил мистер Окройд.

— А что это вы так чудно разговариваете? Откуда акцент? — не унимался сержант. Впрочем, за напускной строгостью в его тоне слышалось добродушие. — Вы кто — ланкаширский комедиант?

— Эт еще почему? — в отчаянии спросил мистер Окройд. — Вы меня простите, сержант, но я что-то не соображу, об чем вы толкуете, — уже вежливей добавил он.

Сержант шагнул вперед и так внимательно к нему пригляделся, что сердце мистера Окройда ушло в пятки. «Конец мне», — подумал он. Однако вид у сержанта стал озадаченный.

— Вы либо Джимми Пирсон, — наконец проговорил он, — либо его брат-близнец.

— Неа. Знать не знаю никаких Пирсонов. Я… я не местный, сержант.

— Как вас зовут?

— О… — начал было он, но вовремя опомнился. — Огл торп. Сэм Огл торп. Я, стало быть, из Уэбли, что в Йоркшире.

— Оно и слышно, мистер, — сказал сержант. — Что ж, вы — точная копия одного малого по имени Пирсон, который раньше тут жил. Когда вы врезались в меня на площади, я сразу подумал: «Джимми Пирсон вернулся! Надо с ним потолковать». Он нас не очень любил, Джимми-то — одно время ставки на лошадей принимал, — но мы были не против. И между машин вы шныряли точь-в-точь как он.

Мистер Окройд рассудил, что не стоит притворяться, будто он впервые видит сержанта.

— Да я ж вас чуть не зашиб там, на углу, — вот и решил лишний раз на глаза не показываться! — как можно искренней воскликнул он.

Это признание исправило дело. Расстались они почти друзьями, однако мистер Окройд так перепугался, что даже на редкость удачный исход встречи его не успокоил — наоборот, на душе стало еще тревожней. Он назвал сержанту чужое имя, и из этого могла выйти большая неприят-

ность.

На следующий вечер его ждал второй удар. Мистер Окройд стоял на верхней ступени маленькой стремянки, когда заметил за кулисами полицейский шлем. От ужаса он чуть не упал с лестницы. Все, его выследили! Мистер Окройд мог бы спуститься, но остался на месте в надежде, что его не заметят. Однако в следующий миг он уже смотрел в лицо полицейскому, который задрал голову и глазел на него.

— Закончили?

— Ага, — неохотно ответил мистер Окройд.

— Тогда спуститесь на минутку, — сказал полицейский. Спускаясь, мистер Окройд ждал, что его вот-вот схватят за шкирку. Это было ужасно.

— Мне велели обратиться к вам, — виновато проговорил полицейский. — Хочу тут осмотреться, понимаете ли. Управа у нас строгая, велели проверить пожарную безопасность и все такое. Я буквально на минутку, только задам пару вопросов. — Он вытащил блокнот и напустил на себя очень серьезный и важный вид.

Мистер Окройд смог продохнуть.

— Чем смогу, помогу, дружище! — сердечно выпалил он, словно готов был собственными руками потушить любой пожар.

Хуже всего было то, что опасность могла подстерегать мистера Окройда когда и где угодно. Самые безобидные вопросы звучали теперь недобро и зловеще. Субботним утром его квартирная хозяйка, миссис Мейсон, чей муж служил швейцаром в агентстве «Лонг и Пассбери», пригласила его на вечернее чаепитие.

— Сегодня у Милли день рожденья, — объявила она. — Мы решили немного попировать и хотим позвать вас, если можно. Молодой человек Милли тоже придет в гости — славный юноша, душа компании. За стол сядем в шесть, когда он воротится с работы.

Мистер Окройд обожал праздничные чаепития. Он не только пообещал прийти, но и попросил у коллег два бесплатных билета на концерт — для Милли и ее друга, которого ни разу не видел, — в качестве подарка. В половине шестого мистер Окройд уже сидел в гостиной и с деланным интересом слушал нудные разглагольствования мистера Мейсона, очень медлительного и серьезного человека, не слишком любившего свою работу. Мистер Мейсон счел уместным обсудить с жильцом свои религиозные взгляды.

— Я люблю церемонии, мистер Окройд, — твердил он. — А без церемоний — что за вера?

Тут в комнату пестрым и душистым ураганом влетела Милли — крупная пышущая здоровьем девица, которая неплохо зарабатывала на перчаточной фабрике, ни во что не ставила родного отца и тут же заявила, что ей «обрыдли эти дурацкие церемонии». Мистер Окройд пожелал ей долгих лет жизни и вручил билеты, за что его крепко расцеловали. Он пользовался благосклонностью Милли: она воображала, будто общается с «театралом», и с большой выгодой для себя распустила среди фабричных работниц несколько слухов, почерпнутых у мистера Окройда. Потом в гостиную вломилась миссис Мейсон — багровая, сияющая и неузнаваемая в своем лучшем платье. Она объявила, что чай готов и будет подан по первому их слову.

— Том еще не пришел, — сказала Милли. — Давайте подождем. Уж я ему скажу пару ласковых, когда придет.

— Лучше попридержи язык, мисс, — ответила ее матушка, выражая таким образом свое восхищение дочкиной дерзостью.

— Уж Том ее приструнит, — важно отметил мистер Мейсон. — Если нет, я очень удивлюсь. Он парень крепкий.

Парень действительно оказался крепкий: футов

шесть ростом, спина прямая, плечи широченные. У него было красное лицо, маленькие усики, подмаргивающий глаз и необъятная челюсть. В новом сером костюме он выглядел одновременно дюжим и подтянутым — мистеру Окройду всегда были по душе такие юноши, но этот почему-то не понравился с первого взгляда. Было что-то неприятное в его тяжелой властной поступи.

— У тебя такой вид, будто ты нас за решетку хочешь упечь! — воскликнула Милли, взглядом умоляя всех восхититься ее женихом.

— А ты веди себя хорошо, — буркнул Том с нарочитой грубостью. Они с Милли захохотали, следом рассмеялись и родители. Мистер Окройд не смеялся: он кое-как выдавил улыбку и тревожно заерзал на стуле. Том много слышал о нем и о «Добрых друзьях» и был очень рад знакомству с таким человеком. Мистер Окройд сказал, что это взаимно, и с трудом напустил на себя довольный вид, хотя ему чуть не раздавили руку. Наконец все пошли пить чай.

При виде угощений мистер Окройд повеселел: на столе была вареная ветчина, копченый лосось с уксусом и даже сладкий пирог — таким сытным чаепитием не побрезговали бы и в Браддерсфорде. Мистер Окройд вспомнил старые добрые

времена и родной дом. Однако не успели они сесть за стол, как мистер Мейсон все испортил.

— Ну как, Том, — спросил он будущего зятя, — арестовали кого-нибудь? Том работает в полиции, — пояснил он мистеру Окройду.

Тот кивнул и почувствовал, как стремительно бледнеет, краснеет и зеленеет. Вот ведь угодил в переплет — придется распивать чаи под носом у полицейского! «Сиди-ка ты лучше тихо и не вякай», — отчаянно сказал он себе. Первое время ему это удавалось, пока Том и Милли увлеченно острили и подкалывали друг друга, но вскоре Том вспомнил о госте и, боясь прослыть невежей, стал задавать ему вопросы:

— Так откуда вы родом, говорите?

— Из Лидса, — ответил мистер Окройд.

— Погодите, так вы ж вчера сказали, что из Браддерсфорда!

— А это все одно, — нашелся мистер Окройд. — Сразу и не поймешь, где кончается один и начинается другой. — Он прекрасно понимал, что утверждение это весьма далеко от истины, однако для жителей других городов оно вполне годилось. На самом деле даже те, кто бывал в Западном Райдинге, порой склонялись к этому мнению и видели один бесконечный город там,

где местные различали дюжину совершенно разных и воюющих между собой сообществ.

— Люди из ваших краев нечасто у нас бывают, — задумчиво сказал Том. — Забавно, но как раз недавно здесь объявился один малый из ваших мест, мне сержант рассказывал, — точная копия одного букмекеришки. Джимми Пирсон его звали.

— А, слыхал про такого, слыхал, — с невероятной важностью проговорил мистер Мейсон.

— Сержант наш пошел за этим малым, чтоб потолковать, и выяснил, что это совсем другой человек…

— В полиции это называется «ошибочное опознание», верно? — с еще большей важностью произнес мистер Мейсон. — Ага, так и думал. «Ошибочное опознание» называется, ма.

— Надо же! — воскликнула миссис Мейсон. — Давай я налью тебе еще чаю, Том. Передай мистеру Окройду грушевый компот, па.

— Этот малый тоже приехал из Йоркшира, прямо как вы, — сказал Том, считая своим долгом закончить историю. — И имя похожее. Сержант говорил, да я запамятовал… На «Ог» начинается.

— Небось Огден, — самодовольно заявил мистер Мейсон. — Известное имя. Я на своем веку

минимум двух Огденов встречал.

— Нет, не Огден, — возразил Том и поглядел на мистера Окройда. — Длиннее, чем Огден, настоящая йоркширская фамилия. Я подумал, может, вы даже знакомы? Нашему сержанту показалось подозрительным, как этот малый от него увиливал, но ему что угодно кажется подозрительным. Недаром он сержантом сделался.

— Не люблю людей с подозрительным характером! — воскликнула Милли. — Никогда не будь подозрительным, Том, что бы ты ни делал.

Мистеру Окройду ее замечание показалось весьма дельным. Сам он все это время пытался выглядеть умиротворенным и заинтересованным исключительно грушами, заварным кремом, ржаным хлебом и маслом. Но его никак не хотели оставить в покое.

— Вот я и подумал, может, вы знакомы с этим Ог-как-бишь-его? — спросил его Том.

Мистер Окройд покачал головой:

— Ни про каких йоркширцев я тут не слыхал, но их в Уинстеде может быть сколько угодно.

Мистер Мейсон все это время размышлял и наконец изрек:

— У Тома никогда не будет подозрительного характера. Он у нас слишком добродушный и

покладистый, и до добра его это не доведет.

— Вот еще! — воскликнула Милли. — Доведет, правда же, Том?

— У меня голова на плечах, и глаза имеются. — Том обвел взглядом комнату и многозначительно вперил его в мистера Окройда, который так разволновался, что половинка груши, которую он резал, вдруг выпрыгнула с тарелки и приземлилась на блюдо с лимонными ватрушками.

— Эх, что творю! — воскликнул мистер Окройд.

— Надо вас за это арестовать, — в шутку сказал мистер Мейсон. — Вот тебе и работа нашлась, Том. Преступник искалечил грушей ватрушки.

Все рассмеялись, а мистер Мейсон сразу приободрился и взял на себя разговор.

— А теперь шутки в сторону, — начал он, словно бы пресекая всевозможные шалости и несерьезные разговоры, ведущиеся в гостиной. — Не упоминая имен и не желая никого обидеть, я все же скажу, что пора бы в нашем городе завести еще несколько дел. Да и не только в нашем, по всей стране! Я знаю, о чем говорю…

— Ничего ты не знаешь, па, — перебила его дочь. — Помолчи.

— И поаккуратней с локтями, — добавила же-

на. — Дайте-ка сюда крем, не то он быстро с ним разделается.

— По улицам наших городов ходят люди, — продолжал мистер Мейсон, — которым самое место в тюрьме. Их сотни. Сами того не зная, мы, в некотором роде, сталкиваемся с ними каждый день. Верно я говорю, мистер Окройд? Уж вы-то должны понимать.

— Эт еще почему? — испуганно спросил мистер Окройд.

— Не обращайте на него внимания, — сказала хозяйка, — и угощайтесь, пожалуйста. Вы ничего не съели.

— Я, в некотором роде, никого не хотел обидеть, — напыщенно изрек мистер Мейсон. — Я только имел в виду, что вы повидали мир, ездите по всей стране и не хуже меня разбираетесь в подобных вещах. Преступники нынче свободно разгуливают по улицам, совсем как мы с вами. Была б моя воля…

— Дай тебе волю, — закричала Милли, — и тут такой кавардак начнется, мало не покажется! Как ты смеешь оскорблять полицию? Скажи ему, Том!

— Верно, дайте слово Тому, — вставила ее матушка. — А мистеру Окройду дайте кусок торта.

Он ничего не ест.

— Ну, я не утверждаю, будто мы творим чудеса, — сказал Том тоном человека, который при большом желании мог бы и сотворить парочку. — Мы не творим, и ждать чудес от нас не следует. Но нам известно больше, чем думают многие. Иголку в стоге сена мы, конечно, не найдем. И ошибки для нас — непозволительная роскошь.

— Разумеется, Том, — сказала миссис Мейсон после долгих раздумий на эту тему. — Дай сюда папину чашку, Милли.

— Я свое сказал, — проговорил мистер Мейсон. — Теперь можно и послушать.

— Тогда слушайте, — продолжал Том. — Вот, допустим, вы находитесь в розыске, мистер Мейсон…

— Меня не бери, Том. Слишком просто. Каждая собака знает, где меня искать. Я уже двадцать лет торчу в «Лонге и Пассбери». Пустая это затея, возьми лучше мистера Окройда. Он всегда в пути. Про него ничего не известно.

— Как это? Очень даж известно! — вспылил мистер Окройд. Чего этот малый к нему прицепился? И почему нельзя поговорить о чем-нибудь другом? Заладили со своей полицией!

— Так и быть, — кивнул Том, — возьмем ми-

стера Окройда. Он в розыске. Представили? — Он очень сурово посмотрел на несчастного мистера Окройда и ткнул в него пальцем: — Вы в розыске. И вам от нас не уйти.

Вся семья Мейсонов весело захохотала.

Мистер Окройд не выдержал. Может, ему и полезно было узнать о том, как полиция разыскивает преступников, но он больше не мог это выносить.

— Минутку! — воскликнул он, поднимаясь. — А который час?

— Только без десяти семь, — ответила миссис Мейсон. — У вас предостаточно времени, мистер Окройд. Утром вы сказали, что посидите с нами до четверти восьмого.

— А, ну так я еще не знал, — пробормотал он. — На меня сегодня столько дел свалилось! Пойду я, мистер Мейсон. — Он ушел умываться, а остальные встали из-за стола и разбрелись по гостиной.

Не успел мистер Окройд открыть входную дверь, как на его плечо опустилась чья-то тяжеленная рука. Он охнул, подскочил и обернулся. За его спиной стоял Том — полицейский до кончиков ногтей.

— Смотрите в оба, мистер Окройд! — весело

сказал он. — Вы нас сегодня услышите: мы будем хлопать громче всех. Еще раз спасибо за билеты.

— Ну ты меня напугал! — воскликнул мистер Окройд и поспешил прочь из дома. Он вознамерился сделать все возможное, чтобы Том не увидел его ни сегодня, ни впредь. Мистер Окройд ужасно себя чувствовал: внутри неприятно ворочались груши, лосось, торт и все потрясения минувшего дня.

— Сегодня опять полный зал, — сказал Джимми Нанн. — Уинстед — славный городишко. Прямо жаль уезжать.

— А мне ни капли не жаль, — ответил мистер Окройд. — Никудышное место.

— Разве? И что же тут не так? — удивился Джимми.

— Все! — с горечью воскликнул мистер Окройд и ушел работать.

IV

Мистер Окройд понял, что больше так продолжаться не может: тайна тяготила его сердце. «Надо кому-нибудь выговориться, — признался он себе, — не то свихнусь». Коллеги уже начинали спрашивать, что с ним происходит. Джимми Нанн высказал мнение, что у мистера Окройда

начинается гастрит и «скоро он узнает, что это такое». Сюзи предположила, что он тоскует по дому, мечтает еще раз взглянуть на Браддерсфорд. Джо только покачал головой. Дело было плохо: мистер Окройд не находил себе места от стыда, но боялся кому-нибудь открыться, и с каждым днем ему становилось все хуже и хуже.

Они приехали в Хагсби и давали концерты в «Курзале» — продуваемой насквозь развалине, где прежде помещался небольшой зал для катания на роликах. Публика собиралась неплохая, хоть чересчур норовистая и шумливая на задних рядах. Сам город, по общему мнению, был ужасен: темная и грязная дыра, полная брошенных мясных лавок и сомнительных типов без воротничков, которые толпились на улицах в ожидании последних вестей с ипподромов. Неуютные комнаты пропахли давно съеденной и забытой капустой, старая мебель с конским волосом немилосердно кололась, и заняться весь день было решительно нечем. Все сидели дома, иногда вяло прогуливались по городу, чинили что-нибудь или искали веселой компании за бутылкой «Гиннесса». Единственной их отрадой были концерты.

В Хаксби мистеру Окройду выпало куда меньше

потрясений, чем в Уинстеде, но эта неопределенность давила на него еще больше. Было в ней что-то зловещее и выжидательное. Вдобавок квартирная хозяйка — старуха с длинным желтым лицом — оказалась чрезвычайно неприветливой и будто бы не спускала с него глаз. Когда Хаксби тонул в темноте зала, а на сцене вспыхивали огни и Иниго ударял по клавишам, никто не радовался этому больше, чем мистер Окройд, но даже в театре он был не в духе.

Правда, в четверг он стал другим человеком. Первым это заметил Иниго.

— Слава Богу, осталось вынести только три вечера в этой дыре! — заявил юноша, когда они стояли за кулисами перед началом выступления. — По дороге сюда я прохожу мимо пятнадцати мясных лавок, и во всех витринах болтается одинокая засохшая баранья нога. Я смотреть не могу на эти ноги, честное слово! У меня от них колики, особенно когда я сознаю, что хозяйка кормит меня их старшим братом. Ужас! Ну и город!

— Не, — возразил мистер Окройд, — местечко как местечко. Ясно дело, отдыхать я сюда не приеду, но встречались мне и похуже города. — В его голосе появились новые звенящие нотки.

— Ну дела! — воскликнул Иниго, уставившись на мистера Окройда. — Что это с вами случилось, мастер Окройд? С чего вы вдруг засияли, как солнышко? Тут какая-то загадка…

Мистер Окройд смутился.

— Да нет, ничего не случилось… ничего особенного.

— Нет, так не пойдет! — не унимался Иниго. — Вы ведете тайную жизнь, правда? Должно быть, в глубине вашего сада таятся феи, как нередко замечает миссис Джо в тональности ми-бемоль. Что произошло?

— Да ничего! Так, встретился вчера с одним малым из Браддерсфорда…

— А, вон как! Слыхал, Джо? Мастер Окройд опять в строю, потому что вчера встретил на этой гиблой тропе земляка! Сообщи всем радостную весть, пусть пляшут и поют!

И радостная весть действительно обошла труппу, в результате чего мистера Окройда подкалывали и дразнили весь оставшийся вечер. В самом деле, твердили они, наш работяжка соскучился по дому!

Мистер Окройд не обижался: для каждого у него была припасена приветливая ухмылка. Он вновь радовался жизни, ничто его не преследо-

вало и не тревожило. А все благодаря вчерашней случайной встрече.

После обеда (скверного) он отправился на прогулку по главным улицам города, дымя трубкой и раздумывая, не пропустить ли ему кружечку эля перед закрытием пабов. Возле «Белого оленя», самого большого городского паба, он заметил маленькую машинку, которая показалась ему смутно знакомой даже издалека. Он подошел ближе, увидел, что вместо заднего сиденья у нее большой деревянный ящик, и уверился окончательно: машина была та самая, над которой он однажды протрудился целый день. Этот ящик (для перевозки образцов) он соорудил собственными руками. Да и номера на машине были браддерсфордские. Автомобиль принадлежал мистеру Эшворту, одному из хигденских коммивояжеров. Сам он, должно быть, сейчас в «Белом олене» — зарекомендовывает себя в качестве хорошего клиента.

(Здесь стоит отметить, что встреча мистера Окройда с мистером Эшвортом была лишена малейшего намека на случайность. Кто подумал иначе, тот просто живет в неведении и ничего не знает о торговых обычаях Западного Райдинга. Каждую неделю коммивояжеры, браддерсфорд-

цы с широкими плечами и еще более широкими гласными, покидают родную землю и объезжают каждый город этого острова, пересекают моря и попадают в Гетеборг, Амстердам, Антверпен, Лилль или Милан, оплывают весь свет и сходят на берег в Сиднее или Буэнос-Айресе. Фабрика Хигдена — одна из крупнейших в Браддерсфорде, и вы в любую минуту можете встретить ее сотрудника в своем городе.)

Тут мистера Окройда осенило: он расскажет свою историю мистеру Эшворту, с которым они всегда были на дружеской ноге — тем более котелок у малого явно варит. Мистер Окройд вошел в паб. Мистера Эшворта ни за стойкой, ни в зале для курящих не оказалось. Стало быть, устроился наверху — верно, он ведь никогда не был завсегдатаем пабов. Пока мистер Окройд предавался этим рассуждениям, к нему подошел швейцар и осведомился, что ему нужно, после чего сообщил, что какой-то джентльмен еще обедает в столовой наверху. То был, несомненно, мистер Эшворт. Мистер Окройд обнаружил его в самом углу пустого зала: он ел сыр с печеньем и праздно листал газету.

Мистер Эшворт, дородный джентльмен с бескрайними просторами красных щек, тройным

подбородком и выпученными голубыми глазами, взглянул на приближающегося мистера Окройда и удивленно уставился на него.

— Хм, я ведь вас знаю, верно? — воскликнул он.

— Верно, мистер Эшворт, — ответил мистер Окройд, подходя к столу. — Как ваши дела?

— Надо же, это Окройд! Откуда вы тут взялись? Я слышал, Хигден вас уволил? Какая досада, славные были времена, когда вы там работали! Ну-ка, присаживайтесь.

Мистер Окройд сперва объяснил, как очутился в Хаксби, а в заключение выдавил:

— Я бы хотел вам кой-чего рассказать, мистер Эшворт, если не возражаете. Измаялся я — мочи нет!

Мистер Эшворт, которому явно было скучно одному, ничуть не возражал.

— Но не тут же мы будем беседовать, земляк! — сказал он. — Давайте спустимся вниз и пропустим по одной. Там и разговаривать будет поуютней.

Они спустились на первый этаж, заказали двойное виски, пинту пива, и мистер Окройд стал рассказывать бывшему сослуживцу про свои приключения — начиная со случая перед отъездом из Браддерсфорда и кончая недавним

письмом Леонарда.

— Видите, как получается, мистер Эшворт, — посетовал он. — Я ничего не сделал, — разве только карточку порвал, — но по всему выходит, что защититься мне нечем.

— Как же вас разыскали в Браддерсфорде? — удивился коммивояжер.

— Все через этого треклятого Джорджа! — ответил мистер Окройд. — Только так они и могли меня выследить. Этот полицейский, мистер Эшворт, который велел мне не ходить за Джорджем, он ведь хорошенько меня разглядел, да и улицу свою я назвал — Огден-стрит. Ну вот, Джордж им сказал, что его ограбили, а полицейский меня вспомнил и небось навел справки: а я к тому времени вдруг пропал. Ясно дело, это их насторожило.

Мистер Эшворт поглядел на его осунувшееся лицо и вдруг громко, от души расхохотался:

— Будь я проклят, мистер Окройд! Это был Джордж Джобли, не так ли?

— Да, так его звали. Вы знакомы?

— Знакомы! — Мистер Эшворт принялся цокать языком и цокал минуты две. — Я бы сейчас жил куда лучше, не будь мы знакомы. Он с меня немало фунтов содрал — за лошадок, которые и

бегать-то не умели. Но я вспомнил вашу историю. Джорджа Джобли уличили в обмане. Никаких ста двадцати фунтов он не терял, сам же потом признался. Конечно, в газетах об этом ни слова не писали.

— То есть, — вопросил мистер Окройд, — полиция закрыла дело?

— Похоже на то. Дело, ха! Такое дело яйца выеденного не стоит. Если вы вообразили, что находитесь в розыске, то советую вам немедля это прекратить. Не знаю, что вам написал сын, но все это чепуха. Он начитался бульварных романов.

— Точно говорите, мистер Эшворт?

— Абсолютно. Можете хоть завтра пройтись туда-сюда по Вулгейту — я готов платить вам по пять шиллингов за всякий раз, когда полицейский взглянет на вас дважды. Не-е, — с сильнейшим акцентом проговорил он, — у них и поважней дела найдутся, земляк!

— Ах ты, надо ж! Знали бы вы, какой груз сняли с моей шеи! — с жаром воскликнул мистер Окройд. — Я ведь едва не бросил лучшую работу за всю жисть! Как будто заново родился, ей-богу! — Он потер руки, допил пиво и закурил. Увидев, что его собеседник допил виски, он предложил ему угощение:

— Ну-ка, выпейте со мной еще, мистер Эшворт. Уж как вы мне подмогли, как выручили!

Пять минут спустя, изрядно пригубив вторую пинту, мистер Окройд радостно заметил:

— Эх, мистер Эшворт, когда я мастерил вам ящик для машины, то и знать не знал, что сам скоро буду разъезжать по стране, прям как вы. А теперь мы оба странники! — Он смачно затянулся трубочкой и добавил: — Слушайте, чуть не забыл! Я хотел у вас спросить… — Он глотнул пива и раздумчиво глянул на своего собеседника поверх пивной кружки. — Как там новый центральный нападающий у «Юнайтов»?

Так мистер Окройд вновь стал самим собой.

Глава 5
Иниго прыгает с поезда и понимает, что влюбился

I

— Ну так вот, — внушительно сказала миссис Джо, принимаясь за последнюю стопку карт. — Здесь то, что непременно сбудется.

— А остальное что было? — не понял Иниго.

— Слушайте, умник! — вспылила Сюзи. — Кому тут гадают, вам или мне? Не портите удовольствие. Продолжай, милочка, не обращай на него внимания.

Миссис Джо рассматривала карты пророческим взглядом.

— Тебя ждет большой успех, милочка. Деньги, слава, влияние — все, что полагается. Огромный успех. И он придет неожиданно через пять… то ли дней, то ли лет, не поймешь.

— Пять?

— Да, просто пять. А принесет его темный, очень темный человек.

— Может, негр? — предположил Джимми Нанн.

— Ах, помолчи, Джимми! — закричала Сюзи. — Не маленький уже, должен понимать, что никакой это не негр. А как я с ним познакомлюсь? Вот что интересно.

— Кстати, о неграх, — неизвестно к кому обратился мистер Мортон Митчем. — Раз жил я в Новом Орлеане, и была там одна старая негритянка, которая умела предсказывать судьбу. Она гадала на дынных семечках. Ну так вот, она мне нагадала, что я через неделю сломаю руку. «Тебе нельзя на север и на запад», — предупредила она. А я все равно поехал, и ровно через неделю, в Нашвилле… — Он умолк и обвел всех пытливым взглядом.

Джо вынул трубку изо рта.

— Сломал руку, как она и предсказывала! — опередил он мистера Митчема.

— Нет, не сломал, — серьезно ответил тот. — Не стану вам врать. Но ровно через неделю я познакомился с одним малым — даже имя его назову, это был Гораций Карсон, он тогда ездил с номером «Девушка в бочке» — представляете, он сломал ногу! Жутко, правда? А в другой раз, на востоке, один китаец…

— Что ж, Сюзи, судьба тебя ждет чудесная — лучше и пожелать нельзя. Много неприятностей

через два неизвестно чего, как я сказала, но потом сплошное безоблачное небо. Хотела бы я нагадать то же самое всем остальным!

— А может, постараетесь? — невинно осведомился Иниго.

— Ну вот, опять он за свое! — воскликнула Сюзи. — Делает вид, будто все это чепуха, — потому что сам до смерти хочет, чтобы ему нагадали славы!

— Не будьте таким циником, мистер Джоллифант, — убежденно проговорила миссис Джо. — Знавала я людей, которые смеялись над гаданиями, как тот юноша в роустонском театре… как его звали, Джо? — спросила она мужа.

— Кого?

— Того юношу, который приехал в Роустон вместе с нами и не верил в плохие приметы, удачу и все такое?

— А, того! Помню-помню. Великолепный игрок в соловист, я таких еще не встречал. Знал все твои карты наперечет. Да-да, помню.

— Как его звали?! — возопила миссис Джо. — Хватит повторять, будто ты его помнишь — мне нужно имя!

Джо задумался.

— А вот имя забыл.

— Ты в своем репертуаре, — с любовью усмехнулась его жена. — В этом весь Джо, — пояснила она остальным пассажирам купе. — Дай ему волю, он будет битый час рассказывать мне про какого-нибудь знакомого, а потом скажет, что не помнит его имени. Так о чем это я? Ах да, тот молодой человек пришел в нашу труппу и заявил, что артисты слишком суеверны и он во все эти глупости не верит. Чтобы доказать нам свою правоту, он стал нарочно пренебрегать всеми приметами: свистел в гримерной, произносил на репетициях заключительную фразу пьесы и прочее в том же духе. Все это чепуха и предрассудки, утверждал он. И что, по-вашему, из этого вышло? — спросила она леденящим кровь контральто и вперила взгляд в Иниго.

— С ним что-нибудь случилось? — спросил тот, испытывая сильное желание последовать примеру нерадивого юноши.

— Разумеется! — победно воскликнула миссис Джо. — Его вышвырнули из театра меньше чем через месяц.

— И поделом! — сурово проговорила Сюзи. — Но что все-таки случилось?

— А, мы все нажаловались на него руководству. Сказали: либо он, либо мы, вот его и уволили. —

Миссис Джо вновь уставилась на Иниго, а тот вдруг расхохотался. — Может, вам и смешно, мистер Джоллифант, но нам смешно не было: этот юноша портил нам всю удачу. Да и на себя беду накликал, согласны?

— Да разве вы не понимаете… — начал было Иниго, но умолк, потому что миссис Джо явно не понимала. Тем более Сюзи велела ему помолчать и не болтать о том, в чем он не разбирается.

— Я тоже не особо верю в тэкие штуки, — заявил мистер Джерри Джернингем, хлопая длинными ресницами.

— Ты вообще ни во что не веришь, — осадила его мисс Лонгстаф, проснувшись как будто бы только для этого. — Ты веришь только в себя и в уайтовские туфли для чечетки. Да еще в этот вздор, будто все красивые мужчины должны быть слегка загорелыми. — Мистер Джернингем явно не относился к числу ее друзей.

— Ты слишкэм субъективнэ, — ответил мистер Джернингем и изобразил на своем очаровательном лице негодование. — Обязэтельно нэдо мне возрэзить! Впрочем, я ничуть не удивлен, ни кэпли. — Подаренный букет был нарисован у него на лбу, как потом дружно согласились все девушки.

Сюзи принялась напевать песенку собственно-

го сочинения:

Красавчик мистер Джернингем
Любил родной свой Бирмингем,
Где всех он поучал
И вечно задирал!

— Ну хватит, девочки, — урезонил их Джимми. — Оставьте мальчика в покое, вы ему просто завидуете. Если гаданий больше не будет, я попрошу вернуть мне карты. Сыграем партийку в соло-вист, Джо?

— Жарковато здесь, — заметил мистер Митчем и принялся снимать пальто.

— Серебряный король покидает сцену, — проговорила Сюзи. «Серебряным королем» труппа прозвала пальто мистера Митчема — в высшей степени примечательный предмет одежды. Впервые оно появилось на мистере Митчеме в Хаксби (где тот приобрел его в комиссионном магазине за двадцать восемь шиллингов) и почти сразу стало полноправным членом труппы. Про мистера Митчема теперь говорили, что он «возит с собой пальто», как про некоторых артистов говорят, что они возят с собой мать или иного родственника. То было огромное свободное пальто, будто бы пошитое из клетчатого пледа, с воротником из

меха какого-то загадочного и давно вымершего зверя. Складывалось впечатление, что пальто это повидало больше городов, чем сам мистер Митчем, и что оно бывало даже там, куда его владельцу путь был заказан. Иниго считал, что оно может в любую минуту подхватить какой-нибудь рассказ мистера Митчема или даже громко его поправить. Джимми Нанн поклялся, что ему пришлось покупать для пальто отдельный билет на поезд и что всякий раз, когда его вносили в вагон третьего класса, мех на воротнике вставал дыбом. Таков был Серебряный король, которого мистер Митчем теперь сложил вдвое и, изрядно повозившись, пристроил на вешалку.

После Хаксби «Добрые друзья» давали по два-три вечерних концерта в окрестных городках — уже стояла середина ноября. Эта воскресная поездка в Миддлфорд стала пока самой длинной в их послужном списке. Тут необходимо заметить, что Миддлфорд — один из многочисленных городков на северо-востоке страны, где процветает угольная и металлургическая промышленность. Мисс Трант взяла мистера Окройда к себе в машину, на которую он теперь поглядывал с видом знатока, а остальные восемь человек поехали поездом. Они собрались в одном купе и сидели

там последние три часа: рассказывали байки, играли в карты, гадали, ели сандвичи и шоколадки, читали, курили, зевали, дремали и глазели в окно на проносящиеся мимо серые городишки. День выдался сырой — а воскресенья, как водится, бывают особенно сырыми, — и поначалу в вагоне стоял страшный холод, но теперь в нем стало не просто тепло, а душно. Джимми Нанн, Джо, Митчем и Джернингем сыграли еще несколько партий в соло-вист, миссис Джо продолжала вязать, Элси вновь задремала, Сюзи прочла десяток страниц детективного романа «Тайна пианолы», а Иниго пытался одолеть несколько толстых воскресных газет.

— Ну-ка! — воскликнул Джимми, протирая окно и выглядывая на улицу. — Похоже, это Хиклфилд. Сегодня идем без опозданий.

— Разве мы не тут пересаживаемся? — спросил Иниго.

— Тут, — ответил Джимми. — И у нас всего двадцать минут. Хорошо бы чего-нибудь выпить.

— Здесь все всегда пересаживаются, — заметила миссис Джо, убирая вязанье. — Я, кажется, провела на этой станции полжизни! Стоит только отправиться на север, как непременно выйдешь в Хиклфилде, чтоб пересесть на другой поезд.

Все согласились, что Хиклфилд вездесущ и неизбежен, и рассказали друг другу, как часто встречают в местном привокзальном буфете старых знакомых. Поезд медленно въезжал под мрачные своды вокзала, когда случилось нечто странное: Джимми Нанн спокойно смотрел на улицу в открытое окно, как вдруг вскрикнул и забился в угол купе.

— Будь я проклят! — охнул он, глядя прямо перед собой. Кровь отхлынула от забавно сморщенного лица, и виду него стал очень бледный и болезненный.

— Джимми! Джимми! Что случилось? — загомонили все.

Он схватился рукой за сердце. Губы его посинели.

— Все нормально. Все хорошо, пустяки, — застонал он. — Небольшой… приступ, только и всего. Дайте мне вон ту сумку… снизу… там есть фляжка. Вот. Во-от, так-то лучше! — Его лицо стало приобретать нормальный оттенок — сперва покраснел только нос, и на секунду-другую могло показаться, что это клоунский грим; даже в стуке его зубов слышалась жуткая нотка шутовства.

— Джимми, милый! — сказала Сюзи, кладя руку ему на плечо. — Что случилось? Ты меня напугал.

Больше так не делай, хорошо?

На большее времени у них не было. Поезд остановился. Иниго и Мортон Митчем сказали, что перенесут багаж в другой поезд, который уже поджидал их на соседнем пути. Остальные поспешили в буфет, но все еще дрожащий Джимми отказался составить им компанию, и Сюзи повела его к миддлфордскому поезду. Однако, уложив багаж, Иниго нигде ее не увидел.

— Где Сюзи? — спросил он у Джимми.

— Я уговорил ее выпить чаю, — ответил Джимми. — Митчем решил пропустить рюмочку?

— Ну да, — сказал Иниго, помогая проводнику укладывать некрупные вещи на сиденья. — До отправления еще десять минут, но я в буфет не пойду. Не люблю пить впопыхах.

Через несколько минут подошли Джо с супругой и сообщили, что встретили Томми Вернея и Мэйбл Росс из развалившихся «Весельчаков».

— Они сейчас отдыхают, — выпалила миссис Джо, — а потом откроют сезон постановкой «Золушки» в Уоррингтоне — «Барон и Дандини»!

От толпы в дальнем конце перрона (то была труппа «Легкие деньги», приехавшая на гастроли в Бродхэд) отделились Элси с Джерри Джернингемом и поспешили к поезду, твердя на ходу имена

всех встреченных знакомых. За ними шествовал мистер Мортон Митчем, царственный и величавый в Серебряном короле. Он рассказал, что успел выпить две рюмки, в то время как некоторые господа не осилили и одной.

— Это, между прочим, тоже искусство, — гордо заключил он, а Джимми и Джо признали, что он, несомненно, большой умелец в этом ремесле.

— Где Сюзи? — спросил их Иниго.

Мистер Митчем вроде бы видел ее в буфете, она болтала с какими-то знакомыми.

— У нее еще три минуты — успеет! Я рассказывал вам, как однажды чуть не опоздал на «Восточный экспресс»?

В эту самую секунду проводник захлопнул дверь вагона. Джимми и миссис Джо попытались одновременно высунуться в окно.

— Ну надо же, а! — с тревогой воскликнул Джимми. — Лучше бы Сюзи поспешить. Я ее нигде не вижу, а они уже приготовили флажки и свистки.

— Погодите! — закричал Иниго. — Дайте мне посмотреть!

— Ее нигде нет, — сказал Джимми.

Раздался свисток.

— Вон она! — крикнул Джимми. — Э-э… как

бишь вас, охранник? Остановите поезд! Эх, нелегкая их разбери! Мы тронулись! Она опоздала!

— Тогда я тоже! — взревел Иниго. — Посторонись, Джимми, я спрыгну!

Поезд уже поехал, но очень медленно. Иниго распахнул дверь, вывалился и рухнул навзничь на перрон.

Джимми отчаянно рылся в карманах, пока остальные наперебой кричали.

— Вот! — крикнул он. — Билеты! — И выбросил их на перрон, где их подобрал носильщик. Усиленно жестикулируя и подмигивая, Джимми показал носильщику на Иниго, а в следующий миг поезд отъехал от вокзала.

— Я чуть не… — Джо не стал уточнять, что он чуть было не сделал, а просто громко выдохнул. Остальные явно были с ним согласны.

— У меня чуть сердце из груди не выскочило! — воскликнула миссис Джо.

— Конечно, я и раньше догадывалась, что Сюзи ему нравится, — сказала Элси, — но не настолько же!

— Я это сразу поняла, — сентиментально вздохнув, проговорила миссис Джо. — Вот это я называю «любовью», друзья мои.

— Так он в нее влюбился? — спросил Джо,

невинно вытаращив глаза на жену. — Поэтому и спрыгнул с поезда?

— Разумеется, Джо! Как же ты глуп, — отрезала она. — И нечему тут удивляться. Он не совершил ничего из ряда вон. Если бы я опоздала на поезд, ты бы тоже спрыгнул, верно?

Джо озадаченно потер подбородок.

— Пожалуй…

— Что-то ты не больно уверен.

— Да ладно, ладно, спрыгнул бы! Ну, хочешь — испытай меня.

— Еще шею сломаешь, чего доброго! — не смягчая тона, прикрикнула на него жена. — Хорошенькое будет дельце! Первый раз слышу, чтобы мужчины несли такой вздор, — строго проговорила она.

Джо в отчаянии посмотрел на нее и перевел взгляд на мистера Мортона Митчема, а тот, в свою очередь, покосился на Джимми. Трое философски переглянулись, как делают это все представители пола, не лишенного здравомыслия и не склонного к вздорным причудам, капризам и совершенно нелогичным всплескам чувств.

II

— Неужели вы спрыгнули, только чтобы составить мне компанию? — удивилась Сюзи. — Как это мило, Иниго!

Иниго и сам считал (хотя вслух не сказал), что это очень мило. Он только что получил выговор от Северо-восточного железнодорожного управления, его одежду еще покрывала дорожная пыль, и он не вполне оправился после близкого знакомства с перроном. Носильщик вручил им билеты, предусмотрительно выброшенные Джимми, однако и пальто, и шляпа Иниго остались в поезде: теперь он зябнул и чувствовал себя немножко идиотом.

— Первым делом надо узнать, — строго произнесла Сюзи, как будто Иниго предложил ей сыграть партийку в шахматы, — когда отходит следующий поезд до Миддлфорда.

— Да, это я и хотел сказать, — робко произнес Иниго.

Они вместе изучили табло и выяснили, что следующий поезд до Миддлфорда отходит со второго пути в 19.45.

— Нам еще больше четырех часов тут куковать, — сказал Иниго.

— А прибытие в Миддлфорд во сколько? Тут не сказано. Наверное, на рассвете.

— Пойдемте к тому расписанию, там должно быть написано, — предложил Иниго и повел ее за собой. Внимательно изучив расписание и поводив туда-сюда пальцами, они выяснили, что поезд прибывает в Миддлфорд в 11 утра.

— Вот и хорошо, — сказала Сюзи. — Джимми или еще кто-нибудь из наших нас встретят — уж наверняка додумаются посмотреть расписание и найти нам жилье. Мне не впервой, можете спросить у Джимми…

Ее перебило чье-то покашливание. Они обернулись и увидели даму средних лет в черном платье, которая стояла рядом и тоже изучала расписание. У нее было длинное угловатое лицо и плотно поджатые губы. Иниго еще раньше ее заметил: она смотрела на расписание так, будто оно оскорбляло ее самые благородные чувства. А теперь вот кашлянула, причем не виновато, а весьма категорически и властно — как будто хлопнула по плечу. Сюзи с Иниго обернулись, и дама уставилась на них: сперва на одного, потом на другого.

— Вы, случайно, не артисты? — наконец спросила она.

Да, артисты, ответили они.

— Пересаживаетесь на другой поезд?

Да, хотели пересесть и опоздали, сказали они и мельком переглянулись. «Просто любопытствует?» — спросил взгляд Иниго. «Может, постояльцев ищет», — мысленно ответила ему Сюзи.

— А когда вы приехали? — вопросила дама.

Узнав время приезда и направление, она уставилась на них еще пристальней, а потом проронила:

— Вы, случайно, не с мистером Нанном выступаете?

— С Джимми Нанном?! — воскликнула Сюзи.

— С Джеймсом Нанном, — строго поправила ее дама.

— Пожалуй, что так! — ответила Сюзи. — Мы из одной труппы, «Добрые друзья». А Джимми — мой давний друг. Вы знакомы?

Угловатая дама пропустила ее вопрос мимо ушей.

— Бродячие комедианты, как я понимаю? И куда же вы направляетесь?

В Миддлфорд, ответили они.

— А на следующей неделе?

Этот вопрос их озадачил. Сюзи взглянула на Иниго и помедлила.

— Что ж, если вам так интересно, — проговорила она особым тоном, говорящим «Это не ваше дело», каким мы всегда произносим вышеуказанную предваряющую фразу, — мы едем в местечко под названием Тьюсборо.

— Это недалеко отсюда, — заметила дама.

— Мы даем концерт в Королевском театре, — не без гордости уточнила Сюзи.

— Гм. Ничего хорошего это не сулит, — мрачно предрекла она и стала еще угловатей. — Как там вы называетесь? «Добрые друзья»? Мистер Нанн точно играет в вашей труппе?

— Разумеется, — с некоторым негодованием ответила Сюзи. — Мы увидим его сегодня же ночью или завтра утром. Вы знакомы? Передать ему что-нибудь?

— Джеймс Нанн и слышать обо мне не захочет. Я видела его в поезде, и он, если не ошибаюсь, видел меня. — Дама вперила в них взгляд, а потом слегка встряхнулась. — Я его жена, — тихо сказала она и зашагала прочь.

Иниго вытаращил глаза. Сюзи охнула и побежала следом.

— Послушайте! — вскричала она, останавливая даму. — Как удивительно! Я много лет знаю Джимми и понятия не имела…

— …что у него есть жена. Охотно верю.

— Но постойте! Меня зовут Сюзи Дин, Джимми хорошо знал моего отца.

— Я тоже его знала, — спокойно проговорила удивительная миссис Нанн. — Могла бы и догадаться, что вы дочка Чарли Дина, — прямо одно лицо.

— Какое чудо! — воскликнула Сюзи, едва не пританцовывая от восторга.

— Разве?

— Ну конечно!

— Почему же? — без малейшего интереса спросила миссис Нанн. — По мне, ничего чудесного в этом нет. Такими пустяками меня не удивить. Доброго вам дня.

— Но вы не можете просто так уйти, — растерялась Сюзи. — Вы же ничего не рассказали! Нет, я вас не отпущу.

Миссис Нанн смерила ее безразличным взглядом.

— А что вы хотите знать?

— Ну, не то чтобы я хотела что-нибудь знать, — замешкалась Сюзи, — но вы же понимаете… вот так столкнуться с вами и…

— Не имея ни малейшего желания вам грубить и будучи признательной за ответы на все

мои вопросы, — процедила миссис Нанн очень угловатым тоном, — должна заметить, что вы чересчур впечатлительны. Лучше избавьтесь от этой привычки волноваться по любому поводу, не то она пристанет к вам намертво, мисс. Я все сказала. Доброго вам дня. — И с этими словами она ушла.

— Ах, какая сухая, тощая, ужасная женщина! — вскричала Сюзи, возвращаясь к Иниго. — Вы ее слышали?

— Джимми ее видел, — объявил Иниго. — Он заметил ее на перроне, когда выглядывал в окно. Помните, как странно он себя повел?

— Неудивительно! Но, согласитесь, все это ужасно странно. Я понятия не имела, что он женат.

Еще несколько минут она бурно дивилась этому факту, а потом стала рассказывать Иниго о разных событиях в жизни Джимми — никакой вины при этом она ему не приписывала.

— Мы выяснили, что у него есть скелет в шкафу, — задумчиво проговорил Иниго.

— Скелет, это точно! — вставила Сюзи. — И больше мы о ней говорить не будем. Меня интересует другое: куда мы пойдем?

Они как раз покинули вокзал и очутились,

по-видимому, на главной улице города.

— Так вот он какой, Хиклфилд, — сказал Иниго, недовольно оглядываясь по сторонам и подрагивая от холода. — Сдается, воздух тут не ласков и не легок[49], подруга Сью. Это место нагоняет на меня тоску, определенно.

Над городом висел легкий туман. Смутными силуэтами возвышались впереди ветхие магазины, банки и склады, и все вокруг казалось мрачным сном. Автомобили появлялись словно бы ниоткуда: ревя клаксонами, точно раненые чудища, они проплывали мимо и исчезали в неизвестности. То и дело из нее возникали громоздкие трамваи: стеная, они притормаживали у остановок, поглощали несколько лакомых человеческих душ и отбывали в неведомую даль. Сейчас на остановке стояли полицейский, древний кеб, продавец газет, дама в шубке под котика и еще несколько людей и предметов, явно дожидавшихся начала Судного дня. Все здесь было серым, кроме самого тротуара — пугающе черного от сажи, — ни намека на цвет, ни искорки жизни.

— Господи! — воскликнул Иниго. — Давайте уедем отсюда, Сюзи. Еще минута, и я лишусь всех

[49] Примечания: 49

Перефразированная цитата из «Макбета» У. Шекспира, акт 1, сцена 6. *Пер. М. Лозинского.*

надежд.

— Прыгнем в тот трамвай, — решила Сюзи, — и посмотрим, что будет. Бежим! — Они бросились вниз по улице и в последний миг вскочили на подножку — к вящему восторгу кондуктора, который, по всей видимости, не ожидал сегодня столь ярких событий.

— Так-то лучше, — сказала Сюзи, глядя на проплывающий мимо Хиклфилд.

— Правда? Как будто на галеоне плывем.

Однако смотрел он вовсе не на Хиклфилд, а на саму Сюзи, которая сегодня была еще бойче и красивей, чем обычно. Пока он глядел на нее, им овладело любопытнейшее чувство: что-то вроде боли, составленной из безудержного счастья и невыносимого волнения. Иниго сразу понял, что это место — в трамвае рядом с Сюзи — единственное на свете, где он должен и хочет быть, а все другие места, где Сюзи нет — будь то гостиница «Савой» или солнечные гавайские пляжи, — представлялись ему гиблыми пустырями. В мгновение ока он осознал, что лучше жить в нищете рядом с ней, чем предаваться утехам где бы то ни было, ведь мир, в котором есть Сюзи — волшебный мир, а тот, где ее нет — унылая мешанина предметов и людей. Теперь он понял,

как сильно ее любит и будет любить вечно. Ошибки быть не могло. Он спрыгнул с поезда по той простой причине, что не мог вынести разлуки; он спрыгнул и с головой нырнул в любовь.

— Сюзи, — заговорил он. — Сюзи, послушайте.

Тут он умолк. Ну вот, что за нелепое блеянье?

— Да, Иниго? — Темные глаза Сюзи на миг заглянули в его, и вдруг выражение ее лица переменилось: она увидела подошедшего к Иниго кондуктора. Они спросили, куда едет трамвай и можно ли там перекусить, и узнали, что в полумиле от конечной, на магистрали, есть хорошая большая гостиница, где столуются в основном «автомодилисты». Заведение первосортное, доложили им, и Иниго без промедлений объявил, что там они и перекусят. Поскольку до конечной почти час езды, они замечательно скоротают время до отправления поезда.

После ухода кондуктора Иниго опять не удалось рассказать Сюзи о случившемся, потому что теперь заговорила она. Он курил трубку, любовался игрой ее дивных черт и в полузабытьи слушал ее рассказы. Время от времени, когда трамвай взбирался на холм, его стоны и лязг полностью заглушали Сюзин голос. Иниго мнилось, что все происходящее — сон: таинственный Хиклфилд,

темнеющий внизу; Сюзи с рассеянным взглядом, погруженная в воспоминания; истории из ее прошлого, перетекающие одна в другую, точно сны; все это было очень странно. Тот день запомнился Иниго на всю жизнь.

— Вы угодили в жуткий переплет, Иниго, — с растерянной улыбкой сказала Сюзи. — Придется вам слушать историю моей жизни. Не всю, конечно, просто я ничего не могу поделать: картинки прошлого так и вертятся в моей голове. Наверное, это из-за встречи с той дамой. Я все думаю о своем отце. Слышали, она про него говорила? Он тоже был артист, как и мама. Они пели в мюзиклах. Он во всех труппах был главным баритоном, а матушка играла роли субреток — французских горничных, как правило. Она сама была наполовину француженка, поэтому акцент ей давался великолепно. Они ставили всякие бойкие музыкальные комедии вроде эдвардсовских «Крестьянки», «Циркачки» или «Гейши». Сразу после свадьбы, в Манчестере, оба пели в знаменитой «Флородоре». Помню гримировальный столик, который папа везде возил с собой, — свадебный подарок от труппы, с подписью: «С наилучшими пожеланиями от актеров „Флородоры“, Манчестер» и прочими глупостями. Так нелепо, но мне

все время хочется плакать, как вспомню! Не знаю почему… я словно бы вижу их воочию — родителей в Манчестере, и «Флородору», и «Скажи мне, красавица» — все! Маленьких человечков на сцене, таких радостных и счастливых, в ярком свете рампы — они совсем крошечные, понимаете, а вокруг огромная черная пустота, все это происходит в тысяча девятьсот втором году, и никто еще не знает, что будет. Понимаете, Иниго? Нет, конечно, не понимаете, и я не представляю, как объяснить вам свои чувства. Но… это ведь жизнь, это настоящее, и тут уж либо плакать остается, либо смеяться… А теперь скажите, что я глупая.

Иниго покачал головой и обратил на нее взгляд, которым предлагал ей все, что у него есть. Но Сюзи думала не о нем: она все еще блуждала среди воспоминаний. Когда она заговорила вновь, голос у нее был очень тихий, и Иниго едва разбирал отдельные слова. Она рассказывала про маму — та умерла, когда Сюзи было всего два годика, и несколько лет она прожила у тети. Наконец трамвай чуть приутих, а Сюзи заговорила громче, и все остальное Иниго разобрал хорошо:

— Тогда-то и началось самое странное — я это помню лучше всего. Отец решил возить меня с

собой. Мне тогда было пять или шесть, и турне длилось несколько лет — в памяти, конечно, все уже смешалось, но что-то я помню до жути отчетливо. Мы объехали десятки городов, однако все они казались мне одинаковыми. Только квартирные хозяйки называли меня то «бедняжечкой», то «дитятком», то «голубушкой», а то «девуней» — это я очень хорошо помню. Иногда папа брал меня на дневные спектакли, и пока он играл, я сидела за кулисами или в гримерных, на коленях у комедиантов и хористок, меня угощали конфетами, и все вокруг казалось очень странным и пахучим — грим, пудра, газ, ну, вы понимаете, — но я слышала, как на сцене играет музыка, а зрители хохочут и хлопают в ладоши, и мне ужасно это нравилось. Правда, по ночам бывало очень страшно, когда приходилось ложиться спать до ухода папы в театр; хозяйки порой бывали жуткие, с толстыми багровыми лицами, от них за милю разило виски. Помню комнаты. Одна была огромной, с гигантскими диванами, столами и ужасными черными шкафами, полными всяких штук, которые только и ждали, чтобы наброситься на тебя, — шторы были плохо задернуты, и внутрь просачивался жуткий зеленоватый свет с улицы, и я дрожала, дрожала под одеялом, пока

кто-нибудь не приходил. Бух! — стукала дверь, и я бежала вниз к отцу. Он ужинал и мне тоже давал немножко еды. Знаете, он больше всего любил говяжьи ножки в молоке и с луком, я теперь тоже их обожаю. У нас с ним было множество шуточек, которые мы повторяли снова и снова, и каждый раз хохотали как ненормальные. Папа говорил, что эти шуточки — единственное, чем он может обставить дом. Пил он немного — тогда по крайней мере, — но я всегда догадывалась, когда он перебирал, потому что тогда он приходил домой, кричал и заставлял обещать, что я и близко не подойду к сцене. Заканчивалось все прослушиванием, после которого он говорил мне, что я прирожденная артистка и однажды прославлюсь. И все-таки папа у меня был просто прелесть: очень красивый и с дивным голосом, хозяйки и артистки души в нем не чаяли, даже я это видела. Но потом он решил, что мне больше нельзя с ним ездить, и я поселилась у другой тетки, неподалеку от Клапхэм-коммон, и должна была ходить в школу… ужасное было время!

Иниго узнал, как Сюзи боролась со скучной жизнью неподалеку от Клапхэм-коммон и как в возрасте пятнадцати лет вернулась к отцу, в шестнадцать начала выступать с ним в разъ-

ездной труппе, в семнадцать проводила его в последний путь и с тех пор пытается выжить самостоятельно — тут они и подъехали к конечной. Город давно остался позади. Вокруг ничего не было, кроме ветхой трамвайной остановки и убегающей вдаль дороги. Если пройти по ней полмили, повторил кондуктор, прямо на магистрали увидите большую гостиницу, где обычно останавливаются «автомодилисты». Иниго с Сюзи быстро зашагали в нужную сторону.

— Ничего, что мы так быстро идем? Видите ли, мне без пальто довольно зябко.

— Что вы, если хотите, я побегу! — Сюзи положила ладонь ему на руку. — Бедный Иниго! Я ведь еще не отблагодарила вас за то, что вы ради меня спрыгнули с поезда, правда?

Иниго остановился и схватил ладонь, которая только что касалась его рукава.

— Сюзи, — начал он, — я должен немедленно вам признаться. Я сделал потрясающее открытие. Я… я вас обожаю!

— Ах, Иниго, как это чудесно! Впрочем, я и сама догадалась. Надеюсь, вы и дальше будет меня обожать.

Она жестом дала понять, что готова продолжить путь.

Тогда Иниго взял ее за обе руки.

— Да, но все гораздо серьезней! Это не просто дружба. Это все, что только есть и будет в нашем бренном мире…

Сюзи высвободилась.

— Вы так говорите, словно хотите сделать мне предложение. Надеюсь, все не настолько ужасно?..

— Как раз настолько! — воскликнул Иниго. — Я предлагаю вам свое сердце и все, что только захотите! Я люблю вас, Сюзи, — всей душой, страстно и беззаветно. Это чудесно. Это ужасно. — Он хотел заключить Сюзи в объятия, но любимой не оказалось на месте. Они пошли дальше.

— Как жалко… — наконец проговорила Сюзи весьма траурным голосом.

— Не понимаю, о чем вы жалеете.

— Ну, вы ведь прелесть, так?

— Видимо, нет, — уныло протянул Иниго, а потом вдруг просиял и с жаром выпалил: — Но раз вы так считаете, со временем все устроится, правда? То есть я готов дать вам немножко времени — это ужасная мука, конечно, внутри все ноет и свербит, — но я готов.

— Не говорите глупостей, Иниго.

— А я и не говорю. Я только рассказываю вам о

своих чувствах. В трамвае мне безумно хотелось вас поцеловать, да и сейчас хочется. Не знаю, почему я до сих пор этого не сделал… Быть может, это такая разновидность любви…

— Какая же? Продолжайте, Иниго.

— Нет, — проворчал он. — Скажу как-нибудь в другой раз. Вы надо мной потешаетесь.

— Ничуть, дорогой мой! Чтобы доказать серьезность своих помыслов, я раскрою вам одну тайну. Я множество раз репетировала этот разговор.

— Как! Со мной?

— Да нет же, глупый, не с вами, а с любым привлекательным юношей, который в меня влюбится. Он наговорит мне кучу всего, ну прямо как вы (хотя вы не вдавались в подробности, а в моих фантазиях он перечисляет все, за что меня полюбил), а я отвечу, как это досадно…

— Что вы и сделали, — погрустнев, вставил Иниго.

— …и что мы с ним будем самыми близкими друзьями, но я приняла твердое решение никогда не выходить замуж. Я повенчана — как это пишут в книжках — с Искусством. А потом очень, очень тактично и мягко предложу ему влюбиться в кого-нибудь другого. Конечно, тут он вспылит и заявит, что девушки его больше не интересуют.

Это место мне особенно нравится, — призналась она, — и на нем я обычно заканчиваю беседу.

— Вы только об одном забыли, Сюзи, — с упреком проговорил Иниго. — Я живой человек, а не неведомый привлекательный юноша из ваших фантазий. Неужели для вас это без разницы? Ни за что не поверю.

— Разница есть. Теперь я по-настоящему рада и взволнована.

— Правда?! — возликовал Иниго.

— И мне очень, очень вас жалко. Увы, разница только в этом. А теперь давайте сменим тему, хорошо?

— На всем белом свете не найдется другой интересной мне темы, — мрачно проговорил Иниго.

— Найдется. Например, поговорим о гостинице — вон она, взгляните. Вроде бы и впрямь большая, «автомодилистичная», как считаете? Давайте напьемся чаю и закажем всякой еды — за мой счет, разумеется, ведь это я во всем виновата.

И двое молодых людей вошли в гостиницу, где действительно останавливались автомобилисты, ехавшие на юг или на север по магистрали. У входа стояло несколько машин. Большая гостиница в самом деле производила впечатление уютной

и чистой.

Иниго подошел к освещенному порогу и взглянул на часы.

— Можем провести тут час, не больше, — сказал он, стараясь забыть о произошедшем между ними разговоре.

— Вот и хорошо, — ответила Сюзи, — как вы славно все придумали! Вы вообще славный, правда, Иниго? Вы мне очень нравитесь.

— Я голодный, холодный и вдобавок осёл, — сказал юный джентльмен и предпринял тщетную попытку пригладить волосы, пока его не увидел официант.

III

Им сообщили, что чай подают в вестибюле. Там был большой пышущий жаром камин и большая пышущая жаром дама. Среди постояльцев гостиницы она выглядела, словно какаду среди дроздов. И в ней действительно было что-то от какаду: загнутый носик-клюв на багровом лице, огромные глаза навыкате и маленький круглый рот, пылающий алой помадой; одета она была дорого и броско, каждый ее жест сопровождался ослепительным блеском украшений, а сумочек и свертков у нее было столько, что в них уместился

бы небольшой магазин. Дама сидела одна, неподалеку от их столика, и была самой заметной персоной и объектом в зале. Сперва она бросила на Иниго и Сюзи озадаченный взгляд, который потом стал равнодушным и все длился и длился, ничего, по-видимому, не означая.

— Чего она уставилась? — прошептал Иниго. — С нами ведь все в порядке, правда?

— Вот и я думаю, — тихо ответила Сюзи. — Себя я осмотрела — вроде бы все нормально. Вы поначалу отливали синевой, но теперь порозовели. — Она протянула ему чашку. — Может, нас приняли за знакомых?

— Меня она точно не знает — слава Богу! — пробормотал Иниго.

— А меня вполне может, — с гордостью вставила Сюзи. — Если подумать, меня видели тысячи и тысячи людей по всей стране, и я должна иногда встречать своих зрителей, не правда ли? — Сюзи была так весела, так сияла и так умилительно заботилась об Иниго, что он начал подумывать, не любит ли она его — хотя бы самую капельку.

«А может, — размышлял он, скорбно поедая песочный коржик, — она делает это по доброте душевной, чтобы меня порадовать». К тому времени он уже выбросил из головы глазевшую

на них даму. Он даже не знал, сидит ли она за столиком, потому что мало-помалу развернулся к ней спиной. Однако, доев коржик, он увидел, что Сюзи вопросительно смотрит наверх.

— Что такое? — спросил он. — Та пучеглазая птица ушла?

— Простите за беспокойство, — раздался женский голос у него над головой.

От неожиданности Иниго подскочил на месте, и его пухлое кресло упало спинкой назад, где налетело на некое препятствие. Он повернул голову и ужаснулся: препятствием оказался роскошный бюст пучеглазой дамы. Она толкнула кресло. Иниго яростно потянул его на себя. В результате оно полетело вперед и припечатало Иниго к столу. Левой рукой он сшиб кувшин с горячей водой, а правой залез в тарелку.

— Ах, вот теперь я вас точно побеспокоила! — воскликнула пучеглазая дама.

— Ничуть, — заверила ее Сюзи, пытаясь улыбаться и одновременно следить за горячей водой, которая ползла по столу в ее сторону. — Присядете?

— Ничуть! Нисколько! Определенно! — взревел Иниго, не понимая, что несет. Он показал рукой на кресло — той самой рукой, которой размазал

по тарелке бутерброд с маслом. — Присаживайтесь, пожалуйста! — Он еще раз махнул рукой, и раздавленный бутерброд шмякнулся на кресло.

— Я, верно, должна представиться, — сказала дама.

— Осторожней с горячей водой! — предостерегла ее Сюзи.

— Нет, сюда лучше не садитесь! — опять взревел Иниго. — Здесь все в крошках и масле.

Сказав это, он больше не смог выдавить ни слова. Иниго вдруг потерял власть над собой. Эта дама — с глазами навыкате, крошечным клювом и великолепными украшениями, — ее внезапное появление, его прыжок и последующие чудачества с креслами, маслом и горячей водой вдруг разом подействовали на Иниго, и все происходящее в вестибюле и в целом мире показалось ему вопиюще абсурдным и смешным. Он рухнул в кресло и захохотал.

— Меня зовут леди Партлит, — объявила их новая знакомая, садясь за стол.

Этого хватило, чтобы Иниго вновь разразился хохотом. Она могла представиться хоть миссис Джонс или даже просто отметить, что на улице похолодало, — Иниго был не властен над собой. Любые события и слова повергали его в исте-

рику.

Сюзи вежливо представилась и назвала имя Иниго, но и ее на большее не хватило: глаза засверкал и, она закусила губу, но в следующий миг беспомощно захихикала.

Леди Партлит рассеянно улыбнулась, однако в ее голосе звучало ликование.

— Я вас узнала! — объявила она. — Вы из разъездной труппы «Добрые друзья», верно? Ну разумеется! Я была на вашем концерте в Сэндибэе.

— Да, мы там выступали, — выдавил Иниго. Он вперил взгляд в чайник, надеясь обрести над собой власть, но все было бесполезно. Он вытащил платок, вытер глаза и вновь разразился глупым хохотом.

— Я трижды ходила на ваши концерты! — сказала леди Партлит. — Вы просто чудо. Наконец увидела что-то новое и интересное!

— Я очень рада… — проронила Сюзи, силясь не смотреть на Иниго. — Приятно знать… — Но тут она вновь зашлась в приступе хохота. — Иниго, прекратите, пожалуйста! Дурачина! — Нечеловеческим усилием воли она сделала серьезное лицо, повернулась к леди Партлит и виновато проговорила: — Должно быть, мы показались вам ужасными невежами, но поверьте, это все

из-за его глупых выходок и… и… я ничего не могу с собой поделать!

Она вновь захохотала.

— Ничего страшного, — все еще улыбаясь, ответила леди Партлит. — А… э-э… можно поинтересоваться, куда вы едете?

— В Миддлфорд! — выдавила Сюзи таким тоном, будто это самая смешная шутка на свете.

— Вот-вот! Ха-ха-ха! — проревел Иниго. — В Миддлфорд! Ха-ха-ха-ха! Простите, но я ничего не могу с собой поделать. Миддлфорд — такое смешное название! — Он спрятал лицо в ладонях и завопил. Его поведение смело остатки Сюзиного самообладания, и она незамедлительно присоединилась к нему. Взгляд леди Партлит забегал с нее на Иниго и обратно; выпученные глаза распахивались все шире и шире, маленький рот округлился, тяжелые щеки задрожали, и наконец она тоже расхохоталась — тонким сопрано, от которого хотелось смеяться вечно. Все трое дрожали и проливали слезы, не в силах ничего с собой поделать.

— Ах, Боже, Боже, Боже мой! — заверещала леди Партлит, промакивая платком глаза. — Не знаю, что стряслось, но я уже давно так не хохотала! А ведь я люблю посмеяться. — Теперь она говорила

куда теплей и непринужденней — от знатной леди в ее тоне не осталось и следа. Перед ними была добрая, недалекая, состоятельная дама лет сорока, которая весело отмахнулась от их извинений.

— Мне это только на пользу, — сказала она. — Вот уж не думала найти такую потеху в этом заведении. Честное слово! Можно я закажу вам еще чаю? Не хотите? А как насчет коктейлей? Или конфет? Сигаретку будете? — Она вынула из сумочки золотой портсигар, и все трое задымили.

— Не забудь про поезд, Иниго, — сказала Сюзи. — Помнишь, как долго мы сюда добирались — почти полтора часа!

— Как же это? — удивилась леди Партлит и, услышав ответ, выпалила: — Ах, и думать забудьте про трамвай! У меня здесь машина, и Лоусли с удовольствием доставит вас куда нужно — легко и быстро. Так что можете посидеть подольше — заодно и меня обяжете. Я еду в Йоркшир, а здесь остановилась только выпить чаю. Но Лоусли сказал, что на дорогах туман, и я решила переночевать здесь — пораньше забраться в постель с хорошей книжкой. Ну, что скажете? Пусть Лоусли подбросит вас до вокзала.

Сюзи сразу согласилась, и хотя Иниго предпо-

чел бы вернуться на трамвае, потому что так ему не пришлось бы делить Сюзи с другими, ни одного вразумительного возражения он придумать не смог.

— Надеюсь, вам не покажется странным, что я так запросто к вам подошла, — продолжала леди Партлит. — Во-первых, я отношусь к числу ваших самых больших поклонников. Никогда не видела таких замечательных концертов на побережье, кому я только про вас не рассказывала! А какое у вас оригинальное название! И потом, я и сама имею некоторое отношение к театру. Мой покойный муж — сэр Джозеф Партлит, вы могли слышать это имя — помимо прочего имел долю в двух вест-эндских театрах и финансировал несколько постановок. Теперь этим занимаюсь я.

Глаза Сюзи вспыхнули и передали Иниго послание: «Вот она, наша Добрая фея!»

— В чем дело? — удивилась леди Партлит.

— Ни в чем, — ответила Сюзи. — Просто вы — тот самый человек, которого мы все каждую ночь видим во сне. Два вест-эндских театра! Постановки! Не мюзиклы или ревю, случайно?

— Они самые, как правило. Я тоже очень рада знакомству, потому что больше люблю именно

их, хотя против хороших драм тоже ничего не имею.

— Прямо не верю своим ушам! Вы точно настоящая? — воскликнула Сюзи, широко улыбаясь.

— Только не думайте, будто я что-то в этом смыслю или пользуюсь влиянием, — благодушно пояснила леди Партлит. — Я никто, время от времени подписываю контракты, люблю иногда прийти в театр и посмотреть на репетиции. Какое-никакое, а занятие для бездетной вдовы. От меня немного толку, поверьте.

— От вас может быть столько толку, что у меня дух захватывает! — уверенно проговорила Сюзи. — Мистер Джоллифант — зовите его Иниго, ему так больше нравится — еще ничего не понимает, он ведь практически любитель, но я!.. А будь тут Джерри Джернингем, я бы за него не поручилась. Боюсь, он захотел бы вас похитить.

Последние два предложения произвели на леди Партлит удивительный эффект: ее румяные щеки превратились в две огромные маринованные свеклы, глаза заблестели, а грудь заходила из стороны в сторону.

— Вы его помните, не так ли? — спросила Сюзи, заметив эти характерные перемены. — Наш комедиант и танцор.

— Разумеется, помню! Он… просто чудесный! — Леди Партлит умолкла.

— Верно, — кивнула Сюзи. — Да, Иниго?

— Определенно. Сам он, конечно, до ужаса… — Иниго умолк, получив от Сюзи пинок в голень.

— До ужаса талантливый танцор, — закончила за него юная леди.

— Вот именно! — воскликнул Иниго. — Такого чечеточника еще поискать!

— И невероятно хорош собой, — добавила Сюзи.

— О да, — проронила леди Партлит.

Сюзи издала кокетливый смешок, который показался Иниго самым прекрасным и неземным звуком на свете.

— Забавно, как в Джерри влюбляются все зрительницы. Они бы за ним бегали, если б могли, но он неуловим.

— А он… он женат? — тоненьким сдавленным голоском поинтересовалась леди Партлит.

— Да кто же в своем уме… — начал было Иниго и схлопотал очередной пинок.

— Нет-нет, он не женат, — весело ответила Сюзи. — Даже не думает о семейной жизни! У него в голове сплошная работа. Он очень трудолюбив, и честолюбия ему не занимать — я и сама

такая же.

После этого они непринужденно перешли на другие темы, но разговор чудесным образом то и дело возвращался к Джерри Джернингему. Сюзи перечислила леди Партлит все города, где они собирались выступать, а в конце вечера леди ненадолго удалилась к себе и вернулась с большой коробкой конфет для Сюзи и сигаретами для Иниго. Прощалась она чуть не плача — однако сожаление по поводу разлуки, заметили они, не подвигло ее отправиться с ними на вокзал.

— Что ж, — сказал Иниго, когда они устроились на заднем сиденье большого лимузина, — должен заметить, я не вполне понимаю эту старушку. По-моему, она слегка не в себе.

— Болван! Вы разве не догадались, — прошипела Сюзи, — что это она подарила Джернингему тот букет? Она его обожает!

— Ух ты! — только и сказал Иниго. Впрочем, он терпеливо выслушал рассуждения Сюзи о различных аспектах странного происшествия. Они с удобством и комфортом добрались до вокзала, а когда остановились, Сюзи мечтательно вздохнула:

— Что бы там ни говорили, быть богатой — очень здорово.

Любой свидетель ее торжественного выхода из лимузина наверняка подумал, что денег у нее хоть отбавляй. Пусть роль очень богатой и в высшей степени искушенной, избалованной судьбой девушки она сыграла лишь для двух носильщиков, таксиста и случайного прохожего, все же она исполнила ее по высшему классу. Спутник Сюзи, продрогший насквозь, без пальто и с непокрытой головой, все это время оставался в тени: он был рядом, но в кадр не попадал. Иниго вернулся в него, лишь когда открыл перед Сюзи дверь пустого вагона третьего класса, и мисс Дин вновь стала самой собой.

IV

— Фигура или не фигура, — сказала Сюзи, рассматривая коробку конфет — подарок от леди Партлит, — а я их съем!

Конфеты были очень крупные, аристократические, и пока они съели две или три, от Хиклфилда за окнами летящего поезда не осталось и следа. Сюзи вновь подчеркнула, как хорошо иметь много денег, и предалась мечтательным рассуждениям на тему богатства.

В Англии, как нигде в мире, трудно ужиться двум противоречиям: если один становится реа-

листом, другой превращается в идеалиста; циник может вмиг поддаться сентиментальным порывам. Иниго отрицал важность денег — роскошь претила ему до такой степени, что он отказался от третьей конфеты и заявил, что рассуждения Сюзи его огорчают. Однако любовь почти сразу убила в нем философа.

— Если вам так угодно, — с унынием в голосе проговорил он, — я заработаю денег — много денег. Мне они не нужны, но ради вас я это сделаю. Вы же сами говорили, что за мои песенки будут платить.

— Это золотая жила, — заверила его Сюзи. — Если их услышат нужные люди, состояние вам обеспечено, Иниго. Я серьезно. У вас дар!

— Ну вот, решено. Я заработаю вам денег.

— Глупенький, мне не нужны ваши деньги, я хочу разбогатеть сама, без чьей-либо помощи!

— Вряд ли вы вообще знаете, что вам нужно, — заявил Иниго, поняв, что он-то ей как раз не нужен.

— Это только доказывает, что вы меня не знаете и не понимаете, — обиделась Сюзи. — Я хочу стать звездой! Я хочу быть не просто Сюзи Дин, а СЮЗИ ДИН — ба-бах! Чтобы все кричали: «Встречайте: неподражаемая Сюзи Дин!» Не только для

себя, но и для папы с мамой — чтобы оправдать их унылые скитания по стране, жалкие лачуги, тяжелую работу за гроши и безвестность. Конечно, мой успех не вернет им жизнь, но я сделаю все, что в моих силах, и ради них поднимусь на самую вершину славы. Ради себя тоже, конечно, — добавила она.

— Конечно, конечно.

— Вы надо мной смеетесь?

— Нет, что вы! Продолжайте.

— В общем, — проговорила она, глядя на Иниго, но не видя его, — фотографии в газетах и электрические вывески меня не волнуют. Это приятно, разумеется, да только я хочу другого: собственную квартирку, куда беспрестанно звонили бы импресарио и предлагали мне разные роли, личную портниху, которая души во мне не чает, и уютный автомобильчик — небольшой, но прешикарный. И еще много денег, чтобы устраивать друзьям чудесные сюрпризы и дарить подарки. Время от времени я сбегала бы от этой суеты и уезжала в круиз, возможно, под чужим именем — чтобы никто не знал, кто я такая, а однажды кто-нибудь подошел бы ко мне и сказал: «Знаете, вы похожи на Сюзи Дин», а я бы ответила, что это я и есть, и все на корабле стали бы шептаться:

«Представляете, это Сюзи Дин», и нарочно устроили бы какой-нибудь концерт, чтобы я на нем выступила, и… ах, в общем, я много чего хочу! — задыхаясь, выпалила она.

— По-моему, вы обрекаете себя на одиночество, — безрадостно проговорил Иниго.

— У меня будет целая куча друзей! — воскликнула Сюзи. — Я без них не могу. Вы ведь будете моим другом, Иниго?

— Пожалуй. — Он представил, как носит за ней плащ, пока другие богатые и важные джентльмены купаются в ее внимании.

— Что-то вы не рады. По-моему, вы совсем не желаете мне успеха. Вы из тех зануд, которые дружат только с теми, на кого можно смотреть свысока! — Она надменно уставилась в окно, за которым ничего не было видно. Иниго попытался последовать ее примеру, но невольно поглядывал на нее, а через минуту-другую заметил, что и она на него поглядывает. Он улыбнулся, и Сюзи тотчас развернулась к нему:

— Какие мы глупые, правда? Почти как Джо и миссис Джо. Прошлым летом они купили лотерейный билет и в один прекрасный день, прямо накануне розыгрыша, стали обсуждать свои шансы на победу и мечтать, на что потратят деньги.

Джо хотел купить большую гостиницу в крупном прибрежном городе, а миссис Джо хотела вложить все деньги в какое-нибудь выгодное дело и жить на доходы. Никаких гостиниц, заявила она мужу. Они спорили часами напролет, пока окончательно не рассорились. Два дня друг с другом не разговаривали, бедняжки! Ну-ка, садитесь рядом и не смотрите на меня так, будто я сделала вам ужасную гадость.

Иниго поднялся и несколько секунд разглядывал ее сверху, прислушиваясь к стуку колес.

— Я в печали, Сюзи, — медленно проговорил он. — А ведь должен быть счастлив, что остался с вами наедине. Последнее время мое счастье только в этом.

— Почему, Иниго?

— Не буду повторяться. Я только хотел сказать, что я в печали. Впрочем, воскресный вечер всегда навевает на меня печаль… есть в нем что-то душераздирающее.

— Понимаю, — тихо произнесла Сюзи и вдруг посуровела. — Нет, не понимаю! Садитесь, мастер Джоллифант, мистер Определенно, и немедленно развеселитесь, не то я вас поколочу! Хотя можете и погрустить, — добавила она, украдкой бросив на него взгляд, — если причина вашей

грусти — я.

Они сели рядышком и стали болтать под лязг и стук поезда, мчащегося сквозь таинственный мрак к далекому Миддлфорду. Время шло, и Сюзи говорила все меньше и меньше, потом начала зевать и наконец уснула, забившись в свой уголок. Тут ее разбудил проводник, пришедший за билетами. Через несколько минут Сюзи задремала вновь: на сей раз ее голова стала клониться в сторону Иниго и вскоре замерла на его плече, где и осталась — к его вящему восторгу. Быть может, восторг этот слегка отдавал горькой иронией, ведь Сюзи ясно дала понять, что ему не на что надеяться, и ее просто сморил сон. Но все же она будто бы доверилась ему, и под легким весом девичьей головки в Иниго вновь проснулась надежда. Даже онемение, быстро завладевшее его членами, имело оттенок романтической красоты.

Где именно остановился поезд (на часах было несколько минут одиннадцатого), Иниго так и не узнал. Вроде бы вокзал был довольно большой. Сюзи открыла глаза, вздохнула и опять заснула, а Иниго стал молить Бога, чтобы никто их не побеспокоил. Однако в последний миг, после свистка, дверь распахнулась и в купе вошла про-

мозглая ноябрьская ночь в компании крупного джентльмена. Иниго поднял на него убитый горем взгляд. Незнакомец посмотрел на Иниго с веселым интересом. Он сел посредине противоположного сиденья, снял шляпу, отер лоб, поджег сигарный окурок, положил по жирной волосатой руке на каждое колено и стал пускать благожелательные облачка дыма в сторону Иниго и спящей Сюзи. То была хорошо развитая особь тучного джентльмена, каких можно встретить на любых скачках, соревнованиях по боксу и футбольных матчах, в каждом спортивном клубе и мюзик-холльном баре. Голова в форме груши начиналась огромной челюстью и заканчивалась узким покатым лбом, украшенным посередине двумя обращенными друг к другу кудряшками. Глаза у него были выпучены, маленькие усики немилосердно нафабрены, а нос блестел. Некоторые признаки свидетельствовали в пользу того, что в его обширных внутренностях сейчас старательно трудилась многочисленная бригада двойных виски. Все это Иниго отметил с большим недовольством.

Джентльмен вынул изо рта окурок и медленно, тяжеловесно подмигнул Иниго.

— Чуть не опоздал, — добродушно сказал он. —

В десять еще был в баре «Белая лошадь», а теперь вот здесь. Ничего себе пробежка!

Иниго едва заметно кивнул, но и этого хватило, чтобы дружелюбный разрушитель идиллий проникся к нему самыми теплыми чувствами.

— Вот, — сказал он, словно фокусник выудив откуда-то фляжку, — угощайтесь. Пейте-пейте, на всех хватит. Нет? Может, ваша жена захочет? А, она вам не жена? Стало быть, возлюбленная. Ох уж эти жены и возлюбленные! — воскликнул он, поднимая фляжку. — Выпьем за то, чтобы они никогда не встречались! — Он исступленно выпил.

— Учтите, — строго проговорил он, — насчет жен и возлюбленных я просто пошутил. Сказать такое моей супруге — она тоже посмеется. Моя жена и есть моя возлюбленная, а женаты мы без малого двадцать лет. И до сих пор мы лучшие друзья, самые лучшие! — Он сделал еще глоток. — Я ради нее все сделаю — в пределах разумного, конечно. Во всем должна быть мера, согласны? Вот и славно. Стоит ей только попросить — я все сделаю. Она это знает. Ее матушка это знает. «Повезло тебе с мужем, — говорит она дочке. — Очень повезло». Самой-то ей не повезло — матушке, не жене, — старик был прижимистый. Но я не такой. Будь со мной заодно — и получишь все,

что захочешь. Моя жена это знает. Она со мной заодно. Мы с ней лучшие друзья, самые лучшие! И с матушкой ее тоже — самые лучшие. За старушку! — После этого тоста во фляге, видимо, ничего не осталось: добряк положил ее на сиденье, отдышался и перевел взгляд с Иниго на спящую Сюзи, а затем медленно и сентиментально покачал головой.

В другой раз Иниго, возможно, порадовался бы компании этого джентльмена, но сейчас с трудом его выносил. Купе вдруг потеряло для него всякое очарование.

— Хорошенькая! — все еще качая головой, проговорил его попутчик. — Страсть какая хорошенькая, прямо картинка! — Он громко вздохнул, разглядывая Сюзи. Последний глоток из фляжки, видимо, лишил его остатков сдержанности, и он совсем растаял. — Понимаю, каково вам. Я в молодые годы вдоволь наухаживался, днями и ночами за ней бегал, точь-в-точь как вы. Славные были времена, очень славные. Смотрите, как мило она спит: такая довольная и доверчивая… Хорошую вы девушку раздобыли, сразу видно. Заботьтесь о ней, и удача будет за вами, юноша.

— Холодный денек выдался, — в отчаянии процедил Иниго.

— Так вас любовь греть должна! — с упреком воскликнул его попутчик. — Только не говорите, что заметили, какая на улице скверная погода. Ручаюсь, ваша лапушка даже не догадывается об этом. Эх, вернуть бы молодость! Обнимите ее покрепче, юноша. Прижмитесь к ней, на меня не смотрите. Я тоже был молод, да и сейчас еще молод. Я знаю, на чем держится этот мир. Не на деньгах, нет. На любви! На двух сердцах, стучащих в унисон, как поется в песне. — Он откинулся на спинку, выпучил глаза на Иниго и тихо запел, отбивая ритм рукой: «Моя любовь минувших дней… вернуться бы мне к ней!»

Иниго закрыл глаза и притворился спящим — на большее он был не способен. Мерзкая песенка звучала еще минуту, а потом наконец стихла и сменилась храпом. Иниго осторожно пошевелил затекшими руками, и мысли его побежали в ночь вместе с поездом.

— Мид-форд! Мид-форд!

Их попутчик тут же распахнул глаза, вскочил, схватил фляжку, шляпу, саквояж и выбежал вон.

— Мы что, приехали?! — закричала Сюзи. — Я, видно, уснула. Кто это был?

— Это, — с расстановкой проговорил Иниго, — был наш попутчик, толстяк в довольно сильном

подпитии, у которого вместо мозгов — дешевая рождественская открытка. Все это время он называл вас «моей лапушкой».

— Бедный Иниго, как это отвратительно! — холодно сказала Сюзи. — Выйдите на улицу и посмотрите, нет ли там Джимми или кого-нибудь из наших.

Иниго, продрогший и деревянный, выполз на улицу.

— На другом конце перрона стоит Джимми! — крикнул он в открытую дверь и поднял глаза на Сюзи. Их день вдвоем подошел к концу. — Что ж, вот и все, — чуть скорбно проговорил он. — Пойдемте, Сюзи.

Она весело посмотрела на него:

— Помогите мне спуститься. Ноги не гнутся! — Сюзи оперлась на него, сошла на перрон, но руку не убрала. — Веселей, Иниго! Спасибо вам за заботу. Вот!

Он случился так быстро, этот поцелуй, что Иниго даже не понял, действительно ли его поцеловали.

— Сюзи! — воскликнул он.

— Вон наш Джимми! — Она замахала рукой и поспешила вперед.

Напоследок мы видим, как Иниго бредет за ней

по перрону.

Глава 6
Черная неделя

I

Ужасная неделя началась еще до Тьюсборо. Она началась — по крайней мере для восьмерых артистов труппы — с воскресного вечера в Миддлфорде. Неделя в Миддлфорде прошла спокойно, без фуроров, но одно любопытное событие все же случилось: визит в театр богатой и эксцентричной особы, миссис Ходни. Она приехала в город на машине, чтобы встретиться со своими адвокатами, осталась на концерт, а после него настояла на знакомстве с мисс Трант, Джимми и всеми остальными. Представил ее директор театра, который был знаком с почтенной леди и считал ее «тем еще персонажем». Она пришла в неописуемый восторг от труппы и попросила их оказать старой чудачке услугу. Не согласятся ли они поехать в ее усадьбу, Кастон-Холл, что в двадцати милях отсюда, на самом краю болот, и дать представление для нее, обслуги и тех деревенских жителей, которым хватит ума хоть раз повеселиться воскресным ноябрьским вечером?

Пусть они не сочтут это деловым предложением (хотя денег у нее предостаточно, и она в состоянии оплачивать свои прихоти: двадцать фунтов должны компенсировать им неудобства и хлопоты). Скорее, это маленький каприз одинокой старушки, которую уже давно ничто не радует и которой недолго осталось жить на этом свете. Разговаривала миссис Ходни весьма отрывисто, но вместе с тем пылко и выразительно, и, говоря, гладила младших артистов по спинам.

Было решено, что на воскресенье сами артисты останутся в Миддлфорде, а утром понедельника поймают проходящий поезд до Тьюсборо — воскресным же вечером дадут заказной концерт (в вечерних нарядах) в Кастон-Холле, где их наверняка ждет огромная гостиная, рояль и плотный ужин. «Имейте в виду, — предупредил их директор театра, — старушка окажет вам хороший прием. Она, конечно, чудачка — каких только баек о ней не ходит, — но вы пришлись ей по душе, и она вас уважит, даю слово». Визит в усадьбу бойко обсуждался всю вторую половину недели. Труппа предлагала мисс Трант взять себе часть гонорара, но та всячески отмахивалась — стало быть, каждый получил бы по два фунта десять шиллингов, и Джо, миссис Джо, Элси и Сюзи

оживленно обсуждали, что можно сделать с этим нежданным счастьем. И потом, заказное представление было одновременно комплиментом их игре и увлекательным приключением. Артисты жалели мисс Трант и мистера Окройда, которые не могли поехать в усадьбу. Тьюсборо был особенный город, и в понедельник многое предстояло сделать. В Тьюсборо «Добрые друзья» выступали в Королевском театре — настоящем театре, а не в каком-нибудь павильоне, концертном зале или мюзик-холле. Мисс Трант ничего не знала о Тьюсборо, и, как ни удивительно, остальные артисты тоже, но она наткнулась на объявление в газете «Стейдж» — театр можно было арендовать по весьма умеренной цене — и впервые в жизни приняла решение самостоятельно, заключив с театром недельный контракт. «Не берите кота в мешке», — зловеще предостерег ее Джимми, однако мисс Трант, порой склонная к авантюрам и своеволию, отказалась внять его увещеваниям и пошла на уступки артистам, которые давно мечтали выступить на сцене настоящего театра. Таким образом, мисс Трант возложила на Тьюсборо большие надежды и решила отправиться туда в воскресенье с мистером Окройдом, чтобы в понедельник приступить к делам. Они ничуть не

жалели, что пропускают заказное выступление в усадьбе, ведь им не терпелось поскорей увидеть Тьюсборо и Королевский театр.

Поначалу труппа не могла сообразить, как же им добраться до Кастон-Холла: поезда туда не шли. Владельцы гаражей и автомастерских отчего-то не горели желанием отправлять крупный транспорт в далекую деревушку миссис Ходни. Наконец нужный человек нашелся: его звали Дикенсон, у него был собственный автобус вместимостью двенадцать человек (а в лучшие времена в него влезало и все восемнадцать). Он согласился свозить «Добрых друзей» туда и обратно за два фунта: за меньшие деньги с места не сдвинусь, отрезал он, и его действительно нельзя было сдвинуть с места. Однако весть о мистере Дикенсоне и автобусе все же их порадовала.

Местом встречи назначили съемные комнаты Джимми, и к назначенному времени все восемь прибыли туда в вечерних нарядах, с инструментами, нотами и богатейшим ассортиментом плащей, пальто, шалей и шарфов. Настроение у артистов было чудесное: им выпал шанс сменить обстановку и пережить маленькое приключение. Мистер Мортон Митчем выглядел грандиозно и очень внушительно в Серебряном короле и

длинном зеленом шарфе. Он еще раз сказал, что все это напоминает ему старые добрые времена, а миссис Джо, сражаясь с двумя шерстяными пальто, поддельной испанской шалью и чрезвычайно поношенным манто, вновь с ним согласилась. Теперь оставалось дождаться мистера Дикенсона и его автобус. Через пять минут эти двое прибыли, а с ними плосколицый юноша, некий Артур, у которого, по всей видимости, во рту не хватало нёба.

— Вы чуток опоздали, — добродушно заметил Джимми.

— Опоздал! — обиженно вскричал мистер Дикенсон. — Это я еще рано приехал, думал, ни-почем не успею! Намучились мы с колымагой, верно, Артур?

— Ии оо аа, — ответил юнец и подул на руки. — Ии оу оо ии оо аа.

— Точно, — сказал мистер Дикенсон. — Ну, поехали, раз вам надо. Я б охотней отправился домой и малость соснул, так-то.

— Вечер будет шикарный, как считаете, водитель? — благосклонно осведомилась миссис Джо тоном герцогини Доркинга.

— Холод и слякоть, миссис, чего ж тут шикарного? — ответил мистер Дикенсон. — Заводи, Артур!

А вы залезайте, поедем ужо.

— Ох уж мне эти норовистые северяне, — пробормотала миссис Джо. — Грубоваты, конечно, зато крепки и могучи, как дубы.

— Хорошо бы автобус был менее норовистым, — заметила Сюзи, заглянув внутрь.

Автобус и впрямь оказался не самым комфортабельным. Начать с того, что он был преклонного возраста, и когда двигатель завелся, из солидарности с ним завелось, задрожало и запрыгало все остальное. Сиденья были очень узкими и твердыми, а вместо крыши хозяин натянул брезент. Возможно, в салоне действительно помещалось двенадцать человек, однако, когда в него забрались восемь артистов с инструментами, нотами и верхней одеждой, внутри стало не продохнуть. Тряска была чудовищная, но никто не брюзжал: все неудобства казались им частью веселого приключения.

— Вот это, — крикнула миссис Джо в темноту салона, — называется романтика и перемены! Поездка в глушь, выступление в необычной обстановке, в старинной английской усадьбе, благодарная публика, а следом роскошный ужин!

— Почему же «следом»? — спросила Элси. — Я

предлагаю поужинать сразу по приезде. Разве старушка не так говорила? Я позавтракала чаем с булочкой и с тех пор ничего не ела. Умираю с голоду!

— Решайте сами, — сказал Джимми. — Меня еда не интересует. Промочить горло, сжевать сухой тост и закусить куриной грудкой — на большее меня не хватит. Надеюсь, у них будет грудка.

— Конечно! — пробасил мистер Мортон Митчем. — На таких мероприятиях чего только не бывает — вы уж поверьте моему опыту, дамы и господа. Все по первому классу — и шампанское тоже, хотя одинокая дама вряд ли знает толк в напитках. Вы бы видели, какие пиры нам закатывали колониальные губернаторы — сэр Элкин Пондберри и еще парочка — после заказных выступлений. Пир горой, иначе не скажешь, горой!

— Тогда я за то, чтобы его разделить, — чуть виновато проговорил мистер Джо. — Заморим червячка перед концертом, а уж потом попируем вволю. Еда нас воодушевит.

— И начисто убьет твой верхний регистр, — процедила его жена. — Уж я-то знаю, как оно бывает. Набьешь себе брюхо и будешь пыжиться перед миссис Ходни, не в состоянии вытянуть ни одной ноты.

— На голодный желудок я тоже петь не могу, — взмолился Джо, — и ты мне сама говорила за чаем, помнишь? «Прибереги аппетит для вечера». Так что предлагаю закусить и до, и после.

— Если бы миссис Ходни, утонченная, хоть и чуточку эксцентричная дама, услышала твои речи, она бы вычеркнула твое имя из программы! — вскричала миссис Джо. — И я бы ее поняла, Джо. Пусть ты мне муж и один из лучших разъездных баритонов, это послужило бы тебе хорошим уроком.

Услышав слово «программа», все дружно заговорили: правильно ли они подобрали номера для миссис Ходни? Понравится ли ей эта сценка и вот эта? Они все еще обсуждали программу, когда автобус внезапно остановился. Поскольку из окон ничего не было видно, Иниго высунулся на улицу.

— Мы на месте? — донесся до него чей-то голос изнутри.

— По-моему, мы нигде, — ответил Иниго и вышел в холодную моросящую ночь.

— Восемь миль осталося, — сказал мистер Дикенсон, открыв капот. — Попробуй еще разок, Артур! Сейчас заведется, будьте спокойны. Хватит, Артур, оставь колымагу в покое.

— Ии оу оо аа оу ии, — скорбно проговорил Артур.

— Что ж, придется вытаскивать магнето, — пробурчал мистер Дикенсон, который явно был не в духе. — Всю дорогу мне жизнь портит, зараза. Ну-ка, подержи. Попробуем так. Заводи, Артур! — Двигатель стал шумно плеваться. — Сойдет. Через пять минут дождь польет, а дорога до Кастон-Холла хуже не придумаешь — мигом развезет. И чего я сюда потащился? Надо было дома сидеть.

— Ничего, ребятки, — успокоил их подошедший Иниго. — Мы скоро приедем, а там вас ждет большой камин, пиво и мясо.

— Ии оу оо аа оо, — сказал Артур и мрачно подул на руки.

— Пожалуй, без Артура наша поездка была бы веселей, — сказал Иниго Джимми, когда они забрались в салон. — Он нагоняет на меня тоску — когда я его слышу, на ум сразу приходит каркающий ворон По.

Автобус поехал еще медленней, но тряска стала даже сильней, чем прежде. Дороги, по всей видимости, были узкие, извилистые и покатые, а мистер Дикенсон явно не получал удовольствия от поездки. Моросящий дождик стремительно

превращался в ливень, и вскоре настроение испортилось и у пассажиров. Им не только отбило все бока: вскоре они начали ощущать на себе отдельные капли и струйки дождя: крыша оказалась не брезентовой, а матерчатой. Они обмотались шарфами, плащами, мрачно вцепились во все, за что можно было держаться, и стали уверять друг друга, что очень скоро они будут на месте. То были самые долгие восемь миль в их жизни.

Наконец автобус остановился, и Иниго, вновь выглянув наружу, доложил, что впереди стоят большие ворота, за которыми начинается подъездная дорога.

— Эт оно! — завопил мистер Дикенсон. — Касн-Холл! Довезти вас до самых дверей?

— Конечно! — хором крикнули артисты. Пусть подъедет как можно ближе! Они представили свое эффектное прибытие: большие двери усадьбы стоят нараспашку, двор залит светом, толпа слуг и деревенских взволнованно и нетерпеливо переговаривается. Пока автобус петлял по дорожке и все собирали инструменты, музыку и одежду, было единодушно решено, что сначала они непременно закусят и выпьют, а уж потом начнут выступление: на часах было восемь, они

катастрофически опоздали и очень проголодались — все, кроме Джимми Нанна, который умирал от жажды. Наконец они высыпали на улицу, замерзшие, мокрые и побитые, с пустыми животами, но все еще в прекрасном расположении духа, восхищенные происходящим и готовые показать миссис Ходни лучшее ревю в ее жизни. Они вышли прямо под хлещущие струи ледяного дождя, какой бывает только на болотах, но и он их не расстроил, ведь прямо перед ними возвышались двери усадьбы.

Двери эти, однако, были заперты, и свет на первом этаже не горел, лишь тускло мерцали окна одной-двух спален наверху. Особняк был похож на неприветливую черную глыбу.

— Вас вроде ждут, — сказал мистер Дикенсон, неприятно хохотнув.

— Ждут, — с тревогой подтвердил Джимми, дергая дверной колокольчик.

— Наверное, этой частью имения почти не пользуются, а все приготовления идут сзади. Зайдем под крыльцо, дорогие, пока нам не откроют.

Джимми еще раз дернул колокольчик, и наконец в нижних окнах замелькал неверный огонек свечи. Дверь приоткрылась на несколько дюймов, потом еще чуть-чуть.

— Что вам надо? — спросил голос.

— Поторопитесь, пожалуйста! — нетерпеливо воскликнул Джимми. — Мы разъездные комедианты, «Добрые друзья», приехали давать концерт.

На сей раз дверь отворилась полностью, но лишь затем, чтобы престарелый слуга мог изумленно их разглядеть.

— Что вам нужно? — переспросил он.

Джимми объяснил еще раз.

— Вы, верно, ошиблись адресом, — предположил слуга.

— Нет, не ошиблись! — крикнул мистер Дикенсон. — Это усадьба миссис Ходни, я точно знаю.

— Разумеется, — не стал отрицать слуга.

Джимми объяснил подробней, но слуга по-прежнему недоуменно глазел на артистов.

— Что ж, сегодня вам здесь делать нечего — да и не только сегодня, насколько я могу судить. Миссис Ходни очень плоха, очень. В четверг ее хватил удар, и она едва дышит. Мы вызвали врача, и он послал за сиделкой. Вот такие дела.

— Как же… — охнул Джимми.

— Погодите минутку, — сказал им слуга. Он притворил за собой дверь, и все услышали его удаляющиеся шаги.

Потом раздался предрекавший беду голос Артура:

— Ээ ии аа оо оо оу, оо и и ээ, оо.

— Ей-богу, Артур! — горько воскликнул мистер Дикенсон. — Ты прав.

— Если Артур издаст еще хоть один звук, — прошипела Сюзи, — я закричу, честное слово! Это невыносимо.

Дверь широко отворилась, и в них ударил яркий луч карманного фонарика.

— Я ничего не понимаю, — сказал очень сердитый голос из-за фонарика, — и не желаю понимать. У меня нет на вас времени. Миссис Ходни очень плохо, хуже не придумаешь. Едва ли она выкарабкается, но мы делаем все, что в наших силах. Будьте любезны, уезжайте — и как можно тише! Спокойной ночи. — Фонарик исчез; дверь быстро закрыли и заперли на несколько засовов.

— *Вам* спокойной ночи! — тихо воскликнул Джимми. — Счастья и долгих лет жизни! Отбой, мальчики и девочки. Концерт отменяется.

— Господи! — охнула Элси, выразив тем самым всеобщее мнение.

— Хочете сказать… — начал мистер Дикенсон, но Джимми сразу его перебил:

— Хочим сказать, что мы возвращаемся в Мидлфорд, и как можно скорей! Чем раньше вы заведете автобус, тем лучше.

— Пиво и мясо! — воскликнул мистер Дикенсон в экстазе беспощадной иронии. — Большой уютный камин! Хосподи! Вас облапошили, а чрез вас и меня заодно.

— Ии оу оо оо ее оо оо, — гневно пробубнил Артур.

Больше всего его слова обидели мистера Джернингема.

— Э ну зэткнись! — рявкнул он.

— Хо, хо! С чего б ему затыкаться? — зловеще проговорил мистер Дикенсон. — Если два козла…

— Водитель, будьте любезны, заводите двигатель, — с поразительным достоинством сказало жалкое и промокшее насквозь существо. — И впредь не позволяйте себе при дамах произносить слово «козел» в этом значении. — Высказав водителю свое порицание, миссис Джо забралась в автобус, сняла промокшее манто, дважды чихнула и разрыдалась.

— При дамах! — фыркнул мистер Дикенсон. — Хос-поди!

Тут его постучали по плечу и отвели в сторонку.

— Войдите в мое положение, пожалуйста, — очень тихо и любезно проговорил Джо. — Я малый тихий и смирный, честное слово. Но мне жаль ту больную старушку, и я очень расстроен из-за отмены концерта. Кроме того, я страшно проголодался и вымок. С вами только что разговаривала моя жена. Так вот, если я услышу от вас еще одно слово — хотя бы одно, я с огромным удовольствием дам волю чувствам и отвинчу вашу глупую безобразную башку. — Говоря все это, Джо подходил все ближе и ближе, даже в темноте наводя ужас на своего собеседника. — Всего одно слово, и делу конец, — в высшей степени убедительно добавил Джо.

— Готовься, Артур, щас будем заводить, — выдавил мистер Дикенсон и ощупью принялся искать свое место.

Обратный путь был кошмарен. Он длился целую вечность, и автобус трижды останавливался: два раза из-за двигателя, а один раз мистер Дикенсон ошибся поворотом. Дождь не прекращался ни на минуту, и матерчатая крыша служила единственной цели: равномерно распределяла льющуюся сверху воду. Если по дороге к усадьбе пассажирам было просто тесно, то теперь они друг другу мешали. Каждый промок,

продрог, оголодал и рычал на всех остальных, а все остальные, тоже промокшие, продрогшие и оголодавшие, рычали в ответ. Мистеру Мортону Митчему, который попытался вспомнить похожий случай из своей практики, тут же велели замолчать. Мистер Джернингем пожаловался, что насквозь вымок, и немедля узнал, что пара капель воды пойдет ему только на пользу. Элси заявила, что на сей раз точно покончила с треклятой сценой. Миссис Джо, рыдая, подчеркнула, что всегда стойко переносила превратности судьбы, но теперь жизнь ей не мила, ведь, рассчитывая на неожиданный приработок, она заказала для маленького Джорджа новый костюм, с ботиночками и всем прочим. Сюзи сказала Иниго, как ей жалко бедную миссис Ходни, которая недавно была так весела, а теперь умирает в мрачном пустом доме. Однако стоило Иниго ласково положить руку на ее ладонь, Сюзи с отвращением скинула ее, заявила, что та похожа на рыбину — такая же мокрая и холодная, — и попросила больше не глупить. Джимми Нанн время от времени постанывал, но за всю дорогу произнес только два слова. «Добрые друзья!» — зловеще воскликнул он и захихикал, после чего все разом умолкли и молчали еще очень долго.

Когда они наконец вернулись, Миддлфорд укладывался спать. В отчаянии и гневе они подсчитали свои шансы раздобыть еду, питье и горячую ванну в этот поздний воскресный час. Все квартирные хозяйки непременно взбесятся, если потревожить их перед отходом ко сну. Дрожа и подбирая полы одежды, больше похожей на мокрое месиво, они выбрались на улицу. Джимми жалобно сообщил, что вынужден собрать по пять шиллингов за проезд, и это стало для труппы последней каплей. Пока они рылись в карманах, наскребая деньги, Иниго ненадолго исчез, а потом появился вновь и сказал: «Не беспокойтесь, я заплатил. Рассчитаемся в другой раз. Пойдемте».

Наутро, когда они пришли на вокзал, чтобы сесть в проходящий одиннадцатичасовой поезд до Тьюсборо, виду всех был самый что ни на есть жалкий. Они глазели на бледные физиономии и красные носы друг друга, слушали чих и кашель, уныло беседовали об аспирине и хинине, зевали, дрожали и стенали. Миссис Джо и Элси схватили насморк, у Сюзи был жар, у Джерри Джернингема слезились глаза, Иниго охрип, а Джо едва мог пошевелиться и все твердил про ревматизм. Мортон Митчем и Джимми всегда выглядели весьма странно, а теперь представля-

ли собой поистине печальное зрелище. Митчем походил на обвалившуюся желтую каланчу, а Джимми — вид у него и впрямь был крайне болезненный — на пришибленную горгулью. Какая несправедливость, говорили они друг другу, что выступать в Королевском театре придется в таком разобранном состоянии. Впрочем, они допускали, что полный и благодарный зал, вероятно, поможет им собраться с духом. «Какой бы бодной я ни быда, — причитала миссис Джо, шмыгая заложенным носом, — пубдика всегда бедя спасает. Дудшее средство от всех бодезней. Тьюсборо — хороший город, и мы сыграем на сдаву, вот увидите». Только эта тема и вывела всех из безвольного и дрожащего уныния.

Поезд подъехал к Тьюсборо, когда настала пора пить чай, и за окнами уже было темно. На перроне их встретили мисс Трант и мистер Окройд.

— На помощь! — воскликнул Иниго, схватив последнего за руку. — Вчера мы пережили сущий ад. — Вкратце описав их полное фиаско, он заключил: — Вам крупно повезло, что вы уехали. А теперь говорите, как вам Тьюсборо? Как идут дела?

Мистер Окройд отвел его в сторонку.

— Вы сами знаете, я тут только один день, —

осторожно проговорил он, — но скажу как на духу.

— Ну же, как вам город? — нетерпеливо переспросил Иниго.

— Слушайте! — Мистер Окройд нагнулся к нему и прикрыл губы ладонью. — Хуже не бывает, черт возьми.

Вынеся свой вердикт, мистер Окройд торжественно посмотрел на Иниго, покачал головой и заковылял на поиски багажа с видом человека, готового исполнять свой долг любой ценой.

II

Города, в которых есть свои соборы, рынки, забытые морем гавани или вышедшие из моды курорты, — все они могут хиреть и приходить в упадок красиво. Часто, когда жизнь покидает эти места, их очарование только усиливается. Промышленные города, как паровые двигатели, можно терпеть лишь пока они вовсю дымят и работают. Тьюсборо напоминал двигатель с лопнувшим паровым котлом, валяющимся на обочине. Машина для зарабатывания денег внезапно сломалась: вращалось только одно-два колеса, да время от времени постанывала лебедка — то была фабрика, в которой и взглянуть-то

не на что, кроме разбитых стекол, мусорных куч, заплесневелых бухгалтерских книг и бормочущего смотрителя. Не фабрика, а древний пустой сейф с паутиной в углу и двумя-тремя забытыми кем-то пенсами. Торговля в Тьюсборо почти исчезла, и всем было ясно, что она никогда не вернется, а найдет себе местечко поприятней. Доходы местных жителей стремительно сходили на нет, торговцы жили, без конца беря друг у друга взаймы и не возвращая долги, а рабочие ждали работы: главным их занятием было стояние у дверей учреждений, называемых — не без иронии — биржами труда. Тьюсборо всегда считался одним из самых безобразных городков центральных графств, а теперь стал вдобавок самым унылым — и наводящим уныние. Город давно прекратил богатеть, а его жители опускались все ниже и ниже. Дни, когда тьюсборский уголь, кружевные занавески и луженые гвоздики пользовались большим спросом по всей стране, когда многие местные жители, до сих пор предпочитающие пить чай из оловянных пивных кружек, жали руку самому Гладстону, — эти дни давно прошли, оставив за собой несколько присутственных зданий, построенных в дурном готическом вкусе, две заросшие почернелые

статуи, два-три шлаковых отвала, закрытые фабрики и железнодорожные ветки, гниющий канал, обширные трущобы, щедрый запас грязи, рахита, кривых ног и плохих зубов. Ах да, и Королевский театр.

Когда мистер Окройд вынес свой беспощадный вердикт городу, они с мисс Трант не пробыли в нем и дня, однако их прекраснодушные мечты уже давно поблекли и испарились. Тьюсборо не мог нравиться, хотя они пытались изо всех сил и преуспели, пожалуй, только в скрытии своих истинных чувств друг от друга. Мисс Трант никогда не думала, что город может быть настолько омерзительным и угнетающим: ей хотелось убежать прочь и никогда больше не вспоминать Тьюсборо. Она сидела в грязном гостиничном буфете перед тарелкой затвердевшего бараньего жира и боролась со слезами. Было очевидно, что ее артисты не развеселят Тьюсборо — и никакие другие артисты тоже. Услышав, что она арендовала Королевский театр, служащий гостиницы вперил в нее удивленный взгляд, а потом недобро хохотнул.

— Решили попытать удачу? — спросил он. — Что ж, попытка не пытка. Не вы первая и, смею предположить, не вы последняя, даже по ны-

нешним временам. Старый Дроук вроде был в хорошем настроении, когда я последний раз его видел. Вы уже встречались? С приветом старикашка — чокнутей не бывает. Так-так-так!..

Услышанное мисс Трант не понравилось.

Наутро она познакомилась с мистером Дроуком и, хоть и провела в его обществе совсем немного времени, пришла к тому же выводу: чокнутей не бывает. То был маленький сморщенный старичок с огромной головой и крошечными ножками, — грязный плюгавенький гном. Его старческий голос со свистом проходил через каштаново-седые усы и бороду, а сам он имел чудовищную привычку чересчур близко подходить к собеседнику и подчеркивать свои судорожные высказывания тычками в бок.

— Хороший театр, — сказал он. — Лучше в городе не найдете, верно вам говорю. — Тычок. — Говорят, здесь выступали знаменитости! Я сам не знаю, меня тут еще не было. — Тычок. — Я тогда держат лавку в Ливерпуле. Продал ее и вернулся сюда, тоже открыл здесь магазинчик. — Еще тычок. Мисс Трант стала пятиться, но мистер Дроук не отставал, готовясь нанести очередной удар. — Театр этот принадлежал моему брату, а он передал его мне. Я не шибко-то им занимаюсь,

театры вообще меня не интересуют, а хлопот с ними не оберешься: сделай то, сделай это. Магазин, опять же. И торговля нынче очень плоха. Но это ничего, ей-богу, ничего. — Тычок. — Театр хороший. Без выкрутасов, но театр отличный. Вам ведь выкрутасы ни к чему? — Опять тычки. — Что ж, тогда он вам подойдет, аренда дешевая, очень дешевая. Людям нынче только выкрутасы подавай, а? Не поймешь, что им нужно.

Мисс Трант тоже не вполне понимала, что ей нужно, но, увидев фасад здания, осознала со всей ясностью: Королевский театр Тьюсборо ей не нужен. Сердце екнуло. Театр стоял в ужасном темном переулке, а выглядел и того хуже: разбитые окна, некрашеные гнилые доски, повсюду грязь и мусор. Единственными яркими пятнами на фасаде оказались их собственные афиши, но смотреть на них было больно: такие юные и полные надежд, такие нелепые в этой обстановке. Внутри было еще хуже, чем снаружи. Королевский театр уступал по размерам большинству старомодных театров, однако строили его по обычному проекту: с партером, амфитеатром, бельэтажем и отдельным балконом. На балконе вместо сидений были простые деревянные лавки, в амфитеатре тоже лавки, правда, со спинками. В партере и

бельэтаже стояли плюшевые стулья, но страшно ветхие, потертые и грязные. Возможно, когда-то театр славился обилием позолоты, однако грязь и пыль покрыли ее таким толстым слоем, что сиять на свету она и не думала. На потолке и просцениуме красовались треснутые нимфы и облезлые купидоны. Уцелевшие ковровые дорожки в коридорах истлели до дыр. Засаленные стены были увешаны старыми афишами: «Вы — масон?», «Девушка из „Кея“», «Тьюсборский любительский оперный ансамбль с мюзиклами „Дороти“ и „Лицо в окне“», «Доктор Фауштайн с номерами „Таинственный гипноз“, „Чтение мыслей“ и „Восточные развлечения“». Тут и там висели пожелтевшие фотографии героических актеров в тогах или париках, усатых «злодеев» и жеманных актрис прошлого века — они заглядывали мисс Трант в глаза и шептали: «Мы все давно лежим в могиле». Она всмотрелась в мутное стекло двери с табличкой «Салон-бар» и увидела прилавок с двумя-тремя пыльными бутылками.

— Бар закрыт, — пояснил мистер Финнеган. — У нас отобрали лицензию на продажу спиртного. Начальство теперь строгое, очень строгое!

Мистер Финнеган, которому мистер Дроук перепоручил мисс Трант, называл себя директором,

однако на деле, очевидно, был лишь секретарем, работающим за скудное жалованье. Дряхлый, потрепанный и слегка пропитанный алкоголем, он представлял собой столь жалкое зрелище, что в любой другой день мисс Трант прониклась бы к нему состраданием, но теперь, шагая по замызганным коридорам Королевского театра, чувствовала лишь стойкую неприязнь. Они вернулись в зал: атмосфера там как будто стала еще более гнетущей, чем прежде, — мисс Трант словно угодила в пыльный комод, лет двадцать назад забитый старым хламом. Она содрогнулась.

— Это просто кошмар! — воскликнула она. — Все такое грязное и унылое…

— Ну… — пробормотал мистер Финнеган, — убраться тут не помешает, конечно, но для многих это настоящий дворец. Вы недавно в театральном деле, верно? Так и думал, это сразу видно. Да, хорошо бы тут прибраться, да время теперь неподходящее. Театры нынче все одинаковые: если заглянуть в них днем, когда никого нет, можно и испугаться. Зато какие здесь бывали аншлаги! В партере самые важные лица города: мэр, администрация, — все! Когда тут шла премьера «Крестного знамения» Уилсорна Барретта, мы собирали по сотне фунтов, даже больше — и

это в понедельник! А фунт тогда кое-что стоил, уж поверьте мне, на него многое можно было купить. Теперь уж времена не те. В городе совсем не осталось денег.

Он скорбно покачал головой.

Выцветший алый занавес тоже закачался, затрещал и наконец поднялся к потолку. На сцену вышли два человека без пиджаков, и мисс Трант, подойдя поближе, узнала в одном из них мистера Окройда. Вид у него был очень мрачный и презрительный.

— А, мисс Трант! — воскликнул он. — Видали, что за кулисами творится? Ни в жисть столько хлама не видал! Работенка та еще, ей-богу. Идите сюда, сами увидите.

Мисс Трант осмотрела сцену, заглянула в пару гримерных, послала за мистером Финнеганом (который тут же куда-то провалился), позвонила мистеру Дроуку (который не взял трубку) и отправилась на поиски двух уборщиц, которые должны были помочь мистеру Окройду и его беспиджачному коллеге со стеклянными глазами и вечно открытым ртом.

— Он малость не в себе, этот Чарли, — прошептал мистер Окройд. — Слабоват, конечно, но другого нам не дали, придется обойтись. Будь он

порукастей, здесь бы спину не гнул. Мисс Трант, если это театр, то я лучше всю жизнь буду работать в павильонах и курзалах. Старый чулан, а не театр! Лучше нам тут не задерживаться, мисс Трант, не то я спячу. Городок малость убогий, а?

— Убогий! — с жаром ответила мисс Трант. — Да я в жизни хуже не видела!

— Вот и я, — кивнул мистер Окройд. — Вы скажете, мол, мы тут всего три часа, надо присмотреться да пообвыкнуть, но пока я ничего хорошего не заметил.

Как мы уже знаем, мистеру Окройду было легко угодить. Никто не может прожить в Браддерсфорде сорок лет и остаться привередой; коренной браддерсфордец не из тех нежных созданий, которых можно смутить окружающей обстановкой. Однако Тьюсборо ужаснул даже мистера Окройда. Перед тем как пойти встречать труппу на вокзал, он пешком прогулялся до дома, где снимал комнаты, и таким образом познакомился с городом. Знакомство оказалось не из приятных. Мысль, которую мистер Окройд высказал Иниго, отражала его взгляд на положение в целом: на город, театр, жилье и прочее. Потом он ушел — отчасти потому, что надо было забрать багаж, а отчасти потому, что так ему подсказывало при-

родное чутье: мистер Окройд умел произвести впечатление. Через несколько минут он вернулся к Иниго.

— Нам придется жить в одних комнатах, — объявил он.

— Да, а почему? Все сданы?

— Тут вообще ничего не сдано — и не сдается. Мы и это жилье с трудом отыскали, все будут по двое жить. Вечно одно и то же: чем меньше народ зарабатывает, тем меньше хочет зарабатывать. Вот попадешь в богатый город, сам увидишь: местные там не прочь подзаработать еще деньжат. А эти чуть не голодают, но ни комнат, ни еды у их брата не допросишься. Им так плохо, что лишние хлопоты в тягость.

— Мастер Окройд, я с огромной неохотой прерываю вашу глубокомысленную речь, но позвольте задать вопрос: как вам комнаты?

— Счас сами увидите, — ответил мистер Окройд. — Скажем так, жилье у нас просторное. Большая спальня, большая двуспальная кровать и маленькая раскладуха. Дом номер девять по Биллинг-стрит, аккурат возле театра. Но Боже ты мой! То ли я не в духе, то ли чего, только не лежит у меня душа к этому месту. Надеюсь, вы не против пожить со мной, — застенчиво добавил он.

— Конечно, нет! — искренне ответил Иниго.

— В такой дыре компания в радость, — заключил мистер Окройд.

В Биллинг-стрит определенно было что-то унылое. Она оказалась узкой и темной, и молчаливых болезненных женщин с серолицыми и красноглазыми детьми на ней было явно больше, чем положено. На улице расположились: два-три маленьких склада с разбитыми окнами; овощной магазин, в котором, по всей видимости, торговали одной картошкой да бананами из папье-маше; закусочная, пропахшая топленым салом; крошечная бакалея, специализирующаяся на графите и сардинах; лавка травника с большой витриной, в которой красовалась большая вывеска с надписью «За вашим желудком нужен присмотр», несколько загадочных зеленых пакетов и яркий плакат с изображением кожных болезней; комиссионный магазин, забитый бамбуковыми столиками, утюгами и рулонами клеенки; два самых грязных и мрачных питейных заведения, какие доводилось встречать мистеру Окройду — человеку в этом смысле весьма опытному. Прямо за улицей стояло здание с фантастической башней: зловещий сгусток труб, лестниц и цистерн (позже выяснилось, что это фабрика по

производству серной кислоты). Никто не знал, работает ли эта фабрика до сих пор — если трубы с цистернами и простаивали, то запах нет: жуткая вонь спускалась на улицу внезапными тошнотворными волнами.

Дом № 9 был самым крупным на Биллингстрит — и самым мрачным на вид. Складывалось впечатление, будто улица существует исключительно в веренице хмурых ноябрей. Ступив на нее, Иниго тут же возблагодарил Бога за то, что пришел не один, и понял, зачем мистеру Окройду понадобилась компания. Спальня оказалась вполне просторной и относительно чистой, но промозглое уныние чувствовалось и в ней.

Иниго принюхался.

— А чем это пахнет? Чем-то знакомым. А, вспомнил! Похоже на запах старых журналов. В детстве я любил копаться в древних подшивках «Английского иллюстрированного журнала», и пахли они в точности так же. Странно, очень странно! — Он огляделся. — Не слишком тут весело, правда? Ощущение, будто в соседней комнате труп.

— Так и есть, — безжалостно ответил мистер Окройд.

— Что?! — Иниго подпрыгнул.

— Ну, почти, — уточнил мистер Окройд. — Хо-

зяйка живет с престарелой матушкой, которая прикована к постели. Обождите, скоро услышите ее кашель. Надеюсь, уж эту неделю она протянет. Тут со всеми местными какая-то беда, прям лазарет, а не город! У миссис Морд — это наша хозяйка, вы ее счас видали — тоже видок хилый…

— Да, на лицо она синевата, — мрачно согласился Иниго. — Кажется, я больше не хочу ничего слышать.

— Эт только начало. Ее мужа давным-давно уволили с работы — он был писарем на складе. Уж не знаю, что за хворь его одолела, но разнесло его — страх! Багровый весь, опухший, еле говорит, почти не шавелится. Плох он, плох. Скоро вы его увидите.

— Нет уж.

— И его нельзя волновать — хозяйка предупредила, — так что вы с ним поаккуратней.

— Я не хочу его волновать, я вообще не хочу его видеть! Жаль его, конечно, все-таки больной человек, но по вашим рассказам выходит, что он живой гриб… Эй! Что это было?

— Да хозяйкина матушка кашлянула.

Иниго тяжко вздохнул и задумчиво посмотрел на свой багаж, который уже начал раскладывать.

— Да уж, чудны́е тут все, — продолжал мистер Окройд. — В доме живет молодая девушка. Я еще толком ее не разглядел, да и миссис Морд молчит, как рыба. Не знаю, кто она такая.

— Ради всего святого! — возгласил Иниго. — Умоляю, не говорите, что и с ней какая-то беда! Это меня добьет, определенно.

— Ну, я только знаю, что она ничем не занята и малость странновата. Я три раза на нее натыкался — в коридоре и на лестнице — подсматривает из-за угла, потом эдак хихикнет и убегает, точно за ней кто гонится. Я уж и привыкать начал…

Иниго прекратил раскладывать вещи. Он сел, посмотрел на своего соседа и в отчаянии произнес:

— Похоже, спятила.

— Да, не в себе девица. Все местные чуток того… В театре работает один малый по имени Чарли, так и он дурной. Безобидный, но винтиков в голове не хватает.

Иниго встал и объявил:

— Я ухожу.

— Да полно вам, полно! Лучше комнат в городе не найдете. Мне и эти-то сдали с условием, что нас будет двое.

— Тут должна быть гостиница. Я пойду в гости-

ницу. Если хотите — идемте со мной.

— Ни в какую гостиницу я не пойду — раз уж снял комнаты, здесь и останусь. А как хозяева для нас хлопотали! Полно вам, садитесь.

— Ну ладно, — скорбно проговорил Иниго. — Тогда я буду целыми днями торчать в театре. Больше ничего не остается. Теперь я понял, почему вы назвали это место ужасным. Меткий эпитет, определенно.

— Да я не про жилье толковал! — воскликнул мистер Окройд.

Иниго обмер.

— А про что?

— Да про все. Первым делом про город, конечно, и про театр.

— Про театр? — едва не взвизгнул Иниго. — Только не говорите, что и с ним дело плохо!

Однако мистер Окройд настоял на том, чтобы все рассказать, и к концу его повествования они почти допили чай.

— Тьюсборо — зряшное дело, помяните мое слово, — заключил мистер Окройд. — Скоро сами убедитесь. Ни гроша мы тут не заработаем.

— И вдобавок все разболелись! — простонал Иниго. — После вчерашнего мы полумертвые, по дороге сюда все только и твердили, что нас спасет

полный зал. «Тьюсборо или смерть» — это был наш девиз, определенно. Да поможет нам Бог!

Помощь не повредит, согласился мистер Окройд, доставая трубку и пачку «Старого морящкого», — все самое плохое еще впереди.

III

— Полный провал! Зал попросту вымерз! — воскликнула миссис Джо в понедельник вечером, сразу после выступления.

— Могила — и та теплей, — мрачно проговорила Сюзи. — А у меня, кажется, температура тридцать восемь.

— Выглядишь на все тридцать девять, милочка, — успокоила ее миссис Джо и пылко продолжала: — В зале хоть кто-нибудь был? Я вроде слышала какие-то звуки, но, может, мне померещилось? В Тьюсборо вообще о нас знают?

— Знают, но им плевать, — ответила Сюзи.

— Вчера я сказала Джо: «Помяни мои слова, Джо, неделя будет скверная. Нутром чую!» — сказала я. Завтра весь день проваляюсь в кровати — но в какой кровати, милая! У нее горб посередине, точно у верблюда, можешь себе представить? Никакого тебе вида из окон, никакого уюта. Не слишком чисто и стены сплошь увешаны фото-

графиями каких-то обществ взаимопомощи. Но все же я проведу там весь день, буду лечиться, а вечером опять выйду на сцену, а если и тогда не полегчает, то слягу наверняка. Последнее, что может меня удержать, — это зрители. Мне жаль их расстраивать. Но тут встает другой вопрос, милочка: есть ли в Тьюсборо зрители? И… достойны ли они моих страданий? — Последние слова миссис Джо проговорила ликующим тоном.

— Недостойны, — оборвала ее Элси. — Лучше б ты помолчала, что толку об этом говорить?

— У Джимми сегодня очень больной вид, — задумчиво протянула Сюзи.

— У нас не лучше, — фыркнула Элси. — Я чувствую себя ужасно, а ужасное самочувствие не относится к моим хобби, чего не скажешь о Джимми. Пойду приму аспирин. Сюзи, ну что ты копаешься, идем! Скорей бы убраться из этой помойки, которую они зовут театром. Королевский театр — Боже мой! Это Помоечный театр, если хотите знать мое мнение. Ну же, па-а-ашли!

Во вторник в зале сидело ровно пятьдесят три человека. Их ледяное молчание было ужасно, но еще хуже звучали аплодисменты — казалось, будто с пустых мест тоже доносится насмешливое и едва различимое *хлоп-хлоп-хлоп.* Впрочем,

аплодировали зрители нечасто. «Добрые друзья» стали играть без души. Они еле-еле дотягивали до конца выступления и показывали признаки жизни лишь тогда, когда верх брало растущее раздражение. Элси жаловалась на Джерри Джернингема; Сюзи открыто обвиняла Иниго в том, что он зверски убивает ее аккомпанемент; ворчал даже добряк Джо. Мистер Окройд несколько раз выслушивал от артистов, что ему давно пора научиться работать, и в ответ огрызался: мол, занялись бы лучше своими делами, они тоже идут «неважнецки». Джимми Нанн отчего-то молчал, и смотреть на него — такого безгласного, желтого и дрожащего — было больно. Мисс Трант, корившая себя за опрометчивый поступок (хотя главной жертвой пустых залов была именно она, а не труппа), изо всех сил пыталась разрядить обстановку и подбодрить артистов, но и ее силы иссякали. Унылый городишко и жалкий заброшенный театр подрывали ее веру в себя: сбежав от одного, она возвращалась к другому, и наоборот.

В среду на город спустился туман — не желтый удушливый кошмар, какие нередко бывают в Лондоне, а добротное белое покрывало, продержавшееся весь день. Труппа ютилась в несколь-

ких комнатах, пытаясь выжать все возможное тепло из каминов, кресел и диванов, набитых конским волосом, из газет, в которых словно бы писали о другой планете, и из бело-зеленого света газовых рожков, под которыми они сидели, дремали, дрожали и изредка вставали, чтобы подойти к окну и посмотреть сквозь запотевшие стекла на серое пушистое ничто. Самое хорошее настроение было у Иниго, в котором вновь проснулся молодой многообещающий писатель. Автор, работавший в эти дни урывками, до сих пор не закончил «Последний рюкзак», отложив его под предлогом неподходящей погоды (зима не настраивала на творческий лад), но в Тьюсборо проявился вновь.

— Прочь шутовство и дуракаваляние, берусь за перо! — однажды заявил Иниго мистеру Окройду, когда они сидели в их общей гостиной. — Я уже написал полпесни, но теперь даже думать не могу о музыке. Настрой, настрой… мастер Окройд, в настоящий момент я настроен отрицательно к любым проявлениям бродячих театров. Я мечтал быть литератором, а не фигляром и сегодня начинаю новый очерк — весьма едкий, — кото-

рый назову «Родная зеленая Англия»[50]. В нем я расскажу читателю о Тьюсборо и подобных городишках — иронично и хлестко. Выплесну накопившиеся чувства и заодно преподам урок этим негодяям, определенно! Они у меня глаз не сомкнут!

— Хорошая мысль, — проговорил мистер Окройд, уютно попыхивая трубкой и широко улыбаясь соседу. — Одного в толк не возьму: кто эти негодяи, которые глаз не сомкнут?

— Ну… э-э… как бы… люди, которые в ответе за такое положение вещей! — расплывчато, но безжалостно ответил Иниго.

— Я вот не разберу, кто ж за это в ответе, — сознался мистер Окройд. — Все знают, а я один хожу гадаю. Послушать остальных, так это либо капиталисты, либо рабочие, либо пирламент на худой конец, а то еще землевладельцы, хозяева или большевики. Не соображу, кто ж на самом деле виноват? Ясно дело, ума у меня немного, в таких хитросплетениях нипочем не разберусь. Но ты уж напиши, растолкуй, глядишь, и я пойму. Да не забудь вставить парочку гадостей про нашего Дроука, что владеет театром. Подложил он нам

---

[50] Примечания: 50

Аллюзия на поэму В. Блейка «Мильтон» («Мы возведем Ерусалим в зеленой Англии родной». *Пер. С. Маршака).*

свинью, ничего не скажешь. Я кличу его грязным старикашкой, и место ему на паперти, так и знай. Но ты пиши-пиши, не держи в себе.

Иниго важно кивнул, раскурил трубку и без промедлений вывел пышное заглавие: «Родная зеленая Англия. Автор И. Джоллифант». Не подумайте, будто на этом его пыл иссяк — Иниго даже приступил к написанию самого очерка. «Сейчас одиннадцать утра», — настрочил он. Поглазев с минуту на готовую фразу, он вымарал ее и написал: «Я только что выглянул в окно, покрытое жемчужинами влаги». Однако и это не пришлось ему по душе. Иниго смял листок, взял новый и минут десять хмурил лоб, после чего вывел следующее: «За окном сейчас утро, наградой за долгие годы смятенья…» Вычеркнул «смятенья», вычеркнул все предложение, нарисовал шесть рожиц и бездумно украсил их усиками; затем тяжело вздохнул, вновь набил трубку и откинулся на спинку кресла.

Из коридора донесся странный звук: как будто кто-то очень медленно волочил по полу ноги. Мистер Окройд оторвался от газеты.

— Мистер Морд небось, — объявил он не без удовольствия, как будто любил сообщать дурные вести. — Сейчас зайдет к нам. Ежели смогет.

Иниго застонал. Мы уже слышали, как мистер Окройд описывал хозяйкиного мужа, и с тех пор Иниго дважды встречал этого опухшего багрового джентльмена.

— Мне его так жаль, прямо сердце кровью обливается, определенно, — быстро пробормотал Иниго, — но рядом с ним я сам не свой. Все равно что смотреть гадкий фильм с замедленной съемкой. Я успею смыться?

Смыться он не успел. В дверь едва слышно постучали. Потом она медленно, очень медленно растворилась, преодолевая по два-три дюйма за раз, и на пороге возник мистер Морд, опухший и багровый как никогда. Он простоял там по меньшей мере минуту, приходя в себя после тяжелого путешествия, и наконец изрек — точно человек, впервые произносящий фразу на чужом языке: «Доброе утро, жен-эльмены». И столь же медленно кивнул. Затем улыбнулся — улыбка эта распространилась по одутловатому лицу так неторопливо, что можно было проследить за появлением и исчезновением каждой складочки и морщинки. Мистер Морд сделал шаг вперед, еще шаг, еще, увидел стул, тщательно его осмотрел и наконец двинулся в его сторону.

— Я… бы… присел… жен-эль-мены… если…

не… возражаете. — Каждый выговоренный слог был для него великим подвигом. Наконец он опустился на стул, осторожно положил жирные руки на колени и медленно повернул голову, поглядев сначала на одного, а потом на другого жильца. — Утро… похоже… туманное, — вынес он свой вердикт. — Раньше… тут… очень… густые… туманы… бывали.

— О да, ужасно густой туман! Мерзкая это штука, знаете ли. Никогда не любил туманы. — Иниго с удивлением обнаружил, что выпалил эти идиотские фразы с невероятной скоростью, точно пулемет. — Вы уж меня извините, мистер Морд, я страшно занят! Пора бежать. — И он убежал — в коридор, где стал раздумывать, чем ему заняться и куда пойти. В спальне было жутко холодно и уныло — сидеть там придется в пальто, слушая кашель бедной старухи за стенкой. Если отправиться бродить по дому, встретишь, чего доброго, ту загадочную страшную девицу, которая подглядывает за тобой из-за углов, а потом хихикает и уносится прочь. С другой стороны, сидеть в гостиной и наблюдать за невыносимо медлительным мистером Мордом Иниго тоже не мог. Он подошел к входной двери и высунулся на улицу — там было холодно и жутко. Иниго

прокрался наверх, в спальню, закутался в пальто и стал читать старый затрепанный экземпляр «Нашего Тома Берка»[51].

Тем вечером в театре тоже было холодно и жутко. Артисты играли, пели и танцевали, точно персонажи какого-то унылого сна. Никто еще не слег, но никто и не выздоровел. Все ворчали и ныли пуще прежнего; между бранящимися и рычащими актерами труппы вот-вот разразилась бы неприкрытая вражда.

В четверг туман сменился черным дождем. По четвергам большинство тьюсборских лавок были закрыты, и все надеялись, что зрителей соберется больше обычного. Мистер Окройд, пробыв в театре полчаса, днем вернулся домой — погреться у камина, выкурить трубочку с Иниго и заодно рассказать ему о выкупленных заранее билетах.

— У торговцев здесь побольше денег будет, чем у остального люда, так что сегодня авось кой-какая публика да соберется, — заметил он. — Но у нас ведь не одно, так другое.

— Что вы имеете в виду, о премудрый браддерсфордец? — праздно осведомился Иниго.

— Беда с труппой, — поспешно ответил мистер

[51] Примечания: 51

«Наш Том Берк» — роман ирландского писателя Чарльза Левера (1806–1872), друга Теккерея и Диккенса.

Окройд. — Помяните мое слово, скоро будет большая ссора. Все к этому идет. Кой-кому и от меня достанется, ей-богу, если они не угомонятся. А старый Джимми того и гляди слягет, бедолага. И еще. По дороге в театр я видел, как твой Мортон Митчем выходил из паба — уже малость косой. А прямо перед моим уходом он пришел с тем малым, Финнеганом, оба на рогах, да еще с непочатой бутылкой виски. Они ее сегодня раздавят, как пить дать. Ты присматривай за своим приятелем. Вечером он будет в стельку, или не сойти мне с этого места.

Иниго не смог присматривать за мистером Митчемом, поскольку тот исчез и не объявился даже к началу концерта. Зрителей собралось больше, чем во все предыдущие вечера, вместе взятые: почти ползала. Многие приехали из соседних деревень и городков, атмосфера в театре сразу стала поживей, отчего повеселели и сами артисты. Только Джимми Нанн совсем раскис и дрожал еще сильней, чем прежде. В конце третьего номера, после песни Джо, когда публика еще аплодировала, на сцене появился мистер Митчем. Грима на нем почти не было, глаза имели несколько стеклянный вид. На ногах он держался довольно крепко, но все-таки умудрился сшибить

стул, на который хотел сесть. Минут десять, пока в его аккомпанементе не было нужды, эта огромная скрюченная гора сидела смирно и глазела на свое банджо. Однако не успел Джимми Нанн объявить следующий номер, как мистер Митчем внезапно приосанился и заиграл. Джимми не понял, что на него нашло, и вытаращил глаза, однако никакого действия это не произвело. Мистер Митчем продолжал играть — очень громко и быстро, — а остальные делали вид, будто это часть программы. Прошло десять минут, четверть часа, двадцать минут, а мистер Митчем все еще дергал струны, пока публика, отчасти восторженная, отчасти заскучавшая, не разразилась аплодисментами. Тогда он прекратил играть, встал, пошатнулся, отвесил поклон и внезапно заревел:

— Леи и шенельмэы!.. Я хачу кое-шо сказзать… всего два слова… тока два… — Сделав глубокий вдох, он изрек: — Я шетыре раза объехал округ света. — И вновь поклонился. Зрители опять захлопали, а остальные артисты, онемев от ужаса, старательно напускали на себя непринужденный вид.

Глупо улыбаясь, мистер Митчем поднял длинную дрожащую руку и сказал:

— В прожолжение концэрта… ш вашего позоленя, леи и шенельмены, я хачу приглассить на сцену доб… доба… добровольса. Любую леи, любого шенельмена, кавво угодно… — Он на секунду умолк… — Хто вытянет карту? — И протянул залу банджо.

Иниго, поймав страдальческий взгляд Джимми, немедленно заиграл, а Джо сумел вытолкать мистера Митчема со сцены так, что зрителям все произошедшее показалось хорошо разыгранной сценкой. Очутившись за кулисами, Джо позаботился о том, чтобы ее не разыграли вновь, и отвел сопротивляющегося мистера Митчема в гримерную, пока остальные продолжали играть.

Мисс Трант всегда говорила, что пьяные люди наводят на нее ужас, но в тот вечер страх ее не обуял. Она так разозлилась, что настояла на немедленном разговоре с мистером Митчемом. Даже когда он встал, шатаясь, и навис над ней, сияя глупой ухмылкой, мисс Трант ничуть не испугалась: она бы с удовольствием вбила немного разума и приличий в голову этого ужасного глупого младенца.

— А, добррррый вечеррр, миш Тран! — искренне обрадовался он. — Я нынче в форрме, слыхали, как я з…заввел зал?

— Пожалуйста, немедленно уходите домой, мистер Митчем! — воскликнула мисс Трант. — Постыдились бы!

Он будто обиделся и несколько секунд глазел на нее с укором.

— Миш Тран, так друзззьям не грррят! — Он скорбно покачал головой. — Хто заввел ззал? Не я, шкажете? Щетыре раза округ света! Щетыре раза, ущтите! Щетыре! И до сих пор завввожу ззал! От я какой, Мортон Митчем.

Мисс Трант с отвращением отвернулась и умоляюще взглянула на Джо, который еще стоял в дверях.

— Пойдем, старик, — сказал Джо. — Вставай и пошли.

Мистер Митчем счел свои слова блестящим и остроумным ответом несправедливой начальнице.

— Умно, умно, — сказал он, качая головой. — Но с дрррузьями так низзя! Чо ж, раз я не нужен, я пойду. — И он внезапно поплелся прочь, шатаясь из стороны в сторону. Джо подхватил его под руку, сказал мисс Трант, что вернется до начала второго отделения, и отбыл. Мисс Трант вдруг тоже захотелось сбежать, забыть об этом жутком театре и спокойно прийти в себя в гостиничном

номере. Она решила как можно скорей выгнать Митчема из труппы — в груди у нее по-прежнему бушевал гнев. Так ужасно себя вести, когда дела и без того плохи, — это откровенное вероломство!

Однако то было не самое худшее событие вечера. Прямо посреди второго отделения Джимми Нанн внезапно лишился чувств. Он спел одну песню — точнее, кое-как пробубнил, — поклонился залу и на секунду ушел за кулисы добавить несколько штрихов к костюму: Иниго уже заиграл вступительные аккорды второй его песни (про почтальона), но Джимми вдруг уставился в пустоту, сдавленно простонал и рухнул бы как подкошенный, не подхвати его вовремя мистер Окройд. Джимми смертельно побледнел под гримом, губы его посинели, а руки и ноги задергались в страшных мелких конвульсиях. Мистер Окройд знал, что бедный Джимми везде носит с собой фляжку с бренди, и ее тут же отыскали в гримерной. Дрожавшей мисс Трант удалось влить несколько капель спиртного между его синих губ, пока мистер Окройд придерживал голову и плечи. Труппа засуетилась, но Иниго продолжал наигрывать то же идиотское «пом-пом-поппа-пом, пом-пом, поппа-пом» для песни, которой, вероятно, уже не суждено было вновь

прозвучать со сцены. Публика забеспокоилась, на последних рядах кто-то принялся топать ногами.

Джимми шевельнулся; щеки его чуть порозовели, и он открыл глаза. Ему удалось глотнуть бренди.

— Надо вызвать врача, — сказала мисс Трант.

Джимми потряс головой.

— Нет, никаких врачей, — пробормотал он. — Сейчас я приду в себя. Продолжайте.

Первым, как ни странно, нашелся Джерри Джернингем. Он прыгнул за кулисы, перекинулся словечком с мисс Трант и, бледный, но собранный, вернулся на сцену. Остановив Иниго, он объявил:

— Леди и джентльмены! Вынужден с прискорбием сээбщить, что мистер Джейми Нэнн не может продолжить свое выступление… в свези с внезапным… э-э… недомэгэнием. — Он ненадолго умолк: из зала послышался какой-то шум, словно кто-то в спешке уходил. — Следующим нэмером… э-э… неподрэжэемэя мисс Стелла Кэвендиш споет вэм бэллэду.

Тут, как водится, публика захлопала, и к пианино, с невероятным достоинством, но роняя ноты от волнения, вышла миссис Джо. Мистер Джернингем, этот неустрашимый денди, торже-

ственно сел, и концерт продолжился.

Джимми отнесли в его гримерную, и он все еще бормотал, что не хочет видеть никаких врачей, когда из коридора донеслись чьи-то голоса.

— Ну, я прям не знаю, миссис, — проговорил мистер Окройд.

В следующий миг в гримерную ворвалась худая дама средних лет, вся в черном, и, не обращая внимания на мисс Трант и Джо, склонилась над Джимми, который таращился на нее, широко разинув рот.

— Ну, как поживаешь, Джеймс? — осведомилась она, все еще внимательно его разглядывая.

Оправившись от первого шока, Джимми едва заметно ухмыльнулся:

— Неплохо, Кэрри. А ты… что ты тут делаешь?

— Скверно выглядишь, Джеймс. Я давно это заметила. Так не годится, Джеймс. Ты болен и больше не можешь сидеть тут в этом нелепом гриме. За тобой нужен уход.

Мисс Трант наконец взяла себя в руки и сумела пошевелиться.

— Полагаю, вам хочется знать, что я тут делаю, — сказала решительная дама, неприветливо зыркнув на мисс Трант. — Так вот, я миссис Нанн. Как только ваш артист сказал, что мистеру Нанну

нездоровится, я пришла сюда. Ему очень повезло, что я оказалась в Тьюсборо. Двое ваших недавно сообщили мне, что труппа едет сюда — я встретила их на вокзале в Хиклфилде. Ты видел меня в окно поезда, Джеймс, — сурово добавила она.

— Верно, видел, — ответил Джимми, но объяснять ничего не стал.

— Да-да, теперь я понимаю, — поспешно выдавила мисс Трант. Ей было очень неловко. — Мы хотели вызвать мистеру Нанну врача, но он не разрешил. Ему всю неделю нездоровится.

— И вряд ли когда-нибудь здоровилось! — презрительно воскликнула миссис Нанн. — Питается неизвестно чем, ходит в мокрой одежде, живет в грязных съемных комнатах… думаете, я не знаю? Сейчас ему надо в постель. Тьюсборский Королевский театр, ха! Джеймсу придется меня выслушать. Я и раньше это говорила, но теперь он прислушается к моим словам.

Мисс Трант рассудила, что лучше всего оставить внезапно воссоединившуюся пару наедине. Джо уже успел улизнуть, и она последовала его примеру. Через четверть часа ее вновь отыскала миссис Нанн за кулисами: она была похожа на сжатую стальную пружину и явно решила, что надо делать.

— Джеймс Нанн поедет со мной, — без обиняков заявила она. — Он очень плох, и я буду за ним ухаживать. Придется вам обойтись без него…

— Разумеется, он не должен играть в таком состоянии! — воскликнула мисс Трант. Эта удивительная женщина, по всей видимости, вообразила, будто они силком затаскивают бедного Джимми на сцену! — Но где… простите за вопрос, я не вполне понимаю… где он будет?

— Со мной, — быстро и твердо ответила миссис Нанн. — Я живу примерно в двадцати милях отсюда, между Тьюсборо и Хиклфилдом. Держу магазин. В четверг мы работаем до обеда, поэтому я и смогла приехать. Наши с Джеймсом дороги разошлись, но мы по-прежнему муж и жена, и я не буду сидеть сложа руки и смотреть, как он себя гробит. Я предупреждала его, к чему приводит такая жизнь, но он меня не слушал. Теперь жизнь преподала ему урок. — Она хотела развернуться и уйти, но в последний миг сделала еще одно замечание, эдакий постскриптум: — Труппа у вас полуживая, мисс Трант. Им нужно больше работать, если вы хотите держать планку.

С этими словами она удалилась.

Мисс Трант, задохнувшись от удивления, смотрела ей в спину и спрашивала себя, что делать

дальше. Наконец, простояв на месте минут десять, она отправилась в гримерную Джимми. Он наверняка захочет увидеть ее перед отъездом, да и вообще, она имеет право знать, что происходит! Однако в гримерной никого не оказалось. Мисс Трант не могла поверить, что они уехали вот так, не попрощавшись, но факт оставался фактом: их нигде не было. Джимми таинственно исчез, точно его похитила ведьма. «Охотно верю, что так оно и есть», — печально подумала мисс Трант, бредя по грязному вонючему коридору. Голова у нее раскалывалась, а сама она была на грани слез. Ах, этот гадкий, гадкий Тьюсборо! Мисс Трант осталась до конца выступления — жалкого подобия их обычного ревю, — чтобы рассказать остальным о случившемся, но выслушивать их безумные догадки и домыслы не стала — вымотанная и разбитая, она скрылась в своем номере, где лежала без сна и слушала черный дождь, чувствуя себя одной на всем жутком и непостижимом свете.

Наутро, пока она сидела у камина в буфете и строчила письма, к ней явился посетитель — мистер Мортон Митчем. Он был похож на древнюю высоченную развалину и даже ходил со скрипом, под нестройный перестук костей. Он шагнул вперед, одной рукой сжимая печальное сомбреро,

а другой теребя громадные пуговицы на пальто. Мисс Трант невольно вспомнила имя этого пальто, про которое она совсем забыла, — Серебряный король, — и вдруг осознала, что не может выгнать мистера Митчема из труппы. Это будет не самый разумный поступок, особенно теперь, после ухода со сцены Джимми.

— Мисс Трант, — в высшей степени серьезно пробасил мистер Митчем, — я пришел извиниться за вчерашний концерт. Я понимаю, что чуть не подвел всю труппу — да еще в какие времена! — и, кажется, нанес вам личное оскорбление. — Его глаза над впалыми желтыми щеками казались совсем пустыми. — Простите меня, я очень-очень сожалею о случившемся. Надеюсь только на ваше милосердие, мисс Трант.

— Хорошо, мистер Митчем, — поспешно ответила она. — Уверена, такое больше не повторится…

— Никогда!

— Вот и славно… — Мисс Трант почувствовала себя школьной учительницей, а это громадное создание было ее учеником. Какая нелепость! — Давайте забудем об этом прискорбном случае и больше не станем о нем говорить.

— Мисс Трант, вы так добры! Это… это просто чудо! — Тут, к вящему удивлению мисс Трант, он

умолк, нахмурил массивные брови и взглянул на нее как будто с укоризной. — Но так не пойдет, — со скорбным упреком произнес мистер Митчем, — что-то ведь надо сказать. Мне должно быть стыдно за свой поступок, и мне действительно стыдно, но, боюсь, должно быть еще стыдней. Скажите не тая, мисс Трант, как вы расстроены и разочарованы. Я, Мортон Митчем, самый старый и опытный артист труппы, человек, который должен во всем вам помогать, единственный, на кого вы могли положиться, — и так вас подвел! А? Прямо сам себе не мил. Да еще Джимми разболелся, вот незадача! А я что творю? Давайте, мисс Трант, смелее. Скажите все, что обо мне думаете, как ужасно вас подвел Мортон Митчем. Вы меня не обидите, я заслужил все до последнего слова, — проговорил он так, словно она уже сказала эти слова.

Мисс Трант невольно улыбнулась:

— Ну, раз вы так настаиваете, я скажу, что вы повели себя очень плохо — или по крайней мере глупо — и я действительно очень на вас рассердилась. Вчера я даже решила…

Мистер Митчем поднял руку.

— Простите, что перебиваю, — важно проговорил он, — но я должен вам кое-что сказать. Такое

могло случиться только в этом несчастном городишке. Тьюсборо, мисс Трант, стал для меня… как бишь его… а, Ватерлоо! Да, он меня доконал. Не знаю, то ли я уже староват для гастролей, то ли что. Но здесь, в Тьюсборо, я дошел до ручки.

— Я тоже, — не без горечи ответила мисс Трант.

— Я давно странствую по свету, почти бродяга, если угодно, — продолжал он с печальным смаком, — но помимо прочего я — артист. У меня крутой нрав, я похож на льва, готовящегося к прыжку. Мне нужна хоть какая-нибудь поддержка — маленькое приключение, веселая компания, аплодисменты публики, удачный концерт — что угодно, многого я не прошу. Но в Тьюсборо — насколько я успел заметить — нет вообще ничего. Город, его жители, комнаты, театр, пустые залы каждый вечер… поверьте, мисс Трант, я бывалый разъездной музыкант, четырежды объехал вокруг света… но я не железный, и Тьюсборо вывел меня из себя. Честно вам признаюсь: вчера я хотел слегка оживить обстановку и малость перестарался с подсветкой. Вот такие дела.

— Понимаю, — заверила его мисс Трант. И не соврала: она почти завидовала его пьянству. — Просто случилось недоразумение, — утомленно

проговорила она. — Нам всем сейчас нелегко, нервы расшатаны, артисты сами не свои. Я не узнаю труппу. Но вы должны мне помочь, ведь теперь у нас нет Джимми — его похитила жена, и я понятия не имею, что делать. Мы угодили в ужасный переплет.

— Мисс Трант, — изрек мистер Митчем, — у вас есть человек, который ради вас справится с любыми невзгодами. Что бы вы ни надумали — готовить новую программу или еще что, — вы всегда можете рассчитывать на Мортона Митчема. Если хотите, я половину номеров отыграю, мне не впервой. Одно ваше слово, мисс Трант, и я все сделаю.

— Ах, спасибо! — воскликнула мисс Трант: слова мистера Митчема ее развеселили и тронули.

— Вам спасибо! — Он посерьезнел и добавил: — Давайте по этому случаю пожмем друг другу руки, мисс Трант, если вы не возражаете.

Они пожали друг другу руки, и мистер Митчем в мгновение ока стал прежним собой: веселым и склонным предаваться многоречивым воспоминаниям. Он настоял на том, чтобы поведать ей несколько историй о местах, весьма похожих на Тьюсборо, хотя, кроме мистера Митчема, никто ни малейшего сходства между ними не видел.

Затем он отбыл, еще раз уверив мисс Трант, что он, Мортон Митчем, сделает ради нее что угодно и при необходимости возьмет на себя хоть всю программу.

Тем же вечером ему пришлось отчасти сдержать обещание, поскольку случилось ужасное. К отсутствию Джимми они успели подготовиться, а вот исчезновения Джерри Джернингема никто не ожидал. Поначалу все решили, что тот просто опаздывает, и, прождав несколько минут, начали без него — полуживая труппа играла для полуживой публики. Никакой весточки от мистера Джернингема они так и не получили, и мисс Трант в конце концов отправила мистера Окройда к нему в номер — узнать, что случилось. Тем временем остальные играли, как могли. Отсутствие Джимми и Джернингема проделало огромные дыры в программе, однако Сюзи и мистер Митчем умудрились заполнить их комическими сценками, юморя и шутя напропалую. Мистер Окройд вернулся с вестями, придавшими происходящему еще большую таинственность.

— Хозяйка комнат знать не знает, где он, — доложил мистер Окройд. — Жилец ей ничего не говорил. Но утром за ним приехала машина — на ней он и отбыл, оставив все вещи в комнате. Ясно

дело, если б он и вещички забрал, она б его без оплаты не отпустила. Но куда он уехал и насколько, неизвестно. Не удивлюсь, если он попросту нас обштопал и дал деру.

— Понятия не имею, что вы имеете в виду, — с досадой ответила мисс Трант. — Поэтому не могу сказать, согласна я с вами или нет.

Мистер Окройд удивленно поднял на нее глаза. Это было очень не похоже на мисс Трант.

— Я имел в виду, — поспешно объяснил он, — что мистер Джернингем сбежал, бросив весь багаж. Извините уж, проще сказать не могу. — Откровенно говоря, к этому времени его терпение тоже начало иссякать.

Мисс Трант ушла, не сказав ни слова. Не важно, куда уехал Джернингем, факт оставался фактом: на месте его не было, он их подвел. Это задело и расстроило мисс Трант. Да еще Элси и Сюзи рассорились в антракте, а миссис Джо заявила, что мистер Митчем, похоже, возомнил, будто программа принадлежит ему одному. Мисс Трант никого не стала слушать. «Как дети малые!» — к всеобщему изумлению, фыркнула она и заткнула уши. Ее терпению пришел конец: вся неделя была сплошным мрачным фиаско, Джимми заболел и исчез, Джернингем тоже исчез, остальные либо

напивались в стельку, либо ссорились. Где их дружба, где преданность? Все пошло прахом. Мисс Трант стало дурно. Она застряла в жуткой дыре, где вынуждена проводить время либо в грязном отеле, либо в запущенном старом театре, и это удовольствие обходится ей дороже, чем самое роскошное путешествие, какое мисс Трант только могла придумать. Она не захотела сидеть за кулисами и ждать, пока унылое выступление подойдет к концу: ей хотелось лечь в постель, почитать что-нибудь веселое и остросюжетное, забыть о Тьюсборо, ужасном Королевском театре и «Добрых друзьях» — от одного этого названия она недовольно морщилась. Но сперва нужно было сделать одно дело.

Вот почему, когда концерт закончился, мистер Окройд объявил труппе: «Мисс Трант ушла домой, но велела вам прочитать объявление на доске у входа». К доске был пришпилен листок, от имени Э. Трант призывавший всех артистов явиться на собрание, которое пройдет завтра, в полдень, на сцене Королевского театра. И приписка снизу: «Срочно».

IV

В субботний полдень все собрались на сцене театра, включая мистера Окройда, который держал во рту пустую и холодную трубку, а кепку сдвинул как можно дальше на затылок — два этих факта ясно указывали на то, что на душе у него неспокойно. На самом деле неспокойно было всем, и говорили они тихими подавленными голосами. Утро выдалось холодное и серое, как шифер. То и дело кто-нибудь из труппы зевал или покашливал, и вид у всех был усталый. Инего, время от времени поглядывавший на Сюзи, сокрушался, что она тоже заболела: такой она выглядела измученной, бледной и растерявшей весь свой блеск. Ни от Джимми, ни от Джернингема весточек не было, и все артисты невольно чувствовали себя жертвами кораблекрушения.

— Полагаю, вы согласитесь, — начала мисс Трант, неожиданно вернувшись к прежней, наполовину нервной и зажатой, наполовину отстраненной манере речи, — что нам необходимо принять несколько решений. Во-первых… насчет сегодняшнего концерта. Есть ли смысл его давать?

— Нету, — ответила Элси. — Вчерашнее вы-

ступление прошло ужасно. Сегодня в нас начнут швырять мусором, не иначе.

— Что за нелепость! — Мистер Митчем встал во весь рост и пригрозил Элси бровями. — Почему мы не должны давать концерт? Нас шестеро, так ведь? Зачем же отказываться от денег? Даже одного из нас — всего одного — слишком много для Тьюсборо, не говоря уж о шести. Были времена, когда мы давали целые спектакли и водевили куда меньшим числом, я один тащил на себе…

— Как же, мы знаем! — грубо перебила его Элси. — Вы творили чудеса в далеком восемьдесят третьем, в каком-нибудь Тимбукту. Можете не рассказывать!

— Ничего вы не знаете, — с великим презрением ответил ей мистер Митчем. — Вам некогда было узнать. Вы нигде не были и ничего не видели. Невежество — вот ваша беда, юная леди, вопиющее невежество.

— Ах, убирайтесь к черту!.. — взорвалась Элси.

— Тихо, тихо, так нельзя, милочка, — поспешно пристыдила ее миссис Джо. — Давайте не будем забываться. В нашей жизни полно невзгод и испытаний — кому, как не мне, это знать! Но нельзя же опускаться до оскорблений и грубостей! — Миссис Джо произнесла это с невероятным

достоинством, потом секунды две сидела очень прямо, но, увы, не сдержалась и чихнула.

— Словом, я за выходной, — угрюмо сказала Элси.

— А по-моему, это ужасная подлость с твоей стороны! — выпалила Сюзи. — Подумать только, мисс Трант выбросила ради нас столько денег, а мы даже не попытаемся их вернуть — хоть малую часть! В конце концов, сегодня суббота, люди должны прийти. Прав мистер Митчем: зачем отказываться от денег? Наши выступления куда лучше, чем Тьюсборо в состоянии оценить — или я не знаю Тьюсборо.

— Минуточку, Сюзи, — размеренно и честно пробасил Джо. — Это ведь мисс Трант спросила, давать выступление или нет, так что Элси не виновата. Сдается, решать тут должна сама мисс Трант. Мы сделаем все, что в наших силах, но если она считает, что мы можем испортить себе репутацию этим концертом, — а мы можем, — то лучше действительно не выступать.

— А вы как считаете? — обратилась мисс Трант к Иниго, который в ее теперешнем настроении был ей ближе, чем все остальные: ведь он, как и она, недавно пришел в театр.

Иниго пожал плечами:

— Мне все равно. Если бы вопрос стоял, уезжать с этого кладбища или нет, я бы без сомнений ответил «да». Тьюсборо нас всех доконал, определенно. А раз мы не можем уехать, то почему бы и не сыграть сегодня? Какой-никакой опыт, да и горожанам повеселей жить станет. Вряд ли мы заработаем много денег, но любая выручка хоть немного подсластит вам пилюлю, мисс Трант. С другой стороны, если вы решите собрать вещи и дать стрекача, отправиться в следующий город по списку, я буду только «за», определенно.

Все согласно забормотали, но мисс Трант вскочила на ноги, прошла ярд или два и взволнованно обратилась ко всем.

— Тогда встает второй вопрос! — воскликнула она. — Будет ли следующий город? Есть ли смысл продолжать? Вот что не дает мне покоя.

Она умолкла, и тут же последовали дружные восклицания, среди которых громче всех звучал трагический голос миссис Джо, твердящий: «Я так и знала! Так и знала!»

— Не поймите меня неправильно, — продолжала мисс Трант. — Я сейчас думаю не о деньгах, хоть и потеряла приличную сумму, особенно на этой неделе. Надеюсь, у вас не сложилось ложного впечатления, будто я богачка, — это не

так. Я смогла помочь вам лишь потому, что мне недавно сделали неожиданный подарок. Однако дело не в этом, хотя вы должны понимать, как это ужасно — без конца терять деньги. Меня волнует другое… — Она помедлила.

— Можно сказать, мисс Трант? — обиженно спросила Элси. — Если вы злитесь на нас из-за Тьюсборо, то я бы на вашем месте вспомнила, кто нас сюда привез — арендовать этот мерзкий вонючий театр решили вы.

— Ты невыносима! — вскричала Сюзи с таким видом, словно заставила бы Элси умолкнуть навечно, будь на то ее воля. — Закрыла бы лучше рот!

— С чего это? — вопросила Элси.

— Р-р-р! — Отчаяние, досада, гнев, отвращение и бог знает что еще прозвучали в этом яростном рыке, который издала Сюзи.

Она повернулась к мисс Трант и взмолилась:

— Вы ведь не бросите нас, мисс Трант? Я знаю, пока наши дела не очень-то хороши, но ведь у нас даже не было шанса себя проявить!

— Ни малейшего, — мрачно добавил Джо.

— Я это прекрасно понимаю, — сказала мисс Трант. — Дело ведь в другом. Просто… просто на этой неделе у меня такое чувство, будто мне все

осточертело. Ах, я знаю, что виноват Тьюсборо и что я сама вас сюда привезла. Напрасно я арендовала этот жуткий, гадкий театр — да, я ошиблась и дорого плачу за свою ошибку. Но вы должны были меня поддержать…

— Поддержать, мисс Трант?! — воскликнула миссис Джо, всплеснув руками и отчаянно озираясь по сторонам. — Да ни один антрепренер не пользовался такой поддержкой с моей стороны, как вы! Я бы и для Друри-Лейн так не старалась! Вечер за вечером я вставала с постели, превозмогая Болезнь. «Нет, — отвечала я мужу, когда он умолял меня остаться и полечиться, — мой долг — быть на сцене. Я делаю это только ради мисс Трант». Можете спросить Джо. Правда, дорогой?

— Правда, — ответил Джо, пряча глаза.

— Не сомневаюсь, что вы сделали все возможное, миссис Брандит, — проговорила мисс Трант с легкой усталостью в голосе. — Но я не могу избавиться от чувства, что на этой неделе меня подвела вся труппа. Я впервые пошла на риск — очень глупый риск, не отрицаю, — и вы должны были стоять за меня горой. А вместо этого труппа развалилась…

— Мы не виноваты, что у Джимми случился

приступ или что там еще, — вмешалась Элси. — А вот некоторые… — Она умолкла и многозначительно взглянула на мистера Митчема, который, в свою очередь, сделал вид, будто ее не существует.

— Да, да, нам не повезло! — нетерпеливо вскричала мисс Трант. — С этим ничего нельзя поделать, а вот многого другого можно было избежать — ссор, перебранок, наплевательского отношения к концертам… да неужели вы не понимаете, о чем я толкую? Если нет, мне все равно, я только пытаюсь объясниться. Наше дело пошло прахом.

— Никогда, никогда не прощу Джерри Джернингема за побег! — воскликнула Сюзи.

— Да, парнишка с гнильцой, — проговорил мистер Митчем таким тоном, будто он с самого начала знал, чем закончится дело, и теперь ему странно, что остальные этого не замечали.

— Похоже, он действительно улизнул, — протянула Сюзи.

— Видимо, так, — ответила мисс Трант с презрительной усталостью в голосе. — Его вещи здесь, но он предпочел бросить их, чем остаться. Вы ведь сегодня к нему ходили, не так ли? — спросила она мистера Окройда, который мрачно жевал

трубку в глубине сцены.

— А то! Заходил и записку оставил: мол, собрание у нас, пусть приходит, ежели воротится. Хозяйка сказала, что от него никаких вестей. У ней на лбу написано, что она уже прицепивается к его ботинкам, рубашкам и воротничкам — сколько за них можно выручить, коли Джернингем пропал с концами.

— Мы этого золотого мальчика больше не увидим, — предсказала Элси. — Слышали бы вы, как он костерил Милденхолла, когда тот смотал удочки! А сам? Ничуть не лучше! Попадись он мне на глаза, я ему устрою…

— Итак, — подытожила мисс Трант, — вот что случилось с труппой после первого же испытания. Теперь вы понимаете, почему я отчаялась? Мне и так было нелегко — я сейчас не о деньгах говорю, а о том, как мало я понимала в театре, как трудно мне было вникнуть в его жизнь — пришлось приложить огромное усилие! Первым делом меня привлекло то, какие вы были преданные, веселые, дружелюбные, как поддерживали друг друга в ужасной беде… А теперь… что ж, я больше этого не вижу.

Тут встала Сюзи.

— Да, мисс Трант, теперь мы вас понимаем и не

можем винить, — уныло произнесла она. — Но… ах, простите нас! Я не знаю, чем заслужить ваше прощение.

Ее голос дрогнул, она отвернулась и ушла в глубь сцены, где стоял мистер Окройд.

— Ну, девонька, — проговорил тот, — не плачь, не плачь. — Он потер подбородок и попытался еще дальше сдвинуть кепку, в результате чего вообще сбросил ее с головы, поднял, нахлобучил обратно, выступил вперед и мужественно взял слово: — Вопчем, дело такое. Вряд ли вам интересно мое мнение, но раз уж все пока молчат, будьте добры послушать и меня. А я говорю: держитесь! Не сдавайтесь, мисс Трант. Попробуйте еще разок. Тока не подумайте, будто я это ради работы грю — ясно дело, я не хочу ее терять, особливо теперь, когда пообвык да навострился, — но дело-то не в этом. Меня расстраивает, что вы бросите все, не успев толком и начать. Этот гнусный Тьюсборо все испортил, будь он проклят! Но мы ему покажем!

— Правильно, мастер Окройд! — вскричал Иниго. — Полностью поддерживаю, определенно!

— Надо токмо осилить поворот, — убежденно проговорил мистер Окройд, обращаясь к мисс Трант. — Оно всегда так: напружишься, свер-

нешь за угол, а там и образуется. А зачем было начинать, коли сейчас все бросите и сдадитесь? Незачем! Потерпите малость, а там, глядишь, через неделю али через месяц деньги сами вам в руки потекут, успевай карман подставлять! Нет, — с укоризной воскликнул он, — мы ж на месте не сидим, всегда в пути, верно? А значится, без колдобин да ухабов не обойтись. Вот мы в ямку-то и угодили, ну и что? Скоро по новой отправимся в путь, попытаем удачу, и — помяните мое слово — если нас не ждет бешеный успех, я съем свою кепку!

И мистер Окройд, взбудораженный своим красноречием, сорвал с головы кепку, поднял ее в воздух, нахлобучил вновь и отвернулся.

— Вы прелесть! — слезно воскликнула Сюзи, когда он проходил мимо.

Мистер Окройд в ответ подмигнул — не весело и беспардонно, а робко и сконфуженно, чем дал понять, что вполне сознает всю нелепость и недопустимость своего поведения. В Браддерсфорде он бы еще несколько лет корил себя за такой всплеск чувств.

Остальные не успели ничего ответить, потому что вновь услышали голос мистера Окройда; укоризненный и возмущенный, он доносился

от входной двери, куда его хозяин только что удалился. Все подняли глаза и замерли в ожидании. Что-то должно случиться, говорили их лица, что-то приятное и радостное.

На сцену, бешено озираясь по сторонам, влетела огромная, сверкающая и бряцающая украшениями дама.

— Леди Партлит! — хором возгласили Сюзи и Иниго, вмиг признав свою новую знакомую из гостиницы близ Хиклфилда.

— Да-да! Как у вас дела? Разумеется! — тараторила леди Партлит, пытаясь разом окинуть всех взглядом, отчего вертелась на месте подобно юле. — Извините, что так врываюсь, я, право, не хотела мешать… Но мне сказали, что он тут. Он тут? Ах, ну где же он? — Она отчаянно сцепила маленькие толстые ладошки.

Мисс Трант изумленно воззрилась на незнакомку.

— Не понимаю, — растерянно проговорила она. — Кто… почему… в чем дело?

Сюзи бросилась к гостье:

— Вы ищете Джерри Джернингема?

Леди Партлит вмиг обеспокоилась и загомонила, точно встревоженный попугай:

— Да-да, конечно, мистера Джернингема. Про-

изошло недоразумение, уверяю вас, я могу все ему объяснить. Вы уверены, точно-точно уверены, что его здесь нет? Видите ли… — в отчаянии заключила она, — он пропал.

Артисты заверили ее, что мистера Джернингема нет в театре, и уже хотели забросать ее сотней разных вопросов (ведь их так и распирало от любопытства), но она не дала им такой возможности.

— Вы ведь мисс Трант? — выпалила она, бросившись к обескураженной леди. — Простите за беспокойство, вы так добры, что не сердитесь на мое внезапное появление… — В следующий миг она подлетела к Сюзи, которую, по-видимому, сочла самой благосклонной и отзывчивой из присутствующих. — Сплошное недоразумение, от начала и до конца, мисс Вин, мисс Дин, произошла глупая ошибка, но из самых благих побуждений! Он попросту сбежал, сбежал, не сказав ни слова, и я надеялась найти его тут. Вы, верно, подумали, что я ненормальная — вломилась на сцену, веду себя, как неизвестно кто, — однако поверьте, я лишь хотела с ним объясниться! А вышло только хуже, и вы даже не знаете, где его искать…

— Он пропал два дня назад, — сказала Сюзи.

— Да, это я знаю и могу объяснить, — начала ле-

ди Партлит, потом вдруг услышала какой-то звук, посмотрела в сторону и взвизгнула от неожиданности. — Вот вы где!

Перед ними стоял прежний щеголь и фат, великолепный мистер Джернингем. Завидев рванувшуюся к нему леди Партлит, он подскочил на месте и залился краской.

— Уходите! — пятясь, воскликнул он.

— Это недоразумение…

— Слышэть ничего не желаю! — провопил мистер Джернингем и с растущим негодованием добавил: — Вэш слугэ зэбрэл у меня брюки. Причем специально! Вы так распорядились!

— Да я же хотела их вычистить! — взвыла леди Партлит.

— Непрэвдэ! — Мистер Джернингем погрозил ей пальцем. — Он нэрочно их зэбрэл, а пэтэм еще смеялся надо мной! Вы только посмотрите, что мне пришлось нэдеть!

Все посмотрели и с удивлением обнаружили на Джернингеме чрезвычайно грязные штаны защитного цвета, какие мог надеть младший садовник на утреннюю прополку клумб. Увидев, что все взгляды сосредоточены на его кошмарных штанах, мистер Джернингем вскинулся пуще прежнего и велел леди Партлит немедленно

убираться: он не желал ее видеть. Сюзи увела ее, разбитую и по-прежнему что-то лопочущую, через служебный вход.

— Как это мило и любезно с вашей стороны, — жалобно причитала леди Партлит. — Я так расстроилась, вы себе не представляете. Это останется между нами, правда? У меня тут неподалеку живет старый друг, милях в двадцати отсюда. Я приехала к нему в гости с единственной целью — еще разок увидеть… всех вас… на сцене. Это было в четверг, а потом я отправила записку мистеру Джернингему — безобидную дружескую записку, в которой предупредила его, что пришлю за ним машину. Я подумала… он такой талантливый, правда?.. вот и я подумала, что сумею как-нибудь помочь ему, но сразу говорить не стала — не стала объяснять, как я могу помочь его карьере, потому что мне хотелось сперва подружиться с ним, потому что *другу* приятно помогать, верно? Разумеется, я понятия не имела, что моего приятеля внезапно вызовут в город и машины в пятницу не будет! Уверяю вас, милочка, все это недоразумение и ошибка… ну, с брюками. Он так злится из-за них, правда? Меня он нипочем не простит, но, быть может, вы сумеете ему втолковать?.. Не сегодня, в будущем, когда

все уляжется. Никому, кроме труппы, ни слова, хорошо? Я знаю, на вас можно положиться. Если я в силах что-нибудь для вас сделать — хоть самую малость! — обращайтесь в любое время. Как это мило с моей стороны… ой, то есть с вашей… в общем, я очень рада была вас повидать, понимаете? Надеюсь, я не… Ах да, мы пришли. Конечно, конечно. Голубушка, погодите минутку, мне надо перевести дух. Я так бесцеремонно вломилась, так помешала… Все это ошибка и недоразумение, честное слово. Ну, прощайте!

Сюзи проводила ее взглядом, потом сделала глубокий вдох и, весело напевая, вернулась на сцену. Мистер Джернингем еще извинялся и оправдывался перед изумленной мисс Трант, но явно не испытывал желания утолять любопытство коллег. Сюзи отвела его в сторонку.

— Ты хоть знаешь, кто это был? — вопросила она не без ехидства.

— Дорогая моя Сюзи, — воскликнул Джернингем, — дэвэй зэбудем об этой ужэсной дэмочке. Толстая рэзврэтная стэрухэ, вот кто онэ.

— Ты знаешь, что ее зовут леди Партлит и что она очень богата? — не унималась Сюзи.

— Мэжду прочим, знэю, — высокомерно ответил Джернингем. — И мне плевать!

— А вот чего ты не знаешь, дорогой мой Джерри, — тихо продолжала Сюзи, — так это того, что она заправляет двумя вест-эндскими театрами, а музыкальные комедии и ревю — как раз по ее части.

— Господи! — Мистер Джернингем побледнел и с ужасом уставился на коллегу. — Подумэть только!.. — Посетившая его мысль была невыносима, однако, опустив глаза, он ненароком вновь увидел грязные штаны защитного цвета. — Плевэть я хотел, — решительно повторил он. — Не надо было забирать у меня брюки.

Однако он явно призадумался, и задумчивость эта овладела им на несколько месяцев.

— Разумеется, это кое-что меняет, — говорила мисс Трант, когда к ней подошли Сюзи и Джернингем. Остальные тем временем принялись болтать. Мисс Трант еще не разобралась, что произошло с Джернингемом, тем не менее было совершенно ясно, что он не нарочно пропустил концерт. Он с пеной у рта доказывал, что ни в чем не виноват, и искренне негодовал, слыша от кого-нибудь обвинения в свой адрес.

— Ну-ка! — раздался громкий и победоносный голос мистера Окройда. — А как вам это? — Он вошел на сцену не один.

— Мальчики и девочки!..

— Джимми! — взвизгнула Сюзи и кинулась к нему. В следующий миг его окружили и так затискали в объятиях, что чуть не оторвали ему голову.

— В Мирли нашелся чудесный доктор, прямо кудесник, целитель! — торжественно объявил Джимми. Вид у него по-прежнему был слегка бедный и дрожащий, но все же ему явно стало лучше. — Он еще молод, слегка косит и зубы все наружу, но, поверьте, он и мертвого из могилы подымет! Пришел я к нему на прием, а он все болтает и стучит, стучит и болтает! «Ладно, док, — говорю, — не обращайте на меня внимания. Дайте мне полгодика и готовьтесь заполнять нужные бланки». А он рассмеялся и говорит: «Вздор! Я сделаю из вас нового человека. Когда вы последний раз были у врача?» Ну, я и ответил. Четыре года назад. «Так и думал, — говорит. — И что вы с тех пор делали?» Я рассказал: мол, всякое пробовал. «Так и думал. А теперь слушайте меня». Выписал он мне кое-каких лекарств, рассказал, как лечиться и прочее. Потом настал мой черед, жена к тому времени как раз вышла. «Док, — говорю я, — мне обязательно оставаться здесь и бездельничать? Коли так, я все равно скоро по-

мру. А если скажете, что мне лучше вернуться на сцену, где мне самое место, ваше лечение не пройдет даром. Только вы не мне это скажите, а моей жене». Он велел прийти на следующий день, мол, тогда он сможет сказать что-то определенное. Уж как я ему подмигивал! Док сообразил, что к чему. «Работа ему не повредит, — заявил он жене наутро. — Даже наоборот, пойдет на пользу». Ура, противник сломлен! Вот как я здесь очутился, мисс Трант, мальчики и девочки, и пока я буду принимать по одной пилюле до и после еды, вы еще наслушаетесь от меня бородатых анекдотов!

— Мы тут как раз обсуждали, Джимми, — сказал Джо, — стоит ли сегодня выступать.

— Что? Как это не стоит? — воскликнул Джимми. — Концерт состоится, даже если выступать буду я один! Сегодня в Тьюсборо съедется сто двадцать пять членов Кооперативного общества Мирли и района — пренебрегших, в виду непредвиденных об-сто-ятельств, ежемесячным вистом и танцами, — а ради чего? Ради концерта «Добрых друзей» в Королевском театре, где мистер Нанн на особых условиях предоставит им весь бельэтаж. Теперь за дело — посмотрим, удастся ли нам собрать полный зал.

— Танцуйте же! Кого-то там изгнали до рассве-

та, настал любви и радости черед![52] — взревел Иниго, отбивая чечетку. — Что скажете, мисс Трант? — уже спокойней спросил он. — Быть «Добрым друзьям» или не быть?

— Быть, — с улыбкой и чуть покраснев, отвечала та.

— Мы им покажем! — закричал мистер Окройд, взмокнув от волнения. — Тьюсборо нас не сломит, Тьюсборо — ништо! Вечером зарядим ему по первое число!

Концерт прошел блистательно: артисты играли с душой, и бельэтаж, битком набитый членами Кооперативного общества Мирли, не преминул отблагодарить их за старания. (Говорят, несколько раз хохотнул даже казначей — баптистский священник, презиравший любые формы развлечений, кроме кантат.)

— Я не утверждаю, что это был фурор, — отметила Сюзи после выступления, — но клянусь, ни один разъездной театр не добивался в Тьюсборо такого успеха с тех незапамятных времен, когда сюда приезжала Вторая гастрольная труппа с премьерой «Королевского развода». И мы снова вместе, правда, детки?

---

[52] Примечания: 52

Неточная цитата из поэмы Дж. Г. Байрона «Паломничество Чайльд Гарольда», песнь третья. *Пер. В. Левика.*

Детки согласно кивнули и разошлись по съемным жилищам (которые были столь убогими или зловещими, что им уже нашлось место в архивах — с пометкой «Милочка, тебе когда-нибудь доводилось играть в дыре под названием Тьюсборо?»), довольные и счастливые сознанием, что труппа опять в сборе и завтра начнет подыскивать себе новые комнаты. Так закончилась Черная неделя.

Глава 7
Целиком похищенная из сумки почтальона

I

От мисс Элси Лонгстаф мисс Эффи Лонгстаф[53]

Для передачи через миссис Боттомли,
Джаггер-стрит, 23,
Ладденстол,
Йоркшир.

19 декабря

Дорогая Эффи!

У меня все хорошо давно хотела написать но последнее время мы давали по три вечера на город, а ты понимаешь что это такое, сплошные сборы переезды и прочая. Наконец мы вроде бы осели! — аж до Нового года в эдаком концертном зале наполовину с кинотеатром, он не шибко большой зато уютный и чистый, хорошая сцена свет и т. д. Комната у меня тоже

---

[53] Примечания: 53
В письме сохранены особенности стиля и пунктуации автора письма.

хорошая и наконец-то своя собственная слава Богу, а то я бы умерла с этой Сюзи Дин под боком, мы конечно подруги но ты меня понимаешь дорогая. Концерты проходят хорошо, старый добрый Йоркшир! Если уж тебе удалось рассмешить здешний народ они тебя со сцены не отпустят. Вчера я выходила на бис, могла выйти еще раз но это не влезло бы в программу. По мне так в ней стало чересчур много Сюзи Дин и Дж. Джернингема, особенно теперь когда для них пишет песни этот пианист и все такое! Его зовут Иниго Джоллифант, милый мальчик и талантливый! Но он так увивается за С. Дин, а она так откровенно им помыкает, что прямо тошно смотреть, и смех и грех. Детский сад иначе не скажешь, но что взять с этих детей!

Наконец-то у нас будет толковое Рождество. Играем в сочельник и потом на День подарков. Ты могла бы приехать, хотя вряд ли у тебя получится, я вот подумываю на денек приехать сама, мы ведь недалеко. Ты все еще работаешь у Джорджа или уже в «Вике», как хотела,

заходят ли к тебе Чарли, Джимми и тот высокий парень в очках, если да передавай им привет, пусть ведут себя хорошо пока я не вернусь! Угадай кого я встретила позавчера, нипочем не угадаешь. Утром я поехала в Лидс по магазинам и чуть было не купила там новое пальто в магазинчике неподалеку от Бриггейт, там была распродажа, в общем спереди как бы пелеринка, воротник стоечкой оборки все очень милое и мех прямо как настоящий, всего за 4 фунта с мелочью, а раньше было семь. Но я пожалела денег, хотя чую если еще раз выйду на улицу в своем старом черном меня забросают тухлыми помидорами. Короче села я днем на обратный поезд и угадай кого там встретила? Прямо в мой вагон чуть не на ходу запрыгнул тот мальчик из Скарборо, помнишь мы в прошлом году с ним познакомились когда я еще играла в «Колокольчиках»! Такой высокий и усатый, строил из себя эдакого пьянчугу в «Короне». В общем он сказал что в любой день приедет в Ладденстол только позови, дал свой рабочий адрес и телефон так что скучать мне не при-

дется. Он просил передать тебе что его дружок теперь женился. Ну что сказать мне жаль его жену, дорогая!

Я прикупила тебе красивых носовых платочков, отправлю завтра или послезавтра. Если ты мне еще ничего не выбрала купи пожалуйста шелковые чулки потемнее обычных, они хорошо будут смотреться с моим красным платьем. Передай привет дяде Артуру и скажи что я опять подарю ему трубку, и напиши как можно скорей сможешь ли ты приехать. Если да то заклинаю не бери с собой Этель Голливер, а то выйдет как в прошлый раз! Я люблю повеселиться но с Этель стыда не оберешься, придется мне сбежать из этой труппы и из города! Это правда что она живет с — ну ты поняла, с тем парнем по кличке Розовый Перси — ничего удивительного! Люблю-целую, дорогая моя Эффи, счастливого тебе Рождества!

Элси.

II

От миссис Джо Брандит ее сестре, мис-

сис Сорли из Денмарк-Хилла

Для передачи через миссис Эндрюс,
Клаф-стрит, 5,
Ладденстол,
Йоркшир.

21 декабря

Дражайшая моя Клара,

порадуйся за меня, наконец-то нам улыбнулась Удача. Мы здесь на все праздники, комнаты замечательные, и хозяйка невероятно любезна — так что Джордж может запросто приехать — ну, разве это не шикарно? Если Джим согласится посадить его на поезд на вокзале Кингс-Кросс или попросит кого-нибудь это сделать — надежного человека, разумеется, — то пусть Джим или этот человек найдет на перроне приличного взрослого и сдаст Джорджа под его присмотр: чтобы он не выходил один в коридор и не лез к окну. А если ты улучишь часок и сделаешь это сама, будет просто замечательно — ни один хороший человек не откажется от компании такого умненького мальчика, как Джордж, верно? Мы, конечно, не совсем в Лидсе, но

это недалеко и мы его встретим, так что он доедет без пересадок. Джо уже навел справки: поезд отправляется в 8.45 утра с вокзала Кингс-Кросс — пожалуйста, не забудь, в 8.45 утра, послезавтра, т. е. 23 декабря. Можешь выслать телеграмму, что вы его посадили и все хорошо. Высылаю деньги за билеты — половину, разумеется. Уверена, ты соберешь ему все необходимое, оденешь как следует — здесь гораздо холодней, чем у вас, — и дашь в дорогу пару булочек, шоколадку и, быть может, комиксы, чтобы не скучал. Ты не представляешь, какая это радость для матери — знать, что доверяешь свое дитя ответственному и надежному человеку!

Так вот, у нас наконец-то будет человеческое Рождество, и я даже не знаю, кто этому больше рад, я или Джо. Мы накупили Джорджу кучу игрушек и забавных вещиц — конечно, он давно не верит в С. Клауса, но под Рождество наверняка захочет повесить чулочек над камином. Мы устроим настоящий рождественский ужин, а мисс Трант раздобыла для

Джорджа приглашение на большой детский утренник, который пройдет в городе на второй день Рождества. Теперь, когда деньги мы получаем стабильно, а не от случая к случаю, и можем спокойно снимать жилье и платить за еду, все стало просто замечательно, в нас вновь проснулась уверенность, все вокруг кажется — тьфу-тьфу-тьфу — таким прекрасным и радужным! А встретив Рождество со своим любимым сыночком, я и вовсе стану другим человеком. Поверить только, всего месяц назад нас обоих поглотила пучина отчаянья, даже Джо — у него, конечно, есть свои недостатки, но нрав всегда веселый и жизнелюбивый, — а теперь гляди, как внезапно все переменилось! Концерты проходят великолепно — каждый вечер почти полные залы, публика лучше не придумаешь, да в придачу с хорошим вкусом. Меня попросили исполнить два номера на концерте духовной музыки — то ли для уэслианцев, то ли для конгрегационалистов, вылетело из головы, — а Джо предложили 15 фунтов за два номера в Рабочем клубе, где

состоит муж миссис Эндрюс — чуточку неотесанный и бесцеремонный, но в душе — истинный джентльмен. Словом, все обернулось как нельзя лучшим образом, и мы должны быть за это благодарны.

Похоже, дела идут превосходно у всех — жаль, это не может длиться вечно. Джимми Нанн, наш постановщик, говорит, что он уже два года не чувствовал себя так хорошо: судя по его виду, так оно и есть. Наш пианист прекрасно справляется — я с самого начала говорила, что лучше музыканта и пожелать нельзя. Мисс Трант — чудесная начальница и делает для нас все, что может, а артисты не просто разговаривают друг с другом (даже это, ты знаешь, большая редкость), а по-настоящему дружат, и вместе мы похожи на одну большую счастливую семью. Да, я никогда не хотела, чтобы Джордж приближался к сцене или видел меня за работой, — ты сама это слышала не раз, правда? — но я твердо убеждена, что если моему мальчику суждено познакомиться с театром, пусть это лучше произойдет здесь и сейчас.

Высылаю тебе подарок, Клара — прими мою любовь и благодарность за то, что ты делаешь для Джорджа. Счастливого вам Рождества! Боюсь, мои слова могут показаться вам неискренними, ведь я забираю Джорджа как раз на праздники, но ты ведь понимаешь, как много это значит для матери! Увидев эту вещицу в магазине, я сразу сказала Джо: «Идеальный подарок для Клары, она будет в восторге». А он ответил: «Неправда, с чего ты взяла?» Мы довольно долго спорили, пока я не заметила, что он смотрит на совсем другую вещь — набор краснодеревщика. Ох уж эти мужчины! Он передает тебе привет и желает вам с Джимом всего наилучшего. Если вы сможете убедить Джорджа, что он всю жизнь мечтал о заводном поезде с сигнальной будкой и пр. — мы будем очень признательны.

Твоя любящая сестра,
Мэг.

III

От Джимми Нанна миссис Нанн

Для передачи через миссис Шоу,
Клаф-стрит, 17,
Ладденстол,
Йоркшир.
23 декабря
Дорогая Кэрри,

просто решил черкнуть тебе пару строк о том, где я, как замечательно себя чувствую, ну и, конечно, поздравить с Рождеством и Новым годом. Пожалуйста, прими мои поздравления и не фыркай — я действительно желаю тебе всего наилучшего. Хоть мы и не ужились вместе, друзьями-то всегда можно оставаться. Я питаю к тебе самые добрые чувства, Кэрри, это чистая правда, и хотел бы, чтобы это было взаимно. Я знаю, ты не захочешь ездить со мной по стране и вообще больше не желаешь иметь отношения к сцене, а тебе прекрасно известно, что я не могу до конца жизни сидеть в твоей лавке и развлекаться упаковкой подарков. Раз у нас такие разные взгляды на жизнь и на счастье, то и ворчать нечего. Будь Алиса жива, возможно, все вышло бы иначе. Не обращай внимания

на толки и пересуды — а любопытным скажи, чтоб не лезли в чужие дела. Или отвечай, что я продолжаю работать по настоянию врача.

Рад сообщить, что ты ошибалась насчет нашей программы. Ты видела ее в Тьюсборо, когда всем нам нездоровилось, и потому у тебя сложилось неверное впечатление. Теперь же все хорошо, публика нас на руках носит, и скоро мы начнем зарабатывать настоящие деньги. Насчет мисс Трант ты тоже ошибалась. Она чудесная, лучше не бывает. Угадай, на кого я наткнулся недавно в Лидсе — на старика Таппи Таннера, он там выступает с премьерой «Золушки» в Королевском театре пантомимы, играет барона. Он ничуть не изменился, разве что еще больше разжирел, а его дочка Мона в этом году стала ведущей актрисой в бирмингемском театре. Поневоле задумаешься, как летит время... Казалось бы, всего год или два назад мы все вместе играли в Дугласе — помнишь? — когда Таппи еще свалился в море и тебе пришлось лечить его дочку то ли от кори, то ли

еще от чего. Не тогда ли бедный Джек Дин напился вдребезги и влип в неприятную историю с итальянкой, которая потом пришла за ним в театр, а мы его прятали? Крошка Сюзи постоянно о нем расспрашивает — признаться, я бы мог такого порассказать, что у нее б душа в пятки ушла, хотя девочка уже немало повидала на своем веку — но, разумеется, о самом дурном я умалчиваю. Вряд ли тебя волнуют ее дела: ты всегда недолюбливала бедного Джека, а он недолюбливал тебя. Однако девочка быстро растет; стоит ей показаться какому-нибудь крупному агенту, который знает толк в талантливых артистах, и мы распрощаемся с крошкой Сюзи. Я не стану ей мешать — пусть попытает счастья. Не знаю, как бы я сам поступил, представься мне хороший шанс — я уже стар и ленив, а старые добрые гастроли меня вполне устраивают. Если ты мечтала увидеть мое имя на электрических вывесках, не надо было удерживать меня, когда старик Вурлштайн приезжал в Глазго с выгодным предложением. Ты не хотела

рисковать, а я хотел… впрочем, все это в прошлом, я здесь, а ты там, и нам обоим неплохо живется.

Ничего себе письмецо! После этого мне впору писать мемуары, не меньше. Кэрри, прошу тебя, давай забудем плохое, ладно? Всего тебе наилучшего в Новом году. Если встретишься с тем врачом, передай, что я еще принимаю лекарства, а он — волшебник.

Твой Джимми.

IV

От Джерри Джернингема леди Партлит

Для передачи через миссис Лонг,
Бери-роуд, 6,
Ладденстол,
Йоркшир.

24 декабря

Леди Партлит!

Спасибо большое за портсигар, я получил его вчера в «Ионике». Откуда вы узнали, что мы там выступаем — наверно, увидели афишу в «Стейдж» — довольно

рискованно посылать такую чудесную вещицу неизвестно куда. Да я был очень удивлен вашим подарком и письмом после всего, что случилось между нами в Тьюсборо, но должен сказать, что я пришел к чересчур поспешным выводам и поступил необдуманно, вы конечно ни в чем не виноваты, и мне очень жаль, что так вышло. Не потому что вы сделали мне такой замечательный подарок и так расхвалили мою работу. Жаль, что вы покидаете Англию на месяц-другой, я был бы рад показать вам наше ревю. Мы обновили программу, и у меня теперь несколько свежих номеров — три песни написал наш пианист, весьма талантливый юноша и многообещающий композитор, если только возьмется за голову. Концерты проходят великолепно, я и не ожидал такого успеха — хотя как вы знаете в труппе минимум четверо никудышных артистов, и вы совершенно правы что я напрасно растрачиваю свой талант на гастрольную деятельность. Но я не жалуюсь, дела идут отлично — по два-три раза за вечер выхожу на бис

и мог бы выходить больше но программа не резиновая. Впрочем вы правильно догадались что такая работа меня не устраивает и я не упущу случая сделать шаг вперед. Люди которые помогут мне его сделать, не пожалеют об этом.

Нет я не гуляю целыми днями с хорошенькими йоркширками, как вы подумали — хотя при желании мог бы, — но я не стал бы тратить на них свое драгоценное время даже будь они в сто раз краше. Простите еще раз мою грубость и спасибо за чудесный подарок. Меня недавно сфотографировали — я подумал вам будет приятно получить от меня подписанную карточку.

Искренне ваш, Джерри Джернингем.

P.S. Любое письмо, отправленное на мой постоянный адрес (Бирмингем, Фискал-стрит, 175), всегда меня найдет.

V

От мистера Мортона Митчема господину Гусу Джеффсону, клуб Оригиналов

«Ионик»,
Ладденстол,
Йоркшир.
26 декабря
Уважаемый сэр,
прочел вашу статью «Восточные гастроли» в прошлом номере «Стейдж», вы говорите что ваша труппа первой отыграла в Пинанге, но я был там с труппой «Принц Пимлико» добрых три года назад, сразу после Сингапура. Можете прочесть заметку «Тридцать лет на Малайском полуострове» господина Дж. Дж. Томпсона, там же найдете и фотографию нашей труппы. Я по-прежнему на сцене, сейчас выступаю в «Ионике» с известной труппой «Добрые друзья» (Э. Трант и Дж. Нанн), у нас успешный зимний сезон. Надеюсь, вы не обидитесь на поправку. Примите наилучшие пожелания от старого профи, который в свое время немало гастролировал по Востоку — славная была пора.

Верьте мне,

искренне ваш,
Мортон Митчем.

VI

От Сюзи Дин мисс Китти Маккэй, труппа «Мультимиллионерки», «Эмпайр», Кардифф

Для передачи через миссис Райт,
Джаггер-стрит, 11,
Ладденстол,
Йоркшир.

27 декабря

Лапушка моя Китти,

твое письмо пришло только сегодня — проблуждав по всей стране, — но я вижу, что ты в Кардиффе, а значит мое дойдет до тебя гораздо быстрей. Ужасно мило с твоей стороны так обо мне волноваться — я этого не забуду, милая! — и три месяца назад я бы подпрыгнула от удивления, прочитав адрес. Южная Африка, подумать только! Я всегда мечтала путешествовать — побывать всюду — ходить в белой одежде, пробковом шлеме и все в таком духе — однажды так оно и будет — и я даже обзаведусь личным эки-

пажем (или что там принято у звезд). Но сейчас я вынуждена отказаться от твоего предложения — не спрашивай почему, дорогая, ты ведь знаешь каково это! — дело не в деньгах — в предложении твоего мужа нет совершенного ничего дурного, уверяю тебя, и для меня это большая честь — здесь-то я получаю всего пять в неделю, зато восхитительно регулярно, как по часам — а уж тебе ли не знать, как это важно. Я не могу сейчас уйти от «Добрых друзей», попросту не могу — труппу слепила из того, что осталось от треклятых милденхолловских «Штучек-дрючек», прекрасная женщина, прямо ангел — вся такая строгая и в твиде, из какой-то небывалой глуши вроде Уиддлтона-он-зе-Уортлберри, да-да, представляешь, — она выскочила словно ниоткуда на своей машинке — немного краснела и выглядела очень храброй — оплатила все наши долги и пробудила в нас былой дух, все сама, ничегошеньки не смысля в театре! Стоит на нее взглянуть, как сразу ясно, что случилось самое удивительное, сумасшедшее чудо на свете! Неделю за

неделей она медленно, но верно теряла деньги — хоть бы пикнула! — а сейчас они потихоньку к ней возвращаются, и пока она не увидит прибыли, я отсюда ни ногой — даже если мне предложат играть у Дэли (впрочем, на горизонте пока ничего подобного не маячит).

Играла ты когда-нить в Ладденстоле, девонька? — эт крохотное местечко в Йоркшире — как водится, похожее на огромный газовый завод, но местные жители кое-что смыслят в ревю. Каждый вечер аншлаги, честно, и твою крошку все время вызывают на бис. А еще нас приглашают на всякие праздники — на второй день Рождества устраивали танцы, и я стала там первой красавицей — надарили кучу подарков и коробку конфет размером с чемодан, не меньше — не, девонька, эт чо-то! В самом деле, Ладденстол и окрестности от нас в восторге: лидсовские мимы в подметки нам не годятся! Кажется, нам всюду сопутствует удача, и рано или поздно случится что-нибудь из ряда вон. Так что пока никакой Ю. Африки.

Брандиты по-прежнему с нами — и я очень этому рада, хотя до Ковент-Гардена им, согласись, далеко, — зато какие они милые! Старый добрый Джимми тоже в строю — ему уже лучше — и пусть я знаю все его анекдоты наизусть, комедиант он неплохой, в разъездных труппах такого еще поискать — лучше многих, чье имя уже красуется на электрических вывесках. Джерри Джернингем тоже пока с нами — растет с каждым днем, да и работать с ним стало поприятней, чем прежде — а девчонки, как обычно, бегают за ним с высунутыми языками, — и сам он ни капельки не изменился: 1 костюм с иголочки, 1 порция бриолина, 5 сигарет, 1 завышенная самооценка, 3 ме-е и бе-е, — вот и весь наш Джерри. А еще у нас новый пианист, некий Иниго Джоллифант — он вообще-то любитель, раньше работал учителем в частной школе. Кембриджская разновидность: мешковатые фланелевые брюки, неизменный чудной галстук, «Подайте мне трубку» и прочая. Мечтает писать книги, весь такой Возвышенный и Высоколобый — если

не забывается — но вполне симпатичный и очень, очень талантливый. Он пишет для меня чудесные песенки — в тысячу раз лучше тех, какие нынче услышишь на Шафтсбери-авеню. Однажды его заметит какой-нибудь важный человек с Вест-Энда, и тогда, моя милая, он сколотит на своих безделицах целое состояние — определенно (его любимое словечко). Он очень милый и мы жутко весело проводим время — нет, голубушка, нет, — мы просто друзья и только, по крайней мере с моей стороны. Ты ничего не написала про Эрика, — надеюсь, у него все хорошо.

Если бы ты была не в Южной Африке, а в Канаде, то один наш человечек непременно поехал бы с тобой. Он монтировщик сцены и реквизитор, маленький такой йоркширец — ну, не то чтобы очень маленький, просто так кажется, потому что он прелесть, — он тоже свалился на нас ниоткуда и стал потом как родной. Видела бы ты его на Рождество! — он всех местных йоркширцев уболтал байками о своих странствиях — первый сорт,

девонька! Он мечтает о Канаде, потому что там живет его дочка — «наша Лили», как он ее зовет, — а поскольку я, видите ли, на нее похожа (упаси Господи!), он и во мне души не чает. А, забыла сказать, есть тут еще один стариканчик, банджоист и фокусник Мортон Митчем — мы его тоже по дороге подобрали — очень странный, девонька, очень странный — но музыкант неплохой и величайший враль среди артистов! В свое время он явно повидал мир, но будь ему даже сто пятьдесят лет, столько городов он объездить не мог, хоть ты тресни, — заливает только так!

Да, знаю, все это звучит чудно, — а мы, право, самая чудная разъездная труппа на дорогах страны, — но и самая лучшая. Как жалко, что ты далеко и не можешь приехать, взглянуть на нашу программу! Ну, вот и все, милая, — не забудь, что я страшно признательна тебе за приглашение, но ты ведь понимаешь, правда, почему я не могу его принять? Только не подумай, что я до конца жизни буду разъезжать по стране — ничего подобного! Очень скоро я расцвету — обо мне услышат даже в Ю. Африке, и тогда ты сразу пришлешь мне телеграмму. Удачи тебе, милая Китти, вечно твоя,

Сюзи.

VII

От Иниго Джоллифанта Роберту Фонтли, школа «Уошбери»

Для передачи через миссис Джагг,
Клаф-стрит, 3,
Ладденстол,
Йоркшир.
29 декабря

Дорогой Фонтли,

благодарю тебя за столь быстрый ответ о своих делах. Знаю, мне следовало написать раньше. Теперь придется отправлять это письмо в школу, где оно попадет к тебе не прямиком, а через руки Ма Тарвин. Если конверт слегка помят сзади, имей в виду, что она распарила его и вскрыла (использовав горячий чернослив), а если ты вовсе ничего не получишь, так и знай: она его изничтожила — ха-ха! Спасибо за рассказ о делах в «Уошбери», хотя читать его было в высшей степени странно — как будто ты пишешь с Марса. Очень рад, что прекрасная Дейзи уехала — пусть она выйдет замуж за стража нашей Империи в Судане, пусть у него будет бронзовый загар и серебряная рамка с ее фотографией, которую он повезет с собой в самую дичайшую Африку. Угадай, что сделал новый человек — вице-Джоллифант (звучит убого) — отправил Ма Тарвин рождественскую открытку!! Самую очаровательную, какую только удалось найти, с двумя птичками на снегу и подписью:

«Сквозь снег и вьюгу
Юности другу».

Или что-то в этом роде. (Спроси ее про рождественские открытки, когда вернешься.) Недавно, когда я проходил мимо какой-то убогой лавки, мое внимание привлекла самая пестрая и вульгарная открытка из возможных. Надпись над ней гласила: «Чего только не найдешь в Блэкпуле», а картинку ты можешь себе представить. Ее-то, откровенную и непристойную, я и отправляю дражайшему Фелтону, пусть она украсит его изысканный дом в Клифтоне. Фелтон — единственное человеческое существо, которое еще собирает рождественские открытки, — лишь те, что достойны Британского музея и Южного Кенсингтона, разумеется, — и я подозреваю, что моя не попадет в эту славную коллекцию. Ах, какая жалость!

Представляешь ли ты, каково быть бродячим комедиантом в Ладденстоле, Йоркшир? А Ладденстол представляешь? Крохотный городишко, черный,

как твоя лучшая шляпа, соединенный с несколькими в равной степени черными городишками множеством трамвайных путей. В жизни не видел столько трамваев. Пути здесь напоминают горную железную дорогу и карабкаются вертикально вверх. Все улицы поднимаются под углом минимум 45 градусов, дома каменные и спускаются к подножию мрачного холма, который в действительности представляет собой границу огромной вересковой пустоши. В минувшее воскресенье я прошел несколько миль по этой пустоши — вся она испещрена черными каменными стенами, вьющимися по ней подобно змеям, — пока наконец не испугался. Смешно подумать, что этот край — тоже Англия. Совсем другая страна. Мы с мисс Трант (она родом из Котсволда, самого сердца Англии, и руководит труппой — бог знает зачем!) придерживаемся одного мнения по этому вопросу. Местные жители работают — причем женщины работают без конца — и ходят на футбольные матчи, пьют старое пиво (отличная штука),

дважды в неделю слушают «Мессию» Генделя и пичкают гостей кексами с сыром.

Я, как ты понял, обитаю у Джаггов[54]. Такова фамилия хозяина дома, и всякий раз, когда мы встречаемся, он держит в руке кувшин — он, видишь ли, самый преданный поклонник вышеупомянутого старого пива, подавать которое следует «тока в кувшине». В неверии ни во что он даст фору самому Омару Хайаму, тоже написал книгу стихов, тоже вечно твердит о безделье, гуриях и не отрывается от кувшина — а вдобавок к хайамовским пристрастиям еще и курит глиняную трубку. В высшей степени сух и циничен. Миссис Джагг напоминает мне Генриха VIII (главным образом своими формами). Она работает, как вол — в жизни не видел таких тружеников, — и всегда выглядит столь раздосадованной, что страшно есть ее стряпню (кажется, она будет ужасной на вкус, потому что в последнюю минуту все начинает валиться у нее из рук, но нет, в итоге по-

[54] Примечания: 54
Джагги — от английского jug — кувшин.

лучается прекрасно — прямо волшебство какое-то). Единственное ее развлечение — «ходить по воскресеньям в церков», но после долгих уговоров я убедил ее принять билет на наш вчерашний концерт. Что из этого вышло? «Хе», — изрекла она, только этот звук у нее получается длинным, вроде блеянья. «Хе, — сказала она, — неплохо вы играли, тока я большую часть выступленья прохрапела. Стулья такие удобные, а я страсть как устала». Мне это представляется весьма грустным. Я здесь почти две недели и за это время успел подружиться с Джаггами. Таких славных хозяев у меня еще не было, да и город очень хорош, пусть немного странноват. А ужасов мы навидались, поверь. Ты не узнаешь старую веселую Англию, покуда не поездишь по ней с бродячими комедиантами.

Помнишь, ты говорил, что я должен найти какое-нибудь применение своим мелодийкам? Так вот, я делаю из них песни — вроде бы они всем нравятся, — а мои коллеги, особенно ведущая актриса (ее зовут Сюзи Дин, она не только потря-

сающая девушка, но и гений — подожди, скоро ты о ней услышишь!), считают, что я могу на них подзаработать. Скоро, должно быть, я этим займусь. Недавно написал два очерка — очень неплохих, надо отдать им должное, — и разослал в несколько изданий, но никому они не приглянулись — «Примите наши сожаления...» и все в таком духе. Удивительно, всякую чепуху они печатают, а нормальную литературу... Впрочем, чужаку трудно пробиться в этот узкий кружок — а разъездному комедианту тем более! Так что я постараюсь как можно больше зарабатывать на своих глупых безделицах, а писать для собственного удовольствия. Вечерами я тарабаню по клавишам, а днем отдыхаю. Компания подобралась веселая — Рождество прошло великолепно, такого у меня, кажется, еще не было, — и хотя я не планирую до конца дней играть в разъездной труппе, пока это гораздо веселее, нежели вбивать французский и историю в головы будущих строителей нашей славной Империи, за ужином давясь тарвиновскими котлетами и чер-

носливом. Ладденстол безобразен, как старый локомотив, но у него есть одно важное преимущество перед Уошбери — он Жив! И я, дорогой мой Фонтли, жив как никогда. Надеюсь, ты тоже, всего тебе самого хорошего в Новом году.

Искренне твой,

Иниго Джоллифант.

VIII

От мисс Трант миссис Джеральд Аткинсон

(урожденной Дороти Чиллингфорд), Кенийская колония

Ладденстол,

Йоркшир.

31 декабря

Моя дорогая Дороти!

Твое последнее письмо пришло всего два дня назад. Я очень рада, что у вас все наладилось и Джеральд получил наконец те желанные земли. По-моему, ты очень счастлива. Ну, разве не фантастика — ты там, а я здесь? Нет, я еще не была в Хизертоне. Если б на праздники мы

остановились поближе, я бы заглянула к твоим дорогим родителям, к Пертонам и всем остальным, но, увы, ничего не вышло — пришлось ограничиться письмами и маленькими подарками. У меня было самое нелепое Рождество в жизни — в крошечном темном городишке посреди Йоркшира, где все разговаривают точь-в-точь как наш чудесный реквизитор и монтировщик мистер Окройд (я тебе о нем рассказывала). Поначалу все местные казались мне грубиянами. Стоит зайти в магазин, как тебя прямо с порога спрашивают: «Ну, чего надо, юная леди?» (хотя «юная», конечно, утешает). Впрочем, я быстро привыкла, и вот что я тебе скажу: нигде на свете ты не сыщешь таких добрых и сердечных людей. Нам очень повезло, что на Рождество мы оказались именно тут, потому что они все какие-то рождественские, честное слово.

Раз ты настаиваешь на том, что мне необходима «театральная хватка», докладываю: я наконец-то начала получать прибыль! Каждую неделю я немножко в плюсе, хотя, конечно, потерянное мне

пока не вернулось. Но как же это здорово, видеть такой душевный зрительский прием! Артисты тоже преобразились и играют теперь просто шикарно.

Как бы нелепо это ни звучало, я становлюсь заправской театралкой. На этой неделе я получила предложение возглавить еще одну труппу — и отказалась! Как-то вечером, сразу после концерта, мне вручили карточку одного джентльмена, который хотел со мной побеседовать. Он оказался тучный, прыщавый, с пивным брюхом и очень дружелюбный (слишком дружелюбный!), а звали его мистер Эрни Кодд, из Лидса. Минут пять он тряс мою руку, дышал на меня и приговаривал: «Великолепная программа! Чудесная! Поздравляю вас с таким успехом, мисс Бант! Меня зовут Эрни Кодд! Эрни все знают! А теперь выслушайте меня, выслушайте!» Когда мне наконец удалось вырвать руку и заверить его, что я внимательно слушаю, он рассказал мне про готовый сценарий, декорации и реквизит для какого-то ревю («Вы следующий!», вроде бы так оно называется, и

по словам Эрни Кодда это «стопроцентный фурор», а такой хорошенькой труппы танцовщиц за пределами Вест-Энда попросту нет), и он готов взять моих «Добрых друзей» со всеми потрохами за пятьдесят процентов выручки или поделить их со мной, мисс Бант, помощницей антрепренера. Я, моя дорогая, пытаюсь передать, какую сумбурную околесицу он нес, вовсю жестикулируя и страшно задыхаясь. Мне потребовалось двадцать минут — и помощь мистера Нанна — чтобы втолковать ему, что согласия моего он не получит. Никогда не видела такого искреннего — хотя, может, и притворного — удивления, как удивление мистера Кодда, вдруг уразумевшего, что мы не хотим идти под его начало. Я очень повеселилась (повеселилась бы еще больше, будь мистер Кодд почище и не будь у него такой склонности к рукопожатиям) и, честно говоря, пришла в восторг. Мистер Нанн, мой помощник и советник, тоже обрадовался и сказал, что хоть доверять Эрни Кодду нельзя, его предложение — повод для гордости.

Вероятно, тебе все это кажется сущими пустяками и чем-то далеким от реальной жизни, но должны же и у меня быть свои маленькие радости. Дела у нас действительно идут на лад.

Позавчера какая-то местная ассоциация коммивояжеров устраивала здесь утренник, и их секретарь умудрился разузнать мое имя. Он попросил нас с Сюзи — той самой очаровательной и даровитой девушкой, о которой я тебе говорила — вручить призы. Было так чудесно! К разговору о детях, хочу рассказать тебе про мистера и миссис Брандит — это наши баритон и сопрано. Надеюсь, ты еще помнишь их описание, потому что иначе ты можешь не уловить сути истории. Как я уже писала, у них есть сынок по имени Джордж, который живет у тетки в Денмарк-Хилле, но на Рождество они пригласили его к себе — откладывали ему на подарки и гостинцы каждый лишний пенни, всю неделю твердили только о сыне, которого, разумеется, боготворят. К его приезду они чуть с ума не сошли от радости и волнения. Помню, я еще

надеялась, что он окажется хорошим мальчиком и будет благодарен им за старания. Понятное дело, все вышло ровно наоборот — звучит безрадостно, но ты-то знаешь, как оно бывает — никакой он не хороший мальчик, а глупый и злобный пакостник. Ему не понравился ни один подарок, о чем он не преминул сообщить родителям. Ему не понравился Ладденстол, и он все время канючил, чтобы его отправили обратно в Денмарк-Хилл. Он что-то сломал на съемной квартире и рассорился с хозяйкой, которая тут же его отшлепала (что я сама порывалась сделать несколько раз) и на этой почве повздорила с миссис Джо, которой пришлось искать всей семье новые комнаты. Наконец они привели сына в театр, и там он так всем опротивел, что мистера и миссис Джо попросили больше никогда его не приводить. На утреннике он сразу нахулиганил, потом ходил кислый и сердитый, а в итоге заболел. Хуже не бывает! Все это время бедные родители делали вид, что ничуть не расстроены, и мы уже не знали, плакать нам или сме-

яться. Честно говоря, хотелось выть в голос. Бедный недалекий Джо! И бедная недалекая миссис Джо! Держится она с невероятным достоинством и благородством, но из этой парочки она все же самая недалекая. В конечном счете они сошлись на мысли, что их сынок еще недостаточно окреп — списали все на плохое здоровье, — хотя на самом деле он силен, как бык, и время от времени его попросту надо пороть.

Дорогая моя, ну зачем ты говоришь глупости? Я начинаю жалеть, что вообще рассказала тебе о том случае. Нет, я «в своих странствиях еще не встретила доктора Хью Макфарлана». Да и с чего бы? Я даже не знаю, в Англии ли он, хотя, признаться, в его существовании и добром здравии у меня сомнений нет. Да, я имею представление о «такой штуке, как медицинский реестр» — нравы у тебя стали совсем колониальные и бесцеремонные, — но я в него не заглядывала, даже мысли не было. Древняя история меня не заботит — если бы ты меня увидела, то поняла бы почему. Меньше чем через неде-

лю мы вновь отправляемся в путь. Я тебе говорила, что Хильда со мной заодно? Она помогла сделать несколько платьев для одного номера в духе средневикторианских времен — между прочим, я его сама придумала!

Последние дни верхушки холмов на западе совсем белые, и я недавно увидела тамошние вересковые пустоши — безмолвные и почти целиком заснеженные, очень одинокие и жуткие. Все время идет снег, черные крыши запорошило, и даже Ладденстол теперь похож на городок из какой-нибудь старой сказки! Очень скоро колокола возвестят о наступлении Нового года. Надеюсь, вам с Джеральдом он принесет только счастье. Впрочем, я в этом не сомневаюсь. И мне почему-то нравится, как это звучит. Люблю вас обоих,

ваша Элизабет.

IX

И пока снег падал на вересковые пустоши, мягкими хлопьями спускаясь оттуда в долину,

укрывая крыши и улицы Ладденстола толстым одеялом Северного волшебства; пока его жители поднимали бокалы и пели, взявшись за руки, а колокольный звон, древний и таинственный, как сама ночь, провожал Старое и привечал Новое[55], — сквозь черный и мокрый железнодорожный туннель меж холмов пронеслось последнее письмо, чтобы потом, вместе с тысячей других писем, оказаться на борту океанского лайнера и отправиться сквозь ночь в Канаду:

> *Любимая дочка!*
>
> *Пишу эти строки чтоб сказать что у меня все по-прежнему чудесно, надеюсь у вас не хуже. Мы сейчас в старом добром Йоркшире поэтому Рождество прошло славно и весело. Я поужинал со своей квартирной хозяйкой и ее семейством, угощали гусем пудингом и прочими вкусностями. Вот бы еще ты была тут Лили, составила бы компанию старику! Я сел на трамвай и доехал до Браддерсфорда, заглянул домой. Твоя матушка выглядит*

---

[55] Примечания: 55

«...Старое провожал и привечал Новое». — Пристли ссылается на известную рождественскую песню на стихи А. Теннисона «Ring Out the Old, Ring In the New».

очень плохо но мне сказала что у нее все хорошо. Она не шибко-то со мной церемонилась и больше я из нее ничегошеньки не вытянул. Альберт все еще живет с ними, но я его не видел и слава Богу, зато видел нашего Леонарда — дела у него идут хорошо. Твоя матушка жаловалась что ты им с Леонардом не пишешь, только мне. Лили ты им тоже пиши, она как-никак тебе мать и выглядит прескверно. «Добрым друзьям» тут живется очень славно и так оно чую будет везде, если я что-нибудь смыслю в этих делах. Желаю вам с Джеком счастливого Нового года и всего наилучшего. Пиши по старому адресу, Огден-стрит, 51, мне перешлют. И не унывай моя Лили, когда-нибудь мы с тобой еще похохочем.

Люблю, целую,
твой отец,
Иш. Окройд.

КНИГА ТРЕТЬЯ

Глава 1
Ветер в Треугольнике

I

Мартовский ветер с визгом носился по Мидлэндской равнине. Под небом, стремительным, рваным и бурным, как революция, вся стоячая вода: все февральские оттепели и дожди, запрудившие канавы и разлитые по бесчисленным полям, — побелела и вспенилась, а день мерцал холодными блестками. Лед еще сквозил в этом ветре, но было в нем и другое: осколки солнца, внезапные душистые струи, далекие трубные призывы зеленых мартовских армий. Перед лицом такого ветра не знаешь, что и поделать (если только вы не из тех терпеливых тружеников, что ходят по десятиакровым полям за своими лоснящимися лошадьми и уже слышат движение древесных соков). Такой ветер горазд на самые разные уловки. «Гр-р-р! Бегите по домам и не высовывайтесь! — вопит он. — Разворошите угли в камине! У-у-у-у!» — и сыпет вам вдогонку градом. Однако не пройдет и четверти часа, как он заведет другую песню: «Выходите, выходите!

Год начался!», суля первоцветы и разбрызгивая по дороге бледный солнечный свет. А стоит вам выйти, как все вокруг вздрогнет, небо вновь потемнеет, и ветер, протяжно взвыв и рыкнув, примется больно жалить вам щеки и глаза. На редкость хулиганистый и вредный ветер.

Он несся по центральной английской равнине, пока не наткнулся на три промышленных городка: Гатфорд, Мандли и Сторт, издавна прозванных местными жителями Треугольником, а с недавних пор — когда все три ударились в массовое производство дешевых автомобилей — Жестяным Треугольником. На острове вряд ли найдутся другие три города, столь близко расположенные друг к другу, и человек несведущий запросто может принять их за один. С другой стороны, в Англии трудно найти другие три города, столь же удаленные от всех остальных: Гатфорд подпирает Мандли и Сторт, а Мандли и Сторт наползают друг на друга, но все три далеки от мало-мальски значимых мест, как звезды. Короткие железнодорожные переезды из Гатфорда в Манчестер или Бирмингем производят впечатление истинного чуда, и когда ежедневная процессия новехоньких машин, блестящих салонов или ходовых отправляется по Лондон-роуд, приезжему она мнится

самым рискованным предприятием и настоящим приключением. Жители Треугольника тоже считают этот ежедневный выезд новеньких «империал-сиксов», «ламбденов» и «беби-скептров» частью великого приключения. Машины вытекают из Треугольника, а деньги, наоборот, втекают. Говорят, будто завод Дж. Дж. Ламбдена, сына старика Ламбдена, некогда державшего магазин велосипедов на Кобден-стрит в Гатфорде, сейчас оценивается едва ли не в полмиллиона и регулярно отвечает отказом на самые фантастические предложения из Америки. Работники «Скептра» строят новую фабрику между Мандли и Стортом, и язык не повернется назвать жестянкой «империал-сикс», гордость северного Гатфорда и Сторта, где чуть ли не каждый житель — механик. Вряд ли найдется в Треугольнике (и даже в южной части Гатфорда, славящейся своими особняками, теннисными клубами и широкими проспектами) хоть один мальчишка, который бы не стонал от нетерпения, думая, что напрасно тратит время на всякий вздор о Великой хартии вольностей, реках Южной Америки и наречиях, когда можно работать на автомобильной фабрике и каждый день, ровно в половине пятого, покидать ее чумазым и умудренным опытом.

Бесполезно заводить с жителями Треугольника беседы о плохой торговле и безработице; времена сейчас славные, как никогда; Гатфорд за последние двадцать лет вырос вдвое, а Мандли и Сторт, куда съезжаются на заработки механики со всех центральных графств, тоже стремительно растут — в день здесь укладывают великое множество новеньких красных кирпичей. Словом, в этих трех городах нынче царит дух приключений. Поэтому-то мартовский ветер, которому приключения отнюдь не чужды, набросился на них с особым азартом и удовольствием. Тут уж есть где порезвиться, словно бы кричит он, а то голые поля, ветви и тонкие дрожащие простыни воды ему смертельно надоели.

Он устремился вниз и накинулся на спокойные стада автомобилей, на трамваи, что неспешно грохочут по дорогам от Гатфорда до Мандли, от Сторта до Мандли и от Гатфорда до Сторта, и на автобусы, которые, воя клаксонами, обгоняют эти трамваи. Тут и там он сметал расшатавшуюся кровлю с домов и даже колпаки с дымовых труб. Найдя несколько досок для объявлений и афиш, он превратил их в барабаны, а потом подхватил с улиц случайные обрывки бумаг и закружил их в ведьминском танце. Чуть позже этот пакостник

нашел открытое окно во втором этаже дома по Виктория-стрит, сбросил несколько бумаг со стола и вынудил одного господина, сидевшего над какими-то цифрами, вздрогнуть и поднять злобный взгляд на свою помощницу. То был мистер Ридверз, хотя в стенах этого крошечного офиса он величает себя компанией «Нью-эра-синема» и отсюда вершит судьбы кинотеатров «Тиволи» (Гатфорд), «Колизей» (Мандли) и «Роял-синема» (Стортт), единственных мало-мальски известных кинотеатров на много миль.

— Ради Бога, Этель, — рявкнул он, — закройте же окно! Посмотрите, все письма на полу, черт их дери! И вообще, я замерз.

Этель покосилась на него из-за пишущей машинки. То была девушка лет двадцати, с плоским монгольским лицом, пристальным взглядом и густо накрашенными губами.

— Вы же сами попросили открыть окно. Я предупреждала, на улице холодно.

— Ну, а теперь я прошу закрыть! — буркнул он, уже не отрываясь от цифр.

— Ладно, ладно… — И девушка закрыла окно. В ее голосе не слышалось ни намека на уважение, а в жестах сквозила и вовсе откровенная непочтительность. Чрезмерно расправленные плечи,

вскинутый подбородок — все ее тело словно бы отпускало наглые замечания в адрес начальника. Со стороны казалось, что оно имеет на них полное право и начальнику это хорошо известно.

Мистер Ридверз еще минуту-другую поизучал бумаги, встал и швырнул их на стол. Затем нашел в пепельнице окурок сигары и яростно закурил, без конца хмуря брови. Этель украдкой бросала на него удивленные взгляды. Все утро он пребывал в скверном расположении духа, а теперь и вовсе рассвирепел. Мистер Ридверз был господин средних лет, который чересчур много ел, злоупотреблял виски, мало двигался и страдал печенью. Словом, поводов для недовольства у него было в достатке, а холодный порыв ветра окончательно вывел его из себя.

— Ну? — не без некоторой озлобленности спросила Этель.

— Что ну?! — взорвался мистер Ридверз. — Прибыли никудышные! На прошлой неделе Сторт, на этой, бьюсь об заклад, будет Мандли. Поверить не могу, эти треклятые комендиантишки меня разорят!

— А я, между прочим, вас предупреждала.

— Ох, ради Бога, не начинай! И отчего женщины так любят говорить, что предупреждали? От этих

комедиантов все как с ума посходили, ей-богу!

— У них аншлаг каждый вечер, — подметила Этель.

— Да я в курсе, не дурак. Но даже это не должно было так ударить по нашему карману. Проклятье, да в этих городишках денег куры не клюют, никакие комедианты не могут выбить меня из колеи! И программы у нас хорошие.

— Вот уж не знаю, — процедила Этель. — На прокате вы только так экономите.

— И что с того? Между прочим, мне пришлось экономить, чтобы показать синдикату Фэрроу хорошие прибыли. Да и какая разница, сколько я плачу за прокат! Картины ведь свежие, их никто раньше не видел, верно? Верно! Нет, все из-за бродяжек. Кто бы мог подумать, а? Вот тебе и удача!..

— Я слышала, они поднимают цены на билеты, — подметила Этель, которой явно нравилось задевать начальника за живое.

— Еще бы! — злобно воскликнул мистер Ридверз. — Тем меньше денег достанется нам. Можно подумать, раз эти людишки раскошелились на концерт, так им теперь всю неделю жить не на что. Удача! Да мне и понюхать ее не дают! — Мистер Ридверз умолк, издал несколько

презрительных звуков и свирепо впечатал окурок в пепельницу.

— Не понимаю, чего вы так кипятитесь, — сказала Этель, которая явно все понимала. — Подумаешь, несколько плохих недель! Это не конец света.

Мистер Ридверз отчаянно всплеснул руками:

— Да где же твой разум, Этель?! Не конец света! Зачем ты тут только сидишь, не понимаю.

— Ах, не понимаете? — Этель злобно воззрилась на начальника. — Я, между прочим, не просто так здесь сижу, и вам это хорошо известно, мистер Ридверз! За дуру меня держите?

— Ну ладно, успокойся, Этель, не горячись. — Он безразлично погладил ее по плечу, которое вывернулось из-под его руки. — Я ведь тебе уже объяснял. Синдикат Фэрроу, — ожесточенно чеканил он, — думает сделать мне предложение. Ты ведь это знаешь? Знаешь. *Предложение будет зависеть от нашей прибыли за два месяца.* И цена соответственно. Если картина их не обрадует, о предложении можно забыть. Купят другие кинотеатры, им-то какая разница. Или — что самое страшное — приедут сюда и построят собственные. И тебе прекрасно известно, что случилось с нашей прибылью. Вот я и спрашиваю, кто бы мог

подумать, что эти нищие голодранцы, попросту коротающие время до летнего сезона, так охмурят мою публику!

— Я вчера вечером ездила в Мандли на их концерт, — сказала Этель. — Один парень меня возил. У них был аншлаг. Отличное шоу — местами затянуто, особенно женские номера, — но все равно отличное. У них есть один мальчик — Джернингем зовут — так я в него прямо влюбилась. Как танцует! А внешность! Киношные актеры ему в подметки не годятся, точно вам говорю. И песенки забавные.

— Ты глупее, чем я думал, — прорычал мистер Ридверз. — Только бы на танцоров глазеть! Они еще неделю выступают в Мандли, верно? А потом вернутся в Гатфорд. Их афишами уже весь театр заклеен. Я сказал Билли Робертсу, что не хочу их здесь видеть. Он у меня в долгу и пообещал выставить им самые невыгодные условия — тогда б они не стали арендовать зал, понимаешь? — и спихнуть всю ответственность на их антрепренершу. Но ее это не напугало.

— Правильно, — отозвалась Этель. — Я б на ее месте тоже не испугалась, дело-то верное!

Мистер Ридверз на минуту задумался.

— Так! — наконец вскричал он. — Где она, ан-

трепренерша этих «Друзей» или как их там? В Мандли, насколько я понимаю?

— Нет, они все остановились здесь, в Гатфорде, а по вечерам ездят выступать в Сторт или Мандли. Ее фамилия Трант, она поселилась в «Короне».

— Все-то ты знаешь! — Мистер Ридверз уставился на нее через стол. — Любительница бродячих комедиантов, что ли? А, тебе танцор приглянулся! Смотри у меня, никаких фокусов.

— Какие еще фокусы! — взвизгнула Этель. — А если б мне и захотелось пофокусничать, вашего разрешения никто не спрашивает, мистер Чарли Ридверз. Вы уже сполна получили за свои деньги, не так ли? Фокусы! Приятный вы собеседник, ничего не скажешь.

— Да помолчи ты! Не видишь, у меня и без твоих истерик забот хватает? Да, я сержусь и не скрываю этого. — Он надел пальто и шляпу. — Пойду в «Корону» и поболтаю с той дамочкой — как бишь ее? — Трант. Да, так и сделаю.

— Очень умно! — вскричала Этель. — Что вы ей скажете? Глупая затея, по-моему.

— Твое мнение меня не касается. А тебя не касается, что я ей скажу, — произнес он тоном человека, ловко отпарировавшего удар. Мистер Ридверз и сам понятия не имел, что можно

сказать этой мисс Трант, но вид у него был одновременно дерзкий и решительный.

— Сколько сейчас? Полтретьего? Вернусь после трех, наверно. — Положив ладонь на дверную ручку, он замер, обернулся и зловеще поглядел на Этель. — Она меня выслушает, и мои слова ей не понравятся.

— Ступайте и выговоритесь, — ответила Этель. — Глядишь, полегчает. — Она толкнула пишущую машинку, так что каретка съехала вбок и гордо, презрительно звякнула колокольчиком.

Спускаясь по лестнице, мистер Ридверз говорил себе, что Этель стала чересчур заносчива и в конторе от нее больше нет толку — да и вообще нигде нет, совсем распоясалась. Так оно и бывает: стоит позволить себе крохотную шалость с маленькой дрянью, как та своего не упустит. Давно пора прекратить эти игры. Он вышел на Виктория-стрит и в сердцах проклял ветер, который с его появлением мгновенно оживился: просвистел между ног, попытался скинуть шляпу и швырнул в мистера Ридверза бумажки с мостовой. В «Короне» ему пришлось остановиться у бара и выпить еще две рюмки виски — помимо принятых за обедом. Однако ни те ни другие ничуть не скрасили ему жизнь и не вернули потерянного

присутствия духа.

II

«Корона» — самая старая и удобная гостиница в Треугольнике. Мисс Трант остановилась здесь, потому что местечко пришлось ей по душе и потому что ей в распоряжение отдали маленькую гостиную наверху. Там она и сидела после обеда, беседуя с Иниго Джоллифантом. За последнее время они очень сдружились, и теперь Иниго рассказывал ей все новости о труппе, поскольку мисс Трант только что вернулась из поездки в Хизертон. На столике перед ними лежали бумаги, сметы и письма, которые она просматривала все утро.

— Даже не знаю, за что взяться, — сказала мисс Трант, чуть повысив голос: мартовский ветер яростно загремел оконными рамами. — Честно говоря, после возвращения я сама не своя. Чувствую себя… неприкаянной.

— Я тоже. Определенно, — ответил Иниго. — Полагаю, тут все дело в ветре. Ветер гуляет над пустошью, брат[56]! Весна уже в пути, определенно.

---

[56] Примечания: 56
Иниго цитирует исторический роман Дж. Борроу «Лавенгро».

— В пути! — воскликнула мисс Трант. — Что вы, она уже пришла!

— Только не сюда, не в Гатфорд, — серьезно возразил ей Иниго. — Может, она прогуливается по окраинам Мандли и Сторта, но в Гатфорде ее нет.

— Пусть так, зато во все остальные города и деревушки она уже пришла. В Хизертоне распустились цветы — так рано!

Иниго многозначительно взглянул на мисс Трант:

— Хотите знать мое мнение? Вы устали — не от нас, конечно…

— Совершенно точно не от вас, — перебила его мисс Трант. — Ни от кого из вас.

— Верно, не от людей, а от самой затеи. Вам, верно, все надоело.

Она сдавленно и сухо рассмеялась.

— Надо же, за обедом я думала то же самое про всех вас — что вы устали, но не хотите это признавать.

— Два любич-челя, так-то. Надоело! — Иниго призадумался. — Нет, пожалуй, мне-то не надоело. Не совсем.

Он помедлил.

— А если… — Мисс Трант смерила его откровенным взглядом, — Сюзи уйдет?

В тот же миг неприкрытый ужас отразился на его лице, и мисс Трант невольно улыбнулась.

— Вот видите! — возликовала она.

— Между прочим, — уже серьезней проговорил Иниго, — Сюзи тоже ходит как неприкаянная. И она вовсе не горит желанием принимать борнмаутское предложение. Никто из молодых не горит. Джернингему оно не по душе, Элси тоже — хотя на ее месте я бы прыгал от радости. Как я уже говорил, одобряют его только наши старички: Джимми, Митчем, мистер и миссис Джо. Они очень тревожатся, что вы никак не решитесь. Для них это чудесное предложение — осесть в одном театре на целый сезон, гарантия, опять же, и все прочее. Сбылась их мечта.

— Да, я их понимаю, бедняжки. Они об этом мечтали. У нас нет причин отказывать Борнмауту. В конце концов, мне же не обязательно там находиться?

— Нет, конечно. Можете взять отпуск хоть на все лето, если хотите.

— Но я не хочу, вот в чем беда. Пожалуйста, не говорите остальным, хорошо? Почему-то у меня нет никакого желания полгода сидеть в Борнмауте. С другой стороны, я не хочу уходить, хлопнув дверью. Хотя, конечно, теперь они справятся и

без моей помощи, и я могла бы уйти насовсем.

— Только не это! — вскричал Иниго. — Мы наконец-то начали зарабатывать — и очень неплохо, как мне кажется, — но вы ведь еще не вернули вложенное, правда?

— Нет, не вернула, — призналась мисс Трант, невольно бросив взгляд на бумаги. — Дела здесь идут замечательно, у нас прекрасная выручка — я уже чувствую себя толстой миллионершей и капиталисткой. Но в действительности я пока в убытке — не хватает около двухсот фунтов. А люди, которые сняли мою усадьбу в Хизертоне, говорят, что она нуждается в серьезном ремонте — видите ли, она очень старая и немного запущенная. Наверно, я в самом деле должна этим заняться, только мне становится дурно при мысли о возможных тратах…

— Тем более! Вам надо немного подождать и потом уж грести деньги лопатой. Мы не позволим вам уйти без всякой прибыли.

— Я не хочу уходить, — пылко произнесла мисс Трант. — Совсем не хочу! Просто я… ну, как и вы… чувствую себя неприкаянной и не знаю, что делать.

— Догадываюсь, что Джимми, Митчем и Джо сейчас сидят в баре внизу и ждут вашего послед-

него слова. Почти уверен, — легко заключил Иниго.

— Ах, ну надо же! — Мисс Трант уставилась на него. — Они же страшно волнуются из-за Борнмаута! Иниго, будьте так любезны, сходите вниз и попросите их еще немного подождать — я приглашу их к себе. Прямо сейчас не могу, я еще не приняла решения. Надеюсь, они там не очень напиваются…

— Очень, — мрачно ответил Иниго. — Они и так закладывали за воротник, а в смутные времена кружка сама просится в руки. Но я все же пойду и поговорю с ними. — Он вышел, однако почти сразу вернулся и заглянул в дверь. — Там какой-то джентльмен по имени Ридверз хочет вас видеть. От него разит виски. Пригласить?

Мисс Трант удивленно кивнула, и в следующий миг Иниго пропал, а на пороге появился толстяк с одутловатой и слегка багровой физиономией. Котелок он заломил на затылок, а с губы у него свисала сигара. Не сняв шляпы и не вынув изо рта сигары, он вошел в гостиную.

— Я мисс Трант, — сказала она, вставая и недовольно оглядывая незнакомца. — Вы хотели меня видеть?

— Именно. Меня зовут Ридверз, и я, если хотите

знать, — владелец «Нью-эра-синема», компании с *не*ограниченной ответственностью. Известной, очень известной в здешних местах. Да я и сам человек небезызвестный.

Он умолк, недобро взглянул на мисс Трант, вытащил изо рта сигару и выдул облачко дыма в лицо собеседнице.

— Боюсь, я не понимаю… — Мисс Трант попятилась от дыма.

— Вы — мисс Трант, антрепренер этих бродячих «Друзей», верно? — тяжело выговорил мистер Ридверз.

— Верно. Что вам нужно? — Она бросила многозначительный взгляд сперва на шляпу, потом на сигару, а затем и на самого непрошеного гостя.

Однако мистер Ридверз не торопился. Всем своим видом он давал понять, что у него есть собственный подход к любому вопросу. Он поджал губы, опять сунул в рот сигару, наполовину прикрыл глаза и, качнув головой, прорычал:

— Неплохо вы тут устроились, а?

— Прошу прощения? — Мисс Трант удивленно уставилась на гостя.

— Что вы, не стоит извинений. — Он оперся на спинку высокого стула, вынул сигару и повторил: — Неплохо, значит, устроились?

Мисс Трант по-прежнему изумленно глядела на него.

— А вам известно… — Тут мистер Ридверз использовал сигару в качестве указки и уронил пепел на стул. — …за чей счет вы тут наживаетесь? За мой. И я пришел это обсудить.

— Я ничего не буду с вами обсуждать! — вскричала мисс Трант.

— Пжалуй, нет. Зато я буду. — Мистер Ридверз сделал несколько движений, подразумевавших, что он собирается сесть.

Это вывело мисс Трант из себя.

— Немедленно уходите! — внезапно выпалила она, к вящему удивлению мистера Ридверза. — Как вы смеете так хамски вести себя в моем номере? Нам не о чем говорить. — Она отвернулась и распахнула окно, немедленно впустив в комнату нашего старого знакомца — мартовский ветер, который тут же предпринял попытку задушить мистера Ридверза дымом его собственной сигары.

Он закашлял, брызгая слюной, и выругался. Однако поступок мисс Трант не на шутку его поразил, поскольку его собственный кодекс поведения только что наглым образом нарушили.

— И вы еще называете себя леди! — с искрен-

ним негодованием воскликнул он. — Что с вами такое? Чего взбесились?

Мисс Трант развернулась на каблуках, прошла мимо мистера Ридверза к двери и распахнула ее.

— Уходите, пожалуйста, — побелев от ярости, процедила она. — Если не уйдете вы, уйду я — и попрошу хозяина гостиницы выпроводить вас из моего номера.

Мистер Ридверз шагнул к двери и пристально взглянул на мисс Трант. Затем хлопнул по котелку, возвращая его на лоб, цокнул языком, вскричал: «Ну дела!» и, не переставая цокать, вышел за дверь. Когда мистер Ридверз добрался до бара, настроение у него было прескверное. Сам Том Эллис, хозяин гостиницы, сидел там и беседовал с двумя приезжими — долговязым стариком в нелепом пальто и коротышкой с обезьяньей физиономией.

— Налей-ка еще, Том, — проворчал мистер Ридверз. — Позарез надо. — Проглотив виски, он разразился проклятиями и заявил: — Ну и дрянь же поселилась у тебя наверху, Том!

— Ты о ком, Чарли?

— Трант или как бишь ее, — в сердцах ответил мистер Ридверз. — Заправляет бродячими комедиантами — небось пока пляжный сезон не

откроется. Эй, что с тобой?

(Том усиленно кивал и подмигивал ему.)

— Эти джентльмены, — пояснил Том, чьей задачей было со всеми поддерживать добрые отношения, — артисты труппы. Говорят, у них отличное ревю.

— И позвольте вам сказать, сэр, — заметил высокий незнакомец, который нам с вами прекрасно знаком — не кто иной, как мистер Мортон Митчем, — что в приличном обществе о дамах так не отзываются. — Его брови добавили значимости высказанному упреку.

— Верно, — строго добавил его собеседник, мистер Джимми Нанн, и сощурил один глаз. — Держите своих дряней при себе.

Мистер Ридверз хохотнул и презрительно уставился на хилую парочку.

— Так вот ради кого отстегивают денежки наши жители, Том? Ну дела… Старые корыта… Бродяги! Мне следовало догадаться, какие они из себя, когда я увидел ту дамочку наверху. У нее не все дома, Том. — Он постучал себя полбу. — Ты бы за ней приглядывал. Бродяги! — И он зацокал языком.

— Кто этот… э-э… джентльмен? — Ирония, которую мистер Митчем вложил в эти слова, вскинув

брови на чудовищную высоту, была сокрушительной.

— Успокойтесь, господа. Давайте не будем ссориться, — попробовал унять их Том. — Это мистер Ридверз, ему принадлежат местные кинотеатры.

— А! — многозначительно сказал мистер Митчем. Они с мистером Нанном переглянулись.

— А-а! — отозвался тот.

— Чего это вы разакались? — нагло вопросил мистер Ридверз.

— Помнишь, мы выложили девять пенсов за кино в грязном старом кинотеатришке, Нанн? — осведомился мистер Митчем.

— Да, мы еще удивились, как местные могут платить за это деньги, — кивнул Джимми. — А тебе показалось, что во всех фильмах идет дождь — такие старые были пленки.

— А ты возмущался, как начальству не стыдно ставить в зале такое разбитое пианино и сажать за него девочку, которая никогда не брала уроков музыки. Это то самое место, верно, Нанн? Да, наверняка это оно. — Он глубоко вздохнул.

— Считаете себя самыми умными, а? — спросил мистер Ридверз, свирепо переводя взгляд с одного на другого. — Думаете, я стану это от вас терпеть? Ошибаетесь: я не стану. — Он не уточнил, от кого

бы он стал это терпеть, но складывалось впечатление, что терпеть уже приходилось. — Жалкие бродяги! Небось шляпу по залу пускаете! Голодранцы чертовы! Вот что я вам скажу, и можете передать это…

— Спокойно, Чарли, спокойно, — выговорил хозяин гостиницы, вид у которого был отнюдь не спокойный.

— Вам бы рот помыть, мистер! — сердито вскричал Джимми. — Хорошенько помыть, с мылом.

— Кое-где за такие высказывания в адрес дамы вы бы мигом схлопотали пулю — бах! и готово. — Мистер Митчем, с благородным презрением облачившись в Серебряного короля, попробовал уничтожить разъяренного владельца кинотеатров одним величественным взглядом.

— Да вы посмотрите на себя! — взревел мистер Ридверз и сам попытался посмотреть на них поближе, отчего двое немного попятились, поскольку мистер Ридверз с мощными плечами и выступающей вперед челюстью выглядел весьма угрожающе. — Я говорю что хочу, вы меня не остановите и прекрасно это знаете. Ясно? Я говорю что хочу.

— Так держать, мистер, — сказал веселый голос у него за спиной. — Так держать. Каждый имеет

право на слово, таков мой девиз — если от этого никому нет вреда. Доброе утро, мальчики! Что нового? Что тут творится?

— Сейчас расскажу, Джо, — ответил Джимми, не скрывая облегчения. Он взял Джо под руку и шепотом сообщил ему, что происходит. Огромный Джо после этого выступил вперед и окинул мистера Ридверза удивленным взглядом, как будто какую-то диковинную тварь.

— Ну, — молвил мистер Ридверз, по-прежнему стоя на своем, хотя уверенность его дрогнула, — чего уставился?

— Сейчас объясню, чего я уставился, — тихо ответил Джо. — Я бродячий артист, как и эти двое. Такой же грязный оборванец. Жалкий бродяга, ага. Точь-в-точь. Мисс Трант, леди, с которой вы беседовали наверху, платит мне жалованье. Так же, как им. А теперь я объясняю, чего уставился. У вас два имени. Одно — Вшивый. Второе — Подонок. — Он ткнул огромным пальцем в сторону двери. — Вон! Живо! Чтоб духу твоего тут не было! О-о… — Тут Джо задумчиво повел головой, и в его голосе зазвучали восторженные нотки. — Я мог бы устроить тебе славную взбучку… Формы и размерчик — в самый раз.

Мистер Ридверз пришел к этому заключению

еще до того, как Джо высказал его вслух. Он сбежал. В дверях ему следовало бы остановиться, бросить на артистов хмурый взгляд и разразиться зловещим «Ха! Ха! Ха-ха-ха-ха!»; жаль, нельзя вставить это предостерегающее «ха-ха!» на каждую страницу; в действительности же он отбыл в полном молчании и даже не обернулся. Однако внутри у мистера Ридверза все кипело — театрально-хмурый взгляд, легкое потрясание кулаками и злорадный хохот, несомненно, пошли бы ему на пользу. На Виктория-стрит ветер приветствовал его как старого приятеля, но он в ответ лишь разразился проклятиями и пожелал ветру сперва провалиться под землю, а потом сдохнуть. Когда же Этель спросила мистера Ридверза, был ли толк от разговора с антрепренершей, в ответ раздалось нечто такое, отчего звуки пишущей машинки в конторе «Нью-эра-синема» умолкли до конца дня.

III

Миссис Джо отставила чашку и склонила голову набок, будто бы внимательно прислушиваясь к ветру.

— Ты только послушай, милая, — самодовольно заметила она, словно ей принадлежала доля

в компании, производившей мартовскую погоду. — Совсем разбушевался. Март ворвался в Англию, как лев, и даже не думает униматься. Так приятно быть дома, в тепле, когда за окном бушует непогода, правда?

Сюзи, сидевшая в огромном кресле, специально принесенном в номер для Джо, уютно залезла в него с ногами.

— Лучше не бывает, — лениво проговорила она. — Обожаю, когда за окном мерзость, а я не там и еще час или два могу не высовываться. Даже в поезде становится уютней. — Она потерлась щекой о спинку кресла.

— Когда Джо пошел узнать новости, — продолжала миссис Джо, — мне захотелось посидеть в гостиной и с кем-нибудь уютно поболтать. Достану-ка рукоделие.

Обнаружив в сумке какое-то сложное и чрезвычайно неаккуратное вязанье ярко-розового цвета, она широко улыбнулась своей гостье, устроилась в кресле напротив и приняла вид августейшей особы, которая может забыть на минутку о долге и вволю пооткровенничать.

— Какая прелесть! — воскликнула она. — Если бы Джордж был здесь и не болел — на Рождество, если помнишь, его здоровье оставляло

желать лучшего, хотя, по словам Клары, он уже полностью поправился — знаешь, кем бы я себя назвала?

Из глубин кресла донесся отрицательный ответ.

— Хватит! — вдруг закричала миссис Джо громко и чрезвычайно эффектно. Она выпрямилась и расправила плечи. — Хватит! Нельзя иметь *все,* я слишком о многом прошу. Нет, я не говорю — и не стану говорить — «если бы Джордж был здесь». Скажу иначе: знаешь, кем я называю себя прямо сейчас? Счастливой Женщиной, вот кем.

Она бросила гордый взгляд на Сюзи и строгий — на вязанье и тотчас встряхнула его, будто бы оно позволило себе какое-то дерзкое замечание.

— Тебе ведь тут нравится? — спросила Сюзи.

— Если говорить честно, милая, то да. Мне все по душе, — убежденно ответила миссис Джо, — целиком и полностью. Полагаю, я на своем веку уже наворчалась. Если что-то идет не так, я беру себя в руки и прошу остальных поступать так же. А когда все хорошо, я так и говорю. Здесь нам грех ворчать, я считаю.

— Да я и не ворчу! — возразила Сюзи.

— Вот и славно. Здесь так уютно и хорошо — болтаем, сидя у камелька — чрезвычайно жаркого

камелька, на мой взгляд…

— Да, тут дров не жалеют, правда?

— Миссис Пеннифэзер точно не жалеет! — со знающим видом воскликнула миссис Джо. — Она не унизится до того, чтобы взять шиллинг за четыре полена и лопату золы. В смысле угля весьма и весьма щедрая дама. А мы сидим в тепле, слушаем вой ветра за окном, и нет нам до него никакого дела: завтра у нас будет полный зал благодарных зрителей — из Стандли, Горта, или где мы там играем на этой неделе. Ах да, в Мандли, конечно. Так ведь называется тот городок, где трамваи кружат возле грязного памятника посередине? Ужасно нелепые городишки, не находишь? Впрочем, для артистов лучше не придумать. И комнаты необычайно хороши, правда? Взгляни хоть на эту. Заметила картины маслом на стенах?

Поскольку все стены были чуть не сплошь завешаны полотнами в богатых золоченых рамах, на которых была изображена одна и та же коричневатая вата, Сюзи могла честно ответить, что заметила картины.

— Я вот все думаю, — сказала она, оглядывая их из-за подлокотника, — что на них нарисовано? Такое ощущение, что толком ничего, правда?

— Насколько я поняла, их написал дядя миссис Пеннифэзер, — заметила миссис Джо, в чьем голосе теперь слышался новый оттенок благородства, подобающий жилице столь выдающейся картинной галереи. — Художник-любитель — держал то ли семенную, то ли скобяную лавку, вылетело из головы, — но крайне одаренный. Работы не отличить от профессиональных. В каком-то смысле они даже лучше, я считаю.

— А по-моему, они все одинаковые, — сказала Сюзи. — Не пойму, что он хотел изобразить — может, внутренности матраса? Особенно вон те, коричневые.

— Мне кажется, его любимой темой были лесистые долины, — сказала миссис Джо. — Сразу видно, что он души не чаял в шотландских пейзажах, хотя миссис Пеннифэзер утверждает, что он там никогда не бывал. Мы однажды давали спектакли в Инвернессе и Абердине, так я из окна поезда видела очень похожие картины — может, не настолько коричневые, и оленей было поменьше, но все равно очень похожие. Признай, голубушка, они сообщают комнате особый Дух. После календарей и фотографий всяких обществ взаимопомощи глаз прямо отдыхает. Женщины, которые так хлопочут о домашнем уюте, редко

сдают площадь. Вспомни, когда ты последний раз жила в такой славной комнате? Между прочим, — она понизила голос, — я тут узнала, что они до сих пор не расплатились за кресло, в котором ты сидишь, а еще за тот дубовый стол и книжный шкаф за твоей спиной. Хозяйка недавно сама сказала. Ты ведь знаешь, как Джо мечтает о собственном доме. Посади его в такое кресло, дай оглянуться по сторонам — он тебе все уши прожужжит: «О, как я хочу собственный дом!» Да ты и сама наверняка слышала. Но даже если у нас будет свой дом, в таком положении и с такой работой, как у нас, — что нам с ним делать? Если Джо и знает, то мне не говорит. Мужчины вообще ни о чем не думают, и ты однажды это поймешь, милочка.

— Я уже поняла о мужчинах все, что нужно, — поторопилась с ответом Сюзи.

— Ни за что не поверю! — воскликнула миссис Джо. — А будь это правдой, я бы тебя пожалела. И все-таки, согласись, если уж с комнатами повезет, то следующим шагом к собственному дому будет резидентный сезон. С комнатами нам повезло, и мы здесь практически осели, правда?

— Осели, да… только на трамваях ездить приходится, — ответила Сюзи. — Хотя я обычно езжу

в Мандли на автобусе.

— Ну да, трамваи и автобусы, — серьезно проговорила миссис Джо. — Но мы живем в одних и тех же комнатах, и это придает нам оседлости, мне кажется. Хотя по сравнению с резидентным сезоном в Борнмауте это ерунда, конечно. Когда я узнала о предложении, — оживленно продолжала она, — только я про это услышала, как сразу сказала Джо: «Наконец-то нам улыбнулась Удача. Мы у Цели». И он согласился, хотя Борнмаут не вполне в его духе. Глупости, разумеется, но ты ведь знаешь, Джо вечно строит из себя эдакого неотесанного верзилу. «Это большой город, — сказала я. — У тамошних жителей есть вкус и понимание — и деньги, разумеется. Пять месяцев, да еще с гарантией — это просто чудо!» Если б меня спросили, какое место лучше выбрать для целого летнего сезона на побережье, я бы без всяких раздумий ответила: Борнмаут. И теперь мы туда едем. Правда, все почему-то сидят сложа руки и ничего не делают. Надеюсь, уж из-за условий-то мы не станем жадничать? Все так замечательно складывается! Борнмаут ведь не жадничает?

— Нет, условия очень даже ничего, — равнодушно ответила Сюзи.

— Тогда надо немедленно им телеграфировать!

— Да, пожалуй… — Сюзи неотрывно смотрела на пламя. — Наверное, это и вправду большая удача.

— Несомненно! Помнишь Роусли, где нас нашла мисс Трант? — убежденно проговорила миссис Джо. — Всегда помни об этом ужасном месте, милочка, и остальные покажутся тебе раем.

— Знаю. Да и всего полгода прошло… Ах, я только про это и думаю! — Сюзи выбралась из кресла, встряхнулась, поставила локти на каминную полку и стукнула ногой по решетке. — Да, предложение чудесное — просто ягодка — из разряда тех, какими вечно хвастаются бродячие артисты, но от которых они всегда вынуждены отказываться. Вруны! И все-таки… я чувствую себя свиньей за такие мысли… просто… — Сюзи стремительно развернулась к миссис Джо. — Ах, честное слово, я совершенно не хочу целое лето сидеть в Борнмауте!

— Именно так я и сказала Джо! — возликовала ее подруга. — «Сюзи не хочет», говорю. Это было сразу видно. Джо, конечно, ничего не заметил, но он вообще растяпа. А почему ты не хочешь? Объясни.

Сюзи нетерпеливо повела плечами и, надув

губки, взглянула на пламя.

— Все говорят мне, что я хожу как неприкаянная, и это чистая правда. Дело, верно, в погоде — или нервы взыграли, или самомнение, если угодно. В этом году у меня было чересчур много благодарных зрителей — а для юной девочки это нехорошо. Теперь она не видит собственного блага. — Сюзи горько рассмеялась.

В миссис Джо проснулась мать.

— Не глупи, Сюзи. Никто тебя не винит и не осуждает.

— Да и пусть осуждают, мне все равно! — вскричала Сюзи. — Беда не в этом. Я постоянно жду какого-то чуда, а потом кто-нибудь приходит и вопит: «Ура! Полгода в Борнмауте! Сюзи будет опять исполнять Двадцать седьмой номер программы! Дважды в день! Днем на свежем воздухе, в ненастье — под крышей! Приходите и приводите детей!» И тогда я понимаю, что меня ждет та же унылая тягомотина, снова и снова, и… ах, проклятье!

— Никакое это не проклятье! — с упреком возразила ей миссис Джо.

— Да, проклятье! — повторила Сюзи, готовая заплакать или расхохотаться. — Я тут застряла. С этими тремя песенками, которые сочинил Иниго,

я могла бы выступать где угодно. Они слишком хороши для провинциальной публики.

— Не слишком хороши, — заметила миссис Джо, — просто не в их вкусе.

— Извини. Я, конечно, не это имела в виду, просто здешнему зрителю нужно другое. И вообще… — Она вдруг умолкла. — Ой, какая же я дура! Я ведь не ныть пришла. Хотела рассказать про Корал Кроуфорд. Я злая, как собака, и тут меня можно понять. Где же газета, которую я принесла… А, вот! В общем, слушай, — строго продолжала Сюзи, — ты ведь помнишь Корал Кроуфорд? Она играла с тобою в «Жаворонках и совах», ушла незадолго до моего прихода.

— Еще бы не помнить! Корал Кроуфорд. Одна из самых наглых вечных должниц, которых мне доводилось встречать.

— Именно! — воскликнула Сюзи. — Ну, и что ты о ней думаешь — только честно?

Миссис Джо ответила с таким видом, словно давала рекомендацию:

— Как артистка — безнадежна. Как подруга, коллега и леди — не лучше. Любит приврать и слукавить, доверия не внушает, не говоря уж о том, что запросто может попросить на время такие вещи, какие ни одна уважающая себя де-

вушка брать у других не станет — при этом сама не вернет, пока сто раз не напомнишь. — Миссис Джо откинулась на спинку кресла и спросила: — А что случилось?

— Помнишь, она все твердила, что ей надоело шататься по стране и она будет пробовать себя в хоре? — задыхаясь, выпалила Сюзи. — Так вот, она попробовала. И у нее получилось. До сегодняшнего утра я ничего о ней не слышала, а тут — погляди! — Она сунула газету под нос своей подруге. — Выступает в новой постановке на Пэлл-Мэлл! Я как увидела, чуть с ума не сошла! Корал Кроуфорд! Читай. Играет с Томми Моусоном, Лесли Уэйт и Вирджинией Вашингтон! Сказочный успех! Постановка на все времена! Смотри, что про нее пишут — Корал Кроуфорд! На самой вершине славы! Я не завидую, честное слово, и даже рада, что кто-то из наших пробился, но эта девчонка… уже звезда Пэлл-Мэлла! Спасите! Я прочла статью утром, в постели, и от злости чуть не сгрызла все наволочки и одеяло.

— Так-так! — Миссис Джо воззрилась на газету. — Конечно, девочка могла и вырасти с тех пор, как я видела ее последний раз. Порой такое происходит совершенно неожиданно, — без особой уверенности проговорила она.

— Да ладно… Бред! Не могла она вырасти — там расти нечему! Однако же вот она, Корал Кроуфорд — Кроули — звезда Пэлл-Мэлла, а вот она я, езжу на трамвае в Мандли каждый вечер и исполняю тридцать третий номер в программе! От такого хочешь не хочешь затошнит. И после этого ты говоришь мне про полгода в Борнмауте, полгода одной и той же допотопной тягомотины! Знаю… знаю… грех жаловаться. Мисс Трант — ангел — вы все ангелы, — и мне впору помалкивать. Но факт есть факт. Теперь ты меня понимаешь?

— Ты думаешь, что заслуживаешь большего, — тихо проговорила миссис Джо, глядя на огонь.

— Не совсем так, — виновато ответила Сюзи. — Точнее, совсем не так.

— Именно так, — как можно мягче произнесла миссис Джо. Ее руки замерли на вязанье — бесконечном вязанье, которое будет еще долго путешествовать за ней из города в город, по самым разным примерочным, гримерным, купейным вагонам и съемным комнатам. С каждым днем оно будет становиться все более замысловатым, бесформенным и бессмысленным, пока однажды не исчезнет и не сгинет навек. — Ты права, — добавила миссис Джо изменившимся тоном. — Ты слишком хороша, Сюзи. Раньше я думала так про

себя. — Последняя фраза прозвучала особенно печально.

— И правильно думала! — решительно ответила Сюзи. — Остальным до тебя расти и расти.

— Правда? — Миссис Джо тут же повеселела. — Разумеется, когда я в голосе, никто со мной не сравнится. Но именно капризы моего нежного голоса помешали мне взяться за настоящую работу. В конце концов, нельзя забывать о выучке, огромном опыте, вкусе и собственном видении — это чего-то стоит, правда?

— Конечно, глупышка!

— А тебе, Сюзи, нужно только дождаться своего шанса. Вот почему ты не можешь найти себе места. Я ведь все понимаю, голубушка. Ты просто делай свое дело, работай потихоньку, и такой шанс непременно представится, вот увидишь. Я не знаю, *как* или *где* он тебе представится, но это обязательно произойдет. Я чувствую. Ты еще очень молода, милая.

— Да, наверно, — уныло произнесла Сюзи, — хотя иногда чувствую себя тысячелетней старухой. Да и какой прок говорить себе, что я еще молода, если жизнью я все равно недовольна. Стоит мне узнать о чудесных успехах каких-нибудь кроули, я пытаюсь разузнать их возраст. Джерри тоже,

как выяснилось. Пусть он немножко ядовитый, в таких вещах он кое-что смыслит. Джерри скоро добьется своего — любой ценой.

— Шанс может представиться тебе даже в Борнмауте, — сказала миссис Джо. — Лично я бы не удивилась.

— А я бы еще как. Или под шансом ты разумеешь шесть вечеров в местном кинотеатре? Борнмаут… Ха!

— Он может представиться даже здесь, — внушительно продолжала миссис Джо, — в Гатфорде, или Горте, то есть Сторте, или в Мандли. Да, можешь смеяться, дорогая, но это действительно возможно. Я на своем веку еще не такое видела, шансы представлялись людям в настоящих дырах.

— Ну ладно, будь по-твоему, — сказала Сюзи, вложив в свои слова как можно больше недоверия. — Давай лучше поговорим о чем-нибудь веселом, не то я разрыдаюсь. Слышала последние новости об Элси и ее Розовом Яйце?

— О ком?! — поразилась миссис Джо.

— Ну, он просто похож на розовое яичко. Ты его разве не видела? Новый ухажер нашей Элси. Она теперь только о нем и твердит, видится с ним чуть ли не каждый день. Знаешь, что она недавно

учудила? Купила зимнее пальто — в марте! Когда он только появился на своей крошечной машинке, она сорвалась в город и купила себе новый костюмчик. Видела? Так вот, она его надела на первое свидание, а старое пальто оставила дома и, конечно, жутко мерзла, а на следующий день опять помчалась по магазинам и купила пальто. Теперь у нее ни гроша, ни единого грошика за душой, и даже на лето ничего не купить. Все ради мистера Герберта — или просто Берта Далвера по кличке Розовое Яйцо.

— А я-то гадала, — проговорила миссис Джо, — почему ее не волнует, куда мы поедем дальше.

— У нее в голове один Розовый.

— Рискованное дело. Знаешь, она ведь никогда не отдавалась профессии целиком. Думаешь, на сей раз у нее все получится?

— Со мной Элси не откровенничала, — сказала Сюзи, — но вроде бы она твердо решила довести его до кипения.

— И доведет, иначе какое из него Яйцо? — с величественной скромностью заметила миссис Джо.

— Но что это будет за жизнь! — воскликнула Сюзи. — Ответь мне: что это за жизнь? С Розовым Яйцом! Подумай, она ведь только об этом

и мечтает! Я бы лучше объездила пятьдесят Роусли или остановилась на резидентный сезон в Тьюсборо…

Миссис Джо содрогнулась.

— Не упоминай при мне эту дыру, милая. Даже в шутку.

— Да, я лучше проторчу пол года в промозглом Тьюсборо, чем буду, как бедняжка Элси. Стоит мне подумать, что она готова посвятить жизнь Розовому Яйцу, так я сразу клянусь себе, что больше никогда не буду ворчать и жаловаться.

— Вот и хорошо, — сказала миссис Джо. — Но жаловаться ты будешь.

Разумеется, так оно и вышло.

IV

Никто лучше самой мисс Элси Лонгстаф не знал о рискованности ее затеи с джентльменом, которого нам при первом знакомстве несколько несправедливо представили Розовым Яйцом.

Мистер Герберт Далвер был поклонником Элси вот уже два года, хотя большую часть этого времени он занимал не самые высокие позиции в иерархии ее ухажеров. На самом деле, пропадая с глаз, он полностью исчезал и из ее сердца. Однако вскоре после приезда «Добрых

друзей» в Треугольник мистер Далвер объявился вновь: он был управляющим гостиницы, которой владел его отец, — солидного старого здания в пятнадцати милях от Гатфорда, на Лондон-роуд. Все Далверы — крупные, розовые и вызывающе жизнерадостные люди — занимались либо гостиничным, либо букмекерским делом, либо еще чем-нибудь столь же спортивным и веселым. Герберт заправлял гостиницей на побережье, где и познакомился с Элси, а теперь, таинственным далверским способом завладев изрядной суммой денег, решил не только управлять, но и владеть еще одной гостиницей на море. Он был холостяком лет сорока, облачал свое пухлое розовое тело в щегольские твидовые костюмы, носил аккуратные усики и смотрел на мир выпученными светло-голубыми глазами, в которых читалось чрезмерное дружелюбие. Вел себя и выражался он весьма откровенно, а поскольку его громкий голос разносился на всю округу, от общения с ним всегда складывалось странное впечатление, будто он посвящает в свои заветные тайны весь мир. Впрочем, на самом деле он прекрасно умел держать при себе то, что не нужно знать остальным, и вообще был куда более дальновидным дельцом, чем казалось на первый взгляд, — как

и все Далверы, целые поколения которых щедро угощали собеседников напитками, орали во всю глотку и хлопали каждого встречного по плечу, при этом не забывая тихонько вить собственное гнездышко. Наш мистер Далвер придерживался традиционных взглядов на женщин. Вне бизнеса (тут уж он выжимал за свои деньги все что можно) он вел себя галантно, даже благородно с «леди» и самоуверенно, дерзко с «дамочками». Элси, которой нравилось быть то леди, то дамочкой, понимала и ценила оба его настроения, однако это не помешало ей сразу же сказать себе, что с мистером Далвером надо быть начеку. Впрочем, его это ничуть не стесняло, поскольку в глубине души Элси восхищалась мужчинами, с которыми надо быть начеку.

В тот день мистер Далвер отвез ее в гостиницу пообедать, а на обратном пути они остановились на обочине, где холм и небольшая рощица прикрывали их от свирепого ветра. Там они закурили по сигарете, и Элси замерла в ожидании. Она знала, что у мистера Далвера есть для нее новости и что сегодня днем все может решиться. Впереди на много миль расстилались мидлэндские пейзажи — бурые поля, проблески воды тут и там, завитки дыма и серые дали, — однако Элси

на них даже не смотрела, поскольку в настоящий момент действительность стянулась для нее в несколько квадратных дюймов, как никогда розовых и являющих собой внешнюю карту Гербертова разума, на которой вот-вот должны были отразиться признаки победы или поражения.

— Ну же! — воскликнула она, глядя на него во все глаза и чуть-чуть дуя губки. — Неужели ты мне не скажешь? Я все выходные только и думала, что там у тебя происходит. Конечно, можешь не говорить, если не хочешь… Мне просто любопытно. — Элси изготовилась к атаке. Каждое предложение теперь было хорошо выверенным выстрелом по разным башням противника.

— Я ждал подходящего момента, — ответил мистер Далвер. — Не хотел говорить об этом на людях. Признаться честно, я подумываю ее взять.

— Правда?! — с радостным удивлением воскликнула она, играя добродушную, яркую и искренне заинтересованную женщину. — Я рада, я очень рада за тебя. Берт! — Сияли ее глаза или попросту таращились на него без всякого выражения?

Берт напустил на себя довольный и важный вид.

— Гостиница хорошая, на двадцать номеров — если будет желание, можно запросто пристроить еще несколько. Неплохая курительная комната, и бар ничего, но над ними надо малость поработать. Летом, разумеется, деньги можно грести лопатой, однако люди останавливаются там и зимой, особенно на выходных. Гольф, рыбалка, все такое. Да еще прямо напротив пирса…

— Напротив пирса! — укоризненно воскликнула Элси. — Мне ли этого не знать, я ведь играла в Истбиче в позапрошлом году, на том самом пирсе! И зачем я тебе все рассказываю, Берт, ты все равно меня не слушаешь!

Она дружески хлопнула его по плечу.

— Твоя правда, — виновато проговорил он, — я так замотался с этой покупкой, что из головы все вылетело, Элси. В общем, хозяева просят за нее четыре тысячи. Как я уже сказал, там есть над чем поработать, имей в виду.

— Но ты можешь себе это позволить.

— Запросто, — объявил мистер Далвер. — Говорю же, мне все нравится. Город приятный, и до Лондона недалеко. Дорога хорошая. Время от времени можно ездить и узнавать, что там новенького.

Он одобрительно цокнул языком и самодоволь-

но ухмыльнулся.

— Еще бы! — воскликнула Элси, знавшая свое дело. — Лучше выбрось Лондон из головы. Тебе давно пора взяться за ум и остепениться.

— Отчасти ты права, — признал мистер Далвер, — но иногда и повеселиться не мешает.

— Конечно, — кивнула Элси. — Жизнь коротка, надо прожить ее в свое удовольствие.

Он восхищенно посмотрел на свою спутницу, и рука, которую он держал на спинке ее сиденья, опустилась чуть ниже.

— У тебя богатый жизненный опыт, и ты была в Истбиче. Скажи честно, Элси, что ты думаешь об этой затее?

— Тебе ведь неинтересно мое мнение.

— Почему? Зачем я тогда спрашиваю? Я для того тебя и позвал — хочу узнать твое мнение. Давай, Элси, скажи не лукавя.

— Разве я лукавлю?

— Никогда. — Его рука к этому времени уже покоилась на ее плечах. Усики приблизились. Весь мистер Далвер будто бы затуманился, любуясь ее светлой спелой красотой — женское очарование Элси было как раз в его вкусе.

Она увернулась от поцелуя, который неизбежно достался бы ей мгновением позже, но сделала

это легко и тихо: чуть отстранившись и внезапно приняв серьезный деловитый вид.

— Хорошо, я скажу тебе, что думаю, Берт, если ты готов хоть на минутку вспомнить о разуме, — начала она, после чего полностью одобрила Истбич и покупку гостиницы, недвусмысленно продемонстрировав мистеру Далверу свою осведомленность в гостиничном деле — если ей случилось связать собственную жизнь со сценой, это еще ничего не значит. Взбудораженное воображение Элси непрестанно рисовало одну и ту же картину: она видела себя в гостинице. Миссис Далвер отдавала распоряжения горничным; временами царствовала по полчасика в баре — всегда с завивкой и безукоризненно одетая; с шиком ходила по магазинам — «Доброе утро, мадам»; здоровалась на улице со знакомыми джентльменами (ее знал весь город); беседовала с девчатами, заглядывавшими в павильон на пирсе — не высокомерно и не слишком по-свойски — просто искренне их жалела; иногда ездила с Бертом в Лондон на машине — только в ее мечтах машина была больше; ходила на концерты — «Ах, голубушка, я и сама когда-то была артисткой»; словом, ей представлялось чудесное и богатое будущее. Оставалось только правильно

выбрать слова — и дело в шляпе.

— Конечно, тебе лучше знать, Берт. Девушки в таких вещах не разбираются, хотя я, не скрою, понимаю в этом побольше остальных. Но таково мое честное мнение. Покупай не раздумывая.

— Так и сделаю, — удовлетворенно ответил мистер Далвер. — Утром я уже принял решение, но захотел узнать, как ты на это смотришь. И вот что я тебе скажу, Элси, старушка…

— Старушка! Кем еще меня назовешь?

— Голова у тебя работает. — Он постучал себя по лбу. — Раньше я думал, что тут у тебя пусто, одна внешность да манеры…

— Ну спасибо, сэр! — воскликнула Элси. — Ладно хоть внешность похвалили, *мистер* Далвер. — Однако улыбнулась она очень мило и ласково.

Рука обхватила Элси еще крепче, и любвеобильный Берт попытался ее поцеловать. К его удивлению, хоть они и целовались раньше, Элси его оттолкнула — нежно и твердо одновременно.

— Ну-ка, ну-ка! — Он отстранился и удивленно поглядел на нее. — Чего это мы такие необщительные? Чем я провинился?

Элси понимала, что малейший холодок в ее поведении может все испортить, и одновременно сознавала: именно сейчас Берт должен немного

постараться, чтобы получить свое. Она вновь улыбнулась — едва уловимо и загадочно.

— Ты всегда все делаешь правильно, не так ли? — беззаботно заметила она. — Сейчас ты ничем не провинился, честное слово. Мне очень хорошо. А тебе? — Она бросила на него лукавый взгляд.

— Даже не знаю, — ответил мистер Далвер. Уверенности в себе и во всем остальном у него поубавилось. — Послушай, девочка, — рука вновь обхватила ее плечи, — может…

— …поедем домой? — быстро вставила она, жутко рискуя. Если он ответит — а она уже почти это слышала — «Хорошо, поедем домой», тогда все кончено. Ужас!

— Я хочу тебе кое-что сказать, — строго и важно проговорил Берт. Слава Богу! Теперь уж пусть важничает сколько вздумается. — Тебе никогда не приходила мысль, — с расстановкой спросил он, — бросить сцену? Погоди минутку. Я имею в виду выйти замуж.

— Могу сказать, мне нередко делают предложения! — воскликнула Элси, которая не только могла, но и хотела это сказать.

— Не сомневаюсь. А если тебе сделают его сейчас?

— Смотря кто сделает.

— Положим, я.

— А ты попробуй!

— Ну, хорошо. Что скажешь? Поедешь в Истбич как миссис Далвер из «Черной лошади»?

— О, Берт!.. Ты уверен?..

— Иначе бы не спрашивал.

Тут мистер Далвер обнаружил, что его целуют. В этот поцелуй Элси вложила все исступленные мечты о будущем и торжественное прощание с дешевыми комнатами, скверной стряпней, старой одеждой, захламленными гримерками, скучающими зрителями и длинными воскресными переездами; от этого поцелуя у мистера Далвера захватило дух, он почти испугался. Но ненадолго. Берт попал на седьмое небо. Пусть он был Далвер — за круглыми розовыми щечками и выпученными глазами крылось что-то жесткое и нагловатое, — однако ж он принадлежал к сентиментальному полу и теперь застонал от удовольствия, как любой истосковавшийся по любви мужчина. Он решил во что бы то ни стало попасть в Истбич до начала сезона, и до тех пор Элси непременно должна стать его женой, пусть свадьбу придется готовить в спешке. На все это Элси дала мгновенное и радостное согласие.

Затем ее мысли закрутились вокруг возможных трудностей и осложнений.

— Послушай, Берт, — очень серьезно проговорила она, — как-то неудобно перед людьми, что мы женимся в такой спешке.

— Вовсе нет, — властно ответил мистер Далвер, крепко сжимая Элси в объятиях. — Не беспокойся, я все устрою. В гостиничном деле еще и не такое бывает, мы люди привычные.

— Хорошо, но… — Элси искренне встревожилась. — У меня ничего не готово и… ах, ты, верно, и сам знаешь… я совершенно на мели и не знаю, когда выберусь.

— Пустяки. Я и так догадывался, что с деньгами у тебя туго — по твоим же рассказам. Это мы исправим, все расходы беру на себя. Лучше скажи, чего ты хочешь. Раз уж мы решились, надо все сделать как полагается, так?

Что она могла сказать — разве могли простые слова передать ее чувства, — когда она смотрела на осиянного светом, богоподобного Берта? Но вот машина вновь двинулась по направлению к Гатфорду, и Элси уже болтала без умолку, а Берт слушал ее с видом гордого собственника. Они остановились у большого ювелирного магазина Моэна на Виктория-стрит, и Берт сказал:

— Здесь мы купим тебе кольцо. Без кольца никак.

Поскольку свадьба должна была состояться очень скоро, многие мужчины сочли бы покупку обручального кольца ненужными хлопотами. Но не Далверы. У них все делалось как положено — с большим шиком. Вы не встретите на свете ни одной миссис Далвер без полного комплекта колец. И Элси — несомненно, прирожденная миссис Далвер — оценила щедрость будущего мужа и прониклась к нему еще большим восхищением.

— Придется тебе зайти, — сказал Берт. — Выберешь сама, примеришь.

— Сперва зайди ты, — ответила Элси. — Сделай обозрение, приценись. — Она понятия не имела, на какие финансовые подвиги он готов ради кольца.

Берт скрылся в лавке, и Элси минутку посидела в машине одна, а затем выбралась на улицу, окидывая прохожих уверенным взглядом обрученной женщины.

— А, вас-то я и искал! — сказал знакомый голос.

— Мистер Окройд! — Элси улыбнулась — не только ему, но и его спутнику — крепко сбитому, кривоногому незнакомцу в огромной зеленой

кепке.

— Ага. Мисс Трант просила, шоб вы принесли ей то красное платье с эдакими финтифлюшками… ну, да вы знаете.

— Хорошо, — равнодушно ответила Элси. Она уже практически забыла о существовании мисс Трант, платья и театра как такового. — Я бросаю сцену, мистер Окройд. Сегодня вечером сообщу об этом мисс Трант. Я выхожу замуж… и очень скоро.

— От же как! — воскликнул мистер Окройд. — Славно, славно! Я слыхал, что за вами тут кое-кто приударил. Я его вроде видел. Малый за вами заезжал — в светлом костюме. Кажись, у него бар где-то неподалеку, верно?

Тут из магазина показался вышеупомянутый малый.

— Берт! — воскликнула Элси. — Познакомься, это мистер Окройд, наш реквизитор. Я сообщила ему радостную новость.

— Надеюсь, вы придете на свадьбу, мистер Окройд, и выпьете за наше здоровье! — дружелюбно прогремел мистер Далвер.

— А как же! Приду, — ответил мистер Окройд. — Это мой друг, — добавил он не без гордости, указав на крепко сбитого и кривоногого незнакомца в

зеленой кепке. — Мистер Джок Кэмпбелл.

— А, здрасьте-здрасьте! Слыхал про вас, да и в городе нередко видел! — сказал мистер Далвер, в подобных ситуациях чувствовавший себя как рыба в воде. — Последний раз в минувшую субботу, кстати.

— Верно, — ответил мистер Окройд за своего приятеля — человека, по всей видимости, крайне несговорчивого. — Местные играли против «Линкольн Сити».

— И хорошо играли, скажу я вам! Будь нападающие так же шустры, как защитники, — заметил мистер Далвер, — Треугольник точно бы победил. Но форварды у вас слабоваты, я считаю.

Мистер Кэмпбелл тяжело покачнулся, откашлялся и разразился многословной тирадой.

— Да уж! — пробормотал он. — Зеленые совсем.

— Он имеет в виду, что они шибко молодые, приноровиться им надо, — пояснил его переводчик. — Верно, Джо?

— Вот именно! — пылко воскликнул мистер Далвер. — Что ж, рад был с вами познакомиться. Заходи, Элси. Вы, верно, не знаете, зачем мы сюда приехали. Хотим выбрать кольцо.

И он громко гоготнул, вслед за чем раздались

добродушные, пусть самую малость злорадные, смешки господ Окройда и Кэмпбелла. Оба они произвели какое-то неясное действие со своими кепками и удалились.

Когда мистер Окройд обнаружил, что снимает жилье по соседству (всего через дом) со знаменитым Джоком Кэмпбеллом, левым защитником и капитаном недавно сформированного футбольного клуба «Треугольник юнайтед», бывшим игроком «Глазго селтик», «Шеффилд уэнсдей» и, что самое главное, «Браддерсфорд юнайтед», он пришел в неописуемое волнение. Еще бы, сколько счастливых субботних дней он провел на браддерсфордском стадионе, приветствуя радостными воплями великолепные и мощные удары Джока Кэмпбелла! А когда он узнал, что этот великий человек не только живет рядом, но и не прочь познакомиться со своим давним поклонником, восхищению и благодарности мистера Окройда просто не было предела. Джоку было уже сорок лет — ветеран и корифей футбола, на поле он выглядел древним старцем — хотя бы потому, что его голова, принявшая несчетное количество мячей, спереди совершенно облысела. Двигался он тяжело и медленно, но для человека его возраста был необычайно силен, а богатый опыт и

врожденная хитрость до сих пор позволяли ему неплохо играть. Хотя его лучшие дни, когда пятьдесят тысяч зрителей восхищенно ревели от его пасов, давно минули, Джоку Кэмпбеллу и теперь нашлось место в молодом футбольном клубе Треугольника. Он давно не бывал в Гатфорде и с трудом шел на контакт с незнакомыми, однако в том, что компания мистера Окройда оказалась ему приятна, мало удивительного. У них была общая тема для разговоров: Браддерсфорд, где Джок прожил несколько лет. Оба ушли от жен, оба питали слабость к футболу, табаку, пиву и глубоким философским раздумьям о жизни и судьбе, хотя старший из них, мистер Окройд, смотрел на мир жизнерадостней и романтичней. Высокие помыслы мистера Кэмпбелла ограничивались питейными заведениями — его единственной мечтой было последовать примеру многих успешных ветеранов футбола: найти неподалеку от стадиона какой-нибудь уютный маленький паб и стать его хозяином. Удачный матч помог бы ему осуществить задуманное. В остальном же Джок Кэмпбелл был склонен к непробиваемому, но вполне уютному молчанию. Мистера Окройда, как мы с вами знаем, тоже не назовешь говорливым, однако по сравнению со своим новым

приятелем он был сущим болтуном.

— Девчушка небось пляшет от радости! — прокричал мистер Окройд, когда они двинулись дальше по Виктория-стрит. Кричать ему приходилось из-за ветра, который не на шутку расшумелся. — Давно уж мечтала разделаться с театром — вот и захомутала молодчика! Недаром марафет-то наводила, каждый день в новом наряде да с прической!

— Ага, — ответил мистер Кэмпбелл.

— Но малый вродь неплохой, — продолжал мистер Окройд. — Видал, какой важный?

— Ага, — кивнул мистер Кэмпбелл, а минуты через две что-то пробормотал. Мистер Окройд уже навострился его понимать и заключил, что, по мнению мистера Кэмпбелла, мистер Далвер — настоящий коммерсант и в барах сам себе пиво не носит.

Они свернули с главной улицы на проезд потише. Тут мистер Окройд захихикал.

— Розовое Яйцо! Так его прозвала Сюзи, девчонка из труппы, — пояснил он. — Ежели приглядеться, так он и впрямь похож, особливо без шляпы. Розовое Яйцо! Ох, юмористка.

Это настолько потрясло мистера Кэмпбелла, что он обрел дар речи.

— Не след так оскорблять важных господ, да еще хозяев собственных заведений, — мрачно произнес он.

Мистер Окройд, хорошо понимая устремления своего героя и глубоко их уважая, ничего не ответил, и следующие двести ярдов они прошли молча.

— А как дела у твоей дочуры? — неожиданно поинтересовался мистер Кэмпбелл. Мистер Окройд успел прожужжать ему о Лили все уши.

— Не знаю, после того нашего разговора писем не приходило, — ответил мистер Окройд. — Ручаюсь, все у нее по первому классу — так она говорит. Но я бы не прочь убедиться, — с легкой печалью в голосе добавил он.

— Да уж, — кивнул мистер Кэмпбелл и в безумном порыве разговорчивости спросил: — А жена как?

— Сам не знаю. Молчат как рыбы — и жена, и малой. Я недавно написал им, спросил, как у них дела. Ежели плохо, грю, так, может, помочь чем? Глупость какая — в молчанку играть! Но такая уж у меня жена.

— Бьет по своим воротам, — изрек мистер Кэмпбелл, покопавшись в глубинах собственного опыта. До самой Крымской дороги, где у обоих

были съемные комнаты, они молчали, а потом мистер Окройд, одолеваемый смутной тревогой, вернулся к вопросу об Элси и ее браке.

— Так просто это не пройдет, — сказал он, словно «Добрые друзья» были вместе шесть лет, а не шесть месяцев. — Это только начало, помяни мое слово. Элси не последняя, дальше будет еще хуже, или провалиться мне на этом месте! Ты не замечал, Джок? Если долго-долго все спокойно — раз! — оглянуться не успеешь, как все разбегутся.

— Пожалуй, — пошел на риск мистер Кэмпбелл.

— Ей-богу, так оно и будет, — продолжал мистер Окройд. — Надо узнать, что остальные думают. Последнее время все какие-то странные ходят.

— Шибко ветер разгулялся, — мрачно заметил мистер Кэмпбелл. И пусть за ним хоть раз в жизни останется последнее слово.

Глава 2
Глава неожиданных встреч

I

Элси ушла из труппы в последнюю субботу их пребывания в Мандли. Для нее устроили чрезвычайно успешный бенефис, закончившийся искренними слезами и вручением букетов. Джимми уже отправился в Бирмингем — взять на работу ее преемницу, мисс Мейми Поттер. Первая неделя их возвращения на Гатфордский ипподром обещала быть весьма волнующей. Новая субретка приезжала в понедельник утром, днем должна была состояться репетиция, а вечером — концерт. На среду наметили свадьбу Элси — в отеле Далвера на Лондон-роуд, и автобус для всей труппы был уже заказан. В следующую субботу был намечен очередной большой бенефис (афишами оклеили весь город): на сей раз для мисс Сюзи Дин, нашей знаменитой комедиантки. В субботу Сюзи отмечала свой двадцать первый день рождения. Сперва она хотела устроить праздничное чаепитие, а после концерта — какое-то веселье. Кроме того, город обещал труппе

ежевечерние аншлаги, и все артисты это знали. Даже для трудолюбивых мастеров своего дела событий и треволнений на одну неделю было многовато.

Ах, что за неделя!

Однако артисты были не в настроении. Старшие члены труппы, Джимми, Митчем и Брандиты, все еще отчаянно ждали, когда мисс Трант примет предложение Борнмаута. Мисс Трант в последние дни выглядела такой мечтательной и отстраненной, что к ней боялись подходить. Странно, конечно, но так оно и было. Дела шли прекрасно, как никогда, а с другой стороны, разъездные труппы уже много лет не отваживались на столь рискованное предприятие, на какое отважилась мисс Трант, арендовав театр на весьма невыгодных и подозрительных условиях. Вместе с тем казалось, что она совершенно выбросила это из головы — слабый пол загадочен и непостижим, сошлись во мнении Джимми и мистер Митчем. Молодежь тоже вела себя удивительно. Джерри Джернингем совершенно ушел в себя, и все думали, будто он что-то замыслил, но вот что именно, никто не знал. Несмотря на день рождения и бенефис — или как раз по их причине, — Сюзи по-прежнему ходила как неприкаянная, порой

дерзила и завела привычку пожимать плечами в ответ на самые дружелюбные и простые вопросы. Она так часто подкалывала и высмеивала Иниго, что он старался не попадаться ей под руку, расхаживал повсюду с решительным видом и, видимо, полностью посвятил себя переработке восьми номеров, которые он написал для труппы и назвал «Требуха a la mode de Jazz»[57] — к вящему недоумению мистера Окройда. К «Добрым друзьям» наконец пришел успех, но молодые артисты восприняли его как-то неправильно, из-за чего мистер Митчем утвердился во мнении, будто молодежь теперь не та, что прежде. Мистер Окройд последнее время постоянно чем-нибудь озадачивался. Ближайшее будущее труппы интересовало его не меньше, чем остальных, и он в полной мере, хоть и несколько по-своему, разделял общее радостное волнение. Однако же он все чаще предавался безрадостным раздумьям о Канаде, Огден-стрит, 51 и судьбе «Добрых друзей». Мистер Окройд не питал к Элси особенно теплых чувств, но она была «одной из нашенских», и то, что ей на смену должна была прийти другая артистка, беспокоило его даже больше, чем

[57] Примечания: 57
A la mode de Jazz — на джазовый манер *(фр.).*

всех остальных. Вероятно, лишь мистер Окройд, руководствовавшийся собственной философской теорией Внезапных Перемен, сознавал всю знаменательность грядущей недели; каких бы чудесных и волнующих планов они ни настроили, все это были сущие пустяки в сравнении с тем, что задумали для них древние силы — вступившие в тайный сговор ветер и звезды. Веревочка, болтавшаяся перед мистером Окройдом на Манчестер-роуд в Браддерсфорде — о, как это было давно! — когда он шагал домой с футбольного матча, эта веревочка меняла цвет и теперь убегала от него все быстрей; возможно, он даже слышал — во сне или грезах, навеянных «Старым моряцким», — дребезг и скрип ее катушки.

Первым важным событием, конечно же, был приезд мисс Мейми Поттер. Джимми говорил, что она молода, но опытна, голоса у нее нет и не будет, а вот танцует она неплохо и для труппы вполне сгодится. В ответ на более настойчивые расспросы он подчеркивал, что в такой спешке особо выбирать не приходится и что со своей стороны он не станет делать вид, будто умеет творить чудеса. Всех одолевали неясные подозрения. Однако приезд, репетиция и последующий выход на сцену мисс Поттер вскоре решили дело.

У Джимми не нашлось повода отказать девушке в работе, и он принял ее в труппу, но какой-то инстинкт подсказывал ему, что дело неладно. На сцене она проявила себя достойно — признаться, она танцевала даже лучше, чем Элси. Однако в жизни мисс Поттер была невыносима. Уже в день своего приезда она успела вывести из себя всех артистов труппы, и стало ясно, что она — прирожденная задира.

У мисс Поттер была гладкая, словно бы гальванизированная головка, очень круглые голубые глаза, нос кнопкой — такой маленький и перепудренный, что смахивал на мелованный кончик бильярдного кия, — и алые губы, всегда округленные в притворном изумлении. Верхняя ее половина — шея, плечи и тонкие руки с короткими толстенькими кистями — красотой не отличалась, зато ножки были очаровательные — она словно передвигалась на двух прелестных сонетах. Изящные мерцающие икры в шелковых чулках как будто без умолку отпускали очаровательно дерзкие и остроумные замечания об окружающем мире. Если б мисс Поттер только и делала, что красовалась перед толпами удрученных мужчин, она могла бы стать известной благотворительницей — такое жизнелюбие

она излучала. Увы, она еще и говорила, причем каким-то праздным жеманным голоском, повергавшим все вокруг в хаос. Ее неизменное вступительное «послушайте» вскоре стало служить остальным артистам штормовым предупреждением.

— Послушайте, — заявила она мистеру Окройду через пятнадцать минут после знакомства, — вы что-то слишком много о себе возомнили. Вы же всего лишь реквизитор, правильно я понимаю?

Мистер Окройд ошеломленно потер подбородок.

— Ну да, прально, — наконец ответил он. — Жалкий пес, больше никто. В следующий раз скажите мне, ежели я глупость ляпну, — авось мозги-то вправите. Наше дело маленькое.

Некоторых людей эта речь могла бы озадачить и даже пристыдить, но мисс Поттер лишь снисходительно кивнула и удалилась.

— Послушайте, — обратилась она к мистеру Митчему, который пришел от нее в ужас, — какие-то заезженные у вас фокусы.

Такими же заезженными, по ее мнению, были анекдоты Джимми и баллады миссис Джо.

— Послушай, — заявила она Сюзи, — поешь и танцуешь ты вроде неплохо, но уж шибко жир-

ный кусок от программы ты отхватила.

Этот разговор состоялся в понедельник вечером, сразу после выступления. Концерт вышел довольно странный. Зал был битком набит теми же благосклонными зрителями, но время от времени с задних рядов (там располагались самые дешевые места, поскольку балкона в театре не было) долетал насмешливый свист и улюлюканье — у зрителей они чаще вызывали неодобрение, но порой и смех. Раньше такого не случалось, и после концерта все артисты, конечно, только об этом и говорили. Взбешенная Сюзи заявила миссис Джо, что виновата во всем Мейми Поттер, иначе и быть не может, однако ни миссис Джо, ни самой Сюзи, ни остальным в это не верилось.

Во вторник утром ветер сменился легким бризом, и все центральные графства залил водянистый солнечный свет. Мисс Трант, все еще не оправившаяся после поездки в Хизертон, все еще преследуемая образами цветущих нарциссов и крокусов в приусадебном саду, решила подышать воздухом и погреться на солнышке. Она позвала с собой Сюзи: взяв чай и бутерброды, они сели в машину и отправились на прогулку.

— Как же чудесно вновь побыть на природе! —

воскликнула мисс Трант, когда автомобильные фабрики и трамваи Треугольника остались далеко позади. — Ах, если б ты могла пожить со мной в Хизертоне, Сюзи! Как считаешь, тебе бы понравилось в деревне?

— О да, я обожаю деревню! — воскликнула Сюзи. В своих фантазиях она нередко представляла, как произносит эту фразу в интервью. «Больше всего на свете, — говорила она журналисту — чрезвычайно милому и обходительному молодому человеку, — я бы хотела на старости лет жить в уютном деревенском домике, где можно заботиться только о себе (см. фотографию)». В то утро Сюзи еще не знала, что очень скоро — раньше, чем она ожидала — ей действительно предстоит давать такие интервью. — Никак не могу вдоволь налюбоваться природой, — продолжала она, — потому что все свое время провожу в городах — в жутких дырах, как правило. Жалко, что в деревнях не бывает театров, магазинов и публики, правда?

Мисс Трант рассмеялась, потом свернула на проселочную дорогу и остановила машину.

— Хочешь, перекусим прямо здесь?

Сюзи оценивающе принюхалась.

— Какой крепкий, не правда ли? Я про воздух.

Странно дышать им первой, пока никто не успел им попользоваться. Я сама выросла на таком воздухе и теперь немножко от него хмелею. Честное слово, так и тянет хихикать. — Она выскочила из машины и немного покружилась на траве, после чего печально глянула вниз. — Жутко мокрая. Вот чем плохо на природе, правда? Мокро и грязно. А когда подсыхает, сразу становится пыльно, и если пойти гулять, уже через минуту не сможешь говорить от жажды и обязательно сотрешь ноги.

Они принялись за бутерброды.

— Интересно, что сегодня утром думает о нас непревзойденная мисс Поттер, — сказала мисс Трант. — Она ведь тебе не понравилась?

— Понравилась?! Да я готова ее придушить! — воскликнула Сюзи. — Все остальные тоже. А думать она еще даже не начинала. Вы уж мне поверьте, она только проснулась и стирает с лица кольдкрем. Страшная язва! Через неделю мы все из-за нее перессоримся. С нее станется, скоро сами увидите. Джимми мог бы и догадаться: спешка тут не помеха, и хорошие номера тоже. Любая женщина такую за милю бы разглядела.

— Может, через денек-другой она исправится, — без особого интереса проговорила мисс Трант. — Должна признать, вчера она вела себя

ужасно.

— А вам она что-нибудь сказала? — осведомилась Сюзи. — Ручаюсь, что да.

— Конечно, она и меня не обделила вниманием. Вчера подошла ко мне и заявила: «Послушайте, я что-то не соображу, зачем вам все это надо. Театры разве по вашей части?»

— Ничего себе! Вот нахалка! Ума не приложу, как она до сих пор жива. — Выпустив пар, Сюзи задумалась, бросила на свою спутницу взгляд-другой и наконец молвила: — Но ведь это действительно не по вашей части, так?

— Я никогда этого не скрывала, — ответила мисс Трант.

— Разумеется! — продолжала Сюзи. — Надеюсь, вы не думаете, будто я тоже обнаглела. А если думаете, то так и скажите. Обещаю, я ни слова не скажу о Борнмауте, не стану даже намекать…

— Спасибо, милая, — сдержанно проговорила мисс Трант. — Впрочем, остальные тоже помалкивают.

— Точно, теперь за них говорят глаза! — воскликнула Сюзи. — Я недавно заметила. Они прямо выписывают взглядом «Борнмаут», честное слово! Вчера Джо — бедняжка! — глазел на вас, как больная корова, и я было испугалась,

что он захворал, но потом меня осенило: он же пытается вытянуть из вас что-нибудь насчет Борнмаута! Но я хотела спросить о другом: вы от нас не устали?

— Бог мой, нет!

— Честно-честно?

— Честно-честно. Про мисс Мейми Поттер я молчу…

— Ах, понимаю!

— А от всех остальных я ни капельки не устала. Я как ты, Сюзи. Не могу найти себе места, не знаю, что делать, но точно знаю, чего делать не хочу. Мысль о том, чтобы провести все лето на южном побережье, меня совсем не привлекает.

— Знаю. А что привлекает?

— Понятия не имею, — ответила мисс Трант как можно беззаботней, но стало ясно, что говорит она серьезно.

— Вот и я так же, точь-в-точь! — заметила Сюзи. — Правда, я знаю, чего хочу — и у меня есть все шансы это получить! Кстати, меня ужасно раздражает Иниго. А вас?

— Нет, а почему? — удивилась мисс Трант.

— Не смейтесь, я серьезно. Ну, он давно мог бы что-нибудь предпринять, а ничего не делает. Такой *беспомощный* — самый настоящий любич-

чель, определенно. — Тут она злобно спародировала беззаботную манеру речи Иниго. — Он всюду за мной таскается с видом умирающей утки, а сам ничего, ну ничегошеньки не делает! И вечно задается насчет этих газетных статеек — впрочем, ни одной газете они даром не нужны, — а на песни ему плевать, хотя они могут принести ему все, о чем он мечтает… ох, поколотила бы его, честное слово! А когда я говорю ему гадости, он не огрызается, не показывает язык, не пытается меня проучить…

— Хотя ты, несомненно, это заслужила, — вставила мисс Трант.

— …а просто смотрит на меня большими грустными глазами, как сиротка, и уходит прочь — дуться. У-у, как же я злюсь! Разумеется, это все пустяки — что он делает, а чего нет. Просто сейчас, когда я сама сижу в ожидании хорошего шанса, ужасно противно смотреть на человека, у которого все шансы уже в руках, а он сидит без дела. Вот так-то. Теперь можете смеяться. Может, поедем?

На обратном пути случилось нечто удивительное. Проселочная дорога, по которой они ехали, милях в десяти от Гатфорда пересекалась с магистралью, и вышло так, что на повороте дви-

жение оказалось куда оживленней, чем обычно: на минуту или две им пришлось остановиться. Мисс Трант безразлично наблюдала за потоком машин, но вдруг подскочила на месте и охнула, а в следующий миг привстала, пытаясь еще разок взглянуть на автомобиль, проехавший по магистрали в противоположную от Гатфорда сторону. Потрясенная и чуть побледневшая, она наконец села на место.

— Что случилось? — воскликнула Сюзи.

— Мне показалось, в той машине был мой знакомый… очень давний знакомый, — дрожащим голосом выдавила мисс Трант.

Сюзи посмотрела на нее и торжественно выпалила:

— Тот самый врач, о котором вы рассказывали! Доктор Макинтайр или как бишь его? С корабля!

— Доктор Макфарлан. Да, мне показалось, это он. Но я не успела толком разглядеть. Да и вообще… ах, глупости!

— Почему же глупости? Не понимаю. Вполне возможно, что он живет где-то рядом. Вы когда-нибудь пытались его найти?

— Нет, не пыталась, — не слишком уверенно протянула мисс Трант. — Зачем?

— Зачем?! — В голосе Сюзи слышались сочув-

ствие и насмешка одновременно. — На вашем месте я бы все о нем разузнала. Врачей ведь нетрудно найти. Представьте: вы плохо себя почувствуете, вызовете врача, а явится он! И воскликнет: «Ах, это вы!» Как знать, вдруг все это время он жил в окрестностях Гатфорда, Мандли или Сторта. Давайте вернемся и все разведаем. Если вы этого не сделаете, сделаю я!

Сопротивляться было бесполезно, да не очень-то и хотелось. В Гатфорде Сюзи первым делом нашла телефонный справочник — к тому времени она так разволновалась, что с трудом листала страницы. Она всегда была невероятно романтична по отношению к другим людям — эта черта свойственна ей по сей день. Увы, ни одного доктора Макфарлана в справочнике не нашлось, хотя он охватывал все города Треугольника и их окрестности. Это потрясло Сюзи, но не сломило. Она расспрашивала и донимала мисс Трант, пока смущенная леди не призналась ей в существовании медицинского реестра, по которому можно найти любого врача. Мисс Трант также пришлось признать, что сама она никогда в него не заглядывала.

— Понять не могу, как же так?! — воскликнула Сюзи. — Не притворяйтесь, будто вам все рав-

но, — вам очень даже любопытно!

— Но это все глупости, — возразила мисс Трант. — Я не видела его сто лет. Он наверняка забыл о моем существовании.

— А вдруг нет? Мужчина, который пришелся вам по душе, мог и не забыть. Впрочем, большинства из них и на полгода не хватит. А вообще, — метко и храбро заметила она, — вы попросту боитесь. Знаю, я вконец обнаглела, но я бы не стала так говорить, если бы не любила вас! Мне очень грустно при мысли, что вы весь день печетесь о нашей труппе, а вечером сидите одна с книжкой о трех мушкетерах или Робине Гуде, когда за углом, возможно, живет неотразимый шотландец, который… — Сюзи окончательно вжилась в роль, — приходит домой поздно вечером, после тяжелого, полного испытаний дня — «Благослови вас Бог!» — говорят ему пациенты, — я видела такое в кино, — садится в кресло, выкуривает трубку и думает о вас. Его виски уже посеребрила седина…

— Ох, да успокойся же, Сюзи! — вскричала покрасневшая мисс Трант, смеясь и сердясь одновременно. — Не то я разозлюсь по-настоящему.

— Ну ладно, ладно, — сдалась Сюзи и шагнула к двери — они сидели в номере мисс Трант. — Схо-

жу в бесплатную библиотеку и спрошу, нет ли у них журнала с адресами всех врачей. И вы меня не остановите! До свидания.

Примерно через сорок пять минут мисс Трант позвали к телефону. Звонила Сюзи.

— Я не посмела к вам зайти, но ждать больше не могла, — сказала она. — Я пролистала ту книгу. В ней полно Макфарланов, и все врачи. Честное слово, их десятки! Уж не знаю, того ли я нашла.

— Он 1885 года рождения, ехал в Эдинбург, — сообщила мисс Трант в трубку, и оттуда донеслось хихиканье.

— Ну, если верить реестру, здесь его точно нет. По возрасту более-менее подходят трое Макфарланов, но все живут далеко отсюда. Один в Индии, другой в Абердине, а третий, кажется, в Лондоне. Я спросила, не устарела ли книга, и библиотекарь признался, что многие врачи могли с тех пор переехать. Кстати, он видел наш концерт, — почти сразу меня узнал и был очень мил. Словом, тот лондонский — наверняка доктор Макфарлан, как считаете?

— Вовсе не обязательно, — ответила мисс Трант. — Это точно не он. Извини, что причинила тебе столько беспокойства. Это все… ерунда.

Вернувшись в спальню, она еще раз напом-

нила себе, что это ерунда. Нельзя принимать ерунду так близко к сердцу. Подобные волнения могут даже испортить тебе удовольствие от хорошего исторического романа. Жалкие попытки Людовика XI и герцога Бургундского привлечь внимание мисс Трант не увенчались успехом. Один ухмылялся, второй бушевал, но все было напрасно — бледные тени, да и только!

II

На следующий день Элси стала миссис Далвер. Все Далверы съехались на торжество, чтобы принять ее в семью — господа как один дородные, блестящие, розовые, с сиплыми голосами, бесстыдно жизнерадостные, дамы тоже дородные, светловолосые, нарядные и с замысловатыми прическами. Трудно представить, какой праздник Далверы закатили бы по случаю крестин или похорон, поскольку трудно представить, как Далвер рождается на свет или покидает его; зато не подлежало сомнению, что природа создала это семейство для празднования свадеб. Все Далверы подвергли Элси тщательнейшему осмотру: казалось, они вот-вот разденут ее, взвесят и станут щипать за разные места, чтобы убедиться в ее доброкачественности. Затем выбор Герберта

Далвера одобрили: по общему мнению, фигура, окрас и нрав его невесты свидетельствовали о том, что потребуется лишь немного времени, хороший парикмахер, портной и добрый портвейн, чтобы она стала достойной представительницей Далверов и чудесной хозяйкой любой гостиницы. Берт ею гордился. Его родители — два типичных представителя Далверов — гордились Бертом. Все остальные родственники тоже чем-нибудь да гордились, пусть хоть собственным аппетитом…

— Мне уже за шестьдесят, — сообщил гостям один громадный багровый Далвер, — но я могу пить и есть, сколько угодно.

Словом, все были очень рады и довольны.

У мистера Далвера-старшего, тоже делового человека, заправлявшего бесчисленным множеством профессионально жизнерадостных людей, не было другого выбора (и не нашлось бы, реши он поискать альтернативу), чем устроить сыну шикарную и стильную свадьбу. Стиль определили как «последний писк», но с тем же успехом можно было назвать его «позднеримским»: столько гостей собралось на торжество и таким богатым был стол. Обильный праздничный завтрак, накрытый в длинной комнате наверху, сделал бы честь даже самым старым

мастерам — багровым Далверам. Мистер Окройд, пришедший на свадьбу с остальными артистами труппы, сообщил мистеру Джоку Кэмпбеллу, что ни один коммивояжер Браддерсфорда — а эта братия славится своими грандиозными пирами — не устраивал ничего подобного.

— В тех бутылках небось шампанское? — прошептал он.

Мистер Кэмпбелл равнодушно ответил, что да и что шампанское он в грош не ставит.

— Взгляни лучше на виски, дружище, — добавил он. — Если парочка гостей ограничится винами и соками, выйдет по бутылке виски на человека. А мне дай только губы смочить — так разойдусь, что в субботу и половины поля не пробегу.

Мистер Кэмпбелл не вздохнул — за ним не водилось этой привычки, — но головой покачал настолько печально, насколько может покачать тринадцатистоуновый защитник. Затем он предался грустным думам о том, как можно было бы распорядиться всем этим виски, не жди его назавтра футбольное поле. Однако общество стольких крупных дельцов и владельцев собственных заведений доставляло ему скорбное удовольствие, и многие Далверы, имевшие отношение к спорту,

приветствовали его как давнего приятеля.

Мисс Трант тоже встретила нескольких давних знакомых. Поначалу ее ошарашила эта ревущая свалка людей, объятий, рукопожатий и гогота: поздравив Элси и Берта, она спряталась в укромном уголке и стала ждать завтрака, мечтая, чтобы все поскорей закончилось. Далверы, на ее вкус, были чересчур большими и громкими, однако не дивиться им она не могла: они были очень похожи друг на друга и совершенно не похожи на прочих ее знакомых.

— Вы ведь мисс Трант, правильно? Точно, точно.

Эти слова произнес сиплым басом тучный престарелый джентльмен, который стоял перед мисс Трант, склонив голову набок.

— Смотрю, вы меня не признали! А я вас издалека углядел. Сперва не мог вспомнить имя — на лица-то у меня память хорошая, а вот на имена нет — но потом сообразил. Ну-ка, посмотрите хорошенько, подумайте. Не спешите. Вспомнили?

Мисс Трант где-то видела этот большой красноватый нос, влажный лоб и смешливые глазки. Только их обладатель теперь выглядел куда опрятней. Шеффилд! Странный маленький домик… Ну конечно! Перед ней был дядя Элси,

тромбонист, которого все звали Дядяртуром. Так она ему и сказала.

— Ну, вот и вспомнили! — воскликнул Дядяртур, горячо пожимая ей руку. — Я все про вас знаю, от Элси. Мне она не пишет, а вот Эффи частенько получает от нее весточки и всё передает мне — ну, или не всё, а только самое главное. Мы очень признательны вам за Элси, мисс Трант. Она славная, правда? Надо отдать ей должное, в общем и целом она славная девочка, правда? И, — добавил он тихим доверительным тоном, — неплохо устроилась, как считаете? Славного мужа отхватила.

Мисс Трант с этим согласилась и заметила, что вид у молодых очень счастливый.

Дядяртур приблизился и заговорил так доверительно, что его рот съехал на правую сторону лица и там остался.

— Утром они мне сказали, — заговорщицки пробубнил он, — что ежели мне захочется отдохнуть, так я могу в любое время приехать к ним в… как там его… Истбич! Я-то, конечно, не поеду. Знаем мы, как оно бывает: вытащат тебя из дома, а потом выясняется, что от тебя одни хлопоты. «И зачем только приехал?» — думают они. Но приглашение получить приятно, согласны? Конечно,

по особым поводам, вроде этого, можно и прокатиться. Кстати, я только сегодня утром прибыл. Вчера выступал, а сегодня пришлось встать в пять утра, чтобы поспеть к празднику. Назавтра договорился, чтоб меня подменили, — храни их Бог, когда этот неумеха вступит! Вы бы слышали его игру — как будто линолеум рвут. Эффи тоже приехала, видели ее?

Мисс Трант едва успела ответить «нет», прежде чем Дядяртур нырнул в толпу и вынырнул минуты через две, таща за собой Эффи — более увесистую и аляповатую редакцию младшей сестры. Та сразу бросилась ее обнимать, а к мисс Трант стали стремительно возвращаться отрывочные воспоминания о гостинице по дороге из Дерби, Типстедах и удивительном вечере в Шеффилде.

— Ну, я прямо не знаю! — завопила Эффи, пребывая в самом что ни на есть приподнятом расположении духа. — Какая встреча! Хотя я, разумеется, знала, что вы будете. Как вы замечательно выглядите, прямо чудо! Лет на десять помолодели, не меньше. С трудом вас узнала. А я как выгляжу?

Мисс Трант ответила, что очень хорошо, хотя в действительности Эффи можно было сравнить

с тропическим закатом под отдаленный рокот землетрясения.

— Вы как будто похудели.

— Да-да! — заверещала Эффи. — Сбросила чуть ли не пятнадцать фунтов, нашей Элси такое и не снилось. А вот вы чуточку набрали, но вас это ничуть не портит, правда же? Театр вам только на пользу, мисс Трант, ей-богу, вы так похорошели за зиму! Помните, как я просила вас передать Элси корзинку с вещами? Тогда-то все и началось, правда? Подумать только, если бы не тот случай, вас бы здесь не было, и Элси тоже, и меня — ну надо же! — Эффи тараторила без умолку еще минут пять, после чего умчалась в толпу знакомиться с мистерами Далверами.

— Послушать нашу Эффи, — язвительно проговорил Дядяртур, — так это не ее сестра замуж выходит, а она сама — причем за трех мужей сразу. Я-то всегда знал, что Элси будет первой, — хоть об заклад мог побиться. Беда Эффи в том, что она слишком старается. Они ж должны думать, будто сами захотели жениться, вер-рно? Молодчики то есть. А приятели Эффи сразу слышат звон свадебных колоколов — и им это не по душе. Торопиться в таких делах нельзя, помаленьку надо, потихоньку. Ну ничего, скоро до Эффи дойдет,

еще как дойдет. Вот и сегодня, глядишь, кого подцепит. Она ж не успокоится, пока не заполучит какого-нибудь бедолагу.

— Мисс Трант! — раздался знакомый голос.

Мисс Трант не сразу разглядела, кому он принадлежит, но через несколько секунд в углу зала поднялся переполох, и громадных Далверов словно бы раскидала какая-то невидимая сила, а из расступившейся толпы возникла крошечная, дрожащая, задыхающаяся, но ликующая мисс Тонг.

— Какой сюрприз! — вскричала она, от волнения едва выговаривая слова.

— Успокойтесь, — строго осадил ее Дядяртур.

— В самом деле, сюрприз, — улыбнулась мисс Трант. — И чрезвычайно приятный. Безумно рада вас видеть!

— Вы слышали?! — воскликнула мисс Тонг, будто бы обращаясь к невидимой публике, ждавшей этого момента. — Но я сразу сказала Элси — в письме разумеется, — она сообщила мне чудесную новость и написала: *«Постарайтесь* приехать» — я сказала, что если все получится с работой и с Па — в основном с Па, конечно, — так вот, если все получится, не говори ничего мисс Трант, пусть это будет сюрприз! А потом я подумала: «Да она тебя даже не вспомнит, глупая, она

же ездит из города в город, и всюду у нее новые знакомства!» Но вы вспомнили!

— Я вас по голосу узнала, еще до того как увидела, — сообщила ей мисс Трант.

— Неужели? А я заметила вас из того угла, окликнула и не смогла подойти — пришлось потолкаться.

— Лихо вы их раскидали, — серьезно заметил Дядяртур.

— Это дядя Элси… — хотела познакомить их мисс Трант.

Дядяртур поднял руку:

— Нас с мисс Тонг уже познакомили, правда?

— Да, утром! — воскликнула мисс Тонг. — Вы так интересно рассказывали про театр! А потолкаться пришлось, потому что здесь все очень крупные, правда? Оглянуться не успеете, как меня задавят! А потом повесят объявление: «Пропала мисс Тонг. Нашедшему вознаграждение». — Она рассмеялась, закашляла и опять рассмеялась. — Нет, вы когда-нибудь видели столько великанов разом? Лично я — нет.

— Это потому, что у них все дела по общественной части, — объяснил Дядяртур. — Может, им самим не шибко много перепадает — а кому и вовсе чуть, — но там и на одном запахе разжи-

реешь. И потом, некоторые из них букмекеры, а этому брату без жира нельзя — кто ж доверит деньги худышке?

— Поразительно! — воскликнула мисс Тонг. — Но они все очень милые, правда? Некоторые так любезно со мной разговаривали, хотя понятия не имели, кто я такая и чем занимаюсь, да и вообще с трудом меня разглядели. «Я просто хочу увидеть твою свадьбу», — написала я Элси. Похоже, нам теперь придется съесть все это угощение, но как мы сможем проглотить хоть четверть, я не представляю!

— Уж я приложусь как следует, — решительно заметил Дядяртур. — Что-то я оголодал.

— А у меня кусок нейдет в горло, — задыхаясь, выговорила мисс Тонг, — так я разволновалась, глупая! Вы-то меня давно знаете, мисс Трант. Со мной всегда так бывает. Сижу себе целыми днями в своей комнатушке — вы ее помните, мисс Трант? — на месте курятника теперь стройка, но вида она не портит, — так вот, сижу и работаю, вижусь только с клиентами — ну и с Па, конечно, — в церковь иногда хожу. А потом, — переведя дух, продолжила она, — что-нибудь происходит, и я сразу делаюсь такая глупая, так волнуюсь! «Ох, да успокойся же, глупышка», — говорю я се-

бе, прямо поколотить себя хочется, честное слово, хотя вряд ли от этого станет лучше, правда?

— Хуже, — ответил Дядяртур. — Станет только хуже. Я бы советовал вам держать себя в руках. Ваша беда в темпераменте, вот в чем. У меня вся семья такая, кроме меня. Да и знакомые музыканты есть такие же — я с ними играл, могу по именам перечислить. На репетициях все спокойно, играют без сучка без задоринки. А как выступать — сами не свои. И в чем же дело? Скажем, перепутали ноты — всего-то не тот листок поставили, подумаешь. — Он строго взглянул на мисс Тонг.

— Бывает же! — воскликнула она, видимо, почувствовав, что от нее ждут какого-нибудь ответа.

— Да, бывает, — по-прежнему очень строго сказал Дядяртур, — и очень часто. А что с ними происходит? С этими нервными музыкантами то есть. Что происходит? Они теряются, забываются, нужные ноты найти не могут, вступить не могут — и прощай партия! А все потому, что не умеют держать себя в руках.

— Вот видите, мисс Тонг, — улыбаясь, сказала мисс Трант.

Однако упреки не смутили мисс Тонг.

— Вы себе не представляете, — сказала она обоим, — как мне приятно слушать все эти истории про театр! И снова быть рядом с вами!

— Рассаживаются, — заметил Дядяртур и незамедлительно приготовился сесть сам.

— Садитесь рядом со мной, — обратилась мисс Трант к мисс Тонг, — если вы ни с кем не договорились.

— Что, правда? А точно никто не будет против? — Длинный ведьминский нос мисс Тонг засиял от удовольствия. — Если я сяду между этими великанами, им только моя макушка и будет видна. Думаете, тут можно сесть?

Итак, мисс Трант и мисс Тонг сели вместе, и последняя так много болтала, задыхалась, ела, пила, кашляла и хохотала, что было удивительно, как она не рассыпалась на части. «Добрые друзья» расселись по обеим сторонам длинного стола. Мистер Окройд сидел со своим приятелем, мистером Кэмпбеллом, вид у которого стал чрезвычайно настороженный — словно из огромного мясного пирога на него могла выскочить какая-нибудь диковинная тварь. Миссис Джо держалась очень величественно и чудесно выглядела в обрамлении двух блестящих розовых Далверов. Высокий силуэт мистера Мортона Митчема маячил за

тем концом стола, где собрались самые важные гости. Две юные миссис Далвер, золотисто-розовые с ног до головы, заботливо ухаживали за Джерри Джернингемом, чей акцент к тому времени зазвучал столь причудливо, что многие гости постарше принимали его за иностранца. Иниго, оставив бессмысленные и вымученные попытки избегать встреч с обожаемой Сюзи, усердно выискивал местечко рядом с ней, однако не преуспел. Ее вниманием завладел какой-то щеголеватый Далвер; вскоре он усадил ее между собственной обходительной персоной и другим громадным багровым Далвером. Этот молодой человек увивался за Сюзи с самого ее приезда, и та как будто ничуть не возражала. Напротив, ей словно бы нравилось его общество — Иниго всегда презирал таких типов — крикливый, безмозглый, зубастый розовый осел. Невероятно, как Сюзи может быть весело в компании эдакого улыбчивого болвана! Если она не притворяется, заключил Иниго, значит, в ней все-таки есть какая-то плебейская жилка. Невозможно быть влюбленным в девушку и одновременно думать о ее плебейских жилках. Если удастся не отпускать мысль об этой самой жилке, можно чудеснейшим образом отстраниться от любовных пережива-

ний и тут же показать, что ему решительно все равно, с кем Сюзи проводит время — пусть хоть с пятьюдесятью хихикающими Далверами.

По какой-то загадочной причине, известной, как решили миссис Джо и Сюзи, одним лишь богам, Элси пригласила на свадьбу мисс Мейми Поттер. Мисс Поттер весь завтрак просидела под боком у Иниго и с огромным удовольствием его развлекала. Он, в отличие от всех остальных, не питал к мисс Поттер столь уж глубокой неприязни — впрочем, большой приязни тоже не питал, и потому ее рьяные попытки подружиться несколько озадачили Иниго. Вокруг было полным-полно молодых Далверов, готовых услужить мисс Поттер по первому ее слову, и с какой стати она предпочла именно его (а она, очевидно, предпочла), было загадкой. Однако, как ни странно, вот уже день или два она была с ним чрезвычайно любезна. На свадьбе Иниго старался развлекать мисс Поттер и всем своим видом показывать, что услаждение ее ушей — главная цель его жизни. Не сказать, чтобы она улыбалась его потугам — черты ее лица были чересчур округлыми для улыбок; но ей по крайней мере удавалось изображать невыносимую гримасу напускного восторга, когда она глядела в сторону

Иниго. Кроме того, мисс Поттер, помаленьку пробуя то одно блюдо, то другое, — исключительно из вежливости, — умудрилась проглотить изрядное количество пищи и несколько больших бокалов сладкого шампанского.

Когда все доели, из-за стола внезапно поднялся один громадный багровый Далвер.

— А теперь, леди и женельмены, — прогремел он, — давайте порадуемся за счастливых молодоженов. Пусть они никогда не пожалеют об этом дне. Я о своем иногда жалею. — Раздался дружный смех, а одна дама, столь же громадная и почти столь же багровая, провопила: «Ну-ка, Уолтер!» — И супруга моя жалела, хотя по ее крику не скажешь. Но все это давно в прошлом. Пожалев о свадьбе, я очень скоро понимал, что мне попросту нездоровится. — Смех и аплодисменты. — В тот день я был по-настоящему счастлив, и, смею надеяться, Берт счастлив не меньше. До сих пор миссис Берт была чужой для большинства из нас, но теперь нам ясно — уже по одному ее виду, — что она принесет Берту счастье. А если вдруг муж ее не устроит, то где ж она возьмет лучше? Вот и все, что я хотел сказать. Давайте пожелаем им всего самого хорошего.

И гости с радостью поддержали его тост.

Берт, которого попросили выступить с ответной речью, объявил, что сказать ему нечего и по справедливости он вообще не должен говорить. Он теперь женатый человек и чем больше помалкивает, тем лучше. (Крики: «Жаль!» и «Прально!») Но кое-что он все-таки скажет. Удача не всегда ему улыбалась (смех и «А как же Удалец?» — от бравого молодого Далвера, прицепившегося к Сюзи), но теперь-то он точно уверен в победе («Тогда поставь на это рубашку, мой мальчик!» — крикнул неизвестный багровый Далвер, чем снискал хохот и упреки со стороны дам). Берт выразил надежду, что все его родные знают: им всегда рады в Истбиче, пусть приезжают в гости.

Тут всем стало совершенно понятно, что теперь должен выступить кто-нибудь из родственников невесты. Поскольку единственным мужчиной с ее стороны был Дядяртур, гости обратили взгляды на него: тот с минуту делал вид, будто ничего не замечает, но в конце концов вынужден был с трудом подняться на ноги и обратиться к собравшимся с речью.

— Прямо не знаю, — выдавил он, настороженно ощупывая кончик собственного носа, как будто тот мог внезапно исчезнуть, — речи вообще-то не по моей части. Будь тут тромбон, я бы малость

поиграл, а так… Ну, я все-таки дядя невесты, и она уже давно не уделяла мне внимания, пусть хоть теперь послушает. Наша Элси всегда была умной и — самое главное — славной девочкой. И мужа она себе нашла славного, это сразу видно. А коли она его не устроит, то я даже не знаю, чего ему еще надо — да он и сам не знает. Так что давайте наполним бокалы и еще раз выпьем за молодых!

Тост получился сносный, но не вполне торжественный, и посему из-за стола поднялся мистер Мортон Митчем. Две трети гостей понятия не имели, кто он такой, но вид у него был столь внушительный, что все собравшиеся погрузились в благоговейное молчание. Начал он с того, что ему очень неловко (хотя даже самый внимательный наблюдатель не заметил бы в его поведении ни малейших признаков неловкости), однако долг обязывает его сказать несколько слов о своей коллеге, миссис Герберт Далвер, известной в театральных кругах под именем мисс Элси Лонгстаф. Они вместе колесили по стране (тут мистер Окройд не выдержал, вставил воодушевленное: «Верно, верно!» и широко улыбнулся присутствующим). Мистер Митчем затем развил тему дружбы и товарищества в разъездной труппе. Все, о чем говорил этот прирожденный оратор,

представало перед слушателями в самом невообразимом свете и масштабах, так что вскоре у гостей сложилось впечатление, будто они с Элси — лучшие друзья — колесят по миру уже добрых полвека. Так и виделось, как они бороздят континенты под оглушительный рев и овации целых народов. Судьба всей английской сцены, казалось, неразрывно связана с историей «Добрых друзей», которая сама по себе представляет выдающийся эпос.

Сквозь дымку его высокопарных речей проступали титанические силуэты мисс Трант, Иниго и других артистов. Отъезд Элси представился гостям сокрушительной молнией, брошенной в труппу жестокосердными богами, и от этого удара земля задрожала под ногами у слушателей. На короткое время всех охватило уныние, однако через минуту небеса вновь прояснились. Только радость за славный союз двух любящих сердец позволила мистеру Митчему вынести горечь утраты. Гости поняли, что он готовился к этому событию много лет, и из всех мужчин на свете лишь мистер Далвер был достоин сыграть в нем главную роль. Мистер Митчем был самого высокого мнения о мистере Далвере, с которым он близко знаком — или так всем показалось — по

меньшей мере десять лет. И теперь, не только от своего имени, не только от имени артистов труппы и представителей профессии, но и от имени всех присутствующих гостей, которые столь сердечно встретили и приняли мисс Элси Лонгстаф в свой круг, мистер Митчем пожелал молодым счастья и под громкие аплодисменты и звон бокалов выпил за их доброе здравие полпинты почти чистого виски, которое отправилось в его желудок вслед за куда более изрядной порцией того же напитка. Сей благородный поступок подвигнул его на то, чтобы вновь подняться из-за стола и отметить: то были сокровенные мысли человека, четырежды объехавшего вокруг света.

Элси, пунцовая от гордости, счастья и сладкого шампанского — еще немного и образцовая миссис Далвер, — вынуждена была выступить с ответной речью. Она сказала, что в ее жизни на Сцене было много хорошего и много плохого, но последнее время — только хорошее. На этих словах ее сестрица Эффи внезапно и весьма эффектно разрыдалась. Когда она немного утихла, Элси продолжила свою речь: она не ждет, что отныне в ее жизни будет только хорошее, но уверена, что они с Бертом будут счастливы, она сделает для этого все возможное. Элси поблагодарила своих

чудесных и добрых гостей и выразила надежду на скорую встречу. Все подарки, добавила она, просто замечательные. («Согласна!» — воскликнула мисс Тонг.) Теперь им с Бертом пора ехать, потому что они должны успеть на дневной поезд до Истбича. Последовали объятия, рукопожатия и поцелуи без счета, затем все спустились на улицу, чтобы проводить молодоженов, и в самом конце, когда машина уже тронулась, гости трижды прокричали «Ура!» — под совместным руководством громадного багрового Далвера и мистера Мортона Митчема. Миссис Джо, тронутая до слез и восхищенная, заявила, что это ее самое большое потрясение в жизни после второго акта «Белгравийской розы», в котором они с Джо (в роли горничной и конюха соответственно) впервые пели дуэтом. К тому времени крошечная мисс Тонг от пережитого волнения посинела и застучала зубами, поэтому мисс Трант запихнула ее в машину и отвезла обратно в Гатфорд — отдыхать и пить чай в тишине и спокойствии. Некоторые гости тоже отбыли, а остальные поднялись наверх разговаривать, курить, допивать виски и даже танцевать.

— Перемены, дамы и господа! — взревел мистер Митчем, одолев лестницу. — Грядут перемены,

это точно. Мне ли не знать. Я видел это… кхе — тысячу раз! Печально, но что поделать… они не-из-беж-ны.

— Правильно говоришь! — воскликнул Джимми.

— Благодарю, — просто, но с достоинством ответил он и прикурил огромную сигару, всученную ему восхищенным Далвером. Он, Джимми и еще два-три гостя с наиболее богатым жизненным опытом образовали отдельный кружок, второй же сформировался из любителей футбола, Джо, мистера Окройда и мистера Джока Кэмпбелла, который при помощи бутылки, пепельницы и двух стаканов любезно продемонстрировал, как именно Эвертон забил тот поразительный гол в матче против «Шеффилд уэнсдей» и выиграл Кубок. В остальных углах сидели дамы, среди которых особенно выделялась миссис Джо: они обсуждали посещенные ранее свадьбы и женатых знакомых, живо обмениваясь историями о родах, несчастных случаях, операциях, внутренних болезнях и смертях.

В другой комнате танцевали. Сей факт не стоил бы упоминания, если б все это время Сюзи не танцевала с молодым бравым Далвером. Иного в пару досталась мисс Мейми Поттер, чьи

прелестные и на удивление смышленые ножки позволили ему наглядно продемонстрировать всем не самый выдающийся из своих талантов. Молодого бравого Далвера тоже нельзя было назвать умелым танцором — его слишком мотало из стороны в сторону, — однако двигался он энергично и со знанием дела, чего нельзя было сказать об Иниго. В какой-то миг он с ужасом заметил на себе насмешливую улыбку Сюзи и ее несносного партнера. Они над ним потешались! Иниго еще крепче прижал к себе мисс Поттер и стал дергаться с таким остервенением, что той едва хватало сил выдавить привычное «Послушайте». Когда за гостями наконец прибыл автобус, Сюзи и ее кавалер куда-то исчезли, и Иниго узнал, что Далвер повез ее на своей машине в Гатфорд. «Послушайте, — сказала мисс Поттер, — этой девочке отшибло вкус. Мерзкий тип, вам не кажется?» Итак, в автобусе они тоже сидели рядышком, и Иниго, в голове которого вертелся пестрый вихрь напитков, танцев, уныния и веселья, пришел к выводу, что ему все-таки нравится Мейми и по возвращении в Гатфорд он ее поцелует. Однако к тому времени уныние начало брать верх, голова побаливала, а жизнь казалась нелепой и безотрадной, поэтому вместо

того, чтобы поцеловать Мейми, Иниго спешно удалился в свои комнаты — отдохнуть часок-другой перед началом выступления. По окончании этого часа-другого он решил, что в их отношениях с Сюзи пора расставить все точки над i.

«Больше так продолжаться не может, — строго сказал он себе и ей, причесываясь и мысленно рисуя перед собой образ оторопевшей Сюзи. — Если вы думаете, будто со мной можно играть, то вы ошибаетесь, определенно ошибаетесь». Нет, это смешно. Надо говорить невозмутимо и слегка насмешливо. «Поздравляю, вы завели себе новых друзей. Я начинаю думать, что быть допущенным в ваш круг — слишком большая честь для меня…» Нет, не пойдет. «Слушайте, Сюзи, мне это надоело…» Да, уже лучше, главное — говорить тихо, но с мужественной решимостью. Так или иначе, пора положить конец этим мучениям.

III

Время — без четверти двенадцать, утро четверга. Место — небольшой зал (в котором полно мягких диванчиков и можно курить) на втором этаже кафе «Веселый голландец», Виктория-стрит, Гатфорд. В дальнем углу расположился столик, который отличается от всех остальных

хотя бы тем, что чашки с фирменным кофе «Веселый голландец» украшают только его. За ним сидят — то облокачиваясь на стол, а то строго и прямо, как штык, — два человека: высокий разболтанный юноша с длинным подвижным носом и светлым вихром на лбу, в мешковатой и неопрятной одежде, и прелестная брюнетка, миниатюрная и статная, в замысловатом черно-алом наряде. Официантка, подавшая им кофе, — одетая в некое подобие голландского платья, но Гатфорд, Мандли и Сторт написаны у нее на лбу, — сразу узнала эту парочку и уже разболтала всем официанткам, что на втором этаже у них та девушка из театра, такая темненькая и ужасно забавная, а с ней пианист — они сидят и пьют кофе, как самые обычные люди. Мы с вами тоже их знаем: это мисс Сюзи Дин и мистер Иниго Джоллифант.

— Ну вы и нахал, первый раз такого встречаю! — восклицает Сюзи. — Вас это вообще не касается.

— Да-да, конечно, — надменно отвечает молодой джентльмен. — Простите, что вмешиваюсь в ваши личные дела.

Он выясняет с ней отношения, и дело не спорится: все идет совершенно не так, как он задумывал.

Иниго сейчас потягивает дым из чудовищно огромной вишневой трубки и пытается делать это как можно надменней. Увы, дым толком не тянется. Будь у него даже пятьдесят трубок, они бы не тянулись как следует — такое уж выдаюсь утро, не самое подходящее время для выяснения отношений — тем более с мисс Дин.

— Пусть мы с вами друзья, — продолжала Сюзи, — вы не имеете никакого права так со мной разговаривать. Если я решила поболтать и потанцевать с мужчиной, это не ваше дело. Да и вообще, вы его совсем не знаете.

— И знать не хочу. Мне и без знакомства ясно, что он — ядовитый тип. Но, как вы правильно заметили, это не мое дело. Я расстроен, вот и все. Некоторым девушкам он мог бы понравиться, но *вам*... как вы вообще могли на него посмотреть? Я сам не свой от этой мысли. Даже Мейми Поттер...

— Мейми Поттер! — воскликнула Сюзи. — Только не говорите мне, что она думает, хорошо? Это будет последней каплей. А еще называете других ядовитыми! Но продолжайте, продолжайте. Что сказала Мейми Поттер?

— Не важно, — угрюмо буркнул Иниго. Чем быстрей они забудут о мисс Поттер, тем лучше.

— Еще как важно! Мисс Поттер ведь ваш зака-

дычный друг. Видели бы себя вчера, на свадьбе! И раз уж вы решили побеседовать начистоту, то теперь мой черед. Советую вам держаться подальше от этой девушки. Она прогнила насквозь, от коленок до макушки. У всех она уже в печенках сидит — кроме вас, разумеется. Если мы не будем начеку, она погубит всю труппу. Я таких знаю.

— Может быть. Мне, честно говоря, все равно, — ответил Иниго, готовый при случае пожертвовать хоть пятьюдесятью Мейми Поттер. — А вот что для меня важно, так это ваше отвратительное, ужаснейшее поведение на свадьбе. Вы кокетничали с этим пройдохой, розовым зубастым трактирщиком…

— Он не трактирщик. И даже будь он трактирщиком, вы не должны над ним смеяться. Мне решительно все равно, кем работают приятные мне люди: да пусть хоть бутылки моют. Я не кембриджский снобишка, в отличие от вас, Иниго.

— Никто и никогда не называл меня снобом, — медленно произнес Иниго.

— О… неужели… да что вы говорите? — воскликнула Сюзи, безжалостно пародируя его обиженные интонации. — Ну а я считаю вас снобом, так-то! Если вы не сноб, значит, просто ревнуете.

— Положим, ревную, — совсем уж угрюмо выдавил Иниго.

— Тогда не ревнуйте! — строго сказала Сюзи, но тут же бросила на него озорной взгляд. — И вообще, вы не должны так уж страшно ревновать. Можно ведь ревновать по-хорошему.

— Нет, нельзя. Это ужасно. И, честно говоря, дело не столько в ревности, сколько в отвращении — видеть ваш дешевый флирт с этим трактирщиком…

— Скажете еще одно слово, и мы точно рассоримся! — вскричала Сюзи. — Мне уже тысячу лет никто не говорил таких гадостей! Немедленно извинитесь за «дешевый флирт», или я с вами не разговариваю! Я серьезно. — И она действительно посмотрела на него очень серьезным взглядом.

— Хорошо, беру свои слова обратно, — пробормотал Иниго. — Но вы меня поняли.

— Ничего я не поняла, кроме того, что вы сейчас позеленеете от ревности. И мне неясно почему. Мы последнее время не очень-то ладим.

— И кто же в этом виноват? — вопросил он.

— Разумеется, вы, Иниго. — Сюзи уставилась на него большими невинными глазами.

— Вам прекрасно известно, что это не так. Послушайте, Сюзи, вы последнее время просто

невыносимы, определенно. Вы ведь знаете, как я к вам отношусь…

— Не знаю! — тут же вставила она. — Расскажите. — Она откинулась на спинку стула и обворожительно улыбнулась.

— Ох, да я же просто… — Он застонал. Для молодого человека, решившего расставить все точки над i, он вел себя очень странно.

— Продолжайте, Иниго. Не молчите. Скажите как на духу. — Она сделала вид, что удобно устраивается в кресле.

Иниго откинул со лба вихор и поднял на нее мрачный решительный взгляд.

— Ничего я вам больше не скажу, Сюзи, — наконец проговорил он. — Вам бы только шутить да смеяться. На мои чувства вам плевать. Ну а мне совсем не весело, ни капельки.

На несколько секунд воцарилась тишина, а потом Сюзи тихонько спросила:

— Почему бы вам не перейти к следующей части программы, Иниго?

— В смысле?

— Теперь вы должны сказать: «Если вы думали, будто со мной можно играть, то вы ошибались».

Иниго смутился, и, взглянув на него, она захохотала. Потом напела короткую мелодию.

— Я ухожу, — в ярости процедил он.

— Нет, прошу вас! — Она беззаботно положила ладонь на его руку. — Ненавижу ссориться! А если вы уйдете такой бешеный, я начну жалеть, что не приняла приглашения от Далвера — он звал меня покататься на машине, а потом наесться до отвала в каком-нибудь ресторанчике. Да, именно так, и он был невыносимо настойчив. Но я отказалась. Мне хватило вчерашнего общения.

— Неудивительно! — с нескрываемой радостью воскликнул Иниго.

— Последнее время вы тоже меня утомляете, — продолжала Сюзи.

— Почему? Что со мной не так? — Тут он сменил тон: — Нет, я понимаю, во мне нет ничего особенного…

— О нет, вы не понимаете, — перебила его Сюзи.

— Вам просто надоело, что я все время околачиваюсь рядом, — скромно произнес Иниго. — Ирония в том, что околачиваюсь я только ради вас. Остальные уже наверняка это заметили. Вот и мисс Трант недавно говорила… Пока вы в труппе, Сюзи, я не могу уйти. Стоит вам найти другую, как через неделю и меня след простынет.

— Невысокого же вы мнения об остальных, —

заметила она.

— Нет, остальные мне тоже очень нравятся, по крайней мере большинство. Я не буду горевать, расставшись с Джерри Джернингемом или Мейми Поттер, а вот к старичкам я привязался. Но в них-то я не влюблен!

— Выходит, вы влюблены в меня.

— Определенно.

— До сих пор?

— Стало только хуже. Ну, теперь вы все знаете. Если бы год назад кто-нибудь сказал мне, что я буду сам не свой из-за девушки, я бы захотел съездить этому человеку по зубам. Однако ж последнее время я сам не свой — и ничего не могу с этим поделать.

— Мне очень вас жаль, Иниго. Определенно.

— Скажите, я вам надоел? Вам тошно смотреть на мою физиономию? Или дело в другом?

— Ну… — с серьезным видом протянула Сюзи, — у меня последнее время тоже странное настроение. А вы ходите такой угрюмый и насупленный, совсем не тот весельчак, что раньше. Но дело даже не в этом. Вы… вы меня раздражаете!

— Почему? Что я такого делаю?

— Вы такой… ну, не знаю… беспомощный!

— Беспомощный?! — От удивления Иниго даже

закричал.

— Да, именно.

— Пожалуй, вы правы! — С этими словами разгневанный молодой человек выпрямился, внезапно обхватил Сюзи за плечи, развернул ее к себе и крепко поцеловал в губы, не дав ей и слова вымолвить. Если есть небеса, созданные специально для безрассудных храбрецов, то Иниго провел несколько блаженных мгновений на одном из них. Затем его скинули обратно на землю, в кафе «Веселый голландец», и тут все его мужество точно испарилось. Бездыханный, он замер в ожидании чего-то страшного и неотвратимого, и хотя чудесное создание, сидевшее рядом с ним, на какое-то время стало для него центром Вселенной, он понятия не имел, что будет дальше. Он прямо чувствовал, как съеживается и усыхает.

Несколько секунд Сюзи глядела на него широко распахнутыми глазами, вскинув брови и тяжело дыша.

— Ну… — протянула она и вдруг расхохоталась.

К Иниго в мгновение ока вернулась напускная храбрость.

— Не ожидали? Вот такой я человек! — объявил он.

— Ну а я совсем не такая, — сказала Сюзи. — Особенно не по утрам и не в липовом голландском кафе. Поэтому больше так не делайте, пожалуйста, вот и все.

— Вам не понравилось?

— Мне даже дурно стало! — спокойно ответила Сюзи, повернув к Иниго наглое личико, все еще румяное и сияющее. — Нет, больше никогда! Кем вы себя возомнили? А теперь слушайте. — Она посерьезнела. — Называя вас беспомощным, я вовсе не *это* имела в виду. Я говорила о вашем отношении к работе.

— К работе?! — Иниго как будто впервые слышал это слово.

— Вот видите! Вы даже не понимаете, о чем я говорю. Вы просто беспомощный любитель, Иниго, и больше никто. Работа в разъездной труппе — на Сцене — для вас только игра. А для меня нет. Я профессионал. Я делаю это не для развлечения, молодой человек. Я не погулять из школы сбежала.

— Если вы решили, будто я вернусь в ту школу — или в любую другую… — начал было Иниго.

— Не важно. Мы говорим обо мне. Я намерена далеко пойти, и если успех не придет ко мне в ближайшее время, я лопну. А этот молодой Дал-

вер на свадьбе…

Иниго застонал.

— Первым делом он сказал, что наслышан о моем таланте и приехал на меня взглянуть. Видите ли, он близко знаком с Джеком Роззи, а юный Роззи сейчас работает вместе с отцом, стариком Роззи — антрепренером синдиката «ПМХ».

— На помощь! — прокричал Иниго.

— Не паясничайте, пожалуйста. Так вот, я, конечно, поверила не всему, что он плел — Далвер, в смысле, — но это уже кое-что. Никогда не знаешь, где повезет. Вчера он хотя бы понял, что я не застряла в этой труппе навечно и готова идти дальше.

— Но что вы хотите от меня? Чтобы я пошел к юному Роззи и попросил его передать старику Роззи…

— Ах, замолчите! По-вашему, это пустяки, потому я на вас и сержусь. Все очень серьезно. Разумеется, вам незачем идти к Роззи, вы вообще не должны мне помогать. Я сама о себе позабочусь. Но если бы вы пошли и предприняли что-нибудь для себя — а вас запросто возьмут, с такими-то песнями! — я бы не стала возражать. Не могу смотреть, как вы упускаете шанс за шансом. Мне от этого тошно. Да, меня раздражает ваша

бездеятельность. Это так… так беспомощно и по-любительски!

— Так вот оно что… — тихо проговорил Иниго.

— Да, именно, — упрямо ответила Сюзи.

В эту минуту в зал тихо вошел еще один посетитель — одинокие посетители всегда входят очень тихо. Потом появилось еще трое джентльменов, и шуму от них было, как от маленькой армии, — чего и следовало ожидать от трех джентльменов. Видимо, все четверо были беспомощными любителями, поскольку Сюзи смерила их презрительным взглядом. Иниго теребил карточку, которая лежала у него в кармане. Вид у него был по-прежнему слегка взволнованный, но на губах теперь поигрывала тень улыбки.

— Ну? Говорите. — Сюзи посмотрела на него без злобы, но и без каких-либо признаков восхищения.

— Да нет, я просто так… — робко выдавил Иниго.

Весьма пухлая нижняя губка Сюзи дернулась, недвусмысленно говоря: «Сейчас вы возмутительно беспомощны и совершенно не похожи на мужчину моей мечты». Сюзи стряхнула с юбки сигаретный пепел и поднялась.

— Мне пора.

Иниго пошел в свою комнату, гадая, удалось ему «расставить все точки над i» или нет. Конечно, сказано было много, однако лишь малая часть сказанного соответствовала его первоначальным планам. Если бы не одно «но», Иниго почувствовал бы себя раздавленным, убитым и ростом два фута. Этим «но» была карточка в его кармане. Иниго хотел показать ее Сюзи за кофе. Стоило ей раскаяться — и, возможно, чуть-чуть прослезиться, — как он отмахнулся бы от ее извинений и мигом вызволил ее из пучин самокритики, показав заветную карточку и объяснив, что с ней нужно делать. Миг этот, как мы с вами увидели, так и не наступил, и карточка осталась у Иниго в кармане. Она попала туда сегодня утром, за полчаса до того, как Иниго отправился на встречу с Сюзи. Некий молодой человек с деспотическим носом, черными кудрями, в ядовито-розовой рубашке и воротничке, ввалился утром к нему в комнату, чуть не наступая на пятки квартирной хозяйке, и назвался мистером Мильбрау, мидлэндским представителем фирмы «Фельдер и Хантерман».

— Вы, конечно же, знаете, кто это такие, — хихикнул гость.

— Кто? — Иниго еще не оправился от первого

удивления.

— Фельдер и Хантерман.

— Не знаю, — ответил Иниго, изумленно разглядывая своего гостя: тот, словно фокусник, молниеносно стянул шляпу, пододвинул к камину стул, сел, прикурил сигарету, закинул ногу на ногу и потер руки — все за один короткий и насыщенный действиями миг.

— Ха-ха, ‘мешно, ‘мешно! — вскричал мистер Мильбрау. — Не думал, что вы такой остроумный — ан нет, вовсю потешаетесь над стариком! — Он еще сильнее прежнего потер руки.

— Да кто они такие? — со всей серьезностью вопросил Иниго. — Фамилии вроде бы на слуху.

— Ну все, прекратите, — осадил его мистер Мильбрау. — Считайте, я купился — купился! Давайте перейдем к делу, ‘ватит меня разыгрывать.

— Никого я не разыгрываю, честное слово. И в мыслях не было. — Иниго не понимал, с какой стати этот молодой человек в рубашке вопиющего цвета вломился к нему и твердит что-то про розыгрыши. — Я только говорю, что ничего не слышал про этих Как-бишь-его и Как-бишь-его.

Мистер Мильбрау оторопело уставился на Иниго и разинул рот, но сигарета при этом не выпала, а осталась висеть на нижней губе и преспокойно

дымилась сама, как дрессированная.

— «Фамилии ‘роде бы на слуху»! — едва не заорал он. — Фельдер и Хантерман — самые крупные издатели нот на сегодняшний день — и дольше всех на рынке! Вы же пианист! Вы тыщу раз играли по нашим нотам! Нет, вы точно шутите! Вот, ‘тощайтесь.

В следующий миг под носом у Иниго оказалось два ряда сигарет. Тот вежливо отказался и раскурил трубку, пока мистер Мильбрау рассказывал о причине своего визита.

— Видите ли, я сейчас разъезжаю по центральным ‘рафствам в поисках песен и танцевальных мелодий, — начал он. — Вот уже два дня как я в Треугольнике. Бываю здесь раз в пару месяцев. Вчера ‘одил на ваш концерт. Делать-то ‘ольше нечего — да и это моя работа, понимаете, мы ж должны знать, как играют наши номера. И вы, ‘ризнаюсь, меня удивили. Да-да, удивили! Программка шикарная, а я ‘наю в них толк — видел сотни — сотни и сотни. Эта комедианточка — ‘росто прелесть, талант! Как там ее? Ах да, Дин. И парнишка, который юморит и танцует, тоже хорош, оч-чень хорош, ей-богу. Отличная программка! Имейте в виду, некоторые ваши номера, — тут он поднял обе руки и уронил обрат-

но, — просто мертвые, их и убить нельзя — как есть мертвые. У меня с собой около ‘вадцати номеров — сентиментальные и шуточные песни — с ними вы свою программу не узнаете! Нет, нет, погодите-ка, одну минуту. Вы, чего доброго, решите, будто я пришел вам что-то продавать. Я ‘десь не для этого.

Иниго мысленно порадовался его последним словам и стал ждать, когда его гость прикурит вторую сигарету.

— Итак, — сказал мистер Мильбрау, глядя из-под полуприкрытых век на клочок бумаги. — В вашей ‘рограмме было несколько номеров, которые я слышал впервые. Очень… недурных! — Последнее слово он почти прокричал. — Хитрые номера, ох хитрые! Даже меня в пляс потянуло, а ведь я в этом деле не первый год. Вот тут они записаны — без названий, конечно, но вы их узнаете. — Мистер Мильбрау передал ему бумажку, и Иниго с первого взгляда понял, что все указанные номера — первой в списке стояла песня «Свернем же за угол» — написал он.

— Все эти номера, — продолжал мистер Мильбрау, — я слышу впервые. А я ‘ного лет в этом деле. Отличные песни — яр-ркие, задорные, запоминающиеся! Пр-режде всего мелодии, конечно,

тексты — ерунда, тексты я и сам ‘ременами по-писываю. Окажите любез-зность, милейший, откройте мне: где вы их достали? Вы пианист и должны знать, потому я и пришел к вам. Адрес мне дали ‘чера в театре, после концерта. У меня много дел — ужасно много, — но я должен знать, кто автор. Ну что, окажете милость? Где вы их раздобыли?

— Нигде, — пылко ответил Иниго, — я сам их написал!

— Вы?

— Да, я. А недавно, между прочим, как раз довел их до ума — вон они лежат, на столе.

Мистер Мильбрау подскочил со стула, крикнул: «Можно взглянуть?» и, не дожидаясь ответа, начал листать ноты — при этом он покачивал головой и напевал себе под нос. Закончив, он аккуратно сложил листки и звонко шлепнул по стопке ладонью.

— И кому вы думали их отдать? — осведомился он — очень тихо, но с большим напором.

— А никому, — ответил Иниго. — Я вообще об этом не думал.

Мистер Мильбрау покачал головой:

— Не думал! Не знает «Фельдера и Хантерма-на»! И выдает такие шедевры! Не говорите мне,

что вы профи, — вы не профи — я это сразу понял. Вероятно, вы не позволите мне взять их с собой? — осторожно спросил он.

Иниго ответил, что не позволит.

— Что ж, так и думал. Пр-рекрасно понимаю, прекрасно. Вот что я вам ‘кажу. Знаете, как бы я поступил на ‘ашем месте — если б сам писал эти штучки? Сейчас расскажу. Я бы сложил их в сумку, взял пальто, шляпу и безо всяких раздумий вышел за дверь, сел бы на первый поезд и седня же приехал к «Фельдеру и Хантерману», пока они не закрылись на ночь. Играть эти штучки я бы больше не стал — мало ли кто слушает? Клянусь, я бы седня же пришел с ними на Чаринг-Кросс-роуд и там остался — а на труппу плевать. Через месяц сами будете над собой смеяться. Я потрясен вашими сочинениями. По мне, может, не видно, но я потрясен. Тока не подумайте, будто я призываю вас к поспешным действиям. Послушайте моего совета, мистер Джоллифант. Не посылайте никуда свои песни. Берите их и ступайте сами. Проиграйте разок для себя — и вперед! А если покажете их «Фельдеру и Хантерману» — на седня это самое крупное издательство нот в стране — то больше никуда ходить не придется. Да, отнесите их «Фельдеру и Хантерману» и спросите мистера

Пицнера — П-и-ц-н-е-р-а. Скажите, что от меня. Нет, вот как мы поступим. Я сам напишу мистеру Пицнеру и все ему объясню. Седня же! Он будет вас ждать. Отправлю ему телеграмму. Он очень занятой человек, наш мистер Пицнер. К нему просто так не пробиться, тока по знакомству, но как пробьетесь — дело в ‘ляпе. Напишу ему письмо и заодно черкну пару слов на этой карточке, ‘окажите ее ‘екеташе — и вас ‘азу ‘игласят. — Мистер Мильбрау так распалился, что от согласных в его речи почти ничего не осталось.

Вот так к Иниго попала карточка, благодаря которой он не чувствовал себя убитым и раздавленным после разговора в «Голландце». Вернувшись в комнату, он вынул ее из кармана, положил на стол и выкурил над ней трубку. Беспомощный любитель, не правда ли?

IV

Различные встречи той недели могут показаться читателю маловажными, однако все они, будь то имевшие место или вымышленные (мы пока не знаем, действительно мисс Трант видела доктора Хью Макфарлана или ей только померещилось), имели большое значение для задействованных в них людей — да и для

многих других. Последняя встреча не стала исключением. Она произошла в четверг вечером, в таверне «У ярмарки», которая — как и следует из названия — примыкает к площади позади Виктория-стрит, где в Гатфорде раз в неделю открывается рынок. Происходит это по четвергам, и потому в таверне было довольно людно, когда туда около шести вечера забрел мистер Окройд. Он знал, что так будет, поскольку успел немного освоиться в Гатфорде и изучить его порядки. Каждый вечер он с удовольствием выпивал здесь полупинтовую кружку пива, прежде чем вернуться к своим вечерним обязанностям в театре: иногда эта кружка получалась мирной, раздумчивой и созерцательной, а иногда — шумной и разудалой. Все зависело от его настроения. Если кружка пива — одно из немногих удовольствий и излишеств в жизни человека, он не станет проглатывать ее бездумно, а выберет для такого случая подходящее место и время. Вот почему в городах вроде Браддерсфорда полным-полно питейных заведений. Для человека приезжего и несведущего они все одинаковые, но для мистера Окройда и его друзей они подобны книгам на прикроватной тумбочке заядлого читателя: пинта в одном кабаке пьется совершенно иначе, чем

в другом. Поэтому в тот четверг выбор мистера Окройда, которому захотелось шума, веселья и компании (вероятно, даже компании других завзятых путешественников), пал на таверну «У ярмарки». В зале царили гвалт и табачный дым, и мистеру Окройду потребовалось десять минут, чтобы пробраться к стойке, заказать пиво и получить заветную кружку от здоровяка Джосса, здешнего бармена. За этот беспокойный промежуток времени ему удалось лишь кивнуть нескольким завсегдатаям — окинуть взглядом самый большой гатфордский бар целиком он не успел. Вокруг было много незнакомых, однако по четвергам это обычное дело: на рынок съезжаются торговцы со всех окрестностей, настоящие путешественники, пусть и мелкого пошиба. Протиснувшись к столу, глотнув пива и хорошенько раскурив трубочку «Старого моряцкого», мистер Окройд начал оглядываться по сторонам.

— Здоро́во! — окликали его знакомые.

— Здра!.. — добродушно кивал им мистер Окройд.

В середине длинного и узкого зала собралось столько народу и все так увлеченно спорили между собой, что мистер Окройд, занявший место неподалеку от стойки, не видел, что происходит

в противоположном конце. Но ему это было без надобности, потому он остался где сидел. Мистер Окройд не скучал, ведь в любую минуту он мог запросто подключиться к бурным обсуждениям. Несколько минут он провел за столиком, мечтая и выхватывая из общего гвалта отдельные фрагменты разговоров. «Ну, я ему и грю: „Что с того? Раскомандовался тут!“ А он мне: „Самый умный, что ли?“ А я: „Уж поумней тебя буду!“» С другой стороны неслось: «Давно пора, давно. Нам с Джимми надо в Бирмингем, точно. Ну-ка, Джимми, ходь сюда!» Где-то за спиной мистера Окройда горячился обязательный для всех питейных заведений любитель политики: «Правительство не может так поступить, говорю вам. Какое им дело до твоего мнения, дружище? Не могут они, и дело с концом. Сперва надо принять закон. Без закона им никак нельзя». Все это — или подобное — мистер Окройд слышал уже не раз и теперь выслушивал с некоторым самодовольством. Эти ребята, конечно, молодцы, но лучше б они помалкивали, покуда не понюхают настоящей жизни. Вот мистер Окройд, хоть и повидал на своем веку немало, — а повидает еще больше, — сидит и помалкивает. Впрочем, пусть себе болтают: вреда не будет.

А потом все голосистые спорщики разом умолкли, и на смену их гвалту, как часто бывает в шумных компаниях, пришло удивительное затишье. Тогда-то мистер Окройд и услышал голос из противоположного конца зала: «И что вы думаете? Он влез прямо в палатку. Такой громадный верзила, фунтов на двести, но пьяный вдрызг, в голове пиво да ветер, а под глазами желтые синяки, как жареные яйца — словом, я б его мигом уделал. Залез он в палатку и эдак внимательно на меня смотрит. „Смотри-смотри, мистер Секстон Блейк! В следующий раз захвати с собой ищейку Педро![58]“ Ха, вы б его видели — сказка! „Что ж, ладно“, — грит. Ну, как обычно...» Услышав все это, мистер Окройд тут же вскочил и стал пробираться через толпу в противоположный угол. Ошибки быть не могло. Этот голос он никогда не забудет, голос своего давнего попутчика и друга — Джоби Джексона.

Мистер Окройд нашел Джоби в самом дальнем углу, в толпе восхищенных слушателей. На нем был тот же красный шарф и костюм в коричневую клетку — или его точная копия. Физиономия

[58] Примечания: 58

Секстон Блейк — детектив, персонаж множества английских комиксов, книг, фильмов и сериалов, выходивших на протяжении XX века. Раскрывать преступления ему помогал пес по кличке Педро.

его ничуть не побледнела и глаза блестели все так же, да и вообще он почти не изменился: разве что веселости немного поубавилось. Зима, голодный сезон для Джоби, оставила на нем едва различимый след. Еще минуту или две он рассказывал байку о громадном толстяке — при этом бурно жестикулируя для наглядности, — а мистер Окройд скромно стоял в сторонке, цедя пиво и покуривая трубку. Перебивать друга он стеснялся, но показаться ему на глаза все же хотел.

— Ну, — сказал Джоби, к всеобщему восторгу облапошив громадного толстяка, — дернем по второй? Я угощаю! Будете, мальчики?

Джоби вскочил и вдруг заметил мистера Окройда. Он пригляделся внимательней, наморщил лоб, и вдруг его лицо озарилось радостью узнавания.

— Эй, да я тебя знаю! Ты Джордж! Джордж со смешной корзинкой!

— Он самый! — Мистер Окройд расплылся в улыбке.

Растолкав толпу, Джоби обошел вокруг стола и хлопнул мистера Окройда по плечу.

— Ты починил мне лоток! Минутку, минутку… а где это было? Вспомнил! Не говори! Мы вместе поехали в Рибсден, правильно? Здоровяк Джим

Саммерс устроил там переполох. Но ты вроде не местный? Из Йоркшира, верно? Дружище Джордж! Я часто тебя вспоминал, тебя и твою смешную корзинку — четыре дня в солнечном Саутпорте, так я ее прозвал, помнишь? Кто бы мог подумать, Джордж, что мы еще свидимся! Сказка! Давай возьмем по стаканчику и ты мне все расскажешь. На ребят не смотри, они подождут.

— Это можно! — хмыкнул мистер Окройд, улыбаясь до ушей. — Я аж обмер, как твой голос услыхал! «Да ведь это старик Джоби!» — думаю. Дай только свое допью, потом еще закажем. Ну, как жизнь, Джоби? Все торгуешь надувными игрушками?

— Да я уж несколько месяцев ни одной игрушки не видал, — ответил Джоби. Он начал заказывать два пива и заказывал до тех пор, пока кружки не подали. — Не-е, — изрек он, отирая со рта пену, — я больше не торгую. На ярмарке в Ноттингеме кой-чего подзаработал, а через недельку Томми Склок — помнишь Томми? — опять смотал удочки, а я заливать стал, понимаешь? Добрался до Ньюкасла, засел в кабаке и проигрался там в очко со всеми потрохами: лоток и прочее. Вот жизнь!

— А машина что? — сочувственно осведомился мистер Окройд.

— А, бедняжка Лиз! Она еще до Ньюкасла отбросила коньки, когда я только-только из Ноттингема выбрался — пьяный в дым. Помнишь, она иногда взбрыкивала ни с того ни с сего — ничем ее не остановишь. Как-то едем мы, а навстречу здоровый такой грузовик размером с дом. Ну, я руль вывернул, и мы — хлоп! — аккурат в стенку влетели. Старушке весь перед снесло. «Чудненько!» — подумал я, вытащил из нее все вещи и встал на дороге, попутку ловить. За полдоллара меня подвезли до Ньюкасла, а Лиз так и осталась стенку подпирать.

— Эх, что поделать! — мудро кивая, проговорил мистер Окройд. — Небось в убыток тебе пошла? Жалость-то какая! Я часто вспоминал твою развалюшку. У ней внутри и жить можно было, вот диво!

— Погоди, Джордж. Я еще выпью, пока ты свою дохлебаешь. В общем, проигрался я в пух и прах. Помыкался чуток, а потом встретил малого из «Материкового цирка Барони». Они выступали на всяких старых катках и крытых бассейнах — куча какаду, дрессированные псины, шелудивые обезьянки и два полудохлых пони. Ты бы видел этот цирк — позорище! Я б на рынке и то лучше собрал. Но малый этот — Джонни Дули, простачок,

конечно, — пообещал мне работу. Всяко лучше, чем ничего. Ну, я и устроился. Угадай, что я там делаю, когда не кормлю собак, не намыливаю шампунем какаду, не продаю билеты и не таскаю всякий реквизит? Я — Тонио, знаменитый клоун с материка! Ты б меня видел, стыд и срам. В неделю платили два фунта пять шиллингов — если повезет. Все мои коллеги подыхали с голоду, честно. Даже пони, и те еле на ногах держались. На сигареты не хватало — за них тебя могли убить, прямо из рук вырывали. За месяц я позабыл, как выглядит кусок мяса. Те ребятки могли что угодно сожрать — хоть тебя. «Слушайте, — говорю, — надоели мне эти тонио-баронио, уйду я от вас». Ну, и ушел. А потом встретил малого, который устраивал всякие аукционы для простофиль.

Все эти и многие другие байки о своих зимних приключениях Джоби Джексон влил в уши мистера Окройда, пока они сидели за столиком неподалеку от бара. К концу рассказа они допили по второй пинте пива (на сей раз угощал мистер Окройд). Джоби Джексон вновь стал свободным торговцем с собственным лотком, но теперь дела у него шли очень скромно. «Словом, опять я взялся за старое, — подытожил он. — Скоро увидишь. Штука называется „Джоуи в бутылке“: такой

стеклянный человечек, которого надо сунуть в бутылку и покачать пробку — он и затанцует. Старо как мир, но малышня пищит от восторга! И закупать их недорого. Если правильно выбрать место, деньги сами в руки плывут. Но мне этого мало. Я еще помогаю одному приятелю — он торгует линолеумом. Поднимаю кусок и бью по нему со всей мочи — мол, нипочем не порвешь, до конца жизни хватит. Словом, вкалываю и коплю денежки, тем и живу. Ну а ты-то чем занимаешься, Джордж? Все обо мне да обо мне…»

Мистер Окройд покосился на часы. К этому времени он обычно возвращался в театр — ему нравилось приходить пораньше, — и время уже поджимало: еще несколько минут, и он опоздает. Поэтому он вкратце рассказал другу о событиях минувшей зимы, но и тут его перебили: к ним протолкался верзила с огромными седыми усищами и положил руку на плечо Джоби. «Пора за дело», — изрек он и исчез.

— Торговец линолеумом, — пояснил Джоби. — Надо идти, дружище. Слушай, а как твоя труппа-то зовется? Говоришь, всю неделю тут выступают?

— Верно. «Добрые друзья».

Джоби вытаращил глаза, беззвучно присвист-

нул и в следующий миг помрачнел.

— Джордж, у вас последнее время ничего скверного не происходило? — быстро спросил он, озираясь по сторонам.

— То есть?

— Да не знаю, чего угодно!

— Ну… с задних рядов иногда что-то кричат… Мы, признаться, к такому не привыкли. Артисты грят, мол, нас «освистывают» — хотя все прочие зрители в восторге, только вот на последних рядах смутьяны завелись.

— Берегись, Джордж, — сказал Джоби, застегивая пальто. — Коли не будете начеку, влипнете в неприятности. Не спрашивай, откуда я знаю. Просто знаю и все. Нет, я не могу задержаться. Приходи еще — свидимся. — И с этими словами он отбыл.

Мистер Окройд приходил в пятницу вечером и в субботу днем, но Джоби больше не встретил. Как ни странно, в четверг и в пятницу ничего «скверного» во время концертов не происходило, и все «Добрые друзья», не догадываясь, что ждет их впереди, поздравили себя с благополучным избавлением от шайки свистящих и топочущих хулиганов. Однако мистер Окройд не спешил радоваться. Вокруг творилось что-то загадочное.

Даже мистер Джок Кэмпбелл не мог разобраться в происходящем, хотя, по его мнению — основанному на богатом опыте, — в любой толпе найдется несколько сумасшедших. Пусть все шло очень хорошо, факт оставался фактом, и мистер Окройд не мог его игнорировать: Джоби Джексон велел ему быть настороже, а уж он-то вполне здоров и рассудителен — настоящий странствующий философ.

Глава 3
Иниго в Стране чудес

I

Иниго без особого удивления заметил, что гатфордский театр увеличивается в размерах, растет и распухает бесчисленными пролетами темных балконов. Оттого найти Сюзи становилось еще труднее — как будто играешь в прятки в Альберт-холле. Пройдя с четверть мили по огромному пустому балкону, он неожиданно обнаружил рядом с собой мистера Мильбрау из «Фельдера и Хантермана».

— ‘звините, сэр, — говорил мистер Мильбрау, — приехали Тарвины.

Почему-то это напугало Иниго. Он поспешил прочь, сбежал вниз по колоссальной лестнице и вошел на балкон ярусом ниже. Надо во что бы то ни стало найти Сюзи, она где-то здесь, на балконах! На полпути Иниго вновь встретил мистера Мильбрау.

— Вот он! — заорал мистер Мильбрау, и тут же включилось несколько прожекторов. В следующий миг перед ними появился мистер Тарвин,

низенький и толстый, как никогда.

— Вот вы где, Джоллифант, — сказал он. — А мы вас ищем, чамха!

Вслед за ним на балкон вбежала ужасная миссис Тарвин. У нее была огромная голова размером с ведро для угля, а глаза сверкали как лампочки. Жуткое зрелище! Иниго развернулся и побежал: все огни тотчас потухли, кроме одного тусклого софита высоко под крышей. Иниго заметался среди черных зловещих теней. Пролетев в этом безумном спуске десяток балконов и бесчисленное множество извилистых лестниц, он наконец очутился в партере. Там был полный аншлаг, люди толпились даже в проходах. Весь зал теперь заливал ослепительный свет: выступление вот-вот начнется. Только тут Иниго впервые заметил, что на нем концертный фрак. Ему надо было пробраться через эту несметную толпу к сцене. Он толкался и толкался, пока наконец не дошел до сцены, где его ждал Джимми. Выглядел он зловеще.

— Пойдем, Иниго, — прокаркал Джимми. — Ты опоздал. У нас новый номер — фортепианный дуэт. Мы нашли нового пианиста.

И он потащил Иниго к пианино. Там его поджидала, кивая и ухмыляясь, ужасная миссис Тарвин

с громадной головой.

— Ни за что! — завопил Иниго, но Джимми вцепился в него мертвой хваткой.

— ‘се хорошо, хоррошо! — сказал мистер Мильбрау, подхватывая его под руку с другой стороны. Иниго брыкался и вырывался, но освободиться не мог.

— Хой, минуточку, минутку! — Голос принадлежал не Джимми и не мистеру Мильбрау. То был новый голос. Он не принимал участия в происходящем. Он словно бы остановил время. Иниго уставился на человека напротив, на его огромный нос с синими прожилками вен, одутловатые щеки и рыжие усы. Так выглядел джентльмен, севший с ним в вагон на Гатфордском вокзале! Да, они ехали вместе. Ехали вместе… но куда и зачем? Тут Иниго встряхнулся, зевнул, протер глаза и наконец все понял. Было субботнее утро, он ехал на встречу с мистером Пицнером из «Фельдера и Хантермана». Вчера, в пятницу утром, он отправил мистеру Пицнеру телеграмму, и тот, уже получив и прочитав письмо от мистера Мильбрау, ответил: «Да приезжайте послушаю песни завтра одиннадцать двенадцать утра». Иниго пришлось повозиться с расписанием. Успеет ли он доехать до Лондона и вернуться к

праздничному чаепитию, которое Сюзи устраивает по случаю своего дня рождения? Придется поймать чертовски ранний поезд из Гатфорда в Бирмингем, а там сесть на экспресс.

Вот как Иниго очутился в раннем поезде. Проспав лишь несколько часов, он умылся ледяной водой, побрился в темноте, ошпарился чаем и рванул на вокзал по жутким темным улицам Гатфорда. И вот он здесь. Никто об этом даже не догадывается, с тоской подумал Иниго, обхватывая себя руками. Он ни словом не обмолвился друзьям о мистере Мильбрау, Фельдере, Хантермане и о своем срочном отъезде в Лондон. Эх… как же все сложно. Иниго думал ошарашить их приятной новостью по приезде обратно, — было б только чем ошарашивать. А если ничего не выйдет, никто и не узнает. Ему вовсе не хотелось еще ниже пасть в глазах Сюзи.

Иниго сел и потер руки. Он продрог, задеревенел, внутри зияла неприятная пустота. Слишком ранний час для путешествий на поездах, определенно. В окнах до сих пор яростно алело небо, и над пролетающими мимо полями висела промозглая дымка. Глаза почему-то горели и сами собой закрывались, а чтобы разглядеть что-нибудь, приходилось таращиться изо всех сил. Но

даже с вытаращенными глазами окружающий мир казался Иниго иллюзорным. Сон висел над задворками его сознания, как туман над полями за окном. Этот мир — холодный вагон поезда, алый рассвет над незнакомыми пейзажами — представлялся Иниго почти столь же сказочным, сколь и мир бесконечных темных балконов, вездесущего Мильбрау и чудовищной головастой миссис Тарвин. Но этот мир, пусть не лишенный определенных неудобств, был бесконечно приятней того, вымышленного. В самом сердце его таился согревающий, бодрящий дух приключений. Эти два чувства не покидали Иниго весь день. В самой крохотной и сокровенной комнатке его разума сидел крошечный Иниго, обнимающий сам себя и воркующий над приключениями. А поскольку день начался, как во сне, увлекая Иниго сквозь мрак в неведомые дали, он так и не потерял налета иллюзорности; пусть он был большой, пестрый и полный подвижных силуэтов, это не мешало ему оставаться хрупким и готовым разлететься вдребезги от одного крика: «Не может быть!»

— Угодили в драку, а? — дружелюбно проворчал джентльмен напротив. — Дали кому-то хорошенького пинка? Моей ноге изрядно от вас

досталось.

— Ох, простите! — воскликнул Иниго и признался, что видел кошмар. Вторая его попутчица — старушка, какие всегда ездят в поездах по загадочным, известным только им делам, независимо от часа дня и направления, — тихонько дремала в своем углу.

— Поезд только тронулся, а вы уж отключились, — продолжал его попутчик. — Я на этом корыте третий раз за две недели еду — иначе никак. Жена моя говорит, мол, хватит с нас, пора переезжать в Бирмингем. Надоело ей вставать спозаранку и готовить мне завтрак. Я ее понимаю. — Он вытащил из кармана небольшую жестянку, достал оттуда окурок и поджег его, чудом не спалив пушистые усы. — Предложил ей самому готовить завтрак, но она ни в какую, — бубнил он, добродушно выдувая дым. — «Тебе по-хорошему надо завтракать, весь день мотаешься», — говорит. Вот и кормит меня.

Иниго попытался вообразить, как восхитительно уютная и домашняя Сюзи настаивает, чтобы он хорошенько позавтракал перед поездкой, но выглядело это неубедительно. Да и будут ли они когда-нибудь завтракать вместе? Он никогда не думал о том, как Сюзи завтракает, но теперь это

весьма прозаичное занятие, банальное поглощение яиц с беконом, расцветилось оттенками чуда и романтики. Иниго услышал, как ее голос — он всегда слышал голос, а вот лицо отчего-то представить не мог, — просит его передать джем. Себя он увидел обходительным молодым человеком, с которым несказанно приятно разделить утреннюю трапезу (мысль о том, что никогда в жизни он не подавал признаков такого поведения, его не посетила). Как только лондонский экспресс отправился с бирмингемского вокзала, ему сразу предложили завтрак, и он с готовностью принял предложение. В вагоне было полно людей, казалось, приходившихся друг другу давними друзьями. Даже билетеры и официанты вагона-ресторана как будто лично знали каждого пассажира. Один человек перегнулся через Иниго и спросил его соседа, где старик Смит. Не успел Иниго приступить к овсянке, как тот вдруг повернулся к нему и заорал:

— Утро доброе! Давно вас не видел. Слушайте, неужели эта история с Бредберри и Торренсом — правда?

Иниго опешил и уже хотел выдавить, что не имеет ни малейшего понятия, когда сообразил, что обращаются не к нему, а к другому госпо-

дину, чистившему яйцо за соседним столиком, по другую сторону прохода. И хотя билетер подошел к Иниго проверить билет, а официанты носили ему еду, делали они это равнодушно, без замечаний о погоде или количестве пассажиров, щедро раздаваемых всем остальным. Поначалу Иниго решил, что по ошибке угодил на прием, устроенный совершенно чужим человеком — скажем, лорд-мэром Бирмингема. Однако вскоре он почувствовал, что его просто здесь нет. Поезд и пассажиры в него не верили.

Случайно оброненная фраза могла исправить положение. Иниго решил провести эксперимент после завтрака, когда его сосед раскурил трубку.

— Послушайте… э-э… а во сколько мы прибываем? — спросил Иниго.

— Да уж, — ответил незнакомец, потягивая дым. А потом взглянул через столик на джентльмена напротив и уже громче проговорил: — Я вчера сказал Мейсону, что торговая палата допустила большую ошибку.

— Ошибку! — взревел господин. — Да это неслыханная глупость, а не ошибка!

Сосед Иниго энергично закивал, потом сделал еще пару затяжек и резко обернулся:

— А вы как думаете?

Иниго готов был от всего сердца проклясть торговую палату, но вопрос вновь предназначался не ему, а колупальщику яиц за соседним столиком, который знал все про Бредберри и Торренса. Он встал, подошел к их столу, оперся рукой на спинку Инигова стула и склонился к его соседу, да так низко, что Иниго мог без труда подпалить ему бороду.

— Не знаю, мой мальчик. Помнишь, что случилось после назначения Стейвели? Так вот, история может повториться — на *мой* взгляд.

Все это было очень странно. Иниго как будто никто не видел. Для окружающих он не существовал. Но, поскольку сам он себя видел и точно знал, что существует, ощущение сказочности происходящего его так и не покинуло, лишив материальности даже лондонский экспресс и превратив ревущие тонны деловитых предпринимателей в мельтешащие тени. Даже когда поезд, пыхтя, подъехал к пункту назначения, чувство никуда не делось. Ничто в этой сумрачной фантасмагории не указывало на реальность окружающего мира. Вокзал, казалось, спроектировал тот же безумный архитектор, что и колоссальный гатфордский театр из страны снов. Иниго поспешил к выходу.

II

Ехать к «Фельдеру и Хантерману» было рано, а исследовать Лондон Иниго ничуть не хотелось. Тем более по улицам хлестал ледяной дождь. Бледное солнце на минутку выползало из-за туч, осыпая все яркими блестками, а в следующий миг на город вновь набрасывался дождь: поднимались воротники и зонты, и люди на улицах обращались в бегство — только пятки сверкали. Сумасшедший город. Иниго зашел в чайную неподалеку от вокзала и взял чашку кофе, которого не хотел. Чайная, казалось, все еще была во власти поденщиц, и хотя никаких поденщиц Иниго не заметил, все заведение пропахло сыростью и безотрадностью их трудов: в любую минуту они могли строем войти в дверь и приступить к сушке пола. Официантки выглядели так, словно еще не оправились после ненавистной побудки, которая вытащила их из далеких крошечных спален в Ист-Хэме или Баркинге и приволокла, заставляя хлюпать носом в холодных автобусах и вагонах метро, сюда, в разнесчастную чайную. Каждый посетитель и каждый заказ расценивались ими как личное оскорбление. День еще не начался; они даже умыться толком не успели и в

знак протеста с грохотом водворяли сахарницы и сливочники на маленькие столы с мокрыми мраморными столешницами. С ближних расстояний они атаковали врага фырканьем, с дальних — зевками. Однако посетители ничуть не обижались и вообще не обращали внимания на их презрительные выпады. Они сидели развалившись, недвижно, бесстрастные и равнодушные, как их саквояжи. Единственным исключением был Иниго, который заказал, получил и выпил свой кофе с самым что ни на есть виноватым видом. Только внутри его проснулся совсем другой Иниго, шкипер на мостике, сердитый и негодующий. Все будто сговорились, что с ним, беспомощным любителем, можно не считаться! И этот маленький ощетинившийся Иниго просил всех и каждого в безумном лабиринте под названием Лондон подождать, только и всего — немного подождать.

Будем откровенны, по дороге к Фельдеру и Хантерману Иниго внезапно почувствовал себя идиотом. Вся затея показалась ему сумасшедшей, пустой и бессмысленной. Зачем он притащился сюда со своими глупыми песенками? Лучше бы отправился к Ньюману и Уотли, школьным агентам. Вот кто надежен и разумен. Их разговоры

о французском, истории, англиканской церкви и некоторых спортивных играх внушают доверие, не то что эти конторы, лавки, автобусы и полицейские. Но «Фельдер и Хантерман»? Развеселые песенки? «Свернем же за угол»? Нелепость, определенно! Он выставит себя на посмешище. Все, что попадалось ему на улицах Лондона, во всеуслышание объявляло, что нет на свете никакого мистера Пицнера. Одно его имя вдребезги разбивало всякую уверенность. Добравшись до Чаринг-Кросс-роуд, Иниго ощутил неприятную пустоту в области живота. Он не хотел идти дальше. Времени оставалось с избытком, поэтому он решил побездельничать и стал разглядывать магазины. Это его и спасло. Мистер Пицнер вновь обрел реальность. Иниго очутился в мире, где самая глупая песенка значила больше, чем Ньюман, Уотли и их клиенты, вместе взятые. Теперь у него не было уважительной причины считать свой приезд нелепой выходкой. Чаринг-Кросс-роуд едва не лопалась от песен. Те витрины, в которых не было нот, ломились от граммофонов, пластинок, саксофонов, барабанов и банджо. Вся улица казалась сплошной Джазовой биржей. Больше того, Иниго увидел множество песен, которые уже сыграл сам и забраковал. Он за-

шел в одну лавку и просмотрел штук двадцать новейших композиций — большинство были настолько плохи, что он злорадно зашептал: «Дрянь! Дрянь!» Уверенность в своих силах вернулась к нему в мгновение ока. Эти бездари дни и ночи напролет сочиняют музыку, а выходит все одно ерунда. Он больше не медлил и решительно зашагал к конторе Фельдера и Хантермана. Вот теперь он им покажет!

— Мне нужен мистер Пицнер, — строго произнес он, отдал карточку и, не обращая более никакого внимания на секретаршу, непринужденно и чуточку надменно оглянулся по сторонам. Восторгаться он и не думал, но мистер Мильбрау, вне всяких сомнений, не солгал, когда назвал свою контору крупнейшей на музыкальном рынке. Здание было сказочное: огромный склад, ломящийся от сахарных сантиментов и дешевого цинизма. Здесь центнерами выращивали несчастных влюбленных — в ритме вальса и тональности ми-бемоль. Целые ряды улыбчивых негров (которые в жизни ничего не чистили, кроме золотых часов, и разъезжали по Лондону на огромных машинах) умоляли отвезти их в родную хижину на Юге. «Ах ты, бедная девчушка!» — кричали на вас с одной стены. «Так не

бывает!» — орали с другой. «По субботам она блондинка», — усмехались с третьей, а в ответ получали двухсоткратное: «Она мне всех милей!» То были не просто песенки. Самые ничтожные из них носили звание Грандиозных Успехов. Были там и Хиты, Ураганы, Фуроры, Бессмертные шедевры, Шлягеры, Сенсации и Нашумевшие вещицы. Господа Фельдер и Хантерман льстиво предлагали «отведать еще». Мистер Фельдер громадными красными буквами заклинал «купить сейчас и разбогатеть завтра», а мистер Хантерман обещал «сенсацию будущего сезона в Дугласе и Блэкпуле», и вместе они уверяли, что «шквал аплодисментов вам обеспечен». Они откровенно признавались, что все оркестры и ансамбли Англии в их власти, что они покорили Север и свели с ума Вест-Энд. И чрезвычайно этим горды.

Иниго пожал плечами. Увиденное его не впечатлило. А, мистер Пицнер готов его принять? Замечательно. Он проследовал за секретаршей в лифт. Кабинет мистера Пицнера, по-видимому, располагался на самом верху, поэтому Иниго успел вдоволь намечтаться, как выглядит этот человек. Ему представился эдакий сверх-Мильбрау — старше, толще и ветхозаветнее, с еще более черной шевелюрой и еще более ядовитой

рубашкой. Он приготовился к встрече с шумным, бойким и изворотистым малым.

Ожидаемой встречи не состоялось. Перед Иниго стоял тощий серенький человечек, очень скромный в манерах и одежде. Выглядел он так, словно ничему не удивлялся последние двадцать лет, многое повидал и вообще устал от этой жизни. Возможно, устал он именно оттого, что успел повидать. Однако ошибки быть не могло: навстречу Иниго вышел действительно мистер Пицнер.

— Рад встрече, мистер Джоллифант, — тихим скорбным голосом проговорил он. — Я нечасто бываю здесь по субботам. Большую часть времени провожу дома. Но сегодня вы меня застали. Обычным людям не так просто попасть в мой кабинет — двух-трех свежих песенок для этого недостаточно. В противном случае я бы сам здесь не поместился. Но мне написал мистер Мильбрау. А Мильбрау — чрезвычайно умный и сведущий человек.

Мистер Пицнер молча предложил ему толстую египетскую сигарету, Иниго ее принял и согласился, что мистер Мильбрау — чрезвычайно умный и сведущий человек.

— Верно, — с грустью продолжал мистер Пицнер. — Один из умнейших молодых людей в

стране. Я даже подумываю больше не отправлять его в командировки. Есть в нем какой-то врожденный талант, дар… Раз или два я полагался на его суждения и не прогадал. Почему-то он очень восторженно отзывался о ваших песнях. Удивительно, — добавил он тем же скорбным тоном. — В музыкальном мире это большая редкость — чтобы действительно стоящую музыку написал любитель — если вы не возражаете против такого определения. Люди думают, это происходит регулярно, но они заблуждаются. Вы ведь пианист?

Иниго вкратце объяснил, кто он и чем занимается — мистер Пицнер слушал его внимательно, но с каким-то тихим отчаянием на лице. Когда Иниго договорил, мистер Пицнер тронул звонок и велел ответившей девушке прислать к нему мистера Порри.

— Пусть Порри послушает, — сказал он, наблюдая за завитками дыма от своей сигареты. — Он — наш мозг. Любую мелодию может запомнить.

Иниго хватило смелости выразить надежду, что мистер Порри не станет запоминать его мелодии слишком уж хорошо. Стоило ему произнести эти слова, как он тут же пожалел о сказанном, однако мистер Пицнер, которого практически

обвинили в воровстве, не выказал ни малейшего негодования. Он лишь покачал головой.

— Мы не станем их красть, если вы об этом, — сказал мистер Пицнер. — Игра не стоит свеч. Маленькие фирмешки иногда крадут, но для крупного издательства это несолидно. Между прочим, назначение Порри в том, чтобы не украли *вы.* Вдруг вы принесли мне старые песни, изменив в них пару нот? Так не годится. Если б мы торговали подобным материалом, то запросто могли бы сами его сочинять, прямо здесь. Вы нам сами сыграете или дадите ноты Порри?

Иниго ответил, что сыграет сам, но особой радости по этому поводу не испытал. Хуже аудитории, чем мистер Пицнер, и представить было нельзя. У Иниго не укладывалось в голове, что этот человек может иметь какое-либо отношение к песенкам, фотографиям и броским плакатам на первом этаже. Казалось, его не проймешь даже землетрясениями и революциями, не то что этими пустяковинами. Мистер Порри — ничем не примечательный джентльмен средних лет — вошел в кабинет и тоже принял у Пицнера возмутительно толстую египетскую сигарету, а Иниго сел за пианино и грянул одно из последних своих сочинений. Сыграв его, он не стал ждать

оценок или суждений, а сразу перешел к следующей песне, приберегая «Возвращаясь домой» и «Свернем же за угол» на десерт. Когда Иниго добрался до них, от его робости не осталось и следа. Он просто получал удовольствие от музыки — а если господам Пицнеру и Порри она не по душе, пусть катятся на все четыре стороны! Иниго с прежней веселой шкодливостью сворачивал за угол — вновь и вновь. Ноты стояли прямо перед ним, но только для видимости; он в них даже не заглядывал. Старая мелодия звенела и гремела, не встречая на своем пути никаких препятствий, а в голове Иниго мельтешили и сверкали образы полузабытых людей и мест: миссис Тарвин, поместья Уошберри, Роусли, Сэндибэя, Сюзи, Элси, мисс Трант и мистера Окройда.

— А-ха, а-ха! — проревел чей-то голос у него под ухом. — Что тут у нас? Послушай-ка, Монти. Там-ти-там-тиди-ди… Не останавливайтесь, дружище, не останавливайтесь! Давайте еще разок.

В кабинете появилось еще двое джентльменов. Тот, что умолял Иниго не останавливаться, был пузатым здоровяком с опухшей физиономией и смешливыми глазами. Звали его мистер Танкер. Второй, Монти, был не кто иной, как мистер Монти Мортимер, чье имя слышал даже

Иниго, не претендующий на глубокие познания о театре, — знаменитый постановщик ревю. Мистер Мортимер походил на низкорослого, пухлого и гладко выбритого ассирийца. Ему бы очень пошло заведовать приготовлениями к какому-нибудь пышному и, возможно, развратному веселью при Ниневийском дворе. Вереница грандиозных успехов и фуроров не измотала его, как мистера Пицнера, но и добродушный азарт мистера Танкера был ему чужд.

— Я хочу послушать все, — сказал мистер Мортимер, когда ему представили Иниго.

Мистер Пицнер кивнул:

— Ты обязан послушать. Я, между прочим, как раз думал о тебе. Сдается, это то, что ты искал, — добавил он тем же обреченным голосом.

— Здесь по меньшей мере два хита, если хотите знать мое мнение, — вставил мистер Порри тоном человека, знающего цену своему мнению — даже если его никто не спрашивал.

— Особенно последняя, да, Порри? — вскричал мистер Танкер. — Заковыристая вещица, ей-богу! Очень недурна. Ее можно играть, пока крыша не слетит, Монти, и никто слова не скажет! Не то что хлам, который нам приходится печатать последнее время. А слова есть, дружище? Превос-

ходно. Когда доберешься до последней, я спою. Да-да, спою! И пусть кто-нибудь посмеет сказать, что мы, палочкомахатели, всем завидуем. Да мы вообще не знаем, что такое зависть! Ну, дружище, садись, сбряцай нам еще разок.

Иниго сбряцал, а мистер Танкер — музыкальный руководитель Мортимера и тоже сочинитель подобных безделиц — стоял возле пианино, подпевая, отбивая ритм и сдабривая мелодию смешными маленькими партиями саксофона, банджо или тромбона. Когда они добрались до «Свернем же за угол», у мистера Танкера обнаружился сиплый тенорок, который мужественно ринулся в бой с музыкой. Иниго, к тому времени благополучно плюнувший на все сомнения, порхал и скакал над клавишами — к его чудачествам вскоре присоединился мистер Танкер, вставивший несколько фантастических пассажей и трелей. Через некоторое время в кабинете зазвучал еще чей-то голос. Он принес с собой все ароматы Востока, вместе взятые. Иниго чувствовал рядом с собой чье-то присутствие, но не успевал оглянуться и посмотреть, кто это, пока не отыграл последние аккорды.

— Вот это да! — воскликнул мистер Танкер, отирая лоб. — Здравствуй, Этель! Ну, разве не

прелесть? Они все хороши, но от последних двух черти в аду запляшут.

— Только не говори, что это ты написал, Джимми, — сказала вошедшая леди. Она говорила мощным металлическим голосом и обладала такой же мощной металлической внешностью. Иниго сразу узнал в ней мисс Этель Джорджию, известную артистку ревю и мюзиклов. Раз или два Иниго видел ее на сцене, а фотографий пересмотрел и вовсе без счета. В сиянии софитов она пленяла и очаровывала, но в жизни производила на людей убийственное впечатление: все в ней — лицо, голос, фигура, одежда, сама ее сущность — покоряло и ошеломляло. Иниго показалось, что его только что познакомили с благодушной белой тигрицей.

— Этот юноша приехал к нам из Паддлтона-на-Шлаке, — пояснил мистер Танкер, — и привез с собой целую кучу шедевров. Один ты сейчас слышала.

— Леди и джентльмены, вы только что прослушали, — гнусаво просипела мисс Джорджия, пародируя джазовых музыкантов, объявляющих свои номера, — новый номер Этель Джорджии, который будет с грандиозным успехом исполнен в новом ревю мистера Монти Мортимера «Кто

это сделал?».

— Я бы не был так уверен, Этель, — отозвался мистер Мортимер.

— Зато я уверена! — отрезала мисс Джорджия, показав характер, подобный пламени магния. — Хочу ее исполнять.

— Посмотрим, что можно сделать, — беззаботно ответил мистер Мортимер. Складывалось впечатление, что в Ассирии ему не раз приходилось укрощать тигриц и при необходимости он мог повторить фокус.

Тут все заговорили разом, даже скорбный мистер Пицнер, которому чудом удавалось отстаивать свою точку зрения, не повышая тихого обреченного голоса. Тем временем Иниго обнаружил, что разговаривает с новым гостем, который вошел в кабинет вслед за мисс Джорджией. То был округлый джентльмен, одетый в совершенно неуместный, ослепительно яркий твидовый пиджак и бриджи. Пока он глазел на Иниго сквозь очки в роговой оправе, тому показалось, что он где-то видел эту презабавную физиономию.

— Я тоже хочу посмотреть номера, пока Этель их не сцапала.

Мисс Джорджия стояла в середине кабинета и ожесточенно спорила с Мортимером и Тан-

кером.

— Если они попадут в ее холеные ручки, пиши пропало, ничегошеньки тебе не достанется. Это исчадие ада. Вы, верно, удивляетесь, что я тут делаю в таком наряде. Так я вам расскажу. Я должен был валяться на травке в Ишере, но эта бестия позвонила мне за десять минут до выезда! И где теперь мой гольф? В гробу я его видел! Таскает меня за собой везде и всюду. А у меня, между прочим, сегодня дневной спектакль. Начало без десяти три, окончание без пяти пять. Ей-то хорошо, она не работает, пока Монти не поставит для нее новую программу. А я? Целыми днями репетирую ревю — или то, что от него осталось, — в гольф поиграть некогда! Дракон, а не женщина. Представляете, даже моя жена ее боится. «Скажи, что никуда с ней не поедешь», — говорит мне сегодня утром. Я ей: «Вот сама и скажи!» И что вы думаете, сказала? Держи карман шире! Дайте-ка мне взглянуть на ваши песни.

К тому времени Иниго узнал этого человека.

— Простите, вы — мистер Альфред Нетт?

— Собственной персоной. Я единственный человек в Англии, которому Альфред Нетт не скажет «нет». Что, смешно? По-моему, ни капли. Беда с этой шуткой в том, что трезвых она не смешит, а

пьяных — сбивает с толку. Сколько раз пробовал ее на Билли Кратче, когда тот напивался! Хотите верьте, хотите нет, но он каждый раз впадал в такую задумчивость, что сразу заказывал черный кофе, ловил такси и ехал домой — думать. Слушайте, а вот эта ничего. Наиграйте тихонько, окажите любезность, а?

Но Иниго не дали ничего наигрывать. Все разом набросились на него, при этом не переставая спорить друг с другом. Говорили, разумеется, о нем. Иниго невольно задумался, что будет, если он тихо встанет и уйдет.

— Мистер Пицнер, вы просто обязаны дать мне право первого выбора, — говорил мистер Мортимер. — И при условии, что мы выкупим права…

— Вот именно, при условии, — молвил мистер Пицнер из пучин цинизма и египетского дыма.

— Вы прекрасно знаете, что с этим никаких трудностей не возникнет, — продолжал мистер Мортимер. — Мы можем хоть сейчас подписать контракт.

Мисс Джорджия эффектно зевнула на всех присутствующих.

— Ради Бога, Монти, поторопись! Купи все песни разом. У тебя пока только один стоящий номер, да и тот я нашла.

— Правильно, Этель, правильно! — с жаром выпалил мистер Танкер. — Я в этом деле кое-что смыслю, сам писал подобные штуковины. Но я не завидую. Я же не комедиантка, в конце концов.

— Неужели, Джимми? — вскричала мисс Джорджия и вдруг раскатисто захохотала. — А ты попробуй, вдруг получится! Крепдешин и пудра творят чудеса! Заходи как-нибудь в гримерку, я над тобой поколдую.

— Прибереги свои шуточки для вечера, мисс Джорджия, — с чудовищной напускной строгостью проговорил мистер Танкер. — Давайте перейдем к делу. Я бы выпил.

Мистер Пицнер поднял одну руку и взглянул на Иниго:

— Нам понравились ваши сочинения, мистер… э-э… Джоллифант.

— У вас талант, мой мальчик, — вставил неугомонный мистер Танкер, хлопая Иниго по плечу. — Считайте, вы уже сделали себе состояние… почти.

— Смысл вот в чем, — взял слово мистер Мортимер. — Я могу взять все эти номера. И другие — если они так же хороши. А потом — еще и еще. Права на исполнение, ноты, грампластинки — ну, вы знаете, как оно бывает, или должны знать. Ва-

ши песни — золотая жила, мистер Джоллифант, золотая жила. И мы с мистером Пицнером можем вам помочь. Так, ладно. Насколько я понял, вы пришли к Фельдеру и Хантерману. Больше вы ни с кем не связаны и даже не ведете переговоров, так?

— Определенно! — весело ответил Иниго. — Ни одна живая душа в Лондоне моих песен не слышала, но я должен сказать, что в глухой провинции они пользовались колоссальным успехом. Я выступаю с разъездной труппой, вы знали?

— Да, Мильбрау мне написал, — печально кивнул мистер Пицнер. — Огромный успех в… как бишь его?.. Гатфорде! Говорит, вас носили на руках.

— Отлично! И неудивительно! — вскричал мистер Мортимер, пребывавший в самом чудесном расположении духа. — Что ж, мой… мистер… э-э… Джоллифант… вы пришли по адресу, в этом не может быть никаких сомнений, и, разумеется, вы хотите здесь опубликоваться. Верно?

— Пожалуй.

— А поскольку вы — большой везунчик, — без запинки продолжал мистер Мортимер, — именно этим утром вы повстречали здесь человека, который вас искал. То есть меня. Я мог бы запросто

прибегнуть к старым методам — унижать вас, говорить, что такой чепухи у нас навалом, и так далее, но это не в моих правилах, иначе я не стал бы Монти Мортимером…

— Что ж, да здравствует отечество! — насмешливо воскликнула мисс Джорджия. — Музыку, пожалуйста!

— Если вы остановили свой выбор на «Фельдере и Хантермане», мистер Пицнер сделает все, что нужно. А теперь вступаю я. Я беру эти номера… — он выдержал внушительную паузу, — и беру все остальные.

— Браво! — вскричал мистер Танкер.

— А вот это уже по-мужски, Монти, — проворковала мисс Джорджия, гладя его по плечу, — это уже совсем другой разговор. Дай малышу шанс. И малышке тоже. С этого дня она будет петь ту песенку про угол, правда же?

— Вот такие дела, — сказал мистер Мортимер, улыбаясь Иниго. — Ну, что скажете?

Тут настала очередь Иниго говорить.

— Мне многое нужно сказать, — объявил он, натянув крайне правдоподобную маску спокойствия и уверенности.

— Знаю, — отмахнулся мистер Мортимер.

Господа Пицнер, Танкер и Порри дружно улыб-

нулись.

— Вы хотите обсудить условия, разумеется. Не волнуйтесь на этот счет. Условия вам понравятся. Я бы сказал, они вас удивят.

Иниго широко улыбнулся:

— Об этом я и хотел поговорить. У меня тоже есть кое-какие условия. Надеюсь, они вас не удивят. Но вообще-то могут.

Все уставились на Иниго, а мисс Джорджия поджала алые губки и забавно присвистнула. Затем мистер Мортимер покосился на мистера Пицнера, а мистер Танкер, в свою очередь, на мистера Порри. Если бы одно из кресел вдруг обрело дар речи и заявило, что ему надоело стоять в этой комнате, едва ли они удивились бы сильнее. Иниго подошел к мистеру Альфреду Нетту, который до сих пор изучал нотные рукописи.

— Вот эта мне особенно приглянулась, — сказал мистер Нетт. — Послушайте, дружище, вы ведь ее не заберете?

— Заберу, — решительно ответил Иниго. — На время.

Он собрал все листки в небольшой портфель, который принес с собой, причем сделал это аккуратно и не торопясь, все время напоминая себе, что несправедливо обвинять в беспомощности

человека с такой силой духа.

Кто-то кашлянул, а мисс Джорджия, которая явно получала удовольствие от происходящего, вдруг хрипло расхохоталась. Присутствующие забормотали. Иниго вернулся к остальным.

— Должен сказать, что я не вполне… — начал было мистер Пицнер.

— Оставь это мне, Пицнер, — перебил его мистер Мортимер. — Ты уже достаточно сказал. Итак, мистер Джоллифант…

— Как насчет выпить? — радостно вскричал мистер Танкер. — Ты же хотел выпить, а, Монти? Ради Бога, давайте утолим жажду, а уж потом будем разговаривать.

— Поддерживаю, — кивнул мистер Мортимер. — Можем поехать к Роберту. На него как раз должно было найти вдохновение. Пойдемте, мистер Джоллифант. Прощай, Пицнер, все будет хорошо.

Пока они шеренгой выходили на улицу, грозная мисс Джорджия одарила Иниго широкой дружелюбной ухмылкой.

— Не знаю, чего вы добиваетесь, — прошептала она, — но нервы у вас, университетских мальчиков, просто железные! Убьете и не поморщитесь. — Она стиснула его руку. — Вы уж

немного помучьте Монти. Ему это пойдет на пользу.

В ответ Иниго пробормотал какую-то невнятицу. Перед лицом мисс Джорджии его железные нервы сдавали. Она приводила его в ужас.

III

Роберт оказался мрачным американцем в белом пиджаке, который стоял за барной стойкой в сверкающем подвале одной из вест-эндских гостиниц. Иниго так и не понял, что это за гостиница. Мало того что он не разбирался в подобных заведениях, так еще все события развивались с невероятной скоростью. Оставив господ Пицнера и Порри в кабинете, они молниеносно спустились на улицу и сели в огромную машину. Машина рванула вперед, одолела несколько поворотов, и в следующий миг Иниго уже смотрел на Роберта. Его появление не прибавило происходящему реальности или ясности. После двух коктейлей — самых больших и крепких коктейлей в своей жизни — Иниго обнаружил, что окружающий мир все меньше и меньше походит на реальный. Сам Иниго казался себе вполне вещественным и прочно стоящим на ногах, а вот всему остальному, как бы громко оно ни шумело и как бы

ярко ни блестело, до реальности было далеко — сплошная фантасмагория. Иниго сознавал, что мистер Мортимер — человек влиятельный и могущественный; ему довольно хлопнуть в ладоши, чтобы назавтра ваше имя появилось во всех газетах. Однако Иниго не мог проникнуться чрезмерным почтением к персонажу фантасмагории, поэтому на вопрос об условиях ответил храбро и без раздумий:

— Вам нравятся мои сочинения, верно? И вы хотите, чтобы я писал дальше?

— Верно. Как я уже говорил, вам очень повезло. Здравствуй, Томми! Да, я тоже хочу поговорить, но придется тебе обождать. Хорошо, давай во вторник. — Последние фразы были адресованы не Иниго, разумеется, а какому-то незнакомцу, который хотел к ним подсесть. Бар постепенно наполнялся людьми, и всем зачем-то нужен был мистер Мортимер. — Да, вам чрезвычайно повезло.

— Вы правы, определенно, — решительно и твердо ответил Иниго, сурово поглядев на очень крупного джентльмена и очень миниатюрную леди, которые грозили вот-вот вмешаться в их разговор. — Но мне, честно говоря, все равно. Даже плевать, я бы сказал.

— Что?! — ужаснулся мистер Мортимер.

— Нет, ну не плевать, конечно. Не обижайтесь на мои слова, пожалуйста, и постарайтесь меня понять. Ого, это мне? — Перед Иниго каким-то чудом появилось еще два стакана с волшебным эликсиром Роберта.

— Да, — чуть помрачнев, ответил мистер Мортимер. Может, этот юный чудак пьян? Сей вопрос легко читался в его полном надежды взгляде, брошенном на стакан.

— Я хочу… — продолжал Иниго, улыбнувшись мистеру Нетту (тот издалека дал понять, что последний коктейль был за его счет). — Я хочу, чтобы вы взглянули на одну девушку из нашей труппы. Она моя хорошая подруга.

— Вот как! — Мистеру Мортимеру удалось вложить в это короткое изречение массу смыслов.

— Я не прошу вас брать ее на работу, конечно, — с достоинством пояснил Иниго. — Вы ее даже не видели. Но стоит вам увидеть ее на сцене, как вы немедля дадите ей роль. Она гений.

Мистер Мортимер улыбнулся и кивнул нескольким людям — вероятно, очень важным людям, артистам с громкими именами и успешными карьерами, которые бы запрыгали от радости, дай он им хоть самую крошечную роль. Мистер

Мортимер улыбнулся вновь.

— Гений, — повторил Иниго. — Настоящая находка.

Мистер Мортимер заговорил отеческим тоном:

— Мой мальчик, не волнуйтесь вы так за свою труппу. С нею покончено. Через месяц-другой вы будете смеяться, вспоминая о труппе. Обещаю.

— Потому что вы купите у меня песни?

— Вот именно. Вы будете слишком заняты.

— Нет, так не пойдет, — ответил Иниго, смутно догадываясь, что выбрал правильное, крепкое, деловое выражение. — Не пойдет, определенно. Таковы мои условия. Вам придется взглянуть на эту девушку — «увидеть ее в деле», как пишут в «Стейдж». Иначе никаких песен. Я не хочу прослыть грубияном — впрочем, наверное, уже прослыл, — но третьего не дано. Либо вы на нее посмотрите, либо я забираю песни.

— Но, любезнейший, — возразил ему мистер Мортимер, — это же абсурд! Нет ничего дурного в том, что вы болеете за своих друзей, — я и сам так делал, — но за кого вы меня принимаете? Разумеется, в провинции тоже прячутся таланты (в свое время я даже занимался их поисками), но вы не вправе думать, будто я, Монти Мортимер, стану тратить время на какую-то комедиантку

из бродячей труппы, название которой я слышу первый раз в жизни. Нет, даже не надейтесь, черт подери!

— Если вы взглянете на эту девушку, — кстати, зовут ее Сюзи Дин, — добавил Иниго не без удовольствия, — вы ее с руками оторвете. Рано или поздно кто-то это сделает, гарантирую. Так почему бы и не вы?

Мистер Мортимер покачал головой и одарил его улыбкой мудрого старца, жалеющего невинных и впечатлительных юношей, еще не постигших жестокость этого мира.

Иниго этим не удовлетворился.

— Вы ведь раньше не слышали моих песенок, верно? Так вот, эта девушка — в сто раз лучше! Да, кстати, в труппе есть еще один талантливый артист — первоклассный комедиант и танцор. У нас необычная группа, говорю вам. А Сюзи Дин стоит пятидесяти мисс Джорджий, поверьте мне на слово! Если бы вчера кто-нибудь рассказал вам о моих песнях, вы бы тоже не поверили.

— Пожалуй, — с сомнением проговорил мистер Мортимер. — Но ведь теперь я их услышал.

— А сегодня увидите эту девушку! — воскликнул Иниго.

— Сегодня?! Вы спятили.

— Городок называется Гатфорд.

— Первый раз слышу! — простонал мистер Мортимер. — Как вы сказали? Гатфорд? Безумие! Сегодня мне ехать в Гатфорд! Ладно, посмеялись и хватит — давайте перейдем к делу.

— Я уже перешел, — подчеркнул Иниго. — Увяз в нем по уши, определенно! Нет Гатфорда — нет песен.

— Это шантаж, любезнейший, самый натуральный шантаж! Вы не имеете права мною командовать. Вы пилите сук, на котором сидите.

— Вот на это мне совершенно плевать, — искренне и решительно ответил Иниго. — А можно мне еще немного Робертова зелья?

— Надо поесть, — сказал мистер Мортимер. — Я тут заказал столик. Пообедаете со мной?

— С удовольствием! Огромное спасибо. Но я должен вас предупредить, — добавил Иниго, — что мое решение окончательное. Чем больше я пью и ем, тем железней моя воля! Слышите, у меня уже металл в голосе?

— Минуту, мой мальчик, — сказал мистер Мортимер, бросая направо и налево ассирийские взгляды. — Здравствуй, Джефф! Салют, Милли! Да-да, иду. — И он куда-то исчез.

Иниго обнаружил, что беседует с мистером Аль-

фредом Неттом, который быстро и тихо, словно рыбка из моря, выскочил к нему из-за соседнего столика. В баре стало очень людно, и Робертс помощниками (или аколитами) трудились вовсю, смешивая, встряхивая, разливая и разнося по бару жидкий лед с огнем. Все посетители говорили разом, во всю глотку и на полной скорости. Иниго пытался поведать мистеру Нетту, весьма дружелюбно настроенному человечку, о «Добрых друзьях», но его то и дело перебивали чужие разговоры — или, скорей, монологи. Иниго невольно узнал много нового: по меньшей мере двадцать современных ревю — полная дрянь; нескольких представителей актерской профессии облапошили на десятку; некоторые леди наотрез отказывались работать за гроши, а если мистеру Фенкелю это не нравится, пусть делает что хочет; Квинни опять взялась за старое и заграбастала все вкусные роли; если тебе довелось похохотать на Пэлл-Мэлл над Томми Моусоном, считай, жизнь прожита не зря.

— Так вы знакомы с Джимми Нанном?! — взревел Иниго.

— Да, я хорошо его знаю, — сипло ответил мистер Нетт. — Мы с Джимми… вместе играли в рождественской пантомиме в Барнли… Году эдак

в тысяча девятьсот… дайте подумать…

— Что?

— Концерт прошел без единого хлопка, представляете? — сказал чей-то голос прямо в ухо Иниго.

Он подскочил и обернулся:

— Прошу прощения?

— Точно вам говорю, — серьезно и вежливо проговорил обладатель голоса. — Ни единого хлопка. Это я не к вам обращаюсь.

— Да, я уже понял… Извините.

— А вообще я имел в виду выступление Крамера и Конли в «Нью-Йорк Паласе», — с горечью продолжал незнакомец. — Зрители сидели как мертвые, и ребят теперь точно выгонят из «Больших времен». Верно, Оби?

— Пожалуй, — донесся голос откуда-то сбоку.

— Спасибо большое, — сказал Иниго. Он так и не понял, о чем они говорили, но на сей раз это не имело значения. Мир вокруг все равно сошел с ума.

— Смех, да и только! — сказал мистер Нетт, видимо, заканчивая свою историю. — Я мог бы работать так неделями. Вы бы его видели, дружище! Умора! — Он захохотал, и Иниго тоже рассмеялся, нимало не сомневаясь, что все это действительно

было очень смешно.

Затем к ним вернулся мистер Мортимер (оставляя за собой толпы орущих что-то людей) и объявил, что пора перекусить. Все вместе они покинули владения Роберта и перешли в куда более просторный, сверкающий и шумный зал, полный крошечных столиков, шныряющих туда-сюда официантов, вылетающих пробок и арий из «Мадам Баттерфляй» со всеми полагающимися вибрато. Мистер Нетт тоже решил пообедать, а вскоре к ним присоединилась и мисс Джорджия в компании мистера Танкера и еще двух людей, чьи имена Иниго так и не разобрал: еврейского юноши с завитыми волосами и миниатюрной брюнетки с самым белым лицом и самыми алыми губами, какие Иниго доводилось видеть. Только они сели за столик, как на них набросились официанты с устрицами, икрой, шампанским и прочими угощениями, которые Иниго поедал в полузабытьи. Все говорили одновременно: мисс Джорджия и мистер Танкер, еврейский юноша и миниатюрная брюнетка кричали что-то людям за соседним столиком; временами возле них кто-нибудь останавливался — потому что был «просто обязан рассказать одну историю», а потом еврейский юноша или мисс Джорджия непременно

рассказывали что-нибудь в ответ — словом, у Иниго сложилось впечатление, будто он обедает в расписном и позолоченном аду. Однако, даже когда внутри у него запенилось шампанское, Иниго умудрился не отпустить ниточку, что привела его из настоящего мира в этот великолепный бедлам, и хотя мистер Мортимер вовсю изображал изумление и негодование, Иниго стоял на своем и твердил про «условия» — это чудодейственное слово он старался повторять как можно чаще. Мистер Мортимер смотрел на него с растущим уважением и даже задал несколько вопросов, на которые Иниго проревел (иначе было нельзя) в высшей степени восторженные ответы. Очевидно, великий человек сдавал позиции. Иниго несколько раз напомнил ему о дневном поезде, которым он отбывает сегодня в Гатфорд. Тем же поездом от мистера Мортимера уедут и песни. Разумеется, они могут вернуться в Лондон, эти песни, и очень скоро.

— Раздобудьте мне посыльного, — сказал мистер Мортимер официанту и, хотя они еще не доели, отвел Иниго в сторонку: великий человек не объявляет своих решений в восемнадцати дюймах от мясного ассорти.

— Будь по-вашему, — внушительно произнес

он. — Целый день коту под хвост, но это поправимо. Напишите адрес, куда мне подъехать, да забронируйте самое хорошее место. Телеграмму лучше отправить прямо сейчас. Можете поехать со мной на машине, если хотите. А, нет, не можете, я буду там только к восьми. Далеко это? Милях в ста отсюда, верно? Значит, за три часа доберусь, а ночью буду уже дома. Не верите? Вы просто не знаете мою машину, дружище. Ну, я доем.

Мистер Мортимер засыпал прибывшего посыльного бесчисленными распоряжениями и сообщениями, среди которых было одно от Иниго: телеграмма в гатфордский театр о бронировании одного места в партере. Великий Монти Мортимер ехал смотреть на «Добрых друзей». Иниго не сказал об этом в телеграмме; он тихонько, но радостно пропел это в своем сердце. Все огни вокруг разом загорелись ярче, официанты стали подавать нектар и амброзию, за столиками оказались милейшие господа и красивейшие леди Лондона — какой блеск, какое остроумие! — а оркестр прекратил терзать уши гостей и заиграл восхитительные, легкие, вводящие в приятный транс мелодии.

— Я бы хотел задать вам один вопрос, — осторожно проговорил Иниго, раскланиваясь с

мистером Мортимером. — Вы человек опытный и много повидали на своем веку. Скажите честно, меня можно назвать беспомощным человеком?

— Каким-каким?

— Беспомощным.

— Я бы мог назвать вас многими словами, мистер Джоллифант, — без обиняков проговорил мистер Мортимер. — Такому молодому человеку, как вы, найдется немало определений. Но беспомощным вас не назовешь. Если вы — беспомощный, то большинство моих подчиненных вообще покойники. Не знаю, хорошо ли выдираете зубы акулам, но в обычной жизни — в повседневных делах вроде этого (подумаешь, заставить постановщика с мировым именем проехать пол-Англии, чтобы показать ему безвестную бродячую труппу!) — вы… точно не беспомощный. И… э-э… — Он хитро умолк.

— Что?

— Так ей и передайте, ладно? Ну, на сей раз я попал в точку? Что ж, до встречи, и если эта девушка окажется пустышкой, ей-богу, вы у меня получите. Не забывайте, ваши номера ждет огромный успех. Я ставлю на них, а не на девушку. До свидания.

Иниго успел на поезд, отходивший в 15.15. Там

он сразу же уснул и очнулся уже в Бирмингеме. Поезд от Бирмингема до Гатфорда был битком набит молодыми людьми, которые казались куда взволнованней Иниго, а ведь они всего лишь побывали на футбольном матче, в то время как Иниго… где же побывал Иниго? Ах, теперь он и сам не знал, все это так нелепо. Быть может, на самом краю снов — он попал туда за весьма скромную плату, поскольку сразу приобрел билеты туда и обратно, — на Чаринг-Кросс-роуд, которая в любой момент могла запросто вздуться и задрожать, точно мыльный пузырь, а Фельдер и Хантерман, Пицнер и Порри оказались бы антропофагами с головами, растущими ниже плеч[59]. Впрочем, гатфордский вокзал быстро раскусил, что происходит у Иниго в голове. «Бред и чепуха!» — казалось, твердили платформы, носильщики, киоски и все остальное.

IV

Чаепитие по случаю дня рождения Сюзи устраивали в большой комнате на втором этаже гостиницы, где остановилась мисс Трант. Когда Иниго наконец пришел, праздник уже подходил

---

[59] Примечания: 59
Шекспир У. Отелло, акт I, сцена 3. *Пер. М. Лозинского.*

к концу. По всему было видно, что мистер Мортон Митчем собирается произнести над руинами пиршества торжественную речь. Ошеломленный Иниго ввалился в комнату и что-то сбивчиво пробормотал. Сюзи вдруг оцепенела — ни намека на радушие в ее глазах. Мисс Мейми Поттер на празднике не было, ее не пригласили. Мистера Джерри Джернингема тоже за столом не оказалось, хотя Иниго знал, что он-то точно получил приглашение. Все остальные были в сборе и теперь укоризненно смотрели на него. Они ведь не знали, куда он ездил.

— Ну даешь, Иниго! — проговорил мистер Окройд, который имел привычку откровенно высказываться по любому поводу. — Так не годится. Я думал, ты первым сюда прилетишь.

— Вот именно, — поддержал его Джо со столь благодушной бестактностью, что миссис Джо потеряла всякую надежду его перевоспитать. — Где тебя носило, молодой человек? Мы ждем извинений.

— Ах, помолчи, Джо! — воскликнула Сюзи. — Ничего подобного мы не ждем. Мне совершенно безразлично, где его носило. Так что ты говорил, Джимми?

— Простите меня, Сюзи, — начал было Ини-

го. — Видите ли, я…

— Мне это безразлично, — холодно и устало повторила Сюзи, а потом посмотрела на Джимми таким взглядом, словно вид нормального человеческого существа приносил ей несказанную радость.

Иниго сел и, хотя до полной победы оставались считанные часы, невольно пожалел, что не взял с собой Монти Мортимера. Все опять заговорили, и он почувствовал себя не удел.

— А где Джернингем? — наконец спросил Иниго.

— Не смог прийти, — ответила миссис Джо шепотом, который разносился куда дальше, чем ее обычный голос. — Прислал записку и подарок, такой очаровательный — в смысле подарок. Носовые платки в коробочке, подобраны с большим вкусом и чрезвычайно хороши, право, даже поразительно. Этот юноша для меня — загадка. Если б он пришел вообще без подарка, я бы не удивилась. Или если бы он принес подарок сам. А тут он не пришел, зато прислал такой чудесный пустячок — вот это удивительно! Загадка, право слово…

Однако Иниго ее не слушал. Ему было все равно, какого она мнения о мистере Джернингеме.

Он проклинал себя на все лады за то, что забыл про подарок. Он ведь хотел купить его в Лондоне. Все присутствующие что-нибудь да подарили — рядом с Сюзи на столе лежала гора небольших свертков. А он один забыл. Да, Монти Мортимер — сам по себе огромный подарок, но это ведь совсем другое! Вот она, Сюзи, двадцати одного года от роду, ей больше никогда не исполнится двадцать один, хотя вокруг будут зарождаться новые планеты и возникать новые солнечные системы, а он, Иниго, не смог даже пожелать ей всего наилучшего, вручить какой-нибудь невероятно роскошный подарок и смотреть, как она им любуется — веселая, взбудораженная и довольная. Сюзи не выглядела ни взбудораженной, ни довольной. Неужели ее вечеринка провалилась?! Будь прокляты Фельдер, Хантерман и Монти Мортимер! Не надо было тратить на них время. И почему этот пройдоха Джернингем не явился, а только прислал вместо себя какие-то лицемерные платочки?

— Что ж, мисс Трант, мальчики и девочки, — сказал Джимми, поднимаясь, — пора нам расходиться. Мы еще пожелаем Сюзи удачи, которой она заслуживает, и крепкого здоровья — без него в нашем ремесле никуда, уж поверьте мне на сло-

во — после сегодняшнего концерта. А сейчас нам всем нужно отдохнуть. Впереди знаменательный вечер — ради Сюзи соберется целый зал! Я считаю, такого шоу Гатфорд еще не видел, поэтому давайте наберемся сил перед выступлением. Ты ведь не против, Сюзи?

Она кивнула и улыбнулась, но не слишком весело. Волна гостей отхлынула от стола и двинулась к выходу. Сюзи начала собирать свертки, и Иниго тотчас воспользовался случаем.

— Послушайте, Сюзи, я так виноват… — начал он.

— Мне это безразлично, — повторила Сюзи и отвернулась. Гости уже уходили.

Иниго не успокоился, а схватил ее за руку.

— Мне очень стыдно за опоздание, — быстро добавил он, — и в довершение всего я забыл купить вам подарок! Но вы должны меня выслушать, должны!

— Я ничего не хочу слушать. Пустите.

— Не пущу, пока вы меня не выслушаете. Видите ли, я сегодня ездил в Лондон…

— В Лондон?! — Ее тон тотчас переменился.

— Да, в Лондон. Я нарочно никому не сказал о поездке. Я ездил к Фельдеру и Хантерману, это издатели…

— Иниго, вы дали им послушать свои песни! Ну, они их взяли? Да говорите же скорей!

Сюзи не на шутку разволновалась, причем исключительно за Иниго и за его песни, о себе она вообще не думала. То был чудесный миг для Иниго. Порой ему казалось, что она эгоистка, да и впредь эта мысль посетит его еще не раз, но воспоминание об этом разговоре в гатфордской гостинице всегда будет прогонять подобные подозрения из его головы.

— Да, они хотят их взять, — медленно выговорил Иниго.

— Ах, не томите, не томите! Вы так *тянете!* Расскажите быстрей. Если не расскажете, я опять подумаю, что вы беспомощный!

— Видите ли, мои песни случайно услышал Монти Мортимер, и он хочет использовать их в своем ревю.

— Иниго! — восхищенно закричала Сюзи и вдруг помрачнела. — Вы меня разыгрываете. Вы не могли видеть Монти Мортимера.

— Видел, честное слово, Сюзи! — И он рассказал ей, что случилось в кабинете мистера Пицнера. Сюзи слушала затаив дыхание.

— Миленький, вас ждет бешеный успех! — наконец воскликнула она. — Вы скоро пойдете в

гору. Чудесно! Я очень рада. Жаль, от «Добрых друзей» ничего не останется… Да, по-другому и быть не может. — Она помолчала и добавила: — Должна вам признаться, что слушать эти номера в исполнении Этель Джорджии будет невыносимо. Жаль, вы не рассказали ему про меня.

— Я рассказал, женщина, рассказал! — победно взревел Иниго. — Я только о вас и говорил!

— Как? Неужели? А он что? Верно, посмеялся?

— Еще чего, посмеялся! Я б ему посмеялся! Не важно, как он отреагировал. Суть в том, что сегодня он приедет на ваш бенефис!

— Что?! — На сей раз Сюзи завопила. Потом вцепилась в Иниго и хорошенько его встряхнула. — Не смейте так шутить, слышите?! Он не приедет!

— Приедет. Специально, чтобы посмотреть нашу программу, — с расстановкой повторил Иниго. — Вернее, чтобы взглянуть на вас.

— Монти Мортимер!

— Да, большой шеф — собственной персоной!

— Но… как? Почему? В смысле… как вам это удалось? Ах, я не верю своим ушам.

— Я просто сказал ему приехать, и он приедет. Я забронировал для него место. Может, я беспомощный, но стоит мне начать…

— Да что вы заладили со своей беспомощностью! Дайте подумать. Нет, я ничего не соображаю. Ах, я прямо рассыпаюсь на части от волнения. Я столько раз мечтала о чем-то подобном, что теперь просто не могу этого вынести! Мне заранее дурно. Я все испорчу!

Иниго встревожился.

— Наверное, зря я вам рассказал…

— Ничего не зря, дурачок! Я бы вас не простила, если б вы не рассказали. Ничего, я приду в себя к началу выступления. А если нет, какая я тогда артистка? Господи, ну и шанс! — Она закружилась и ускакала прочь, а потом внезапно вернулась и озабоченно спросила: — А вдруг я ему не понравлюсь? Вот это будет фиаско, правда?

— Вы ему непременно понравитесь, — заверил ее Иниго. — Если нет, он — олух, определенно. И песен моих не получит. Какой король? Ответь, прохвост, иль сгибнешь! Так ему и скажу.

— Прелесть! Но послушайте, Иниго, я не позволю вам связывать судьбу своих песен со мной…

— Да бросьте, не думайте об этом. — Он поймал ее за руки. — Еще раз извините, что не успел на ваш праздник…

— Не принимайте близко к сердцу! Я не могла на вас не сердиться, понимаете? А вам следовало

меня предупредить. Хотя так, конечно, получилось гораздо веселей.

— Вот именно! И если бы я ничего не добился, вы бы расстроились и испортили себе весь праздник, определенно. Вот только про подарок я забыл…

— Не забыли. Монти — мой подарок. Самый чудесный подарок!

— И я до сих пор вас не поздравил. Еще ведь не поздно? Всего вам наилучшего, Сюзи.

— Спасибо, — тихо и скромно ответила она. А потом радостно выпалила: — Ох, я идиотка, но я так счастлива! Иниго, вы — чудо!

Она обвила его руками и поцеловала — все в одно мгновение ока.

Минуту или две он держал ее в своих объятиях. Нет, не минуту или две. То были не просто минуты, стремительно отмеряемые ходиками на каминной полке и уходящие в забвение; мир Времени остался где-то далеко-далеко — жалкие, заброшенные темные развалины; Иниго прорвался наружу, в заколдованный горний мир, где солнца и луны встают, замирают на месте и продолжают свой ход по малейшему мановению духа. Давайте же оставим его там. Мы должны помнить, что он — весьма романтичный и необуз-

данный юноша, да еще влюбленный — словом, юный осел. А у подобных ослов, как известно, случаются такие моменты. Исида по-прежнему является им, как явилась однажды их легендарному золотому собрату, а они по-прежнему едят ее розы, чтобы вернуть себе человеческий облик.

Глава 4
Бенефис

I

Последний раз читатели побывали на выступлении «Добрых друзей» несколько месяцев назад, когда труппа давала свою первую настоящую премьеру в Сэндибэе. Событие было огромной важности — или так им казалось, — но не шло ни в какое сравнение с этим субботним бенефисом в гатфордском театре. День рождения Сюзи, ее бенефис, с минуты на минуту явится мистер Мортимер, все места раскуплены — даже ложа! Да, в гатфордском театре была ложа — не четыре, не две ложи, а всего-навсего одна. Ее украшали довольно потрепанные занавесы, а различить позолоту на четырех маленьких стульчиках еще никому не удавалось, но все-таки это была самая настоящая ложа, готовая принять любого почетного гражданина, вздумавшего посетить гатфордский театр. Разумеется, ложу мог заказать любой, но, поскольку почетные граждане редко посещали театр, а обычные люди предпочитали места поудобней, она почти всегда пустовала

(хотя время от времени там соглашались посидеть коллеги и друзья директора). Сегодня вечером места в ложе купили. Никто не знал, кто бы это мог быть, или просто не признавался, что знает. Скажем, Джерри Джернингем вполне мог догадываться, чьих это рук дело. Но его не спрашивали — во-первых, потому, что спрашивать было некого (он явился лишь к самому началу выступления, едва успев переодеться и загримироваться); а во-вторых, опять же, никто не догадался его спросить. Разве что миссис Джо могла бы это сделать, потому что она была веселей, довольней и любопытней всех остальных, когда речь заходила о ложе. По ее мнению, ложа задавала тон всему выступлению. Ей не терпелось краешком глаза увидеть шикарное белое платье и выдать чистую грудную ноту для ослепительной бриллиантовой диадемы. Да и потом, с ложами никогда не знаешь наверняка, кто или что оттуда выскочит — выгодный контракт на резидентный сезон в Борнмауте, например. Миссис Джо была взволнована, заинтригована и ничуть этого не скрывала. Вероятно, в глубинах ее разума сработал пророческий инстинкт — в конце концов, все уважающие себя контральто звучат пророчески, и ложа действительно сыг-

рала большое значение в жизни труппы. Точнее, сыграло все происходящее. Песок уже почти пересыпался из одной колбы часов в другую, и потому значение имела каждая песчинка.

Вот почему нам следует успеть к поднятию занавеса. Мы уже видели, как он поднимается, и должны теперь увидеть вновь — ведь для «Добрых друзей» он поднимается в последний раз. Правда, никто этого пока не знает, даже миссис Джо, чьим контральто могла бы петь сама Кассандра. Все члены труппы хотят, чтобы сегодняшний концерт прошел особенно успешно, и мысль об аншлаге то и дело согревает им душу, как вино. Но большинство наших героев все еще задаются вопросами. Мисс Трант, к примеру, хоть и поговорила украдкой со всеми своими артистами, до сих пор гадает, как же ей быть, и время от времени вспоминает силуэт того человека из проехавшего мимо автомобиля — человека, подобно призраку долгие годы обитавшему в темных коридорах ее разума. Артисты постарше волнуются за свое будущее и гадают, примет ли мисс Трант борнмаутское предложение. Иниго и Сюзи спрашивают себя, что может выйти из затеи с Монти Мортимером. У Джерри Джернингема свои заботы, о которых пока знает только

он. Даже мисс Мейми непрерывно задается вопросом, что ей делать: стоит ли продержаться в этой труппе все лето, а осенью попытать счастья в городе? Мистер Окройд гадает, что происходит с ним и что творится в Канаде, а заодно и в Браддерсфорде, потому что с Огден-стрит давно не было никаких вестей. Словом, все наши герои полны радостного волнения, но в глубине души строят планы и немножко тревожатся. Впрочем, никому из них невдомек, что вместе они выступают последний раз, что их полукруг сегодня разомкнется навсегда: уголь уже свален в кучу, и в топке паровоза занялся огонь.

В театр съехались жители Мандли, Сторта и, разумеется, самого Гатфорда. Многие из них уже не раз видели выступление «Добрых друзей», знают, кто такая Сюзи и почему ей устраивают бенефис. Механики, слесари, электрики, клерки и кассиры с автомобильных заводов, а заодно их жены и возлюбленные; машинистки, модистки и учителя младших классов; жены ничейные и чьи угодно; господа, которым в любую минуту могут дать медаль или пять лет каторжных работ и которым прямая дорога либо в городской совет, либо в канаву; хохочущие юные ротозеи; девицы, которые подергивают плечиками, хихикают и

шлепают своих спутников; скромные девушки, чья жизнь пока похожа на смутный сон; порядочные молодые люди, живущие домом и работой, вечно рядом с толпой и вечно одинокие, как Робинзон Крузо; жизнерадостные джентльмены средних лет с достойным заработком и крепким желудком, а также их изможденные супруги, день-деньской ведущие утомительные бои за чистоту и респектабельность; печальные девы, упивающиеся созерцанием смазливого Джерри Джернингема, и любвеобильные господа, по достоинству оценившие ножки Мейми Поттер; люди, которым место в больнице, в тюрьме или на концерте в уэслианской часовне на Виктория-стрит, на собрании девочек-скаутов Треугольника, на дебатах Христианской ассоциации молодых людей или на встрече гатфордского вист-клуба велосипедистов; люди, которым следовало бы помогать отцу в лавке или отдыхать на Блаженных островах — так давно они трудятся, не разгибая спины, на этой проклятой земле; все они собрались здесь, в зале гатфордского театра; все они глазеют по сторонам, болтают, жуют шоколадки, читают футбольные новости в газете или листают программки. Наконец, как только им надоедает развлекаться самостоятельно, над

зрительным залом гаснет свет и вспыхивают огни рампы, купая нижний край занавеса в старомодном колдовском сиянии. Неужели он поднимется так сразу? Нет, сперва они что-нибудь сыграют — так всегда было. Звучит мелодия: *Рамти-ди-тиди-ди, рампти-ди-тиди.* Многие зрители ее уже слышали и узнают: ах да, песенка называется «Свернем же за угол», а поет ее тот симпатичный малый, танцор. Р-разве-не-пр-релесть? И в этот самый миг, пока мелодия мягко струится сквозь волшебный занавес, ее озорной ритм срабатывает подобно дрожжам в темных глубинах зала; она в самом деле прелестна, эта рапсодия о любви и праздности, вести из другого, более светлого мира, чем этот, где мы вынуждены считать каждый грош и с умом распоряжаться скромным жалованьем. Она увлекает Гатфорд в безудержный танец: улицы, фабрики и магазины, длинные ряды домов, трамваи и грузовики, безобразные часовенки и незаметные бары — все они слегка вздрагивают, затем покачиваются из стороны в сторону, начинают ходить ходуном и наконец срываются с места, улетают в никуда, сворачивая за некий невообразимый вселенский угол. Музыка теперь звучит громче, победней. На свете не остается ничего, кроме чистой земли,

голубого стекляруса звезд и ритмичной мелодии — *рам-ти-ди-тиди,* — пульсирующей в бархатном мраке. Музыка звучит еще громче, еще победней, и город взлетает в небо, преображенный и расцвеченный магией летящих трелей и четвертных нот, этот новый Гатфорд, сияющий и светлый: в его фонтанах попеременно струится темное и светлое пиво, «Гиннесс» и «Басс», на улицах лежат груды арбузов и дынь, столы ломятся от жареного мяса и пудингов, шелковые чулки и свитера можно брать где угодно, за каждым углом танцы и раздачи призов, голы забиваются в любой час дня, девушки похожи на улыбчивых и страстных королев, юноши будут любить вас вечно и всегда в смокингах, ну а дети, их здесь целые толпы, все пухлые и румяные, ни одного бледного осунувшегося личика, ни одной сломанной ноги, они скачут повсюду и кувырком вылетают на улицы из уютных домов, из глубин памяти, из самой могилы… Ах, как чудесно, ей-богу! Эта музыка увлекает вас назад, прочь от самого себя, в неизвестные дали. Она определенно заслуживает аплодисментов. И сегодня она их получит. Теперь играет один рояль. Занавес поднимается. Вот они, поют и танцуют, хороши, как с картинки. Давайте похлопаем им еще. Те две девочки — просто пре-

лесть, не находите? Вторую, правда, девочкой не назовешь; она уже в возрасте, что есть, то есть, но поет великолепно. И обе необыкновенно хороши собой. Вот эта в голубом — новенькая, а та в красном — Сюзи Дин. У нее сегодня бенефис. Юморит так, что рассмешит и покойника, да и личиком вышла. Только взгляните на ее улыбку! Красное платье так идет к ее темным волосам и глазам! И сложеньем хороша, скоро выскочит замуж, вот увидите. А если нет, то рано или поздно выйдет за того очаровашку по имени Джерри. Какой даровитый! Вы понаблюдайте за его ногами. А вон их комик, тот коротышка слева, рожицы еще корчит — зовут Джимми Нанн. Он скоро будет петь про почтальона — вот умора, животики надорвешь! А тот высокий — нет-нет, самый высокий и худосочный, бровастый такой — он играет на банджо и показывает фокусы. Говорят, играл для самого короля или королевы, ну или что-то в этом роде. Тоже немного комик, особенно когда показывает фокусы. Четвертый — плечистый здоровяк — певец. С него обычно начинают программу. Да-да: «Кортни Брандит исполнит двадцать седьмой номер программы!» Это он. А юноша за роялем — прирожденный пианист, честное слово! У него настоящий дар. Говорят, он

недавно женился на той новенькой, но мало ли что судачат.

Занавес поднят, концерт начался. Пора покинуть зрительный зал и отправиться за кулисы — больше нам туда попасть не удастся.

II

Неприятности начались с первого же номера, когда запел Джо. Тучка, на миг затмившая солнце, была размером с кулак, но все же она была. Джо, как обычно, давал публике советы о том, как бороться с Пучиной, Могу-у-у-чей пучи-и-ной, — видимо, в его представлении все зрители были будущими мореплавателями. Как раз в тот миг, когда он заклинал их бере-е-ечься («Сколько храбрых сердец уснуло в пучине»), мерзкий пронзительный голос велел ему «з-захлопнуть варежку». Голос этот раздался с задних рядов партера, где помещались самые дешевые места (балкона в гатфордском театре не было). В ответ остальные зрители тех же рядов громко и насмешливо загоготали, несмотря на шики и упреки остальной публики. Джо будто не обратил внимания на этот крик и пел себе дальше, но Иниго заметил, как стиснулись его кулачищи, а на лбу вспухла зловещая жилка. Джо, вне всяких

сомнений, очень рассердился — и имел на то полное право. К тому же труппу освистывали не впервые. Два или три вечера назад произошло то же самое.

Зрители — дай им Бог счастья! — отблагодарили Джо самыми теплыми аплодисментами: из-за грубияна, позволившего себе так нагло перебить артиста, они хлопали даже громче обычного. Но стоило овациям смолкнуть, как из того же угла вновь донеслось улюлюканье, гогот и насмешливые вопли. «Гнусные свиньи! — пробормотал Иниго. — Опять они за свое».

— Леди и джентльмены! — крикнул он. — По вашим многочисленным просьбам — «Трубач»!

— Заткнись! — провопил кто-то, не успели остальные издать и звука.

Кто-то рассмеялся. Остальные опять недовольно зашикали, потом захлопали в ладоши.

— Если джентльмен на заднем ряду не умолкнет сам, — взревел Джо, честное лицо которого пылало даже сквозь грим, — придется мне его заставить!

— Спокойно, малыш Джо, спокойно! — пробормотал Джимми, сидевший у него за спиной. Все остальные артисты покинули сцену, как обычно бывает во время сольных номеров.

Джентльмен на заднем ряду и его приятели выразили свое презрение этой угрозе, но прочие зрители, которые не для того платили деньги, чтобы слушать городских хулиганов, всячески ее поддержали. «Заткните ему рот!» — крикнул кто-то. Минуту или две стоял изрядный гвалт, потом Джо, не дождавшись тишины, начал задавать трубачу идиотские вопросы.

Тем временем миссис Джо за кулисами не на шутку встревожилась.

— Теперь я совершенно убеждена, — заявила она, — что все это подстроено. Раньше я этого не понимала, хотя подозрения, конечно, закрадывались. Знаю, что вы сейчас скажете, мисс Трант и Сюзи, — мол, все профи так говорят, стоит кому-нибудь посвистеть или затопать ногами. Вы правы, и это ужасно глупо. Но всему есть предел.

— Кошмар, — сказала мисс Трант. — На этой неделе нам досталось определенно больше положенного.

— Может, они угомонятся? — выразила надежду Сюзи, все еще занятая мыслями о Монти Мортимере. — Вот пойдут главные номера, они и прекратят.

— Или нет, — отрезала миссис Джо, которой, должно быть, не понравилось, что номера ее

мужа не входят в число «главных». — Чую, тут какая-то подлянка. Боже, а что подумают зрители в ложе! Специально выкупить места, нарядиться в вечерние платья и слушать эту… Чертовщину! — В ложе действительно уже сидели люди: миссис Джо углядела белую манишку и голую руку.

— Что ж, еще одна такая выходка, — решительно объявила мисс Трант, — и я попрошу их выпроводить. Такое поведение непростительно, я не стану его терпеть.

— Пусть только попробуют испортить мне выступление, — злобно проговорила Сюзи, — я убью этих гадов, уничтожу!

— Не говори так, голубушка, — урезонила ее миссис Джо. — А если что-нибудь подобное и случится, Джо сам их убьет. Только послушайте! Он уже вне себя от злости, даже подумать страшно, какой он будет после концерта. Придется всю ночь его унимать. Вы не представляете, какой он, когда хорошенько разбушуется, — добавила она с уморительными нотками гордости и стыда одновременно. — Вы посмотрите, голубушки, он же вот-вот лопнет!

Подошла мисс Мейми Поттер: скоро был ее выход.

— Послушайте, — сказала она, переводя свои

круглые глаза с одной на другую, — что там творится? Надеюсь, нас не освистывают? Если да, то я на сцену не пойду, делайте что хотите. Не пойду, и все.

— Мисс Поттер, если во время вашего выступления они позволят себе хамство, — сказала мисс Трант, — не обращайте внимания. Так или иначе я их остановлю, даже если мне придется сделать это самой.

— Ладно… — с сомнением протянула Мейми. — Но имейте в виду, я к такому не привыкла.

— Мы тоже! — тут же вставила Сюзи. — И чтобы вы знали: сегодня в зале будет Монти Мортимер!

— Монти Мортимер! Знаменитый постановщик ревю! Так я и поверила. Слыхали мы эти байки, мисс Дин, — фыркнула Мейми.

— Что ж, не хотите — не верьте, вам же хуже. — В ответ на удивленные взгляды остальных Сюзи пояснила: — Я не вру. Иниго сегодня ездил в город, встретился там с Монти Мортимером и уговорил его приехать на наш концерт.

— Вот это да! — охнула миссис Джо. — Не то чтобы мне или Джо была от этого какая-то польза… Но это твой шанс, Сюзи! Что я тебе говорила? Никогда не знаешь, где тебе улыбнется удача.

— Послушайте, так это правда? — Мисс Поттер,

по всей видимости, уже поверила Сюзи. — И где он сядет? Он уже в зале?

— Четвертый ряд партера, — коротко ответила Сюзи. — До начала концерта Иниго показал мне место. Он еще не приехал, но обязательно приедет — Иниго получил телеграмму.

— Вот досада, а мой выход уже сейчас! Ловко вы все подстроили! — воскликнула Мейми, злобно поглядев на Сюзи. — Почему раньше не предупредили?

— Не было случая. Никто не пытается вам насолить, мисс Поттер. Он еще успеет на вас насмотреться. Господи, вы только послушайте! Джо придет в ярость.

Он уже пришел. Аплодисменты были довольно громкие, но с задних рядов все равно пробивались свист и грубые окрики.

— Слыхали? — прорычал Джо, когда вернулся за кулисы, а встревоженная не на шутку мисс Поттер приготовилась его сменить. — Я этим молодчикам рыло-то начищу…

— Конечно, все это ужасно и явно подстроено, — перебила его жена, кладя ладонь ему на руку, — но давай не будем опускаться до их уровня. Веди себя по-джентльменски, даже если они на это не способны.

— Рыло я им все равно начищу, мне бы только до них добраться. На их месте я бы молчал в тряпочку. Хочется пойти туда и стоять рядом, пока вы выступаете. Чуть кто пикнет — сразу в рыло!

— Советую тебе немедленно расхотеть! — негодующе воскликнула миссис Джо. — Зачем поднимать такой шум? Еще неизвестно, чем все закончится! А у Сюзи сегодня большой день, ей выпал такой шанс!

— Шанс?

— Уникальный шанс! — воскликнула миссис Джо и быстренько объяснила, чем так важен сегодняшний вечер.

На долю мисс Мейми Поттер пришлось не меньше свиста и оскорблений, чем на долю Джо. На самом деле даже больше. Голоса у нее почти не было, и зрители с задних рядов не преминули это заметить. Когда она с горем пополам допела одну жалкую песенку, Джимми подал ей знак, чтобы она больше не пела, а перешла к танцам и потом вернулась за кулисы. Помешать танцору нелегко, однако грубияны с задних рядов сделали для этого все возможное. Танцевать мисс Поттер умела: ее прелестные ножки снискали немало аплодисментов, но и их заглушил недовольный рев сзади. Публика начала беспокоиться.

Пока мисс Поттер раскланивалась, Джимми влетел за кулисы.

— Меняем программу. Надо выйти всем вместе и сыграть что-нибудь шумное — предлагаю «Магазин». Мисс Трант, попросите администрацию выгнать нарушителей!

— Я постараюсь.

И она не мешкая взялась за дело. Директора театра нигде не было, и никто не знал, где он. На весь зал нашлось всего двое служителей, и ни одного из них нельзя было назвать молодым, сильным или решительным. Ветхий старик, отвечавший за задние ряды, уверял, что всячески пытается угомонить хулиганов. «Но они крепкие малые, мисс, — прошептал он. — Честное слово. Не знаю, зачем они вообще сюда пришли».

— Так позовите полицейского! — воскликнула мисс Трант.

— В окрестностях должен быть один, — с сомнением ответил старик. — Обычно он заглядывает на все спектакли, но сегодня что-то не показывался. На углу должен стоять. Может, они угомонятся, ежели его увидят.

Прибывший через пять минут полицейский встал прямо за спинами хулиганов, предварительно уведомив их привычным «Ну-ка, ну-ка!

Соблюдайте тишину!» о том, что сам закон во всем своем сине-серебристом величии пришел на стражу порядка. Однако в полицейском больше не было нужды. Шумный и разудалый номер, который труппа дала сразу после выхода Мейми Поттер, предоставил Сюзи и Джерри широкий простор для мимической игры. Едва они допели первый куплет — сущий пустяк по сравнению с дальнейшими шуточками и фокусами, — как Сюзи заметила в передних рядах движение: кто-то пробирался к своему месту в четвертом ряду — последнему креслу слева от прохода. Это мог быть только великий Монти Мортимер. На минуту или две Сюзи пришла в ужас: у нее подкосились ноги и пересохло в горле; из головы вылетело все, что могло вылететь — слова, движения, заботы — все! Ей почудилось, будто она больше никогда не сможет развеселить публику. А потом через рампу перелетел громкий дружелюбный хохот из зрительного зала — его вызвала случайная гримаска, которую Сюзи скорчила почти машинально. И тут все ее страхи улетучились, оставив в груди лишь легкий трепет и четкую уверенность в том, что у нее в запасе еще бесконечное множество чудесных трюков. Она вылетела на сцену, превратившись в хохочущий ураган веселых шуток,

и в мгновение ока переиграла каждого, кто был на сцене, даже Джимми. У нее в голове ожили все образы глупых продавщиц, фыркающих девиц, оплывших и печальных коротышек, высоких и гнусавых гордячек, знаек и незнаек, которых она когда-либо видела. За считанные секунды, в необузданном порыве радостного вдохновения Сюзи создала их, вывела на свет и разом уничтожила. Зрители хохотали, ревели, ловили каждый ее жест. Даже те, кто сидел в ложе — вот загадка, кто же это был? — от смеха согнулись пополам, и Сюзи на миг показалось, что смех ей знаком. Мистера Монти Мортимера она не видела и не представляла, что с ним творится, но если ему не по душе ее игра, что ж, скатертью дорожка!

— Не сбавляйте темпа, так держать! — выпалил Джимми, когда они ушли за кулисы. — Джерри, ты следующий. Покажи им, на что ты способен!

И Джерри показал. Он свернул для них за угол. Пока он пел, то была просто милая веселая песенка, но стоило ему затанцевать, как она наполнилась множеством новых смыслов и оттенков, неподвластных словам или музыке. Его длинные изящные ноги в сверкающих штиблетах сразили публику наповал. Когда он отбросил последние приличия и заскакал по сцене, точно

сумасшедший — все движения при этом оставались хирургически выверенными и точными, — а к Иниго, трясшему вихром над клавишами, присоединился Джимми на барабанах, Митчем на банджо и дружный хор остальных «Добрых друзей», зрители повскакивали с мест. Последний двойной щелчок — *пом-пом* — и Джерри замер на месте, тяжело дыша и сияя улыбкой. Зал взревел от восторга. Джерри поклонился, бросил мимолетную улыбку в сторону ложи, поклонился еще раз и ушел со сцены. Вернуться пришлось практически сразу: еще целых пять минут его ноги рассказывали зрителям, как прекрасна эта жизнь. Очередной шквал аплодисментов, и на сей раз к Джерри подошла девушка, следившая за порядком в партере. Она вручила ему несколько небольших свертков, один из которых, очевидно, потребовал дополнительной улыбки в сторону ложи, не говоря о бесчисленных поклонах зрительному залу. Артисты за кулисами успели заметить, как сверкнул в свете софитов золотой портсигар. Прочие дары состояли из конфет и сигарет — обычных подношений к алтарю безнадежной страсти. Но золотой портсигар явно был не от жительницы Гатфорда. Даже самая преданная машинистка или продавщица не смогла бы

подарить ему такую чудесную дорогую вещицу. Джерри, который с каждой секундой принимал все более загадочный вид, убежал в гримерную, так и не снизойдя до объяснений.

Было решено, что следующей опять выйдет Сюзи. Она упросила Джимми, от изначальной задумки которого и так ничего не осталось, выступить с сольным номером — «пока нас хорошо принимают», — а поскольку концерт был посвящен ей, Джимми не смог отказать.

Услышав имя Сюзи Дин, зрители захлопали в ладоши, а с ее появлением на сцене аплодисменты и крики стали еще громче. Не скупясь на мимику и жесты, она исполнила песенку Иниго про возвращение домой, и публика по достоинству оценила каждое ее слово, каждую ноту и гримаску. Большинство зрителей уже видели Сюзи на сцене. Она была самой юной, самой любимой артисткой труппы, сегодня был ее бенефис, и потому у публики имелись все причины устроить ей великолепный прием. Но даже если бы они видели ее впервые, ничего бы не изменилось. Это был ее вечер, ее праздник, и Сюзи пригласила на него всех и каждого. Зрители чувствовали себя ее закадычными друзьями, одной большой компанией, и казалось, что она

стоит на сцене в свете софитов лишь потому, что ей выпало быть самой хорошенькой и самой веселой из них. Первое ощущение из разряда «сейчас или никогда» прошло; она знала, что на нее смотрит Монти Мортимер, но это ее больше не волновало; в огромном порыве безудержного веселья она смела с лица земли все скучное, серое и унылое. Иниго, лениво перебиравший клавиши, был заворожен и почти напуган. Перед ним стояла Сюзи — смысл его жизни, обожаемый и хорошо знакомый смысл, — но в тот миг она стала больше и ярче, чем сама жизнь. Ее характер и личность полностью растворились в этой публичной Сюзи, колоссальной Сюзи-для-всех, готовой покорить и пленить любую сцену, любого зрителя, устремиться в самое сердце страны чудес, мира электрических вывесок, фотографов, репортеров, агентов по печати и рекламе, огромных машин и дорогих обедов в шумных сверкающих ресторанах. Все это, казалось, уже принадлежит ей по праву. Стоит Сюзи только поднять пальчик, и вокруг нее вмиг соберется толпа и вспыхнут прожектора, высвечивая ее имя на безумных эмпиреях Шафтсбери-авеню. Даже образ грозной Этель Джорджии на миг померк в голове Иниго — с появлением Сюзи она

показалась ему блеклой и изможденной. Страна чудес уже смыкалась над его возлюбленной. Он не знал, хорошо это или плохо. Сердце щемило, но у боли был сладкий привкус. Сначала Иниго захотелось прекратить играть, схватить Сюзи за руку и увлечь в темноту — просто посидеть с ней рядом в трамвае, отвести ее обратно в пыльные съемные комнаты, вернуться к привычной круговерти воскресных поездов, черствых сандвичей, крошечных вестибюлей и уютной нищеты. А в следующий миг Иниго уже хотел играть и играть, чтобы Сюзи хохотала и плясала до тех пор, пока все ее мечты и чаяния не сбудутся, все мирские блага не свалятся в кучу у ее ног, а он… что ж, он будет маячить где-то на заднем плане, любуясь ее небывалым, ее непреходящим счастьем. Но… что же потом? Ах, Иниго не знал. Ему казалось, что он бодрствует уже несколько недель подряд, без перерыва на спасительное бесчувственное забытье, на старый добрый сон. Видимо, он устал. Однако Иниго не чувствовал усталости, он чувствовал себя пьяным и чуточку безумным. *Тиддли-иддли-ом-пом, тиддли-иддли-ом.* Да-да, именно что безумным, определенно. *Пом-пом.*

Сюзи выступила на бис один раз, выступила второй, но даже тогда гром оваций не стих. Ей

тоже вручили подарки, цветы и один настоящий букет — из разряда оперных, нечто совершенно невообразимое в мире бродячих трупп. К нему прилагалась таинственная коробочка. Сюзи хотела что-нибудь сказать, но была слишком взбудоражена и никак не могла отдышаться. Джимми вытолкал остальных артистов на сцену для очередного совместного номера, а ее, счастливую и задыхающуюся, оставил за кулисами, где она тут же получила поздравления от мистера Окройда.

— Мне бы уйти в гримерную и тихонечко там посидеть, малой, — сказала ему Сюзи. — Но я не могу! Вы только взгляните! Разве не прелесть? Ох, я сейчас лопну от счастья! Какой вечер!

— Первый класс! — воскликнул мистер Окройд с непростительным для браддерсфордца воодушевлением. — Отменно тебя приняли, малышка Суз. Грят, в партере сидит какая-то важная театральная птица.

— Вот именно! — вскричала Сюзи. — В любую минуту он может войти сюда и сказать: «Мисс Дин, я искал вас много лет. Начинаем работать во вторник, плачу двести пятьдесят фунтов в неделю. Если этого мало, дайте мне знать». Ну, или вроде того. Как вы думаете?

Не успел мистер Окройд ответить, как Сюзи закружила его в вальсе.

— Вон, значится, как? — спросил он, когда его наконец отпустили. — А что же бедные «Добрые друзья»? Мы ведь больше и не свидимся — билет придется покупать, шоб на тебя полюбоваться! Не слушай меня, малышка Суз, — продолжал мистер Окройд, заметив, что она хочет его перебить. — Думай о себе, и ежели энтот малый предложит тебе десять фунтов в неделю и работу в Лондоне или еще где в том же роде — соглашайся! Только чтоб без срамоты всякой, нагишом там выступать или что. Ты имей это в виду, а то, грят, в Лондоне такое сплошь и рядом. Но если все честь по чести — соглашайся! Конешно, я буду скучать, ну да…

— Миленький! — вскричала Сюзи, которой неудержимо, больше чем когда-либо, хотелось плакать и смеяться одновременно. — Ты просто чудо, малыш Джесс, я тоже буду очень скучать! А давай вместе убежим в Канаду, давай, а?

— Э-э… — протянул мистер Окройд. — Я б хотел этого больше всего на свете. Вот была бы потеха! — Он на минутку умолк, восхищенно размышляя о возможной «потехе», потом вернулся в мир фактов. — Так, слушай сюда. Не думай о

«Добрых друзьях». Если предложение будет выгодное — соглашайся без разговоров. Труппа-то все одно развалится, рано иль поздно. Нутром чую, скоро что-то произойдет. Хошь смейся, хошь верь, а я на этом деле собаку съел. Когда «Юнайты» взяли Кубок, я с начала года это предсказывал, а на фабрике меня все высмеивали почем зря. И вот еще… — добавил он, переведя дух.

— Продолжай, великий астролог! — рассмеялась Сюзи.

— Я и про сегодняшнюю кутерьму знал. Сдается мне, она еще не кончилась.

— Ты про хулиганье на задних рядах?

— Вот-вот. Я сходил, посмотрел на них, поболтал с тем стариком, что за задними рядами следит — не по душе мне все это. Подлянка тут кроется, ей-богу. А какая — не разберу. Ступай, Джимми тебя на сцену просит, покуда антракт не начался.

Сюзи ушла и помогла труппе вновь сорвать бешеные аплодисменты. Джимми объявил антракт, надеясь, что во время перерыва хулиганы уйдут или угомонятся, хотя за последние полчаса или около того они не издали ни звука. Как только занавес опустили и в зале загорелся свет, Иниго выглянул в щелку и успел заметить, как

мистер Монти Мортимер пробирается к проходу. Зайдет ли он за кулисы, чтобы поговорить? Или отправится в буфет что-нибудь выпить? Минуты шли, мистер Мортимер все не появлялся, и Иниго пришел к выводу, что ему захотелось пить — весьма жизнеутверждающий вывод по сравнению с Сюзиным: та решила, что ему стало противно и он уехал с концами. Однако перед самым началом второго отделения они увидели, как он возвращается, и Сюзи успела краешком глаза рассмотреть его ассирийские черты.

— А выглядит он ничего, — заметила она. — Так и подмывает крикнуть: «Эй, что скажете?» Интересно, о чем он думает? Непохоже, чтобы он вообще о чем-то думал. Смотрите, зевает! Ах, пожалуйста, не зевайте! Вы же не для этого сюда пришли!

— Вот хам! — разозлился Иниго. — Объелся, как пить дать. Отобедал он за пятерых, я сам видел, и с тех пор, ручаюсь, лопал без остановки.

— Свинья! Нет, нельзя так говорить. Мы ведь не знаем, вдруг у него… как это называется?.. ну, вы поняли. Прошу вас, мистер Мортимер, я хочу большой вкусный контракт. Благодарю. Ах, какой ужас! Мне дурно. Если он ничего не сделает, все пропало! Опять жить по-старому… это невы-

носимо! Все, больше не буду на него смотреть. И в ложе никого нет, заметили? Интересно, кто это был. Они подарили чудесный букет, но без подписи. Наверное, там сидел обворожительный молодой миллионер — не слишком молодой, не как вы, Иниго, — который влюбился в меня без памяти. Вот так вот.

— Что ж, — просияв, сказал Джимми, — я было подумал, что нам пришел конец…

— Конец придет кой-кому другому, — прорычал Джо. — Мне бы добраться до энтих негодяев, я им устрою…

— Этих негодяев, а не энтих, Джо, — поправила его жена. — И ничего ты им не устроишь.

— Все уже хорошо, — продолжал Джимми. — Мы им показали класс!

— Наделали шуму, — серьезно подметил мистер Мортон Митчем.

Шуму они действительно наделали, да только о таком «шуме» не пишут на страницах «Стейдж». Когда свет в зале потух, все зрители с задних рядов вернулись на свои места, а полицейский ушел. Не найдя поводов для беспокойства, он величественно удалился из зала во время антракта, упустив — увы! — прекрасный шанс получить повышение по службе.

III

— З-заткнись!

— Тише, пожалуйста!

— Ш-ш-ш!

— В-вон со с-сцены!

— Ведите себя прилично, *пожалуйста*!

— Выдворите их из зала!

— Ш-ш-ш!

— Джентльмены, соблюдайте тишину, будьте любезны.

— А-а! У-у! З-заткни вар-режку!

— ...и от имени всех артистов труппы я бы хотел попросить джентльменов на последних рядах вести себя потише (Вот-вот! Правильно!) и напомнить им, что остальные зрители тоже заплатили деньги и хотят получить удовольствие... (Вон со сцены!)... от достойной игры... проявите английскую порядочность... всем спасибо.

Публика встретила речь Джимми громкими аплодисментами, но после нее поднялось еще больше шума. Бедную миссис Джо, умолявшую Красное Солнышко закатиться на запад (как будто она вдруг усомнилась в его передвижениях и боялась какой-нибудь космической катастрофы), было почти не слышно: добропорядочные зрите-

ли в своем негодовании производили не меньше шума, чем хулиганы. Напрасно она делала паузы между куплетами — надменно расправив плечи и вскинув подбородок, точно герцогиня Доркинга перед революционным трибуналом. Тишина, которой она добивалась, не наступила. Бросив на белую манишку и голую руку взгляд, полный отчаяния и мольбы, она затянула вторую песню и предстала перед зрителями в образе шотландской девчушки, пылкой и несчастной дочери вересковых пустошей и горных долин, томящейся по нашему давнему знакомцу, Энгусу Макдональду. Ужель он не вернется, спрашивала она грудным голосом, — из-за морей домой? Чу! Послышался волынки зов? Должно быть, он действительно послышался, но все остальные услышали только последний отчаянный хрип («К порядку, господа, к порядку!») престарелого театрального служителя. Затем миссис Джо различила вдали топот марширующих ног, и зрители тоже услышали нечто подобное: затопали ногами господа с последних рядов. Да, то Энгус Любимый спешит домой с войны! Эту победную строчку она пропела во все горло, но даже тогда никто ее не услышал. Вместе с Энгусом домой пришла война. Бледная и дрожащая, миссис Джо

трагически пошатнулась, уходя за кулисы, и не вернулась на рев зала — хотя по большей части он состоял из искренних восторженных аплодисментов.

Тем временем за кулисами мисс Трант и мистер Окройд пытались усмирить Джо, который порывался спуститься в зал и «оторвать мерзавцам поганые головы». Впрочем, сначала ему пришлось уделить внимание жене: безумно улыбнувшись, пожав плечами и всплеснув руками, она неожиданно разрыдалась.

— Меня так… так… не унижали… с тех пор, как мы выступали в Гримсби!.. Когда все перепились и швыряли в меня рыбой!

Джо пробормотал, что этим подонкам достанется кое-что похуже рыбы, и окружил любимую жену заботой истинного рыцаря. Наконец ее уговорили отдохнуть в гримерной, куда мисс Трант доставила одеколон и добрые слова. Четверо других образовали на сцене довольно шумный квартет, полный комических «штучек». Театральный служитель оставил тщетные попытки восстановить порядок. Два или три воинственных джентльмена из числа зрителей попытались взять на себя его обязанности, в результате чего сзади донеслись злобные крики и шум драки.

Остальная публика пришла в нешуточное волнение. Один из самых громких и негодующих голосов принадлежал нашему другу, мистеру Монти Мортимеру — беспардонное поведение некоторых зрителей оскорбило его профессиональное чувство хорошего тона, ведь он многие годы не слыхал ничего подобного. Если на его постановках какие-нибудь завсегдатаи позволяли себе хоть самое скромное шипение или присвист, на следующее утро мистер Мортимер заполнял все газеты угрозами и статьями о невероятных заговорах. Теперь он голосил громче остальных ревнителей порядка и время от времени приподнимался в кресле, оглядываясь назад, словно хотел взять ход разбирательства в свои руки.

— Сейчас я все устрою, Джимми, — прошептал мистер Мортон Митчем с уверенностью человека, четырежды объехавшего вокруг света. — И не такие толпы усмирял. Я начну показывать фокусы, а ты подкармливай меня из зала.

Тут необходимо кое-что прояснить. Джимми должен был притвориться грубияном, который отпускал бы всякие колкости с последнего ряда, а мистер Митчем, разозлившись, в конечном итоге вызвал бы его на сцену — вместе с несколькими настоящими добровольцами из

числа зрителей, — чтобы они «убедились своими глазами». Мистер Митчем был мастер своего дела и с помощью подсадных уток в зале умел развеселить публику. Такой трюк вполне мог сработать, создав порядок из преднамеренного хаоса. У Джимми были подозрения на этот счет, однако он решил, что попробовать все-таки стоит, и убежал в гримерную переодеваться. Оттуда он тайком пробрался на задние ряды, оставив на сцене одного мистера Митчема. Тот начал с игры на банджо, но вскоре бросил это бесполезное занятие. Джо принес ему необходимые для фокусов принадлежности, и они начали хохмить.

— А сейчас я попрошу на сцену нескольких добровольцев, — медленно и хрипло пробасил мистер Митчем. — Они докажут уважаемым зрителям, что здесь нет никакого обмана.

То был сигнал для Джимми, сидевшего на последнем ряду, к началу комической сценки. Но что-то, по всей видимости, пошло не так: до сцены долетали только крики самого настоящего спора. И вдруг зал огласил негодующий вопль Джимми:

— Эй, ребята, погодите! Вы что делаете?! Пустите меня!

— Ну, кто выйдет на сцену? — повторил мистер Митчем.

Тут начался хаос, и сколько-нибудь упорядоченное повествование будет здесь неуместно. В темноте зала мистер Митчем различил какое-то движение в сторону сцены.

— Дайте свет! — прошипел он, но свет не загорелся. Справа от просцениума была небольшая дверка, а за ней — несколько каменных ступеней, ведущих за кулисы. Несколько человек с последних рядов устремились к этой двери. Весь партер — передние и задние ряды — был поделен вдоль широким проходом, перегороженным по середине лишь толстым канатом. По этому проходу прямо к сцене двигались, толкая и пихая друг друга, несколько силуэтов. Из группы доносились негодующие крики Джимми. До сих пор все шло хорошо, но вот тут-то и начался хаос: беспорядочная игра света, тени и стремительно развивающихся событий.

— Отпустите, говорю!

— Эй, ты чего задумал?

— Выведите их из зала!

— Где свет, дурачье?

— Ах так!

Опять крики — других зрителей и некоторых зрительниц. В проходе рядом со сценой завязалась настоящая драка. Джимми принимал в

ней участие. Неизвестно откуда выскочивший здоровяк бросился прямо в дерущуюся толпу и раскидал нескольких человек. То был Джо.

— А ну вон отсюда! — взревел он. И кто-то действительно покинул место событий — раздался треск, потом удар: кому-то достался крепкий тумак от разъяренного артиста. Опять крики, вопли и хруст. Человека, потерявшего сознание, подняли и унесли с дороги. Наконец загорелся свет — медленно и неохотно, словно ему было стыдно за происходящее.

— Господи! — заорал Иниго, выглянув из-за рояля в зал. — Это же Монти Мортимер!

Так оно и было. Мистер Монти Мортимер вмешался в драку, попал под горячую руку Джо и схлопотал от него тумак, но земных пределов еще не покинул. Впрочем, мы с вами его больше не увидим. Прощай, Монти!

Кто-то прокричал, чтобы опустили занавес; человек двадцать что было мочи звали полицию; еще сто просто вопили. Свет вновь погас — на сей раз мгновенно. Затем потухли и софиты. Зал погрузился в темноту и превратился в кромешный ад.

— Эй! — закричал мистер Окройд, когда трое или четверо незнакомцев взобрались по ступень-

кам за кулисы. Вид у них был самый угрожающий. — Вы что тут делаете?!

— Выходим на сцену, — ответил один, а второй выпятил губу и прорычал: — С дор-роги!

— А ну брысь отсюда! — злобно проговорил мистер Окройд.

В следующий миг его ударили в спину, бросив на самого крепкого хулигана, а тот одним ударом отшвырнул его к стене. Потухли все огни — негодяи добрались до распределительного щитка. Мистер Окройд прыгнул вперед, врезался в кого-то, получил по голове, но все же успел отвесить ближнему изрядного тумака. Раздался вопль рабочего сцены. Зрители кричали не переставая. Мистер Окройд устремился к щитку, однако путь все время преграждали какие-то люди и вещи. Вдруг завязалась потасовка, мистер Окройд споткнулся, полетел на пол, и прямо на него упало еще несколько человек.

— Пожар! Пожар! — прокричал рядом чей-то голос.

— Пожар! Пожар! Пожар! — подхватило множество голосов, срывающихся на крик.

Мистер Окройд кое-как поднялся на ноги.

— Нет тут никакого пожара! — отчаянно завопил он.

— Пожара нет! — крикнули со сцены. — Оставайтесь на своих местах, пожалуйста!

В зале стоял невероятный, чудовищный гам. Со всех сторон доносились крики и треск.

— Да включите же свет! — взревел кто-то. — Свет, свет! — И издалека: — По-жар! Пожа-ар! Пожа-ар-р!

Мистер Окройд опять ринулся к щитку. Вместе с ним в том же направлении пробирался кто-то еще. Джо.

— Давай, малыш Джо! — крикнул мистер Окройд. У щитка стояли двое. — Получи! — Он ударил первого. Второй испустил вопль, первый охнул, и мистер Окройд схватился за переключатели. Вспыхнувший свет озарил Джо, бросившегося в погоню за одним из хулиганов; второй упал. Мистер Окройд побежал на сцену — крикнуть зрителям, что никакого пожара нет. В зале творилось безумие: все орали, визжали, толкались и пинались.

— Оставайтесь на местах! — орали со сцены Джимми, Мортон Митчем и Иниго; женщины стояли рядом, бледные и ошалевшие. Не прошло и минуты, как все огни, кроме двух-трех под самой крышей, опять потухли. Щиток! За кулисами мистер Окройд врезался в крупную даму,

которая что-то кричала — вроде бы «Джерри!». И действительно, в следующий миг откуда-то выскочил Джерри Джернингем. Вышеупомянутая дама тут же его схватила и утащила за сцену. Из зала донесся грохот: крушили мебель. Звенели бьющиеся лампочки. Из черной тени под сценой выскочили и пустились наутек несколько хулиганов. Где-то продолжали кричать «Пожар!». Мистер Окройд включил несколько софитов. Запахло гарью — кажется, запах шел с другой стороны сцены. Мистер Окройд позвал остальных и бросился туда. Дым, много дыма. Он шел от кучи старых штор, брошенных в углу. Вместе с Иниго они вылили на кучу два огнетушителя: огня не было, но удушающий дым слепил глаза. Наверху что-то вздрогнуло и зашаталось. Стоявший там Джо закричал. Мистер Окройд почувствовал за собой тихий шелест. Занавес опускался — сам по себе, потому что у рукоятки никто не стоял. Мимо промчался, расталкивая всех вокруг, какой-то человек. Почему Джо бежит вниз и орет во все горло? Огромные панели по бокам сцены, установленные еще при строительстве театра и очень старые, выглядели крайне ненадежно. Лучше бы народу поберечься. Сверху опять что-то затрещало и задрожало.

— Берегись! — завопил мистер Окройд тем, кто столпился в глубине сцены. — Бегите оттуда, живо!

Мисс Трант, Джимми и Сюзи с полной охапкой нот все еще стояли там. Мистер Окройд заорал и бросился к ним, махая руками.

Могло показаться, что рухнул весь театр: с таким грохотом упали на сцену панели. Мистера Окройда и Сюзи не задело. Джимми сидел на сцене, обхватив голову, и стонал. Мисс Трант, белая как мел, неподвижно лежала на полу. Полиция наконец приехала, и с улицы доносился лязг пожарных машин. Мисс Трант, сколько ее ни тормошили и ни звали по имени, так и не пошевелилась.

IV

— Хорошенький вышел бенефис, ничего не скажешь, — мрачно проговорил инспектор. Рядом с ним стояли Иниго и Джо в сценических костюмах — грязных и порванных, — мистер Окройд, с ног до головы в синяках и саже, и два работника гатфордского театра. Остальные ушли час или полчаса тому назад. Мисс Трант и все еще стонущего Джимми тогда же отвезли в больницу.

— Что сказали врачи — про мисс Трант? —

дрожа, спросил Иниго. Впервые в жизни он чувствовал такую невыносимую усталость. Ноги его больше не держали. Ему было тошно, и голова шла кругом.

— Я как раз выясняю, — ответил инспектор. — Через пару минут мне доложат. А вы, ребятки, хоть переоделись бы. Собирайтесь домой, я же вижу, на ногах еле стоите. Я тем временем подготовлю отчет.

Он иронически огляделся по сторонам. Пожар не причинил большого ущерба — к прибытию пожарной бригады его почти затушили. Но выглядел гатфордский театр чудовищно: паническое бегство зрителей не прошло даром для здания, а сцена превратилась в мокрые обугленные развалины.

— Обошлось, слава Богу, — продолжал инспектор, — хотя я не говорю, что все хорошо. Театр еще не скоро откроется. Но я так скажу: человеческая жизнь превыше частной собственности. Могли погибнуть десятки — да, десятки, целая прорва людей — в такой давке это немудрено. Но пока жертв нет и вряд ли будут. Повезло, несказанно повезло! Семь человек ранено — других цифр у меня нет. Это только из числа зрителей, не считая двух ваших.

— Ничего б такого не случилось, инспектор, — убежденно проговорил мистер Окройд, — если б кто-то не заорал «Пожар!». Я знал, чем это закончится. Мы пытались их остановить.

— Но пожар-то был, — заметил инспектор.

— Нет, он потом начался, а когда кричали, ничего еще не было. Да и пустяк это, а не пожар — мы ж его сами и затушили.

— Что правда, то правда, — устало проронил Иниго.

— Так, а кто все устроил? — спросил инспектор.

— Я же грю, — ответил мистер Окройд, — хулиганы, которые на последних рядах сидели. Сперва вырубили свет, а потом, сдается, один из них забил пожарную тревогу.

— Как пить дать, — добавил Джо и рассказал, что с ним случилось, когда поднялся шум.

— Надо разобраться, — недоверчиво протянул инспектор. — Жаль, они удрали. И зацепиться не за что!

— Нет, один у вас есть. Не зря ж мы с Джо столько времени его караулили, — сказал мистер Окройд.

— Сержант, вы задержали того молодчика в красном шарфе? Он один из них.

— Да, сэр, — ответил сержант, подходя к инспектору. — Еще как задержали. Его зовут Талли.

— А, Талли? Как же, мы его давно знаем. Наш старый приятель. И что же он?

— Ничего не знает, сэр. Говорит, просто пытался выбраться из зрительного зала.

— Врет! — заявил мистер Окройд.

— Это мы еще проверим, — ответил инспектор, который был по-прежнему занят оценкой положения: заглядывал туда и сюда, хмыкал и что-то писал в блокнот. Усталые и потрепанные, «Добрые друзья» наблюдали за ним молча — пока не пришли вести из больницы, сказать им было решительно нечего. Наконец явился полицейский: он что-то прошептал инспектору на ухо, словно сообщал государственную тайну.

— Что ж, все не так плохо, — сказал инспектор, поворачиваясь к ним. — Даже хорошо. У вашей леди шок и перелом руки, только и всего. Повода для волнений нет…

Все громко выдохнули.

— А у вашего друга — коротышка такой, Нанн — только ушиб головы. Ночь его продержат в больнице, а завтра или послезавтра выпишут. С ним все хорошо, правда, недельку-другую песни и пляски ему противопоказаны.

Иниго неожиданно для себя захихикал. Конечно, вокруг творилось безумие, но хихикать по этому поводу ему не хотелось, и все же остановиться он не мог.

— Переоденьтесь и ложитесь спать, мой мальчик, — сказал ему инспектор. — Съешьте чего-нибудь, выпейте — и будете как огурчик. Вы тоже, ребятки. Домой, живо! Больше вам тут нельзя оставаться. Кстати, из города ни ногой, пока я здесь не закончу. Адреса ваши у меня записаны, так? Вот и славно, бегите.

Они переоделись и как раз побрели к выходу, точно компания потерпевших кораблекрушение моряков, когда им навстречу выскочила Сюзи, похожая на маленькое сказочное привидение — в большом теплом пальто поверх сценического костюма. От грима на ее лице остались бледные размокшие руины из слез, белил и румян.

— Вы слышали?! — Оказалось, что она сама только что вернулась из больницы. — Могло быть и хуже, верно? — грустно улыбнувшись, спросила она.

— Могло, а как же, — согласился мистер Окройд.

— Миссис Джо просила передать, что ждет тебя дома, Джо, — продолжала она. — И лучше тебе

поторопиться, потому что она собиралась раздобыть на ужин горячего.

— Глядишь, и для меня чего найдется, — мечтательно проговорил мистер Окройд. — О еде как-то не думалось, а сейчас вот подумал и быка готов съесть. Мож, хозяйка моя опять пирог с мясом и картошкой спекла. Знатные у нее пироги выходят!

— Давайте не пойдем по главной улице, — сказала Сюзи. Она встала между Джо и готовым на все Иниго, взяла их за руки и легонько стиснула. — Мы ведь не хотим, чтобы нас увидели?

Они молча побрели по унылому переулку. С безжалостной категоричностью хлопнула дверь театра. Откуда-то издалека донеслось хриплое пение одинокого гуляки:

Хоть ты мне дружок,
Прикрой свой роток,
Уж больно ты много болтаешь!

Молчание нарушил мистер Окройд, который впервые серьезно задумался о событиях этого безумного вечера.

— Ишь ты, как вышло! — начал он. — Кто б мог подумать…

Но договорить ему не дали.

— Ах, не надо! — поспешно выпалила Сюзи. — Лучше помолчи, малой! Это ужас, тихий ужас! Я уже все глаза себе выплакала, не могу больше! У нас еще целая неделя, чтобы это обсудить.

— Определенно, — устало проговорил Иниго.

— Да уж, — сказал Джо. — Не волнуйся ты так, Сюзи. А что будет на следующей неделе?

— Бог знает!

— Прости, девонька. Я молчу. Подумаю лучше о пироге с мясом и картошкой. Главное, мы живы — хотя я ужо начинаю коченеть. Все образуется.

И они побрели дальше — безмолвно, точь-в-точь как четыре их тени, что танцевали на мостовой причудливый танец, вытягиваясь и сходя на нет от фонаря к фонарю.

Глава 5
Длинная и посвященная спасательным работам

I

— Так-так! — мягко воскликнул голос. — Так-так-так!

— Никаких изменений? — спросила сиделка.

— Решительно никаких, — ответил голос. Хоть он и утратил былую хрипотцу, ошибки быть не могло. — Нет, — продолжал он, — не надо ее будить. Пусть хорошенько выспится.

Мисс Трант, однако, уже выспалась. Она бодрствовала, впрочем, глаз пока не открывала и не шевелилась. Первое тихое, но изумленное «Так!» вывело ее из глубокого забытья, лишенного сновидений, и доставило в обитель мерцающих теней, фантазий и голосов. Где же она? В гостинице? В больнице? Нет. Это Мидлэндская частная лечебница. Вторник. Мисс Трант теперь полностью пришла в сознание, но ничего, кроме зыбкого коричневатого пространства и двух голосов, вокруг себя не обнаружила. Один из них принадлежал ему и почти не изменился за

минувшие годы.

Мисс Трант открыла глаза и увидела перед собой мир: яркий, прочный и словно бы совсем новенький. Он стоял у дверей. Мисс Трант ничуть не удивилась, как прежде не удивил ее и голос этого человека. Ощущение было ровно обратное: как будто она наконец перестала удивляться его отсутствию в своей жизни.

— Здравствуйте! — слабо воскликнула она.

Он улыбнулся и подошел ближе. Разумеется, он стал старше, но видеть это было не странно. Наоборот, он теперь больше походил на самого себя, как будто именно к этому возрасту он стремился тогда, много лет назад.

— Мисс Элизабет Трант, — с расстановкой произнес он; никто больше не умел так произносить ее имя.

— Доктор Хью Макфарлан, — ответила она, протягивая руку.

Сиделка радостно улыбнулась обоим и вышла.

— Я думал, вы спите, — сказал он, садясь рядом с кроватью. — Не хотел вас беспокоить.

— Так вы меня узнали?

— Узнал. — И все, больше ни слова. Как это на него похоже! Он мог оставлять в беседе громадные дыры, даже не думая заполнять их любым

подручным мусором.

— Как вы узнали, что я здесь? Вы… вы прочитали о нас в газете? — Местная газета во всех красках расписала воскресный случай в гатфордском театре.

— Нет, я ничего не видел, — ответил он. — Вы про местную газету, не так ли? Я читаю только «Таймс» и «Вестник Глазго», а там про это не писали.

— Смею надеяться, нет.

— Но слухи до меня дошли, — продолжал он без всяких обиняков, в своей обычной манере. — Потом я приехал сюда к одной пациентке и случайно увидел ваше имя. Вот и решил узнать, не та ли вы мисс Элизабет Трант.

Мисс Трант не удержалась.

— А я думала, вы меня забыли, — пробормотала она.

Он мрачно покачал головой:

— Не забыл. Я прекрасно вас помню и узнал, как только увидел. Вы почти не изменились, даже учитывая последние потрясения. Самочувствие еще не очень, верно?

— Мне показалось… что я видела вас в машине, — сказала мисс Трант. — На прошлой неделе, милях в десяти от Гатфорда. Я потом

пришла к выводу, что это не могли быть вы, но теперь я думаю иначе.

— А когда именно это было? На прошлой неделе, говорите? Во сколько? — Он сдержанно вытащил из кармана небольшой блокнот.

— Около полудня, — неуверенно протянула мисс Трант. — Вы… дайте-ка вспомнить… вы ехали из Гатфорда по магистрали… такое чувство, что это было давным-давно. Впрочем, какая разница?

— Наверное, в прошлый вторник, — сказал он, хмуро разглядывая блокнот. — Сегодня ровно неделя. Я как раз сюда ездил. А машина была красная, двухместная? Да? Значит, точно я. Любопытно, не так ли? Жаль, я вас не заметил.

Мисс Трант замешкалась, отвела глаза и выпалила:

— Между прочим, мы… я… пыталась потом узнать, не живете ли вы тут поблизости. Но вашего номера в телефонном справочнике не оказалось, хотя врачей туда обязательно вносят.

— Да, но только не тех, что приехали недавно, — улыбнулся он. — Меня еще не успели внести в справочник. Я начал работать с доктором Хадсоном — он человек пожилой и скоро отойдет от дел. У него кабинет в Уотерфилде, как

раз на магистрали. Я приехал, потому что писал работу о паращитовидной железе и хотел быть поближе к Мастерсу из Лондона или Хадсону из Гатфорда. Вот так я здесь и очутился. Вы слышали о Хадсоне?

— Увы, нет, — улыбнувшись в ответ, сказала мисс Трант. — Это ужасно — вы, врачи, творите настоящие чудеса, а люди о вас знать не знают.

Он огладил свое худое овальное лицо.

— Наверное, вы правы, но мне грех жаловаться. Я пока ни одного чуда не сотворил. Но как же вы здесь очутились? Не помню, чтобы у вас была большая тяга к театру.

Мисс Трант рассмеялась:

— Не было и нет! Все это нелепо и смешно — хотя теперь, признаться, мне не очень весело.

Она вкратце поведала, что случилось после смерти отца. Иногда доктор Макфарлан изумленно таращил на нее глаза, иногда тихо смеялся. У мисс Трант было такое чувство, будто она рассказывает ему о путешествии на Луну.

— И пожалуйста, — заключила она, — не спрашивайте, что я думаю делать дальше, потому что я не знаю.

— А я знаю. Вы останетесь здесь, пока не подлечите руку и нервы. — Он по-прежнему говорил

не «нервы», а «нэйрвы». В его речи по-прежнему звучали широкие гласные и сокрушительные согласные, а когда он повернулся лицом к окну, его волосы точно так же, как и тогда, заблестели на солнце. — Если я могу чем-нибудь вам помочь, позвольте мне это сделать.

— О, я не стану беспокоить вас своими глупостями. Уверена, у вас и без меня полным-полно хлопот.

— Ничего подобного. То есть дел у меня действительно много, но у старого холостяка всегда найдется лишнее время.

— Вы так и не женились?

— Нет. — Он умолк и ощупал свой подбородок. — До сих пор я был слишком занят. А чтобы подыскать жену, нужно время.

— Никакой вы не «старый» холостяк, по крайней мере не говорите так при мне. Вы всего на два года старше, и от ваших слов я тоже чувствую себя старой.

— На два года старше! Вот именно. Кто бы мог подумать, что вы запомните такую мелочь! — воскликнул он, внезапно просияв и оживившись. — Память у вас не хуже, чем моя.

— Да, кое-что я запомнила очень хорошо.

— Вот и я тоже. — Он разошелся не на шутку

и уже не думал о том, куда его могут завести слова. — Когда я читаю или слышу про древнюю Гибралтарскую скалу, сразу вспоминаю вас… и полковника, — поспешно добавил он.

— Кто же из нас напоминает вам древнюю скалу? — рассмеялась мисс Трант. — Надеюсь, не я. Наверняка мой отец — мне показалось, что вы всегда его побаивались.

— Полковника-то? Ничуть. Скорее я побаивался вас.

— Меня! — Вот уж глупости. На мисс Трант внезапно нахлынули воспоминания об огромном властном шотландце, который так любил ее поправлять. — Неправда, я в жизни не встречала такого задиру, как вы.

— О, это все молодость…

Тут вошла сиделка с чайным подносом.

— Я принесла доктору Макфарлану чашечку чая, — сказала девушка, ставя поднос рядом с кроватью.

— Спасибо. Вы ведь останетесь на чай? Боюсь, вам придется налить нам обоим — я с перевязанной рукой не управлюсь.

Если мисс Трант думала, что он будет неуклюже обращаться с чайником, то она ошибалась. Доктор Макфарлан разлил чай очень ловко, и

только сейчас она заметила, как хорошо его слушаются руки — худые, жилистые и чуткие. Вот тут-то (это произошло мгновенно, пока она доедала последний кусочек хлеба с маслом) мисс Трант вдруг осознала, насколько это невероятно, что он, такой громадный, такой поразительно похожий на себя, сидит себе рядом и преспокойно пьет чай. Но другая ее часть — совсем крошечная и незначительная, даже своего голоса не имеющая, — ничуть не удивлялась происходящему и считала, что все идет так, как должно.

Говорили они непринужденно, в основном о недавних событиях, Гатфорде, «Добрых друзьях» и так далее. День, сам похожий на бледный первоцвет, заполнял комнату чистым и нежным светом, вновь навевая воспоминания о нарциссах, и увлеченно распускал слухи об ароматном и цветущем мире за окном.

— Вы бы хотели продолжить свою… э-э… театральную деятельность? — спросил доктор Макфарлан. Увидев, как мисс Трант печально улыбнулась и покачала головой, он просиял. — Разумеется, в этом нет ничего плохого, но для такого человека, как вы, это несколько легкомысленное занятие.

— Когда они смогут обойтись без моей помощи,

я сразу уйду, — призналась мисс Трант. — Мне было… ну, весело, если угодно. Я бы ни за что не упустила такой случай, представься он мне еще раз. Но некоторое время назад я задумалась об уходе. Понимаете, я при всем желании не могу всерьез воспринимать это свое занятие…

— Ну, еще бы! — с жаром воскликнул доктор Макфарлан, словно труппа бродячих артистов для него была не больше чем роем надоедливых мух.

— Но по отношению к ним это несправедливо. Это их мир, их жизнь. Сейчас я не могу их предать. Все было так чудесно! Мы зарабатывали хорошие деньги, и я почти вернула вложенное. Наша талантливая молодежь рассчитывала на выгодные контракты в городе, потому что в воскресенье на концерт приезжал один известный постановщик ревю.

— Скандал, верно, пришелся ему не по душе?

— Если бы только это! Все куда хуже. Бедняжкам страшно не повезло, но это такая умора, что я ничего не могу с собой поделать — меня так и тянет смеяться. Он приехал и каким-то образом ввязался в ту жуткую потасовку в зрительном зале, а Джо не знал, кто это такой, — да и вряд ли ему было дело, он к тому времени совершенно вы-

шел из себя. Он отвесил этому господину такого тумака, что беднягу пришлось выносить из зала.

— Так-так! Отправил его в нокаут, значит? Не думал, что артистики на такое способны.

— Да, но Джо раньше был боксером-тяжеловесом — на флоте.

— А! — сказал доктор Макфарлан с таким видом, словно что-то знал про боксеров-тяжеловесов на флоте. — Тогда неудивительно.

— И теперь они все пали духом, хотя виду не показывают, когда приходят меня навещать. У молодых такое чувство, что они упустили свой шанс, а один из них — Джернингем — вообще исчез. С воскресенья его никто не видел. Один из старших комедиантов — мистер Нанн — лежит с перевязанной головой и еще неделю-две не сможет выступать. А остальные гадают, что с ними будет. Мы арендовали театр на всю следующую неделю, но о концертах, разумеется, и речи быть не может — даже будь мы все здоровы.

— Пожалуй, что так. Если верить слухам, — мрачно проговорил доктор Макфарлан.

— Самое страшное, что я в ответе за весь причиненный ущерб.

Он в ужасе уставился на нее:

— Хотите сказать, вы должны оплатить ре-

монт?

— Руководство театра скорей всего потребует возмещения ущерба. Это несправедливо, потому что мы ни в чем не виноваты, мы — пострадавшая сторона. Только я подумала, что вернула почти все вложенные деньги, как свалилось это. Кошмар! Все просто убиты случившимся. Они корят себя, хотя их вины тут нет, разумеется. Если кто из труппы и виноват, так это я…

— Не вздумайте платить ни пенни! — воскликнул доктор Макфарлан, поднимаясь со стула.

Даже если человек долго работал над паращитовидными железами и вдобавок помнит девушку, с которой познакомился в круизе много лет назад, это еще не значит, что он утратил шотландскую рачительность. При мысли о выброшенных на ветер деньгах сотни Макфарланов перевернулись бы в своих могилах. Наш доктор Макфарлан от потрясения стал мерить шагами комнату.

— Ничего конкретного вам пока не сказали? — наконец спросил он.

— Пока что нет, — улыбнулась мисс Трант, хоть и весьма натянуто. Она вдруг почувствовала страшную усталость.

Доктор Макфарлан остановился, взглянул на

нее и тихо сел на место.

— Вы устали, Элизабет? — спросил он, не сводя глаз с ее лица. Оно слегка порозовело.

— Наверное, да.

— Мне следовало сказать «мисс Трант»?

— Нет, что вы! — Она широко раскрыла ясные серые глаза и тоже посмотрела на него.

— Заговорился совсем. Извините.

— Что ж, тогда я отправлю вас к доктору Мейсону, Хью. Но не уходите прямо сейчас. Подождите минутку, мне полегчает. Как вы считаете, что мне делать? Я думала попросить зятя — он лондонский адвокат — приехать сюда и все уладить, но они с Хильдой, моей сестрой, сейчас отдыхают на юге Франции. А даже если б не отдыхали, мне не хочется впутывать в это семью, они меня заклюют. Еще у нас есть семейный адвокат, мистер Труби из Челтнема, однако и от него вряд ли будет толк. Он, верно, сочтет меня сумасшедшей.

— Если вас беспокоит юридическая сторона — я говорю не о суде, а просто об официальном представителе, — тогда вам больше пригодится местный адвокат, человек, который знает, что к чему в этом городе. У меня есть один такой знакомый — мой пациент. Зовут его Гуч, толстяк еще тот, зато проницательный и соображает хорошо.

Я с ним поговорю и узнаю, что можно сделать. Вы ни о чем не беспокойтесь, лежите смирно и не слишком часто встречайтесь со своими артистами. Дайте отдых голове, почитайте что-нибудь… — Он умолк и вопросительно взглянул на мисс Трант: — Вы по-прежнему увлекаетесь историческими и сентиментальными романами, которые так любили раньше?

— Да. Теперь мне не удается столько читать — да и хороших осталось мало, — но они мне пока не надоели.

— Помните, я говорил, что все это — мусор и пустая трата времени? Ну и грубиян же я был! С тех пор я прочел немало книжек Вальтера Скотта и должен сказать, что в его романах о клане Уэверли прекрасно раскрыта человеческая природа. Из сэра Вальтера вышел бы неплохой врач общей практики.

— Ну вот, вы делаете успехи!

Он смущенно хохотнул.

— Что ж, я пойду. Если смогу, зайду к вам завтра же, если нет — послезавтра точно. Если вы не против, конечно.

— Что вы! Я буду рада вас видеть. Правда, я не думала, что вы навестите меня так скоро. Вашему пациенту стало хуже?

— Ага, — ответил доктор Макфарлан и едва заметно подмигнул, намекая, что шутит. — Бедный малый, сегодня днем ему вдруг поплохело, так что придется навестить его пораньше. — Он встал и протянул мисс Трант руку. — Воистину удивительная встреча. Я и не думал, что вы до сих пор меня помните.

— А мне удивительно, как это вы меня узнали — тем более спящую!

Пошутив однажды, доктор Макфарлан уже не отказывал себе в удовольствии:

— Я не стану утверждать, что сразу узнал ваше лицо, мисс Элизабет Трант, — с серьезным видом проговорил он. — Но очертания вашей грудинно-ключичной мышцы показались мне смутно знакомыми.

— Что? Где? Вы не… Ах, теперь поняла! Вы просто дурачитесь. Что ж, доктор-р-р Хиу Макфар-рлан, а я ср-р-разу же узнала вас по уж-жаснейшему акценту! До свиданья, Хью. Если вы как-нибудь поможете мне не расстаться со всеми своими деньгами здесь, в Гатфорде, я буду вам чрезвычайно признательна.

Вновь помрачнев при мысли о выбрасываемых на ветер деньгах, доктор Макфарлан встал напротив мисс Трант и еще раз заверил ее, что

постарается помочь. На нем был хороший костюм — да и вообще выглядел он куда представительней, нежели костлявый юноша, которого она когда-то знала, — но по пиджаку недурно было бы пройтись щеткой, а заодно убрать несколько пятнышек и прожогов с рукавов. Галстук, разумеется, был чудовищный. Но седина ему шла, он стал почти красавцем.

— Подумать только, доктор Макфарлан — ваш старый друг! — воскликнула сиделка после его ухода, быстро собирая посуду и при этом не сводя глаз с мисс Трант. По долгу службы она наблюдала за людскими судьбами лишь с точки зрения уязвимой машины человеческого тела, — поэтому неудивительно, что интерес к личной жизни пациентов стал ее хобби. В очередном «Подумать только!», которое последовало совсем скоро, прозвучала явственная нотка ликования. Очевидно, дела в Мидлэндской лечебнице пошли на лад.

II

— Вы не получили ответа? — воскликнула Сюзи.

— Получил, — сказал Иниго, входя в комнату. Дело было в среду утром, после одиннадцати. Сюзи протирала пыль в своей и по совмести-

тельству хозяйкиной гостиной, причем работала она то безрадостно, а то мечтательно. С самого воскресного вечера она чувствовала себя потерянной. — Ответ не от самого Монти Мортимера, — осторожно пояснил Иниго, словно адвокат или кто-нибудь в таком роде, — а от его секретаря.

— Это одно и то же. Живей, идиот, что там сказано? Не *тяните* так, Иниго!

Она бухнулась в кресло.

— Все пропало, верно? Я чувствую. Ну, говорите.

— Это письмо, и оно от его секретаря, — сказал Иниго, усаживаясь и доставая из кармана листок бумаги. — Вот что здесь написано: «Уважаемый сэр, я передал вашу телеграмму мистеру Мортимеру, который в настоящий момент в отъезде, и он просил сказать вам, чтобы вы катились к чертовой матери. Он также просил добавить, что любое письмо или известие от вас и членов вашей труппы будет воспринято как послание от вышеупомянутой особы и ответа не получит. Искренне ваш, Дж. Гамильтон Леви, секретарь». Вот и все, — с напускной беспечностью подытожил Иниго. — Больше ни слова.

— Дайте посмотреть, — распорядилась Сюзи

и прочитала письмо сама. Потом она яростно смяла листок и швырнула в огонь. — Ну надо же, я целых три дня жалела этого… этого типа, это гнусное животное! Надеюсь, Джо отшиб ему мозги. Вот честно, плевать я на него хотела!

— Отшиб, судя по этой чудовищной отповеди. Определенно. Видишь, он до сих пор не вернулся к делам.

— Если бы не эта его идиотская шуточка, я бы так не разозлилась. Вовсе не обязательно было хохмить. Приберег бы свои колкости для нового ревю! Да и вообще, никудышный он постановщик, раз из-за такого пустяка готов упустить настоящий талант. Будь у меня своя труппа, я и после пятидесяти тумаков наняла бы хорошего артиста.

— Простите меня, Сюзи… — начал было Иниго.

— Не глупите. Это не ваша вина. Тут вообще никто не виноват, а вы и подавно. Все пропало, ничего не поделаешь. Теперь мне, главное, не забыть, что дважды в день мы выступаем на пирсе, в ясную погоду под открытым небом, в ненастную под крышей, такова моя программа. И то если повезет — потому что дела наши все хуже и хуже. Черт! Дайте сигарету. Нет, не хочу, спасибо.

— Выкурите трубку, — предложил он, зажигая

свою. — Кстати, я сегодня навещал Джимми…

— Ему лучше?

— В целом да. Голова еще немного гудит и кружится при ходьбе — неделю или две работать он точно не сможет. Но главная новость другая: Мейми Поттер исчезла.

— Слава Богу! Толку от нее было мало, сплошное невезение. Видно, она решила, что заслуживает большего, верно?

— Пожалуй. Как бы то ни было, ее нет. И никто не знает, куда делся мистер Джернингем.

— Наверное, тоже смотал удочки, — сказала Сюзи, которой неудержимо хотелось дать волю чувствам. — С него станется! Этот юноша о себе не забудет — дэю тебе свэе слово.

— Ну, не знаю. Может, опять появится, ворча из-за украденных штанов, как в прошлый раз. Где это было? В Тьюсборо? Ужас! В каких только дырах мы не побывали, Сюзи!

— Это пустяки по сравнению с дырой, в которую мы попали сейчас, Иниго, — угрюмо проронила она. — Мы потерпели полное фиаско, определенно — как любит говорить наш чудесный юный пианист. Бедная мисс Трант в лечебнице, и хотя она по-прежнему очень добра к нам, наверняка театральная жизнь уже сидит у нее в печенках.

Говорят, ей придется возместить театру весь ущерб. Бьюсь об заклад, ей все надоело. Хватит с нее «Добрых друзей». Следовательно, у нас нет ни цента и сами разъезжать мы не сможем, а просить у нее денег я нипочем не стану. Она столько всего для нас сделала, стольким пожертвовала!

— У меня есть небольшие накопления, — заметил Иниго.

— Вот и придержите их, дитя. Они могут нам понадобиться. В довершение всего пропала эта Поттер! Невелика потеря, конечно, но нам так или иначе придется искать новую субретку. Джерри тоже исчез, а вот это уже плохо. Такого хорошего артиста легкого комедийного жанра нам не найти — тем более в разъездных труппах, — хоть все газеты объявлениями засыпь. И Джимми не может работать. Эдак у нас старик Джесс станет комиком из Йоркшира, ей-богу! Чудесный выйдет номер! Ладно, шутки в сторону… ах, это смертоубийство. Я воображала, что сейчас буду подписывать контракты, как ненормальная, и подыскивать себе квартирку. Пустые надежды! А неделю назад я еще кривила губы над предложением Борнмаута. Теперь они нас на милю не подпустят. Два вечера — на большее можно не рассчитывать, а потом вновь на гастроли в

Роусли — событие сезона! Сюзи Дин — фурор в Сэндибэе! Места в первых рядах по одному шиллингу десять пенсов! Подайте бродяжкам на пропитание, мальчики и девочки! Ох, нет… нет, нет!

— Сюзи! — Иниго вскочил с кресла.

Она яростно тряхнула головой, разметав по лицу короткие темные волосы. Потом на секунду коснулась его руки и отпихнула ее.

— Нет, сядьте, идиот! Мы оба идиоты. Я последние дни только и делаю, что себя накручиваю. Все время на взводе.

— Понимаю, — сочувственно проговорил Иниго. Он уже сидел, но руки вытянул вперед, словно не мог запретить им тянуться к ней.

— Не понимаете! Вы ничего не понимаете. — Она туманно улыбнулась. — О Боже! Где мой платок? Погодите минутку. Так вот, я еще не закончила. Остались вы.

— Я?! А что я? У меня все хорошо.

— А вот и нет. Во-первых, вы нелепы и всегда будете нелепым. Только не вздумайте возражать, потому что разговор я завела вовсе не для этого. В воскресенье вы съездили к Фельдеру и Хантерману, там вас прослушали, и этот… как бишь его?..

— Пицнер?

— Да. Так вот, Пицнер захотел купить ваши песенки, как и этот зверюга Монти Мортимер, верно?

— Да. Я не скажу, что он горел желанием их купить — по-моему, он вообще не умеет гореть желанием. Он из разряда «Люси нет — и оттого так изменился свет»[60], этот Пицнер. Но все-таки мои песни ему понравились.

— Именно! И Пицнер не получал тумака от нашего Джо.

— Ваша правда, — пробормотал Иниго. Он понял, куда она клонит, и хотел как-нибудь выкрутиться. — Не получал, но мы можем это устроить, если он так уж захочет. Пусть приедет сюда сам, или кто-нибудь из нас отправится в Лондон…

— Хватит паясничать! — устало проговорила Сюзи. — Вас еще можно терпеть, пока вы не валяете дурака, но как только начинаете — прямо с души воротит. Давайте поговорим серьезно. Вы знаете, что Пицнер с руками оторвет ваши песенки. Вы знаете — не можете не знать! — что ваш талант — золотая жила. Так что ваше ближайшее будущее мне совершенно ясно.

---

[60] Примечания: 60
Вордсворт У. Люси. *Пер. С. Маршака.*

— Хотите сказать… я тоже должен смотать удочки?

— Разумеется! И чем раньше, тем лучше!

— Но я не хочу.

— Еще бы! — воскликнула Сюзи. — Из-за меня, так? Знаю я ваши игры. Вы хотите остаться с труппой и дальше разъезжать по стране, наигрывая всякое старье и любовно глядя на меня поверх рояля. Ради нее одной он — такой-то и такой-то — пожертвовал богатством и славой. Любовь стала его путеводной звездой. Занимался рассвет. Бе-е! — Она изобразила в высшей степени неженственный рвотный позыв. — Кем вы себя возомнили — маленьким голливудским героем? Вон отсюда, слышите? Честное слово, не хотите же вы целый год колесить по старому кругу — Роусли, Дотворт, Сэндибэй, Уинстед, Гаксби, Миддлфорд, Тьюсборо — о Боже!

— Ну, не знаю… — протянул Иниго, с излишним интересом разглядывая свою трубку. — Повидать Англию и все такое. Жизнь на колесах — как говорит наш друг мистер Окройд. Такой опыт может быть чрезвычайно полезен для литератора.

— Для литератора! — Сюзи издала несколько крайне нелестных звуков.

— Молчите, Сюзи. Однажды я напишу что-ни-

будь стоящее, вот увидите.

Ее темные глаза на мгновение остановились на его обиженном мальчишеском лице и потеряли суровый блеск.

— Извините! Я в этом ничего не понимаю. Я разбираюсь только в глупых песенках, а у вас по этой части огромный талант. Как бы то ни было, смысл вот в чем: никаких самопожертвований! Бегите отсюда, да поскорей.

— Но поймите же, я ничем не жертвую, — тихо и спокойно объяснил Иниго, с явным неодобрением разглядывая фотогравюру под заголовком «По дороге в Гретна-Грин». — Я уже говорил, что хочу быть рядом с вами.

На это Сюзи ничего не ответила. Она поглядела на огонь, и минуту-другую они оба хранили молчание.

— Значит, так, — наконец вымолвила Сюзи, — если вы хотите что-нибудь для меня сделать, вы сбежите отсюда прямо в Лондон. В воскресенье ведь смогли!

— Ваша правда! — вскричал Иниго, просияв. — От этого уже можно танцевать. — Он задумался и умолк. — Хотя не знаю. Попробовать можно, конечно, но моя воскресная выходка была совершенно спонтанной и дерзкой — вряд ли я еще

раз встречу какого-нибудь монти мортимера. Впрочем, попытка не пытка, верно?

Сюзи кивнула и нахмурилась, поглядев на огонь.

— Кошмар. Вокруг один сплошной кошмар. Вы, верно, порой думаете, что я эдакая корыстная бестия, только и мечтаю, что о деньгах да славе. Нет, выслушайте! — воскликнула она, когда Иниго попытался возразить. — Просто меня изнутри так и гложет: быстрее, быстрее! Все из-за мамы с папой. Я вам, кажется, уже говорила, не так ли? Как будто я должна добиться успеха ради них, потому что они жили так гадко. И я чувствую, что не могу больше ждать. Да, все вокруг говорят: «Ах, ты так молода. Не торопись, времени еще полно!» И вроде бы они правы, но на самом деле нет. Если ничего не произойдет, я скоро зачерствею, понимаете? Я это точно знаю. Так не должно быть, но что поделаешь. Похоже, у меня кишка тонка продолжать в том же духе.

— Вздор! То есть я вас полностью понимаю, но то, что у вас кишка тонка, — это вздор. Ваших кишок хватит на десятерых.

Сюзи рассмеялась, подошла к нему и накрутила его вихор на палец.

— Ужасно, правда? Мы как будто в мясной лав-

ке. Давайте сменим тему!

— Кстати, — начал он. — Ай! Больно. Послушайте, чудесное создание, если вам некуда деть руки, я скажу вам, что нужно сделать…

— Нет, спасибо. — Сюзи тут же его отпустила.

— Жаль, — проворчал он. — Словом, я только хотел сказать, что в воскресенье был ваш бенефис.

— Неужели вы и про это забыли?!

— Нет-нет, что вы. Я имею в виду, что вы ведь получили немаленькие деньги. Мне интересно сколько, что вы с ними сделали и так далее, и тому подобное?

— Ничего я с ними не сделала, идиот! Между прочим, я до сих пор не знаю, сколько там будет в общей сложности, но в любом случае я их не возьму. Не глупите! Разве я могу? Нашу мисс Трант оберут на сотни и сотни фунтов! Мне совесть не позволит взять у нее хоть цент.

— Наверное, вы правы, — ответил Иниго, задумчиво тыча в лицо черенком трубки. — Надо же, я совсем про это забыл!

— Везет вам. Я вот ни на минутку не забываю. Ах, когда же закончится этот адский кошмар! Сегодня же навещу мисс Трант. Надо взять с собой миссис Джо — в тяжелые времена мы, девочки,

должны держаться вместе.

Они переглянулись, рассмеялись и осторожно пояснили друг другу, что на самом деле очень несчастны. Так оно и было: уныние постигло их с такой силой, с какой оно только может постичь столь жизнерадостные и молодые души. Масла в огонь подливало то, что они ничего не могли предпринять.

— Что ж, — наконец сказал Иниго, бесцельно расхаживая по комнате. — Надо раздобыть какой-нибудь еды. Я хочу сходить куда-нибудь поесть. Пойдете со мной?

— Только не в «Веселый голландец», я этого не вынесу, — ответила Сюзи. — Лучше попрошу принести мне яичницу в номер. Ой, а это что такое?

— Это, милая моя, автомобиль. И он остановился прямо возле двери.

— Дайте взглянуть. Ах, я так и знала, у меня было предчувствие! Где-то эта машина мне уже попадалась. Сейчас что-то случится, Иниго. Я чувствую.

— Что?

— Не знаю. Отойдите от окна, а то все испортите! Давайте притворимся, будто нам все равно, иначе в последний момент все сорвется. Мне всегда так кажется, а вам? Ну вот, стучат в дверь.

— Может, врач или еще кто в таком роде.

— Нет. Я уверена, что нет.

И она была права. В дверь просунулась голова хозяйки и сообщила, что приехал шофер с посланием для мисс Дин и мистера Джоллифанта, если он здесь — а он здесь, коли собственные глаза ей не врут. Хозяйка пригласила шофера в гостиную.

Сюзи мгновенно его узнала, и мы с вами тоже: впервые мы познакомились с ним на пирсе Сэндибэя, а потом встретили под Хиклфилдом. Да, это Лоули, шофер леди Партлит.

— Вас ждут на обед в гостинице «Виктория Мидлэнд», мисс, — пояснил он. — И вас, сэр, тоже. Я думал подняться в ваш номер, но раз вы тут, мне и хлопот меньше. Считаю своим долгом заметить, что дело это чрезвычайной важности, и они хотели бы встретиться с вами как можно скорей.

— Они?! — воскликнула Сюзи. — А кто остальные? Конечно, мы поедем, правда, Иниго? Но что все это значит?

— Ну, — ухмыляясь, сказал Лоули, — пусть это будет для вас небольшим сюрпризом, мисс. Скоро сами все увидите.

Несколько секунд Сюзи смотрела на него широко распахнутыми глазами, потом метнула в Иниго взгляд, пронизанный тысячами самых

разных смыслов, и вылетела из комнаты, крича на бегу: «Вернусь через минуту!»

— Ветер малость поутих, — сообщил Лоули, — но по мне так все равно прохладно.

III

Оба подскочили на месте и охнули, но Сюзи была первой:

— Поженились?!

— Удивительно, не правда ли? — сказала бывшая леди Партлит, которая теперь сверкала, позвякивала и розовела под их изумленными взглядами. Ее круглый ротик, казалось, никогда не закроется; огромные выпученные глаза танцевали от счастья; и хотя она по-прежнему напоминала какаду, столь взбудораженного и ликующего какаду не знала ни одна клетка и ни одни джунгли. — Прямо сегодня утром! Ну и спешка, скажу я вам! Такое чувство, будто я затаила дыхание и не дышу с самого воскресенья — с того ужасного, страшного вечера. Да, я все знаю про случившееся. Какое несчастье! Увези я его минутой позже, мне кажется, я бы умерла. Тогда я, конечно, боялась только за него, но потом вспомнила про всех вас и страшно разволновалась. Бедная мисс Трант! А вы не собираетесь…

или уже поздно?

— Конечно, собираемся! — воскликнула Сюзи. — Ах, какая чудесная новость! Вы, верно, безумно счастливы!

— Определенно, — пробормотал Иниго, все еще немного ошарашенный.

— Разве не прелесть? Как гром среди ясного неба, не правда ли? Я так и подумала, — тараторила новобрачная. — А теперь, милые мои, вы уже наверняка готовы пообедать. Я позвоню в колокольчик. Муж придет с минуты на минуту. Все время на телефоне — с понедельника у нас ни минутки свободного времени, такая спешка. А вот и он! — Она подлетела к двери. — Мы здесь, дорогой! Они страшно удивились, как я и предполагала! Разве не чудо?

Сюзи опять заговорила первой.

— Великолепно, Джерри! — Она трясла его за руку. — Я так рада! Я и не догадывалась, что вы задумали.

На какой-то безумный миг Иниго, еще толком не придя в себя от изумления, представил, как подходит к Джернингему и поздравляет его с тем, что он стал лордом Партлитом. У него в голове не укладывалось, что леди Партлит теперь зовут мисс Джернингем.

— Долгих лет жизни, — выдавил Иниго. — То есть счастья и всего наилучшего…

— Спэрсибо, Сюзи. Спэрсибо, Иниго, — серьезно проговорил Джернингем, храня невозмутимое выражение лица. Он был красив и горделив, как никогда, а его акцент — и без того диковинней некуда — теперь звучал почти как иностранный язык. — Рэд, что вы смэгли вырбраться нэр эбед.

— У нас есть новости, верно, Джерри? — воскликнула его жена, которая с приходом мужа чуть не запрыгала от восторга — словно допускала мысль, что он может и не вернуться от телефона.

— Еще какие! — сказала Сюзи, улыбнувшись и сделав крайне многозначительное лицо.

— Ах, это еще не все, голубушка, уверяю вас! Впереди множество сюрпризов. Дорогой, мистер Мемсворт придет на обед? Все уже готово.

— Дэ, с мирнуты на мирнуту, — ответил Джерри. — Только дорговорит с Лэндэнэм.

Сюзи пронзила Иниго взглядом. «Что бы это значило?» — спросил ее взгляд, но ответа не дождался. Официант принес коктейли, и следующие несколько минут все пили и болтали, без конца косясь на дверь. Стол накрыли на пять персон — значит, к их пиршеству должен был

присоединиться мистер Мемсворт. Угощение смотрелось весьма празднично, хотя сама комната — единственный банкетный зальчик в гостинице — выглядела так, словно потеряла надежду на провинциальную светскую жизнь году эдак в 1892-м. И все же гостиница «Виктория Мидлэнд», надо отдать ей должное, делала все, чтобы угодить мистеру и миссис Джернингем.

Наконец в комнату торжественно вошел мистер Мемсворт. Как раз в эту секунду по обеим сторонам двери стояло по официанту, но по такому случаю их должно было выстроиться минимум двадцать — не говоря об оркестре. Впрочем, мистер Мемсворт одним своим присутствием вызывал у всех чувство, что официантов в зале не меньше двадцати. Только он вошел, извиняясь за опоздание сочным баритоном, свободно долетавшим до последних ярусов и балконов, как Сюзи осенило: это же тот самый Мемсворт, великий Мемсворт, по сравнению с которым Монти Мортимер — мелкая сошка, Мемсворт по прозвищу «Император» или, если проще и смешней, «Имп». Прозвали его так отчасти за могущество — он был величайшим деспотом в мире музыкальных комедий, — а отчасти за эффектную и величавую манеру себя держать. В отличие от большин-

ства руководителей и постановщиков, мистер Мемсворт сам был актером, годами игравшим в мюзиклах «на ведущих ролях». То были дни, когда действие всех мюзиклов разворачивалось в каком-нибудь неопределенном государстве Центральной Европы, все юноши играли принцев в гусарской форме, а ведущие комедианты — баронов с красными носами, скрипучим голосом и слабостью к молоденьким горничным, когда на каждой сцене распевали гусарские песенки, щелкали каблуками и громогласно объявляли: «Его высочество, принц Михаил из Славонии». Спектакль за спектаклем, год за годом мистер Мемсворт играл то одних высочеств, то других, в результате чего королевские повадки вошли в привычку и укоренились в нем навсегда. Даже теперь, став постановщиком и антрепренером, — весьма успешным, надо сказать, поскольку он прекрасно разбирался во вкусах публики, имел деловую хватку и нюх на таланты, — мистер Мемсворт не оставил привычки эффектно появляться и уходить, хлопать собеседников по спине, будто награждая их орденами, и добродушно хохотать, как умеют делать лишь облеченные властью. Тем временем мода изменилась — и он был в числе первых, кто это заметил, — но Славония с ее гу-

сарами и субретками, вальсами и невероятными пейзажами осталась в его сердце и манерах. Сейчас, когда он подошел к обеденному столу, все удивились, что за ним не марширует два ряда баритонов-драгунов.

Сюзи едва не подавилась, когда ее представили — или, скорей, преподнесли — мистеру Мемсворту. Она знала о нем все. Имп собственной персоной — здесь, в Гатфорде! Ну да, леди Партлит — миссис Джернингем — говорила, что работает с вест-эндскими театрами. Сюзи вспомнила их разговор в гостинице под Хиклфилдом. Значит, то были театры мистера Мемсворта! Джерри женился на ней, чтобы Мемсворт давал ему роли — или что-то в таком роде. «Теперь это и твой шанс, Сюзи!» — сказала она себе, чуть не лопаясь от восторга.

Иниго держался спокойно — по той простой причине, что ничего не знал о Мемсворте (кроме того, что этот человек — самое близкое в нашем бренном мире подобие Флоризеля, принца Богемского).

Они только начали обедать, когда мистер Мемсворт смерил всех присутствующих серьезным взглядом и, воздев вилку к небу, потребовал тишины.

— Мисс Дин, мистер Джоллифант, — начал он низким торжественным голосом, — недавно я имел удовольствие видеть ваше выступление в местном театре.

— Когда? — охнула Сюзи.

— В воскресенье.

— Я тоже там была, — вставила новобрачная. — Правда, милый? Какой страшный, какой ужасный вечер!

— Так это вы сидели в ложе! — вскричала Сюзи.

— Разумеется! Мы хотели устроить вам чудесный сюрприз. Мистер Мемсворт приехал ко мне по делам, и я сказала: «Вы непременно должны увидеть этих талантливых ребят», а он рассмеялся прямо в трубку — вы же рассмеялись, да ведь, мистер Мемсворт?

— Да, я весьма удивился вашему приглашению, — признал Император. — Но кто бы не удивился, дражайшая леди? На моем месте, конечно. Новый талант в Гатфорде — явление само по себе возможное — в нашем деле нет ничего невозможного, — однако неправдоподобное. Полагаю, вы со мной согласитесь.

— Определенно! — сердечно заверил его Иниго. Мистер Мемсворт ему понравился, и это было

меньшее, что он мог для него сделать.

— Но хоть я и рассмеялся, — очень внушительно продолжал великий человек, — я все же пришел, увидел и… был сражен.

Иниго вдруг что-то булькнул.

— Прошу прощения. Но я невольно подумал, что Монти Мортимер тоже пришел, увидел и был сражен. В прямом смысле.

— Надеюсь, он сражен до сих пор, — добавила Сюзи.

Все остальные изумленно уставились на них.

— Любезнейрший Джэрлифэнт, — сказал Джернингем, поднимая изящные брови, — что это знэрчит?

— А, Монти! — пробормотал Император. — Так вы с ним знакомы? Очень способный малый, очень способный — в своей сфере.

— Видите ли, — воскликнула Сюзи, — он тоже был в театре в воскресенье — хотел на нас посмотреть!

— Как?!

Сюзи и Иниго принялись хором объяснять, что произошло, и окончательно запутали дело.

Мистер Мемсворт разразился смехом — поставленным и безупречным, как хорошее баритонное соло.

— Хотите сказать, его уложили? Правда? — вопросил он. — И надо же, прямо у меня под носом! Дорогие мои, да я бы отдал фунты — фунты! — чтобы взглянуть на это зрелище. Монти! Прямо в челюсть, говорите? — Стены комнаты задрожали от буйного имперского веселья. — Официант, шампанского! Надо за это выпить, обязательно надо выпить. Эх, жаль, я ничего не знал. Вы уговорили его приехать и дали ему в зубы! Монти! Прелестно, прелестно! В следующий раз, как увижу Монти в клубе, подойду к нему, проникновенно загляну в глаза и скажу одно простое слово: Гатфорд. Он будет валяться у меня в ногах! Да вы что, если такая история получит огласку!.. — Мистер Мемсворт воздел глаза и руки к небесам, выпил шампанского и сразу помрачнел. — Послушайте, но ведь дело принимает совсем другой оборот. Мисс Дин, мистер Джоллифант, вы связаны с Монти какими-либо обязательствами?

— Он велел нам катиться к чертовой матери, — ответила Сюзи, и Иниго рассказал про утреннее письмо.

— Вот нэхэл! — воскликнул Джернингем.

— Это все восточная кровь, — сказал мистер Мемсворт. — Восток играет. Монти не назовешь обходительным. Я хорошо его знаю — и как про-

фессионала, и как человека. Повторюсь, он очень способный малый, — другого постановщика, который делал бы такие славные ревю — проникновенные и зрелищные одновременно, — во всем Лондоне не сыскать. Но не джентльмен, увы. — Он повернулся к Сюзи и Иниго: — Выходит, вы свободны. Прощай, Монти! Что ж, должен признать, вам повезло. Я не говорю, что Монти ничего бы для вас не сделал. Сделал бы, и немало. На его счету уже есть одна или две звезды. Но я способен на большее — поверьте, на много большее. Я могу поднять вас на самый верх.

— И поднимете, верно, мистер Мемсворт? — сказала миссис Джернингем, которая не только была счастлива, но и мечтала осчастливить всех окружающих — райская птица, а вовсе не какаду.

— Я попробую, если эти… если наши друзья мне позволят, — величественно ответил он. — Как я уже сказал, в воскресенье я побывал в местном театре и, к своему удивлению, обнаружил, что здесь — прямо в Гатфорде — выступает совершенно неизвестная мне труппа, в которой трое молодых артистов обладают несомненным талантом. — Он умолк и пробуравил их взглядом. — Первая — это юная комедиантка, которая

умеет петь, танцевать, играть и у которой — а это самое главное — есть шарм и собственный стиль. Если помимо этого у нее есть честолюбие — а мне говорили, оно у нее есть…

— Сколько угодно! — выдохнула Сюзи.

Он почтительно кивнул:

— Не сомневаюсь. Сегодня это самая важная составляющая успеха. Вы должны быть честолюбивой, трудиться не покладая рук и ставить работу превыше всего. Общество и журналисты сгубили немало юных девушек. Стоит им добиться маломальского успеха, что они делают? Разъезжают по приемам и вечеринкам; их имена и фотографии во всех газетах — я ничего не имею против хорошей рекламы, — но они *не работают!*

— Вы правы, мистер Мемсворт, — с жаром проговорила Сюзи. — Но я готова работать до последнего издыхания, честное слово! Я не ради забавы это делаю. Я… я прирожденная актриса!

— Такую нам и надо, — сказал мистер Мемсворт. — Между прочим, я тоже актер от рождения. Итак, второй талант — это юный актер, которого можно смело ставить на ведущие роли. — Он поклонился Джернингему, и тот покраснел — впервые за свою невозмутимую

жизнь, избавленную от каких бы то ни было покраснений. — О нем я уже наслышан, поэтому больше ничего не скажу. А вот третий талант… это юный композитор, пишущий песни, которые проникают в самую душу и там остаются. — Он повернулся к Иниго: — Как по-вашему, сможете вы и дальше писать подобные номера?

— Наверняка, — беззаботно ответил Иниго. Стоило ему увидеть мистера Мемсворта и шампанское, как ему вновь показалось, что он попал в Страну чудес. — Сколько попросите.

Великий человек воззрился на него с неподдельным изумлением, в котором даже чувствовалась нотка благоговейного трепета. Прямо перед ним сидел юноша, которому было решительно все равно, что его нанимает сам Мемсворт.

— Вот это да, мой мальчик! — рявкнул он.

— Он правда может, мистер Мемсворт! — воскликнула Сюзи. — Иниго великолепен. Он их лепит, как пирожки.

— Истиннэя прэврда, — с благородной добротой проговорил Джернингем. — Можете рэссчиртывать на Джоллифэнтэ, мистер Мемсворт. Другого тэкого композиторэ вам не найти.

— И публика в восторге от его песен, даже в самых глупых городишках, — подхватила Сю-

зи. — Вы ведь сами убедились, правда? А может, и не убедились. Я совсем забыла про ту жуткую историю с пожаром…

— Ах да. Любопытно, крайне любопытно. Я уже несколько лет такого не видел. — Мистер Мемсворт задумался. — Да какой там несколько, ровно двадцать лет! Не знаю, что вы сами думаете, а для меня все очевидно. Хулиганство, конечно, — но организованное хулиганство. Кто-то им заплатил. Публика в целом принимала вас очень хорошо, я это заметил. С какой же стати те малые подняли такой шум и почему не угомонились? Потому что им заплатили. Все подстроено. Не знаю, кто их нанял и зачем, но их точно наняли. Я и раньше видел нечто подобное. У меня, видите ли, богатый опыт. Поверьте мне на слово. Организованное бесчинство.

— Я тоже к этому склоняюсь, — сказала Сюзи, — и миссис Джо того же мнения. Надо непременно сказать мисс Трант, правда, Иниго, Джерри?

— Ладно, давайте вернемся к делам. — Мистер Мемсворт окинул собравшихся таким взглядом, будто хотел зачитать своим верноподданным новую конституцию. — Насколько я понял, мистер Джоллифант, вы можете свободно работать на меня?

Иниго тоже так понял, но на всякий случай вставил словечко о Фельдере и Хантермане.

— Это мы устроим, — отмахнулся Мемсворт. — Я все сделаю, не волнуйтесь. Первым делом вам надо встретиться с Джулианом Джэффери, который сейчас пишет музыку для моего нового ревю — или по крайней мере подновляет старую. Вероятно, нам понадобятся все сочинения, которые вы сыграли в воскресенье, и одно-два новых, а там можете приступать к другому моему прожекту. Сценарий практически готов. А вы, мисс Дин, начнете репетировать большую роль — в паре с Джернингемом, так что работать будете вместе. Можете сразу брать все номера мистера Джоллифанта — хотя я могу попросить своих либреттистов немного изменить слова.

По всей видимости, у мистера Мемсворта была почти готова шикарная музыкальная комедия под рабочим названием «Приносящая удачу». Начиналось все с французского фарса, но потом шоу привезли в Вену, где оно превратилось в оперетту, а в Нью-Йорке ее полностью переписали под формат «песни и танца». Теперь же, когда из шоу убрали все остатки изначального сюжета, переписали музыку и слова, оно готово было вновь расцвести на сцене в качестве английской музы-

кальной комедии. Мистер Мемсворт рассказал новым артистам все про свое детище — по крайней мере ему удалось создать такое впечатление, поскольку рассказывать было особенно нечего. Стало ясно, что более-менее внятную форму шоу примет лишь с началом репетиций. Однако не подлежало сомнениям, что Джерри и Сюзи сыграют в нем крупные роли, а песенки Иниго в скором времени станут восхищать и будоражить всю страну. Словом, их судьбы были предопределены и корабли почти стояли в гавани.

— Нет! — воскликнула Сюзи. Глаза ее танцевали. — В меня больше не влезет ни кусочка. А давиться не хочу — я так взволнована!

— Прелестно, — мурлыкнул Джернингем, гладя ее по руке.

— Но это же… это… ох, мамочки! Это чудо что такое! Правда, Иниго? Да не сидите вы как истукан, словно вам ни до чего нет дела. Разве не чудо? У вас голова кругом не идет?

— Идет, определенно, — ответил Иниго, и впрямь чувствовавший легкое головокружение.

— Могу скэзэрть, что это кэг рэз то, о чем я мечтэл, — признался Джернингем и одарил жену столь внезапной, непрошеной и обворожительной улыбкой, что у нее, несомненно, тоже

закружилась голова. Ради таких улыбок она готова была скупать для него целые театры.

Мистер Мемсворт — шампанское сделало его благодушным и царственным, как никогда, и он восседал за столом, подобно Гаруну аль-Рашиду, — улыбнулся всем присутствующим и объяснил Сюзи с Иниго, что им надо как можно скорей покончить с делами в Гатфорде и явиться к нему в Лондон — желательно в течение двух дней, крайний срок — в понедельник. К тому времени он подготовит контракты и все необходимое.

Сюзи взглянула на него, и ее лицо озарила счастливая улыбка: ей казалось, что все происходящее — дивный сон.

— Ах, мистер Мемсворт, вы только не исчезайте, пожалуйста! У меня такое чувство, будто я сплю у себя в номере, чтобы скоротать день, и вижу прекрасные сны. А через минуту я проснусь…

— Все так слэрвно для тебя слэржилось, прэвдэ? — проворковал Джерри.

— Славно? Да это… ах, не могу подобрать слова! И все благодаря вам, леди… ой, то есть миссис Джернингем, я так рада, что вы с Джерри поженились, будьте счастливы — всегда-всегда!

Она протянула к ним руки, и Джерри пожал

одну, проронив торжественное «Спэрсибо, Сюзи», а его невеста пожала другую, тараторя: «Знаете, нам сегодня же надо ехать в город. Такая суета, не правда ли? Но это ничего, я обожаю суету, а ты, милый?»

— Итак, — сказал Иниго (он только что принял и раскурил сигару столь невероятных размеров, что уже чувствовал себя до неприличия богатым), — «Добрым друзьям» пришел конец.

Сюзи помрачнела.

— И впрямь… У меня вылетело из головы. Конечно, шутки шутками, а все же это очень грустно. Ах, ну почему же мы всегда должны поступаться чем-то хорошим?

— Такова жизнь, дражайшая леди, — величественно произнес мистер Мемсворт.

— Пожалуй, вы правы, но это чудовищная несправедливость! Всегда одно и то же, — сказала Сюзи. — И что же будет с остальными — с Джимми, с мистером и миссис Джо? Что им теперь делать, бедняжкам? Вы ничем им не поможете, мистер Мемсворт? Они ужасно славные, честное слово. Вы просто не успели толком на них посмотреть.

Он покачал головой:

— Ничуть не сомневаюсь. Я бы рад помочь —

мне бы хотелось оказать вам услугу, мисс Дин, и мне нравится, что люди нашей профессии еще ценят дружбу. Но остальные… уж извините… это не по моей части. Слишком стары, даже для хора. Я бы мог найти какую-никакую роль для коротышки-комедианта, но, сдается мне, ему будет куда лучше в какой-нибудь разъездной труппе. И остальные тоже найдут работу, вот увидите! А разве труппа не может продолжать гастроли без вас?

— От труппы ничего не остэрнется, — сказал Джерри. — Все нэстоящие тэлэнты уйдут.

— Ты несправедлив, Джерри! — одернула его Сюзи. — Но их действительно слишком мало. Без половины артистов программа будет уже не та. Ах, какая жалость! Им придется искать новую труппу, а найти хорошую сейчас нелегко — сезон только начался.

Мистер Мемсворт задумался.

— Сезон… сезон, — пробормотал он. — Что-то такое я недавно слышал… Что же? А, вспомнил! Беллерби — так зовут одного моего знакомого. В свое время он на меня работал, а на днях я встретил его в городе: он рассказывал, что дает резидентный сезон в каком-то курортном городишке — Истбурн или Хастингс — что-то в этом

роде. Он просил порекомендовать ему достойных артистов.

— Ах, как чудесно! Они именно о таком и мечтали! Думаете, Беллерби их возьмет?

— Одно мое слово… — сказал мистер Мемсворт, и по взмаху его руки они поняли все остальное.

— Но как… Вы ему напишете?

— Мистер Джоллифант, звякните в тот колокольчик, пожалуйста, — распорядился великий человек. По его поведению они догадались, что сейчас он покажет класс, а им следует лишь молча наблюдать. На зов колокольчика явился официант, которому было велено привести мистера Нарриса — секретаря мистера Мемсворта. Мистер Наррис оказался бледным юношей с темными очками в роговой оправе.

— Послушай-ка, Наррис! — воскликнул его начальник. — Ты помнишь адресок Беллерби? Не забыл? Он обосновался где-то на южном побережье. А, помнишь? Тогда отправь ему телеграмму. Погоди минуту. К пяти меня здесь не будет, кому же он вышлет ответ? Кто представляет ваших друзей? — спросил он Сюзи и Иниго.

Они дали ему адрес Джимми Нанна, после чего мистер Мемсворт надиктовал секретарю телеграмму театральных масштабов, в которой

порекомендовал приятелю одного дельного комедианта, одного фокусника-банджоиста, одного баритона и одно контральто — все опытные разъездные артисты — и попросил выслать телеграмму с условиями, ставками, датами и прочими подробностями Джимми Нанну.

— Если до вечера не ответит, считайте, что он либо упился вдребезги, либо пропал без вести, либо и то и другое. Телеграфируй прямо сейчас, Наррис.

— Ну вот! — сказала Сюзи Иниго, когда все пожали друг другу руки, засыпали друг друга комплиментами и раскланялись. — Кажется, мы устроились! Вы что, совсем не взволнованы? Честное слово, я вот-вот разболеюсь. Так и тянет набрасываться на всех и рассказывать, какое чудо с нами произошло. Подумать только, утром мы сидели, свесив головы — я по крайней мере, — и готовы были отказаться от профессии. И вдруг — такая удача! Как было бы скверно, если б меня сейчас задавила машина или еще что-нибудь!

Она стиснула его руку, отпустила и расхохоталась.

— Вы забыли о двух людях, — сказал Иниго, когда она наконец прекратила радостную болтовню. — Во-первых, о мисс Трант.

— Я пойду к ней прямо сейчас и расскажу все новости. Уверена, она будет только рада. И еще я отдам ей все деньги за бенефис, чтобы расплатиться с этим жутким театром за понесенный ущерб. Это ведь должно помочь, правда?

— Едва ли, — ответил Иниго. — С возмещением ущерба может выйти скверное дельце. Мне больно думать, что мы бросим мисс Трант одну, с переломанной рукой и счетом длиной в милю, а сами поскачем в Лондон наживать состояние.

— Ну, если так на это смотреть — а у вас скверный взгляд на вещи, Иниго, — то мы с вами хуже убийц. Но все будет хорошо. У всех все будет хорошо, я чувствую. Чувствовала с самого начала. Ваша беда, мой мальчик, в неуверенности…

— Ничего себе! Хорошенькое дело, — возразил Иниго. — Всего несколько часов назад вы ныли…

— Не говорите ерунды, Иниго. Это ваша самая дурацкая черта. Вы несете столько вздора! Это потому, что вы — как там говорится? — автор… нет, какое-то другое гнусное словечко… а, литератор! Пожалуйста, не сердитесь на меня, а то все испортите. О ком еще я забыла?

— О нашем мистере Окройде.

— Ах, малыш Джесс! Я и впрямь про него забыла! — воскликнула Сюзи. — Какая досада! Я сто

лет его не видела. А вы? Ах, с ним должно случиться что-нибудь славное, просто обязано. Нельзя бросать его на дороге с одними инструментами и плетеной корзинкой за душой. Помните его корзинку? Прелесть, правда? Он последнее время тоже ходит угрюмый — хочет перемен, наверное, как и все мы. Я ничуть не сомневаюсь, что он без труда найдет себе работу. Или мы возьмем его с собой в Лондон, или другие подыщут ему что-нибудь подходящее, когда освоятся на новом месте, или мисс Трант попросит его остаться…

— А что она может ему поручить? И вообще — что она сама будет делать?

— Ах, откуда мне знать? Не будьте так глупы и нетерпеливы, юноша. Ну, здесь мы распрощаемся — я пойду к мисс Трант. Не знаю, что она обо мне подумает. Я нормально выгляжу? А то по ощущениям я совсем пьяная, хотя выпила всего бокальчик шампанского. А вы бегите домой и сочините пару песенок — для поддержания формы. Ступайте, ступайте. Ах, ну разве не чудо? До скорой встречи.

— Когда?

— Сегодня вечером, наверное.

Иниго проводил ее взглядом: она шмыгнула через дорогу и поскакала по тротуару — радост-

ная и взволнованная, точно девочка из доброй сказки. Ему было почти больно видеть ее такой. В груди зашевелилось что-то первобытное и неразумное — этого маленького Иниго будто бы оторвали от вкусной косточки и невесты, и он увидел огромного мастодонта, загородившего собой все небо. Он посмеялся над своими мыслями и пошел дальше.

IV

И вновь мы видим миссис Джо в гостиной, увешанной коричневыми ватными пейзажами вересковых пустошей и лесистых долин, будораживших воображение мистера Пеннифэзера. Миссис Джо до сих пор вяжет таинственный предмет одежды розового цвета, который теперь выглядит еще причудливей и неопрятней, чем прежде. Она упорно вязала его все это смутное время, и невольно возникает опасение, что однажды миссис Джо завяжет себя внутрь этого розового чудища, откуда ее придется вызволять при помощи ножниц. Мы никогда не утверждали, что она молода, но сейчас, сидя над вязаньем, она выглядит старше своих лет. Эту маску напускного благородства и простецкой глупости недавно оккупировала армия тонких морщинок; ее лицо

начинает обвисать и дрябнуть. Всю минувшую неделю она страдала как артистка, жена и мать — хотя Джордж в безопасности, для его воспитания нужны деньги — к тому же его страсть к игре в футбол на переулках Денмарк-Хилла пагубно сказывается на ботинках. Несомненно, мысли об этих невзгодах и непостижимой механике жизни крутятся у нее в голове, пока она глядит пустыми глазами на чахлое пламя в камине — которое само по себе свидетельствует о новой экономической политике Брандитов. Недолго нам осталось с теплотой смотреть на миссис Джо, потому очень скоро, уже сегодня ночью, она отправится своей дорогой, а мы пойдем своей, и наше знакомство с нею на этом прекратится. Пока же она сидит, глядя на огонь, и все вяжет, вяжет свою чудовищную сетку. Вдруг она подскакивает на месте: кто-то врывается в комнату. Это Сюзи.

Сюзи делает глубокий вдох, стаскивает шляпку, швыряет ее не глядя в сторону, еще раз вдыхает и падает на стул.

— Ты меня напугала, голубушка! — укоризненно говорит ей миссис Джо. — Я прямо не знала, что подумать.

И тут Сюзи начинает:

— У меня куча новостей! Дорогая, я сейчас от

них лопну! Джерри женился на леди Партлит, это та самая дама, я рассказывала, которая подарила ему букет, и я уже виделась с ними обоими, даже обедала, а мистер Мемсворт — Император, ну, ты знаешь, постановщик мюзиклов и ревю, — он тоже там был, и теперь мы все едем в Лондон, нам с Джерри уже дали огромные-преогромные роли в его новом мюзикле, а Иниго будет писать для него песни, и еще мистер Мемсворт телеграфировал какой-то разъездной труппе, которая остановилась на резидентный сезон в курортном городе…

— Хватит, дитя, угомонись! — визжит миссис Джо. — Ты меня совсем запутала с этими леди Партридж и Императорами. Я уже не знаю, где я — на этом свете или на каком-то другом. Успокойся, переведи дух, расскажи все с самого начала и дай мне спокойно переварить.

— В общем, дело такое…

— Постой, Сюзи, голубушка, ты ведь меня не разыгрываешь? Ты ничего не выдумала? Сейчас не время для выдумок, я этого не вынесу. В любое другое время я бы только посмеялась — кто угодно тебе скажет, что я всегда любила дружеские розыгрыши, — но именно сейчас, когда все вокруг вверх дном, нет, даже хуже, если подсчитать убытки и потерю жалованья, не говоря уже о

будущих контрактах, если они вообще будут, — честное слово, я не вынесу. Поэтому не говори, что ты все выдумала, ладно?

— Да ничего я не выдумала! Такое нарочно не придумаешь. Просто сиди и слушай, не перебивай.

После этого миссис Джо умолкает и завороженно выслушивает подробный рассказ о сегодняшнем обеде.

— Неужели! — вскрикивает миссис Джо. — Разве так бывает? Это твой шанс, дорогая, и он представился как раз тогда, когда последняя надежда умерла. Теперь видишь? Убедилась? — Собственный дар провидения потряс ее до глубины души. — Помнишь, в воскресенье, когда ты рассказала мне про Мортимера, я воскликнула: «Ну, что я говорила? Вот и он, твой шанс, представился тебе прямо в Гатфорде!» А когда все пропало — слышала бы ты, как я отчитывала Джо за его ужасное поведение, страшно вспомнить, — я стала убиваться, что зря тебя *настраивала.* «Ты сделала ей только хуже», — говорила я себе. Но что-то мне подсказывало. Подсказывало, как я ни пыталась заглушить в себе этот голос. И вот, пожалуйста: новый шанс, еще лучше прежнего! Он представился бы в любом случае, даже если

ради этого пришлось бы выйти замуж за Лунного человечка. Знаешь, когда такое происходит, невольно спрашиваешь себя: где мы? кто мы? — если ты понимаешь, о чем я. — На пару минут она теряется в этих сложных вопросах, потом отшвыривает от себя вязанье, пряжу и спицы. — Я рада. Безумно, безумно рада, дорогая! Знаю, теперь нам придется расстаться и строить все заново на новом месте, да и сезон уже на носу, но я все-таки очень рада за тебя, голубушка.

Она нагибается и целует зарумянившееся лицо своей юной приятельницы.

— Но, дорогая, у меня есть новости и для тебя! — замечает Сюзи.

— Я буду рада чему угодно, — отвечает миссис Джо и добавляет, чуть взгрустнув: — О нас ведь речи не шло, верно?

— Конечно, шло! Это я и пытаюсь сказать. — К неописуемому восторгу миссис Джо, она рассказывает ей про Беллерби.

— Хотя, — осторожно замечает миссис Джо, — если все пойдет как обычно — если Удача не подстерегает нас на каждом углу, — то пока надеяться рано. Антрепренер говорит, что ему нужны артисты для резидентного сезона в одном из крупных курортных городов. Говорит раз. Что

ж, замечательно! Говорит два — это еще может быть. Но в третий раз ему говорить уже не придется, верно? Он в два счета найдет себе артистов. Они слетятся, как пчелы на мед. Их дважды звать не нужно, понимаешь? Он говорил об этом мистеру Мемсворту несколько дней назад — может, неделя прошла, а может, и больше, — и если он обращался к другим людям, то к нему уже очередь из кандидатов выстроилась. Искать артистов для выгодного резидентного сезона, — важно добавляет миссис Джо, — все равно что… ну, к примеру, подыскивать стог сена для иголки.

— Да ладно, вдруг он еще никого не взял! — беззаботно отмечает Сюзи. — И вообще, скоро мы все узнаем. Его попросили как можно скорей отправить телеграмму Джимми.

— Джо сейчас у него. Пошел обсудить наше положение, и я ему сказала на прощанье: «Что ж, хорошо, обсуждайте сколько угодно, но только дома, пожалуйста. Пошлите кого-нибудь за бутылочкой-другой пива и тем ограничьтесь. Обсуждения в питейных нам теперь не по карману». Будь с этим начеку, когда выйдешь замуж, голубушка: пусть посылает за пивом и обсуждает все дома.

Сюзи смеется:

— Хорошо, намотаю на ус, хотя мне твой совет не пригодится: я вообще не собираюсь выходить замуж.

— Не говори глупостей, я прекрасно знаю, что ты чувствуешь. Сама была такая же в твои годы. А потом — раз! — не успеешь оглянуться, как тебя захлестнет.

— Кажется, кое-кого уже захлестнуло, — заговорщицки шепчет Сюзи. — Нашу мисс Трант!

— Да ты что!

— Да. Я только что от нее. Там был *он*, тот самый! Я тебе не рассказывала про шотландца врача, в которого она тайно влюблена уже много лет? — Для верности Сюзи заново пересказывает миссис Джо эту историю. — И вот настал день, — заключила она, прибегнув к помощи того, что в театральных кругах называют хорошим шотландским акцентом, — когда он посмотр-р-рел ей в глазза и назвал ее Эли-изабетт! Он ошшень высок, и ошшень костляв, и ошшень суррьезен, но лицо доброе и милое. Ежжели он не сделает ей прредложение или ежжели она его отверргнет, я пойду и съем свою лутшую шляпку! Поди пойми этих женсчин… тьфу, не могу больше, словом, они опять влюбились как сумасшедшие и краснеют, стоит им взглянуть друг на друга!

Мисс Трант делает вид, будто ее волнует будущее труппы, деньги, которые придется выплатить театру, и все прочее, но на самом деле ей плевать, честное слово! По глазам вижу. Она только и думает, что о докторре Макфаррлане. Ах, вот бы у них все было хорошо, она чудо!

— Верно, верно. — Миссис Джо на минуту задумывается. — Профессия благородная, но, должна признать, я бы на врача не польстилась. Ты так не считаешь, голубушка? Стоит поставить его на место, как он тут же попросит тебя высунуть язык, и что тогда прикажешь делать? Да и вообще, ты только представь, что муж знает твои внутренности вдоль и поперек — печенку, желудок и прочее! Такому и в глаза посмотреть стыдно. Помню одного доктора — правда, он тогда еще не был доктором, а только учился, — бегал за мной как сумасшедший, ничем его не отвадишь, — мы познакомились еще задолго до Джо, когда я только начинала театральную карьеру. Привлекательный был юноша, да и собеседник чудесный, только раз воскресным вечером он чуток перебрал — мы поехали в Ричмонд, как сейчас помню, — и принялся рассказывать, как препарировал кролика — мертвого кролика, конечно, но все-таки, — с того дня я потеряла к нему

всякий интерес. Взгляд у него был какой-то… недобрый. Но мисс Трант, смею предположить, совсем другая. Чувствуется — правда, голубушка? — что она не обращает внимания на такие пустяки. Все дело в темпераменте.

Вдруг из коридора раздается какой-то шум. Входят три джентльмена с бутылками эля в руках.

— Сюзи тебе сказала? — рявкает Джо. — Джимми только что получил телеграмму! Мы как раз от него.

Он потирает руки и демонстрирует жене широченную восторженную улыбку.

— Ну, и что там? — нетерпеливо спрашивает миссис Джо. — Да не молчи же, несносный!..

— В понедельник едем на встречу, — говорит ей мистер Мортон Митчем. — Условия прекрасные. Открытие сезона в середине апреля, с начала месяца начинаем репетировать, концерты до конца сентября. И если это тот же самый Беллерби, с которым я играл в шестом году, то он — истинный джентльмен.

— Слыхал, это твоих рук дело, Сюзи! — опять ревет Джо. — Мне все про тебя доложили. Теперь твое место среди звезд, а? Через неделю и на порог нас не пустишь!

— Не валяй дурака, Джо! Ах, ну разве это не

чудо?

— Еще какое! Ну, что скажешь, не зря я врезал тому малому? Не забывай нас, хорошо?

— Да как же я забуду!

Он заключает ее в медвежьи объятия. Миссис Джо и мистер Митчем рассказывают друг другу — с непринужденностью и стремительностью ветеранов — о преимуществах резидентного сезона на южном побережье. Иниго извлекает из серванта несколько стаканов и открывает пиво. Джентльмены мгновенно принимаются пить за здоровье присутствующих, а миссис Джо признается, что в такой знаменательный вечер не отказалась бы от «чего-нибудь крепенького». Сюзи, присев за краешек стола, обменивается улыбками с Иниго — они оба рады счастью остальных. Кто-то спрашивает, куда подевался мистер Окройд, но ответа никто не знает. Зато все так хотят высказаться — и высказываются столь бурно, — что о мистере Окройде вскоре начисто забывают. Сюзи угощается сигареткой, Джо с Иниго раскуривают трубки, а мистер Митчем достает одну из своих знаменитых черут, и комната наполняется дымом. Теперь мы видим их сквозь голубое марево: мистер Мортон Митчем, огромный и сказочный, уже не так похож

на обнищавшего сенатора, как на Даллингемском узле, но это прежняя скрипучая громада, увенчанная лохматыми бровями и залысинами, — все тот же странник, бороздящий далекие просторы неведомых стран. Румяная миссис Джо едва не искрится: она помолодела на десять лет, щебечет и потягивает пиво, но в любую минуту готова вновь сыграть герцогиню Доркинга. Вот широченные плечи и сияющее честное лицо ее мужа, который только и делает, что кивает, улыбается и всем поддакивает. Вот Иниго с подвижным носом и непокорным вихром, вечный студент, опрятный и растрепанный одновременно, какими иные мужчины остаются навсегда. И, наконец, Сюзи: она болтает ногами под столом и охотно заговаривает то с одним собеседником, то с другим, тараторит, хохочет, дразнится, паясничает, и кажется, что ее лучистые темные глаза не потускнеют и через тысячу лет. В следующий миг все эти люди превратятся для нас в имена из газетных заголовков, а пока мы видим их сквозь голубую дымку, которая становится все гуще, глубже, блекнет и размывается, подобно самому Времени, чей ход неподвластен нашему разуму; но вот занавес с шорохом падает, и мы больше их не видим — быть может, не увидим уже никогда.

V

Чем же все это время занимался мистер Окройд? Что держало его в стороне от труппы? Ответ прост: новое дело. В первый и последний раз мистер Окройд сыграл роль детектива — роль, для которой он, не будучи любителем остросюжетной литературы, не имел ни склонностей, ни расположения. Однако свершившаяся катастрофа посеяла в нем темные думы, и, выкурив бесчисленное множество трубок «Старого моряцкого» и посовещавшись со своим другом, мистером Джоком Кэмпбеллом — человеком в высшей степени подозрительным, — мистер Окройд стал понемногу соображать, что к чему. Вот как вышло, что он сыграл роль детектива, и скоро мы узнаем, для чего. Надо только дождаться его в палате мисс Трант — утром того дня, когда Сюзи с Иниго должны уехать в Лондон, и даже мистер и миссис Джо всерьез подумывают о сборах.

Мисс Трант все еще лежала в лечебнице, но уже могла бы покинуть ее, если бы куда-нибудь торопилась. Однако она предпочла остаться до полного выздоровления руки — к вящему удовольствию своего нового медицинского советника, доктора Хью Макфарлана, который

умудрялся посещать ее каждый день. Он уже поговорил с мистером Гучем о возможной тяжбе мисс Трант с гатфордским театром, и теперь, разумеется, им нужно было видеться как можно чаще, а врачебная практика и паращитовидная железа могли и подождать. Полностью оправившись от шока, мисс Трант уже могла вставать, но некоторое время не покидала палаты. Когда Хью зашел к ней в то утро, она сидела в кресле.

— Я созвонился с Гучем, — сообщил он, — скоро он зайдет вас проведать. Говорит, у него для вас что-то особенное. Не знаю, смогу ли я его дождаться, но он вам сам все расскажет, Элизабет.

— Вы столько хлопочете, мне даже совестно, — сказала мисс Трант. — Времени-то у вас наверняка мало! Прошу вас, Хью, больше никаких хлопот.

Он ответил, что ему это ничуть не затруднительно, а она возразила, что такого не может быть, и он вновь довольно резко сказал, что рад ей помочь, — к тому времени в разговор вступили их глаза, которые отпускали столь неосторожные замечания, что, хотя с губ срывались лишь безобидные дружеские слова, щеки мисс Трант стали пунцовыми, а щеки доктора Макфарлана — кирпично-красными. Застенчивые люди

могут общаться в подобном ключе довольно долго, прежде чем предпримут какой-нибудь решительный шаг, и эта стадия их отношений не представляет никакого интереса для окружающих (за исключением сиделки мисс Трант, которая подмечала каждое движение, каждое покраснение щек и ежедневно замеряла температуру их романа), а посему мы можем спокойно покинуть наших героев и дождаться прихода мистера Гуча.

Мистер Гуч был адвокатом с весьма обширной практикой и выдающимся мидлэндским акцентом. Два эти обстоятельства свидетельствовали о его необычайной проницательности и многочисленных связях — мистер Гуч водил знакомство почти со всеми жителями Гатфорда, Мандли и Сторта. Семейный адвокат мисс Трант, мистер Труби из Челтнема, не одобрил бы ее выбор, но, с другой стороны, он совершенно точно испугался бы вступить в спор с руководством гатфордского театра, в то время как мистер Гуч считал их притязания пустячным делом и вопиющей наглостью. Шотландское чутье на хороших адвокатов не подвело Хью. Заметим только, что мистер Гуч оказался вовсе не энергичным сухоньким джентльменом с заостренным лицом, а румяным

толстяком с огромной плоской физиономией, намекавшей лишь на праздное чувство юмора и ни на что более.

Быстро представившись и сказав, как он рад выздоровлению мисс Трант, мистер Гуч сразу перешел к делу.

— Что ж, мисс Трант, — начал он, — я подробно ознакомился с вашим делом. Сначала мне показалось, что оно безнадежное. Вы не можете отказаться от данных обязательств. Я прочитал ваше соглашение с театром: вся ответственность лежит на вас. Конечно, вы не могли предвидеть такой исход дела, верно?

— Разумеется! — ответила мисс Трант. — А кто мог? Такое ведь нечасто случается.

— Ваша правда, — сказал мистер Гуч, морща широкое лицо. — Но от этой жизни можно ждать чего угодно. Для того и придумали договоры, контракты и прочая. В девяноста девяти случаях из ста вы просто выбрасываете деньги на ветер, но сотого случая никто не отменял. Такие дела. Напрасно вы поставили свою подпись под этим соглашением, мисс Трант. Театральные тонкости не по моей части — я не стану притворяться, будто хорошо в них разбираюсь, — но договор, который вы подписали, выглядит подозрительно

и дурно попахивает. Надо бы как следует его изучить — потом, просто из вредности. Однако двойного толкования он не допускает, это точно. Вся ответственность лежит на вас, и вам придется платить.

Он посмотрел на нее довольным взглядом.

Мисс Трант довольна не была и вообще пришла к выводу, что мистер Гуч — болван.

— Какой ужас! — воскликнула она. — Я бы сама все выплатила, если б была виновата. Но моей вины нет, наоборот — я пострадала! Труппа потеряла деньги, а теперь еще и возмещать ущерб придется. И все из-за горстки хулиганов, которым вздумалось испортить наш концерт…

Тут мистер Макфарлан пробормотал фразу, из которой стало ясно, как бы он обошелся с этими хулиганами, сумей он до них добраться. Возможно, во фразе даже упоминались их паращитовидные железы.

— О да, — добродушно улыбаясь, кивнул мистер Гуч. — Хотя нам почти наверняка удастся немного скостить ущерб, когда театр возбудит иск — пока не возбудил, но он уже не за горами, если можно так выразиться, — платить все равно придется. Я хочу, чтобы вы это понимали, мисс Трант. Вам все ясно? Хорошо, с этим разобрались.

Он по-прежнему выглядел очень довольным собой, и мисс Трант начала думать, что даже бедный мистер Труби, хоть он давно считает ее ненормальной, лучше бы справился с этой задачей. Самое ужасное было в том, что мистера Гуча выбрал именно Хью. Бедняжка, он так гордился своим выбором…

— Но есть один нюанс, — с удовольствием продолжал адвокат. — Вот тут-то мы с вами и схитрим. Да, вы несете ответственность перед театром — это ясно. Но кто несет ответственность перед вами? Кто, в сущности, виноват?

Он умолк и выжидательно посмотрел на мисс Трант.

Она мысленно пожала плечами.

— Это мы скоро узнаем, — ответила она не без иронии, — да что толку? Банда хулиганов — неизвестно откуда. Если бы не они, ничего бы не случилось. Вот только какая нам будет польза, даже если мы их вычислим? Ах, глупости все это! Вы меня извините, но это правда глупо.

— Может, для кого-то и глупо, — совершенно невозмутимо продолжал мистер Гуч, — но в действительности все и вполовину не так глупо, как кажется. Заковыристо, конечно, — весьма заковыристо. Я не хотел посвящать вас в курс

дела, пока сам все не выясню, потом решил, что вы должны знать. Подождите минутку, пожалуйста, я проверю, не пришел ли он. Я оставил ему записку, просил сюда зайти.

С этими словами мистер Гуч вразвалку двинулся к выходу и оставил мисс Трант наедине с ее другом.

— Не понимаю, о чем он говорит, — призналась она, хмуря лоб. — Он вообще… надежный человек?

Хью рассмеялся:

— Я за вами наблюдал, Элизабет. Вы ведь подумали, что от него никакого проку не будет, верно?

— Нет, вы несправедливы! Я только подумала…

— Погодите, он уже вернулся.

Мистер Гуч действительно вернулся — и не один. С ним был мистер Окройд, который крепко стискивал в руках кепку и выглядел очень смущенным. Он робко улыбнулся мисс Трант.

— О, мистер Окройд! — Она тоже улыбнулась. — Как я рада вас видеть! Не ожидала, что вы заглянете.

Мистер Окройд откашлялся.

— Идете на поправку, мисс Трант?

— Да, спасибо, мне лучше. Чем вы занимались последнее время?

— Ну… я… вроде как занят… был. — Он кивнул в сторону мистера Гуча.

— О! — воскликнула мисс Трант. — Ничего не понимаю. Вы пришли вместе с мистером Гучем?

— Ага, — уже спокойней ответил мистер Окройд. — Верней, он мне записочку оставил, шоб я пришел. Грит, лучше мне самому вам все рассказать.

— А второго разыскали? — осведомился мистер Гуч, уморительно склонив голову набок. — Получилось?

— Он прямо тут, — сказал мистер Окройд, ткнув большим пальцем за спину.

— Неужели? — Мистер Гуч оживился. — Где? На улице?

— За дверью, — ухмыльнулся мистер Окройд. — Кликнуть?

— Если мисс Трант не против, — ответил адвокат, покосившись на нее.

— Разумеется, не против! — Мисс Трант удивленно воззрилась на них. — Только я ничего не понимаю. Что происходит?

Она вдруг рассмеялась.

— Тут вон какая штука, мисс Трант, — с се-

рьезным видом начал мистер Окройд. — После воскресной кучи-малы я начал соображать, чо да как. Вы ж сами знаете, в зале всю неделю было неспокойно, но в воскресенье такую бузу подняли, что и в страшном сне не приснится. Мне потом сказали, будто те хулиганы нарочно погром устроили, заплатили им за это. Ну, вот я соображалку-то и включил…

— Молодец! — одобрительно сказал мистер Гуч. — Соображалка — дело хорошее.

— Вопчем, один мой добрый приятель — малый нездешний, проездом тут был, — рассказал мне интересную штуку. Мы тогда сидели в таверне «У ярмарки». Не успел я ему про «Добрых друзей» разболтать, как он и говорит: «У вас намедни ничего скверного не случалось? Если нет, то случится». Ну, или вродь того. Я всерьез его треп не принял, да и расспросить толком не успел — он сразу же пропал. А назавтра я про наш разговор и вовсе забыл. А потом, в понедельник ужо, я все вспомнил и подумал: «Откуда ж ему было знать про плохое?» Он сказал, что случится плохое — и на тебе, случилось! Вот я и смекнул, что дело тут нечисто. Рассудил так: коли он знал про плохое, стало быть, он слышал, как это плохое замышляли.

Мистер Гуч мотнул огромной головой в сторону мисс Трант:

— Поняли? Опять соображалку включил!

Мисс Трант была заинтригована.

— Продолжайте, мистер Окройд. Это очень интересно.

— Ну, я решил отыскать своего приятеля. Стало быть, порасспрашивал народ, навел справки. Заодно зашел к Джимми Нанну, а тот мне рассказал про дохтора Макфарлана и мистера Гуча, поэтому я сходил к мистеру Гучу и объяснил ему, что к чему. Он тоже решил, что я прав и хорошо бы мне поскорей найти своего приятеля. «Помогу чем смогу, — грит. — Как он выглядел?» Ну, я его описал, потом встретился с одним малым, с другим, с третьим — ну и задачка была! Но в конце концов я его разыскал.

— Он был здесь, в Гатфорде? — спросила мисс Трант.

— Скажете тоже! В добрых сорока милях отсюдова и уже собирался ехать дальше. Он никогда не сидит на месте, — добавил мистер Окройд не без гордости. — Было время, когда мы вместе колесили по стране. Если б не я, он бы нипочем сюда не вернулся. Зачем ему впутываться в неприятности? Но ради меня он приехал.

— Что ж, давайте его пригласим, — сказал мистер Гуч. — Если, конечно, мисс Трант не хочет отдохнуть. Я могу все уладить сам, мисс Трант, но я подумал, вам захочется его выслушать.

— Конечно! — вскричала мисс Трант. — Ведите его скорей, пока не убежал!

— Никуда он не сбежит, — почти укоризненно проговорил мистер Окройд. — Сейчас я его позову. — И вышел за дверь.

— Думаете, он действительно поможет делу? — спросил доктор Макфарлан, с тревогой взглянув на мистера Гуча.

— Прямо-таки уверен, — ответил адвокат, довольно жмурясь. — На все сто! — Тут он забавно вытаращил глаза. — А вот чем он поможет, я пока сказать не могу.

— Что ж, поможет или нет, — взволнованно выпалила мисс Трант, — это чудесно! Хорошо бы помог, мистер Окройд будет страшно рад! Я вам про него рассказывала, Хью?

— Вот он, — сказал вернувшийся мистер Окройд, — Джоби Джексон. Давай, дружище, расскажи все сам.

Наш старый друг, мистер Джексон, обвел взглядом собравшихся и неуверенно потер подбородок. В этот короткий миг мы с вами видим его без

налета привычной самонадеянности, составлявшего неотъемлемую часть его обаяния.

— Ну? — не выдержал мистер Гуч.

— Тут какая штука… — хрипло проговорил Джоби. — Вы ведь не отправите дело в уголовный суд, а? Если отправите, то я лучше в сторонке постою, лады? Для друга я что угодно сделаю — тем более с вашей труппой и впрямь не по-людски обошлись, — но мне не хочется сидеть в коробке и отвечать на вопросы всяких умников, мол, где я был четырнадцатого июля и все такое. Свидетельствовать я не буду, нет уж! Сейчас я вам все расскажу, только в коробку меня не сажайте, уговор?

— Не будет никакой коробки, не волнуйтесь, — успокоил его мистер Гуч. — Это совсем другой случай.

— Вот и славно, — обрадовался Джоби и продолжал гораздо охотней: — Вы хотите знать, откуда я взял, что с вами случится неладное, так? Та-ак. — Он умолк и окинул всех озорным взглядом, явно получая удовольствие от происходящего. — В общем, приехал я в Гатфорд. Как-то утречком забрел в пивную — не в таверну «У ярмарки», а в другую, попаршивей, дайте вспомню название… а, «Черный бык»! Слыхали про такую?

Мистер Гуч задумался.

— Угол Касл-стрит, — наконец сказал он. — Крохотное заведение, они в прошлом году чуть без лицензии не остались.

— Во-во! Ну, словом, прихожу я туда как-то утром пропустить по рюмочке с ребятами. Чтоб вы знали, ребятами я не друзей называю. Но кой-кого я знал. Многие, как и я, на месте не сидят, всю жизнь в разъездах. Они тогда не работали, заехали к Горли чинить грузовики — это местный умелец, машинки перебирает. Остальных ребят я не знал — все местные, пришли бандой, денег на пинту еле наскребли. Ну, сидим мы, значит, и вдруг к нам подходит какой-то здоровяк — костюмчик с иголочки, все как надо. Местные его откуда-то знали, будто бы делали для него какую-то работенку — когда вообще работали. Здоровяк этот на нас посмотрел, покивал, позвал хозяина, да и угостил всех пивом. Сенсация в суде! Потом, значит, хозяин ушел, мы порядком наклюкались, а здоровяк собрал нас в кружок и эдак тихо говорит: «Хотите по-быстрому заработать деньжат?» «А чего делать надо?» — спрашиваем. «Да я просто разыграть кое-кого хочу, в отместку. Наживетесь в два счета, дело плевое». Честно говоря, мне он показался человеком, который за плевое дело

платить не станет. Тут он и грит: «Пока карты не раскрыты, спрашиваю: кто в игре?» И я отказался. Подумал: «Не нравишься ты мне, дружище. Уж больно ты осмотрительный. Шибко осторожничаешь». Короче, я и еще пара человек отошли, сели в сторонке и стали делать вид, будто не пьем его пиво. Здоровяк пошептался с остальными еще минут десять, а потом слинял. Но я успел расслышать про концерт в местном театре. Когда он ушел, к нам подвалили остальные ребята. «Чего вы струсили? — спрашивают. — По фунту на нос за то, чтобы посмотреть концерт и освистать артистов, а потом еще по фунту в воскресенье, если все пройдет как надо».

— Так вот откуда взялись те хулиганы! — охнула мисс Трант. — Но зачем? Я не понимаю. Кто этот человек?

— Да, верно: кто это был? — спросил мистер Гуч.

— Я слышал его имя… — протянул Джоби. — Говорю же, некоторые из ребят его знали…

— Отлично! И как его зовут?

— В том-то вся загвоздка. Я забыл. Начисто. И это с моей феноменальной памятью, святый Боже! Да я благодаря ей выиграл больше пинт пива, чем вы сумеете проглотить за…

— Бросьте, — перебил его мистер Гуч. — Так не пойдет, знаете ли. Скорей говорите имя. Нам больше ничего не нужно.

— Это что еще за «бросьте»? — резко осадил его Джоби. — Броськайте хоть до посинения, толку не будет. Я весь день пытался вспомнить имя этого подонка. Скажи им, Джордж! Я ведь пытался, правда?

— Еще как пытался, Джоби, — скорбно проговорил мистер Окройд. Ему стало казаться, что он напрасно поднял весь этот шум.

— Может, вы запомнили его приметы? Какой он из себя? — спросил мистер Гуч, который больше не выглядел ни праздным, ни добродушным.

— Так, дайте вспомнить… Ну, здоровый такой. Гладко выбрит. Лицо красное. Под глазами мешки размером с яйцо. Явно за воротник закладывает. — От этих сведений было мало толку, потому что Гатфорд и окрестности могли похвастаться доброй дюжиной подобных господ. Но тут Джоби вспомнил еще кое-что: — Эй, погодите! Кношки! Он как-то связан с кношками!

— С кношками? — не понял мистер Гуч.

— Ну, с фильмами! С кино!

— А! — возликовал мистер Гуч. — Его звали Ридверз?

— В яблочко, дружище! — заорал Джоби, вне себя от восторга. — В самую точку! Ридверз, так его звали! Как же я забыл-то? Ридверз. Именно так, ошибки быть не может. Вы его знаете, мистер?

— Я знаю мистера Ридверза, — чуть помрачнев, ответил мистер Гуч, — а мистер Ридверз знает меня. Вряд ли он доставит нам много хлопот. Я располагаю о нем некоторыми сведениями: в частности, он хочет продать свои кинотеатры одному крупному синдикату. А теперь я выяснил кое-что еще, не правда ли? Так-так-так! Хм! — Он воззрился на мисс Трант, которая озадаченно морщила лоб: — Вы тоже его знаете?

— Пытаюсь вспомнить. Как-то раз, недели две или три назад, ко мне в номер ввалился жуткий человек. Сказал, будто имеет какое-то отношение к местным кинотеатрам, вел себя как свинья, хамил — я не стала с ним церемониться и выпроводила за дверь. Потом мне рассказали, что внизу он чуть не подрался с моими артистами. Уверена, это тот самый человек.

— Я тоже, — кивнул мистер Гуч.

— Сдается, скоро я навещу этого Ридверза, — начал доктор Макфарлан, свирепея на глазах.

— Оставьте его мне, доктор, оставьте его мне, — сказал мистер Гуч. — Я все устрою. Он вздумал

нас разыграть — теперь пусть расплачивается. — Он повернулся к Джоби: — Не волнуйтесь насчет суда и дачи показаний. Насколько я знаю мистера Ридверза, до этого дело не дойдет. Но вот что вы можете сделать, дружище, и я лично позабочусь, чтобы вас щедро вознаградили: вспомните как можно больше имен тех ребят, что сидели с вами в баре. Так мы наглядно покажем мистеру Ридверзу, что знаем о его грязных делишках. — Он быстро выудил откуда-то бумагу с карандашом и отвел Джоби в сторонку.

— Вы молодец, мистер Окройд! — сказал доктор Макфарлан, пожимая ему руку. — Здорово все провернули.

— И правда! — воскликнула мисс Трант. — Чем бы это ни закончилось, я страшно вам признательна! Чудесно, что вы столько всего выведали.

— Да лан, ничего я не сделал. Благодарите Джоби.

— Нет, это все благодаря вам, и я просто не могу передать словами свою признательность. Послушайте, я уже давно хотела с вами побеседовать. Очень грустно, что труппа развалилась…

— И не говорите, мисс Трант. Страсть как жалко расставаться, ей-богу. Суз и Иниго днем уезжают — я поеду их провожать, ежели смогу, — и

хоть я рад до невозможности, что они так хорошо устроились, прощаться с ними грустно. Славно мы втроем веселились…

— Но скажите, — сказала мисс Трант, посмотрев на него очень серьезным взглядом, — что выдумаете делать дальше? Вот о чем я хотела поговорить.

— Эх, я так приноровился к этой работе, что теперь прям и не знаю. Мы недавно это обсуждали. Суз хочет взять меня в Лондон, думает найти для меня работенку. А Джо предлагает поехать с ними, вдруг там чего выстрелит…

— Вот и я не знаю, что мне делать, — сказала мисс Трант. — Но я тоже хотела предложить вам поехать со мной. Давайте поступим так: сегодня вы серьезно поговорите со всеми артистами, а потом приходите ко мне — скажем, завтра утром. Тогда и обсудим все как полагается, хорошо?

— Уговор, — мрачно ответил мистер Окройд и неуклюже вышел за дверь. Однако с артистами в тот день он не поговорил и к мисс Трант утром не зашел.

— Давай, чо ль, закусим вместе, Джоби, — сказал он, когда они с победой покидали частную лечебницу. — Я ужо предупредил хозяйку — стряпуха первый класс, к нашему приходу как раз на

стол соберет.

— Я с тобой, Джордж, — сказал Джоби, невероятно довольный происходящим. Ему пообещали вознаграждение за помощь мистеру Гучу, но и без этого сегодняшнее утро чрезвычайно его порадовало.

Едва они успели ступить на порог дома, как к ним подлетела хозяйка и что-то сунула в лицо мистеру Окройду — как будто очень хотела от этого избавиться и боялась, что оно вот-вот взорвется. Именно так она себя и чувствовала, потому что загадочным предметом была телеграмма. Увидев ее, мистер Окройд вмиг забыл о славных победах минувшего утра. «Хосподи!» — пробормотал он, глядя на клочок бумаги. Пришел черед Джоби прочитать телеграмму. «Приезжай скорее маме плохо Леонард». Он зацокал языком.

— Вот несчастье-то, Джордж, — сказал он с искренним сочувствием. — Твоя старуха захворала? Худо, худо… Очень скверно, Джордж. Но будем надеяться на лучшее.

— Было у меня предчувствие. Ей-богу, было, — забормотал мистер Окройд. — Надо скорей ехать. Во сколько первый поезд в ту сторону?

Джоби знал: по части поездов ему не было равных. Первый отправлялся посреди дня, так

что у мистера Окройда еще оставалось время пообедать, нацарапать на бумажке записку с браддерсфордским адресом для мисс Трант — для передачи «через хозяйкиного мальца», — собрать вещи, расплатиться за жилье и спешно попрощаться с Сюзи и Иниго. Остальных повидать он не успел, но, возможно, они еще будут здесь, когда он вернется — если вернется. Джоби проводил друга на вокзал, хотя его поезд отправлялся только в пять.

— Всего наилучшего, Джордж. И не забудь: Джоби Джексон, «Уорлдс фейр», — там тебе в два счета скажут, как меня найти. Не вешай нос!

— Бывай, Джоби. Свидимся как-нибудь! В дороге, а?

И его поезд с ревом помчался на север.

Глава 6
Мистер Окройд едет домой

I

Были поздние сумерки, когда поезд мистера Окройда прибыл на Блэкмурский узел. Уличные фонари мерцали на холмах, тут и там ползли вверх-вниз трамваи, похожие на золотых жуков. Поезд, как положено, на несколько минут остановился в Блэк-Муре, а затем, растеряв весь пыл, медленно пополз в темноту, пока не встал окончательно на вокзале Браддерсфорда. Мистер Окройд сошел на перрон, держа в руках небольшой чемодан, который уже давно заменял ему плетеную корзинку, и легким шагом бывалого путешественника двинулся к выходу. Теперь — когда он провел всю осень и зиму в дороге и объездил множество городов, от Сэндибэя до самого Миддлфорда, — ему было достаточно одного взгляда, чтобы составить полное впечатление о вокзале. Сегодня он впервые со дня своего внезапного отъезда вернулся в Браддерсфорд (пусть он уже бывал на Огден-стрит зимой, сразу после Рождества, тогда он приехал на трамвае из

Ладденстола, а это не считается). Мистер Окройд часто представлял, как вернется домой вот так, на поезде, после небольших каникул, праздно выкурит трубочку в Вулгейте, когда все уже давно разойдутся по фабрикам, а вечерком заскочит в рабочий клуб — рассказать, куда он ездил и что видел. Но теперь все было по-другому. Мистер Окройд возвращался домой с тяжелым сердцем и мрачными мыслями. Когда он переходил Маркет-стрит в сторону Вулгейта, с черной башни городской ратуши донеслась отрывистая мелодия «Тома Боулинга» — в исполнении курантов она звучала крайне заунывно. Мистер Окройд никогда ею не восхищался, но теперь едва не пришел в ужас. Как народ терпит этот жуткий лязг? Загадка!

— Эй, земляк! — крикнул он продавцу газет на углу Вулгейта. — Есть свежий «Ивнинг экспресс»?

Покупка газеты немного его взбодрила.

Однако в Вулгейте его ждало потрясение. Музыкально-мясная лавка Баттершоу была закрыта и пустовала, на двери висела табличка «Сдается». Видно, там что-то стряслось. Когда это он разговаривал с миссис Баттершоу про Лили и песенки для пантомимы? Ах да, в воскресенье, он ехал

куда-то на трамвае. Джо Баттершоу прожил здесь двадцать пять лет; все знали лавку Джо; а теперь лавка закрыта. Город сразу показался мистеру Окройду ненадежным и зыбким, как будто прямо у него на глазах исчезла половина улицы.

Дом № 51 по Огден-стрит выглядел пустым. Если Леонард по-прежнему работал у Грегсона, то его рабочий день еще не закончился, но внутри, казалось, не было вообще никого. Мистер Окройд постучал, прекрасно сознавая бессмысленность своего стука — такой у дома был заброшенный вид.

— А, вот и мистер Окройд! — Из-за соседней двери выглянула миссис Сагден. — Одну минуту! У меня есть ключ.

Она открыла дверь и прошла в коридор вместе с ним. В очаге еще теплился огонь, и стол был накрыт для позднего чая. Миссис Сагден, оживленно носясь по комнате, пылко тараторила:

— Это Леонард за вами послал? Я ему советовала за вами послать. Последнее время я для него готовлю и иногда прибираю в доме. Такой юноша ведь сам о себе не позаботится, верно? Да и жалко мне его, честное слово, жалко.

Мистер Окройд, который к этому времени окончательно потерял покой, спросил, где его жена.

— Ах, неужто Леонард вам не сказал? — вскричала миссис Сагден, изумленно воззрившись на него. — В больнице она. Когда ж ее положили… дайте вспомнить… в пятницу или в субботу… а, в пятницу, верно, я ведь как раз ходила платить за страховку, когда за ней приехали. Оперировать пришлось срочно — уж очень она плоха была. Ей несколько недель нездоровилось — вот тут болело и болело. — Миссис Сагден положила руку на свой пышный бок. — Я же видела, как ей нездоровится. «Нельзя такую боль терпеть, — говорю, — надо вызвать врача». «Никаких врачей, миссис Сагден, — говорит, — сама справлюсь». Да-да, так и сказала: «Сама справлюсь». А я своими глазами видела, как ей скверно. В конце концов я пришла к Леонарду — в начале прошлой недели это было — и говорю: «Слушай, Леонард, твоей маме надо к врачу. Так дальше нельзя. Она совсем плоха». «Похоже на то, — ответил он, — хотя мне она ни разу не жаловалась». «Я точно знаю», — грю. Ну, он и пригласил для нее врача, но в тот день никто не приехал, и на следующий тоже. А через день она совсем слегла, утром даже подняться с постели не сумела. Я с ней посидела, потом Леонард привел доктора, и он сказал, что нужна срочная операция. То был старик Макин-

тош — скоро встретите его в клубе, — видели бы вы, как он разволновался! Страсть! Я думала, он вскипит от страха!

— Что у нее? — спросил мистер Окройд. Он так охрип, что ему пришлось откашляться и повторить вопрос.

— Какая-то хворь вроде аппендицита, — ответила миссис Сагден, — только посурьезней. Ваш Леонард говорил про какой-то пери… перритотит, что ли, нипочем не выговорить.

— А операция как прошла? Нормально?

— Прооперировали ее почти сразу. Иначе-то никак было нельзя. А потом вроде еще раз пришлось оперировать. Да-да, точно, — добавила миссис Сагден со скорбным удовольствием.

Мистер Окройд в ужасе уставился на нее.

— Стало быть… совсем она плоха, — наконец выдавил он.

— Плоха, очень плоха, бедняжка! Ваш Леонард только раз ее навещал, а я и вовсе ни разу, но миссис Флэтер говорит — ей дочурка сказала, слышала от одной из медсестер, — что дела совсем плохи. Мы должны надеяться на лучшее, я считаю. Ах, совсем я заболталась! Вы присядьте, мистер Окройд, я вам чаю сделаю. Леонард вернется с минуты на минуту — я к этому време-

ни всегда ему что-нибудь стряпаю. Сегодня вот пекла как раз. Сейчас принесу кекс с изюмом и кусочек пирога с салом, вы только за чайником последите.

Через десять минут она пришла и опять ушла, а мистер Окройд сел за стол с Леонардом — очень подавленным и притихшим Леонардом, надо сказать. Денди-охотник, который в бесчисленных танцевальных залах, кинотеатрах и дешевых кафе загнал такое множество жертв, бесследно исчез, а его место занял испуганный встревоженный юнец с подрагивающей губой, юнец, повстречавший на своем пути куда более жестокого охотника. Ему было почти нечего добавить к тому, что рассказала миссис Сагден.

Мистер Окройд нашел утешение во внезапной вспышке ярости.

— Дубина стоеросовая! — воскликнул он. — Почему сразу не сказал, что мать захворала? Совсем тебе разум отшибло!

— Да не мог я, — жалобно выдавил Леонард.

— Как это не мог?! Еще чего удумал!

— Не мог. Я же говорю, сначала я сам не знал, а когда ма поплохело, она запретила тебе говорить. «Отцу ни слова» — это был ее последний наказ.

Гнев мистера Окройда тут же утих. Он уперся

взглядом в стол.

— Зачем же она такое наказала?

— А мне почем знать, — пробормотал его сын. — Может, не хотела, шоб ты знал.

Мистер Окройд оттолкнул чашку и печально зацокал языком.

— Я же видел, что ей худо, когда на Рождество приезжал. Так ей и сказал, и Лили даже предупредил. Ох, горе-то какое! — С минуту он молча размышлял о печальных превратностях этой жизни. — Ладно, утром схожу в больницу. Надеюсь, меня к ней пустят. Ты сегодня справлялся о ее здоровье? Что сказали?

— Говорят, состояние прежнее. Плоха она, отец, плоха. — Леонард встал из-за стола и отвернулся.

Мистер Окройд машинально набил трубку «Старым моряцким», но не закурил. Он недвижно сидел, подперев щеку кулаком, погруженный в свои неспокойные мысли. Леонард сходил наверх, опять спустился и, встав у очага, прикурил сигарету.

— Вчера вечером заходила тетя Элис, — нарушил он затянувшуюся тишину.

— Вон как! — Мистер Окройд тоже встал из-за стола и задымил трубкой. — Ну, и как она поживает?

Сестра его жены, эта самая Элис, вышла замуж за железнодорожника и поселилась на другом конце Браддерсфорда. Мистер Окройд не видел ее несколько лет. Впрочем, ни она, ни ее муж ему никогда не нравились.

— Хорошо, — безразлично ответил Леонард. — Кузина Мейбл скоро выходит замуж.

— Славно, славно! Когда я последний раз видал Мейбл, она была чумазой девчушкой в грязном сарафане. А теперь вот замуж выходит. Кто счастливчик?

— Зовут Джонсон. Работает в железнодорожном управлении — чинуша. Послушать его, так он там самый главный. Павлин! А Мейбл да, выросла уже. Она ведь на год меня старше, почти ровесница нашей Лили.

— Лили-то еще не сообщил? — с тревогой спросил мистер Окройд.

Его сын покачал головой:

— Я ей уже два месяца ничего не писал. Она тоже молчит. Ты ведь напишешь?

Что же ей написать? Мистер Окройд невольно похолодел, но тепло вернулось при мысли о самой Лили. Вот бы она была здесь, рядом! Но нет, лучше ей сюда не приезжать. Он огляделся по сторонам и вдруг что-то вспомнил.

— Слушай! — воскликнул он. — А где же Альберт? Я совсем про него забыл.

— Съехал. Недели две как съехал.

— Уже хлеб! Болтовня этого Альберта меня б точно добила. А что случилось?

— На этой неделе у него свадьба. — Леонард ядовито усмехнулся. — Охомутали нашего мистера Таггриджа. Я его предупреждал, а он ни в какую. Когда ее родители прознали, другого выбора у него не осталось. Отец семейства провел с ним нравоучительную беседу. Бедный старик Альберт!

Да, его дни в роли вольного героя-любовника закончились. Не строить ему больше глазки, не преследовать и не загонять дичь. Слишком опрометчиво он загнал последнюю жертву — попался сам и скоро будет разгуливать по улицам с коляской.

— Бедный, еще чего! — насмешливо фыркнул мистер Окройд. — Кого жалко, так это невесту! За болтуна и пустобреха выходит. А тебе, малой, не след так разговаривать, — строго добавил он. — «Охомутали»! Стыд-позор, мой собственный сын так говорит! Ляпни я эдакое перед своим отцом, он бы меня поколотил, ей-богу. Думаешь, девчата для того и нужны, чтоб вы им голову морочили?

Разве это игрушки? — С минуту он строго смотрел на сына. — Чо у тебя с работой? У Грегсона трудишься?

— Да, — понуро ответил Леонард. — Нормально все. Я теперь за вторым креслом, постоянных клиентов много. Почти четыре фунта в неделю имею.

— Молодец, так держать! Авось будешь приносить еще больше, когда тебя «охомутают», как ты выразился. Глядишь, приличная девушка вобьет чуток разума в твою дурную голову.

— Недавно мне предложили работу в Манчестере, — пробубнил Леонард, — я хочу согласиться. Платят там больше, да и обстановку сменю. Тошнит уже от Браддерсфорда. Если… если мама выздоровеет, я поеду. — Он тяжело сглотнул.

Мистер Окройд смягчился.

— Ты, малой, делай, как считаешь нужным. Я тебе указывать не буду, жизнь-то твоя. И как бы ты ни решил, мать тебя любила и любит. Ты всегда был для нее хорошим сыном.

Сказав так, он откашлялся и строго взглянул на вечернюю газету, словно заранее знал, что не поверит ни единому печатному слову. Леонард, пробормотав что-то о прогулке, исчез. Мистер Окройд осторожно и безрадостно прочел газету,

выкурил одну или две трубки, посидел, мрачно глядя на огонь, и лег спать.

II

Больница Браддерсфорда отличается от фабрик и заводов отсутствием высоких труб, в остальном же различий практически нет. Это бестолковое некрасивое здание, целиком из почерневшего камня, которое поначалу окружили асфальтированным двором — по нему без конца моросит мелкий черный дождь, — а потом обнесли высокой железной решеткой, какая уместнее смотрелась бы вокруг тюрьмы. За прутьями время от времени можно разглядеть медсестру: в этих каменных закопченных стенах она кажется безгрешным чистым духом, созданием из другого мира. Здесь, вдали от солнца, от зеленых деревьев и голубых далей, где не слышно птичьего пения, а только грохочут по холмам грузовики и стонут трамваи, за этим ржавым железом и стенами, покрытыми черной копотью, браддерсфордцы время от времени выздоравливают после сердечных приступов, оправляются от драк или бьются до последнего — со Смертью.

Последний раз мистер Окройд был здесь много лет назад — навещал приятеля с хигденской

фабрики. Он уже и забыл, как выглядит больница изнутри. Снаружи она была хорошо ему знакома, потому что располагалась меньше чем в четверти мили от Огден-стрит — долгие годы он каждый день ходил мимо нее на работу. Однако сегодня утром даже фасад показался ему чужим. Где-то внутри, за этими темными окнами, лежала его жена.

— Вы по важному делу? — спросил сторож. — А то часы посещений уже закончились.

— Даж и не знаю, — ответил мистер Окройд. — За мной вроде как послали, я издалека приехал.

— Если обождете минутку, я узнаю. Как, еще раз, ваше имя? Понял. Подождите там. — И сторож, указав на дверь, вышел.

В убогой комнатке ожидания собралось несколько человек. Среди них была невероятно толстая женщина, завернутая в шаль. Слезы струились по ее лицу, но она не пыталась их остановить, а все твердила и твердила как заведенная:

— Нельзя было его пускать, нельзя!

В другом углу стоял престарелый джентльмен, чье дряблое лицо показалось мистеру Окройду смутно знакомым.

— Щетыре операции перенесла за полтора

года, — говорил он. — Щетыре операции. — В его голосе звучала скорбная гордость. Он огляделся по сторонам, кивнул мистеру Окройду и начал заново: — Да, щетыре операции перенесла.

Остальные посетители, среди которых было двое детей, вообще ничего не говорили. Они просто ждали, и у мистера Окройда сложилось впечатление, что ждали давно. Он упал духом.

Ему захотелось уйти.

Однако сторож уже стоял у двери и подзывал его к себе.

— Окройд, так? Но-мер двад-цать семь, палата для послеоперационных больных. Сестра говорит, сейчас к ней нельзя, но днем можете зайти.

— Понял, — сказал мистер Окройд, и его тут же захлестнуло чувство облегчения. Он попробовал расстроиться, сказав себе, что должен как можно скорей повидать жену, и, несмотря ни на что, радовался. Он пробыл в больнице всего несколько минут и даже внутрь толком не попал, но мысль о возвращении в бурлящий и суматошный Вулгейт согрела его сердце.

Однако какое-то неприятное чувство неотступно следовало за ним по главным улицам Вулгейта. Ему казалось, что он выпущен под залог.

Днем он снова пришел в больницу, и вновь

получил от ворот поворот. В конце концов его пустили. Он вскарабкался на четвертый этаж и нашел там отделение для послеоперационных больных. У входа его встретила сиделка.

— Так-так, — сказала она, — вы к номеру семнадцать, маленькой Дорис Смит?

Когда мистер Окройд объяснил ей, что пришел к пациентке номер двадцать семь, она словно бы расстроилась, отчего он растерялся и смутился еще сильней, как будто не имел права тут быть.

— А, вспомнила, — сказала сиделка, глядя во все стороны, но только не на него. — Вам сестра разрешила прийти, верно? Вы муж? Пациентка вас не звала. Есть ведь еще сын? Я, кажется, его видела. Вот сюда проходите, только тише, пожалуйста, сегодня посещений быть не должно. Не беспокойте пациентов.

Мистер Окройд стал пробираться следом за ней — так тихо, что и муху бы не побеспокоил. Он крался на цыпочках, пока не заболели ноги. Они прошли насквозь почти все отделение, и хотя мистер Окройд старался не смотреть по сторонам, некоторые подробности подмечались невольно. Все женщины лежали в кроватях, одетые в голубое; некоторые были старые, другие совсем юные; кто-то спал, другие свирепо таращили

глаза; некоторые кровати были оборудованы странными механизмами вроде блоков, а две или три полностью огорожены ширмами; никаких стонов и криков, вообще ни звука не доносилось из палат — мистер Окройд словно попал в Музей восковых фигур, чистый и отполированный до блеска, странный и наводящий ужас.

Сиделка внезапно остановилась, обернулась и на сей раз посмотрела ему прямо в глаза.

— Ваша жена очень больна, — прошептала она. — Ведите себя тихо, не волнуйте ее. И не удивляйтесь, если она немного не в себе. Сейчас.

Сиделка прошла к постели, и мистер Окройд услышал:

— Двадцать седьмая, к вам пришел муж.

Остальное он не разобрал, только увидел, как сиделка нагнулась к кровати, что-то сделала, сразу отошла и кивнула ему. Он на цыпочках подошел ближе, чувствуя себя неуклюжим увальнем. Одна рука, спрятанная за спиной, все сжималась и сжималась в кулак, пока ногти не впились в шершавую ладонь. Наконец мистер Окройд встал рядом с кроватью и заглянул в лицо Двадцать седьмой.

— Эх, девонька… — хрипло выдавил он и попытался улыбнуться, но только поморщился. — Ну

дела… — Других слов он не нашел.

Ее лицо было сплошь кости и морщины — оно казалось хрупким, точно яичная скорлупа. Губы тонкой ниточкой, темные, угрюмые. Но глаза, хоть и двигались они ужасно медленно, по-прежнему ярко блестели в глубоких глазницах, и этими глазами на мистера Окройда смотрела ее душа — упрямая, непоколебимая, язвительная. Мистер Окройд это чувствовал, хоть и не мог передать словами. Голос внутри его говорил: «Нет, она никогда не сдастся», и он смотрел на нее со смесью жалости и восхищения.

Жена окинула его взглядом, чуть пошевелилась, и на него пахнуло приторным больничным духом. Ее рука медленно поползла по сложенной простыне, и мистер Окройд, сев рядом, стиснул эту руку в ладони. Лицо его отчаянно кривилось, но все без толку.

— Джесс? Что… что ты здесь делаешь?

— Леонард мне написал.

При упоминании Леонарда ее взгляд смягчился. Казалось, ничто другое уже не может вызвать в ее глазах эту перемену.

— Я не просила. — Она говорила четко, но медленно — ее голос доносился будто из сна.

— Он сам решил. Славный все же у нас сынок.

Я ему сказал, что для тебя он всегда был хорошим сыном.

— Понял наконец? — ответила жена, на миг став прежней — язвительной и колкой — собой. — Да, да… славный сынок, наш Леонард. Когда он придет?

— Как только сможет и когда ты захочешь, — ответил мистер Окройд.

Она кивнула — так медленно, что больно было смотреть, — и отвела взгляд в пустоту, словно мистер Окройд для нее исчез. Он ждал, едва вынося давящую, мучительную тишину. Наконец жена вновь посмотрела на него, словно бы вернулась откуда-то издалека и не рассчитывала увидеть его рядом. Мистер Окройд хотел что-нибудь сказать, но слов не нашел, и самый голос его как будто заржавел.

— Плохо мне, Джесс, — наконец проговорила она.

Голос вернулся.

— Эх, девонька, что ж ты раньше не сказала?

Она как будто его не услышала.

— Скорей бы оставили меня в покое, — пробормотала она. — Все равно мне уже не поможешь.

— Нет, поможешь, — сказал мистер Окройд, пытаясь убедить самого себя, но в глубине души

понимая, что это неправда.

— А я… я не могу помочь? — в отчаянии спросил он.

На это она ничего не ответила, только посмотрела искательно, с едва уловимым проблеском иронии в глазах. Когда этот проблеск потух и она вновь зашевелилась в постели, мистеру Окройду показалось, что его присутствие больше нежелательно. Она спрятала руку под простыню и заерзала на постели. Ее мысли стали путаться: она говорила про Лили, про Хигдена, про одолженную у кого-то бадью на ножках — бессознательный бред. В палату тихо вошла сиделка и тронула мистера Окройда за плечо. Он встал. Сиделка дала его жене попить.

— Вам лучше уйти, — сказала она, но на минутку отстранилась.

Жена посмотрела на мистера Окройда ясным, уверенным взглядом.

— Уже уходишь, Джесс? Как ты жил все это время, хорошо? Устроился?

— Напрасно я уехал.

— Да брось, чего уж теперь. Ни о чем не жалей, я бы так и так заболела. У тебя все хорошо?

Он кивнул.

— Вот и славно, — продолжала жена. — Наш

Леонард тоже хорошо устроился. Да, он… он умница.

Она на миг закрыла глаза, потом вновь посмотрела на мужа — с тенью увядшей улыбки на губах.

— Вот бы ты съездил к нашей Лили. Ты давно об этом мечтаешь, верно? Видишь, Джесс, я все знаю. Скажи Леонарду, пусть сегодня придет.

Больница не покинула мистера Окройда и на улице: все магазины, трамваи и грузовики, вся эта шумная, кипящая суета казалась теперь гротескной, ненастоящей. Мистер Окройд как будто по-прежнему крался на цыпочках мимо кроватей с блоками, ширм и покрытых голубой материей плеч. Тишина больничных палат была еще с ним и изгоняла из мира прочную реальность оживленных улиц. Что за суматоха вокруг? Мистер Окройд не проговаривал все это про себя; для большинства явлений он не мог подобрать слов, но чувствовать он чувствовал. Пройдя мимо него на улице, вы бы прочли это в его удивленно-растерянном взгляде.

На следующий день его жена ослабла еще больше. У нее был одурманенный взгляд; она едва ворочала языком и говорила бессвязно, озвучивая мешанину снов и случайных воспоминаний.

Мистер Окройд просидел с женой около часа, печально глядя на нее и ломая пальцы, а потом уполз домой, раздавленный и напуганный.

Вечером он снова пришел в больницу, уже с Леонардом, и сторож разрешил им подняться. Однако сестра сказала, что произошла ошибка и к номеру двадцать семь сейчас нельзя. Если они побудут внизу, возможно, потом их пригласит. Краем глаза они успели заметить, что вокруг ее постели расставлены ширмы. Они прождали час, два, листая бессмысленные вечерние газеты и подскакивая всякий раз, когда открывалась дверь. Стемнело. Они опять попросились наверх, но им сказали, что дальше ждать бесполезно. Никаких изменений; надо надеяться на лучшее; врачи делают все возможное. Однако на следующее утро, еще до воя первых фабричных сирен, номер двадцать семь скончалась.

Когда мистер Окройд посетил холодную часовенку, где тело хранили до тех пор, пока его не забирал гробовщик, ему вручили коричневый сверток. Он машинально развернул его прямо в часовне: какая-то одежда, гребень и щетка для волос, бумажный конвертик с обручальным кольцом… и что-то еще. Вставная челюсть.

— Ах, ну сил моих нет! — воскликнула мис-

сис Сагден, которая почти поселилась у них дома. — Зачем только тревожат вас этими вещами? Бедняжка! Мозгов у них не больше чем… ах, сил нет!

Мистер Окройд только кивнул и тяжелым шагом вышел из комнаты.

III

Он сделал все, что полагалось. Помог Леонарду написать некролог для газеты, встретился с гробовщиком и страховым агентом. Отправил каблограмму Лили — то была единственная обязанность, от которой его занемевшее сердце чуть-чуть оттаяло. Когда ему объясняли, как можно отправить такую телеграмму и куда нужно ехать, мистер Окройд вдруг почувствовал тепло в груди и захотел плакать. В остальном же он так спокойно, смирно и тихо выполнял свой долг, что родственники его жены во главе с Элис Бейрстоу не знали, что с ним поделать. Шумные и красноглазые, тайно упивающиеся собственным бессмертием, они шушукались по углам и обсуждали мистера Окройда. Миссис Сагден считала, что ему «тяжко», но хотя убитые горем родственники были благодарны ей за сочувствие и чай, ее мнения никто не спрашивал и слушать

не желал. Миссис Бейрстоу полагала, будто ее зятя мучает совесть — и поделом. Он сбежал бог весть куда, бросил жену одну — и вот, полюбуйтесь, что из этого вышло. Впрочем, сказать так в лицо мистеру Окройду она не осмелилась. Ее хватило только на то, чтобы относиться к нему с подчеркнуто напускным терпением и сюсюкаться с Леонардом. Раз или два мистер Окройд бросал на нее злобные взгляды и с трудом сдерживался, чтобы не огрызнуться, но большую часть времени бродил по дому с кислой миной, серый и деревянный, и согласно кивал на все, что она говорила. Говорила же она в основном о похоронах, которые следовало провести в лучших традициях Огден-стрит. Элис разослала целый ворох приглашений и благородно отказалась от страхового возмещения.

Однажды утром, перед самыми похоронами, мистер Окройд получил письмо. Сперва он подумал, что оно от Лили, и сердце его сжалось от радости, но, увидев на конверте другой адрес, он потерял к письму всякий интерес и, не читая, запихнул его в карман. Когда вся эта черная маета закончится, у него будет полно времени на письма, а пока не до них. Поскольку Элис не поскупилась на похороны, церемония заняла много

времени. Сначала они долго и муторно встречали экипажи со скорбящими, потом медленно двинулись к кладбищу Дам-Вуд, где серьезные браддерсфордцы гуляют по воскресеньям, покуда их не привозят сюда дожидаться Судного дня. Затем началась служба в часовне при кладбище, во время которой преподобный Дж. Гамильтон Моррис из Вулгейтской конгрегационалистской общины пытался рассказать о добродетелях усопшей, что давалось ему непросто, поскольку он ровным счетом ничего о ней не знал. Впрочем, он старался как мог, мужественно глядя на залитые слезами угрюмые лица, и в конце концов спросил у смерти, где ее жало[61]. После церемонии долго ехали обратно — не на Огден-стрит, 51, а в таверну «У Кэдди» на Шаттл-стрит, где Элис решила провести поминки. Заведение было старомодным и потому серьезно подходило к подобным трапезам: на визитках между «банкетами» и «свадебными тортами» значились «поминки». Скорбящие, как правило родственники, часто приезжали сюда издалека, и после долгой дороги им хотелось не только освежиться, но и обменяться новостями, поскольку большин-

[61] Примечания: 61

Перефразированная библейская цитата: «Смерть! Где твое жало?» Библия. Новый Завет. Первое послание к Коринфянам, 15:55.

ство семей лишь на похоронах и встречается. Возможно, будет несправедливо сказать, что эти встречи — самые увеселительные мероприятия из всех, что могут позволить себе пожилые браддерсфордцы, но нужно признать, что они пользуются неизменным успехом и проходят с таким шиком, какой прочим общественным мероприятиям Браддерсфорда и не снился. Всех гостей греет чувство, что неприятные обязанности позади; после зрелища открытой могилы отрадно вернуться к жизни — пить, закусывать и обмениваться новостями с тетушками и дядюшками; больше того, после всех долгих дорог, церемоний и утомительных служб, не говоря о душевных переживаниях, скорбящие нагуливают изрядный аппетит, и поминки превращаются в плотный мясной обед. Вот почему последние тридцать лет зал громовым хохотом встречает реплику комедианта, играющего Пожилую даму в браддерсфордской рождественской пантомиме: «Хоронили мужа — объелись до отвала!»

По случаю поминок миссис Бейрстоу заказала «У Кэдди» полноценный обед, который не разочаровал ни ее, ни гостей, возлагавших на поминальную трапезу большие надежды.

Среди тех, кто в полной мере воздал долж-

ное ветчине и языку, был старый друг мистера Окройда и наш давний знакомый, свободный ремесленник и курозаводчик, мистер Сэм Оглторп. Наконец-то мистеру Окройду было с кем поговорить, и хотя говорил главным образом Сэм, в столовой он старался держаться к нему поближе.

— Ну, Джесс, — сказал мистер Оглторп, — пора мне домой. Сам знаешь, птицы не то что люди, за ними присмотр нужен.

— Угу, — безутешно пробормотал мистер Окройд, потом просиял. — Слышь, Сэм, давай я с тобой пойду!

— А судачить не будут? — спросил мистер Оглторп. К тому времени они уже отошли от столов.

— Пускай судачат сколько влезет. Зачем я тут нужен?

— Прально, дружище, — весело сказал мистер Оглторп. — Поедем на трамвае.

Они почти не разговаривали — ни в трамвае, ни по пути от остановки до дома, зато всю дорогу по-приятельски курили, и мистер Окройд хотя бы избавился от чувства, что попал в чей-то безобразный сон. Может, Сэм был не самым говорливым собеседником, но в трудные минуты приятно было оказаться с ним рядом.

— Надо бы пропустить по кружечке, — пред-

ложил мистер Оглторп, когда накормил своих птиц. — В «Морского черта», я так понимаю, ты не хочешь? Вот и я не хочу. Давай я быстренько сбегаю за пивом, и посидим тихо-спокойно в курятнике. Не, ты отдыхай, я сам схожу.

Это был тот самый курятник, совмещенный с мастерской, где мистер Окройд разговаривал с Сэмом и его племянником Тэдом, водителем грузовика, в тот воскресный вечер много-много лет назад — по крайней мере так ему казалось. Устроившись там в ожидании Сэма, мистер Окройд вспомнил про письмо. Оно было от мисс Трант.

Дорогой мистер Окройд!

Как грустно, что ваша жена заболела и что вам пришлось срочно уехать. Надеюсь, к этому времени ей уже стало лучше. У меня для вас новости. Мистер Гуч встретился с этим Ридверзом и хорошенько его припугнул: тот согласен возместить театру весь причиненный ущерб. Не знаю, законно это или нет — пожалуй, нет, — но справедливость восторжествовала: он поплатится за свою глупую выходку. Это немаленькие деньги, и мне не придется их тратить только благодаря

вам. Прошу вас, помните об этом, когда с вами свяжется мистер Гуч (произойдет это в самое ближайшее время). Вторая новость: мы с доктором Макфарланом решили как можно скорей пожениться. Какое-то время мы проживем близ Гатфорда. Боюсь, при таком раскладе я не смогу предложить вам работу в Хизертоне, как хотела. И я все же прошу вас приехать, давайте вместе обсудим ваши планы на будущее — если, конечно, вы уже не нашли себе другой работы. Я только что получила от Сюзи очень радостное письмо. Она уже начала репетировать и в восторге от своей роли.

Искренне Ваша,

Элизабет Трант.

Он дважды и очень внимательно перечитал письмо. Прекрасно, что мисс Трант не придется возмещать ущерб театру и что она выходит за такого важного доктора. Мистер Окройд сказал себе, что это прекрасно, однако в действительности почувствовал лишь смутное разочарование. Письмо — чудесное в общем-то письмо — должно было поднять ему настроение, но не подняло.

Он по-прежнему чувствовал себя деревянным, промерзшим насквозь, и лишь где-то глубоко внутри таилась едва ощутимая боль.

Когда Сэм вернулся с кувшином пива, вид у него был очень уютный — ему явно не терпелось посплетничать. Мистер Окройд хотел бы чувствовать себя так же, но отчего-то ему это не удавалось.

— Ну, Джесс, — сказал мистер Оглторп в своей обычной раздумчивой манере свободного ремесленника, — как жизнь на югах?

— Да как сказать… Последнее время была сплошная маета и неразбериха.

Неделю назад он бы с удовольствием и в подробностях поведал другу о последних событиях, но сегодня не смог. Ему казалось, что это дела давно минувших дней, сказка из книжки.

— Да уж… — Мистер Оглторп закивал и глубокомысленно нахмурился. Очевидно, его нельзя было удивить рассказами о южной жизни. — Ты ж по театральной части работал, верно? Слыхал, слыхал… И чем там можно заниматься? После Хигдена небось сущий рай? Совсем другое дело небось?

Мистер Окройд признался, что так и есть, и коротко описал, чем занимался последние полгода.

Его собеседник так восторгался и удивлялся, словно ему рассказывали про волшебную страну, но даже этот теплый прием — столь долгожданный и столь часто виденный в мечтах — не согрел мистера Окройда. Не согрел его и разговор о странствиях.

— А Бристоль и Бедфордшир! — воскликнул мистер Оглторп. — Ты до них добрался, Джесс?

— Бристоль и Бедфордшир? — растерянно переспросил мистер Окройд.

— Ну да, ты, чо ли, запамятовал? А я все помню, будто это было вчера. Последний раз ты нагрянул сюда и заявил, что хочешь куда-нибудь съездить — на юга. Я спросил: и куда же? А ты ответил, мол, в Бристоль или в Бедфордшир. Я еще посмеялся, помнишь? И тут — раз! — тебя и след простыл. Да-а, я потом частенько вспоминал твои слова. Как-то приехал в Браддерсфорд, и там один малый меня спросил: «Где старина Окройд, Сэм?» Ну, я и сказал, в Бристоле или в Бедфордшире. «Это как же?» — спрашивает. А я: «Давеча он мне говорил, что думает туда поехать, а после сразу пропал». Неужто ты туда не поехал, Джесс?

— Теперь вспомнил, — медленно проговорил мистер Окройд. — Не добрался я до Бристоля, Сэм, и даже думать об нем забыл. Бедфордшир-то, мож,

и видал, но точно не скажу. Мы по всей стране катались, вдоль и поперек, все время на колесах. Да, повидал я немало…

— Тогда ты должен быть доволен, дружище, — заметил мистер Оглторп с намеком на иронию. — Рассказывай, где был да что видел.

Мистер Окройд потер подбородок.

— Вот так заказ, Сэм… — неуверенно начал он. — Когда столько городов да местечек повидаешь…

Мистер Оглторп тут же его перебил — с шутливой укоризной:

— Не, Джесс, только не смей врать, будто все города одинаковые, ежели приглядеться.

— Ну, чо-то в этом роде… — пробормотал мистер Окройд.

Его друг тут же бухнул кулаком по столу.

— Вот! Эти самые слова, ровно эти же, сказал в то воскресенье Тед! — взревел он. — Ровно эти! А ты возразил: «Будь я проклят, коли это так!» И я тебя поддержал. Наш Тед как раз намедни тебя вспоминал, интересовался, где ты да что. Ну дела! Вот тебе и наука. Век живи — век учись, так-то. Эх, Джесс!

— Не шуми, Сэм, — добродушно возразил мистер Окройд, но все-таки смутился и растерял-

ся. — Я не говорю, что они все одинаковые. Твой Тед ошибся, палку малость перегнул. Я вот как рассуждаю…

— Не, Джесс, брось. Не говори ничего, глотни сначала пива. Теперь оно получше стало, пивото. Глядишь, скоро начнут солод и хмель опять добавлять, как раньше, а не болотную воду подкрашивать. Ну, и чем ты дальше займешься, а? Обратно в театр?

Мистер Окройд не знал — и даже думать не хотел. Он несколько раз задавал себе этот вопрос, но со спокойным сердцем оставлял его без ответа. Внутри у него как будто что-то надломилось.

— Не знай… — ответил он, выдув воздух из легких — браддерсфордцам такое движение заменяет тяжкий вздох. — Знать не знаю, Сэм. Ходят разговоры, шоб устроить меня куда-нить по той же части, а чего из этого выйдет, я не представляю. Не думал еще о работе. Для начала надобно осмотреться.

Мистер Оглторп мудро кивнул и сразу помрачнел.

— Держись подальше от столярных и ремонтных работ, Джесс. В наших местах с этим делом таперича беда. Беда бедой, Джесс. Едва свожу концы с концами, токмо куры и спасают.

— А раньше чо, не так было? — осведомился мистер Окройд.

— Не, торговля нынче совсем плоха стала. То ли деньги у людей кончились, то ли они их придерживают, но тратить не тратят. Домишки на глазах разваливаются, а они палец о палец не ударят! Куда ни глянь, всюду ремонт нужен — тут подлатать, там подштопать. Да денег у народа нету. И заработать негде. Если б не куры, я б ужо голодал. Я птиц держу без малого четырнадцать лет, с ними-то не пропаду. Но про ремонт и столярные работы забудь, Джесс. Мож, на югах с энтим делом иначе обстоит, а здесь — труба. Лучше в театр возвращайся: на кино да прочие увеселения у людей деньги как будто есть, даже по нашим временам, когда и лишнего шестипенсовика нигде не заваляется. Подцепил небось какую-нить молоденькую актриску?

— Нет, Сэм, за кого ты меня держишь? — На самом деле мистер Окройд не был так поражен его вопросом. Он отвечал почти машинально.

Тут до мистера Оглторпа дошло, что сейчас не лучшее время для подобной болтовни — грязь с кладбища Дам-Вуд еще не обсохла на их ботинках, — и он, сконфузившись, поспешно сменил тему. Однако поменять тяжелый отвлеченный

настрой друга ему не удалось, и вскоре их разговор сошел на нет. Мистер Окройд возвращался домой в компании темного вихря мыслей и воспоминаний, среди которых нашлось место и дорожным приключениям, и превратностям, вставшим на пути труппы. Но образы «Добрых друзей» были подобны неверным теням, танцующим на стене. Мистеру Окройду хотелось их повидать; о них он мог думать с любовью и теплом; но они все равно оставались крошечными силуэтами в мглистой дали, и мистер Окройд понимал — как всегда, смутно отдавая себе отчет, — что вернуть его к жизни они не смогут, равно как не сможет никто в Браддерсфорде. Он медленно брел по знакомым улицам — съежившийся силуэт в плохо сидящем костюме, под ярким светом фонарей, лишь подчеркивающим черноту неба, — одинокий человек. Нет, он был не совсем одинок: в ногу с ним шагали огромные смутные тени, бесчисленные очертания тайн, боли и смертей.

IV

— Надо продать дом, — сказал мистер Окройд на следующее утро. Он безутешно глядел через стол на Леонарда, который только что объявил о

своем решении переехать в Манчестер.

— Незачем его оставлять, если ты не хочешь жить в Браддерсфорде, — согласился Леонард.

— Не хочу, — тихо ответил его отец.

— А что ты собираешься делать?

— Погоди, малой, не торопись. Тут надо подумать. — Мистер Окройд был чем-то раздосадован. — Не все ж могут цирюльничать в Манчестере!

— Я только спросил… — Леонард вновь превратился в обиженного мальчишку.

— Ничего, малой. Ты не серчай, я ведь рад, что ты нашел себе хорошее место. Ты молодец, Леонард, и если б ты не бегал за каждой юбкой…

— С этим покончено, — сказал Леонард, который в ту минуту действительно так думал.

— Вот и славно. Все у тебя будет хорошо. — Мистер Окройд впервые смотрел на своего сына почти одобрительно. — Чо ж, решено, продаем. Тянуть резину не будем, верно? Никаких торгов и аукционов.

— В них нет смысла, — сказал Леонард, окинув взглядом комнату. — Вещей-то немного.

— Хосподи! Скока живу, стоко и удивляюсь. Я раньше думал, что у меня будет хороший дом! — с горечью воскликнул мистер Окройд. — А этот,

похоже, ничего и не стоит.

— Разумней всего, — сказал Леонард, мудро пренебрегши отцовым волнением, — пригласить сюда старьевщиков, пусть предложат свою цену. Альберт мне посоветует самых добросовестных. Если хочешь, я прямо сегодня к нему схожу.

— Хорошо. — Мистер Окройд тоже осмотрелся. — Интересно, захотела бы наша Лили оставить что-нибудь себе, — задумчиво проговорил он.

— Вряд ли. — Леонард прикурил сигарету. — Дом у нее теперь лучше нашего. Джек Клаф неплохо зарабатывает.

— Я тут все осмотрю и, если найду что-нить стоящее, сложу все в коробку. — Тут он что-то вспомнил. — Вот досада! Мне так и так надо в Гатфорд, я там инструменты забыл.

Леонард уставился на отца:

— Ну, ты меня напугал, па! Пустяки какие — инструменты!

— Да, инструменты! Вещь для ремесленника нужная, а я ремесленник и есть. Ножницами, бритвой и бриолином я себя нипочем не прокормлю. Чтобы работать, мне нужны инструменты. И не забывай, кой-какие из них служат мне добрых двадцать лет, а это не шутки. Я без них как без рук. Ремесленник я, понятно? И, между прочим,

денег у нас осталось не так много.

— А ты хоть знаешь, — сказал Леонард с насмешкой молодого, более мудрого поколения, — сколько за такую работу платят?

— Пока нет, — угрюмо ответил его отец. — Но я вот как рассуждаю: ежели человек кой-чему обучен и руками работать умеет — он не машина и не треклятая обезьяна, — а прежде всего человек, с жалованьем али без — все равно *человек!* — Он бухнул кулаком по столу и тут же услышал ответный стук — в дверь. — Это еще кто?

— Почтальон. Я открою. — Вернувшись, Леонард добавил: — Одно письмо для меня, другое для тебя.

Мисс Трант предупреждала мистера Окройда, что скоро с ним свяжется мистер Гуч из Гатфорда, но тем не менее он был удивлен. Еще больше он поразился, когда прямо у него под носом разорвалась вот эта бомба:

Уважаемый сэр!

По указанию нашего клиента, мисс Э. Трант, и в благодарность за успешный исход переговоров с мистером Ридверзом мы с удовольствием пересылаем вам от ее имени этот чек на 100 фунтов, о

получении которого просим любезно уведомить как нас, так и саму мисс Трант.

С уважением,

«Горинг, сын и Гуч».

И действительно, в конверте лежал бело-голубой листок бумаги с надписью: «Выписан на имя мистера Иш. Окройда». Сто фунтов! Ничего себе!

— Смотри-ка! — заорал он сыну. — Мне прислали сто фунтов! С ума сойти, сто фунтов! Глянь, я правильно понял?

— Провалиться мне на этом месте! За что тебе такое богатство, па? Дай взгляну. Все правильно, это чек. Но за что?

— Ну, я кой-чего разведал для нашей мисс Трант, сэкономил ей прорву денег, но шоб так отблагодарить! С ума можно сойти! Сто фунтов!

— Смотря что ты для нее сделал, так? — спросил Леонард с видом многоопытного мудреца.

Мистер Окройд вкратце объяснил, за что ему заплатили.

— Что ж, — изрек Леонард, — видно, ты ей целое состояние сэкономил, кто б меня так отблагодарил! — Он еще раз осмотрел чек. — Я в них кое-чего понимаю. Обналичить ты его не сможешь, па, потому что здесь написано «Компа-

ния». Надо отдать его в банк.

— В какой еще банк? Нету меня никакого банка, я только раз почтовый перевод получал. Намучился, помню, нервотрепка одна!

— Пойдешь с чеком в банк и внесешь эти деньги на счет, — пояснил Леонард, гордясь своими познаниями в финансовых вопросах. — А потом, когда захочешь их снять, опять покажешь чек. Так уж оно заведено.

— Вноси, снимай, показывай! — озадаченно воскликнул мистер Окройд. — Эдак и голову сломать недолго! Ладно, раз надо, сделаем. Не забыть еще любезно уведомить этого адвоката. Надо ж… сто фунтов! — Он изумленно воззрился на сына.

— Денежки тебе кстати, — сказал Леонард, вживаясь в роль многоопытного юноши. — Эти сто фунтов и выручка от продажи дома помогут тебе встать на ноги.

— Ну, я ж не все себе оставлю, — возразил мистер Окройд. — Половину тебе, Леонард. И Лили тоже надо сколько-нибудь отправить. Все разделим по справедливости.

— Наша Лили ничего не возьмет. Она теперь дама состоятельная. Я тоже не возьму, — добавил Леонард, который, надо отдать ему должное, оказался юношей не алчным. — Оставь деньги себе,

па. Они твои по праву. Но много мы не выручим, предупреждаю. Я сейчас же схожу к Альберту и спрошу.

Оставшись наедине с собой, мистер Окройд начал рыться в вещах и выискивать среди них что-нибудь, что могло бы понравиться Лили. Он поднялся на второй этаж и провел какое-то время там, разглядывая не старые вещи, а само прошлое: почти забытые времена года, случаи, события вспоминались теперь с удивительной ясностью, но казались очень маленькими, похожими на часть некого печального волшебного действа.

Шум снизу мгновенно вернул его к реальности. Мистер Окройд тихонько спустился и обнаружил в гостиной, прямо возле дивана, груду засаленных голубых тряпок. В следующий миг груда обернулась миссис Сагден: задыхаясь и краснея, та вскочила с колен.

— Доброе утро, миссис Сагден, — сухо произнес мистер Окройд. — А я-то думаю, кто здесь шебуршит.

— А, мистер Окройд! Надеюсь, я вам не помешала! — воскликнула она, отдуваясь. — Я заглянула узнать, не нужна ли вам моя помощь, а Леонард сказал, что вы собираетесь продавать мебель. Вот

я и решила посмотреть диванчик. Давно хочу себе диван, а ваш мне подойдет как нельзя лучше.

— Ну да, — сказал мистер Окройд, качая головой с наполовину скорбной, наполовину смешливой покорностью. — Смотрите, конечно, пока есть возможность. Сегодня он здесь, а завтра уж там, вот наш девиз. — И он оставил ее наедине с диваном. Увы, когда мистер Окройд вновь поднялся в спальню и огляделся по сторонам, магия пропала: вокруг была обычная старая мебель и никому не нужный хлам. Пришлось утешаться «Старым моряцким».

Вот тогда-то все и случилось.

— Мистер Окройд, мистер Окройд! — закричала снизу миссис Сагден. — Для вас что-то пришло! — Он сбежал по лестнице, и она, протянув ему бумажку, добавила: — Похоже на телеграмму.

То была каблограмма. Мистер Окройд дрожащими руками отложил в сторону курительную трубку, но даже без трубки открыл конверт с большим трудом. Тяжело дыша, он уставился на текст: «Очень горюем приезжай если можешь будем рады и хорошей тебе работы Лили Джек». Мистер Окройд прочел ее раз, другой, третий и все не мог поверить своим глазам. А потом ему показалось, что прямо перед ним распахнулась

огромная дверь, сквозь которую в его жизнь хлынул теплый солнечный свет.

— Вы поедете? — спросила миссис Сагден, когда он наконец удовлетворил ее любопытство. — Далековато будет.

— Далековато?! Еще чего! Да я б и на луну поехал!

И миссис Сагден, услышав голос победившей любви, замолкла. Она, несомненно, знала: когда гремит этот голос, все остальные уподобляются камышовому шелесту, почти не отличимому от тишины. Вероятно, диван ей достался в награду за то, что она распознала это ни с чем не сравнимое звучание.

В то утро его услышал еще один человек — юноша из транспортного агентства Торри на Шаттл-стрит. Он оторвался от книжки и увидел перед собой отвратительный дешевый черный костюм, серьезный рот и пылающие голубые глаза.

— Ну-ка, малой, — сказал посетитель фирменным и неприятным браддерсфордским тоном, — расскажи мне, как добраться до Канады.

Молодой человек отложил книгу и взялся за карандаш. Похоже, дело было стоящее.

— Вы по программе переселения?

— Не понял?

Молодой человек принялся рассказывать ему про эмиграцию, государственную помощь и бланки, которые необходимо заполнить, но договорить не успел.

— Ничего этого не нужно, — перебил его мистер Окройд. — Государство тут ни при чем. Я сам все оплачу. Третий класс мне по карману.

— Тогда другое дело, — сказал юноша и стал рассказывать ему про различные пароходные маршруты. — Конечно, все зависит от вашего пункта назначения по ту сторону океана. Но сперва разберемся с этой стороной. Отправиться можно из Ливерпуля либо из Саутгемптона.

— В самый раз! — воскликнул мистер Окройд.

— Из Ливерпуля или из Саутгемптона.

— Сгодится. — Поразмыслив, он добавил: — Пожалуй, лучше из Саутгемптона, и вот почему: я хочу заехать в местечко под названием Гатфорд, это в центральных графствах, а потом заскочить по дороге в Лондон — хочу навестить друзей перед отъездом. Так что давай через Саутгемптон, малой.

— Отлично! Саутгемптон, так и запишем. — Молодой человек черкнул карандашом по бумаге. — А в какую часть Канады вы направляетесь?

Может, мы прямо сейчас вам билеты закажем.

— А ты, смотрю, малый не промах! — восторженно проговорил мистер Окройд. — Давай сюда карту, я тебе покажу, куда мне надо. Там живет моя дочура, я в ее город и с закрытыми глазами попаду! Ты ж Канаду знаешь? Ну, так мы с тобой щас в два счета дорогу проложим.

Весь следующий час у молодого сотрудника транспортного агентства Торри не было возможности вернуться к книге. Впрочем, он по ней и не скучал. В конторе наконец закипела жизнь.

Вновь настало воскресенье, и вновь в западной части города, на оживленной Манчестер-роуд, творится нечто странное. По ней медленно движется серо-зеленый поток матерчатых кепок, покидающих стадион «Юнайтов», где они только что разгромили команду Хаддерсфилда со счетом 3:2. Одна из этих кепок выглядит новее остальных. Она принадлежит мистеру Ишшийе Окройду: он успел сходить на матч, перед тем как покинуть Браддерсфорд на несколько лет — а может, и навсегда. Скоро он сядет на поезд до Гатфорда — это его первая остановка на долгом пути; чемодан и большой ларь с вещами уже на вокзале, ждут поезда, который отправится из Браддерсфорда в 18.50. Непринужденные беседы в

этом людском потоке даются легко и всем приятны, поскольку помогают если не излить чувства, то хотя бы скоротать время. Мистер Окройд как раз занят подобной беседой. Мы с вами можем подслушать несколько предложений.

— Да уж, — замечает его собеседник, — если б они весь сезон так играли, были бы сейчас на самом верху, а не черт-те где. Под самый конец очухались, лентяи!

— Зато игра была первоклассная, — мечтательно проговорил мистер Окройд. — Лучше и пожелать нельзя! Ребята снова в форме. Последние два гола… эх, сказка!

— Да, неплохо вдарили.

— Неплохо? *Шикарно!*

Больше мы ничего не можем разобрать. Поток кепок и людей движется дальше, медленно, но верно набирая скорость — совсем как наша жизнь. Потом он постепенно сходит на нет и наконец пропадает бесследно, а Манчестер-роуд превращается в самую обычную оживленную улицу, каких сотни, и перед нами, точно на ладони, расстилается весь Браддерсфорд. Слева высится громадина холдсвортской мельницы; на солнце поблескивает мидлэндский железнодорожный вокзал, а в ответ ему мерцает стеклянная

крыша Большого рынка. Вдали серебряной ниточкой вьется один из каналов, а промеж высоких дымовых труб, сотрясая воздух «Девицей из Ричмонд-Хилла», высится башня городской ратуши. Она указывает на нас пальцем, скрывается в мутных клубах фабричного дыма, и в следующий миг Браддерсфорд уже видится нам лишь закоптелой трещиной в холмах. Впереди уверенно встают пустоши между Йоркширом и Ланкаширом, невероятно четкие в жемчужном весеннем свете. И вновь перед нами расстилаются бесконечные мили вереска и черного камня, а над россыпью драгоценных озер по-прежнему кричат кроншнепы. Там — дербиширские и камберлендские холмы, а далеко внизу простираются Пеннинские горы, которые отсюда видно целиком, — бугристый хребет Англии.

Эпилог, или Небольшой постскриптум для тех, кому непременно надо знать последние новости

Нет, Сюзи не вышла за Иниго. Впрочем, она вообще ни за кого не вышла. Временами в колонках светской хроники появляются подозрительные заметки, и тогда Иниго на всех парах летит на встречу с возлюбленной (не то чтобы они редко видятся), но Сюзи только высмеивает его и просит не нести чепуху. Правда, один раз угроза все-таки имела место: никто не откажет сэру Дугласу Хит-Уотчетту в привлекательности, и по этой причине бедный Иниго даже уехал в Норвегию — удить с горя рыбу. Когда он вернулся, Сюзи по-прежнему смеялась, а сэр Дуглас заказывал билет до Флориды, где рыба даже крупнее, чем в Норвегии. Сюзи говорит, что она еще слишком молода для брака, а жизнь — слишком увлекательна. Вот когда ей начнут давать второстепенные роли или когда ей самой надоест быть знаменитой комедианткой с собственными полчищами влюбленных поклонников, тогда

она схватит за шкирку ближайшего достойного человека и потащит его к алтарю. Не подлежит сомнению, что таким человеком постарается стать Иниго.

У него есть все шансы на победу, поскольку они видятся почти каждый день и всюду ходят вместе. Гонорары у обоих — как каждый мог догадаться — до смешного огромные. Сюзи говорит о деньгах серьезно, как и положено прирожденной актрисе, но Иниго все происходящее до сих пор кажется чьей-то изобретательной шуткой. Он с удивлением наблюдает растущую волну процентов, которые ему перечисляют за исполнение песен на сцене, нотные издания, грампластинки и так далее и тому подобное. Мистер Пицнер все еще кажется ему добрым волшебником из сказки, и Иниго ничуть не удивится, если деньги, которые тот ему платит, вдруг растают в воздухе или превратятся в ворох опавших листьев. Поразительно, что можно получать такие невероятные суммы за обыкновенные шалости, которые он сочинял от скуки на потеху друзьям. Зато к писательству Иниго относится чрезвычайно серьезно. Он опубликовал сборник очерков — столь литературных, что читать их почти невозможно, — под названием «Последний рюкзак и другие

сочинения». Единственный экземпляр, который кто-либо когда-либо видел, хранится в гримерке мисс Дин. Она любит потешаться над этой книжкой, но втайне очень гордится, что сборник посвящен «Сюзи, добрейшей из друзей», и она обещает себе когда-нибудь прочесть его от корки до корки. Иниго считает, что книга так плохо продавалась лишь потому, что он по глупости опубликовал ее за свой счет. Следующий труд, который пока в работе, он напечатает за счет издателя, а уж тот постарается, чтобы книгу купило как можно больше людей.

Иногда они встречаются с Джерри Джернингемом, но в основном по делам. Джерри заметно поправился — несмотря на бесконечные массажи, диеты и физические упражнения. Он, несомненно, один из самых успешных молодых людей на английской музыкальной сцене. Блестяще освоив американский акцент — вечное напоминание о бродвейском сезоне, — он теперь строит собственный театр. Тот факт, что в театре не будет дешевых последних рядов, удручает многих жителей дальних предместий. Миссис Джернингем — отнюдь не публичная фигура, и увидеть ее можно нечасто. Время от времени она обедает с Сюзи, которая с искренним сочувстви-

ем выслушивает рассказы обо всех ее горестях. Каждый такой рассказ сопровождается неизменным восклицанием: «Но не думай, голубушка, будто я хоть раз пожалела о том, что вышла за него замуж!»

Джимми Нанн, Джо и миссис Джо все еще разъезжают по стране и недавно завершили успешный сезон в составе «Бравых бражников» — то ли в Риле, то ли в Лландудно. Джимми опять страдает желудком и признает, что уже не молод: чем раньше ему удастся собрать собственную небольшую труппу, тем лучше. Поговаривают, что в грядущем сезоне он может стать антрепренером. Джордж по-прежнему доставляет родителям немало финансовых хлопот и учится на автомеханика, но скоро он начнет сам зарабатывать себе на жизнь, и тогда мистер и миссис Джо, как они говорят, «что-нибудь подыщут». Что именно — пока не решено. Джо все еще мечтает об отеле на берегу моря: Элси Далвер, с которой они встретились в Истбиче, обещала помочь им с поисками, а Иниго и Сюзи изъявили готовность одолжить крупную сумму. Мистер Мортон Митчем больше не выступает; он теперь занимает «руководящую должность», — а в действительности заведует пирсом не где-нибудь, а в Сэндибэе.

Он важный человек в городе и без конца находит все новых и новых давних знакомых среди рыбаков, которые изо дня в день пьют скотч в крошечном баре на самом конце пирса. Все юные артисты заезжих трупп относятся к нему с благоговейным трепетом, потому что именно он, и никто другой, привел к славе знаменитых Сюзи Дин и Джерри Джернингема, а если кто сомневается, то пусть пожалует к нему в кабинет, где хранятся подтверждающие это документы: счета, квитанции и программки.

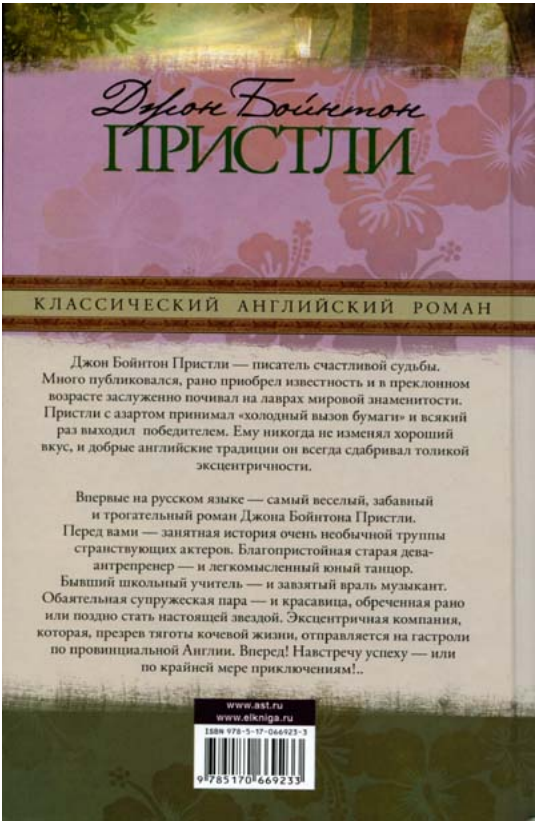
Макфарланы поселились в Эдинбурге, где Хью лечит больных и временами читает мрачные лекции в университете. Он опубликовал крошечный труд с огромным названием, которое начинается со слов «Некоторые замечания о паращитовидной железе…», продолжается фразой «с особым упором на…» и заканчивается чем-то подобным. Парижские и венские врачи считают, что сей труд не лишен смысла, а лейпцигские и чикагские в этом отнюдь не уверены. Миссис Макфарлан уверена еще меньше, однако это не мешает ей полагать, что, хоть ее Хью перетруждается, выглядит он куда лучше, чем раньше, не правда ли? Мне больно говорить, что за миссис Макфарлан — женой одного из самых респек-

табельных горожан и любящей матерью двух на редкость упитанных мальчиков, — водится тайный грешок. Временами она сбегает из дома, покупает номер «Стейдж» и забивается с ним в укромный уголок. Если войти в комнату очень быстро и неожиданно, можно заметить, как она смеется над афишами: «Вниманию уполномоченных… Фурор в Литтл-Сэндмауте». Иногда Хью ездит по работе в Лондон, и тогда она, отрывая от сердца упитанных отпрысков, едет с ним: встречается с Сюзи, Иниго и порой даже любуется из партера прыжками и коленцами Джерри Джернингема. Ну и, разумеется, ведет переписку. Миссис Джо пишет ей чудесные письма. Темы, как правило, незатейливые — воспоминания о давних концертах, залах, съемных комнатах и воскресных поездах, — но написаны они таким гладким и безупречным слогом, что сделали бы честь самому лорду Честерфилду. Я не утверждаю, будто миссис Джо всегда пишет именно так, но подобные письма миссис Макфарлан получает от нее довольно часто.

Остался мистер Окройд: он сейчас в Канаде или, если быть точнее, в Питтфорд-фолз, Онтарио. Тут мы сталкиваемся с неожиданным препятствием. Беда в том, что в Канаде никто не бывал, и ново-

сти о мистере Окройде можно почерпнуть лишь из его грубоватых писем. Не подлежит сомнению, что он теперь гордый дедушка, что они с зятем, Джеком Клафом, открыли собственную и очень прибыльную мастерскую и что все они, слава Богу, здоровы и счастливы. Мне известно, что мистер Окройд живет отдельно, у него собственный небольшой домик неподалеку от дочкиного, где он может вдоволь курить, листая номер «Брадфордсфорд ивнинг экспресс» трехнедельной давности, который ему регулярно высылает С. Оглторп из Уэбли, Йоркшир. Больше того, среди жителей Питтфорд-фолз он слывет бывалым театралом и авторитетным путешественником, знатоком родины предков. Присланные Сюзи фотографии и коробка с грампластинками (включая «Свернем же за угол», перепетую и переигранную на разные лады) только упрочили его репутацию. Несомненно, он доволен своей жизнью, хотя она не лишена определенных недостатков. Например, в Питтфорд-фолз постоянно бывает то слишком жарко, то слишком холодно; здесь нет уютных пивных, а клуб, в который мистер Окройд недавно вступил, в подметки не годится прежнему; табак чересчур сладкий, а не забористый, как «Старый морящкий»; кухонные плиты не сравнить с печкой, у

которой он привык сидеть, особенно если днем пекли; да и вообще городок выглядит довольно странно. Я слышал, они подумывают о поездке домой, и мистер Окройд признается, что его давно тянет в родимый Браддерсфорд. Не знаю, так ли он счастлив в Канаде, как ожидал, но он ни за что на свете не уедет от своей Лили и двух внучат, ведь вместе им «страсть как весело». Здесь мы их и покинем. В этом мире, называйте его хоть Браддерсфордом, хоть Питтфорд-фолз, совершенства не найти: ни в людях, ни в их судьбах, ни уж тем более в рассказанных о них историях — этих намеках и догадках, звенящих в воздухе словах и подвижных тенях, которые все вместе образуют сумбурные хроники пригрезившейся кому-то жизни.



Джон Бойнтон Пристли — писатель счастливой судьбы. Много публиковался, рано приобрел известность и в преклонном возрасте заслуженно почивал на лаврах мировой знаменитости. Пристли с азартом принимал «холодный вызов бумаги» и всякий раз выходил победителем. Ему никогда не изменял хороший вкус, и добрые английские традиции он всегда сдабривал толикой эксцентричности.

Впервые на русском языке — самый веселый, забавный и трогательный роман Джона Бойнтона Пристли. Перед вами — занятная история очень необычной труппы странствующих актеров. Благопристойная старая дева-антрепренер — и легкомысленный юный танцор. Бывший школьный учитель — и завзятый враль музыкант. Обаятельная супружеская пара — и красавица, обреченная рано или поздно стать настоящей звездой. Эксцентричная компания, которая, презрев тяготы кочевой жизни, отправляется на гастроли по провинциальной Англии. Вперед! Навстречу успеху — или по крайней мере приключениям!..

www.ast.ru
www.elkniga.ru
ISBN 978-5-17-066923-3